БИБЛІОТЕКА
ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
О
РОССІИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Иждивеніемъ М. Калистратова,

трудами В. Семенова.

І. Барбаро.
А. Контарини.
А. Кампензе.
П. Іовій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи III. Отдѣленія Собственной
Е. И. В. Канцеляріи.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, Сентября 24 дня 1836 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ГОСПОДИНУ

МИНИСТРУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ

посвящаетъ

Издатель.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

Просвѣщенное и лестное вниманіе, коимъ Ваше Высокопревосходительство удостоили предпріятіе мое при самомъ началѣ его и мысль, что Библіотека Иностранныхъ Писателей о Россіи, по цѣли своей и содержанію, имѣетъ уже нѣкоторое право на Ваше покровительство, внушили мнѣ смѣлость нынѣ, при выходѣ въ свѣтъ I-го тома оной, украсить его именемъ Вашимъ, въ полной увѣренности, что это имя, съ коимъ неразлучно понятіе о всемъ истинно высокомъ и полезномъ, будетъ лучшимъ ходатаемъ за мое изданіе въ глазахъ читателей и лучшею порукою той пользы, которую оно

можетъ принести Отечественному Просвѣщенію.

Смѣю надѣяться, что Ваше Высокопревосходительство, по испытанной благосклонности Вашей, не отвергнете этого слабаго знака усердія моего, тѣмъ болѣе, что предметъ моего изданія есть Россія, близкая Вамъ и по чувствамъ Вашимъ, и по тому высокому званію, въ которое Вы облечены довѣренностію ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ.

Да послужитъ же это приношеніе залогомъ искренней моей преданности и того глубокаго уваженія, которое я не престану никогда питать къ Вамъ, какъ къ

истинному ревнителю благодѣтельнаго Просвѣщенія въ Отечествѣ нашемъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію честь имѣю быть,

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА,

покорнѣйшій слуга

Михайло Калистратовъ

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Говорить здѣсь что либо о пользѣ изданія Библіотеки Иностранныхъ Писателей о Россіи почитаю я неумѣстнымъ и излишнимъ. Лестное одобреніе, съ которымъ программа этого изданія была принята Литтераторами и Учеными нашими и благосклонные отзывы, коими многіе изъ нихъ почтили наше предпріятіе, служатъ яснымъ и неоспоримымъ доказательстомъ тому, что мысль Г. Калистратова соединить въ одномъ твореніи всѣ извѣстныя сказанія чужеземцевъ о древнемъ отечествѣ нашемъ возбудила дѣятельное и благосклонное участіе во всѣхъ ревнителяхъ Просвѣщенія. Но чѣмъ свѣтлѣе и полезнѣе основная идея какого либо предпріятія, тѣмъ совершеннѣе должно быть исполненіе его и тѣмъ труднѣе для Издателя удовлетворить требованія и ожида-

нія публики. Въ этой непреложной истинѣ, руководившей мною во все продолженіе настоящаго моего труда, нынѣ, при появленіи его въ свѣтъ, нахожу я источникъ извинительнаго и справедливаго опасенія. Поприще историческое совершенно для меня ново. Выступая на него съ твореніемъ, важнымъ по цѣли своей, я не столько страшусь строгаго суда критики, всегда благосклонной къ труду ученому, сколько справедливаго укора въ томъ, если не удовлетворивъ вполнѣ ожиданія читателей, я тѣмъ самымъ нанесу существенный вредъ предпріятію, которое върукахъ Литтератора болѣе опытнаго могло бы принести и болѣе пользы. Это откровенное сознаніе не можетъ конечно служить извиненіемъ несовершенству моего труда, но по крайней мѣрѣ читатели удостовѣрятся изъ него, что самолюбіе, свойственное болѣе или менѣе каждому Писателю, весьма мало участвовало въ настоящихъ занятіяхъ моихъ и что польза изданія была главнѣйшею, или лучше сказать, единственною цѣлію всѣхъ моихъ усилій. Въ переводахъ старался я вездѣ держаться сколь можно ближе подлинника и передавать не только мысль Авторовъ, но даже самую оригинальность ихъ

слога; въ историческихъ же примѣчаніяхъ, составляющихъ обыкновенно труднѣйшую и самую невидную часть творенія ученаго, замѣнялъ я по возможности осторожностію въ выборѣ сообщаемыхъ свѣденій скудость собственныхъ познаній. Многіе изъ этихъ замѣчаній покажутся можетъ быть ребяческими и даже вовсе ненужными; но какъ изданіе наше назначено одинаково и для читателей взрослыхъ и для юношества, не окончившаго еще полнаго курса своего образованія, то желая облегчить послѣднему трудность собственныхъ изысканій, я по необходимости долженъ былъ распространяться въ такихъ объясненіяхъ, которыя для читателя свѣдущаго совершенно безполезны.

Теперь да позволено мнѣ будетъ присовокупить еще нѣсколько словъ о самой сущности труда моего по званію Редактора Библіотеки Иностранныхъ Писателей о Россіи. Въ программѣ сего изданія, вышедшей въ Сентябрѣ прошлаго 1835 года, объявлено было между прочимъ: 1) что я, по просьбѣ Издателя, принялъ на себя редакцію Библіотеки; 2) что первое отдѣленіе ея, изъ 12 томовъ состоящее, будетъ заключать въ себѣ до 300 печатныхъ

листовъ, и наконецъ 3) что первые три тома выйдутъ къ Январю 1836 года.

Неисполненіе редакціею послѣдняго изъ этихъ условій поставляетъ меня въ необходимость, для собственаго оправданія, распространиться и на счетъ двухъ первыхъ.

Принявъ на себя, по просьбѣ почтеннаго Издателя, редакцію Библіотеки, я хотя и чувствовалъ важность предстоявшихъ мнѣ обязанностей, но со всѣмъ тѣмъ никакъ не могъ предвидѣть всей обширности труда, съ ними сопряженнаго. По первоначальному условію моему съ Г. Калистратовымъ обязанность моя заключалась единственно въ систематическомъ расположеніи писателей, въ составъ Библіотеки входящихъ, въ пересмотрѣ переводовъ и сличеніи ихъ съ подлинниками и наконецъ въ самомъ механизмѣ изданія. На это, по расчету моему, при обыкновенныхъ трудахъ, достаточно было того времени, которое Издатель предоставилъ себѣ въ программѣ. Послѣдствія, вовсе непредвидѣнныя ни мною, ни самимъ Г. Калистратовымъ, о постоянной заботливости коего непростительно бы было умолчать здѣсь, показали ошибочность таковаго расчета. Изъ числа 4-хъ Писате-

лей, вошедшихъ въ составъ нынѣ предлагаемаго тома, трехъ первыхъ долженъ я былъ перевести вновь; ибо доставленные мнѣ переводы, по неточности ихъ и неправильности слога, не могли быть представлены на судъ публики. Сверхъ того на меня же возложено было составленіе всѣхъ историческихъ примѣчаній, требовавшихъ множества предварительныхъ занятій и глубокихъ изысканій. Вотъ главнѣйшая причина, по которой редакція замедлила выпускомъ въ обѣщанный срокъ 1-го тома своего изданія.

Другое, не менѣе важное обстоятельстоятельство, служившее поводомъ къ таковому замедленію, было желаніе редакціи улучшить по мѣрѣ возможности изданіе свое и содѣлать его не только любопытнымъ для читающей публики, но и полезнымъ для самихъ ученыхъ. Многіе изъ подписавшихся на Библіотеку изъявили сожалѣніе, что къ переводамъ Писателей не будутъ приложены и самые подлинники ихъ. Извѣщенный о томъ Г. Калистратовъ охотно согласился исполнить требованія Гг. подписавшихся, и изъ выходящаго нынѣ перваго тома Библіотеки читатели усмотрятъ, что не только помѣщены самые подлинники; но даже въ

особенныхъ варіантахъ показана разница между изданіями. Это измѣненіе въ планѣ творенія, увеличивъ значительно объемъ его (первый томъ вмѣсто обѣщанныхъ 25 листовъ заключаетъ въ себѣ 40), поставило редакцію въ необходимость замедлить выпускомъ своего изданія, въ той увѣренности, что существенное улучшеніе книги будетъ для нее достаточнымъ оправданіемъ въ глазахъ тѣхъ изъ читателей, которые предпочитаютъ полноту труда скорости исполненія. Къ первому тому предполагалось сверхъ того приложить вѣрный снимокъ съ Карты Пицигани, составленной въ 1367 году и никогда еще не изданной (*). Къ сожалѣнію по обстоятельствамъ, вовсе независѣвшимъ отъ редакціи, гравированіе этой драгоцѣнной карты замедлилось и она будетъ выпущена уже со вторымъ томомъ.

Въ заключеніе остается мнѣ только упомянуть здѣсь объ именахъ тѣхъ особъ, которыя дѣятельнымъ участіемъ своимъ и благоразумными совѣтами облегчили мнѣ

(*) Подлинникъ этой любопытной карты хранится въ Пармѣ; копія же съ нее прислана была въ 1820 году Эрцгерцогинею Маріею-Луизою въ даръ покойному Канцлеру Графу Н. П. Румянцову и нынѣ находится въ его Музеумѣ.

тягость историческихъ изысканій, трудныхъ по существу своему и почти вовсе для меня новыхъ. Въ просвѣщенномъ содѣйствіи Ихъ Превосходительствъ Ѳ. П. Аделунга, Д. И. Языкова и Х. Д. Френа, Гг. П. И. Кеппена, А. В. Терещенко и многихъ другихъ нашелъ я новыя доказательства той благородной любви къ наукамъ, которая всегда одушевляла ученыхъ нашихъ. Радушіе, съ коимъ всѣ они, наперерывъ одинъ передъ другимъ, раскрывали передо мною сокровищницы своихъ знаній, никогда не изгладится изъ памяти и сердца моего, и если трудъ мой можетъ имѣть хотя нѣкоторый успѣхъ въ кругу читателей образованныхъ, то этимъ успѣхомъ преимущественно буду я обязанъ ихъ благородному содѣйствію, ихъ просвѣщеннымъ и полезнымъ совѣтамъ.

В. Семеновъ.

I.

ІОСАФАТЪ БАРБАРО.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

ТАНУ

ІОСАФАТА БАРБАРО,

ВЕНЕЦІАНСКАГО ДВОРЯНИНА.

Переводъ съ Италіанскаго

В. С.

DI MESSER JOSAFA BARBARO,

GENTIL'HUOMO VENETIANO,

IL VIAGGIO DELLA TANA.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

ОТЪ

ПЕРЕВОДЧИКА.

Фамилія Барбаро хотя и не принадлежитъ къ числу первѣйшихъ Венеціанскихъ фамилій (а); но не смотря на то занимаетъ важное мѣсто въ Политической и Литтературной Исторіи этой республики. Ей обя-

---

(а) Знатнѣйшихъ фамилій въ Венеціи считалось прежде 12 отъ имени двѣнадцати Трибуновъ, утвердившихъ независимость республики и бывшихъ въ 694 году избирателями перваго Дожа. Вотъ они: *Контарини, Морозини, Бадоаро, Тіеполо, Микели, Санудо, Градениго, Меммо, Фаліери, Дандоло, Полани* и *Бароцци*. Къ этимъ двѣнадцати фамиліямъ, называемымъ обыкновенно двѣнадцатью Апостолами, присоединены въ 800 году еще 4 фамиліи, извѣстныя подъ именемъ четырехъ Евангелистовъ, а именно; *Джустиніани, Корнаро, Брагадини* и *Бембо*. Въ послѣдствіи къ нимъ прибавлено еще 8 фамилій, какъ то: *Квирини, Дельфини* и т. д.; такъ что главнѣйшая Аристократія Венеціанской Республики, до паденія ея, состояла изъ 24 знатнѣйшихъ семействъ. Все, что не принадлежало къ этимъ 24-мъ семействамъ, считалось уже дворянствомъ второстепеннымъ и не могло имѣть притязаній на избраніе въ достоинство Дожа.

зана Венеція многими искусными Дипломатами и храбрыми военачальниками; ей одолжена Западная Церковь нѣсколькими мудрыми и просвѣщенными Прелатами; наконецъ ей обязана словесность Италіи четерьмя знаменитными учеными, а именно: *Франческомъ* Барбаро, жившимъ въ началѣ XV столѣтія и извѣстнымъ многими Филологическими изысканіями, преимущественно же превосходнымъ переводомъ нѣкоторыхъ жизнеописаній Плутарха; *Ермолаемъ* Барбаро, славнымъ въ ученомъ мірѣ переводомъ Аристотеля и драгоцѣнными комментаріями на сочиненія Плинія старшаго; *Даніиломъ* Барбаро, издавшимъ превосходные комментаріи на Витрувія и подарившимъ сверхъ того изящныя искуства особеннымъ, доселѣ еще уважаемымъ разсужденіемъ о перспективѣ, и наконецъ *Іосафатомъ* Барбаро, Авторомъ предлагаемаго здѣсь путешествія.

Іосафатъ Барбаро родился по всему вѣроятію въ началѣ XV столѣтія. Въ 1436 году, по собственному его показанію, предпринялъ онъ путешествіе въ Тану (б), гдѣ

(б) Барбаро отправился въ Тану вѣроятно по коммерческимъ дѣламъ, а не въ званіи посла Венеціанской Республики, какъ утверждаетъ Форстеръ; ибо Венеція не имѣла никакой нужды посылать особенныхъ пословъ въ разныя Генуэзскія колоніи. Къ томуже самъ Барбаро не только нигдѣ не говоритъ,

и пробылъ 16 лѣтъ; въ 1469 году находился Проведиторомъ Венеціанской Республики въ Скутари, въ Албаніи, а съ 1471-го по 1479 годъ былъ посломъ Венеціанскимъ при Дворѣ Персидскаго Государя Узунъ-Гассана. Онъ умеръ въ глубокой старости и похороненъ въ церкви Св. Франческо дела Винья. О времени кончины его свидѣтельствуетъ слѣдующая надгробная надпись, приведенная въ Giornale de'Letterati d'Italia. T. XVIII. p. 406.

Sepultura M. D. Josaphat
Barbaro de Confinio
sante
Marie Formoxe et eius
heredum
MCCCCLXXXXIIII.

Заслуги Іосафата Барбаро на поприщѣ наукъ весьма значительны. Путешествіе его въ Тану и Персію впервые познакомило ученую Европу съ странами, лежащими между морями Каспійскимъ и Чернымъ. Въ этомъ путешествіи, какъ справедливо замѣчаетъ Бекманъ (в), наблюдательный

чтобы какія либо политическіе виды заставили его въ теченіе 16 лѣтъ пробыть въ Танѣ; но напротивъ того во многихъ мѣстахъ (при описаніи клада въ горѣ Контеббе, приближенія Хана и рыболовныхъ тоней) явно намѣкаетъ, что торговые обороты были единственною причиною долговременнаго отсутствія его изъ отечества.

(в) Litteratur der älteren Reisebeschreibungen, von Johann Beckmann. Göttingen 1807. p. 169.

Историкъ легко отыщетъ драгоцѣнныя и еще никѣмъ неотдѣленныя частицы чистѣйшаго самороднаго золота и множество любопытныхъ свѣденій, могущихъ служить важными пособіями для Географіи и Исторіи среднихъ вѣковъ (г).

Путешествіе Барбаро было издано въ первый разъ въ Венеціи извѣстнымъ Антоніемъ Мануціо въ 1543 году (д), а потомъ уже перепечатано знаменитымъ Рамузіо въ 1606 году (е). Текстъ, помѣщенный нами

(г) Извѣстный оріенталистъ Гаммеръ въ своей сравнительной картѣ береговъ Чернаго моря, напечатанной въ 65-мъ томѣ Вѣнскихъ литтературныхъ лѣтописей, весьма часто, хотя и не всегда съ пользою, руководствовался показаніями Барбаро.

(д) Этотъ сборникъ нынѣ весьма рѣдокъ. Вотъ его заглавіе: Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India et in Constantinopoli: con la descrittione particolare di Città, Luoghi, Siti, Costumi, et della Perta del gran Turco: et di tutte le Intrate, spese et modo di governo suo, et della ultima Impresa contro Portoghesi. Aldus. Vinegia. MDXLIII. Ученый Мацукелли въ сочиненіи своемъ, подъ названіемъ: Scrittori d'Italia (p. 270), упоминаетъ еще о другомъ Мануціевомъ сборникѣ, напечатанномъ якобы въ 1545 году и въ которомъ помѣщено путешествіе Барбаро. Повидимому это должна быть ошибка, ибо изданія 1545 года нигдѣ не находится.

(е) Вотъ заглавіе Рамузіева сборника: Delle navigationi et viaggi, raccolte da M. Gio. Battista Ramusio, et illustrati con molti vaghi Discorsi da lui dichiarati. 2-й томъ этаго сборника занимательнѣе для насъ двухъ прочихъ; ибо въ немъ помѣщены путешествія Марко Поло, Барбаро, Контарини и сказанія А. Кампензе, П. Іовія, Герберштейна, Гваньино и Мѣховецкаго; однимъ словомъ почти все то, что до половины XVI столѣтія писано было о нашемъ отечествѣ. Сборникъ этотъ также очень

ниже сего, заимствованъ изъ сборника Рамузіева; разница же между имъ и изданіемъ 1543 года показана въ особенныхъ варіантахъ.

Непонятно, какимъ образомъ путешествіе Барбаро, столь важное по содержанію своему и по тѣмъ драгоцѣннымъ свѣденіямъ, которыя Авторъ сообщаетъ о Космографіи среднихъ вѣковъ, не было доселѣ переведено ни на одинъ изъ новѣйшихъ языковъ, тѣмъ болѣе, что Италіанскій подлинникъ весьма рѣдокъ. Латинскій переводъ, сдѣланный Геудеромъ фонъ Герольцбергомъ и напечатанный въ Rerum persicarum historia (p. 441), къ сожалѣнію весьма невѣренъ и отнюдь не можетъ служить авторитетомъ въ важныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Форстеръ (ж), Бекманъ (з) и Цурла (и) въ сочиненіяхъ своихъ помѣстили краткія выписки изъ путешествія Барбаро; но эти выписки, при

рѣдокъ; но я имѣлъ случай, по особенной благосклонности Его Высокопревосходительства А. Н. Оленина, пользоваться имъ, равно какъ и сборникомъ А. Мануціо, изъ Императорской Публичной Библіотеки.

(ж) Geschichte der Entdeckungen und Schiffahrten im Norden, von Johann Reinhold Forster. Frankfurt an der Oder. 1784. p. 203.

(з) Litteratur der älteren Reisebeschreibungen. p. 165.

(и) Di Marco Polo e degli altri viaggiatori Veneziani più illustri. Dissertazioni del P. Ab. D. Placido Zurla. Vinezia. MDCCCXIX. vol. II. p. 209.

всей ихъ точности, не могутъ вполнѣ удовлеторить любознательности ревностнаго и осторожнаго изыскателя.

Изложивъ здѣсь въ немногихъ словахъ все то, что я могъ собрать достовѣрнаго о жизни и твореніяхъ Іосафата Барбаро, не излишнимъ почитаю, для лучшаго уразумѣнія читателей, присовокупить къ сему еще краткое историческое свѣденіе о городѣ Танѣ, (нынѣшнемъ Азовѣ), заимствованное мною изъ извѣстнаго сочиненія Байера, переведеннаго на Русскій языкъ Таубертомъ (1).

Городъ Танаисъ или Тана (какъ называютъ его Италіанцы), занимавшій столь важное мѣсто въ Исторіи торговли древнихъ и среднихъ вѣковъ, получилъ наименованіе свое отъ рѣки Танаиса (Дона) и былъ построенъ при устьѣ сей рѣки Греками, еще за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова. Шардень сомнѣвается, чтобы нынѣшній Азовъ находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ существовалъ древній Танаисъ, и полагаетъ между ими около 12 миль разстоянія. Хотя не во всемъ можно согласиться съ ученымъ путешественни-

(1) Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова, отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую Державу. Переведено съ нѣмецкаго языка чрезъ I К. Тауберта, Академіи Наукъ Адъюнкта. С. П. б. 1738.

комъ, однако довольно правдоподобно, что нашъ Азовъ лежитъ нѣсколько далѣе отъ моря, чѣмъ Греческой городъ; ибо Барбаро въ путешествіи своемъ (Глава III) довольно ясно говоритъ, что древній Танаисъ находился внѣ стѣнъ той Таны, которую онъ описываетъ. Должно полагать, что Танаисъ былъ переведенъ на новое мѣсто или послѣ разрушенія его Полемономъ, или послѣ нашествія Тамерлана въ 1395 году. Впрочемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нынѣшній Азовъ есть тотъ самый городъ, о которомъ упоминаетъ Барбаро.

По свидѣтельству Страбона древній Танаисъ былъ общимъ торговымъ пунктомъ народовъ Европы и Азіи. Въ ста стадіяхъ отъ него находился островъ Алопекія, или такъ называемый Лисій островъ, гдѣ проживали для торговыхъ дѣлъ тѣ изъ посѣтителей Танаиса, которымъ не позволялось селиться въ Греческомъ городѣ.

Въ началѣ 5-го вѣка до Р. Х. Танаисъ со многими городами Тавриды подпалъ подъ власть Босфорскихъ Тирановъ; въ 115 году былъ завоеванъ знаменитымъ Митридатомъ и пріобщенъ имъ къ числу городовъ Царства Босѳорскаго; а въ 14-мъ году достался въ руки Понтійскаго Царя Полемона, получившаго это Царство во владѣніе отъ Императора Августа. Сопротивленіе, оказан-

ное жителями Танаиса Полемону, понудило сего Государя раззорить этотъ городъ, но потомъ, удостовѣрившись въ важности его въ политическомъ и коммерческомъ отношеніи, онъ повелѣлъ возобновить разрушенныя имъ стѣны, и такимъ образомъ Танаисъ, возникнувъ изъ пепла, опять содѣлался средоточіемъ торговли между Европою и Азіею.

При Императорѣ Діоклитіанѣ Танаисъ, вмѣстѣ съ прочими городами Царства Босфорскаго находился подъ властію Сорматовъ, отъ которыхъ въ IV столѣтіи по Р. Х. перешелъ въ руки Гунновъ, а въ VIII вѣкѣ содѣлался достояніемъ Хазаровъ. — Въ концѣ X столѣтія онъ, по всему вѣроятію, подпалъ подъ скипетръ Великаго Владиміра, столь счастливаго въ войнахъ противу Печенеговъ и Хазаровъ, и отданъ имъ былъ, вмѣстѣ съ Тмутараканью (нынѣшнимъ Темрюкомъ, въ удѣлъ сыну его Мстиславу. Въ XI столѣтіи Танаисъ является уже подъ властію Кумановъ или Половцевъ, отъ которыхъ, какъ должно полагать, получилъ онъ нынѣшнее названіе свое Азова, по имени Князя ихъ Азупа или Азуфа, убитаго, по свидѣтельству Стриковскаго, въ 1103 году, а въ XII столѣтіи мы видѣмъ уже его въ рукахъ Генуэзцевъ, содѣлавшихъ сей городъ[a] важнымъ складочнымъ мѣстомъ для

торговли своей съ Восточною Индіею. При вторженіи племенъ Татарскихъ, наводнившихъ въ XIII вѣкѣ всю юговосточную часть Европы, Танаисъ безъ сомнѣнія также испыталъ надъ собою желѣзную власть этихъ дикихъ завоевателей. По крайней мѣрѣ доселѣ еще существуютъ Азовскія монеты XV вѣка съ именемъ Хана Тохтамыша.

Въ 1395 году Азовъ былъ до основанія разрушенъ знаменитымъ Тамерланомъ, а въ 1471 году завоеванъ Турками, которые дали ему названіе Адзака. Съ этой поры древнее имя Танаиса совершенно изчезаетъ вмѣстѣ съ торговлею и богатствомъ сего города, содѣлавшимся добычею побѣдителей. — Съ половины XVI столѣтія Азовъ началъ подвергаться частымъ нападеніямъ Козаковъ, обитавшихъ по берегамъ Дона, а въ 1637 году народъ этотъ, въ союзѣ съ Запорожцами учинилъ стремительный набѣгъ на берега Азовскаго моря, отнялъ Азовъ у Турокъ и, не смотря на всѣ усилія Порты, владѣлъ имъ до 1642 года. Въ 1696 году побѣдоносное воинство Великаго Петра возвратило городъ сей, древнее достояніе Князей Русскихъ, подъ державу Россійскую: но нещастный Прутскій миръ принудилъ Императора въ 1712 году уступить его опять Туркамъ. Наконецъ въ 1736 го-

ду онъ былъ окончательно завоеванъ Россіею и съ той поры признаетъ надъ собою власть этой могущественной Державы. Въ продолженіе 20 столѣтій Азовъ былъ однимъ изъ значительнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ между Европою и Азіею. Не смотря на неоднократное раззорѣніе его, не смотря на частые переходы отъ однихъ властителей къ другимъ, онъ все еще не преставалъ сохранять могущества и богатства своего, но съ одной стороны завоеваніе его Турками, а съ другой открытіе Португальцами новаго пути въ Индію, мало по малу уничтожили политическую славу и торговую значительность этого древняго и нѣкогда столь цвѣтущаго города.

Азовъ составляетъ нынѣ посадъ Екатеринославской Губерніи. Онъ находится подъ 47° 6′ Сѣверной широты и 39° 23′ Восточной долготы.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Земля наша (по точному исчисленію Геометровъ) въ отношеніи къ цѣлой вселенной есть только малая точка въ обширномъ кругѣ; обитаемое же пространство ея еще менѣе потому, [illegible] значительная часть всей земли покрыта водою, или неудобна для жительства по причинѣ слишкомъ холодной и слишкомъ жаркой температуры. Со всѣмъ тѣмъ ничтожество человѣка такъ велико, что мало найдется людей, которые бы осмотрѣли значительную часть земнаго шара и, если не ошибаюсь, не найдется ни одного, кто бы объѣхалъ все его пространство.

Въ настоящее время болѣе другихъ знакомятся съ планетою нашею мореплаватели и купцы. Въ обоихъ этихъ ремеслахъ издавна славятся отцы и сограждане мои Венеціане[1]); и можно сказать безпристрастно, что они стяжали въ семъ отношеніи первенство предъ всѣми прочими народами; ибо съ тѣхъ поръ какъ Римская Имперія, прежняя повелительница міра, утратила свое могущество, и племена, населяющія землю, такъ сказать разрознились между собою различіемъ языка, нравовъ и вѣроисповѣданія, — значительнѣйшая часть небольшаго обитаемаго пространства земнаго шара осталась бы совершенно неизвѣстною, если бы Венеціанскіе купцы и мореплаватели, по мѣрѣ силъ своихъ, не потщились открыть ее предъ очами міра.

Въ числѣ путешественниковъ, посвятившихъ себя на обозрѣніе странъ неизвѣстныхъ, я безъ хвастовства смѣю поставить имя свое; ибо всю юность мою и большую часть преклонныхъ дней провелъ въ мѣстахъ отдаленныхъ, между варварскими племенами, посреди людей, совершенно незнакомыхъ съ нашимъ просвѣщеніемъ и съ нашими обычаями. Тамъ то видѣлъ я и испыталъ многое, что для непривычнаго слуха и для людей, никогда не выѣзжавшихъ за черту Венеціи, можетъ по-

казаться сущею баснію. Это опасеніе было главнѣйшимъ поводомъ къ тому, что я доселѣ не заботился объ изложеніи на бумагу наблюденій моихъ и даже воздерживался отъ самыхъ разсказовъ.

Нынѣ же вынужденъ будучи просьбами особы, имѣющей полное право мнѣ приказывать, и извѣстившись что много, по-видимому невѣроятнаго, заключается въ твореніяхъ Плинія [2]), Солина [3]), Помпонія Мелы [4]) и Геродота [5]), а между новѣйшими въ повѣствованіяхъ Марко Поло [6]) и Николо Конте [7]) и современныхъ путешественниковъ: Піетро Квирино [8]), Алоизія да Мосто [9]) и Амвросія Контарини [10]), я рѣшился описать все видѣнное мною во славу Господа, избавившаго меня отъ безчисленныхъ опасностей, въ удовольствіе тому, кто понудилъ меня къ этому труду, въ наставленіе потомкамъ нашимъ и особенно тѣмъ, которые посѣтятъ страны, мною осмотрѣнныя, въ утѣшеніе любителей новизны и въ пользу нашего отечества, если оно со временемъ вздумаетъ послать кого либо въ описанныя мною земли. Разсказъ свой намѣренъ я раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ первая будетъ посвящена описанію путешествія моего въ Тану (Азовскую землю [11]), а вторая поѣздкѣ въ Пер-

сію (*); но ни въ той, ни въ другой части не упомяну я ни разу о трудностяхъ, неудовольствіяхъ и опасностяхъ, мною претерпѣнныхъ.

(*) Эта вторая часть, какъ не относящаяся до Россіи, не войдетъ въ составъ нашей Библіотеки. (Прим. Редакт.)

ПУТЕШЕСТВІЕ
ІОСАФАТА ВАРБАРО
ВЪ ТАНУ.

ГЛАВА І.

О рѣкѣ Эрдилѣ[12]), иначе называемой Волгою, о границахъ Татаріи; о рѣкахъ Элисѣ[13]) и Дунаѣ; о провинціи Аланіи и причинахъ, по которымъ она называется симъ именемъ; о надгробныхъ памятникахъ Татаръ[14]); о горѣ Контеббе и городѣ Дербентѣ; о кладѣ, скрытомъ въ означенной горѣ и о томъ, какъ Авторъ, провѣдавъ о семъ, отправился съ нѣкоторыми купцами и рабочими людьми для отысканія его и какія вещи нашелъ онъ тамъ.

Отъѣздъ въ Тану.

Въ 1436 году предпринялъ я путешествіе свое въ Тану, на которое посвятилъ шестнадцать лѣтъ моей жизни, обозрѣвая въ теченіе

этого времени всѣ земли, къ ней прилежащія. Татарская степь граничитъ съ Востока рѣкою Эрдилемъ (Erdil), иначе называемымъ Волгою, съ Запада Польшею, съ Сѣвера Россіею, а съ Южной стороны, обращенной къ большему морю (mare maggiore[15]) Аланіею[16]), Куманіею[17]) и Хазаріею[18]). Всѣ эти области находятся на берегу Забакскаго моря[19]) или Меотійскихъ болотъ.

Границы Татаріи.

Опредѣливъ такимъ образомъ границы Татаріи, я, для лучшаго уразумѣнія читателей моихъ, начну путешествіе свое съ описанія Чернаго моря и твердой земли, къ нему прилежащей, до рѣки, именуемой Элисъ (Elice), отстоящей отъ Кафы на сорокъ миль. Переправившись чрезъ сію рѣку, достигъ я Монкастро[20]), гдѣ течетъ знаменитая рѣка Дунай, а оттуда уже пустился въ дальнѣйшій путь свой, котораго не считаю нужнымъ описывать, ибо эти мѣста довольно всѣмъ извѣстны. — Аланія заимствовала имя свое отъ народа Аланскаго, называвшаго себя на своемъ языкѣ Асъ. Народъ сей, исповѣдовавшій Христіанскую вѣру, былъ истребленъ и выгнанъ изъ жилищъ своихъ Татарами. Страна ихъ покрыта горами, рѣками и долинами, и въ ней встрѣчается весьма много искуственныхъ земляныхъ насыпей, — безъ сомнѣнія надгробныхъ памятниковъ. На вершинѣ каждой изъ таковыхъ

Аланія.

насыпей положенъ огромный, насквозь просверленный камень, въ отверстіе коего вставленъ крестъ, также сдѣланный изъ камня. Этого рода кургановъ, какъ я уже сказалъ, — здѣсь безчисленное множество, и утверждаютъ, что въ одномъ изъ нихъ зарытъ богатый кладъ. Въ бытность Г. Пьетро Ландо Консуломъ въ Танѣ, прибылъ туда изъ Каира нѣкій человѣкъ, по имени Гульбединъ и сказывалъ, что будучи еще въ Каирѣ, слышалъ онъ отъ одной Татарской женщины о сокровищѣ, зарытомъ Аланами въ курганѣ, именуемомъ Контеббе, и даже получилъ отъ нее наставленіе, какимъ образомъ отыскать это сокровище. По прибытіи своемъ въ Тану, Гульбединъ принялся разрывать курганъ и продолжалъ безуспѣшно эту работу до самой кончины своей, изъ чего заключили, что у него не достало умѣнья для отысканія означеннаго клада.

Кладъ, зарытый въ горѣ.

Въ 1437 году, въ бытность мою въ Танѣ, семеро насъ купцевъ собрались наканунѣ дня Св. Екатерины въ домѣ Венеціанскаго гражданина Бартоломео Россо, а именно: Франческо Корнаро, братъ Якова Корнаро (состоящаго при Банкѣ), Катеринъ Контарини, торговавшій въ послѣдствіи въ Константинополѣ, Джіовани Барбариго, сынъ Андрея Кандійскаго, Джіовани да Валле, умершій послѣ хозяиномъ

Условіе, заключенное между Авторомъ и другими купцами для отысканія клада.

фусты[21]) въ Гардскомъ озерѣ[22]) (прежде же сего ѣздилъ онъ съ нѣкоторыми Венеціанами въ городъ Дербентъ, на Каспійскомъ морѣ, гдѣ построилъ фусту по приглашенію тамошняго Государя, и къ общему удивленію грабилъ съ нею всѣ суда, идущія изъ Стравы[23]), Моисей Бонъ, сынъ Александра Джіудикскаго, Бартоломео Россо и я, вмѣстѣ съ Св. Екатериною, которую полагаю осьмою участницею въ нашихъ договорахъ и условіяхъ. И такъ, собравшись, какъ я уже выше сказалъ, въ ночь Св. Екатерины въ домѣ Бартоломео Россо въ Танѣ и разсуждая о помянутомъ кладѣ (трое изъ насъ уже прежде были въ тѣхъ странахъ); мы рѣшились наконецъ употребить всѣ возможныя старанія для отысканія сего сокровища и, заключивъ между собою письменное условіе (коего подлинникъ написанъ былъ рукою Катерина Контарини, а копія и доселѣ еще хранится у меня), наняли, для приведенія въ дѣйствіе предпріятія нашего, 120 рабочихъ людей, изъ которыхъ каждому назначили не менѣе трехъ дукатовъ жалованья въ мѣсяцъ. Чрезъ восемь дней спустя послѣ сего, всѣ мы семеро, съ 120 нашими спутниками, запасшись одеждою, жизненными припасами и орудіями, которыя положили на сани (Zenà), по примѣру Русскихъ, отправились изъ Таны по льду чрезъ рѣку

Танаисъ [24]) и на другой день прибыли къ мѣсту нашего назначенія, находящемуся на берегу рѣки, въ 60 миляхъ отъ Таны. Курганъ, къ которому стремились желанія наши, имѣетъ около 50 шаговъ въ вышину и вершина его образуетъ площадку, посреди которой находится другой небольшой холмъ съ кругловатою маковкою, въ видѣ шапки. Холмъ сей, имѣющій не болѣе 12 шаговъ въ вышину, окруженъ дорожкою, по которой два человѣка могутъ свободно итти рядомъ; основаніе же его кругло и какъ будто сдѣлано по циркулю, а поперечникъ составляетъ около 8 шаговъ.

Прибытіе къ кургану, гдѣ зарытъ былъ кладъ.

Розысканія свои начали мы съ подошвы большаго кургана, служащаго основаніемъ меньшему, надѣясь такимъ образомъ прорыть просторный ходъ до самой вершины сего послѣдняго и вдоль всей горы. Сначала представился намъ грунтъ земли столь твердый и оледенѣлый, что нельзя было разбить его ни заступами, ни топорами; но потомъ, послѣ нѣкоторыхъ усилій, достигли мы мягкаго слоя, — и весь этотъ день работали довольно успѣшно; прибывъ же на слѣдующее утро, нашли, что земля снова замерзла и сдѣлалась еще тверже прежняго, отъ чего и принуждены были, отложивъ предпріятіе свое до весны, возвратиться назадъ въ Тану.

Первыя розысканія и безуспѣшность оныхъ.

Вторичная поѣздка къ горѣ Конческбе.

Въ исходѣ Марта мѣсяца опять отправились мы къ кургану на баркахъ и судахъ, съ 150 работниками, и принявшись немедленно за дѣло, въ теченіе 22 дней прорыли отверстіе въ 60 шаговъ длины, 8 ширины и 10 вышины. Теперь приступаю я къ описанію чудесъ, почти невѣроятныхъ. Найдя всѣ признаки, о которыхъ намъ говорили и убѣдившись изъ сего еще болѣе въ истинѣ слышаннаго нами, мы, въ полной надеждѣ отыскать обѣщанное сокровище, удвоили старанія свои такъ, что сами хозяева трудились усерднѣе рабочихъ и таскали собственными руками носилки, которыя я мастеръ былъ дѣлать. — Сначала къ общему удивленію нашему нашли мы слой чернозема, происходящій вѣроятно отъ ростущей по кургану травы; потомъ слой угля, естественное слѣдствіе истребленія ивовыхъ лѣсовъ, которыхъ по близости находилось великое множество; потомъ слой золы, въ четверть толщиною, что можно приписать сожженію камыша, неподалеку отъ кургана ростущаго; потомъ слой просяной шелухи, также на цѣлую четверть, что легко объяснить большимъ употребленіемъ въ сей странѣ просянаго хлѣба, коего шелуху кидали на курганъ (любопытно впрочемъ знать, сколько употреблено было проса для наполненія одною шелухою пространства во

всю окружность холма и въ цѣлую четверть толщиною); и наконецъ слой рыбьей чешуи, изъ чего можно заключить, что въ Танаисѣ водилось всегда множество рыбы и что чешую ея выбрасывали на это мѣсто. Предоставляю читателямъ моимъ вѣрить или не вѣрить разсказу моему; но я съ своей стороны полагаю, что тотъ, кто повелѣлъ воздвигнуть этотъ памятникъ, называвшійся Индіабу, наполнилъ его всѣми упомянутыми вещами, вѣроятно по тогдашнему обычаю страны сей,— и конечно заблаговременно трудился надъ нимъ, дабы запасти различные слои, изъ которыхъ онъ составленъ.

Достопримѣчательныя вещи, найденныя въ курганѣ.

Прорывъ вышеупомянутый ходъ и не находя обѣщаннаго сокровища, мы рѣшились сдѣлать еще въ главной горѣ два новыя отверстія въ 4 шага длины и вышины, и приступивъ немедленно къ дѣлу, дорылись до новаго слоя бѣлаго и столь твердаго, что легко могли вырубить въ немъ ступени, по которымъ удобнѣе бы было таскать носилки. Углубившись на 5 шаговъ въ гору, нашли мы наконецъ нѣсколько каменныхъ сосудовъ, изъ коихъ иные наполнены были пепломъ, угольемъ и рыбьими костями, а другіе совершенно пусты, а также 5 или 6 четокъ, величиною съ померанецъ, изъ жженой глянцовитой глины, весьма похожихъ на тѣ, которыя приготов-

ляются въ Мархіи для неводовъ. Сверхъ сего нашли мы еще въ курганѣ половинку ручки серебрянаго сосуда, въ видѣ змѣи. Съ наступленіемъ Свѣтлой недѣли подулъ такой сильный восточный вѣтеръ, что въ порывахъ своихъ подымалъ земляныя глыбы, дернъ и каменья, и кидая ихъ въ лице рабочихъ, — многихъ переранилъ до крови. Это заставило насъ въ самый Понедѣльникъ Пасхи отказаться отъ предпріятія нашего и отправиться въ обратный путь. Мѣсто, надъ которымъ мы трудились, прежде извѣстно было подъ именемъ Гульбединовыхъ ямъ; послѣ же насъ сдѣланныя нами углубленія, получили названіе Франкскихъ ямъ, которое и доселѣ имъ сохранилось; ибо въ теченіи нѣсколькихъ дней мы совершили трудъ, на который по первому взгляду потребно не менѣе тысячи человѣкъ. Болѣе о помянутомъ сокровищѣ, если оно когда либо тутъ находилось, мы ничего не слыхали; но, по разсказамъ, кладъ сей былъ тутъ зарытъ Аланскимъ Государемъ Индіабу, который услышавъ о приближеніи Татарскаго Хана, повелѣлъ приготовить себѣ по обычаю надгробный памятникъ и, закопавъ въ немъ тайно сокровища свои, набросалъ на нихъ всѣ вышеописанныя мною вещи въ видѣ кургана.

ГЛАВА II.

О Магометанской вѣрѣ, происхожденіи ея и принятіи ея Татарами; о томъ, какъ Наурусъ, военачальникъ Татарскаго Хана Улу-Махмета, отложившись отъ Государя своего, пошелъ противъ него войною; о передовыхъ отрядахъ Татаръ и о ихъ обыкновеніи подносить Государямъ дары.

Принятіе Татарами Магометанской вѣры.

Магометанская вѣра распространилась между Татарами такимъ же образомъ, какъ и въ другихъ Государствахъ [25]). За 110 лѣтъ предъ симъ только нѣкоторая часть ихъ слѣдовала закону Магометову; прочіе же могли свободно исповѣдывать всякую другую вѣру. Отъ сего весьма многіе поклонялись деревяннымъ и писаннымъ идоламъ, которыхъ возили съ собою на повозкахъ. Къ повсемѣстному же принятію Исламизма Татары вынуждены были во времена Едигея [26]) (Hedighi), военачальника Татарскаго Государя [27]) Сиди-Хаметъ-Хана (Sidihamet Can). Этотъ Едигей былъ отецъ Науруса, о которомъ я теперь повѣствовать намѣренъ. Съ 1438 года царствовалъ въ степяхъ Татарскихъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Государь, по имени Улу-Махметъ Ханъ [28]) (Ulumahemet Can), т. е. Великій Махметъ. Онъ жительствовалъ съ ордою

своею [29]) или народомъ, на равнинахъ, примыкающихъ къ Россіи и имѣлъ военачальникомъ нѣкоего Науруса, сына того самаго Едигея, который принудилъ Татаръ къ принятію Магометанской вѣры. Поссорившись какъ то съ Государемъ своимъ, Наурусъ покинулъ его, пригласивъ желающихъ слѣдовать за собою и отправился съ ними къ рѣкѣ Эрдилю, гдѣ жительствовалъ Кеци-Махметъ (Chezi mahemeth), т. е. Махметъ малый, изъ рода Татарскихъ Хановъ. Соединивъ вмѣстѣ силы свои, Наурусъ и Кеци-Махметъ рѣшились итти войною противъ Улу-Махмета и выступивъ изъ жилищъ своихъ, потянулись мимо Цитрахана [30]), чрезъ Тюменскія равнины [31]), около границъ Черкесіи [32]), къ берегамъ Танаиса и Забакскаго моря, которое, равно какъ и самый Танаисъ, было въ это время покрыто льдомъ. Ведя за собою многочисленныя полчища и множество скота, они вынуждены были раздѣлить ихъ на отряды, шедшіе въ значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго, такъ, чтобы передніе не могли истребить всего корма и всѣхъ жизненныхъ припасовъ, назначенныхъ для прочихъ отрядовъ. Одно крыло направлено было къ мѣсту, именуемому Палестра, а другое къ Танаису, въ мѣстѣ, именуемомъ Бозагацъ (Bosagaz). Разстояніе между ими составляло около 120 миль,

Ссора Науруса съ Улу-Махметъ-Ханомъ.

и на этомъ то пространствѣ двигались эти полчища, изъ коихъ многія были вовсе неспособны къ походу.

Передовые отряды Татаръ и появленіе ихъ въ Танѣ.

О приближеніи Татаръ мы услышали еще за четыре мѣсяца до ихъ прихода; за мѣсяцъ же до прибытія самаго Хана, начали показываться около Таны небольшія толпы молодыхъ людей (по 3 и 4 человѣка) верхами и съ заводными лошадьми. Тѣ, которые приходили въ самую Тану, немедленно были представляемы Консулу, который принималъ ихъ очень ласково; но на всѣ распросы о цѣли ихъ прибытія, они отвѣчали только, что будучи молоды, — идутъ куда глаза глядятъ. Болѣе отъ нихъ ничего нельзя было вывѣдать. Впрочемъ они оставались въ городѣ не болѣе одного или двухъ часовъ, и потомъ удалялись опять въ степь. Всякій день этого рода случаи возобновлялись, съ тою только разницею, что иногда толпы были числомъ болѣе, а иногда менѣе. По приближеніи же Хана на пять или на шесть дней пути къ Танѣ, толпы сіи начали усиливаться такъ, что въ каждой изъ нихъ было отъ 25 до 50 человѣкъ, и не иначе какъ съ оружіемъ; а напослѣдокъ они стали уже появляться цѣлыми сотнями.

Дары, поднесенные Хану.

Наконецъ прибылъ самъ Ханъ и остановился на выстрѣлъ отъ Таны, въ одной древней мечети. Консулъ немедленно рѣшился от-

править дары къ нему, къ матери его и къ военачальнику Наурусу. — Дары сіи[33]), называвшіеся новеною (novenna), по обычаю страны состояли изъ девяти различныхъ вещей, какъ то: шелковыхъ тканей, багряницы и проч. — Будучи назначенъ Консуломъ для поднесенія ихъ, я отправился немедленно къ жилищу Хана съ хлѣбомъ, медовымъ виномъ[34]), бузою (напитокъ въ родѣ пива[35]) и другими вещами, числомъ до девяти. — По прибытіи въ мечеть, мы нашли Государя, сидящаго на коврѣ вмѣстѣ съ Наурусомъ. Первому изъ нихъ было 22 года, а послѣднему 25 лѣтъ. Поднеся дары, я примолвилъ, что страна наша со всѣми ея жителями находится во власти Хана. На сіе онъ отвѣтствовалъ мнѣ весьма благосклонно и потомъ поглядѣвъ пристально на насъ, засмѣялся и захлопалъ въ ладоши, говоря: что это за земля, гдѣ у трехъ человѣкъ всего только три глаза? И дѣйствительно трое изъ числа насъ были кривы; а именно: Переводчикъ нашъ Буранъ Каменьщикъ (Taiapietra), одинъ молодой Грекъ, служившій въ свитѣ Консула[36]) и тотъ, кто подносилъ Хану медовое вино. Откланявшись, мы возвратились домой.

ГЛАВА III.

Образъ продовольствія Татарскихъ отрядовъ; множество скота, при нихъ находящагося; шествіе Татарскаго войска; птицы, называемыя драхвами.

Образъ продовольствія Татарскихъ отрядовъ.

Многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ и невѣроятнымъ: какимъ образомъ упомянутые мною Татарскіе отряды (числомъ отъ четырехъ до десяти, двадцати и даже тридцати человѣкъ) отлучаются на десять, пятнадцать и двадцать дней пути отъ орды своей, — и чѣмъ въ теченіи этого времени продовольствуются они въ степяхъ. Въ отвѣтъ на сіе скажу только, что каждый Татаринъ, отдѣляющійся отъ своей орды, имѣетъ при себѣ мѣшокъ изъ козлиной кожи, наполненный пшеничною мукою, замѣшанною на меду, на подобіе тѣста, и деревянную чашку. Сверхъ того они стрѣляютъ по пути дичь, которой въ степяхъ водится множество и которую Татары мастера убивать изъ своихъ луковъ. Тѣсто, выше мною описанное, размѣшиваютъ они съ небольшимъ количествомъ воды и такимъ образомъ приготовляютъ себѣ похлебку, которою и питаются въ пути. На вопросъ, сдѣ-

ланный мною одному изъ нихъ, чѣмъ кормятся они во время странствованія своего, отвѣчалъ онъ: «развѣ кто либо умираетъ съ голоду?» что другими словами значитъ: «я довольствуюсь только тѣмъ, что необходимо для поддержанія моей жизни, а до прочаго мнѣ нѣтъ дѣла.» Кромѣ вышепомянутыхъ яствъ Татары питаются еще въ степяхъ кореньями, травами и всѣмъ, что только можно употреблять въ пищу. Самое необходимое вещество для нихъ есть соль, ибо отъ недостатка оной зараждаются между ими болѣзни, какъ то: опухоль и гніеніе во рту и кровавый поносъ, отъ котораго они нерѣдко и умираютъ.

Стада и табуны Татаръ.

Но возвратимся къ тому, на чемъ остановилось повѣствованіе наше. Вслѣдъ за отъѣздомъ Хана потянулся весь народъ его съ своими стадами. Сначала появились табуны лошадей, числомъ до 60, 100, 200 и болѣе; за симъ стада верблюдовъ и быковъ, а наконецъ и мелкій скотъ. Это продолжалось ровно шесть дней, и, въ теченіи этого времени, все пространство степи, какое только можно было окинуть глазомъ, было усѣяно людьми и животными, безпрестанно двигавшимися взадъ и впередъ. Не надобно забывать, что тутъ тянулось одно только крыло орды; изъ сего можно заключить, какова была средина ея. Мы цѣлый день стояли на городскихъ

стѣнахъ (ибо ворота были заперты), такъ что къ вечеру утомлялись до безсилія отъ продолжительной стражи. Діаметръ пространства, занятаго этою многочисленною толпою людей и скота, на подобіе паганеи[37]), составлялъ 120 миль. Паганея есть слово Греческое, которое я въ первый разъ услышалъ въ Мореѣ, когда былъ на охотѣ съ однимъ изъ тамошнихъ владѣльцевъ. Онъ привелъ съ собою до ста человѣкъ поселянъ, разставилъ ихъ въ десяти шагахъ другъ отъ друга и далъ имъ въ руки по дубинѣ; подвигаясь впередъ, они съ громкими криками ударяли этими дубинами въ землю и тѣмъ выгоняли дичь изъ чащи. Охотники, иные верхомъ, другіе пѣшіе, ожидали съ птицами и собаками своими въ назначенныхъ мѣстахъ, и при появленіи дичи, немедленно спускали на нее собакъ и птицъ. Этотъ родъ охоты называется паганеею.

Пространство, занятое Татарскимъ войскомъ.

Въ подобномъ порядкѣ, какъ я уже выше сказалъ, шли Татары. Дичь, которую они ловили по пути, состояла большею частію изъ куропатокъ и такъ называемыхъ драхвъ. Птица эта имѣетъ короткій хвостъ, какъ у курицы, голову держитъ прямо какъ пѣтухъ, величиною съ павлина и походитъ даже на него цвѣтомъ перьевъ, за исключеніемъ одного хвоста. Такъ какъ Тана окружена холмами и рвомъ, имѣющимъ до 10 миль въ окру-

Драхвы.

жности (тамъ, гдѣ была нѣкогда древняя Тана), то эти холмы и долины, ими образуемыя, содѣлались убѣжищемъ всякаго рода птицамъ, которыхъ слетѣлось туда такое множество, что вокругъ стѣнъ и во рву куропатки и драхвы разгуливали цѣлыми стадами, какъ бы на дворѣ самыхъ домовитыхъ хозяевъ. Мальчишки безъ труда подбирали ихъ съ земли и продавали по аспру (т. е. по осьми нашихъ богаттинъ [38]) пару.

ГЛАВА IV.

О томъ, какимъ образомъ одинъ Францисканскій монахъ ловилъ драхвъ; о числѣ народа, составлявшаго Татарское воинство; о повозкахъ Татаръ и о томъ, какъ они строятъ домы свои.

Способъ ловить птицъ.

Въ это время жилъ въ Танѣ Францисканскій монахъ, по имени Теринъ. Съ помощію сѣтей, въ которыхъ изъ двухъ маленькихъ петель, дѣлалъ онъ одну большую, и которыя прикрѣплялъ къ колу, вбитому въ землю позади стѣнъ, ловилъ онъ по 10, 20 и 30 птицъ разомъ и продажею ихъ выручилъ себѣ такъ много денегъ, что могъ купить на оныя Черкесскаго мальчика, которому далъ имя

Pernice (куропатка) и сдѣлалъ монахомъ. Ночью, если окна въ домахъ были отперты, птицы, привлеченныя свѣтомъ огня, влетали даже въ самыя комнаты. Дикихъ звѣрей, какъ то оленей и другихъ, сбѣжалось также безчисленное множество; но они боялись подходить слишкомъ близко къ городу.

Чтобы объяснить сколь велико было число Татаръ, тянувшихся на всемъ протяженіи обширной степи, достаточно разсказать слѣдующее: Прибывъ уже весною, по вскрытіи рѣки, къ мѣсту, именуемому Бозагацъ, въ 40 миляхъ отъ Таны, гдѣ у меня была тоня, узналъ я отъ рыбаковъ, что въ теченіи зимы они наловили и насолили множество рыбы и икры, но Татарскіе отряды, проходя мимо, забрали всю эту рыбу, (какъ соленую такъ и свѣжую и даже такую, которую не ѣдятъ у насъ) и пожрали ее всю, не исключая и самыхъ головъ, а также истребили соль, которой заготовлено было большое количество, такъ, что по отбытіи ихъ, не осталось ея ни одного зерна. Они также разломали суда и унесли съ собою доски, вѣроятно для починки своихъ повозокъ, и даже разрушили три бывшія тамъ соляныя мельницы, дабы воспользоваться небольшимъ количествомъ связывавшаго ихъ желѣза. Впрочемъ не со мною однимъ было поступлено такимъ образомъ. Еще

Число Татарскаго войска.

болѣе меня пострадалъ Джіовани да Валле, имѣвшій также свою тоню. Услышавъ о приближеніи Татаръ, онъ велѣлъ для предосторожности вырыть большую яму, спустить въ нее 30 бочекъ икры и потомъ, засыпавъ сверху землею, сжечь надъ этимъ пространствомъ поболѣе дровъ, дабы чрезъ то скрыть самую яму. Не смотря на всѣ эти предосторожности, они отыскали ее и похитили все, въ ней находившееся.

Повозки и домы Татаръ.

Татары имѣютъ въ обозѣ своемъ безчисленное множество повозокъ о двухъ колесахъ, которыя по строенію своему гораздо выше нашихъ [39]); ихъ обиваютъ собачьими шкурами, войлоками и сукномъ, смотря по состоянію хозяевъ. На нѣкоторыхъ изъ таковыхъ повозокъ нагружены Татарскіе домы, которые строятся слѣдующимъ образомъ. Взявъ деревянный кругъ, въ полтора шага діаметромъ, ставятъ надъ нимъ нѣсколько полукруговъ, связывая ихъ между собою въ самой срединѣ. Потомъ на эти палатки набрасываютъ собачьи шкуры, которыя прикрываютъ войлоками или сукномъ, также смотря по состоянію каждаго. Избравъ для себя мѣсто жительства, они снимаютъ эти домы съ повозокъ, ставятъ на землю и поселяются въ нихъ [40]).

ГЛАВА V.

О томъ, какъ Эдельмугъ, родственникъ Татарскаго Хана, получивъ дозволеніе прибыть въ Тану, остановился въ домѣ Г. Іосафата Барбаро и подружился съ нимъ; о томъ какъ Іосафатъ отправился вмѣстѣ съ Эдельмугомъ къ Хану и что сдѣлалось съ ними на пути; о церемоніалѣ, наблюдаемомъ Татарами при представленіи Хану.

Прибытіе въ Тану Эдельмуга и проч.

Чрезъ два дня по отбытіи Хана, пришли ко мнѣ нѣкоторые изъ Танскихъ жителей съ извѣстіемъ, что за стѣною ожидаетъ меня какой то Татаринъ, имѣющій нужду переговорить со мною. Я отправился къ назначенному мѣсту, и Татаринъ объявилъ мнѣ, что неподалеку оттуда находился нѣкто Эдельмугъ, родственникъ Хана, который крайне желаетъ прибыть въ городъ, если на то послѣдуетъ согласіе мое и сдѣлаться моимъ кунакомъ (со пасо), т. е. гостемъ. Испросивъ предварительно позволеніе Консула, я отправился вторично къ городскимъ воротамъ, которыя были заперты и привелъ новаго знакомца моего съ тремя его товарищами прямо къ себѣ въ домъ, гдѣ въ продолженіи двухъ дней угощалъ его какъ можно лучше; въ особенности же подчивалъ

виномъ, которое ему очень нравилось. Передъ отъѣздомъ своимъ объявилъ онъ мнѣ, что желаетъ, дабы я послѣдовалъ за нимъ, — увѣряя, что мнѣ опасаться нечего, ибо онъ, сдѣлавшись братомъ моимъ, вездѣ будетъ неразлученъ со мною. Я сообщилъ предложеніе его моимъ товарищамъ — купцамъ, которые крайне оному удивились, и мы долго разсуждали между собою: итти ли мнѣ или нѣтъ? Наконецъ я рѣшился, и взявъ съ собою двухъ пѣшихъ туземныхъ Татаръ, отправился верхомъ вмѣстѣ съ моимъ гостемъ. Мы выѣхали изъ города въ три часа по полудни; но товарищъ мой былъ уже такъ пьянъ отъ большаго количества выпитаго имъ вина, что у него все время текла носомъ кровь. Не смотря на всѣ мои убѣжденія воздержаться отъ излишняго употребленія напитковъ, онъ отвѣчалъ съ ужимкою обезьяны: «не мѣшай мнѣ пить! гдѣ опять я найду столько вина!» Когда мы спустились на рѣку Танаисъ, чтобы переѣхать чрезъ нее по льду, то я изъ предосторожности выбралъ дорогу поснѣжнѣе; Татаринъ же, отуманенный виномъ и не замѣчая, куда везетъ его лошадь, поѣхалъ прямо тамъ, гдѣ вовсе не было снѣгу. Лошадь, которая, по обычаю Татаръ, не была подкована, ступая по гладкому льду, безпрестанно скользила и попеременно то па-

Поѣздка Автора въ орду.

дала, то вскакивала, возбуждаемая плетью Татарина, употребляемою имъ вмѣсто шпоръ. Это продолжалось около 20 минутъ, пока мы не достигли другаго рукава рѣки, который переѣхали также съ большимъ трудомъ и усиліями. Прибывъ на противуположный берегъ и чувствуя себя утомленными, мы пристали къ одному отряду Татаръ, въ томъ мѣстѣ расположившемуся, и вынуждены были провести съ ними всю ночь, не безъ непріятностей, какъ и ожидать надлежало. На слѣдующее утро пустились мы далѣе, но уже не съ тою отважностію, какъ наканунѣ. Перебравшись еще чрезъ рукавъ рѣки, мы выѣхали на равнину, по которой тянулись Татары и которая была усѣяна ими какъ муравьями, и по двухдневномъ странствованіи приблизились къ тому мѣсту, гдѣ находился самъ Ханъ. На пути всѣ, встрѣчавшіеся съ нами, оказывали моему товарищу всякаго рода почести, угощая его всѣмъ, что только было у нихъ, какъ то: мясомъ, тѣстомъ, молокомъ и другими подобными яствами, такъ что во все это время мы ни въ чемъ не имѣли недостатка.

На слѣдующій день изъявилъ я желаніе посмотрѣть искусство Татаръ въ верховой ѣздѣ и порядокъ, наблюдаемый въ ихъ движеніяхъ, и дѣйствительно нашелъ столько необыкновеннаго и чудеснаго, что еслибъ захотѣлъ

разсказать все видѣнное мною, то конечно написалъ бы цѣлую книгу.

Церемоніалъ представленія Хану.

Наконецъ прибыли мы къ мѣсту, гдѣ жительствовалъ Ханъ и нашли его въ шатрѣ, окруженнаго со всѣхъ сторонъ множествомъ народа. Тѣ, которые ожидали аудіенціи у Хана, стояли на колѣнахъ въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго; оружіе же ихъ лежало поодаль, на разстояніи пущеннаго изъ праща камня. Когда Ханъ обращался къ кому либо изъ нихъ съ вопросомъ, то давалъ знакъ рукою. По знаку сему проситель вставалъ и подойдя къ нему, (не ближе однако осьми шаговъ) снова падалъ на колѣна, спрашивая: что угодно было приказать ему? Этотъ порядокъ наблюдался во все время аудіенціи[41]).

ГЛАВА VI.

О томъ, какимъ образомъ Татары судятся между собою; объ опасностяхъ, коимъ подвергаются Татарскіе наѣздники и о томъ, какъ сорокъ пять человѣкъ, напавъ на сто Черкесскихъ всадниковъ, спрятавшихся въ лѣсу для набѣга, большую часть ихъ истребили и взяли въ плѣнъ.

Какимъ образомъ Татары судятся между собою.

Спорныя дѣла рѣшаются у Татаръ весьма скоро и слѣдующимъ образомъ. Когда два какія либо лица поссорятся между собою, то

размѣнявшись нѣсколькими словами, безъ всякихъ впрочемъ ругательствъ [42]) (подобныхъ тѣмъ, которые употребляются у насъ), обѣ враждующія стороны, или даже всѣ, замѣшанные въ дѣлѣ, встаютъ съ мѣстъ своихъ, отправляются куда имъ заблагоразсудится и, обратившись къ первому встрѣтившемуся человѣку, какого бы онъ званія ни былъ, говорятъ ему: «Государь! мы поссорились; разсуди насъ!» Тотъ немедленно останавливается, выслушиваетъ обѣ стороны и потомъ произноситъ приговоръ по своему уразумѣнію, безъ всякихъ бумагъ. Противу этого рѣшенія нѣтъ уже никакихъ отговорокъ. Если при семъ случатся постороннія лица, то произнесшій приговоръ говоритъ имъ: «будьте свидѣтелями!» Подобнаго рода разбирательства безпрестанно случаются въ станѣ. Даже и во время похода, тяжбы, между Татарами возникающія, рѣшаются первымъ встрѣтившимся имъ человѣкомъ.

Однажды, въ бытность мою въ ордѣ, увидѣлъ я опрокинутую деревянную чашку и, поднявъ ее, нашелъ разваренное пшено. Обратившись къ находившемуся тутъ Татарину, я спросилъ у него: чтобы сіе значило, и получилъ въ отвѣтъ: «пшено сіе оставлено Гибутъ-Персами, т. е. язычниками.» На вопросъ мой, какимъ образомъ попали сюда язычни-

ки, отвѣчалъ онъ мнѣ: «О! о! ихъ много между нами; но они скрываются.»

Теперь приступлю я къ исчисленію народа, составлявшаго орду, и поелику въ точности исполнить сего невозможно, то по крайней мѣрѣ объясню приблизительно выводы мои. Я полагаю и даже твердо увѣренъ, что когда вся она соберется вмѣстѣ, то составитъ около 300,000 душъ. Это предположеніе основываю я на томъ, что часть ея, какъ выше уже было сказано, находилась прежде во власти Улу-Махмета.

Отчаянная храбрость Татаръ.

Воины Татарскіе такъ неустрашимы и храбры, что многіе изъ нихъ заслужили въ отличіе имя Талу-богатырей, что въ переводѣ значитъ: иступленные храбрецы. Это названіе присвоиваетъ имъ народъ точно такъ какъ у насъ названіе мудраго или красиваго (на пр. такой то Петръ мудрый, или такой то Павелъ красивый). Получившіе оное пользуются большими преимуществами и всѣ поступки ихъ, хотя въ сущности безразсудные, превозносятся похвалами какъ слѣдствіе личной храбрости и совершеннаго знанія дѣла. Во время сраженія многіе изъ нихъ, не ставя ни во что жизнь и презирая явными опасностями, бросаются впередъ, подвергаются безъ нужды непріятельскимъ ударамъ и примѣромъ своимъ внушаютъ мужество самымъ даже роб-

кимъ своимъ товарищамъ. Прозваніе, данное имъ, по мнѣнію моему весьма прилично, ибо отчаянная храбрость не что иное какъ безуміе. Не безумецъ ли тотъ, спрашиваю я, кто одинъ идетъ противу четырехъ? Не безумецъ ли тотъ, кто съ однимъ ножемъ бросается на толпу враговъ, вооруженныхъ мечами? Кстати разскажу здѣсь случай, встрѣтившійся со мною въ бытность мою еще въ Танѣ. Нѣсколько Татаръ пришли однажды въ городъ съ извѣстіемъ, что въ трехъ миляхъ отъ Таны, въ лѣсу, спряталось сто Черкескихъ всадниковъ, въ намѣреніи учинить, по своему обыкновенію, набѣгъ на городъ. Въ это время находился я на площади, въ лавкѣ продавца стрѣлъ, гдѣ также былъ одинъ Татарскій купецъ, привезшій цитварное сѣмя. Услышавъ о появленіи Черкесовъ, онъ вскочилъ съ своего мѣста и вскричалъ. «Почему бы намъ не напасть на нихъ! Сколько ихъ всѣхъ числомъ?» Сто, отвѣчалъ я. «Насъ здѣсь пятеро,» возразилъ онъ: «сколько будетъ васъ?» Сорокъ человѣкъ, отвѣчалъ я. «Черкесы,» примолвилъ онъ «бабы, а не мужчины! пойдемъ на нихъ!» Услышавъ таковое предложеніе, я немедленно отправился къ Франческо да Валле и смѣясь разсказалъ ему объ ономъ. Онъ спросилъ: достанетъ ли у меня духу на таковое предпріятіе, и получивъ утвердитель-

Сорокъ пять человѣкъ нападаютъ на сто Черкесовъ и разбиваютъ ихъ.

ный отвѣтъ, рѣшился ѣхать со мною. Мы сѣли на коней и приказавъ нѣкоторымъ изъ людей нашихъ прибыть къ намъ водою, въ полдень напали на Черкесовъ, изъ которыхъ нѣкоторые отдыхали въ тѣни, а нѣкоторые спали. Къ несчастію за нѣсколько мгновеній до нападенія, трубачъ нашъ протрубилъ, отъ чего многіе успѣли ускакать, а сорокъ человѣкъ легли на мѣстѣ или попались въ плѣнъ. Всего же занимательнѣе было то, что, по совѣту нѣкоторыхъ отчаянныхъ храбрецовъ, Татаринъ, предложившій намъ учинить нападеніе, не довольствуясь удачнымъ окончаніемъ онаго, одинъ поскакалъ въ погоню за бѣжавшими. Напрасно кричали мы ему: воротись! воротись! онъ ничего не слушалъ и уже черезъ часъ прибылъ обратно въ большемъ горѣ, жалуясь на то, что не могъ догнать ихъ. Не было ли это явнымъ безуміемъ со стороны его? Весьма легко четверо изъ бѣжавшихъ могли вернуться назадъ и изрубить его въ куски. Когда же мы стали представлять ему опасность, которой онъ подвергался, то на всѣ убѣжденія наши онъ отвѣчалъ однимъ смѣхомъ. Не излишнимъ почитаю замѣтить здѣсь, что еще за долго до прибытія главнаго Татарскаго стана, передовые отряды онаго, о коихъ я уже выше сего говорилъ, шли осьмью отдѣленіями, развѣдывая по сторонамъ: не предстоитъ ли какой либо опасности.

ГЛАВА VII.

О Татарской охотѣ и о множествѣ находящагося при нихъ скота, какъ то: лошадей, быковъ, и двугорбыхъ верблюдовъ и проч.

Лишь только Ханъ изберетъ мѣсто для жительства своего, немедленно приступаютъ къ устроенію базара, наблюдая притомъ, чтобы улицы были сколь можно шире. Не смотря однако на таковое распоряженіе, они зимою, по причинѣ множества скота, нестерпимо грязны, а лѣтомъ наполнены ужасною пылью. По устроеніи базара, тотъ же часъ начинаютъ дѣлать печи, въ которыхъ Татары варятъ и жарятъ мясо и приготовляютъ лакомства свои изъ молока, масла и творогу. Сверхъ того у нихъ всегда бываетъ въ запасѣ дичь, — преимущественно оленья. При ордѣ во всякое время неотлучно находятся сукновалы, кузнецы, оружейники и всякаго рода мастеровые. Многіе, можетъ быть, заключатъ изъ сего, что Татары живутъ какъ Цыганы; въ опроверженіе подобнаго заключенія скажу, что станъ ихъ представляетъ видъ обширнѣйшаго и красивѣйшаго города, съ тою только разницею, что не огороженъ стѣнами. —

Татарскій станъ.

Однажды, въ бытность мою въ Танѣ, гдѣ надъ городскими воротами возвышается прекрасная башня, спросилъ я у одного стоявшаго подлѣ меня Татарскаго купца, который со вниманiемъ разглядывалъ эту башню: нравится ли она тебѣ?» «Посмотрѣвъ на меня пристально, онъ съ усмѣшкою отвѣчалъ: «эко диво! башни строитъ тотъ, кто труситъ.» По моему отвѣтъ его былъ совершенно справедливъ. Упомянувъ о купцахъ, я долгомъ поставляю объяснить здѣсь, что ихъ всегда очень много при ордѣ; иные нарочно съ разныхъ сторонъ прiѣзжаютъ въ оную съ товарами; другiе же бываютъ только проѣздомъ.

Татарская охота.

Татары весьма искусны въ стрѣлянiи изъ лука и любятъ охотиться съ соколами на хамелеоновъ, которыя у насъ не употребляются въ пищу, на оленей и на другихъ большихъ звѣрей. Соколовъ они носятъ на одной рукѣ, имѣя въ другой сошку, которую подставляютъ подъ руку, когда устанутъ. Это нисколько ни удивительно, ибо ихъ соколы вдвое больше нашихъ орловъ [43]). Иногда надъ станомъ тянутся цѣлыя вереницы гусей, и Татары пускаютъ въ нихъ особенныя кривыя стрѣлы, толщиною въ палецъ. Стрѣлы сiи, не бывъ опушены перьями, летятъ очень высоко и потомъ перевернувшись въ воздухѣ, падаютъ въ прямомъ направленiи внизъ, раздробляя

все, встрѣчающееся имъ на пути, какъ то: лапы, шеи и проч. Не рѣдко стада эти бываютъ такъ многочисленны, что затемняютъ горизонтъ. Тогда Татары подымаютъ громкій крикъ, отъ котораго гуси въ испугѣ падаютъ на землю. Говоря о птицахъ, не излишнимъ почитаю разсказать здѣсь случившееся со мною весьма занимательное происшествіе. Проѣзжая однажды (въ бытность мою въ ордѣ) по берегу одной маленькой рѣчки, встрѣтилъ я Татарина, по виду знатнаго, бесѣдовавшаго съ домашними своими. Увидя меня, онъ подозвалъ къ себѣ, просилъ сойти съ лошади и сталъ распрашивать, куда и зачѣмъ я ѣду. Объяснивъ ему причину моего странствованія, я какъ то обернулся и увидѣлъ вблизи отъ насъ четыре или пять кустовъ растенія, называемаго у насъ репейникомъ (garzi), на которыхъ сидѣли нѣсколько щегловъ. Татаринъ приказалъ бывшему тутъ слугѣ своему поймать одного щегла, что сей немедленно исполнилъ, сдѣлавъ изъ двухъ конскихъ волосъ петлю, которую набросилъ на репейникъ. Потомъ Татаринъ велѣлъ тому же самому слугѣ приготовить пойманнаго щегленка, и тотъ, общипавъ его, воткнулъ на маленькую лучинку, обжарилъ на огнѣ и подалъ своему господину. Сей послѣдній, взявъ птичку въ руки и посмотрѣвъ на меня, примолвилъ: «мы

теперь не въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы я могъ достойно угостить тебя; но подѣлимся тѣмъ, что у меня есть, и чѣмъ наградилъ меня Господь Богъ.» За симъ онъ разорвалъ птичку на три части, изъ которыхъ одну подалъ мнѣ, другую оставилъ себѣ, а третью, самую меньшую, отдалъ тому, кто поймалъ щегленка.

Скотъ. Что сказать о безчисленномъ множествѣ скота, находящагося при ордѣ? — Многіе, можетъ быть, не повѣрятъ разсказу моему; но совсѣмъ тѣмъ я не могу умолчать о томъ, что самъ видѣлъ. Начну съ лошадей. Люди, торгующіе оными, покупаютъ ихъ во множествѣ у Татаръ и потомъ отводятъ на продажу въ другія страны. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ орды, отправился оттуда въ Персію цѣлый караванъ, въ коемъ было до 4,000 лошадей. Это нисколько не удивительно, ибо въ случаѣ, если бы кто захотѣлъ въ одинъ день купить ихъ тысячу или двѣ, то безъ всякаго труда нашелъ бы то, что ему надобно. Лошади у Татаръ пасутся въ табунахъ, какъ скотъ. Стоитъ только пойти въ табунъ и сказать хозяину: мнѣ требуется сто коней, и немедленно онъ отберетъ ихъ, сколько нужно, съ помощію палки съ петлею (арканъ), которую носитъ при себѣ. Навыкъ ихъ въ этомъ дѣлѣ столь удивителенъ, что покупатель смѣло можетъ указать на ту или другую

лошадь; продавецъ немедленно набрасываетъ ей на шею петлю и выводитъ изъ табуна[44]). Мнѣ въ странствіи моемъ случалось встрѣчать купцевъ, которые вели съ собою такое множество коней, что вся степь была ими усѣяна. Лошади Татарскія — не отличной породы, малорослы, имѣютъ отвислое брюхо и непривычны къ овсу. Когда гонятъ ихъ въ Персію, то лучшею похвалою служитъ имъ то, коль онѣ ѣдятъ овесъ; ибо безъ того не могутъ вынести всѣхъ трудностей пути. Другой родъ скота составляютъ быки рослые и весьма красивые. Ихъ такъ много, что они снабжаютъ большую часть нашихъ Италіанскихъ боинь. Для сего гонятъ ихъ обыкновенно чрезъ Польшу и Валахію въ Трансильванію, а потомъ чрезъ Германію прямо въ Италію. Татары въ случаѣ нужды употребляютъ быковъ для перевоза тяжестей. Третій родъ домашняго скота составляютъ большіе, двугорбые, косматые верблюды. Ихъ отправляютъ въ Персію, гдѣ они платятся по 25 дукатовъ за штуку; ибо восточные верблюды имѣютъ только по одному горбу и весьма малорослы; за то они и стоятъ не болѣе 10 дукатовъ. Наконецъ четвертый родъ скота составляютъ бараны необыкновенной величины, съ высокими ногами, длинною шерстью и толстымъ хвостомъ (курдюкомъ), вѣсящимъ до 12 фунтовъ. Мнѣ не-

рѣдко случалось видѣть, какъ этого рода бараны преспокойно тащатъ за собою колесо, привязанное для потѣхи къ ихъ хвосту. Жиръ, добываемый изъ нихъ, служитъ приправою ко всѣмъ Татарскимъ кушаньямъ; ибо употребляется ими вмѣсто масла и имѣетъ то достоинство, что не застываетъ во рту[45]).

ГЛАВА VIII.

О порядкѣ, наблюдаемомъ Татарами при посѣвѣ хлѣба; о плодородіи ихъ почвы; о томъ, какъ Кеци-Махметъ, свергнувъ Улу-Махмета, содѣлался самъ Ханомъ Татарской орды и о томъ, какимъ необыкновеннымъ образомъ Татарское войско переправилось чрезъ Танаисъ.

Посѣвъ хлѣба.

Если кто не имѣлъ случая видѣть подобно мнѣ вблизи весь бытъ Татарскій, то врядъ ли съумѣетъ удовлетворительно отвѣчать на вопросъ: чѣмъ кормится этотъ народъ въ безпрерывныхъ переходахъ своихъ съ мѣста на мѣсто, и откуда беретъ хлѣбъ, необходимый для его продовольствія? Какъ очевидецъ, я могу въ точности объяснить здѣсь это обстоятельство читателямъ моимъ. Въ исходѣ Февраля мѣсяца по всей ордѣ громогласно возвѣщаютъ желающимъ дѣлать посѣвъ, дабы они заблаговременно приготовили все, для того

нужное; ибо въ такой то день Марта предположено отправиться къ такому то мѣсту, для посѣва избранному. Въ слѣдствіе сего объявленія, всѣ желающіе немедленно дѣлаютъ приготовленія свои; насыпаютъ семянный хлѣбъ на повозки и отправляются съ рабочимъ скотомъ, женами и дѣтьми, или только съ частію своихъ семействъ, къ назначенному мѣсту, которое обыкновенно бываетъ не далѣе двухъ дней пути отъ пункта, гдѣ находилась орда во время возвѣщенія приказа о посѣвѣ. Тутъ остаются они до тѣхъ поръ, пока вспашутъ землю, посѣютъ хлѣбъ и окончатъ полевыя работы, и потомъ уже возвращаются назадъ въ орду. Между тѣмъ Ханъ, подобно матери семейства, отпустившей дѣтей своихъ порѣзвиться и безпрестанно издали наблюдающей за ними, все кружится около засѣяннаго поля, остановливаясь то тамъ, то сямъ, — и никогда не удаляясь отъ онаго далѣе четырехъ дней пути. Когда же хлѣбъ созрѣетъ, то всѣ желающіе, какъ сѣятели, такъ равно и покупатели, отправляются туда для жатвы, съ повозками, волами, верблюдами и со всѣмъ нужнымъ, какъ бы на собственную мызу. Почва земли у нихъ весьма плодородна. Пшеница очень крупна зерномъ и не рѣдко родится самъ — пятьдесятъ, а просо самъ — сто. Иногда жатва бываетъ такъ обильна, что не

Плодородіе почвы.

знаютъ, куда дѣваться съ хлѣбомъ, и часть его по необходимости оставляютъ на мѣстѣ.

Здѣсь къ случаю не излишнимъ почитаю сообщить читателямъ моимъ весьма любопытное происшествіе. Одинъ изъ сыновей Улу-Махмета (спокойно царствовавшій въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ), страшась двоюроднаго брата своего, обитавшаго за Эрдилемъ, запретилъ въ продолженіе одиннадцати лѣтъ дѣлать посѣвъ, полагая, что при существовавшихъ тогда смутныхъ обстоятельствахъ, часть народа его, употребляемая ежегодно на полевыя работы, будетъ безпрерывно подвержена большимъ опасностямъ. Во все время этого запрещенія, орда питалась единственно молокомъ, мясомъ и другими подобными веществами. Муку же и просо привозили на рынокъ весьма рѣдко и продавали по непомѣрно дорогой цѣнѣ. На вопросъ мой: какъ можно было такъ долго существовать безъ хлѣба? Татары отвѣчали со смѣхомъ: «а мясо то на что?» — Не смотря однако на всѣ эти предосторожности, сынъ Улу-Махмета былъ изгнанъ родственникомъ своимъ; самъ же Ханъ, услышавъ, что Кеци-Махметъ приближается къ его предѣламъ, и чувствуя себя не въ силахъ бороться съ столь опаснымъ соперникомъ, бѣжалъ изъ орды съ дѣтьми своими и

Кеци-Махметъ изгоняетъ Улу-Махмета.

со всѣмъ своимъ семействомъ. Кеци-Махметъ, сдѣлавшись такимъ образомъ повелителемъ всей орды, возвратился въ Іюнѣ мѣсяцѣ къ рѣкѣ Танаису и переправился чрезъ нее со всѣмъ своимъ народомъ, скотомъ, повозками и имуществомъ. Замѣчательно и удивленія достойно, что эта переправа, продолжавшаяся двое сутокъ, совершена была въ большомъ порядкѣ и столь же спокойно, какъ бы на сухомъ пути. Нѣсколько человѣкъ посланы были, по распоряженію начальниковъ, впередъ, для приготовленія деревянныхъ плотовъ изъ лѣса, ростущаго въ большемъ количествѣ по берегамъ Танаиса. Сверхъ сего заготовлено было также множество фашинника изъ хвороста и тростника. Фашинникъ этотъ подвязали подъ плоты и повозки, къ которымъ припрягли нужное число лошадей; потомъ пустили этихъ лошадей вплавь по рѣкѣ, подъ управленіемъ нѣсколькихъ человѣкъ (вовсе нагихъ), и такимъ образомъ перевезли повозки и плоты съ одного берега на другой.

Переправа Татаръ чрезъ Танаисъ.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ этой переправы, отправился я водою къ одной тонѣ и повстрѣчалъ на пути столько плотовъ и фашинъ, что во многихъ мѣстахъ рѣка была запружена ими. Еще большее количество оныхъ разбросано было по берегамъ Танаиса. Прибывъ къ тонѣ мы нашли, что Татары по-

ступили съ нею еще хуже, чѣмъ въ первый приходъ свой, о которомъ выше сего было упомянуто.

ГЛАВА IX.

О томъ, какъ родственникъ Хана, Эдельмугъ, привелъ къ Автору сына своего; о томъ, какъ Авторъ освободилъ въ Венеціи двухъ Татаръ, томившихся въ неволѣ и о томъ, какъ одинъ изъ сихъ Татаръ еще гораздо прежде сего былъ спасенъ Авторомъ во время пожара въ Танѣ.

Эдельмугъ приводитъ къ Автору своего сына.

Возвращаясь къ старымъ друзьямъ своимъ, не излишнимъ почитаю упомянуть, что родственникъ Хана, Эдельмугъ, прибывъ вмѣстѣ съ ордою къ берегамъ Танаиса, для переправы (какъ выше сего было сказано), зашелъ въ Тану и привелъ съ собою одного изъ своихъ сыновей. Обнявъ меня съ радостію, онъ примолвилъ: «я привелъ къ тебѣ сына моего и желаю, чтобы онъ сдѣлался твоимъ сыномъ.» Потомъ снявъ у него съ плечъ плащъ, надѣлъ на меня и сверхъ того подарилъ мнѣ восемь Русскихъ плѣнниковъ[46]), говоря, что это часть добычи, пріобрѣтенной имъ въ Россіи. Пробывъ въ домѣ моемъ два дня, онъ отправился въ дальнѣйшій путь свой, получивъ отъ меня при прощаніи подарки, соотвѣтствовавшіе его дарамъ.

Многіе, разставаясь съ знакомыми своими и не надѣясь уже никогда болѣе съ ними видѣться, забываютъ нерѣдко взаимную пріязнь, говоря: «мы разлучаемся навѣки,» и въ слѣдствіе того поступаютъ при разставаніи не такъ, какъ бы слѣдовало. Опытъ доказалъ мнѣ ошибочность подобныхъ сужденій; да и пословица говоритъ не даромъ, что гора съ горой не сходится, а человѣкъ сходится съ человѣкомъ. На возвратномъ пути моемъ изъ Персіи съ посланникомъ Гассанъ-Бея (Assambei), располагалъ я пробраться въ Венецію чрезъ Татарію и Польшу; но въ послѣдствіи перемѣнилъ свое намѣреніе. Съ нами было нѣсколько Татарскихъ купцевъ, которые, на вопросъ мой объ Эдельмугѣ, отвѣчали, что онъ давно уже умеръ и оставилъ по себѣ сына, именемъ Ахмета (Hagmeth), находившагося въ великой милости у Хана. Это имя, равно какъ и разсказы купцевъ о чертахъ лица Ахмета, удостовѣрили меня въ мысли, что это былъ тотъ самый сынъ Эдельмуга, который приходилъ ко мнѣ съ отцемъ своимъ. Если бы мы поѣхали чрезъ Татарію, то навѣрно попались бы къ нему въ руки, — и нѣтъ сомнѣнія, что онъ принялъ бы меня наилучшимъ образомъ, помня гостепріимство, оказанное мною его отцу и ему самому. Между тѣмъ, кто бы могъ подумать, что чрезъ тридцать пять лѣтъ

Татаринъ встрѣтится съ Италіанцемъ въ столь отдаленной странѣ?

Авторъ освобождаетъ въ Венецiи двухъ Татаръ.

Кстати разскажу здѣсь одинъ случай, который хотя и не относится къ этой эпохѣ, но имѣетъ нѣкоторую связь съ тѣмъ, что я выше сего объяснить старался. Въ 1455 году зашедъ случайно въ одинъ винный магазинъ въ Ріальто, въ Венеціи, замѣтилъ я въ углу, между бочками, двухъ скованныхъ людей и при свѣтѣ огня немедленно узналъ по лицамъ ихъ, что это были Татары. На вопросъ мой, кто они таковы, получилъ я въ отвѣтъ: «мы находились невольниками у Каталанъ, бѣжали отъ нихъ на лодкѣ и попались въ морѣ хозяину этого магазина.» Я тотъ же часъ отправился въ судъ съ жалобою на таковое притѣсненіе. Судьи, выслушавъ меня, немедленно отрядили нѣсколькихъ чиновниковъ для приведенія къ нимъ означенныхъ Татаръ,—и тутъ же, въ присутствіи хозяина магазина, сняли съ нихъ оковы, а его предали суду. Возвратясь домой съ освобожденными мною плѣнниками, я принялся распрашивать ихъ, откуда они родомъ, и къ удивленію узналъ, что одинъ изъ нихъ былъ жителемъ Таны и принадлежитъ къ числу служителей знакомца моего Коцадагута (Cozadahuth), Ханскаго повѣреннаго [47]) и сборщика податей съ товаровъ, привозимыхъ въ Тану. Разглядѣвъ его внимательнѣе, припом-

нилъ я, что онъ нѣсколько разъ бывалъ у меня въ домѣ; на вопросъ же мой, какъ его зовутъ, получилъ въ отвѣтъ: «Хебехци» (Chebechzi), что на нашемъ языкѣ значитъ сѣятель или землепашецъ. Тутъ снова обратился я къ нему съ вопросомъ: «знаешь ли ты меня?» — «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ. Но лишь только я напомнилъ ему Тану и Юсуфа (такъ звали меня тамъ), онъ бросился немедленно къ моимъ ногамъ и обнимая ихъ вскричалъ: «Ты два раза спасъ мнѣ жизнь! Сегодня;—ибо неволю почиталъ я второю смертію,—и еще въ другой разъ въ Танѣ, во время пожара, когда ты велѣлъ сдѣлать въ стѣнѣ проломъ, чрезъ который спаслись многіе, въ томъ числѣ я и господинъ мой.» Дѣйствительно это была правда. Когда пламя обхватило городъ, я приказалъ немедленно сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, противъ одной пустыри, на которой стеклось множество народа, и чрезъ этотъ проломъ вынесъ изъ пламени до сорока человѣкъ, въ томъ числѣ Коцадагута и служителя его. Продержавъ Татарскихъ плѣнниковъ въ домѣ своемъ около двухъ мѣсяцевъ отправилъ я ихъ потомъ обратно въ отечество, на первыхъ судахъ, отплывшихъ въ Тану. Все вышеприведенное мною не служитъ ли явнымъ доказательствомъ тому, что никто, разставаясь съ знакомымъ человѣкомъ, не долженъ предпола-

Авторъ спасаетъ сорокъ человѣкъ во время пожара въ Танѣ.

гать, будто видитъ его въ послѣдній разъ, и забывать прежнюю связь свою; ибо не рѣдко сильнѣйшій будетъ имѣть нужду въ слабѣйшемъ.

Но возвратимся къ Танѣ и описанію путешествія моего на сѣверъ и востокъ отъ оной, по берегамъ Забакскаго и Чернаго морей, до страны, называемой Мингреліею (Lazia Mingrelia), а въ древности извѣстной подъ именемъ Колхиды[48]).

ГЛАВА X.

Темрюк

О землѣ, именуемой Кремухъ (Cremuch[49]); о ея Государѣ и жителяхъ; о ихъ правахъ и обычаяхъ; о разныхъ другихъ сосѣдственныхъ владѣніяхъ; о Мингреліи и ея Государѣ; объ отличительныхъ свойствахъ сей страны; о словѣ *Темари* и его значеніи; объ островѣ Кафѣ[50]).

Кремухъ. Отправившись изъ Таны по берегу Забакскаго моря, прибылъ я послѣ трехдневнаго пути въ страну называемую Кремухъ. Ею управляетъ Государь, по имени Биберди (Biberdi), т. е. Богомъ данный (Deodato) сынъ Кертибея (Chertibiei) т. е. истиннаго властителя. Владѣнія его состоятъ изъ нѣсколькихъ селеній, могущихъ въ случаѣ нужды выставить до 2000 всадниковъ, и изобилуютъ лѣсами и плодонос-

ными равнинами, орошаемыми множествомъ рѣкъ. Знатнѣйшіе жители страны живутъ хищничествомъ и преимущественно грабежемъ каравановъ, отъ времени до времени здѣсь проходящихъ. Они имѣютъ прекрасныхъ лошадей, отличаются мужествомъ и лукавствомъ, и лицемъ весьма сходны съ Италіанцами. Земля ихъ изобилуетъ хлѣбомъ, скотомъ и медомъ; но за то въ ней вовсе нѣтъ вина. За Кремухомъ обитаютъ разные народы, въ недальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго[51]), какъ то: Киппики (Chippiche) Татакозцы (Tatacosia), Собайцы (Sobai), Кевертейцы (Cheverthei) и Асъ или Аланы, о коихъ мы упомянули прежде. Земли ихъ простираются на 12 дней пути вплоть до самой Мингреліи, страны, граничащей съ Кайтаками (Caitacchi[52]), народомъ, занимающимъ все пространство между Мингреліею и Каспійскимъ моремъ; частію же съ Грузіею (Zorzania), Чернымъ моремъ, хребтомъ горъ, тянущихся по Черкассіи, и рѣкою Фазисомъ[53]), впадающимъ въ Черное море. Мингрельскій Государь называется Бендіаномъ (Bendian) и владѣетъ двумя большими крѣпостями на Черномъ морѣ: Вати (Vathi) и Севастополемъ (Sevastopoli[54]), и нѣсколькими другими меньшими укрѣпленными мѣстами. Страна сія вообще камениста и безплодна и не производитъ ничего кромѣ проса; даже соль

Народы, сопредѣльные съ Кремухомъ.

Діоскурія.

Мингрелія.

привозятъ туда изъ Кафы. Вся промышленность жителей состоитъ въ дѣланіи небольшаго количества тканей, грубыхъ и нечистыхъ; за то они вообще слывутъ народомъ самымъ невѣжественнымъ. Доказательствомъ сего можетъ служить слѣдующій случай. Прогуливаясь однажды съ знакомымъ мнѣ Генуэзцомъ, Анцолиномъ Скварчіафико, по улицамъ Вати (куда я прибылъ на Турецкомъ суднѣ проѣздомъ изъ Константинополя въ Тану), увидѣли мы молодую женщину, стоявшую на порогѣ дома. Товарищъ мой немедленно подошелъ къ ней съ вопросомъ: *Сурина патрони коконъ*, т. е. дома ли хозяинъ? и получилъ въ отвѣтъ: *аркилимиси*, т. е. будетъ сей часъ. Въ ожиданіи его прихода, Анцолино, взявъ Мингрелку за лице, открылъ ей ротъ, говоря мнѣ: посмотри какіе прекрасные зубы, и потомъ, не довольствуясь этимъ, обнажилъ ея грудь и приподымая титьки, приглашалъ меня разглядѣть ихъ. Женщина ни мало не смутилась обращеніемъ Анцолино и даже не тронулась съ мѣста. Послѣ сего мы вошли въ домъ ея, — и Генуэзецъ, преспокойно разсѣвшись, подозвалъ ее къ себѣ и давая знать, что у него въ нижнемъ платьѣ блохи, приказалъ искать ихъ. Она подошла безъ всякаго принужденія и принялась исполнять волю моего товарища съ особеннымъ добродушіемъ и не-

Характеръ Мингрельцовъ.

винностію. Въ это время вошелъ въ комнату мужъ и, потряхивая кошелькомъ вскричалъ: *Патрони тетари сика,* т. е. хозяинъ, есть ли у тебя деньги? Анцолино сдѣлалъ видъ, будто ничего при себѣ не имѣетъ и далъ ему нѣсколько аспровъ, для покупки какихъ либо лакомствъ. Пробывъ тутъ нѣкоторое время, мы пошли далѣе, и во всякомъ домѣ Генуэзецъ мой по обычаю страны дѣлалъ все, что приходило ему на умъ; но никто не оскорблялся его поступками. Не явное ли это доказательство грубаго невѣжества этого народа? Отъ того то у Генуэзцевъ, промышляющихъ въ сихъ странахъ, вошло въ обыкновеніе называть Мингрелами тѣхъ, кого они почитаютъ пошлыми дураками.

Объяснивъ выше сего, что *тетари* на Мингрельскомъ языкѣ значитъ деньги, я долгомъ почитаю присовокупить, что слово это собственно означаетъ только бѣлый цвѣтъ и первоначально присвоено было серебряной монетѣ, которая, какъ извѣстно, бѣлаго цвѣта. Греки также имѣютъ монету, называемую *аспромъ*, т. е. бѣлою, Турки — *акгіа,* также бѣлый, Джагатаи — *тенгъ*, бѣлый; Италіанцы имѣли прежде *біанки*; а у Испанцевъ они сохранились и по сію пору. Изъ сего явствуетъ, что различные народы не рѣдко да- Тетари.

ютъ какой либо вещи одно и тоже названіе, только каждый на своемъ языкѣ.

Островъ Кафа.

Но обратимся опять къ путешествію нашему. Переѣхавъ чрезъ рѣку, омывающую Аланію и о которой я выше сего упомянулъ, представляется правый берегъ Забакскаго моря до острова Кафы, соединяющагося съ материкомъ узкимъ перешейкомъ, называемымъ Цукала (Zuchala[55]) подобно тому, какъ Морея соединена съ Греціею Эсимильскимъ перешейкомъ. Здѣсь на пути встрѣчается множество соляныхъ озеръ, въ коихъ соль застываетъ сама собою. На самомъ же островѣ прежде всего представляется взору Куманія, получившая названіе свое отъ Румановъ, а потомъ самая Кафа, (прежде бывшая Хазарія). Не мѣшаетъ замѣтить, что и до сихъ поръ аршинъ, употребляемый въ Танѣ и другихъ сосѣдственныхъ странахъ, сохранилъ названіе Хазарскаго аршина[56].

Перекопъ
Крымъ

ГЛАВА XI.

О Государѣ, именуемомъ Улубеемъ (Ulubi) и о странѣ, подвластной ему; о покореніи Кафы и о томъ, какимъ образомъ она досталась въ руки Менгли-Гирея (Mengligeri), потомъ перешла къ Султану и наконецъ опять подпала подъ власть Менгли-Гирея; о стрѣльбѣ въ цѣль изъ лука; о плѣненіи и освобожденіи Муртазы-Хана (Mordassa-Can).

Равнины острова Кафы принадлежатъ Татарамъ и управляются особеннымъ Государемъ, по имени Улубеемъ, сыномъ Ази-Гирея (Azicharei[57]). Онѣ довольно населены и могутъ, въ случаѣ нужды, выставить до 4000 всадниковъ. Татары владѣютъ на островѣ двумя, не слишкомъ впрочемъ важными, укрѣпленіями, а именно: Сольгати (Solgathi), который природные жители называютъ Крымомъ (Chirmio[58]), т. е. крѣпостію и Керкіарде (Cherchiarde), что на Татарскомъ языкѣ значитъ сорокъ мѣстъ[59]). По берегу Забакскаго моря первый встрѣчающійся городъ есть Керчь (Cherz), извѣстный у насъ подъ именемъ Босфора Кимерійскаго, а потомъ Кафа, Сольдадія (Soldadia), Грузуи (Grusui), Сарсона (Sarsona) и

Улубей и его владѣнія.

Каламита (Calamita[60]). О всѣхъ этихъ городахъ, подвластныхъ нынѣ Султану, не стану я распространяться болѣе; ибо они и безъ того уже довольно извѣстны, а разскажу только въ нѣсколькихъ словахъ покореніе Кафы, о коемъ я слышалъ отъ одного Генуэзца, по имени Антоніо да Гуаско, бывшаго очевидцемъ этого событія, и бѣжавшаго моремъ сначала въ Грузію, а потомъ въ Персію, гдѣ онъ самъ разсказывалъ мнѣ то, что я теперь сообщить намѣренъ.

Покореніе Кафы.

Въ это время царствовалъ въ Крыму Татарскій Государь, по имени Эминахъ-Бей (Eminachbi[61]). Жители Кафы обязаны были, по обычаю страны, платить ему ежегодно извѣстную дань, и по поводу сего возникли между ними какія то несогласія, такъ, что бывшій тогда въ Кафѣ Консулъ, родомъ Генуэзецъ, рѣшился отправить посла къ Татарскому Хану съ просьбою о присылкѣ кого либо изъ родственниковъ Эминахъ-Бея, для сверженія его съ престола. Съ этимъ намѣреніемъ отправленъ былъ нарочный корабль въ Тану, съ особеннымъ посломъ, который немедленно поѣхалъ къ Хану въ орду и отыскавъ тамъ одного родственника Эминахъ-Бея,

Менгли-Гирей пріѣзжаетъ въ Кафу.

по имени Менгли-Гирея, уговорилъ его ѣхать вмѣстѣ въ Кафу чрезъ Тану. Эминахъ-бей, провѣдавъ о семъ, началъ изыскивать всѣ средства къ примиренію своему съ жителями Кафы,

предлагая имъ главнымъ условіемъ мира, чтобы они немедленно отправили Менгли-Гирея назадъ; но Кафинцы не согласились на это условіе и, въ слѣдствіе того, Эминахъ-бей, не увѣренный въ собственныхъ силахъ своихъ, отправилъ посла къ Султану, прося его прислать къ нему на помощь Оттоманскій флотъ, который бы дѣйствовалъ съ моря, тогда какъ самъ Эминахъ-бей будетъ дѣйствовать съ сухаго пути, и обѣщаясь въ награду за то уступить Султану Кафу. Султанъ, давно домогавшійся владѣнія симъ городомъ, немедленно отправилъ къ Кафѣ флотъ свой, который безъ большихъ усилій овладѣлъ ею и, захвативъ Менгли-Гирея, отослалъ его къ Султану, гдѣ онъ находился плѣнникомъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Вскорѣ однако Эминахъ-бей, недовольный сосѣдствомъ Турокъ и жалѣя о сдѣланной имъ Султану уступкѣ, запретилъ вывозъ въ Кафу всякаго рода жизненныхъ припасовъ, отъ чего городъ пришелъ въ крайне затруднительное положеніе, какъ бы во время осады. Султану данъ былъ совѣтъ отправить Менгли-Гирея обратно въ Кафу и держать его тамъ подъ почетною стражею, въ надеждѣ чрезъ таковую мѣру возстановить изобиліе въ городѣ; ибо жители крайне привязаны были къ Менгли-Гирею. Находя совѣтъ сей благоразумнымъ, Султанъ поспѣшилъ ис-

Султанъ овладѣваетъ Кафою.

полнить его, и лишь только узнали о возвращеніи Менгли-Гирея, немедленно всѣ рынки наполнились припасами; ибо Государь сей былъ любимъ не только жителями города, но и окрестной страны. Между тѣмъ его держали подъ почетною стражею, позволяя впрочемъ свободно ходить по всему городу.

Стрѣльба въ цѣль изъ лука.

Въ таковомъ положеніи находились дѣла, когда назначена была однажды въ Кафѣ стрѣльба въ цѣль изъ лука. Здѣсь не мѣшаетъ объяснить, какимъ образомъ этого рода забавы устроены у тамошнихъ народовъ. На бревно, вставленное обоими концами въ два другія бревна, врытыя въ землю, на подобіе висѣлицы, привѣшиваютъ обыкновенно на снуркѣ серебреный сосудъ. Стрѣлы тѣхъ, которые намѣрены состязаться для полученія награды, вооружены желѣзнымъ остріемъ, въ видѣ полумѣсяца. Съ лукомъ въ рукахъ всадники пускаютъ коней своихъ, сначала прямо подъ висѣлицу, а потомъ, отъѣхавъ отъ нее на нѣкоторое разстояніе, круто поворачиваютъ вправо и, обернувшись назадъ, пускаютъ стрѣлы свои въ назначенную цѣль. Тотъ, кому удастся сбить сосудъ, получаетъ его въ награду своего искусства.

Пользуясь этимъ случаемъ, Менгли-Гирей подговорилъ сто Татарскихъ всадниковъ, дабы они скрылись въ небольшой лощинѣ, непода-

леку отъ города находившейся; самъ же объявилъ, что первый намѣренъ начать стрѣльбу, и пустивъ по обычаю вскачь коня своего, вскорѣ совсѣмъ скрылся изъ виду. Лишь только слухъ о его побѣгѣ распространился въ народѣ, большая часть жителей острова немедленно присоединилась къ нему, и съ помощію ихъ онъ вскорѣ овладѣлъ городомъ Сольгати, въ шести миляхъ отъ Кафы находящемся, а потомъ, когда силы его значительно возросли, приступилъ къ городу Керкіарде, взялъ его и, умертвивъ Эминахъ-бея, объявилъ себя повелителемъ всей страны.

Менгли-Гирей умерщвляетъ Эминахъ-бея.

На слѣдующій годъ вознамѣрился онъ итти войною на Цитрахань, страну, въ 16 дняхъ пути отъ Кафы находящуюся и подвластную Муртазѣ-Хану, кочевавшему въ то время съ ордою своею на рѣкѣ Эрдилѣ. Прибывъ къ сей рѣкѣ, онъ напалъ на Муртазу-Хана, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ со множествомъ народа, изъ коего большую часть отправилъ въ Кафу, а самъ остался съ войскомъ своимъ зимовать у означенной рѣки. Между тѣмъ другой Татарскій Государь, жительствовавшій оттуда въ разстояніи нѣсколькихъ дней пути, дознавъ о положеніи стана Менгли-Гиреева, дождался той поры, какъ рѣка покрылась льдомъ, и напавъ внезапно на Менгли-Гирея, разбилъ его, освободилъМуртазу-Хана, томившагося въ

Плѣненіе Муртазы-Хана.

плѣну — и принудилъ Менгли-Гирея возвратиться съ большимъ урономъ въ Кафу. На слѣдующую весну Муртаза-Ханъ учинилъ въ свою очередь опустошительный набѣгъ на владѣнія Менгли-Гирея, но вынужденъ былъ возвратиться назадъ, не успѣвъ покорить ихъ власти своей. Говорятъ, что онъ опять набираетъ войско въ намѣреніи итти новою войною противу Менгли-Гирея [69]), — и этотъ слухъ, самъ по себѣ справедливый, подалъ поводъ къ странной выдумкѣ. Тѣ, которымъ неизвѣстны причины этой войны и различіе между Ханомъ большой орды (Gran Can) и Муртазою-Ханомъ, услышавъ о новомъ ополченіи сего послѣдняго противу Кафы, заключили, что самъ Ханъ большой орды, по предварительному соглашенію съ Султаномъ, идетъ чрезъ Кафу, Монкастро и Валахію въ Венгрію, гдѣ соединитъ силы свои съ силами Турокъ. Заключеніе сіе совершенно ложно, хотя и сообщено въ письмахъ изъ Константинополя.

Освобожденіе Муртазы-Хана. Онъ идетъ войною противу Менгли-Гирея.

ГЛАВА XII.

О Готѳіи и Аланіи; о Готѳскомъ нарѣчіи; о Готѳаланахъ (Gothalani) и о причинахъ, по которымъ они названы симъ именемъ; о городѣ Цитрахани и огромныхъ липахъ, ростущихъ въ окружныхъ лѣсахъ; о городѣ Рязани (Risan) и плодородіи окрестной страны; о городѣ Коломнѣ (Colona); о рѣкѣ Москвѣ (Moscho) и городѣ того же имени; о мѣстоположеніи и богатствѣ сего города.

Готѳія и Аланія.

Прямо позади острова Кафы, на берегу Чернаго моря, лежитъ сначала Готѳія [63]), а потомъ Аланія, простирающаяся вплоть до самаго Монкастро. Готѳы говорятъ языкомъ Нѣмецкимъ, въ чемъ я самъ удостовѣрился, имѣвъ при себѣ служителя Нѣмца, который свободно объяснялся съ ними на природномъ языкѣ своемъ, и они также хорошо понимали другъ друга, какъ у насъ житель Форли [64]) понимаетъ Флорентинца [65]). Отъ сосѣдства Готѳовъ съ Аланами, какъ я полагаю, произошло названіе Готѳалановъ. Аланы были первоначальными обитателями страны. Пришли Готѳы, покорили ихъ и, смѣшавъ имя

Готоаланы. свое съ ихъ именемъ, назвали себя Готѳаланами, т. е. народомъ, составленнымъ изъ двухъ различныхъ племенъ. Всѣ они, равно какъ и Черкессы (Circassi), исповѣдуютъ Греческую вѣру [66].

Упомянувъ выше сего о Тюмени и Цитрахани, мы не излишнимъ почитаемъ сообщить читателямъ нашимь тѣ подробности объ этихъ странахъ, которыя кажутся намъ заслуживающими вниманіе. На востокъ отъ Тюмени, въ разстояніи семи дней пути, течетъ Цитрахань. рѣка Эрдиль, на которой стоитъ городъ Цитрахань. Теперь онъ почти совершенно раззоренъ, но прежде славился своею обширностію и богатствомъ. До разрушенія его Тамерланомъ, пряныя коренья и шелкъ, отправляемые нынѣ чрезъ Сирію, доставлялись въ Тану чрезъ Цитрахань, и потомъ уже на шести или семи Венеціанскихъ галерахъ перевозились въ Италію; ибо въ то время ни Венеціане, ни другіе приморскіе жители не производили еще въ Сиріи никакой торговли [67]. Эрдиль есть одна изъ самыхъ величайшихъ и широкихъ рѣкъ. Она впадаетъ, въ 25 миляхъ отъ Цитрахани, въ Бакинское море (mare di Bachu [68]) и изобилуетъ всякаго рода рыбою, преимущественно Харіусами (schenoli) и муреною (morone). По берегу моря встрѣчается весьма много солончаковъ.

Вверхъ по Эрдилю легко можно въ трое сутокъ доплыть до Москвы, столицы Россіи[69]). Отъ того-то Московитяне каждый годъ отправляютъ суда свои въ Цитрахань за солью. Путь сей весьма удобенъ; ибо рѣка Москва впадаетъ въ Оку (Осса), а сія послѣдняя въ Эрдиль. На Эрдилѣ находится множество острововъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ до 30 миль въ окружности. Они покрыты лѣсами, въ коихъ ростутъ столь огромной величины липы, что изъ одного кряжа можно выдолбить лодку, на которой помѣстятся 8 или 10 лошадей и столько же людей. Переѣхавъ чрезъ Эрдиль, по направленію къ западу, на разстояніи пятнадцати дней пути, встрѣчаются по берегу рѣки безчисленныя племена Татаръ. Они простираются до самыхъ предѣловъ Россіи, на границѣ коей находится городъ Рязань, подвластный одному изъ родственниковъ Іоанна, Великаго Князя Россійскаго (Giovanni, Duca di Russia[70]). Жители Рязанской земли всѣ до одного Христіане и исповѣдуютъ вѣру Греческую. Страна ихъ, изобилующая хлѣбомъ, скотомъ, медомъ и другими сельскими продуктами, вообще лѣсиста и довольно населена. Въ Рязани приготовляютъ особенный напитокъ, въ родѣ нашего пива, именуемый бузою (bussa). Нѣсколько далѣе встрѣчается городъ Коломна, укрѣпленный по-

Огромныя липы.

Рязань.

Коломна

добно Рязани деревянными стѣнами [71]). Въ обоихъ этихъ городахъ всѣ строенія деревянныя, по недостатку каменнаго матеріала. За Коломною, въ разстояніи трехъ дней пути, течетъ значительная рѣка Москва [72]), на ко-

Москва. торой стоитъ городъ того же имени, гдѣ имѣетъ жительство вышепомянутый Іоаннъ, Великій Князь Россійскій. На этой рѣкѣ, протекающей внутри самаго города, построено нѣсколько мостовъ. Замокъ расположенъ на холмѣ и со всѣхъ сторонъ окруженъ рощами. Изобиліе въ хлѣбѣ и мясѣ такъ здѣсь велико, что говядину продаютъ не на вѣсъ, а по глазомѣру. За одинъ маркъ (marchetto) вы можете получить четыре фунта мяса; семьдесятъ курицъ стоятъ червонецъ, а гусь не болѣе трехъ марокъ. Стужа здѣсь такъ сильна, что самые даже рѣки замерзаютъ отъ оной. Зимою привозятъ въ Москву такое множество быковъ, свиней и другихъ животныхъ, совсѣмъ уже ободранныхъ и замороженныхъ, что за одинъ разъ можно купить до двухъ сотъ штукъ; но рѣзать ихъ не льзя, не разогрѣвъ прежде въ печи; ибо они тверды какъ камень. За то плодовъ здѣсь никакихъ нѣтъ, кромѣ небольшаго количества ябловокъ, орѣховъ и лѣсныхъ орѣшковъ [73]).

Жители, для поѣздокъ своихъ, въ особенности продолжительныхъ, избираютъ пре-

имущественно зимнее время, когда дорога отъ морозовъ сдѣлается ровною и не представляетъ въ пути никакихъ неудобствъ, кромѣ одной только стужи. Поклажу свою перевозятъ они весьма легко на саняхъ, которые служатъ у нихъ вмѣсто повозокъ и называются возами (travoli over vosi). Лѣтомъ же никто не отваживается въ дальній путь по причинѣ большой грязи и множества мошекъ, порождаемыхъ окрестными лѣсами, почти вовсе необитаемыми. Вина Москвитяне не пьютъ; но дѣлаютъ особеннаго рода напитокъ изъ меда или изъ пшеницы, подмѣшивая туда хмѣль, который, приводя напитокъ въ броженіе, придаетъ ему такую крѣпость, что имъ можно напиться до пьяна какъ виномъ.

Не смѣю умолчать здѣсь о постановленіи, сдѣланномъ нынѣшнимъ Великимъ Княземъ. Видя, что подданные его предаются пьянству и пренебрегаютъ полезными занятіями, онъ издалъ указъ, воспрещающій кому бы то ни было варить медъ и пиво и употреблять хмѣль. Этимъ способомъ ему удалось исправить народъ свой[74]).

ГЛАВА XIII.

О городѣ Казани (Cassan); о Моксахъ (Moxii), ихъ религіи и образѣ жизни; о Новгородѣ, о крѣпостяхъ Трокахъ (Trochi) и Слонимѣ (Lonin); о городахъ Варшавѣ (Varsonich); Мезерицѣ (Mersaga) и Франкфуртѣ; о Царѣ Грузинскомъ; о плодородіи подвластной ему страны и о нравахъ и обычаяхъ ея жителей; о городѣ Тифлисѣ (Zifilis).

Казань. За двадцать пять лѣтъ предъ симъ Русскіе платили ежегодную дань Татарскому Хану, а нынѣ сами завоевали городъ Казань (слово это на нашемъ языкѣ значитъ котелъ), лежащій на лѣвомъ берегѣ рѣки Эрдиля, по направленію къ Бакинскому морю, въ разстояніи пяти дней пути отъ Москвы [70]). Городъ сей производитъ значительную торговлю, снабжая Россію, Польшу, Персію и Фландрію мѣхами, которые самъ получаетъ съ Сѣвера отъ Джагатаевъ (Zagatai) и Моксовъ [75]). Страна Джагатаевъ населена Татарами, которые, равно какъ и Моксы, преданы идолопоклонству. Имѣвъ случай узнать нѣкоторыя подробности

Моксы. о Моксахъ, я сообщу оныя читателямъ

моимъ. Въ извѣстное время года они выводятъ въ поле лошадь и привязываютъ ей всѣ четыре ноги и голову къ кольямъ, вбитымъ въ землю. Потомъ одинъ изъ нихъ, вооруженный лукомъ и стрѣлами, ставъ въ извѣстномъ разстояніи, пускаетъ ей въ грудь стрѣлы до тѣхъ поръ, пока она падетъ мертвою. Послѣ сего ее обдираютъ и съѣвъ мясо, съ нѣкоторыми особенными обрядами, шкуру набиваютъ соломою; при чемъ весьма искусно зашиваютъ ее, а вмѣсто ногъ вставляютъ прямыя палки, дабы чучело могло стоять какъ живая лошадь. По совершеніи этихъ церемоній, всѣ отправляются къ какому либо дереву, у котораго обрубаютъ нѣсколько вѣтвей и, прикрѣпивъ доску на вершинѣ, ставятъ на нее самое чучело; потомъ поклоняются ему, принося въ даръ соболей, горностаевъ, куницъ, бѣлокъ, волковъ или другіе какіе либо мѣха, которые прикрѣпляютъ къ дереву, какъ мы прикрѣпляемъ свѣчи, такъ, что оно почти все ими унизано.

Большая часть народа питается мясомъ (преимущественно дичью) и рыбою, которую они ловятъ въ рѣкахъ. Объяснивъ здѣсь вкратцѣ все, извѣстное мнѣ о Моксахъ, скажу еще нѣсколько словъ о Джагатайскихъ Татарахъ. Они также язычники и поклоняются идоламъ, которыхъ возятъ съ со-

бою на повозкахъ. Нѣкоторые даже воздаютъ Божескіе почести первому животному, которое встрѣтятъ по выходѣ своемъ изъ дома.

Новгородъ. Великій Князь Россійскій покорилъ также Новгородъ (Novogradia), что на нашемъ языкѣ значитъ девять городковъ (noue castelli), обширнѣйшій городъ, лежащій на сѣверъ отъ Москвы, въ разстояніи осьми дней пути[76]). Верховная власть въ Новгородѣ находилась прежде въ рукахъ народа, но законы были весьма недостаточны и многіе изъ жителей вдавались въ ересь. Теперь православіе понемногу укореняется и въ управленіи замѣтенъ также нѣкоторый порядокъ и правосудіе.

Отъ Москвы до границъ Польши считается 22 дня пути. Первый встрѣчающійся на Троки. семъ пространствѣ городъ есть крѣпость Троки, до которой дорога тянется чрезъ лѣса и горы, представляя видъ совершенной пустыни. Лишь только по временамъ встрѣчаются слѣды огня, разведеннаго путниками для ночлега, да изрѣдка мелькаютъ небольшія деревеньки. Далѣе Слонимъ. до Слонима, крѣпости, въ разстояніи 9 дней пути отъ Трокъ находящейся, дорога также идетъ чрезъ лѣса и горы. Впрочемъ страна сія уже болѣе населена. Вслѣдъ за симъ въѣзжаешь въ землю Литовскую, гдѣ первый встрѣтившійся Варшава. ся городъ есть Варшава[77]). Она управляется

нѣсколькими вельможами, подвластными Королю Польскому Казимиру. Вся эта страна очень плодородна и усѣяна множествомъ крѣпостей и селеній, не слишкомъ впрочемъ значительныхъ. Отъ Трокъ до Польши считается не болѣе 6 дней пути и дорога лежитъ по мѣстамъ плодороднымъ и красивымъ. Потомъ слѣдуетъ Мезерицъ, довольно хорошій городъ и имъ оканчиваются Польскія владѣнія, о коихъ я не стану распространяться по неимѣнію достаточныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній. Скажу только, что Король Польскій и все его семейство исповѣдуютъ вѣру Христіаннѣйшую и что старшій сынъ его владѣетъ нынѣ Богемскимъ престоломъ. — По выѣздѣ изъ Польши, чрезъ четыре дни пути, прибыли мы во Франкфуртъ, городъ, принадлежащій Маркизу Бранденбургскому (Marchese di Brandiburg) и потомъ въѣхали въ Германію, которой описывать не стану, ибо страна сія многимъ уже извѣстна. Теперь остается только упомянуть о Грузіи, Государствѣ, лежащемъ совершенно въ противной сторонѣ, подлѣ Мингреліи и управляемой нынѣ Царемъ, по имени Багратомъ (Pancratio [7 8]). Это—прекрасная страна, изобилующая скотомъ, хлѣбомъ, виноградомъ и всякаго рода плодами. Жители вообще рослы и красивы, но слѣдуютъ самымъ глупымъ и страннымъ обычаямъ. Они брѣютъ головы, оставляя только кру-

Мезерицъ.

Франкфуртъ.

Грузія

гомъ небольшой рядъ волосъ, подобно нашимъ Аббатамъ; усы отпускаютъ на четверть ниже самой бороды; на головѣ носятъ разноцвѣтныя шапки, собранныя на верхушкѣ въ видѣ гребня и одѣваются въ длинные и весьма узкіе кафтаны, съ большими разрѣзами назади, дабы удобнѣе можно было ѣздить верхомъ. Впрочемъ этотъ нарядъ порицать трудно, потому что онъ доселѣ еще сохранился во Франціи. Сапоги ихъ сдѣланы такимъ образомъ, что когда они стоятъ на ногахъ, то носокъ и каблукъ касаются пола, а средина подошвы отдѣляется отъ него на такое разстояніе, что можно свободно просунуть кулакъ, не причинивъ ногѣ ни малѣйшей боли. Эта обувь дѣлаетъ ихъ походку нѣсколько вялою; впрочемъ не одни они, но и Персіяне также носятъ этого рода сапоги. Въ столѣ, (какъ я имѣлъ случай видѣть у одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ) соблюдаютъ они особенный порядокъ. Посреди четвероугольнаго стола, въ поллоктя шириною, съ выдолбленнымъ вокругъ жолобомъ, накладено было вареное пшено безъ соли и масла, служащее имъ вмѣсто похлебки. На другомъ, такомъ же столѣ находилась вареная и нѣсколько поджареная кабанина, но столь сырая, что изъ нее капала кровь, когда ее разрѣзывали. Они ѣли все это съ большою охотою; тогда какъ я

не могъ рѣшиться отвѣдать этихъ блюдъ и долженъ былъ притворяться, будто также лакомлюсь ими. Вина было весьма много, — и оно безпрестанно ходило вокругъ стола; другихъ же яствъ, кромѣ описанныхъ мною, намъ не подавали.

Грузія покрыта высокими горами и обширными лѣсами. Въ числѣ городовъ замѣчательнѣе всѣхъ Тифлисъ, чрезъ который протекаетъ рѣка Тигрисъ [79]. Онъ довольно хорошо выстроенъ, но мало населенъ. Еще заслуживаетъ вниманіе крѣпость Гори, прилежащая къ Черному морю [80]. Вотъ все, что я могъ повѣдать занимательнаго о путешествіи моемъ въ Тану и окрестныя страны.

Конецъ.

DI MESSER JOSAFA BARBARO

GENTIL'HUOMO VENETIANO,

IL VIAGGIO DELLA TANA.

ESSORDIO.

La terra (secondo quello, che con evidentissime dimostrationi provano li Geometri) in comparatione del firmamento è tanto picciola, quanto un punto fatto nel mezo della circonferentia d'un circolo: dellaquale, per esser una buona parte, secondo l'opinione d'alcuni, over coperta da acque, over' intemperata per troppo freddo, ò caldo, quella parte che s'habita, è anchora molto minore. Nondimeno tanta è la picciolezza de gli huomini, che pochi si truovano, che n'habbiano veduto qualche buona particella: et niuno, se non m'inganno, è, ilquale l'habbia veduta tutta. Et quelli, che n'hanno veduto pur qualche particella al tempo nostro, per la maggior parte sono mercanti, overo huomini dati alla marinarezza: ne' quali due essercitii dal principio suo per insino ad dì presente, tanto i miei padri, et signori Venetiani sono stati eccellenti, che credo con verità poter dire, che in questa cosa soprastiano à gli altri. Imperò che dopo, che l'Imperio Romano non signoreggia per tutto, come una volta fece: et che la diversità de' linguaggi, costumi, et religione hanno come à dir passato, et rinchiuso questo mondo inferiore: grandissima parte di questa poca, laqual è habitabile, saria incognita, se la mercantia, et marinarezza per quanto è stato il poter de' Venetiani non l'havesse aperta. Tra liquali, s'alcuno è al di d'hoggi che s'habbia affaticato di vederne qualche parte, credo poter dir con verità d'esser io uno di quelli: conciosia che quasi tutt' il tempo della gioventù mia, et buona parte della vecchiezza habbia consumata in luoghi lontani, in genti barbare, fra huomini alieni in tutto dalla civiltà, et costumi nostri: tra liquali ho provato, et veduto molte cose,

che per non esser usitate di quà, a quelli che l'udiranno, i quali per modo di dire, non furono mai fuori di Venetia, forse parranno bugie. Et questa è stata principalmente la cagione, per laquale non m'ho mai troppo curato nè di scriver quello che ho veduto, nè etiandio di parlarne molto. Ma, essendo al persente astretto da preghiere di chi mi può comandare: et havendo inteso, che molto più cose di queste, che paiono incredibili, si truovano scritte in Plinio, in Solino, in Pomponio Mella, in Strabone, in Herodoto, et in altri moderni, com'è Marco Polo, Nicolo Conte nostri Venetiani, et in altri novissimi, com'è Pietro Quirini, Alvise da Mosto, et Ambrosio Contarini: non ho potuto far di meno, che anchora io non scriva quello, che ho veduto, prima ad honor del signor Iddio, ilquale m'ha scampato da infiniti pericoli: poi a contento di colui, che m'ha astretto, et a utile in qualche parte di quelli, che verranno dopo noi, specialmente se haveranno d'andar peregrinando, dove io sono stato: a consolatione di chi si diletterà di legger cose nuove: et etiandio per giovamento della nostra terra, se per l'avvenire havrà di bisogno di mandar qualche uno in quei paesi. Onde io dividerò il parlar mio in due parti. Nella prima narrerò il viaggio mio della Tana: nella seconda quello di Persia, non mettendo però nè nell' uno, nè nell' altro a una gran giunta le fatiche, li pericoli, et i disagi, i quali mi sono accorsi.

CAPITOLO I.

Del fiume Erdil altramente detto la Volga: i confini della Tartaria: de' fiumi Elice, et Danubio: d' Alania provincia, et perche sia cosi detta: costume de' Tartari circa le lor sepolture: del monte Contebbe: di Derbent città: come l'auttore intendendo che nel monte predetto era nascosto un thesoro, andò con alcuni mercanti, et gran numero d'huomini a cavar in detto monte, et le cose maravigliose, che si trovarono.

Del 1436 cominciai andar al viaggio della Tana, dove a parte a parte sono stato per spatio d'anni 16 et ho circondato quelle

parti cosi per mare, come per terra con diligenza, et quasi curiosità. La pianura di Tartaria a uno che fusse in mezo di quella, ha dalla parte di Levante il fiume d'Erdil, altramente detto la Volga: dalla parte di Ponente, et Maestro, la Polonia: dalla parte di Tramontana, la Rossia: dalla parte d'Ostro, laqual guarda verso il mar maggiore, l'Alania, Cumania, Gazaria: i quali luoghi tutti confinano su'l mar delle Zabache, ch'è la palude Meotide, et conseguentemente è posta tra li sopradetti confini. Et acciò che io sia meglio inteso, io anderò discorrendo in parte del mar maggiore per riviera, et in parte infra terra, fin ad un fiume domandato Elice, ilqual è appresso Capha circa 40 miglia, passato ilqual fiume, si và verso Moncastro, dove si truova il Danubio fiume nominatissimo. Et di qui avanti non dirò cosa alcuna per esser luoghi assai piu domestici. La Alania è derivata da' popoli detti Alani, liquali nella lor lingua si chiamano As. Questi erano Christiani, et furon scacciati, et distrutti da' Tartari: la regione è per monti, rive, et piani: dove si truovano molti monticelli fatti a mano, liquali sono in segno di sepolture, et ciascun di loro ha un sasso in cima grande con certo buso, nelquale mettono una croce d'un pezzo, fatta d'un' altro sasso: et di questi monticelli ce ne sono innumerabili, in uno de' quali intendevamo esser' ascoso grande thesoro: conciosia che nel tempo, che M. Pietro Lando era Consolo alla Tana, venne uno dal Cairo, nominato Gulbedin, et disse, come essendo al Cairo, havea inteso da una femina Tartara, che in uno di questi monticelli chiamato Contebbe, era stato nascosto per questi Alani un gran thesoro: laqual femina etiandio gli haveva dati certi segnali cosi del monte come del terreno: Questo Gulbedin si misse a cavare in questo monticello, facendo alcuni pozzi hora in un luogo, et hora in un'altro: et cosi preseverò, per anni due, et poi morì. Onde fu concluso, che per impotentia esso non havesse potuto trovar quel thesoro. Per laqual cosa del 1437 trovandoci la notte di S. Caterina nella Tana, sette di noi mercanti in casa di Bartolomeo Rosso cittadin di Venetia, cioè Francesco Cornaro, che fu fratello di Jacomo Cornaro dal banco, Caterin Contarini, ilqual dopo usò in Constantinopoli, Giovanni Barbarigo fu d'Andrea di Candia, Giovanni da Valle, ilqual morì patron d'una fusta nel lago di Garda, ma prima insieme con al-

cuni altri Venetiani, nel 1428 andò in Derbent città sopra il mar Caspio, et fece una fusta, con consentimento di quel signore, et invitato da lui, depredò di quei navilii, iquali venivano da Strava. che fu quasi cosa mirabile, laqual lascierò per adesso: Moisè Bon, d'Allessandro dalla Giudecca, Bartolomeo Rosso, et io, con Santa Caterina, laqual metto per l'ottava nelle nostre stipulationi, et patti. Trovandoci dico nella Tana noi sette mercanti in casa di detto Bartolomeo Rosso nella notte di S. Caterina, tre de' quali erano stati avanti di noi in quelle parti: et ragionando insieme di questo thesoro: finalmente ci accordammo, et facemmo una scrittura (laqual fu di mano di Caterin Contarini: la copia dellaquale per insino al presente ho apresso di me) d'andar a cavare in questo monte, et trovammo 120 huomini da menare con noi a questo essercitio, ciascuno de'quali davamo tre ducati il mese per il meno, et circa 8 giorni dopo, noi sette insieme con li 120 condotti partimmo dalla Tana, con la robba, vittuarie, et instromenti, i quali portamno su quei Zenà che s'usano in Rossia: et andammo su'l ghiaccio per la fiumara della Tana, et il dì seguente giugnemmo li: perch' è su'l fiume, et è circa sessanta miglia lontano dalla Tana. Questo monticello è alto da cinquanta passa, et di sopra è piano, nelquale ha un'altro monticello simile ad una beretta tonda con una piega a torno, si che due huomini sariano andati un'appresso l'atro su per quel margine. Et questo secondo monticello era alto 12 passa, et di sotto era di forma circolare, come se fusse stato fatto a compasso, et occupava in diametro 8 passa. Principiammo a tagliare, et cavare su'l piano di questo monticello maggiore, ilqual è principio del monticello minore, con intentione, d'entrar dentro da basso fino in cima, et di fare una strada larga, et d'andar di longo. Nel principio del romper il terreno, quell'era si duro, et agghiacciato: che ne con zappe, ne con manare lo potevano rompere: pur entrati che fussimo un poco sotto, trovammo il terreno tenero, et fu lavorato per quel giorno assai bene. La mattina seguente ritornando a l'opera trovammo il terreno agghiacciato, et piu duro, che prima, in modo, che ne fu forza per all'hora abbandonar l'impresa et ritornar alla Tana, con proposito però, et fermo deliberatione di ritornavi a tempo nuovo. Circa l'uscita di Marzo ritornammo con barche, et navilii con

huomini da 150 et demmo principio a cavare: et in 22 giorni facemmo una tagliata di circa passi 60, larga passi 8, et alta da passa 10. Udirete quì gran maraviglia, et cose per, modo di dire, incredibili. Trovammo quello n'era stato predetto, che trovaremmo: per il che ne facevamo piu certi di quello che n'era stato detto, in modo, cher per la speranza di ritrovare questo thesoro, noi i-quali pagavamo portavamo meglio la zivera di quel che facevano gli altri: et io era il maestro di far le zivere. La maraviglia grande c'havessimo, fu che prima di sopra il terreno era negro per l'herbe, dopo erano li carboni per tutto: et questo è possibile, conciosia c'havendo appresso boschi di salci: potevano far fuoco su tutt'il monte. Dopo v'erano cenere per una spanna: et questo anchora è possibile, conciosia c'hauendo vicino il canneto, et potendo far fuoco di canne, potevano haver cenere: Dopo v'erano scorze di miglio per un'altra spanna: et (perche a questo si potria dire: che mangiavano paniccio fatto di miglio, et haveano serbati li scorzi da mettere in quel luogo) vorrei sapere quanto miglio bisognava c'havessero a voler compire tanta larghezza, quanta era quella del monticello, di scorzi di miglio alta una spanna. Dopo v'erano squame di pesci, cioè di raine, et altri simili, per un'altra spanna: et (perche si potria dire che in quel fiume si truovano raine et pesci assai, delle squame de' quali poteva coprire il monte) io lascio considerare a quelli, che leggeranno, quanto questa cosa sia ò possibile, ò verisimile: certo è ch'è vera. Onde considero, che colui, ilqual fece fare questa sepoltura, che si chiamava Indiabu, volendo far queste tante cerimonie, lequali forse s'usavano a quei tempi: bisognò che si pensasse molto avanti, et che facesse ricogliere, et riponere tutte queste cose. Havendo fatta questa tagliata, et non trovando il thesoro: deliberammo di fare due fosse intra il monticello massiccio, lequali fussero 4 passa per largo, et per alto: et facendo questo, trovammo un terreno bianco, et duro intanto, che facemmo scalini in esso, su per i quali portavamo le zivere. Andando sotto circa cinque passa, trovammo in quel basso alcuni vasi di pietra in alcuni de'quali era cenere, et in alcuni carboni: alcuni erano vacui, et alcuni pieni d'ossi di pesce de la schena. Trovammo etiam da 5 ò 6 pater nostri grandi come naranzi, i quali erano di terra cotta invetriata, simili a quelli che si fanno nella Marca, i quali si mettono alle tratte. Trovam-

mo anchora un mezo manico d'un ramino d'argento, picciolino: c'havea di sopra a modo d'una testa di biscia. Venuta la settimana santa, cominciò a soffiare un vento da Levante con tanta furia: che levava il terreno, et le zoppe ch'erano state cavate, et quelle pietre, et gittavale nel volto delli operarii con effusione di sangue. Per la qual cosa noi deliberammo di levarci, et di non far piu altra esperienza, et questo fu il lunedi di Pasqua. Il luogo per auanti si chiamava le cave di Gulbedin: et, dopo, che noi cavammo, è stato chiamato per sino a questo giorno, la cava de' Franchi: imperò ch'è tanto grande il lavoro, che facemmo in pochi giorni, che si potria credere, che non fusse stato in quel poco tempo da manco d'un migliaio d'huomini. Non havemmo altra certezza di quel thesoro, ma (per quanto intendemmo) se thesoro era lì, la cagione che'l fece metter lì sotto, fu perche il detto Indiabu signore di questi Alani, intese, che l'Imperatore de' Tartari gli veniva incontra, et deliberando di sepelirlo (accioche niuno se n'accorgesse) finse di far la sua sepoltura, secondo il loro costume, et secretamente fece mettere in quel luogo prima quello che a lui pareva, et poi fece fare quel monticello.

CAPITOLO II.

Le fede de' Macomettani onde havesse l'origine: come i Tartari furono astretti alla fede Macomettana: come Naurus Capitano d'Ulumahemet Imperator de' Tartari venuto in divisione andò contra esso Imperatore: il modo di mandar' avanti le scolte: et costume di presentar li signori.

La fede di Macometto principiò ne' Tartari ordinariamente: ma sono anni circa 110 vero è, che per avanti pur alcuni di loro erano Macomettani: ma ogn'uno era in libertà di tener quella fede, che gli piaceva: onde alcuni adoravano statue di legno, et di pezze, et queste portavano sopra li carri. Il stringer della fe-

de Macomettana fu nel tempo di Hedighi capitano della gente dell' Imperator Tartaro chiamato Sidahameth Can. Questo Hedighi fu padre di Naurus, delquale ne parlaremo al presente. Signoreggiava nelle campagne della Tartaria, del 1438 un' Imperatore nominato Ulumahemet Can, cioè gran Macometto Imperatore: et haveva signoreggiato piu anni. Trovandosi costui nelle campagne, che sono verso la Rossia co'l suo lordo, cioè, popolo, haveva per capitano questo Naurus, ilquale fu figliuolo di Hedighi, dalquale fu astretta la Tartaria alla fede Macomettana. Accadè certa divisione tra esso Naurus, et il suo Imperatore: onde si partì dall' Imperatore con le genti che lo volsero seguitare, et andò verso il fiume d' Erdil: dov' era uno Chezimahameth, ch' è di Macometto picciolo, ilqual' era di sangue di questi Imperatori. Et communicato cosi il consiglio, come le forze: deliberarono ambidue d' andar contra questo Vlumahemet: et fecero la via appresso Citrachan, et vennero per le campagne di Tumen, et venendo intorno appresso la Circassia, aviossi alla via del fiume della Tana, et al colfo del mare delle Zabache: ilquale insieme co'l fiume della Tana era agghiacciato. Et, per esser popolo assai, et animali innumèrabili: fu bisogno, che andassero larghi, acciò che quelli, ch' andavano avanti, non mangiassero lo strame, et altri rinfrescamenti di quelli, che venivano dietro. Onde un capo di queste genti, et animali toccò un luogo chiamato Palastra, et l'altro capo toccò il fiume della Tana nel luogo chiamato Bosagaz, che viene a dire legno berettin. La distantia da uno di questi luoghi all' altro è di miglia 120, et tra questa distantia camminava detto popolo, quantunque tutto non fusse atto al cammino. Quattro mesi avanti, che venissero verso la Tana, noi l' intendemmo: mà un mese avanti, che venisse questo signore, cominciarono a venir verso la Tana alcune scolte, lequali erano di giovani, tre ò quattro a cavallo con un cavallo a mano per uno: quelli di loro che venivano nella Tana, erano chiamati avanti il Consolo, et gli erano fatte carezze, et offerte. Domandati dove andavano, et quello ch' andavano facendo: dicevano, ch' erano giovani, ch' andavano a solazzo. Altro non se gli poteva trar di bocco, et stavano al piu una, ò due hore, et poi andavano via: et ogni giorno era questo medesimo, salvo che sempre che n'era

qualch' uno piu per numero: ma, come il signore fu approssimato alla Tana per cinque, ò sei giornate, cominciorano a venire da 25 in 50 con le sue arme ben' in ordine, et avvicinandosi anchor piu, a centinaia. Venne poi il signore, et alloggiò appresso alla Tana per un trar d' arco, dentro una moschea antica. Incontinente il Consolo deliberò di mandargli presenti: et mandò una novenna a lui, una alla madre, et una a Naurus capitano dell' essercito. Novenna si chiama un presente di nove cose diverse, come saria dir panno di seta, searlatta, et altre cose, insino al numero di nove: et cosi è costume di presentare a'signori di quel luogo. Volse ch'io fussi quello ch'andasse co'presenti: et gli fu portato pane, vino di mele, bosa, ch'è cervosa, et altre cose per insino a nove. Entrati nella moschea trovanmo il signore disteso su un tapeto appoggiato a Naurus Capitano. Egli era da 22 et Naurus da 25 anni. Presentati che gli hebbe: gli raccomandai la terra insieme co'l popolo, ilquale dissi ch'era in sua libertà. Risposemi con humanissime parole: dopo guardando verso di noi incominciò a ridere, et a sbatter le mani l'una nell' altra, et dire, guarda che terra è questa dove tre huomini non hanno piu di tre occhi. Et questo era vero, conciosia, che Buran Taiapietra nostro turcimano haveva un'occhio solo, un giovane Greco bastoniero del Consolo, uno solo, et colui, che portava il vino di mele, similmente un solo. Tolta licenza da lui, tornammo alla terra.

CAPITOLO III.

Il modo che tengono le scolte nel vivere: della grand' abbondanza della vettovaglie, che conducono in campo: in qual maniera cammina l'essercito de' Tartari: degli uccelli chiamati gallinaccie.

Se fusse in questo luogo alcuno, ilquale paresse manco che ragionevole, che dette scolte andassero a quattro, a dieci, a venti, et trenta per quelle pianure, stando lontani da'suoi popoli le belle dieci, sedici, et venti giornate: et domandasse di che pos-

sono vivere. Io gli rispondo, che ciascuno di questi, ilqual si parte dal suo popolo, porta un'utricello di pelle di capretto pieno di farina di miglio macinata, et impastata con un poco di mele, et hanno qualche scodelle di legno: et qualche volte pigliano qualche salvaticina, ch'assai ne sono per quelle campagne, et essi le sanno ben pigliare: massimamente con gli archi: tolgono di questa farina, et con un poco d'acqua fanno certa potione, et con quella si passano. Et quando a qualche uno ho domandato quel che mangiano in campagna: all'incontro essi mi rispondono: et che si muore per non mangiare? quasi che dica, habbia pur tanto che si passi la vita leggiermente non mi curo d'altro. Scorrono con herbe, et radici, et con quel che possono, purche non gli manchi il sale. Se non hanno sale la bocca se gli vessica, et marcisce in tanto, che da quel male alcuni se ne muoiono: viengli etiandio flusso di ventre. Ma ritorniamo là dove lasciammo il parlar nostro. Partito che fu questo signore, incominciò a venire il popolo con gli animali, et furono prima mandre di cavalli, a sessanta, cento, dugento, et piu per mandra. Poi furono mandre di cameli, et buoi. Et dietro a queste, mandre d'animali minuti. Et durò questa cosa da giorni sei, che tutt'il giorno quanto potevamo guardare con gli occhi da ogni canto, la campagna era piena di gente, et d'animali, ch'andavano, et venivano. Et questa era silamente nelle teste: onde si puo considerar quanto maggior sia stato il numero di mezo. Noi stavamo su le mura (conciosia che tenevamo serrate le porte) et la sera eravamo stanchi, di guardare: imperò che per la moltitudine di questi popoli, et bestiame, il diametro della pianura che occupavano, era al modo d'una paganea di miglia 120. Questa parole è greca, laqual io gia essendo nella Morea in caccia con un signorotto, c'hauea menato seco cento villani: primamente intesi: ciascuno di loro haveva una mazza in mano, et stavano lontani l'uno dall'altro da dieci passa: et andavano dando di questa mazza in terra: et gridando per far saltar fuori le salvaticine: et li cacciatori, chi a cavallo et chi a piedi con uccelli, et cani si mettevano alle poste, dove a lor pareva: et quando era il tempo gettavano i loro uccelli, o lasciavano i cani: et l'andare a questo modo chiamavano una paganea. In questa maniera,

com'ho detto, camminava questo infinito popolo de'Tartari, et fra gli altri animali, che questo popolo cosi andando cacciava, erano pernici, et alcuni altri ucelli, che noi chiamiamo gallinaccie: i quali hanno la coda corta a modo di galline, et stanno con la testa dritta, come galli, et sono grandi quasi come pavoni, i quali simigliano etiandio nel colore, non intendendo della coda. Onde (per esser la Tana fra monticelli di terreno, et fosse assai, per spatio di dieci miglia intorno, dove gia fu la Tana antica) maggior numero del consueto si venne ascondere fra detti monticelli, et valli non frequentate. Una cosa è, che a torno le mura della Tana, et dentro a'fossi erano tante pernici, et gallinaccie: che pareva che tutti detti luoghi fossero cortivi di' qualche buoni massari. Li putti della terra ne pigliavano qualch'una, et davanle due per un aspro, che vien l'uno otto baggatini nostri.

CAPITOLO IV.

In che modo un frate di San Francesco pigliava grandissima quantità di gallinaccie: del gran numero di gente, ch' era nell' essercito de' Tartari: della maniera de' carri, et delle case di quelle genti, come si fabrichino.

Ritrovandosi a quel tempo nella Tana un frate Therino dell'ordine di S. Francesco, con un rizaglio, facendo di due cerchi piccioli un grande, et ficcando un palo alquanto storto in terra fuor delle mura: ne pigliava dieci, et venti al tratto: et vendendole, trovò tanti denari: che di quelli comprò un garzon Circasso, alquale pose nome Pernice, et fecelo frate. La notte anchora nella terra si lasciavano le finestre aperte con qualche lume dentro, et alcuna volta ne venivano per sino in casa. Di cervi, et altre salvaticine si puo considerare quanto era il numero: ma queste non venivano appresso alla Tana. Dalla pianura ch'occupava questa gente si potria far una descritione del

numero di grosso quanti ch'erano: che a un luogo detto Bosagaz, dov'era una mia peschiera (dopo andato giu il ghiaccio) andando con una barca (ilqual luogo era lontano dalla Tana circa 40 miglia) ritrovai li pescatori, liquali dissero haver pescato l'invernata, et haver salate di molte morone, et caviari, et ch'alcuni di questo popolo erano stati li, et havevano tolto tutti li pesci salati, et non salati, (de' quali alcuni erano, che tra noi non si mangiano) per insino alle teste, et tutti li caviari, et tutto il sale, ilqual è grosso come quello di Gieviza: in modo, che per maraviglia non s'haveva potuto ritrovare un grano di sale. Delle botti etiam haveano tolte le doghe, forse per acconciar li suoi carri. Oltre di questo tre macinette ch'erano lì da macinar sale; c'haveano un ferretto in mezo, ruppero per torre quel poco di ferro. Quello che fu fatto a me, fu fatto da per tutto ad ogn'uno in tanto che a Giovanni da Valle (ilqual anchora haveva una peschiera, et intendendo la venuta di questo signore: haveva fatto fare una gran fossa, et messo da circa trenta carratelli di caviaro in essa, et l'havea coperta di terreno, sopra ilquale poi, acciò che non se n'avedessero, haveva fatto arder legne) trovarono le scosagne, et non gli lasciarono cosa alcuna. In questo popolo sono innumerabili carri da due rote piu alte delle nostre, liquali sono affelciati di stuore di canne, et parte coperti con feltre, parte con panni, quando sono di persone da conto: alcuni de'quali carri hanno le sue case suso, lequali essi fanno in questo modo: Pigliano un cerchio di legno, il diametro delquale sia un passo, et mezo, et sopra questo drizzan'altri semicirculi, i quali nel mezo s'intersecano: tra questi poi mettono le loro stuore di canna, lequali cuoprono, ò di feltro, ò di panni, secondo la lor conditione. Et quando vogliono alloggiare, mettono queste case giù de'carri, et in esse albergano.

CAPITOLO V.

Come un'Edelmugh cognato del signore havuta licenza entrò nella città, et alloggiò in casa di M. Josaphà Barbaro et fatta amicitia tra loro, esso M. Josaphà andò con lui al signore, et quello, che gl'intravenne fra via: il modo ch'osserva quella gente quando và al signore per haver udienza.

Due giorni dopo partito questo signore, vennero a me alcuni de quei della Tana, et mi dissero, ch'io andassi alle mura, dov'era un Tartaro, ilquale mi volea parlare: Andai, et mi fu detto da colui, come lì da presso si ritrovava un'Edelmulgh cognato del signore, il quale volentieri (piacendo cosi a me) entraria nella terra, et si faria mio conaco, cioè hospite. Domandai licenza al Consolo, et ottenuta, che l'hebbi, andai alla porta, et tolsilo dentro con tre de'suoi: imperò che anchora si tenevano chiuse le porte: lo menai a casa, et fecigli honore assai, specialmente di vino, che molto gli piaceva: et in poche parole stette due giorni con me. Costui volendo partire, mi dissé volere, ch'io andassi con lui, et ch'era fatto mio fartello, et che là dou'egli era, io potevo ben'andar sicuro: Dissi pur qual cosa a'mercanti, de'quali niuno era che non si maravigliasse. Deliberai d'andar con lui, et tolsi due Tartari con me, di quelli della terra, a piedi, et io montai a cavallo. Uscimmo della terra a tre hore di giorno: egli era imbriaco marcissimo: imperò c'havea bevuto tanto, che gettava sangue pe'l naso. Et quando io gli diceva, che non bevesse tanto, faceva certi gesti da simia, dicendo: lasciami bere, dove ne troverò io piu? Dismontati adunque su nel ghiaccio per passare il fiume Tanais, io mi sforzava d'andar dov'era la neve: ma esso, ilqual'era vinto dal vino, andando dove il cavallo lo menava, capitò in luogo senza neve, dove il cavallo non poteva stare in piedi: imperò che i lor cavalli non hanno ferri: onde cascò, et esso gli dava con la scoriata (perche non portano sproni) et il cavallo hora levava, et hora cascava: et durò questa cosa forse per un terzo d'hora. Finalmente passeto il fiume, an-

dammo all'altro ramo, et passammo anchor quello con gran fatica, per quell'istessa ragione. Et essendo lui stanco, si pose a certo popolo, che gia s'era messo ad alloggiare, et lì albergammo per quella notte, forniti d'ogni disagio, come si puo pensare. La mattina seguente cominciammo a cavalcare: ma non con quella gagliardezza, c'havevamo fatto il giorno avanti: et passato c'havemmo un'altro ramo di questo fiume, camminando sempre alla via, ch'andava il popolo, ilquale era per tutto come formiche: cavalcato c'havemmo anchora due giornate ci approssimassimo al luogo, dov'era il signore: et quivi gli fu fatto da ogn'uno molto honore, et datogli di quel che v'era, come carne, paniccio, et latte, et altre cose simili, in modo, che non ci mancava cosa alcuna. Il giorno seguente desiderando di vedere come cavalcava questo popolo, et che ordine teneva nelle sue cose: viddi tante, et tanto mirabil cose, che reputo, che volendo scrivere di passo in passo quello ch' io potria, farei un gran volume. Giugnemmo dov'era l'alloggiamento di questo signore: ilquale trovai sotto un padiglione, et d'ogn'intorno genti innumerabili: dellequali quelli, che volevano audientia, erano in ginocchioni tutti separati l'uno dall'altro, et mettevano l'arme sue lontane dal signore un tratto di pietra: a qualch'uno de'quali il signore parlava, et domandando quel ch' esso voleva, tuttavia gli faceva atto con la mano, che si levasse. Levavasi, et veniva piu avanti, lontano però da lui per otto passa, et di nuovo s'inginocchiava, et domandava quello che a lui piaceva: et cosi si faceva per insino, che si dava audientia.

CAPITOLO VI.

In che modo si faccia ragione nel campo: gli huomini da fatti come s'espongono a pericoli, come quaranta cinque Tartari andarono ad assalir cento cavalli de' Circassi, ch'erano nascosi in un bosco per far correrie, et molti di quelli ammazzarono, et gran parte ne presero.

La ragione si fà per tutt' il campo alla sproveduta, et fassi a questo modo: Quando un'ha da fare con un'altro di qualche

differenza, altercandosi con esso di parole, non però al modo, che fanno questi di quà: ma con poca ingiuria, si levano ambidui, et se piu fussero, tutti: et vanno a una via, dove meglio gli pare, et al primo che truovano, ilquale sia di qualche conditione, dicono: Signore fanne ragione, perche siamo differenti: et egli subito si ferma, et ode quello, che dicono, et poi delibera quello gli pare, senz'altra scrittura, et di quello che ha deliberato niuno parla. Concorrono a queste cose molte persone, allequali fatta la deliberatione, esso dice: Voi sarete testimonii. Di simili giudicii tutt' il campo continuamente è pieno: et se qualche differenza gli occorresse in via, osservano quest' istesso, togliendo per giudice quello, che scontrano, facendolo giudicare. Viddi un giorno, essendo in questo lordò, una scodella di legno roversciata in terra, et andai là, et levandola trovai che sotto v'era paniccio cotto. Mi voltai verso un Tartaro, et gli domandai, che cosa è questa? mi rispose, esser messa per Hibuthperes, cioè per gli Idolatri. Domandai, et come sonvi idolatri in questo popolo? rispose, o, o, ne sono assai, ma sono occulti. Principierò dal numero del popolo, et dirò d'aviso, imperò che numerarli non era possibile, esplicando nondimeno manco di quello, ch' io stimo. Credo, et fermamente tengo, che fussero animi trecentomila in tutt'il lordò, quando è congiunto in un pezzo. Questo dico, perche parte del lordò havea Ulumahemeth, com'habbiamo detto di sopra. Gli huomini da fatti sono valentissimi, et animosissimi in tanto, ch'alcun di loro per eccellentia è chiamato Talubagater, che vuol dire, matto valente: ilqual nome gli accresce tra'l vulgo, come appresso di noi savio, over il bello: onde si dice Pietro tale il savio, et Paulo tale il bello. Hanno questi tali una preminentia, che tutte le cose, che fanno, anchora che in qualche parte siano fuori di ragione, si dicono esser fatte bene, che derivando da prodezza, a tutti par che facciano il suo mestiero: et di questi molti ve ne sono (se sono in fatti d'arme) che non stimano la vita, non temono pericolo, si cacciano avanti, et s'espongono ad ogni rischio senza ragione alcuna, di modo, che li timidi pigliano animo, et diventano valentissimi. A me par questo lor cognome esserli molto proprio: perche non veggio, che possa esser' alcuno valent'huomo,

se non è pazzo. Non è, per la fede vostra, pazzia, ch'uno voglia combattere contra quattro? non è pazzia ch'uno con un coltello sia disposto di combattere contra piu, i quali habbiano spade? Dirò a questo proposito quello, ch'una volta m'intravenne essendo alla Tana. Stando io un giorno in piazza, vennero alcuni Tartari nella terra, et dissero, che in un boschetto lontano circa tre miglia, erano ascosti da cento cavalli di Circassi, i quali haveano deliberato di fare una correria per insino alla terra, secondo il lor costume. Io sedeva a caso nella bottega d'un maestro di freccie, nella quale era anche un Tartaro mercante, ch'era venuto lì con semenzina. Costui, inteso, c'hebbe questo, si levò, et disse: perche non andiamo noi a pigliarli? quanti cavalli sono? gli risposi, cento. Hor ben (diss' egli) noi siamo cinque, voi quanti cavalli sarete? Risposi, quaranta. Et egli. I Circassi non sono huomini, ma femine: andiamo a pigliarli. Udito che io hebbi questo, andai a ritrovar Francesco da Valle, et gli dissi quello, che costui m'haveva detto, tuttavia ridendo. Mi domandò se mi bastava l'animo d'andare, gli risposi di sì. Onde ci mettemmo a cavallo, et per acqua ordinammo, ch'alcuni nostri huomini venissero: et su'l mezo giorno assaltammo questi Circassi, li quali stavano all'ombra, alcuni de'quali dormivano. Volse la mala ventura, che un poco avanti che noi giugnessimo lì, il trombetta nostro sonò. Per la qual cosa molti hebbero tempo di scampare: nondimeno fra morti, et presi n'havemmo circa quaranta: ma il bello fu, al proposito de'matti valenti, che questo Tartaro, il quale voleva, che gli andassimo a pigliare, non rimase alla preda, ma solo si misse a correr dietro a quelli, che fuggivano. Et gridandogli noi, mahe torna, mahe torna: ritornò circa un'hora dopo, et giunto si lamentava, et diceva, ohime, che non n'ho potuto pigliare alcuno, dolendosi molto forte. Considerate, che pazzia era quella di costui, che se quattro di loro se gli fussero rivoltati l'haveriano sminuzato: et di piu, riprendendolo noi, se ne faceva beffe. Le scolte, delle quali ho fatto mentione di sopra, che vennero avanti il campo alla Tana, cosi andavano avanti questo campo in otto parti diverse, per saper quello, che da ogni lato gli havesse potuto nuocere, lontan molte giornate secondo il bisogno del campo.

CAPITOLO VII.

Delle uccellagioni, et cacciagioni de' Tartari: della gran moltitudine d' animali, ch'appresso di loro si truovano, massime cavalli, buoi, cameli da due gobbe, et altri.

Alloggiato, ch' è il signore, subito mettono giu li bazzari, et lasciano le strade larghe: s' è di verno, tanti sono i piedi degli animali, che fanno grandissimo fango: s' egli è di state, fanno grandissima polvere. Fanno di subito (messo c'hanno giu li bazzari) li lor fornelli, et arrostono, et lessano la carne, et fanno i lor sapori di latte, di buttiro, et di cacio. Hanno sempre qualche salvaticine, et massimamente cervi, Sono in quell' essercito artegiani di drappi, fabri, maestri d' arme, et d' altre cose, et mestieri, che gli bisogna. Et s' alcuno mi dicesse, come, vanno costoro come zingani? Rispondo di nò: conciosia, ch' eccetto il non esser circondati di mura, tali alloggiamenti paiono grossissime, et bellissime città. Ritrovandomi, a questo proposito, un giorno alla Tana, sopra la porta della quale era una torre assai bella, et essendo appresso di me un Tartaro, mercante, il quale guardava la torre, gli domandai: Ti pare una bella cosa questa? Et egli guardandomi, et sorridendo, disse: poh, c'ha paura, fa torre: et in questo mi pare che dicano il vero. Ma perche ho detto de' mercanti, tornando al fatto nostro di quest' essercito, dico, che sempre in esso si ritrovano mercanti, che vi portano robbe per diverse vie, et ancora di quelli, che passano pe'l lordò con intentione d' andare in altro luogo. Questi Tartari sono buoni strozzieri. Hanno girifalchi assai: uccellano a camelioni, che da noi non s' usano: vanno a cervi, et ad altri animali grossi: portano li detti girifalchi in una mano, su'l pugno, et nell' altra hanno una crozzola, et quando sono stanchi, mettono la crozzola sotto la mano: imperò che sono due tanto piu grossi, che non è un' aquila. Alle volte passa qualche stormo d' oche sopra quest' essercito, et quelli del campo tirano alcune freccie grosse un dito, storte, et senza penne: le quali, come sono andate in aria tant' alto quanto la forza del braccio ha potuto, si

voltano, et vanno in traverso scavezzando dove giungono, et collo, et gambe, et ali. Tal volta pare, che di queste oche ne sia pieno l'aere: lequali per il gridar del popolo si stroniscono, et cascano giù. Dirò (poi che siamo in parlar d' uccelli) una cosa, la quale mi par notabile. Cavalcando per questo lordò, sopra una riva d' un fiumicello, ritrovai uno, il quale mostrava esser huomo di conto, che stava a parlare co' suoi famigli. Costui mi chiamò, et fecemi dismontare avanti di se: domandandomi quello, ch' io andava facendo. Et rispondendogli io al bisogno: mi voltai, et viddi appresso di lui, quattro over cinque di quell' herbe, che noi chiamiamo garzi: sopra le quali eran' alcuni cardellini, et comandò a uno de' famigli, che ne pigliasse uno: il quale tolse due sete di cavallo, et fece un laccio, et lo messe su i garzi, et ne prese uno, et portollo al suo signore. Dissi egli, và cuocilo, et il famiglio prestò lo pelò, et fece un spedo di legno, et arrostitolo glielo portò davanti. Costui lo tolse in mano, et guardandomi, disse: Non sono in luogo, ch' io ti possa far honore, et cortesia, qual tu meriti, ma faremo charità di quello, ch'io ho, et di quello m'ha dato il notro signore Iddio. Et ruppe questo cardellino in tre parti: delle quali una ne diede a me, una mangiò esso, et l'altra, ch' era molto poca la diede a colui, il quale l'havea preso. Che diremo noi della grande, et innumerabile moltitudine d'animali, i quali sono in questo lordò? sarò io creduto? sia però quel che si voglia, c'ho deliberato di dirla, et principiando da' cavalli, dico, che sono alcuni del popolo mercanti di cavalli, i quali gli cavano dal lordò, et gli menan'in diversi luoghi: et una caravana, la qual venne in Persia, prima ch' io mi partissi di lì, gia ne condusse 4000. Et non vi maravigliate, perche se voleste in un giorno in questo lordò comprar mille, over due mila cavalli gli trovareste: perche sono in mandre, come le pecore: et andando nella mandra, si dice al venditore, che si vuol cento cavalli di questi: et esso ha una mazza con un laccio in capo, et è tant'atto a quest' essercitio, che colui che compra gli ha detto pigliami questo, pigliami quello: gli ha messo il laccio in capo, et l'ha tirato fuori de gli altri, et messo in disparte. Et in questo modo ne piglia quanti, et quali egli vuole. M' è avvenuto scontrare in viaggio de' mercanti, i

quali menano questi cavalli in tanto numero: che cuoprono le campagne, et par cosa mirabile. Il paese non produce cavalli troppo da conto, sono piccioli, hanno la pancia grande, non mangiano biada, et quando che gli conducono in Persia, la maggior laude, che gli possano dare, è che mangiano biada. imperò che, se non ne mangiano, non possono portar la fatica al bisogno. La seconda sorte d'animali, c'hanno, sono buoi bellissimi, et grandi, in tanto numero, che satisfanno etiandio alle beccarie d'Italia, et vengono alla via di Polonia, et di lì per la Valacchia in Transilvania, et poi in Alemagna, dalla qual s'indrizzano in Italia. Portano in quel paese li buoi, soma, et basti, quando se n'ha di bisogno. La terza sorte d'animali, c'hanno, sono cameli da due gobbe per uno, grandi, et pelosi, i quali si conducono in Persia, et si vendono ducati 25 l'uno: imperò che quelli di Levante hanno una gobba sola, et sono piccioli, et si vendono ducati dieci l'uno. La quarta sorte d'animali sono castroni grossissimi, et alti in gambe, con un pelo longo, i quali hanno code, che pesano 12 libre l'una: et tal n'ho veduto, che si strascina una ruota dietro, tenendo la coda sopra, quando per piacere qualch'uno gliela liga: de'grassi di queste code condiscono tutte le lor vivande, et l'usano in luogo di butiro: ma non s'agghiaccia in bocca.

CAPITOLO VIII.

Il modo, ch'usa l'essercito de' Tartari circa il seminar le biade, et della fertilità di quei terreni: come Chezimahumeth discacciato Ulumahemeth si fece Imperator di quel popolo: in che mirabil modo l'essercito passa il fiume della Tana.

Non so chi sapesse dir quello, che di presente dirò, salvo, chi l'havesse veduto: imperò che potresti domandare, tanto popolo di che vive? se cammina ogni giorno: dov' è la biada, che mangiano? dove la truovano? Et io che l'ho veduto, rispondo,

che fanno in questo modo. Circa la Luna di Febraio fanno far gride per tutt' il lordò, che ciascuno, che vuol seminare si metta in ordine delle cose, che gli fa di bisogno, conciosia ch'alla Luna di Marzo s'habbia da seminar nel tal luogo, et che a tal dì della tal luna si metteranno a cammino. Fatto questo: quelli c'hanno voglia di seminare. ò far seminare, s'apparecchiano, et accordansi insieme, et caricano le semenze su carri, et menano gli animali, che gli fanno bisogno, insieme con le moglie, et figliuoli, ò parte d'essi, et vanno al luogo deputato, ch' è per la maggior parte due giornate lontano dal luogo, dove nel tempo della grida si ritrova il lordò, et quivi arano, seminano, et stanno per fino c'hanno fornito di far quello che vogliono: poi se ne ritornano nel lordò. L'Imperatore co'l lordò fa come suol far la madre, quando manda li figliuoli a spasso: la qual sempre tien loro gli occhi addosso: imperò che va circondando questi seminati, hora in quà, et hora in là, non s'allontanando da essi piu di quattro giornate, per insino che le biade sono mature. Quando sono mature, non và co'l lordò li: ma solamente vanno quelli, c'hanno seminato, et quelli, che vogliono comprare i frumenti, con carri, buoi, et cameli, et quello di c'hanno di bisogno, come etiandio fanno alle lor ville. I terenni sono fertili: rendono di frumento cinquanta per uno, il quale è grande com'il padrone: di miglio cento per uno: et alle volte hanno tanta ricolta, che la lasciano in campagna. Dirò in questo luogo a proposito questo: si ritrovò un figliuolo d'Vlumahemet, il quale havendo signoreggiato alquanti anni, et dubitando d'un suo fratel cugino, il qual' era di là dal fiume d'Erdil, per non si privar di parte del popolo, la qual' haveria convenuto stare su le seminagioni con suo espresso pericolo: undici anni continui non volse, che si seminasse: et in quel tempo tutti vissero di carne, et di latte, et d'altre cose: quantunque nel bazzaro fusse qualche poco di farina, et di paniccio, ma cari. Et domandando io loro, come facevano: se ne ridevano, dicendo, c'haveano carne: et nondimeno fu discacciato da quel suo cugino: perciò che il detto Vlumahemeth sentendo esser arivato Chezimahumeth ne'suoi confini, non gli parendo di poter resistere: lasciò il lordò et fuggì co'figliuoli, et altri suoi: et Chezimahumet si fece Imperatore di tutto quel popolo, et ritornò

verso il fiume della Tana nel mese di Giugno: et passò circa due giornate sopra di quella con tutt'il numero del popolo, di carri, d'animali, ch'egli haveva. Cosa mirabile da credere, ma più mirabile da vedere: imperò che tutti passano senza strepito alcuno, con tanta sicurtà, quanta s'andassero per terra. Il modo, che servano in questo passare è, che quei c'hanno il potere, mandano de'loro avanti, et fanno far zattere di legnami secchi, de'quali appresso li fiumi ne sono boschi assai. Fanno etiandio far fasci di canne, et di pavera, et mettono detti fasci sotto le zattere, et sotto li carri, et a questo modo passano, tirando li cavalli, che nuotano, dette zattere, et carri: i quali cavalli sono aiutati da alcuni huomini nudi. Io circa un mese dopo navigando pe'l fiume verso certe peschiere, mi scontrai in tante zattere, et fascine, che venivano a seconda, (le quali erano state lasciate da costoro) ch'appena potevamo passare: et viddi oltre di questo per le rive di quei luoghi tant'altre zattere, et fascine: che mi facevano stupire. Giunti che fussimo alle peschiere, trovammo, che in quei luoghi havevano fatto peggio, che a quelli de'quali ho scritto di sopra.

CAPITOLO IX.

Come Edelmug cognato dell' Imperatore menò un suo figliuolo à M. Iosaphà, et dettegli quello in figliuolo: come esso M. Iosapha liberò in Venetia due Tartari, ch'erano schiavi, uno de' quali per longhissimo tempo avanti haveva anco liberato dal fuoco ritrovandosi all' hora nella Tana.

In quel tempo (per non mi dimenticar degli amici) Edelmug cognato dell'Imperatore, ritornato per passar' il fiume (com'habbiamo detto di sopra) venne alla Tana, et menommi un suo figliuolo, et subito m'abbracciò, et disse: Io t'ho portato questo figliuolo, et voglio, che sia tuo: et incontinente trasse di dosso a detto figliuolo uno subbo ch'egli havea, et messelo indosso a me, et mi portò a donar otto teste di nation Rossiana,

dicendomi: Questa è la parte della preda, ch' io ho havuta in Rossia. Stette due giorni meco, et hebbe da me all'incontro presenti convenienti. Sono alcuni, i quali partendosi da altri con opinion di non ritornar mai piu in quelle parti, facilmente si dimenticano delle amicitie, dicendo, che mai piu non si vederanno insieme: et di qui viene, che molte fiate non usano li modi, che doveriano usare: i quali certamente per quell' esperienza ch'io ho, non fanno bene, conciosia che si soglia dire, che monte con monte non si ritrova: ma si ben huomo con huomo. Accadettemi nel mio ritornar di Persia insieme con l'ambasciator d'Assambei, voler passare per Tartaria, et per Polonia, per venire a Venetia, quantunque poi io non facessi questo cammino. All'hora havevamo in compagnia nostra molti Tartari mercanti. Domandai quel che fusse di questo Edelmulg: et mi fu detto ch'era morto, et c'havea lasciato un figliuolo, il qual si nominava Hagmeth, et dettemi contrasegni dell' effigie in modo, che si pe'l nome, come per l'effigie conobbi esser quello, che il padre m'havea dato per figliuolo, et come diceano quei Tartari, costui era grande appresso l'Imperatore: si che, se passavamo oltre, senza dubbio capitavamo nelle sue mani: et rendomi certo, che da lui havrei havuta ottima compagnia, perche io l'havea fatta al padre, et a lui. Et che havria mai stimato, che trentacinque anni dopo, in tanta distantia di paesi, si fussero ritrovati un Tartaro, et un Venetiano? Aggiugnerò questa cosa (quantunque non fusse in quel tempo) perche fa a proposito di quello ch' io ho detto. Del 1455, essendo in un magazino di mercanti da vino in Rialto, et scorrendo per quello, viddi dietro alcune botti da un capo due huomini in ferri, i quali alla ciera conobbi, ch'erano Tartari, io domandai loro, che fussero, mi risposero essere stati schiavi di Catelani, et esser fuggiti con una barchetta, et che in mare erano stati presi da quel mercante. All'hora io subitamente andai a'Signori di Notte, et feci querela di questa cosa: onde presto presto mandarono alcuni officiali, i quali gli condussero all'ufficio, et in presenza del detto mercante gli liberarono, et condennarono il mercante. Tolsi li detti Tartari, et menaimeli a casa: et domandati chi fussero, et di che paese: uno di loro mi disse, ch'era della Tana, et ch'era stato famiglio di

Cozadahuth, il quale io conobbi gia, perche era commarchier dell'Imperatore, il qual faceva scuoter da lui il datio delle robbe, che si conducevano alla Tana. Guardandolo nella faccia mi parve raffigurarlo. perciò ch'era stato assai volte in casa mia. Domandai che nome esso havea: dissemi Chebechzi, che in nostra lingua vuol dire semoliero, ò burattatore. Lo guardai, et dissigli: mi conosci tu? et egli, nò. Ma tantosto che mentovai la Tana, et Iusuph (che cosi mi chiamavano là in quelle parti) si gittò a'miei piedi, et volsemeli baciare, dicendo: Tu m'hai due volte scampato la vita: questa n'è una, imperò ch'essendo schiavo, io mi teneva per morto: l'altra, quando si bruciò la Tana, che facesti quel buso nelle mura, pe'l quale uscirono fuori tante persone, nel cui numero fu mio padrone, et io. Et è vero: perche, quando fu il detto fuoco alla Tana, io feci un buso nelle mura all'incontro di certo terreno vacuo, dove si vedeano molte brigate insieme, pe'l quale furono tratte fuori da 40 persone, et fra essi fu costui, et Cozadahuth. Tennili ambidui in casa circa due mesi: et al partir delle navi della Tana, io gl'inviai a casa lora. Si che niuno mai debbe, partendosi da altri con opinione di non ritornar mai piu in quelle parti, dimenticarsi delle amicitie, come che se mai piu non s'havessero da vedere insieme: possono accadere mille cose, c'haveranno a rivedersi: et forse quello che piu può havrà ad haver bisogno di colui, che manco puote. Ritornando alle cose della Tana, scorrerò per Ponente, et Maestro, andando alla riva del mare delle Zabache, all'uscir fuori a man manca, et poi qualche parte su'l mar maggiore per insin'alla provincia nominata Mengrelia, prima detta Colcho, poi Lazia Mengrelia.

CAPITOLO X.

Della regione Cremuch, et del signore di quella: del vivere, et costume di quelle genti: di diversi altri paesi: della provincia Mengrelia: del signor di quella, et della natura di quel paese, et degli huomini Tetari, che cosa significa: dell' Isola di Capha.

Partendomi adunque dalla Tana, circa la riva del detto mare, fra terra tre giornate si truova una regione chiamata Cre-

much: il signor della quale ha nome Biberdi, che vuol dire Diodato. Costui fu figliuolo di Chertibiei, che signfica vero signore. Ha molti casali sotto di se, i quali fanno al bisogno due mila cavalli: vi sono campagne belle, boschi molti, et buoni, et fiumi assai. Li principali di questa regione vivono d'andar rubbando per le campagne, et specialmente le caravane, che passano da luogo a luogo. Hanno buoni cavalli: essi sono valenti huomini della persona, et d'astuto ingegno: et somigliano nel volto à gl'Italiani: biade in quella regione sono assai, et similmente carne, et mele, ma non v'è del vino. Dietro a questi sono paesi di diverse lingue, non però molto lontani l'uno dall'altro, cioè le Chippiche, Tatacosia, Sobai, Cheverthei, As, cioè Alani: de' quali habbiamo parlato di sopra. *) Et questi vanno scorrendo per insino alla Mengrelia, per spatio di 12 giornate. Questa Mengrelia confina con Caitacchi, che sono circa il monte Caspio, et parte con la Zorzania, et co'l mar maggiore, et con quella montagna, che passa nella Circassia, et da un lato ha un fiume chiamato Phaso, che la circonda, et viene nel mar maggiore. Il signor di questa provincia ha nome Bendian. Ha due castelli su'l detto mare: uno chiamato Vathi, et l'altro Sevastopoli: et oltre d'essi altri piu castellucci, et brichi: il paese è tutto sassoso sterile **) Non ha biade d'altra sorte, che paniccio: il sale li vien condotto da Caphà. Fanno qualche poche tele, et molto cattive, che son'alcune di canapo, et altre d'ortica. E gente bestiale: il segno di ciò è, ch'essendo a Vathi, dove, partito da Constantinopoli con una Palandiera di Turchi per andar' alla Tana, capitai insieme con un'Anzolin Squarciafico Genovose. Era una giovane, la quale stava in piedi sopra una porta, alla quale questo Genovese disse: Surina patroni cocon, che vuol dire: Madonna è il padrone in casa? (intendendo per questo il marito) essa rispose, archilimisi, che vuol dire: ei verrà. Et egli la pigliò nella labbra, et mostrandola a me, diceva: Guarda bei denti, c'ha costei, et mi mostrava anche il seno, et le toccava le

*) In queste parti nasce il calamo aromatico, et reupontico.
**) Ha bossi in gran copia, da' quali procede, che il mele, che vi si produce, è molto amaro.

mammelle: et ella non si turbava, ne si moveva punto. Entrammo poi in casa, et ci mettemmo a sedere: et questo Anzolino, mostrando d'haver pulici nelle mutande, le fece d'atto ch'andasse a cercare, et ella se ne venne con grande amorevolezza, et cercò intorno intorno con somma fede, et castità. In questo mezo venne il marito, et costui cacciò mano alla borsa, et disse: Patroni tetari sicha, che vuol dire, padrone, hai tu denari? Et facendo egli atto di non n'haver addosso, gli diede alcuni aspri, de'quali esso dovesse comprare qualche rinfrescamento, et cosi andò. Dopo stati un pezzo, andammo per la terra a solazzo, et questo Genovese faceva in ogni luogo quello, che li piaceva, secondo li costumi di quel paese, senza che niuno gli dicesse peggio di suo nome. Onde si vede, che sono ben gente bestiale. Per questa ragione i Genovesi, che praticano in quel paese, hanno fra loro un costume di dire: Tu sei mengrello, quando vogliono dire a qualch'un tu sei pazzo. Ma, poiche io ho detto, che tetari significa denari, non voglio lasciar di dire, che propriamente tetari vuol dir bianco, et per questo colore intendendo i denari d'argento, i quali sono bianchi. I Greci ancora chiamano aspri, che vuol dir bianco: i Turchi akcia, che vuol dir bianco: Zagatai tengh, che vuol dir bianco: et a Venetia altre volte si facevano, et si fanno ancora al presente denari, che si chiamano bianchi: in Spagna ancora sono monete, c'hanno nome bianche. Si che noi vedemo, che diverse nationi s'accordano a chiamar' una istessa cosa con un nome, che ciascuna le pone nel suo proprio linguaggio, nondimeno tutte riguardano la medesima ragione, et significato. Ritornando da capo alla Tana passo il fiume, dov'era l'Alania, com'ho detto di sopra, et vò discorrendo pe'l mare delle Zabacche a man destra, andando in fuori per insino all'Isola di Caphà, *) dove si truova uno stretto di terreno, chiamato Zuchala, che congiugne l'Isola con terra ferma, come fa quello della Morea, detto d'Esimilla. Quivi truovano saline grandissime, le quali si congelano da lor posta. Scorrendo la detta Isola, prima su'l mar della Zabacche è la Cumania, gente nominata da Cumani: poi il capo dell'Isola, dov'è Caphà, era Gazaria. Et per

*) Caphà già fu detta Taurica Chersonesus.

insino à questo giorno il pico, co'l quale si misura, cioè il braccio, alla Tana, et per tutte quelle parti, è chiamato il pico di Gazaria.

CAPITOLO XI.

Del signore detto Ulubi, et i luoghi da lui signoreggiati: della perdita di Caphà, et in qual modo pervenne nelle mani di Mengligeri, poi d'Ottomano, et con che arte di nuovo in detto Mengligeri: il modo, ch'osservano in trarre al pallio: della presa, et liberatione di Mordassa Can.

La campagna di quest' Isola di Caphà è signoreggiata per Tartari, i quali hanno un signore chiamato Ulubi, che fu figliulo d'Azicharei. E buon numero di popolo, et fariano a un bisogno da tre in quattro mila cavalli. Hanno due luoghi murati, ma non forti, uno detto Solgathi, ilqual' essi chiamano Chirmia, che vuol dire fortezza, et l'altro Cherchiarde, che nel lor idioma, significa quaranta luoghi. In quest' Isola è prima alla bocca del mar delle Zabacche un luogo detto Cherz, il quale da noi si chiama Bosphoro cimerio. Dopo è Caphà, Soldadia, Grusui, Cimbalo, Sarsona, et Calamita, tutte al presente signoreggiate dal Turco, delle quali non dirò altro, per esser luoghi assai noti: solo voglio narrare la perdita di Caphà,*) secondo ch'io ho inteso da un' Antonio da Guasco Genovese, il quale si ritrovò presente, et fuggì per mare in Zorzania, et di lì se ne venne in Persia, nel tempo, ch'io mi vi ritrovava: accio che s'intenda in che modo questo luogo è capitato nelle mani de' Turchi. Ritrovavasi in quel tempo esser signore di quel luogo, cioè nella campagna, un Tartaro nominato Eminachbi: il quale havea ogn'anno da quelli di Caphà certo tributo, cosa in quei luoghi consueta. Accadettero fra lui, et questi di Caphà certe differenze, per le quali il Consolo di Caphà, che in quel tempo era Genovese, deliberò di mandare all' Imperator Tartaro,

*) La perdita di Caphà per li Genovesi fu del 1475.

et di chiamare uno del sangue di questo Eminachbi, co'l favore del quale voleva cacciare Eminachbi di signoria. Havendo adunque mandato un suo navilio alla Tana insieme con un'ambasciatore. Questo ambasciatore andò nel lordò, dove era l'Imperatore de' Tartari: et ritrovato c'hebbe uno del sangue di questo Eminachbi, nominato Mengligeri, con promissione lo condusse a Caphà per la via della Tana. Eminachbi intendendo questo, ricercò di pacificarsi con quelli di Caphà con patto, che mandassero in dietro il detto Mengligeri. Et non volendo quelli di Caphà simil patto: Eminachbi dubitando del fatto suo, mandò un' ambasciatore all' Ottomano, promettendogli, se mandava la sua armata lì, la qual' oppugnasse da mare, ch'egli oppugneria da terra, et gli daria Caphà, la quale volea che fusse sua. L'Ottomano, il qual era desideroso d'haver tale stato, mandò l'armata, et in breve hebbe la terra: nella quale fu preso Mengligeri, et mandato all' Ottomano, stette in prigione molti anni. Non molto dopo Eminachbi, per la mala compagnia c'havea da Turchi, cominciò a esser mal contento d'haver data la terra all' Ottomano, et non lasciava entrar nella terra alcuna sorte di vettovaglie: onde cominciò esser gran penuria di biade, et di carne in modo, che la terra era poco meno, ch'assediata. Fugli ricordato, che, se mandava Mengligeri a Caphà, tenendolo dentro della terra con qualche guardia cortese: la terra haveria abbondanza: perciò che Mengligeri era molto amato dal popolo di fuori. L'Ottomano giudicando, che'l ricordò fusse buono, lo mandò: et tanto tosto che si seppe ch'era giunto: venne nella terra grande abbondanza, perche era amato ancora da quelli di dentro. Essendo tenuto costui in guardia cortese, sì che poteva andare per tutto dentro della terra: un giorno fu tratto un pallio con l'arco. Il modo di trar'al pallio in quel luogo è questo. Attaccano a un legno messo in traverso sopra due legni drizzati in piedi, a sembianza d'una forca con qualche spago sottile, una tazza d'argento: et quelli, c'hanno a trar per havere il pallio hanno le lor freccie co'l ferro di meza luna tagliente, et corrono a cavallo con l'arco per sotto questa forca, et quando c'hanno passato un pezzo in là, correndo tuttavia il cavallo alla dritta, si voltano in dietro, et traggono allo spago, et quello che getta giù la tazza, ha vinto il pallio. Mengligeri adunque, tolta

questa occasione del trar del pallio, fece che cento cavalli de' Tartari, co' quali esso havea intelligenza, s'ascondessero in certa vallicella, ch'era fuori della terra poco lontano: et fingendo volere anch'egli trar'al pallio, prese il corso, et fuggì dentro de'suoi. Incontinente che questa cosa fu intesa, la maggior parte dell'Isola lo seguitò, et con essi bene in punto se n'andò a Solgathi terra lontana da Capha sei miglia, et la prese. Crescendo poi il popolo a sua ubbidienza: andò a Cherchiarde, et quella similmente prese: et ammazzato Eminachbi, si fece signore di quei luoghi. L'anno seguente deliberò d'andar verso di Citracan luogo lontano da Caphà 16 giornate, signoreggiato da un Mordassa can, il quale in quel tempo era co'l lordò sopra del fiume Erdil: et fece giornata con lui, et preselo, et tolse il popolo, buona parte del quale mandò all' Isola di Caphà, et egli rimase a invernar sopra il detto fiume. Ritrovavasi in quel tempo esser alloggiato qualche giornata lontano un'altro signor Tartaro: il quale inteso, che costui invernava in quel luogo, essendo il fiume agghiacciato: deliberò d'assaltarlo all'improvista, et lo ruppe, et ricuperò Mordassa, il qual era tenuto prigione. Mengligeri essendo rotto, ritornò a Caphà mal'in ordine. Nella primavera seguente Mordassa co'l suo lordò venne a trovarlo fino a Caphà, et fece alcune correrie, et danni dentro dell' Isola. Ma non potendo haver le terre a sua ubbidienza, tornò in dietro: nondimeno mi fu detto ch'egli di nuovo faceva essercito con intentione di ritornare all' Isola, et discacciare Mengligeri: et questo è vero in se, ma cagione d'una bugia: imperò che coloro che non intendono donde procedano le guerre, c'hanno tra loro questi signori, et non sanno che differenza sia tra il gran Can, et Mordassa can: intendendo che Mordassa can fa nuovo essercito con intention di ritornar all' Isola, si danno ad intendere, et dicono, che il gran can viene per la via di Caphà a posta dell' Ottomano, con proposito d'andar per la via di Moncastro nella Valachia, et Ungaria, et dove vorrà l'Ottomano. La qual cosa è falsa, quantunque s'habbia per lettere da Constantinopoli.

CAPITOLO XII.

Della Gothia, et Alania: della favella de' Gothi: de' popoli Gothalani, et onde sia derivato questo nome: della terra detta Citracan: della grandezza de' talponi, che nascono in quei boschi: d'una terra detta Risan, et della fertilità di quel paese: di Colona città: del fiume Mosco, et Mosco città, et del sito, et abbondantia di quella.

Dritto dell' Isola di Capha d'intorno, ch'è su'l mar maggiore, si truova la Gothia, et poi l'Alania: la qual và per l'Isola verso Moncastro, com' habbiamo detto di sopra. Gothi parlano in Todesco. So questo, perche havendo un famiglio Todesco con me, parlavano insieme, et intendevansi assai ragionevolmente, cosi come s'intenderia un Furlano con un Fiorentino. Da questa vicinità de' Gothi con Alani credo, che sia derivato il nome di Gothalani. Alani erano prima in quel luogo, sopravennero Gothi, et conquistarono quei paesi, et fecero una mistura del nome loro co'l nome degli Alani, et si chiamarono Gothalani si come quelle genti erano mescolate con queste. Tutti questi fanno alla Greca, et similmente i Circassi. Et perche habbiamo fatto mentione di Tumen, et di Citracan, non volendo pretermettere ne anche di questi luoghi le cose, che sono degne di memoria: dicemo, che da Tumen andando per Greco, et Levante, sette giornate lontano si truova il fiume Erdil, sopra il qual fiume è Citracan, la quale al presente è una terricciola quasi distrutta, pe'l passato fu grande, et di gran fama: imperò che prima che fusse distrutta dal Tamberlano: le spetie, et le sete, che al presente vanno in Soria, andavano in Citracan, et da quel luogo alla Tana. Dove si mandava solamente da Venetia sei et sette galee grosse per il levar di dette spetie, et sete. Et in quel tempo ne Venetiani, ne altra natione citramarina facea mercantia in Soria *). L'Erdil è fiume grossissimo et

*) Le mercantie venivano per tal via fino al tempo d'Augusto Imperatore, come si ha in Strabone.

larghissimo, il qual mette capo nel mar di Bachu, lontano da Citracan circa miglia 25, et cosi esso fiume come il mare hanno pesci innumerabili, ma in esso mar si truovan schenali et morone assai, il qual fa anche sale assai. Per il fiume a contrario d'acqua si può navigare infino appresso il Moscho terra di Rossia a tre giornate: et ogn'anno quelli del Moscho vanno con lor navilii in Citracan à torre il sale, et vi è la via facile, perche il Moscho fiume và in quello, che è nominato Occa, che discende nel fiume Erdil. Trovansi in questo fiume Isole assai, et boschi: delle quali Isole ve n'è alcuna, che volge trenta miglia. I boschi fanno talponi, che d'un pezzo cavato ne fanno barche, che portano otto et dieci cavalli, et altrettanti huomini. Passando questo fiume, et andando per ponente maestro, alla via del Moscho, presso però delle rive, quindici giornate continue si truovan popoli di Tartaria innumerabili. Ma scorrendo verso maestro s'arriva a'confini della Rossia, dove si truova una terricciola chiamata Risan, la quale è d'un cognato di Giovvanni Duca di Rossia. Tutti sono christiani, et fanno alla greca: il paese è fertile di biade, carne, et mele, et altre buone cose. Fassi etiandio bossa, che vuol dir cervosa: truovansi boschi, et casali assai. Andando un poco piu oltre si truova una città chiamata Colona. Et l'una et l'altra di queste due sono fortificate di legname, del quale medesimamente sono fatte tutte le case: imperoche in quei luoghi non si truova gran fatto pietre. Tre giornate lontano si ritrouova il detto Moscho fiume notabile: sopra il quale è una città nominata Moscho, dove habita il detto Giovanni Duca di Rossia. Il fiume passa per mezo la terra, et ha alcuni ponti. Il castello è sopra certa collina, et d'ogn'intorno è circondato da boschi. La fertilità delle biade, et della carne, che è in questo luogo, si può comprender da questo, che non vendono carne à peso, ma ne danno tanta ad occhio, che certo se ne ha quattro libre al marchetto. Le galline s'hanno settanta al ducato. L'oche tre marchetti l'una. E tanto gran freddo, che etiandio lì il fiume s'agghiaccia. Il verno sono portati porci, buoi, et altri animali scorticati, et messi in piedi duri come sassi, in tanto numero, che chi ne volesse 200 al giorno, li potria comprare. Tagliar non si possono, perche sono duri come marmi, se non si portano in stufa. Frutti, da qualche pochi

pomi, et noci, et nocelle salvatiche in fuora, non si truovano. Quando vogliano andare da luogo à luogo, specialmente s'il camino è per esser lungo, camminano il verno, perche tutto è agghiacciato, et hanno buon camminar, salvo che da freddo. Portan' all'hora sopra li sani (i quali satisfanno à loro, come à noi li carri, et dal canto di qua si chiamano travoli, over vasi) quello che vogliano con grandissima facilità. La state, per esser fanghi grandissimi, et moscioni assaissimi, i quali procedono dalli boschi molti et grandi, che vi sono, la maggior parte dei quali è inhabitabile, non ardiscono andar troppo lontano. Non hanno vino, ma alcuni fanno vino di mele, alcuni di cervosa di miglio: nell' uno et l'altro dei quali mettono fiori di bruscandoli, i quali danno un stuffo che stornisce et imbriaca, come il vino. Non è da preterire con silentio la provisione che fece il detto Duca, vedendo essi essere grandissimi imbriachi, et per imbriachezza restar di lavorare, et di far molte altre cose, che gli sariano state utili: fece un bando, che non si potesse far ne cervosa, ne vin di mele, ne usar fiori di bruscandoli in alcuna cosa: et con questo modo gli ha fatti mettere al ben vivere.

CAPITOLO XIII.

D'una terra chiamata Cassan, de Moxii popoli, et della religion et viver loro, di Novogradia città. di Trochi et Lonïn castelli, d'una terra detta Varsonich. di Mersaga et Brandinburg città. del Re di Zorzania; della fertilità, costumi et habiti di quel paese, d'una terra detta Zifilis.

Possono hora esser 25 anni, pagavano i Rossiani per il passato tributo all' Imperator Tartaro. di presente hanno soggiogata una terra chiamata Cassan, che in nostra lingua vuol dire caldiera: la quale è su'l fiume Erdil, andando verso il mar di Bachu à man sinistra, lontana dal Mosco cinque giornate. Questa terra è mercantesca: della quale si tragge la maggior parte delle pelletta-

rie, che vanno al Mosco, in Polonia, in Persia, et in Fiandra. le qual pellettarie però vengono da parte di tramontana et greco, dalle regioni di Zagatai, et di Moxia: i quali paesi di tramontana sono posseduti da Tartari, che per il piu sono idolatri, cosi come anchora sono i Moxii. Ho qualche pratica delle cose de' Moxii, et per tanto dirò della lor fede et conditione quello che io intendo. Certo tempo dell'anno sogliono torre un cavallo, il quale essi mettono nella campagna, à cui ligano tutti quattro i piedi à quattro pali, et similmente la testa à un palo fitti in terra. fatto questo viene uno co'l suo arco et freccie, et mettesi lontano in intervallo conveniente, et tiragli alla via del cuore tanto, che lo ammazza, poi lo scortica, et fanno della pelle un utre. della carne fanno tra loro certe cerimonie, et poi la mangiano. poi empiono questa pelle tutta di paglia, et la cuciono si fattamente, che pare intiera, et per ciascuna delle gambe mettono un legno dritto, accioche possa stare in piedi come vivo. finalmente vanno ad un arbore grande, et gli tagliano quei rami, che à lor pare, et di sopra fanno un solaro, su'l quale mettono questo cavallo in piedi, et cosi lo adorano offerendogli zebelini, armelini, dossi, vari, volpi, et altre pellettarie, le quali appiccano à quest'arbore, si come noi offeriamo candele, in modo che questi arbori sono pieni di simili pellettarie. Buona parte del popolo vive di carne, et per lo piu di carne salvatica, et di pesci, che prendono in quei fiumi, che sono nel loro paese. Habbiamo detto dei Moxii. dei Tartari non habbiamo altro da dire, se non che quelli di loro che sono idolatri, adorano statue, le quali portano sopra dei lor carri, quantunque si trovano alcuni, i quali hanno per costume di adorar quello animale ogni giorno, che uscendo di casa primamente scontrano. Il Duca ha soggiogata anche Novogradia, che vuol dire in nostra lingua nove castelli, la quale è terra grandissima, lontana dal Mosco, alla via di maestro, giornate otto. governavasi prima à popolo, et erano huomini senza alcuna ragione. havevano tra loro molti heretici. al presente scorre via cosi piano piano nella fede catholica, conciosia che alcuni credano, alcuni non: ma vivono con ragione, et ci si fa giustitia. Partendo da Mosco verso Polonia, vi sono giornate 22 insino all'entrar nella Polonia. Il primo luogo che si truova, è un castello chiamato

Trochi, al quale non si puo andare, partendo da Moscho, se non per boschi, et per colline: imperoche è quasi luogo deserto. vero è che caminando à luoghi, à luoghi, ove sono stati alloggiamenti per avanti, si truova esservi stato fatto fuoco: et ivi li viandanti possono riposare, et far fuoco se vogliono. alcune fiate, ma molto poche: si truova fuor di mano qualche villetta. Partendo da Trochi, si truovano similmente boschi, et colline, ma insieme etiandio alcuni casali. et lontano da Trochi nove giornate si truova un castello chiamato Lonin. Si entra poi nel paese di Lituania, dove si vede una terra chiamata Varsonich, la quale è d'alcuni Signori sottoposti però à Cazimir Re di Polonia. Il paese è abbondante, et ha castelli, et casali assai, ma non da gran conto. da Trochi in Polonia sono giornate sette, et è buono et bel paese. Trovasi poi Mersaga assai buona città, et ivi finisce la Polonia: dei castelli et terre della quale, per non ne haver io notitia, non dirò altro, se non che il Re con li figliuoli et tutta la casa sua è christianissimo, et che il suo figliuol maggiore di presente è Re di Boemia. Usciti della Polonia à quattro giornate troviamo Frankfort, città del Marchese di Brandinburg, et entriamo nell' Alemagna: della qual non dirò altro per esser luogo domestico et inteso da molti. Resta hora che diciamo qualche cosa della Zorzania, la quale è all'incontro dei luoghi sopradetti, et confina con la Mengrelia. Il Re di questa provincia si chiama Pancratio. ha bel paese, et fertile di pane, di vino, di carne, di biade, et d'altri frutti assai. fassi gran parte di vini su gli arbori, come in Trabisonda. gli huomini sono belli, et grandi, ma hanno sozzissimi habiti, et costumi vilissimi. vanno tosi, et rasi il capo, salvo che intorno lassano un poco di capelli à similitudine di qnesti nostri Abbati, che hanno buona entrata. portano mustacchi, ai quali si lasciano crescer li peli sotto la barba à lunghezza di una quarta d'un braccio. in capo portano una berrettuzza di diversi colori, in cima della quale è una cresta. in dosso portano giubbe assai lunghe, ma strette et fesse di dietro infino alle natiche: imperoche altramente non potriano montare à cavallo· nella qual cosa non li biasimo, perche vedo, che anchora i Francesi l'usano. In piedi et gambe portano stivali, i quali hanno la suola fatta in modo, che quando stanno in piedi, la punta et il

calcagno toccano in terra, ma in mezo sono tanto alti da terra, che si potria cacciare il pugno per sotto la pianta senza farsi male: et di qui viene, che quando caminano à piedi, caminano con fatica. gli biasmaria in questa parte, se non fusse che io so, che anchora li Persiani l'usano. Circa il mangiare, seeondo che io ho veduto à casa di uno delli principali, servano questo modo: hanno certe tavole quadre circa mezo braccio con un'orlo cavato intorno. in mezo di queste mettono una quantità di paniccio cotto senza sale, et senza altro grasso: et questo si usa in luogo di minestra. in un'altra simil tavola mettono carne di cinghiaro brustolata, et tanto poco arrostita: che, quando la tagliavano, sanguinava. essi mangiavano di buona voglia, io non ne poteva gustare, et però me ne andava fingendo di mangiar con quel paniccio. del vino ne era abbondantia, et andava intorno alla polita. altra sorte di vivande non havemmo. Vi sono in questa provincia montagne grandi et boschi assai. ha una terra chiamata Tiflis, d'avanti la quale passa il fiume Tygris; la quale è buona terra, ma male habitata. ha etiandio un castello nominato Gori. confina con il mar maggiore. Et questo è quanto io ho à narrare circa il viaggio mio della Tana, et di quei paesi, insieme con le cose degne di memoria di quelle parti.

ВАРІАНТЫ.

Въ изданіи 1543 года, о коемъ мы упомянули въ нашемъ предисловіи, путешествіе Барбаро напечатано подъ заглавіемъ: Qui cominciano le cose vedute et udite per me Josaphat Barbaro, cittadino di Vinetia: in due Viaggi che io ho fatti; uno alla Tana; et uno in Persia. Значительной разницы между этимъ изданіемъ и изданіемъ Рамузіо, которымъ мы руководствовались въ трудѣ нашемъ, при тщательномъ сличеніи я не замѣтилъ. Все различіе состоитъ въ перестановкѣ словъ и въ правописаніи. Тѣ же мѣста, въ которыхъ хотя нѣсколько измѣненъ смыслъ рѣчи, или что либо прибавлено, равно какъ разница въ названіи городовъ, рѣкъ, странъ и лицъ, отмѣчены мною здѣсь съ самою строгою точностію. Рамузіо раздѣлилъ путешествіе Барбаро на 13 главъ, чего въ изданія 1543 года не встрѣчается.

Въ нашемъ изданіи сказано:	*Въ изданіи 1543 года:*
Стран. 68. *стр.* 8: in Solino, in Pomponio Mella, in Strabone, in Herodoto, et in altri moderni, com'è Marco Polo, Nicolo Conte nostri Venetiani et in altri novissimi, com'è Pietro Quirini etc.	in Solino, in Pomponio Mela, in Strabone, in Herodoto, in Diodoro (*), in Dionisio Halicarnasseo (**), et in altri moderni: come era Marco Polo, Nicolo Conte nostri Vinetiani, et Giovani da Vandavilla (***), et in altri novissimi: come è Pietro Querini etc.

*) Діодоръ Сицилійскій жилъ во время Юлія Цесаря и Августа и, подъ названіемъ Исторической Библіотеки, оставилъ 40 книгъ весьма любопытнаго Историческаго сочиненія, изъ коихъ до насъ дошли только 15.

**) Діонисій Галикарнасскій, Авторъ Римскихъ древностей, жилъ также во времена Августа. Изъ сочиненія его, составившаго въ 20 книгахъ, дошли до насъ только первыя 11.

***) Іоаннъ Мандевилъ, Англійскій путешественникъ, отправился въ 1322 или 1332 году въ Палестину, служилъ въ войскѣ Египетскаго Султана и Императора Китайскаго и

Стр. 69, *ст.* 3: il fiume d'Erdil, altramente detto la Volga: dalla parte etc.	il fiume di Ledil *): dalla parte etc.
Стр. 69, *ст.* 7: su'l mar delle Zabache, ch'è la palude Meotide, et conseguentemente etc.	sul mar delle Tabacche; et consequentemente etc.
Стр. 70, *ст.* 5: d'Alessandro dalla Giudecca	d'Alessandro dalla Zudecca
Стр. 70, *ст.* 10: et facemmo una scrittura (la qual fu di mano etc.	et facemmo una scrittura, con giuramento, (la qual fu di man etc.
Стu. 70, *ст.* 25: et occupava in diametro 8 passa.	et occupava per diametro passa LXXX.
Стр. 72, *ст.* 5 *снизу:* La fede di Macometto principiò ne' Tartari ordinariamente: ma sono anni circa 110 vero è, che per avanti etc.	La fede di Macometto principiò nei Tartari ordinariamente hora sono anni 110. vero è che per avanti etc.
Стр. 53, *ст.* 5: Ulumahemet Can.	Ulumahumeth Can.
Стр. 73, *ст.* 19: Citrachan	Giterchan
Стр. 74, *ст.* 21: un giovane greco	uno Zuan Greco
Стр. 75, *ст.* 7 *снизу:* et stavano lontani l'uno dall' altro da dieci passa.	et stavano in fila lontani l'un dall' altro, da passa 100.
Стр. 75, *ст.* 2 *снизу:* o lasciavano i cani: et l'andare a questo modo chiamavano una paganea. In questa maniera, com' ho detto, camminava questo infinito popolo de' Tartari, et fra gli altri animali etc.	o lasciavano i cani. Fra gli altri animali etc.
Стр. 78, *ст.* 16: un frato Therino	uno frate Thermo
Стр. 76, *ст.* 6 *снизу:* Pernice	Pernise
Стр. 77, *ст.* 15: Giovanni da Valle	Zuan da Valle,

по тридцатитрехлѣтнемъ отсутствіи, возвратился въ отечество. Путешествіе его вышло въ одно время на языкахъ: Латинскомъ, Французскомъ и Англійскомъ. Самое лучшее изданіе, на древнемъ Британскомъ нарѣчіи, выдано въ Лондонѣ въ 1727 году.

*) Разница между изданіемъ Рамузіо и 1543 года въ названіи рѣки Эдилл повторяется въ продолженіи всего сочиненія, но мы замѣтили ее только въ семь мѣстъ. Это самое будетъ наблюдаемо нами и на счетъ другихъ собственныхъ именъ.

Cmp. 78, *cm*. 6: et si faria mio conaco	et fariasi mio cognato
Cmp. 78, *cm*. 8 *снизу:* per passare il fiume Tanais,	per passar il fiume,
Cmp. 80, *cm*. 16: Hibuthperes	Hibuch Peres
Cmp. 80, *cm*. 26: Talubagater	Talubagator
Cmp. 80, *cm*. 4 *снизу:* et s'espongono ad ogni rischio senza ragione alcuna,	et togliono sbaragli senza ragione,
Cmp. 81, *cm*. 16: Francesco da Valle	Misser Francesco
Cmp. 82, *cm*. 2 *снизу:* et senza penne: le quali, come sono andate in aria tant' alto quanto la forza del braccio ha potuto, si voltano,	senza penne: le quali (come sono andate poco avanti) si voltano,
Cmp. 83, *cm*. 10: quattro over cinque di quell' herbe, che noi chiamamo garzi,	quatro over cinque garzi
Cmp. 84, *cm*. 9: et vengono alla via di Polonia, et di li per la Valacchia in Transilvania,	et quelli vengono alla via di Polonia: e poi alcuni si drizzano per la Blacchia in Transylvania,
Cmp. 85, *cm*. 21: I terreni sono fertili: rendono di frumento cinquanta per uno, il quale è grande com' il padrone:	I terreni sono fertili, rendono di formento staia cinquanta per uno, il quale staio è grande come il padovano:
Cmp. 85, *cm*. 4 *снизу:* perciòche il detto Ulumahemeth sentendo esser arrivato Chezimahumeth ne' suoi confini	finalmente Ulumahumeth (del quale havemo parlato di sopra) arrivato che fu circo li confini suoi che Zimahumeth
Cmp. 87, *cm*. 10: Assambei	Assambech
Cmp. 87 , *cm*. 13: Domandai quel che fusse di questo Edelmulg: et mi fu detto ch'era morto, et c'havea lasciato un figluolo, il qual si nominava Hagmeth, et dette mi contrasegni etc.	Addimandai di questo Edelmulgh; et dette mi contrasegni etc.
Cmp. 87, *cm*. 3 *снизу:* Tolsi li detti Tartari	sciolsi detti Tartari
Cmp. 88, *cm*. 1: Cozadahuth,	Cazadahuch,
Cmp. 88, *cm* 5: che in nostra lingua	che in latino
Cmp. 88, *cm*. 27: Mengrelia prima detta Colcho, poi Lazia Mengrelia.	Mengleria.
Cmp. 88, *cm*. 1 *снизу:* Cremuch	Chremuch

Стр. 89, *ст.* 2: Chertibiei	Chertibei
Стр. 89, *ст.* 8: et somigliano al volto agl'Italiani:	hanno volti non strani.
Стр. 89. *ст.* 12: le Chippiche, Tatacosia, Sobai, Cheverthei,	le Elipehe Tatarcosia, Sobai Chenerthei,
Стр. 89. *ст.* 16: la Zorzania	la Giorgiania
Стр 89, *ст.* 20: Sevastopoli	Savastopoli
Стр. 89, *ст.* 23: Fanno qualche poche tele, et molto cattive, che son' alcune di canapo, et altre d'ortica.	Fanno qualche poche tele triste et dolenti
Стр. 89, *ст.* 26: Palandiera di Turchi	paranderia de Turchi
Стр. 89, *ст.* 27: Anzolin Squarciafico	Azolin Squarciafigo
Стр. 89, *ст.* 29: Surina patroni cocon,	Surina patroin cocon?
Стр. 90, *ст.* 30: mostrando d'haver pullici nelle mutande, le fece d'atto ch'andasse a cercare, et ella se ne venne con grande amorevolezza, et cercò intorno intorno con somma fede, et castità.	(mostrando d'haver vermenezza nelle mutande) le fece di atto che la venisse a cercare, et lei sene venne con charità, et cercò intorno intorno con somma fede et castità
Стр. 90, *ст.* 6: Patroni tetari sicha	patron tetarsica
Стр. 90, *ст.* 16: Ma, poiche io ho detto, che tetari significa denari, non voglio lasciar di dire, che propriamente tetari vuol dir bianco,	Non lascierò questa cosa (dapoi che ho detto che tartari vuol dir danari) tetarti propriamente vuol dir bianco,
Стр. 90, *ст.* 20: akcia	akeia
Стр. 90, *ст.* 24: Si che noi vedemo, che diverse nationi s'accordano a chiamar' una istessa cosa con un nome, che ciascun le pone nel suo proprio linguaggio, nondimeno tutte riguardano la medesima ragione, et significato.	Si che vedemo quante nation tutte nel suo lenguaggio si affrontano a chiamar una cosa in quello istesso nome.
Стр. 90, *ст.* 5 *снизу:* dove si truova uno stretto di terreno chiamato Zuchala, che congiugne l'Isola con terra ferma, come fa quello della Morea, detto d'Esimilla.	dove ritrovo un stretto di terreno che continua la isola con terra ferma come fa quello della Morea chiamato Zuchala.
Стр. 81, *ст.* 8: Solgathi, il qual' essi chiamano Chirmia,	Sorgathi, il qual essi chiamano Incremin';

Стр. 91, *ст.* 12: Soldadia, Grusui, Cimbalo,	Saldaia, Grasui, Cymbalo,
Стр. 92, *ст.* 5: et ritrovato c'hebbe uno del sangue di questo Eminachbi, nominato Mengligeri, con promissione lo condusse a Caphà per la via della Tana. Eminachbi intendendo questo, ricercò di pacificarsi con quelli di Caphà con patto, che mandassero in dietro il detto Mengligeri. Et non volendo quelli di Caphà simil patto	et ritrovato che hebbe uno del sangue di questo Eminachbi nominato Menglieri, con promissione lo condusse a Capha, con patto che mandasseno in drieto detto Menglieri, non volendo quelli di Capha simil patto.
Стр. 92, *ст.* 18: et non lasciava entrar nella terra alcuna sorte di vettovaglie	ne molto dapoi Eminachbi non lasciava entrar nella terra alcuna sorte di vittuarie
Стр. 93, *ст.* 6: Solgathi terra lontana di Caphà sei miglia, et la prese. Crescando poi il popolo a sua ubbidienza: andò a Cherchierde, et quella similmente prese: et ammazzato Eminachbi, etc.	Surgathi, terra lontana da Capha miglia sei: et quella prese et ammazzato Eminachbi etc.
Стр. 93, *ст.* 3 *снизу:* con proposito d'andar per la via di Moncastro nella Valacchia et Ungaria, et dove vorrà l'ottomano.	con proposito di andar per la via di Moncastro in la Blacchia Ongaria, et ove era l'ottomano.
Стр. 94, *ст.* 1: Dritto dell' Isola di Caphà d'intorno, ch'è sul mar maggiore, si trouva la Gothia	Dietro dell' Isola di Capha d'intorno che è sul mar maggior, si truova la Gotthia,
Стр. 94, *ст.* 7: Gothalani	Gotitalani
Стр. 94, *ст.* 18: Tamberlano	Tamerlano
Стр. 95, *ст.* 1: mar di Bachu	mare di bachi
Стр. 95, *ст.* 2: hanno pesci innumerabili, ma in esso mar si truovan schenali et morone assai, il qual fa anche sale assai. Per il fiume a contrario d'acqua si puo navigare infino appresso Moscho terra di Rossia a tre giornate: et ogn' anno quelli del Moscho vanno con lor navilii in Citracan à torre il sale, et vi è la via facile, per-	pigliano pesci innumerabili. Fa il mar sale assai, per il detto fiume à contrario d'acqua si puo navigar per sino appresso Musco, terra de Rossia à tre giornate; et ogni anno vanno con i suoi navilii quelli del Musco in Githercan per sale.

che il Moscho fiume va in quello, che è nominato Occa che discende nel fiume Erdil.	
Стр. 95, *ст*. 13: ponente maestro	greco et levante
Стр. 96, *ст*. 17: Giovanni Duca di Rossia	Zuane Duca di Rossia
Стр. 95, *ст*. 24: Tre giornate lontano si ritruova il detto Moscho fiume notabile: sopra il quale è una città nominata Moscho, dove habita il detto Giovanni Duca di Rossia. Il fiume passa per mezo la terra, et ha alcuni ponti.	Tre giornate lontano si ritruova la detta terra di Musco ove habita detto Zuane Duca di Rossia: alla qual terra li passa per mezo il nobilissimo fiume Musco, che ha sopra alcuni ponti; et credo che da questo fiume la terra pigli anch'essa questo nome Musco
Стр. 95, *ст*. 4 *снизу:* scorticati	scorticati la invernata
Стр. 96, *ст*. 3 *снизу*. mar di Bachu	mar di Bachri
Стр. 97, *ст*. 1: che vanno al Mosco, in Polonia, in Persia et in Fiandra.	che vanno à Musco, in Polonia, in Prusia et in Fiandra.
Стр. 97, *ст*. 19: dossi, vari, volpi et altre pellettarie	dossi, vari, et volpi
Стр. 97, *ст*. 23: che prendono in quei fiumi, che sono nel loro paese	che prendono in quei fiumi
Стр. 97, *ст*. 9 *снизу:* Novogradia	Novgroth
Стр. 98, *ст*. 9: Lonin	Loniri
Стр. 98, *ст*. 23: Zorzania	Giorgiania
Стр. 99, *ст*. 13: et però me ne andava fingendo di mangiar con quel paniceio	et però me ne andava intrattenendo con quel panico
Стр. 99, *ст*. 16: Tiflis	Zifilis

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.) Главнѣйшею причиною начала и быстрыхъ успѣховъ *Венеціанской торговли* было самое Географическое положеніе этой республики. Первые жители Венеціи, — бѣглецы, принужденные для огражденія независимости своей отъ дикихъ племенъ, наводнившихъ въ 5-мъ столѣтіи Италію, искать убѣжища на безплодныхъ островахъ, составляющихъ нынѣ Венецію, видѣли, что небольшія сокровища, принесенныя ими въ новое ихъ отечество, не могутъ на долго обезпечить ихъ существованія, и что къ поддержанію этого существованія единственными средствами остались имъ: трудолюбіе и промышленность. Земледѣліе не могло служить для нихъ источникомъ благосостоянія, ибо земля, доставшаяся имъ въ удѣлъ, была вовсе безплодна. Соль и рыбная ловля составляли все ихъ богатство, и даже прѣсную воду привозили они отъ своихъ сосѣдей. Посему то самая необходимость вынудила Венеціанъ искать въ другихъ странахъ того, что было имъ нужно въ жизни. Вотъ первоначальная причина основанія Венеціанской торговли. Въ послѣдствіи то же самое Географическое положеніе, поставлявшее Венецію такъ сказать на перепутьи между востокомъ и западомъ Европы, было причиною быстрыхъ успѣховъ ея торговли. Прочія Государства, иныя по грубому своему невѣжеству, а другія по изнѣженности нравовъ, въ началѣ не могли, или не хотѣли обратить дѣятельнаго вниманія на торговлю, требующую и предпріимчивости и нѣкоторой уже умственной образованности. Одна только Генуя вступила въ состязаніе съ Венеціею и долго оспоривала у нее владычество надъ морями. Сначала, какъ мы выше сказали, Венеціане вели торгъ лишь съ ближайшими сосѣдями своими; но мало по малу кругъ дѣятельности ихъ распространился, а съ умноженіемъ богатства Республики увеличились и внутреннія силы ея. Правительство

Венеціи обращало всегда преимущественное вниманіе на ея торговлю, какъ на главнѣйшій, или, лучше сказать, единственный источникъ ея могущества. Оружіе и договоры доставили ей въ Малой Азіи и даже въ Африкѣ владѣніе различными портами, служившими складочными мѣстами для обширныхъ ея оборотовъ. Она имѣла конторы почти во всѣхъ приморскихъ городахъ Европы и, не смотря на соперничество Генуи и на происки Римскаго двора, завидовавшаго ея могуществу, флагъ Венеціанскій развѣвался на всѣхъ моряхъ, свидѣтельствуя о богатствѣ и силѣ Республики. Таково было положеніе Венеціи въ XV столѣтіи, когда съ одной стороны завоеваніе Турками Константинополя, а съ другой открытія Колумба и Васко де Гамы нанесли гибельный ударъ Венеціянской торговлѣ и вырвали у гордой Царицы морей твердый скиптръ ея могущества. Съ этой эпохи Венеція уже перестаетъ быть первенствующею торговою державою и мало по малу клонится къ своему упадку. Желающіе почерпнуть подробныя свѣденія о семъ предметѣ могутъ найти оныя въ Венеціанской Исторіи Дарю (Livre XIX) и въ превосходномъ твореніи Геерена, подъ названіемъ: Geschichte des Europ. Staatensystems und seiner Colonien.

2.) *Кай Плиній старшій*, знаменитѣйшій изъ древнихъ Естествоиспытателей, родился въ Комѣ въ 23-мъ году по Р. Х. Вся жизнь его посвящена была изученію природы, и онъ даже содѣлался жертвою ненасытнаго своего любознанія; ибо въ 79 году, во время изверженія Везувія, желая разсмотрѣть вблизи это любопытное явленіе, былъ задушенъ дымомъ, распространившимся въ окрестностяхъ волкана (см. Plin. II. Epist. 6, 16). Плиній оставилъ намъ 37 книгъ Естественной Исторіи (Historia naturalis sive Historia mundi), въ которыхъ заключается краткая Географія извѣстнаго тогда свѣта.

3.) *Кай Юлій Солинъ* Многовѣдецъ (Polihistor), Римскій писатель, оставилъ намъ небольшое сочиненіе о Географіи, въ которомъ почти всѣ свѣденія свои выписалъ изъ Плинія. Отъ того многіе называютъ его обезьяною Плинія. Обстоятельства жизни Солина, равно какъ и мѣсто его рожденія—неизвѣстны.

4.) *Помпоній Мела*, родомъ изъ Испаніи и, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, сынъ Сенеки, жилъ въ царствованіе Императора Клавдія, въ половинѣ I вѣка по Р. Х. Онъ оставилъ весьма хорошее сочиненіе о Географіи, подъ названіемъ: De situ orbis.

5.) *Геродотъ*, древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ Греческихъ Историковъ и прозванный потому Отцемъ Исторіи, родился въ Галикарнассѣ, въ 4-мъ году 73-й Олимпіады (въ 484 году до Р. Х.). Онъ написалъ историческое сочиненіе въ 9 книгахъ, носящихъ имена 9 Музъ, которое и доселѣ служитъ лучшимъ источникомъ для Исторіи древняго міра.

6.) *Марко Поло*, Венеціанецъ, знаменитѣйшій путешественникъ среднихъ вѣковъ, первый познакомилъ Европу съ Азійскими Государствами того времени; ибо жилъ въ продолженіи 17-ти лѣтъ (съ 1275 — 92) при дворѣ Монгольскаго Государя Кублай-Хана, сына Чепгисъ-Ханова, и былъ посылаемъ отъ него съ порученіями въ отдаленнѣйшія области его владѣній. Путешествіе Марко Поло въ первый разъ вышло въ 1496 году; но неизвѣстно, на какомъ языкѣ написалъ онъ его. Англійскій Издатель Г. Марсденъ полагаетъ, что подлинникъ писанъ былъ на древнемъ Венеціанскомъ нарѣчіи; Рамузіо же утверждаетъ, что на Латинскомъ. Отъ того то и помѣстилъ онъ въ началѣ 2-й части своего сборника (Delle navigationi et viaggi) переводъ, сдѣланный съ Латинскаго изданія какимъ то Генуэзцомъ. Главный предметъ описаній Марко Поло есть Государство Монгольское. Впрочемъ онъ сообщаетъ весьма любопытныя свѣденія о Китаѣ, Японіи, Тибетѣ, Восточной Индіи, Индійскомъ Архипелагѣ, Абиссиніи, Зангвебарѣ, Мадагаскарѣ и другихъ земляхъ. Замѣчательно, что Васко де Гама руководствовался сочиненіемъ Марко Поло при открытіи имъ пути въ Индію, и что сочиненіе это переведено на всѣ почти Европейскіе языки. Желающіе почерпнуть подробнѣйшія свѣденія о Марко Поло могутъ найти оныя у Форстера въ его Gesch. der Entdeck. und Seefahrth. im Nord. p. 151; въ сочиненіи Цурлы, подъ заглавіемъ: Di Marco Polo e di altri

Viaggiatori Italiani, T. I. p. 13. и у Марсдена: Travels of Marco Polo. p. I — LXXX).

7.) *Николо Конти*, Венеціанецъ, совершилъ въ 1424 году путешествіе по Малой Азіи, Персіи, Восточной Индіи и Египту. Описаніе этого путешествія было сдѣлано въ 1449 году, на Латинскомъ языкѣ, Секретаремъ Папы Евгенія IV Поджіемъ; но вышло въ первый разъ въ свѣтъ въ Португальскомъ переводѣ въ 1500 году. Рамузіо помѣстилъ его въ 1-й части своего Сборника, стр. 338 — 45. (см. Zurla. Di M. P. et di altri Viag. Venez. T. 2. p. 187).

8.) *Пьетро Квирино*, Венеціанецъ, предпринялъ въ 1431 году путешествіе по торговымъ дѣламъ изъ Кандіи во Фландрію; но былъ занесенъ бурею на Сѣверъ и, послѣ долгихъ бѣдствій, присталъ къ берегамъ Норвежскимъ. Описаніе путешествія Квирино находится во 2-мъ томѣ Рамузіева Сборника (стр. 199), подъ заглавіемъ: Viaggio del Magnifico Piero Quirino, Gentilhuomo Veneziano, nel quale partito di Candia con Malvaggio per ponente l'anno 1431, incorre in uno horribile et spaventoso naufragio, del quale alla fina con diversi accidenti campato, arriva nella Norvegia et Suetia Regni Settentrionali. (См. Forster: Geschich. der Entdeck. und Seefahr. im. Nord. p. 250 и Zurla: Di M. P. ed altri Viag. Ven. T. II. p. 265).

9.) *Алоизій да Мосто* (Alvise overo Luigi da Cà da Mosto), Венеціанецъ, совершилъ отъ 1454 до 1463 путешествіе по западному берегу Африки, въ которомъ доходилъ до 11° 30′ Сѣвер. широты. Ему обязаны мы открытіемъ острововъ Зеленаго мыса, рѣки Казамансы, Краснаго мыса и Ріо-гранде и первыми точными свѣденіями о Нигриціи и о рѣкахъ Сенегалѣ и Гамбіи. Сверхъ своего путешествія Ка да Мосто описалъ путешествіе Педро де Синтры, доходившаго до 6° Сѣв. шир. Оба эти описанія вышли въ первый разъ въ свѣтъ въ 1507 году, въ Виченцѣ, на Италіанскомъ языкѣ и перепечатаны во 2-мъ томѣ Рамузіева Сборника (стр. 96 — 115). Желающіе почерпнуть подробнѣйшія свѣденія о Ка да Мосто могутъ найти оныя у Цурлы: Di M. P. ed altri Viag. Venez. T. II. p. 101.

10.) *Амвросій Контарини* былъ отправленъ Венеціанскою Республикою посломъ къ Персидскому Государю Узунъ-Гассану въ 1473 году. Путешествіе его издано въ первый разъ въ 1487 году. Мы не станемъ здѣсь подробно распространяться о немъ; ибо вслѣдъ за путешествіемъ Барбаро оно будетъ напечатано въ первомъ Томѣ Библіотеки Иностр. Пис. о Россіи.

11.) См. Предувѣдомленіе къ I. Барбаро.

12.) *Эрдилъ* (въ изданіи 1543 года Ledil), Атель, Итиль, Эдиль. Такъ называлась у Татаръ и у Турокъ Волга, извѣстная въ древности подъ именемъ Ра. Слово Итиль, по свидѣтельству нѣкоторыхъ Филологовъ, значитъ на одномъ изъ Финскихъ нарѣчій *рѣку* или *воду*.

13.) *Элисъ* — одно изъ названій нынѣшняго Днѣпра, древняго Борисѳена или Данаприса. А Контарини именуетъ эту рѣку Лерессою (см. А. Конт. Г. I. при описаніи Кіева).

14.) Земляныя насыпи или курганы (отъ Татарскаго слова *Кюргъ-Хане*, круглая гора) имѣли въ древнія времена различное назначеніе. Иногда онѣ служили алтарями для отправленія богослуженія; иногда памятниками о битвахъ; иногда воздвигались для обозрѣнія окрестностей, на случай непріятельскаго вторженія; всего же чаще служили надгробными памятниками людямъ знаменитымъ. О курганахъ должно выйти въ непродолжительномъ времени любопытное сочиненіе Г. Кеппена, которое намъ удалось пробѣжать въ рукописи. Въ немъ желающіе могутъ почерпнуть подробнѣйшія свѣдѣнія о семъ предметѣ.

15.) Mare maggiore. Такъ въ средніе вѣка Генуэзцы и Венеціане называли Черное море, — извѣстное въ древности подъ именемъ Понта Аксенскаго (негостепріимнаго) и Евксинскаго (гостепріимнаго). Въ средніе вѣка его также называли Русскимъ моремъ.

16.) *Аланія*, страна Алановъ, одного изъ Варварскихъ народовъ, опустошившихъ Римскую Имперію. Нѣкоторые писа-

тели относятъ ихъ къ поколѣнію Сарматовъ, а другіе къ Скиѳамъ. Плиній называетъ Алапъ Славенскимъ или Сарматскимъ народомъ, а Діонисій Харсскій и Аммiанъ Марцелинъ принимаютъ имя ихъ въ собирательномъ смыслѣ и разумѣютъ подъ онымъ: Невровъ, Будиновъ, Гелоновъ, Агаѳирсовъ, Азовъ, Меланхленовъ, Аорсовъ и Сираховъ. По свидѣтельству послѣдняго, Аланы были весьма сходны съ Гуннами. Сестренцевичъ почитаетъ ихъ племенемъ Сарматскимъ и производитъ имя ихъ отъ горы Аленъ (въ древности Имаусъ, нынѣ Алтайскій хребетъ). Аланы появились въ первой разъ въ Европѣ въ III вѣкѣ по Р. Х. и заняли сначала пространство между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, гдѣ Рейнегсъ находитъ еще ихъ остатки; потомъ распространились до Днѣпра и наконецъ перешли къ Дунаю. Послѣ тщетныхъ усилій ворваться въ Римскую Имперію съ Востока, устремились они на западъ въ Германію, которую опустошили вслѣдъ за Гуннами; въ началѣ V столѣтія они проникли въ Пиренейскій полуостровъ, а въ концѣ сего столѣтія появились въ полчищахъ Аттилы. Въ Сѣверозападной части Кавказа встрѣчается также народъ, именуемый Аланами (нынѣ Осетинцы) и который Г. Клапротъ почитаетъ остатками древнихъ Аланъ. І. Барбаро того же мнѣнія; ибо говоря о народахъ, сопредѣльныхъ съ Мингреліею, упоминаетъ между прочимъ о племени Асъ или Аланахъ. Народъ сей былъ вытѣсненъ изъ Тавриды Готѳами, но о долговременномъ пребываніи его въ южномъ краѣ нынѣшней Россіи еще по сію пору напоминаетъ намъ городъ Азовъ (по мнѣнію многихъ Историковъ древній Асгардъ), построенный, какъ полагаютъ, Аланами. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что слово Аланъ на Лезгинскомъ языкѣ означаетъ собраніе народа, или орду. (См. Карам. Ист. Госуд. Рос. Т. I. Г. 1 и пр. 25; I. Barbaro, Cap. 10 и 12; Siestren. Rech. sur l'orig. des Sarm. etc. T. I. Ch. 2, 9 и 15 и T. III, Ch. 30; Klaproth Reise in den Kauk. 1. B. p. 66 — 70 и Энцикл. Слов. Т. I. стр. 404).

17.) *Куманія*, страна Кумановъ или Комановъ, извѣстныхъ въ Русской Исторіи подъ именемъ Половцевъ, а земля ихъ подъ именемъ земли Половецкой (по Татарски Дешть-Кип-

чакъ). По мнѣнію Карамзина народъ сей получилъ названіе свое отъ рѣки Кумы; Сестренцевичъ же, основываясь на показаніи Анны Комненъ, даетъ ему Азіатское происхожденіе и почитаетъ Кумановъ соплеменниками Гунновъ. Имя ихъ въ первой разъ является въ Русской Исторіи въ 966 году по Р. Х. Спачала Куманы вѣроятно жили на обширныхъ равнинахъ между Дономъ и Волгою, но потомъ распространились въ южной части нынѣшней Россіи, т. е. по Сѣверному берегу Чернаго моря, — и завладѣли частію Крымскаго полуострова. Съ нашествіемъ Татаръ имя Половцевъ совершенно исчезаетъ; но страна, въ которой они жили, долго еще сохранила у западныхъ писателей названіе Куманіи, чему доказательствомъ служитъ самое описаніе Барбаро. Гаммеръ въ своей сравнительной картѣ поставляетъ Куманію на лѣвомъ берегу Азовскаго моря, надъ Чернымъ моремъ; на картѣ Пицигани она находится почти тамъ же; а Барбаро въ 1-й главѣ въ точности не опредѣляетъ положенія этой страны; за то въ 10-й говоритъ опредѣлительно, что она лежитъ въ сѣверовосточной части Таврическаго полуострова: «Scorrendo la detta Isola (Caphà) prima sul mar delle Zabacche è la Cumania gente nominata da Cumani, poi il Capo dell'Isola, dov'è Caphà, era Gazaria.» (См. Кар. И. Г. Р. Т. II. прим. 106; Siestr. Hist. de la Cher. Taur. Livre XIV, p. 306 — 8; Стр. Изв. Визант. Ист. Ч. IV. стр. 131 — 64; Лербергъ Изсл. къ Рус. Ист. стр. 52; Klaproth Reise in den Kauk. 1. B. p. 32 — 57 и 266; Wiener Jahrb. der Lit. B. 65 и Язык. Путеш. къ Татар. пр. 10).

18.) *Хазарія*, земля Хазаровъ или Козаровъ, соплеменныхъ, по мнѣнію Карамзина и другихъ Историковъ, съ Турками. Въ первый разъ имя ихъ является въ Исторіи въ 4-мъ столѣтіи по Р. Х. Они жили на западномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ находилась столица ихъ Государей (Хагановъ), называвшаяся Атель. (Сестренцевичъ и Карамзинъ полагаютъ, что это нынѣшняя Астрахань). Завоевавъ пространство между Волгою и Дономъ, близъ коего въ IX столѣтіи выстроенъ былъ ими городъ Саркелъ (въ нашихъ лѣтописяхъ Бѣлая Вѣжа), Хазары долго были страшны для своихъ сосѣдей; въ союз-

зѣ съ Греческимъ Императоромъ громили Персію; завоевали Тавриду, получившую отъ ихъ имени названіе Хазаріи; — но потомъ мало по малу пали подъ ударами Русскихъ, Грековъ и Половцевъ. Положеніе Хазаріи опредѣляетъ Барбаро въ 10 главѣ своего путешествія; ибо говоритъ: «il Capo dell'Isola, dove è Caphà, era Gazaria.» На картѣ Пицигани она также поставлена въ Крыму. (См. Кар. И. Г. Р. Т. I. гл. 2 и пр. 83 и 87; Siestr. Orig. des Sarm. T. I. Ch. 24 и Hist. de la Chers. Taur. p. 277 — 289; Лерберга Изыс. къ Рус. Истор. стр. 301 — 350. Стрит. Извѣст. Визан. Ист. Ч. IV. стр. 111 — 130).

19.) *Забакское* или Азовское море (въ изданіи 1543 года mar delle Tabacche), извѣстное Географамъ подъ многоразличными наименованіями. Скиѳы называли его Темериндою; Славяне Сурожскимъ моремъ; древніе то Меотическимъ болотомъ (Palus Maeotis) то Сарматскимъ (Palus Sarmatiae), то Скиѳскими прудами (Scythiae paludes), то Матерію Чернаго моря (Ponti Euxini mater); у Турокъ оно извѣстно подъ именемъ Синяго (баръ аль азракъ) и Азовскаго моря, а у Татаръ подъ именемъ Гнилаго моря или Сиваша (Чабакъ денгеси). Вѣроятно отъ этого послѣдняго слова, испорченнаго въ Италіанскомъ произношеніи, произошло названіе Забакскаго моря.

20). *Монкастро* — нынѣ Аккерманъ, уѣздный городъ въ Бессарабіи. Волохи называютъ его Четатъ Альба, а Русскіе Бѣлградомъ. Барбаро ошибочно ставитъ Монкастро на берегу Дуная; ибо онъ находится близъ устья Днѣстра, у впаденія сей рѣки въ Черное море (см. Forster. Gech. der Entd. u. Seef. im Nord. p. 209).

21.) *Фустою* называется небольшое гребное судно, употребляемое преимущественно корсарами.

22.) *Гардское озеро* находится въ Сѣверной Италіи, въ нынѣшнемъ Ломбардо-Венеціанскомъ Королевствѣ.

23.) *Страва*, испорченное названіе Астрабада, главнаго города небольшой Персидской провинціи того же имени, при-

лежащей къ Каспійскому морю. Извѣстный нашъ Оріенталистъ Г. Френъ въ сочиненіи своемъ: De Numorum Bulharicorum, на стр. 57-й, говоритъ: «Hæc est Strava, Strana, Estrana (nam variis modis corrupta occurrit apud Centurionem, Barbarum, Schildderbergum, Iovium) quam et Sprengel (cujus Gesch. der wicht. Geogr. Entdeck. edit 2 p. 140, 251, 256, 368, 370 adeunda est) et Beckmann (Lit. der aelt. Reisbesch. T. I. p. 189) explicari, quaenam urbs sit, posse negarunt, quamquam a Reiskio ad Abulfed. Geogr. in Büschings Magaz. T. V p. 333 not. jam discere potuissent.» Городъ Астрабадъ или Эстерабадъ находится въ 10 миляхъ отъ Каспійскаго моря, подъ 36° 50′ Сѣв. шир. и 54° 35′ вост. долг. отъ Гринвича, и построенъ, какъ полагаютъ, въ концѣ перваго столѣтія Эгиры Арабскимъ Полководцемъ Эзидомъ-Ибнъ-Маглубомъ (Энцик. Слов. Т. III. стр. 351). Не должно впрочемъ смѣшивать Стравы съ Астарою, о которой упоминаетъ Олеарій. (Нѣмец. изд. 1656 года стр. 704) и которая составляетъ теперь самый южный пунктъ владѣній Русскихъ за Кавказомъ. Она находится въ Талышинскомъ Ханствѣ, на западномъ берегу Каспійскаго моря, подъ 38° 25′ Сѣв. шир.

24.) *Танаисомъ* назывался у древнихъ Донъ, извѣстный у Турокъ подъ названіемъ Тенъ или Тинъ. Алб. Кампензе увѣряетъ въ VII Главѣ сочиненія своего о Московіи, что Донъ на Русскомъ языкѣ означаетъ Святой, тогда какъ слово это — Осетинское и, равно какъ Итель, значитъ рѣку. Замѣчательно, что слогъ Донъ (по увѣренію — Филологовъ Сарматскій) встрѣчается также въ имени Дуная, Днѣпра и Двины и свидѣтельствуетъ еще и понынѣ о существованіи этого, нѣкогда могущественнаго народа. Впрочемъ не льзя сомнѣваться, чтобы названіе всѣхъ значительныхъ рѣкъ на какомъ либо языкѣ не означало воду или протокъ (см. Klapr. Reise i. d. Kauk. B. I. p. 67).

25.) *Магометанская вѣра* начала распространяться между Татарами при Ханѣ Бургаѣ или Беркаѣ (у Абулгазія Бурга), братѣ Батыевомъ; окончательно же ввелъ ее Ханъ Узбекъ (Асбекъ, Осбекъ), царствовавшій съ 1313 по 1336 годъ. Абулгазій говоритъ, что подданные сего Государя, въ знакъ

благодарности своей, приняли въ честь ему имя Узбековъ. Въ Исторіи Монголовъ, переведенной съ Персидскаго Г. Григорьевымъ, принятіе Мусульманской вѣры приписываютъ Береке-Хану или Беркаю (см. Абулгаз. Родосл. Ист. о Тат. Т. II. ч. 7, стр. 85 и 91; Ист. Монгол. пер. съ Перс. ст. 40; Рычковъ Оп. Казан. Ист. стр. 34 и Лызловъ Ист. Скиѳ. Т. I. стр. 38).

26.) *Эдигей* или Едигей (у Абулгаз. Идиги-Мангапъ), Князь Татарскій, извѣстенъ въ Исторіи какъ основатель независимаго Царства Крымскаго. Онъ былъ сынъ одного знатнаго сановника Тамерланова, по имени Кутлукъ-Кабы, изъ поколѣнія Акъ. Сестра же его была въ замужствѣ за однимъ изъ сыновей Тамерлана, отъ котораго и произвела на свѣтъ Тимуръ-Кутлука, бывшаго въ послѣдствіи Ханомъ Кипчацкой орды. Эдигей, называемый у Карамзина товарищёмъ Тамерлана, вступилъ сначала, по свидѣтельству Абулгазія, въ службу къ Хану Тохтамышу; когда же сей послѣдній изгнанъ былъ изъ орды Ханомъ Урусомъ (въ нашихъ лѣтописяхъ Наурусомъ), то Эдигей, вмѣстѣ съ нимъ, удалился къ Тамерлану, и потомъ, по вторичномъ овладѣніи Тохтамышемъ Золотою ордою, опять возвратился въ оную (1376). Племянникъ Эдигея, Темиръ-Кутлукъ, достигнувъ совершеннолѣтія, прибылъ жить въ Кипчацкую землю и принялъ дядю своего подъ особенное покровительство. Это не понравилось Тохтамышу, который подозрѣвая, что Темиръ-Кутлукъ вмѣстѣ съ Эдигеемъ замышляютъ свергнуть его съ престола, началъ изыскивать средства къ тайному умерщвленію своего соперника. Юный Князь, свѣдавъ о таковомъ намѣреніи, бѣжалъ къ Тамерлану, куда вскорѣ послѣдовалъ за нимъ и Эдигей. Когда же Тамерланъ пошелъ въ Кипчацкую орду, для наказанія неблагодарнаго Тохтамыша, то и Темиръ-Кутлукъ вмѣстѣ съ своимъ дядею отправился въ этотъ походъ. По воцареніи Темиръ-Кутлука, Эдигей остался при немъ въ большой милости, которую сохранилъ ему и Ханъ Булатъ (Пуладъ), возведенный имъ на престолъ послѣ Шади-бека, преемника Тимуръ-Кутлука. Съ племянникомъ своимъ ходилъ онъ въ 1399 году войною противу Литовскаго

Князя Витовта, а отъ Булата посыланъ былъ въ 1408 году съ ратію на Москву. По воцареніи же въ Кипчацкой ордѣ Зелени Султана (Джалалудина), сына Тохтамышева, Эдигей, какъ старинный врагъ племени сего Хана, долженъ былъ удалиться въ улусы Черноморскихъ Татаръ, съ помощію коихъ и основалъ независимое Царство Крымское (1411 — 12), столь страшное въ послѣдствіи для Россіи и Польши. Шильдбергеръ въ своемъ путешествіи также упоминаетъ объ Эдигеѣ и повѣствуетъ, что онъ находился вмѣстѣ съ нимъ въ войскѣ Татарскаго Царевича Зегры (въ Ист. Монг. Чегре), котораго Эдигей намѣревался возвести на престолъ Кипчацкій. По изгнаніи же Зегры внукомъ Темиръ-Кутлука Махметомъ, Эдигей бѣжалъ въ Дештъ-Кипчакъ, т. е. въ Куманію. (См. Абулг. ч. VII. гл. 3; Кар. Ист. Г. Р. Т. V. стр. 169, 195, 204 и 234; Ист. Монг. стр. 42; Siestr. Hist. de la Chers. Taur. p. 448 и Forster Gesch. der Entd. u. Seef. p. 193). Лызловъ, а за нимъ и Рычковъ, упоминаютъ еще о другомъ Эдигеѣ, Царѣ Золотой орды, пришедшимъ яко бы изъ за Яика въ 1431 году и изгнавшимъ Улу-Махмета; но объ немъ не сказано ни у Карамзина, ни у Абулгазія, ни у Автора Исторіи Монголовъ. (См. Лыз. Ист. Скиѳ. Ч. I. стр. 50 и Рыч. Оп. Каз. Ист. стр. 58) Вотъ вкратцѣ жизнь Эдигея, одного изъ знаменитѣйшихъ Героевъ Монгольской Исторіи. Читатель усмотритъ изъ оной, что Барбаро ошибочно приписываетъ ему распространеніе Магометанскаго закона между Татарами; ибо законъ сей былъ уже принятъ ими при Ханѣ Узбекѣ, въ началѣ XIV вѣка, какъ объяснено въ предидущемъ примѣчаніи.

27.) *Сиди-Ахметъ-Ханъ* или Сейдъ-Ахметъ (по свидѣтельству Карамзина Ханъ Синей или Ногайской орды, а по увѣренію Лызлова, Рычкова и Автора Монгольской Исторіи, Царь Золотой орды) жилъ гораздо позже той эпохи, о которой упоминаетъ Барбаро. Въ Царственномъ лѣтописцѣ названъ онъ Сиди-Ахметомъ, въ Степенной книгѣ Магметомъ, а въ Двинскомъ лѣтописцѣ, по опискѣ, какъ замѣчаетъ Сриттеръ, Ахметомъ, Ханомъ Синей орды (Татарове отъ Синіе орды Ахметовой). Эта описка послужила вѣроятно основаніемъ то-

му, что Карамзинъ называетъ его Ханомъ Ногайской орды. Во время царствованія Сиди-Ахмета, Татары дѣлали двукратные набѣги на Россію (въ 1451 и 1455), а въ 1460 г., по свидѣтельству Степенной Книги, Сиди-Ахметъ «пойде на Русскую землю со всею ордою, и бывше ему на Дону и ту прінде на него Царь Ази-Гирей (Ханъ Крымскій) и побѣди его и орду его взя и начаша воеватися между собою.» (Стриковскій, а за нимъ и Сестренцевичъ утверждаютъ, что Сиди-Ахметъ вышелъ воевать не Россію, а Подолію). Кончина Сиди-Ахмета была самая плачевная. Преслѣдуемый Ханомъ Крымскимъ, онъ убѣжалъ въ Литву, но тамъ былъ схваченъ, заключенъ въ темницу и умеръ въ заточеніи. Изъ всего вышеобъясненнаго нами о Сиди-Ахметѣ очевидно, что онъ царствовалъ во второй половинѣ XV столѣтія; слѣдовательно Барбаро вовсе напрасно приписываетъ ему введеніе Магометанскаго закона между Татарами. (См. Кар. И. Г. Р. Т. V. стр. 341 и 354; Царств. Лѣтоп. стр. 297, 300 и 360; Степен. Книга Ч. II. стр. 100; Стрит. И. Г. Р. стр. 273, 287 и 296; Ист. Монг. стр. 42; Лызл. Скиѳ. Ист. Т. I. стр. 53 и 54; Рычк. Оп. Каз. Ист. стр. 59 и Siestr. Hist. de la Chers. Taur. p. 351.)

28.) *Улу-Махметъ*, по свидѣтельству Карамзина, былъ изгнанъ изъ улусовъ братомъ его Кичимомъ и искалъ убѣжища въ Россіи въ 1437 году. Въ Степенной Книгѣ, при описаніи Бѣлевской битвы, сказано: «Тогда же слышавъ Великій Князь, что Царь Махметъ бѣгая отъ инаго Царя, бѣже къ граду къ Бѣлеву», а въ Царственномъ лѣтописцѣ значится, что, «осенью (1438), прінде Царь Улу-Махметъ большія орды къ граду Бѣлеву и сяде въ Бѣлевѣ, бѣжавъ отъ брата своего Кичи Ахмета, Царя большія орды. (См. Кар. И. Г. Р. Т. V. стр. 271: Степ. Кн. Ч. II. стр. 8 и Царств. лѣтоп. стр. 200).

29.) Слово *орда* (по Татарски урду, или уртъ) первоначально значило шатеръ (кибитку), потомъ преимущественно Ханскую кибитку, а наконецъ и весь дворъ (см. Язык. Пут. къ Тат. стр. 273. пр. 33).

30.) *Цитраханъ* (въ изд. 1543 года Githercan), или Азн-

торокань—нынѣшняя Астрахань. Сестренцевичь полагаетъ, что она находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была древняя столица Хазарскаго Царства: Атель. Зимою 1395 года Астрахань была въ конецъ раззорена Тамерланомъ, не смотря на то, что сверхъ каменной стѣны, она, какъ говоритъ Карамзинъ, была укрѣплена еще ледяною стѣною (И. Г. Р. Т. V. стр. 152). Отъ того Контарини, въ проѣздъ свой чрезъ Астрахань, нашелъ тамъ однѣ только мазанки, хотя кое гдѣ, по словамъ его, видны еще были остатки древнихъ зданій, разрушенныхъ въ недавнемъ времени. По увѣренію Г. Форстера, Калмыки называютъ Астрахань: Хаджи Айдаръ Ханъ, Бальгасунъ отъ чего и произошло настоящее наименованіе Астрахани. Городъ сей въ XIII и XIV вѣкахъ, т. е. до разрушенія его Тамерланомъ, былъ важнымъ торговымъ мѣстомъ; ибо чрезъ него шли всѣ товары, отправляемые изъ Индіи въ Тану. Нынѣшняя Астрахань лежитъ гораздо южнѣе прежней. (См. Paul. Iovii de Lagat. Bas.; Конт. Гл. VII и Forster. Gesch. der Entd. u. Seef.).

31.) *Тюменскія равнины* (нынѣшняя Калмыцкая степь) получили это названіе отъ города Тюмени, о коемъ въ древней Россійской Идрографіи (стр. 55) сказано: «а изъ Тюменки рѣки вытекла рѣка Заплавная, и текла осмьдесятъ верстъ, и пала Заплавная опять въ Тюменку. А на устьи рѣки Тюменки городъ Тюменской. А ниже Тюменки протока Терекъ, пала рѣка отъ Тюмени въ море тридцать верстъ; (на стр. 56) отъ Тюменскаго града къ Астрахани до верха Тереузени, морскаго пролива, двѣсти пятьдесятъ верстъ; (и на стр. 52) а отъ Тюменскаго града до Астрахани четыреста верстъ.» Въ книгѣ большаго чертежа (стр. 242) упоминается также о Тюмени, съ присовокупленіемъ, что городъ сей находится въ 180 верстахъ отъ Дербента. — Не надобно впрочемъ смѣшивать Тюмени, о которой здѣсь говорится, съ другимъ городомъ тоже имени, находящимся въ Тобольской Губерніи.

32) *Черкессія*, страна Черкессовъ, народа, извѣстнаго у Плинія и Страбона подъ именемъ Циховъ или Сиховъ, и ко-

торый самъ себя называетъ Адехе. Названіе же Черкессовъ дано ему было Татарами, на языкѣ коихъ слово Черкессъ значитъ разбойникъ. Нынѣшняя страна Черкессовъ, въ общепринятомъ значеніи, заключаетъ въ себѣ всѣхъ горскихъ народовъ, хотя подъ этимъ названіемъ должно разумѣть однихъ только Кабардинцевъ, Абазинцевъ и собственно Закубанскихъ Черкессовъ, состоящихъ изъ слѣдующихъ племенъ: Натухайцы, Шегаки, Шапсуги, Жане, Гатукаи, Бзедухи, Абедзехи, Темиргойцы, Бисленейцы и Мохоши. Желающіе почерпнуть болѣе свѣдепій о семъ предметѣ могутъ найти оныя у Клапрота (Reise in den Kaukas. 1 B. p. 435—84 и 557—93), у Броневскаго, въ сочиненіи его, подъ заглавіемъ: Новѣйшія Геогр. и Статист. извѣст. о Кавказѣ и у Зубова (Карт. Кавк. края. Т. III, стр. 7—152). Для объясненія же состоянія, въ коемъ находились эти племена около того времени, въ которое Барбаро писалъ путешествіе свое, приводимъ небольшое о нихъ сочиненіе Генуэзца Георгія Интеріано, писанное въ 1502 году и помѣщенное во 2-мъ томѣ Рамузіева сборника, подъ названіемъ: Giorgio Interiano Genovese a M. Aldo Manutio Romano della vita de Zychi, chiamati Circassi.

»Zychi in lingua vulgara, greca et latina cosi chiamati, et Tartari et Turchi dimandati Circassi, in loro proprio linguaggio appellati Adiga, habitano dal fiume della Tana detto Don su l'Asia tutta quelora maritima, verso el Bosphoro Cimerio. hoggidi chiamato Vospero, et bocca di San Giovanni. e bocca del mar Ciabachi, et del mare di Tana. antiquitus palude meotide. Indi poi fora la bocca per costa maritima, fin appresso al cavo di Bussi, per Sirocco verso al fiume Phasi. et quivi confinano con Avogasia, cioè parte di Colchide. E tutta loro costiera maritima fra dentro la palude predetta, et fora, può essere da miglia 500. Penetra fra terra per levante giornate 8. o circa in el piu largho. Habitano tutto questo paese Vicatim senz' alcuna terra, o loco murato. Et loro maggiore e migliore loco, è una valle. mediterranea piccola chiamata Cromuc, meglio situata, et habitata che'l resto. Confinano fra terra con Scythi, cioè Tartari. La lingua è penitus separata da quella di convicini, e molto fra gola. Fanno professione di christiani. et hanno sacerdoti alla greca. Non si

battezano, se non adulti d'otto anni in su, e piu numero insieme con simplice asperges d'acqua benedetta a lor modo, et breve benedittione di detti Sacerdoti. Li nobili non intrano in Chiesa se non hanno 60 anni, che vivendo di rapto come fanno tutti, li pare non essere licito, e crederiano profanare la Chiesa. Passato detto tempo o circa, lasciano il robare, et allhora intrano a quelli officii divini, i quali etiam in giuventute ascoltano fora su la porta de la Chiesa, ma a cavallo, et non altramente. Le loro donne parturiscono su la paglia, la quale vogliono sia il primo letto de la creatura. Poi portata al fiume quivi la lavono. nonostante gelo, o freddo alcuno, molto peculiare a quelli regioni. Impongono alla ditta creatura il nome de la prima persona aliena, quale entri dopo lo parto in casa, et se è greco, o latino, o chiamato alla forestiera l'aggiungono sempre a quel nome v. c. a Pietro Petruc, a Paulo Pauluc etc. Essi non hanno, ne usano lettere alcune, ne proprie, ne straniere. Loro Sacerdoti officiano a suo modo con parole, et charattere greche senza intenderle. quando li accade far scriver ad alcuno, che raro lo costumano, fanno far l'officio a Judei per la maggior parte, con lettere hebree. ma lo forzo mandano l'uno all'altro Ambasciatori a bocca. Fra loro sono nobili e vasalli, e servi, o schiavi. li nobili tra li altri sono molto reveriti, et la maggior parte del tempo stanno a cavallo. Non patiscono che li sudetti tengono cavalli. e se a caso un vasallo allieva alcun polledro, cresciuto ch'è di subito gli è tolto dal gentilhuomo, et datogli bovi per contra dicendogli: questo t'aspetta et non cavallo. Fra loro sono di detti nobili assai Signori di vasalli, et viveno tutti senza subiettione alcuna l'uno a l'altro, ne vogliono superiore alcuno, se non Dio, ne tengono veruno administratore di justitia, ne alcuna legge scritta. la forza o la sagacità o iterposite persone sono mezi di loro litigii. D'una gran parte di detti nobili l'un parente amazza l'altro, et il piu delli fratelli. et si presto che l'un fratello ha morto l'altro, la prossima notte dorme con la moglie del defunto sua cognata, perche se fanno licito havere etiam diverse moglie, quale tengono poi tutte per legitime. Subito che'l figlio del nobile ha doi o tre anni lo danno in governo ad uno delli servitori. il qual lo mena ogni dì cavalcando con un archetto piccolo

in mano, et come vede una gallina, o uccello, o porco, o altro animale, l'insegna a saettare: poi diventando piu grande, esso medemo va a caccia dentro da li loro proprii casali a detti animali. ne il suddito ardiria farli alcun ostaculo. E. fatti che sono huomini, la loro vita è continuo a la preda di fiere salvatiche et piu di domestiche, et etiam di creature humane. Loro paese per maggior parte è pallustre molto occupato di cannuccie et calami, de la radice di quali s'accoglie el calamo aromatico. le quali palude procedano dai gran fiumi del Tanai similiter hoggi cosi chiamato, et Rhombite detto Copa, et piu altre grosse et piccole fiumare, quale fanno molte bocche et quasi infinite paludi, come s'è detto, fra le quali sono fatti assai meati, et transiti, et cosi furtivamente per simili passi secreti insultano i poveri villani, et gli animali delli quali con li proprii figluoli ne portano la pena. però che straportati d'un paese in un' altro li barattano et vendeno. Et impero che in quel paese non s'usa, ne corre alcuna moneta massime nelli mediterranei, li loro contratti se fanno a boccassini ch'è una pezza di tela da fare una camisa, et cosi ragionano ogni lor vendita, et apprezzano tutta la mercantia a boccassini. La maggior parte di detti popoli venduti, sono condotti al Chairo in Egitto. et cosi la fortuna li transmuta dai piu sudditi villani del mondo a de li maggiori stati et signorie del nostro secolo, come Soldano, Armiragli etc. Loro vestimenti di sopra, sono de feltro a guisa de peviali de chiesa portandolo aperto d'una delle bande per cacciare lo destro brazzo fora. In testa una beretta etiam de feltro in forma d'uno pane di zuccaro. Sotto detto manto portano terrilicci cosi chiamati da seta o tela affaldati et rugati dalla centura in giu, quasi simili alle falde de l'anticha armatura Romana. Portano stivali et stivaletti l'uno sopra l'altro assettati et molto galanti et calzebrache di tela larghe. Portano mostacchii di barba longhissimi. Portano etiam continuo al lato quest'altre artegliarie, cioè fucino da foco in uno polito borsoto di corio fatto et recamato da loro donne. Portano rasoro et cota da pietra da affilarlo, con il quale si radeno l'un l'altro la testa lasciando sul vertice un linco de capelli longo et intrecciato, ch'alcuni voglion dir sia per lasciar appiglio alla testa, se a loro fussi tagliata, accio non sia imbrattuta la faccia

con le mani sanguinenti, et brutte de l'homicida. Si radeno etiam lo pettenale sempre che siano per combattere, dicendo che saria vergogna et peccato esser visto morto con peli in tal loco. Gettano foco a case de nimici, qual tutte sono di paglia, attaccati solfarini accesi a freze. Tengono in case coppe d'oro grande da 300 fin a 500 ducati, dico li potenti, et ancora d'argento, con le quali bevano con grandissima ceremonia in uso piu al bevere, che a molt' altri loro apparati, bevendo continuo et a nome di Dio, et a nomi di santi, et di parenti, et d'amici morti, commemorando qualche gesti egregii et notabile conditione con grandi honori et riverentie quasi come sacrificio, et con lo capo sempre scoperto per maggiore humilità. Dormeno con la lorica cosi da loro chiamata, ch'è camisa di maglia sotto la testa per guancial, et con l'arme appresso, et levandosi a l'improvisa di subito si vesteno detta pânciera, et si drizzano armati. Marito et moglie jaceno al letto capo a piedi et loro letti sono di corio pieni di fiori di calami o junchi. Tengono questa opinione fra loro, che non si debbi reputare alcun di generatione nobile, dalla quale si habbia notitia per alcun tempo essere stata ignobile, se bene havesse poi procreati piu Re: Vogliono che'l gentilhuomo non sappia fare ne conti, ne negotii mercantili, salve per vendere loro prede, dicendo non spettare al nobile se non reggere popoli, et difensarli et agitarsi a caccie, et a essercitii militari. Et assai laudano la liberalità et donano facilissimamente ogni loro utensile: da cavallo et arme in fora. Ma de loro vestimenti sopra tutto ne sono non solum liberali, ma prodighi, et per questo accade ut plurimum siano di vesti peggio in ordine, che sudditi. Et tante fiate l'anno che si fanno veste nove o camise de seta cremesina da loro usitate; de subito li sono richieste in dono da vassalli, et se recusassino di darle o ne demostrassino mala voglia gli ne seguiria grandissima vergogna, et per ciò incontinente gli è dimandata et in quel instante proferendola se la spogliano, et per contra pigliano la povera camisa del' infimo dimandatore per la maggior parte trista et sporca. et cosi quasi sempre li nobili sono peggio vestiti degli altri, stivali, arme et cavallo in fora, che mai non donano, nelle quali cose sopra tutto consista la loro pompa. et piu fiate donano quanto mobili hanno per haver

nn cavallo, che gli aggrada, ne tengono cosa piu pretiosa d'un ottimo cavallo. Se gli accade aquestare alla preda o in qualch' altro modo oro o argento, subito lo dispensano in poculi predetti, o in guarnimenti di selle, o per uso d'adornamenti militari. quanto per spendere fra loro non lo costumano, et potissime li mediterranei, che quelli delle marine sono piu avezzati a negotii. Combatteno quotidianamente con Tartari dai quali, d'ogni banda quasi sono cinti. Passano etiam lo Bosphoro su la Taurica Chersoneso, provincia dov'è situata Cafa Colonia constituta ab anticho da Genoesi. et passano volontieri detto freto all' invernato che'l mare è gelato a preda d'habitanti Scythi. Et poco numero di loro caccia gran gente di quella, perche sono molto piu agili et meglio in ordine d'arme et di cavalli et dimostrano piu animosità. Le loro armature da testa sono proprie a ponto come se vede sopra l'antigaglie con le retenute per le guancie attaccate sotto la gola al modo antico. Tartari sono piu patienti ad ogni necessità tanto ch'è cosa mirabile: et cosi piu fiate vincono, percioche quando se poteno conducere in qualche estreme paludi, o neve, o giacci, o luoghi penuriosi d'ogni bene, dove per constantia et ostentione il piu delle volte vincono. Detti Zychi per la maggior parte sono formosi et belli et al Chairo fra quelli Mamaluchi et Armiragli, che il piu di loro sono di tal stirpe (come s'è detto) si vede gente di grande aspetto. et di loro donne el simile, quali sono nel proprio paese etiam con forestieri domestichissime. Usano l'officio de l'hospitalità generalmente ad ogn' uno con grande carezze, et l'albergato, et l'albergante chiamano conacco come l'hospite in latino. et alla partenza l'hospite accompagna el conacco forestiero per fin ad un' altro hospitio et lo defende, et mettegli bisognando la vita fidelissimamente. E benche (come s'è detto) tanto si costuma il depredare in quelle parte, che viene a parere guadagno quasi di justo affanno, tamen a loro conacchi usano molto fideltà et in casa loro et fora con grandissime carezze. Lasciano maneggiare le loro fanciulle vergine dal capo alli piedi precipue in presentia de parenti, salvo sempre l'atto venereo. et riposandosi il forestiero conacco a dormire, o risvegliato che'l sia, dette fanciulle con molti vezzi li cercano le immonditie come cose pecularissime et nature a quelli paesi. In-

trano ditte poncelle nude nei fiumi ad occhi veggenti d'ogn'uno, dove si vede numero infinito di formatissime creature et molto bianche. El vitto loro è una gran parte di quelli pesci Anticei cosi hoggidí da loro chiamati et etiam antiquitus secondo Strabone, che in effetto sono sturioni piu grossi et piu piccoli. et beveno di quell' acqua di detti fiumare molto speciale alla digestione. Usano ancora ogn'altra carne domestica et salvatica. frumenti et vini d'uva non hanno. Miglio assai et simili altre semenze delle quali fanno pane et vivande diverse, et bevande chiamate Boza. usano etiam vino di mele d'ape. Le loro stantie tutte sono di paglia, di canne, di legnami. et gran vergogna saria ad uno Signore o gentilhuomo fabricare o fortezza o stantia de muro forte, dicendo che l'huomo si dimostreria vile et pauroso et non bastante ne a guardarsi, ne a defendersi, et cosi tutti habitano in quelle case predette, et a casale, a casale, ne una minima fortezza s'usa o habita in tutto quel paese, et perche si truovano alcune torre, et muraglie antiche, li villani a qualche loro proposito l'adoperano, che i nobili se ne vergognariano. Loro medemo lavorano ogni dì le proprie saette etiam a cavallo, delle quale ne fanno perfettissime, et poche saette si trovano di maggiore passata delle loro con spiculi, o ferri d'ottima fattione temperatissimi et di terribil passata. Le loro donne nobili non s'adoperano in altri lavori che in rechami etiam sopra corami, et recamano Borsorti di pelle per focini da foco (come di sopra s'è detto) et centure di corio politissime. Le loro essequie sono molto strane. Poi la morte di gentilhuomini li fanno talami di legnami alti alla campagna, sopra li quali pongono a sedere el corpo morto cavati prima l'intestini et quivi per otto giorni sono visitati da parenti, amici, et sudditi dai quali sono appresentati variamente come tazze d'argento, archi, freccie, et altro merce. Da li due lati del talamo stanno li due parenti stretti d'età, in piedi appoggiati ad un bastone per uno, et sul talamo da man mancha sta una poncella con la freccia in mano, sopra la qual ha uno fazzoletto di seta spiegato, col quale li caccia le mosche avenga che sia il tempo gelato com'è la piu parte dell' anno in quelli paesi. Et in faccia del morto in terra piana sta la prima delle moglie assettata sopra una cathedra mirando continuo il

marito morto constantemente et senza piangere, che lachrymando seria vergogna, et questo fanno per un gran pezzo del dì fin all' ottava et poi lo sepeliscono in questo modo. prendono un grossissimo arboro et de la parte piu massiccia o grossa tagliano a sufficientia per la longhezza, et lo sfendono in due parte, et poi lo votano o cavano tanto che li stia il corpo a bastanza con parte delli donarii appresentati ut supra. poi posto il cadavero nel cavato de detti legni, lo pongono al luogo statuito della sepoltura dov'è gran multitudine di gente, li fanno la tombe cosi chiamata, cioè il monte di terra sopra, et quanto è stato maggior maestro et havuto piu sudditi et amici, tanto fanno il monte piu eccelso et maggiore, havendo il piu stretto parente raccolte tutte l'offerte. et fatto continuo le spese a visitanti secondo è stato piu amoroso et honorevole, tanto piu et manco sepeliscono di dette offerte col corpo. Costumano etiam in dette essequie a li gran maestri un' altro sacrificio barbaro, opera meritoria di spettaculo, prendendo una poncella di 12 in 14 anni. et posta a sedere sopra una pelle d'un Bove, allora amazzato, et distesa col pelo su'l suolo della terra in presentia di tutti circonstati huomini, et donne, et il piu gagliardo et ardito giovane di quelli sotto il manto di feltro si prova a sponcellare detta fanciulla. et rare fiate che quella renitente non ne straccha tre o quattro et tal fiate piu, inanzi ch'ella sia vinta. tandem poi lassa et stanca con mille promissione d'essere tenuta per moglie o altre persuasione el valent' huomo rompe la porta, et intra in casa. Et poi come vincitore mostra subito a circonstanti le spoglie fedate di sangue, et cosi le donne presenti forse con finta vergogna voltando la faccia fingendo non volere mirare, non potendo però continere il riso etc. Poi la sepoltura, per piu dì, allhora del mangiare fanno mettere in ordine el cavallo del defonto, qual mandano a mano con uno di servitori alla sepoltura, onde sino a tre fiate per nome chiamato el morto lo convitano da parte delli parenti, et amici se vuole venire a mangiare. Et visto il servitore non havere alcuna risposta, ritorna col cavallo a riferire che non risponde. Et cosi scusi, parendo haver fatto loro debito, mangiano et beveno a suo honore.»

Изъ сего описанія читатели могутъ усмотрѣть, что въ те-

ченіе 3-хъ вѣковъ въ нравахъ Черкессовъ произошло весьма мало перемѣны, и что въ образѣ жизни они почти нисколько не различествуютъ отъ своихъ предковъ. Сочиненіе Интеріано (въ Нѣмецкомъ переводѣ) помѣщено въ главѣ 27-й путешествія Г. Клапрота на Кавказъ и въ Грузію.

33.) Такъ и доселѣ еще подносятся у Монголовъ дары людямъ значительнымъ; но я отнюдь не полагаю, чтобы названіе *новены* произошло отъ слова nove: девять, какъ очевидно силится доказать Барбаро. Новеною называется нынѣ въ нашихъ Волжскихъ губерніяхъ холстина.

34.) Контарини также говоритъ, что Татары употребляли *напитокъ, сдѣланный изъ меда*, и даже напивались имъ до пьяна. (Контар. Г. VII). Плано Карпини равномѣрно осуждаетъ ихъ въ пьянствѣ; но упоминаетъ притомъ, что вина, пива и меда у нихъ нѣтъ, кромѣ присылаемаго или привозимаго въ даръ другими народами (Язык. Пут. къ Тат. стр. 115).

35.) *Буза* извѣстна и у Русскихъ. Еще недавно продавали ее на улицахъ въ Москвѣ. У нынѣшнихъ Черкессовъ бузою называется весьма пріятный и крѣпкій напитокъ, приготовляемый изъ сарачинскаго пшена. О семъ напиткѣ упоминаетъ еще Георгій Интеріано (см. пр. 32). Переводчикъ Абулгазія называетъ бузу брагою.

36.) Въ подлинникѣ сказано: Un giovane Greco bastoniero del Console, т. е. *тростеносецъ*. Консулы, посылавшіеся въ прежнія времена Генуэзцами и Венеціанами въ разные торговые города, имѣли у себя, подобно древнимъ Римскимъ Консуламъ, особенныхъ Ликторовъ.

37.) У насъ также есть родъ охоты, похожій на ту, которую описываетъ Барбаро и называющійся облавою. Она преимущественно употребляется противу волковъ, медвѣдей и другихъ крупныхъ звѣрей и кажется заимствована отъ Татаръ, какъ видно будетъ изъ примѣчанія 43-го.

38.) По свидѣтельству Сестренцевича, 444 *аспра* составляли червонецъ (Siestr. Hist. de la Chers. Taur. p. 42).

39.) *Повозки* этого рода и до сихъ поръ употребляются Татарами и извѣстны подъ именемъ аробы или арбы. Кому удавалось проѣзжать чрезъ мѣста, заселенныя Татарами, тотъ конечно помнитъ непріятный скрыпъ аробъ, у которыхъ колеса никогда не мажутся. По свидѣтельству Марко Поло двуколесныя повозки служили только для перевоза женъ и дѣтей; тѣ же, на которыхъ ставились шатры, были обыкновенно о четырехъ колесахъ (Trav. of Marco Polo, by Marsden p. 204).

40.) Вотъ какъ Плано Карпини описываетъ этого рода *домы*, извѣстные подъ именемъ кибитокъ: «Ставки у Татаръ— круглыя, на подобіе шатровъ, и сдѣланы искусно изъ прутьевъ и палокъ. Вверху посрединѣ продѣлано окно, сквозь которое входитъ свѣтъ и выходитъ дымъ, потому что огонь у нихъ всегда разложенъ посреди ставки. Стѣны и кровля покрываются обыкновенно войлокомъ, изъ котораго сдѣланы и двери. Иныя ставки — большія; другія не велики, смотря по знатности или скудости человѣка. Иныя скоро разбираются и опять складываются и навьючиваются на скотину; другихъ же разбирать нельзя, а ставятъ ихъ цѣльныя на повозкахъ. Подъ небольшія впрягаютъ въ повозку одного быка, а подъ большія трехъ, четырехъ и болѣе, смотря по величинѣ. — Куда бы Татары ни ходили: на войну, или съ мѣста на мѣсто, всегда берутъ ихъ съ собою (Язык. Пут. къ Тат. стр. 81). Марко Поло присовокупляетъ, что при постановкѣ этихъ ставокъ или кибитокъ на землю, строго наблюдаютъ, дабы входъ былъ обращенъ на югъ (Tr. of. M. P. by Marsden p. 204). То же самое говоритъ и Рубриквисъ (Purchass Pilgr. V. III. p. 3).

41.) Плано Капини, бывшій въ 1246 году при дворѣ Худестзи-Хана, описываетъ слѣдующимъ образомъ *Ханскую аудіенцію:* «Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Императоръ возведенъ былъ на престолъ, позвали насъ къ нему. Чингай, первый Секретарь его, записавъ наши имена, а также тѣхъ, отъ кого мы

присланы, равно Герцоговъ Соланжскаго и другихъ, громогласно прочиталъ ихъ предъ Императоромъ и всѣми военачальниками. Послѣ этого каждый изъ насъ четырежды преклонилъ лѣвое колѣно, и намъ напомнили, чтобы мы не наступали на порогъ. Обыскавъ тщательно, нѣтъ ли при насъ ножей, и не нашедъ ничего, ввели насъ восточными дверьми; ибо западными никто не смѣетъ входить, кромѣ Императора (Язык. Пут. къ Тат. стр. 49).

42.) Плано Карпини хвалитъ вообще *миролюбивый характеръ* Татаръ. По свидѣтельству его, они бранятся между собою рѣдко или никогда, а дракъ совсѣмъ у нихъ не бываетъ, также какъ вражды, ссоръ, побоевъ и убійства. Въ другомъ же мѣстѣ онъ говоритъ, что тяжебныхъ дѣлъ между ними почти совсѣмъ нѣтъ (Язык. Пут. къ Тат. ст. 101 и 103).

43.) Въ дополненіе приводимъ здѣсь ту главу изъ путешествія Марко Поло, въ которой онъ описываетъ соколиную *охоту* Кублай Хана: «Пробывъ около двухъ мѣсяцевъ въ столицѣ своей (Камбалу или Пекинѣ), Его Величество въ Мартѣ отправляется на Сѣверовостокъ къ морю (отстоящему въ двухъ дняхъ пути отъ города), чтобы поохотиться по берегу рѣки (Узури). Ему сопутствуютъ до 10,000 охотниковъ съ ястребами, соколами и кречетами. Они идутъ не одною толпою; но раздѣлены на нѣсколько небольшихъ отрядовъ, отъ ста до двухъ сотъ человѣкъ и болѣе, дабы удобнѣе охотиться въ разныхъ мѣстахъ, и большую часть добытой ими дичи приносятъ Его Величеству. Сверхъ того при немъ находится еще около 10,000 такъ называемыхъ *таскаоль* или стражей, которые разставлены небольшими кучками, въ два и три человѣка, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, такъ что вмѣстѣ составляютъ огромный кругъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ у себя по свистку, для отозванія птицъ въ случаѣ нужды. По мановенію Его Величества, всѣ охотники разомъ спускаютъ соколовъ своихъ; но не слѣдуютъ за ними въ ту сторону, куда онѣ направятъ свой полетъ; ибо стража обязана внимательно наблюдать за этимъ и, въ случаѣ нужды или опасности, немедленно отзывать птицъ

назадъ. Сокола Его Величества и знатнѣйшихъ вельможъ имѣютъ на ногѣ небольшую серебряную дощечку, на которой вырѣзано имя хозяина и охотника, такъ что, немедленно по поимкѣ птицы, можно узнать, кому она принадлежитъ и возвратить хозяину. Если же случится, что не смотря на вырѣзаное имя, поймавшій птицу, не зная лично хозяина, не можетъ тотъ же часъ доставить ему оную, то въ такомъ случаѣ приноситъ ее къ особенному чиновнику, называемому *Булангази*, т. е. хранитель неизвѣстной собственности. Всякій, нашедшій лошадь, мечь, птицу или другую какую либо вещь, и не знающій, кому она принадлежитъ, долженъ непремѣнно представить ее означенному чиновнику, который въ свою очередь обязанъ принять доставленную ему такимъ образомъ вещь и тщательно хранить ее. Тотъ же, кто не исполнитъ этого постановленія и не представитъ находки своей, почитается воромъ. Потерявшій вещь съ своей стороны можетъ прямо отправиться къ Булангази и получить отъ него безъ всякаго затрудненія обратно свою собственность. Чиновникъ этотъ живетъ обыкновенно на самомъ возвышенномъ мѣстѣ въ станѣ, и шатеръ его отличается особеннымъ флагомъ, дабы имѣющіе до него нужду могли удобнѣе отыскать его. Польза этого учрежденія очевидна, потому что ни одна вещь не можетъ пропасть безъ вѣсти.»

«Подвигаясь такимъ образомъ все ближе и ближе къ морю, Его Величество забавляется различнаго рода охотою, — и смѣло можно сказать, что нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ не встрѣтишь подобнаго увеселенія. Въ случаѣ тѣсныхъ проходовъ, попадающихся кое гдѣ на пути, во время охоты, Его Величество ѣдетъ на двухъ, а иногда и на одномъ слонѣ, смотря по удобству мѣста; обыкновенно же онъ ѣздитъ на четырехъ слонахъ, на коихъ воздвигнутъ деревянный шатеръ превосходной работы, обитый внутри парчею, а снаружи покрытый львиными (вѣроятно тигровыми или барсовыми) кожами. Въ этомъ шатрѣ Его Величество проводитъ неподвижно все время охоты; ибо одержимъ припадками подагры. При немъ находятся всегда 1[illegible] или 12 соколовъ и столько же приближенныхъ сановниковъ, для развлеченія и увеселенія его. Прочіе же вельможи ѣдутъ возлѣ верхомъ, и обязаны увѣдомлять Государя всякій

разъ, когда завидятъ журавлей или другихъ какихъ либо птицъ. Онъ немедленно откидываетъ полы шатра своего и, при приближенiи дичи даетъ знакъ, по которому охотники спускаютъ соколовъ. Птицы нападаютъ стремительно на журавлей и, послѣ продолжительнаго боя, одолѣваютъ ихъ. Распростершись на своемъ ложѣ, Его Величество, равно какъ сановники и всадники, его окружающiе, чрезвычайно забавляются этою потѣхою. Поохотившись такимъ образомъ въ продолженiи нѣсколькихъ часовъ, Ханъ отправляется къ мѣсту, именуемому Какзаръ-430 Модинъ, гдѣ уже разбиты шатры его и ставки его сыновей, вельможъ, тѣлохранителей и охотниковъ. Ставки эти простираютсяся до 10,000 и вмѣстѣ представляютъ отмѣнно красивый видъ. Шатеръ Его Величества, въ которомъ онъ обыкновенно даетъ аудiенцiю, такъ обширенъ, что можетъ вмѣстить въ себѣ до 10,000 человѣкъ, не включая въ то число велможъ и другихъ знатныхъ особъ. Входъ въ этотъ шатеръ обращенъ на югъ; съ восточной же стороны примыкаетъ къ нему другой шатеръ, заключающiй въ себѣ большой залъ, гдѣ обыкновенно пребываетъ Государь съ приближенными своими и гдѣ онъ принимаетъ только тѣхъ, съ которыми хочетъ говорить лично. За этимъ заломъ находится другой, также прекрасный и просторный покой, назначенный для спальни Его Величества. Сверхъ того возлѣ главнаго шатра разбито еще множество другихъ меньшихъ шатровъ и покоевъ для служителей Ханскихъ, но они не въ одной связи съ главною ставкою. Всѣ эти залы и покои устроены слѣдующимъ образомъ. Каждый изъ нихъ поддерживается тремя позолоченными столбами превосходной отдѣлки. Снаружи шатры покрыты львиными кожами, раскрашенными бѣлыми, черными и красными полосами и такъ плотно сшитыми, что ни дождь, ни вѣтеръ не можетъ проникнуть сквозь нихъ. Внутри же они обиты горностаями и соболями, драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ мѣховъ; ибо лучшая соболья шуба стоитъ до 2000 золотыхъ монетъ (бизонтовъ), а обыкновенная не менѣе 1000 монетъ. Отъ того то Татары называютъ соболiй мѣхъ царемъ всѣхъ мѣховъ, а самаго животнаго, которое величиною съ крота — *рондесъ*. Этими то двумя мѣхами шатры Его Величества отдѣланы внутри

съ необыкновеннымъ искусствомъ и вкусомъ; веревки же, которыми они притянуты къ землѣ, сплетены всѣ изъ шелка. Неподалеку отъ шатра Его Величества разбиты ставки его женъ, также великолѣпно и красиво убранныя. Жены Ханскія имѣютъ при себѣ своихъ соколовъ, ястребовъ и другихъ птицъ, съ коими принимаютъ участіе въ общемъ увеселеніи. Число народа, стекающагося въ станъ, со всѣхъ концевъ Государства, такъ велико, что можно подумать, будто находишся посреди самаго многолюднаго города. При Его Величествѣ неотлучно пребываютъ всѣ его служители, какъ то: врачи, астрономы, ловчіе и другіе сановники.»

«Тутъ остается онъ до первыхъ Вигилій нашей Пасхи и, въ продолженіе всего этого времени, безпрестанно охотится по берегамъ озеръ и рѣкъ за журавлями, лебедями, аистами и другими птицами. Охотники, разсѣянные по разнымъ направленіямъ, доставляютъ ему множество всякаго рода дичи. Такимъ образомъ, во время всей этой потѣхи, онъ наслаждается безпрерывно различными забавами и удовольствіями, понятными только для тѣхъ, кто были свидѣтелями всѣхъ этихъ забавъ; ибо великолѣпіе и огромность ихъ превосходитъ всякое описаніе. Ни одинъ купецъ, ремесленникъ и поселянинъ не вправѣ держать у себя соколовъ или другихъ птицъ, годныхъ къ охотѣ, а также охотничей собаки. Вельможамъ же и дворянамъ воспрещено охотиться въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ находится Государь (т. е. въ разстояніи 5 миль въ одну сторону, 10 въ другую и 15 въ третью), если имена ихъ не вписаны въ списокъ главнаго Сокольничаго, или если они не имѣютъ на то особеннаго позволенія. Въ другихъ же мѣстахъ охота имъ не возбраняется. Еще существуетъ другой законъ, воспрещающій Князьямъ и вельможамъ, равно какъ и простымъ поселянамъ травить зайцевъ, дикихъ козъ, оленей и другихъ подобныхъ животныхъ отъ Марта до Октября, въ томъ предположеніи, что они въ это время ростутъ и плодятся. Преступившій таковый законъ подвергается строгому наказанію, и отъ того дичь расплождается у нихъ въ неимовѣрномъ количествѣ. По прошествіи положеннаго времени, Его Величество тѣмъ же порядкомъ возвращается въ столицу, не

переставая охотиться во все продолженіе своего путешествія (Tr. of. Marco Polo by Marsden. B. II. Ch. 16. p. 342—45).»

Русской Переводчикъ Абулгазія описываетъ слѣдующимъ образомъ Татарскую охоту: «Татары отъ всѣхъ временъ полагали главное свое упражненіе въ охотѣ. Еще и нынѣ большая часть сего народа питается токмо своимъ скотомъ и охотою. Татары идолопоклонники не употребляютъ никакихъ собакъ, ходя за охотою; но отправляютъ оную охоту множествомъ людей слѣдующимъ образомъ. Ханъ, или Принцъ, который хочетъ ѣхать на охоту, собираетъ столько своихъ подданныхъ, сколько время и случай позволяетъ, что иногда доходитъ отъ 10 до 12 тысячъ человѣкъ, смотря потому, коль онъ силенъ. Сіи люди по прибытіи на мѣсто, раздѣляются по разнымъ мѣстамъ кругомъ того мѣста, гдѣ будетъ охота. Когда же все сіе будетъ учреждено къ удовольствію Принца, то начинаютъ съ каждаго мѣста распространяться съ правой руки на лѣвую, пока сойдутся съ людьми ближнихъ мѣстъ, наблюдая притомъ сіе, чтобы человѣкъ отъ человѣка стоялъ на 10 или на 20 шаговъ; а сіе дѣлаетъ совершенный кругъ около того мѣста, которое назначено въ центръ охоты. Когда сіе такъ будетъ расположено, то по данному знаку, всѣ пойдутъ къ центру круга, и что больше кругъ будетъ приходить въ узкость, то больше люди приближаются другъ къ другу, пока всѣ не станутъ весьма тѣсниться. Тогда всѣ слѣзутъ съ лошадей и идучи всѣ равнымъ шагомъ къ центру, сдѣлаютъ кругъ столь великъ, коль надобенъ будетъ, сдваивая и строивая шеренги, ежели много людей. Звѣри, которые увидѣвши людей, бѣгутъ сперва къ центру; но видя, что и тамъ мѣсто весьма узко, стараются гдѣ нибудь пробѣжать. Но въ которую бы сторону они ни кинулись, то отвсюду слышатъ крикъ, стукъ въ бубны, и звукъ въ роги и въ другіе инструменты, каковы употребляются на войнѣ у того народа. Напослѣдокъ сіе такъ оглушитъ звѣрей, что они уже сами отдаются людямъ, не дѣлая ни малаго сопротивленія. Такимъ способомъ ловятъ они всѣхъ звѣрей будто бы сѣтьми, сколько бы ихъ не могло быть въ окружности оной, которая иногда бываетъ на 4 и на 5 миль въ діаметрѣ съ самаго начала, гдѣ они часто ловятъ многія тысячи

всякихъ звѣрей (см. Абулг. Истор. Родосл. Татаръ Т. II. стр. 330).» Марко Поло также упоминаетъ объ охотѣ этого рода (Tr. of. Mar. Polo by Marsden B. II. Ch. 13. p. 337).

44.) Этотъ способъ ловить въ *табунѣ* лошадей употребляется и до сихъ поръ Казаками, Калмыками и горскими народами. Когда на дикую лошадь накидываютъ арканъ, она сначала храпитъ и бьется; но искусный всадникъ скоро усмиряетъ ее и дѣлаетъ ручною.

45.) *Бараній жиръ* и по сіе время употребляется на востокѣ, какъ необходимая приправа ко всѣмъ кушаньямъ. Мнѣ самому случалось ѣсть у Шамхала Тарковскаго пирожное, сдѣланное изъ миндаля съ шафраномъ и бараньемъ жиромъ. Для Евопейца оно покажется весьма невкуснымъ.

46.) Въ подлинникѣ сказано: e mi portò a donar otto teste di nation Rossiana. Я не могъ перевесть слово testa иначе какъ *плѣнникомъ*; ибо ни одинъ изъ современныхъ писателей не упоминаетъ, чтобы Татары сохраняли головы убитыхъ ими непріятелей и приносили ихъ кому либо въ даръ.

47.) Въ подлинникѣ названъ онъ: Commarchiere dell'Imperatore. У Контарини слово Commerchier встрѣчается также и означаетъ Ханскихъ досмотрщиковъ. (Конт. Г. XII).

48.) *Колхида*, прославленная въ древности походомъ Аргонавтовъ, заключала въ себѣ всю нынѣшнюю Имеретію, Мингрелію и Гурію, и отдѣлялась отъ Иберіи (Грузіи) отраслію Кавказскаго хребта, извѣстнаго подъ именемъ Мосхійскихъ горъ; — въ послѣдствіи прозвана она Lazia Mengrelia отъ населявшихъ ее Лазовъ или Лазіевъ, которые, по мнѣнію Прокопія и Агаѳіаса, суть не что иное какъ древніе Колхидяне, — и которые по сію пору существуютъ подъ именемъ Лазовъ на берегу Чернаго моря, между Трапезунтомъ и рѣкою Чорохою. Колхида была попеременно то подъ властію Персовъ, то подъ скиптромъ преемниковъ Александра Великаго, то подъ владыче-

ствомъ Римлянъ, то подъ управленіемъ собственныхъ Государей; а въ 1460 году была завоевана Турками. Колхидяне приняли Христіанскую вѣру при Царѣ ихъ Заѳусѣ, современникѣ и союзникѣ Императора Юстина. Баснь о золотомъ рунѣ вѣроятно происходитъ отъ золотаго песка, попадавшагося въ рѣкахъ, омывавшихъ древнюю Колхиду.

49.) Ни у Бекмана ни у Форстера не сдѣлано объясненія этому названію. По сходству произношенія можно бы было полагать, что *Кремукъ* есть нынѣшній Темрюкъ, если бы Интеріано, писатель, современный Барбаро, не говорилъ положительно, что страна эта находится внутри земель, извѣстныхъ подъ именемъ Сихіи или Черкессіи: Et loro maggiore et migliore loco è una valle mediterranea, piccola, chiamata Cromuc. (См. пр. 32). Въ другихъ же путешественникахъ названіе Кремуха нигдѣ не встрѣчается, а потому объясненіе этой загадки предоставляю людямъ, болѣе меня свѣдущимъ въ географіи среднихъ вѣковъ.

50.) *Каѳою* (isola di Caphà) назывался въ средніе вѣка нынѣшній Крымскій полуостровъ (въ древности Херсонисъ Таврическій, у Турокъ Керимъ-Атази, а на Картѣ Пицигани Хазарія). Судьба сего полуострова весьма замѣчательна. Сначала заселенъ онъ былъ Таврами, отъ которыхъ и получилъ названіе Тавриды; потомъ попалъ во власть Кимвровъ; отъ нихъ перешелъ къ Скиѳамъ и Сарматамъ, послѣ того составлялъ достояніе Царей Босфорскихъ и наконецъ содѣлался провинціею Римскою. При общемъ переселеніи народовъ, разрушившихъ Всемірную Монархію, Таврида сначала подверглась нападенію Алановъ, потомъ послѣдовательно переходила въ руки Готѳовъ, Гунновъ, Хазаръ, Печенеговъ и Половцевъ; нѣкоторое время находилась во власти Генуэзцовъ; отъ нихъ перешла къ Татарамъ и Туркамъ, и напослѣдокъ въ 1783 году подпала подъ скиптръ Россіи. Названіе Каѳы дано ей было Италіанцами отъ города Каѳы, нынѣ Ѳеодосіи. Желающіе узнать подробнѣе исторію Крымскаго полуострова могутъ прочесть о немъ сочиненіе Сестренцевича, подъ названіемъ: Histoire de la Chersonise Taurique.

51.) Всѣ эти народы повидимому племена Черкесскія, ко-

торыхъ имена или ошибочно выставлены въ путешествіи Барбаро, или, что впрочемъ невѣроятно, совершенно изгладились изъ памяти нынѣшнихъ Черкессовъ. Хотя каждое племя этого народа имѣетъ особенныя частныя подраздѣленія; но названія: Кипики, Татокозія и Собаи не встрѣчается ни въ одномъ изъ писателей, познакомившихъ насъ съ ними. Г. Клапротъ, въ главахъ 22-й и 26-й путешествія своего на Кавказъ, подробно изчисляетъ всѣхъ горскихъ народовъ и даже приводитъ тѣ имена, подъ которыми они извѣстны у сосѣдей своихъ; но между ими не встрѣчается ни одного изъ тѣхъ названій, о коихъ упоминаетъ Барбаро. По сходству произношенія, а также и по Географическому положенію этихъ народовъ въ описаніи Венеціанскаго путешественника, можно, (впрочемъ гадательно) вывести слѣдующее заключеніе. 1) *Кипики*, (въ изданіи 1543 года Elipehe) вѣроятно ближайшіе къ Черному морю, съ котораго Барбаро начинаетъ свое описаніе, должны быть нынѣшніе Шапсуги, (у Клапрота Шапшики или Шапсики). Въ этомъ предположеніи эще болѣе удостовѣряетъ меня названіе одной рѣки, протекающей въ землѣ Шапсуговъ, по имени Шибикъ (у Клапрота Чибикъ). 2) *Татакозія* есть вѣроятно нынѣшнее племя Темиргойцевъ и Бисленейцевъ, ибо въ странѣ послѣднихъ, на рѣкѣ Урупѣ, находятся по сію пору два селенія, напоминающія нѣсколько названіе Татакозіи, а именно: Татархана и Тазлахтула. Форстеръ полагаетъ, что Татакозія есть не что иное, какъ Татартупа; но съ этимъ согласиться невозможно; ибо Татартупа лежитъ гораздо далѣе, на Терекѣ, и не составляетъ особенной области или племени. Къ тому же Барбаро конечно бы упомянулъ о ней послѣ Кабарды, еслибы подъ именемъ Татакозіи разумѣлъ Татартупу. 3) *Собаи* (вѣроятно тѣ самые, которые у Плано Карпини, въ числѣ народовъ, покоренныхъ Татарами, названы Собоаль) можетъ быть нынѣшніе Абазы. 4) *Кевертеи* (въ изданіи 1543 года Chenerthei) безъ сомнѣнія Кабарда. Такъ полагаетъ Форстеръ и такъ утвердительно пишетъ Клапротъ и 5) *Асъ* или Аланы, — нынѣшніе Осетинцы, какъ мы уже замѣтили въ прим. 16. (см. Forst. Gesch. der Seef. und Entdeck. im Nord p. 266; Klap. Reise in d. Kauk. B. I. p. 435 — 84 и 557—93 и Язык. Пут. къ Татар. стр. 191).

52) Въ Мюллеровомъ собраніи для Русской исторіи (G. T. Müllers Samml. Russ. Gesch. T. VI. p. 7) сказано о *Кайтакахъ*, что они живутъ на берегу Каспійскаго моря, отъ Утемиша до Ширванской области, отъ коей отдѣляются рѣкою Дербахомъ; къ западу же граничатъ съ землею Каракайтаковъ. Страна ихъ обширна, плодоносна и усѣяна многочисленными селеніями, изъ коихъ главнѣйшія суть: Башло и Меджилисъ. Гмелинъ полагаетъ Кайтаковъ племенемъ Туркменскихъ Татаръ, а Карамзинъ упоминаетъ о нихъ при повѣствованіи о путешествіи въ Индію Афонасія Тверитянина (См. Gmel. Reise T. VI. p. 95—100; Reinegs Kauk. T. I. p. 107, и Карам. И. Г. Р. T. VI пр. 629.)

53.) *Фазисъ*, — нынѣ Ріонъ, вытекаетъ съ восточной стороны Эльбруса и у крѣпости Поти впадаетъ въ Черное море. Клапротъ во 2-й части путешествія своего (стр. 33) подробно описываетъ теченіе этой рѣки.

54) *Севастополь*, по мнѣнію Форстера и другихъ, древній Діоскурій (нынѣшняя Искурія, по Турецки Исгауръ), а по увѣренію Клапрота другой какой либо городъ, и не въ Мингреліи, а въ Гуріи (Reis. in den Kauk. B. II S. 17). Клапротъ вѣроятно не видалъ карты Пицигани; въ противномъ случаѣ онъ бы изъ оной удостовѣрился, что Севастополь лежитъ въ Мингреліи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣшняя Искурія, или, какъ полагаетъ Гамба (Voy. dans la Russ. T. I. p. 75), Сукумъ Кале. *Вати* (у Шильдбергера Батанъ, у Контарини Ліати и Варти) нынѣшній Батумъ, а не Бедіасъ, какъ полагаютъ многіе. — Самое описаніе Барбаро показываетъ, что г. Вати находился на Черномъ морѣ. Къ томуже Контарини опредѣляетъ подробно разстояніе этаго города отъ Фазиса и упоминаетъ сверхъ того, что оный, вмѣстѣ съ другимъ городомъ, Кальтихееею (вѣроятно нынѣшняя Кантрихе или Кантрише), принадлежалъ особенному владѣтелю, по имени Горболѣ (Гуріелю). Впрочемъ одинъ взглядъ на карту Пицигани, драгоцѣнный памятникъ XIV столѣтія, ясно убѣдитъ всякаго въ томъ, что Вати есть нынѣшній Батумъ. Подъ именемъ Бен-

діана (который также встрѣчается и у Контарини) Барбаро безъ сомнѣнія полагалъ Дадіана, общій титулъ прежнихъ Государей Мингреліи. — Тоже самое думаетъ и Форстеръ.

55.) *Цукала,* Перекопскій перешеекъ, извѣстный у древнихъ подъ именемъ Тафроса, а у Турокъ подъ названіемъ Оръ-богаци. По увѣренію Геродота еще древніе Скиѳы перекопали этотъ перешеекъ большимъ, глубокимъ рвомъ, наполнявшимся водою и отдѣлявшимъ Крымскій полуостровъ отъ матерака. Ровъ сей въ послѣдствіи, какъ повѣтствуетъ Константинъ Порфирогенетъ, засыпался землею и даже поросъ густымъ лѣсомъ. Въ 948 году по Р. Х., по свидѣтельству Страбона, Босфорскій Царь Ассандръ построилъ на этомъ перешейкѣ каменную стѣну, укрѣпивъ ее, въ разстояніи каждой стадіи, башнями. Нынѣшняяже крѣпость выстроена Ханомъ Сагибъ-Гиреемъ въ 1540 году. Перекопскій перешеекъ имѣетъ въ ширину семъ верстъ. (См. Const. Porph. de Administ. Imper. Стр. 113; Siestr. Hist. de la Chers. Taur. Introd.; Байеръ Крат. опис. гор. Азова. стр. 28 и 29; и Щекат. Слов. Геогр. Росс. Гос. Т. VI. стр. 1042 и 1043).

56.) Не есть ли это Газандаранскій аршинъ, употребляемый, по свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ, въ нашихъ Закавказскихъ Губерніяхъ и составляющій полтора аршина на нашу мѣру.

57.) *Ази-Гирей,* или Хаджи Девлетъ Гирей, родоначальникъ Хановъ Крымскихъ, былъ возведенъ въ Ханское достоинство послѣ сыновей Едигея, погибшихъ въ междоусобной брани. По увѣренію нѣкоторыхъ писателей, онъ былъ потомокъ Ченгисъ-Хана и воспитывался у какого-то поселянина, по имени Гирея, спасшаго его отъ смерти. Въ знакъ благодарности къ своему воспитателю, онъ принялъ прозваніе его и передалъ оное Царственному дому Хановъ Крымскихъ. Другіе историки повѣствуютъ, будто Ази-Гирей, сынъ, или внукъ Токтамыша, родился въ Литовскомъ городѣ Трокахъ и что господство въ Тавридѣ доставилъ ему Литовскій Князь Витовтъ; у Абулгазія же

названъ онъ сыномъ Джасудина (Геясъ-уд-дина) сына Тимурташа, сына Махметъ-Ханова. Ази-Гирей былъ истиннымъ основателемъ независимаго Государства Крымскихъ Татаръ. Онъ царствовалъ мудро, умѣлъ возбудить въ сосѣдяхъ своихъ высокое къ себѣ уваженіе, обложилъ данію Генуэзцовъ, властвовавшихъ еще въ приморскихъ городахъ Тавриды, сносился съ Папою и нанесъ сокрушительный ударъ Золотой ордѣ, падшей потомъ отъ меча сына его Менглигирея. Ази-Гирей умеръ въ 1467 году, оставивъ, по свидѣтельству Абулгазія, 8 сыновъ, изъ которыхъ Нордоулатъ наслѣдовалъ престолъ его. Не этого ли Нордоулата Барбаро называетъ Улубеемъ? (См. Кар. И. Г. Р. Т. V. стр. 364 и Т. VI. стр. 85; Siest. Hist. de la Chers. Taur. стр. 348—55; Абулг. Ист. родос. о Татар. стр. 100.)

58.) *Сольгати* или *Кирмія* (въ изд. 1543 г. Sorgathi overo Incremin) Эски Крымъ, Хырымъ (у Абулъф. Сольгетъ или Кирмъ) — старый Крымъ, нынѣ заштатный городъ Таврической Губерніи. (См. Forst. Gesch. der Entdeck. und Seef. im Nord. p. 207. Siestr. Hist. de la Chers. Taur. pag. 35, и Кеппенъ Указатель къ картѣ южнаго Крыма.)

59.) *Керкіарде*, Киркоръ, Киркіель, у Абульфеды Керкри, у Амвросія Контарини Керкеръ, крѣпость, находившаяся на высокой горѣ, неподалеку отъ Бакчисарая. По увѣренію Г. Кеппена это нынѣшній Чуфутъ Кале, предмѣстіе Бакчисарая, иначе называемое Жидовскимъ городкомъ.

60.) a) *Керчь*, у Абульфеды Оль Карсъ, прежняя Пантикапея, столица Босфорскаго Царства, а нынѣ городъ Таврической Губерніи, имѣющій особеннаго Градоначальника. b) *Кафа* (у Татаръ Кефа), прежняя Ѳеодосія, колонія Греческая, потомъ значительнѣйшій Генуэзскій портъ на Черномъ морѣ, а нынѣ уѣздный городъ Таврической Губерніи; c) *Сольдадія* (въ изд. 1543 г. Салдайя) прежняя Лагира, — нынѣ городъ Судакъ; d) Грузуи (въ изд. 1543 г. Гразуи), у Прокопія Горзубитское укрѣпленіе, а по мнѣнію Г. Кеппена нынѣшній Гурзуфъ или Урзуфъ, селеніе въ Таврической Губерніи; e) *Сарсона*, прежде бывшая Херсонъ Трахическая, основанная Ираклійскими Гре-

ками за 600 лѣтъ до Р. Х. Въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ она извѣстна подъ именемъ Корсуни, а у Восточныхъ писателей подъ именемъ Сарыкермана; f) *Чимбало*, Символонъ Лименъ древнихъ, нынѣшняя Балаклава, мѣстечко въ Таврической Губерніи, и g) *Каламита*, древній городъ, давшій имя свое Каламитскому заливу. Развалины его и доселѣ еще видны между Симферополемъ или Бакчисараемъ, на берегу рѣки Альмы. (См. Forster Gesch. der Entd. und Seef. im Nord. p. 208; Кеппенъ Указ. къ картѣ юж. Крыма и Siest. Hist. de la Chers. Taur. Introduction).

61.) Эминахъ или Имипакъ былъ не Государь Крымскій, а только намѣстникъ Хана. Кафа же была предана въ руки Турокъ тѣмъ самымъ Анцолиномъ Скварчіафико, о коемъ Барбаро упоминаетъ въ Главѣ X своего путешествія при повѣствованіи о правахъ Мингреловъ. (См. Hist. de la Chers. Taur. par Siestr. p. 334).

62.) *Менглигирей*, знаменитый Ханъ Крымскій и вѣрный союзникъ Іоанна Васильевича III, былъ сынъ Ази-Гирея, о коемъ мы уже упомянули въ пр. 57-мъ. Въ молодости былъ онъ взятъ въ плѣнъ Генуэзцами и содержался у нихъ до кончины родителя его, которому наслѣдовалъ старшій братъ Менглигирея, Нордоулатъ, сверженный потомъ другимъ его братомъ Гайдаромъ. Съ помощію Генуэзцевъ Менглигирей успѣлъ въ свою очередь изгнать Гайдара (1469) а содѣлаться Ханомъ Крымскимъ; но излишняя снисходительность и пристрастіе его къ своимъ благодѣтелямъ едва не были причиною его гибели. Татары, недовольные предпочтеніемъ, которое онъ оказывалъ Генуэзцамъ, возмутились, призвали къ себѣ на помощь изгнаннаго Гайдара и принудили Менглигирея бѣжать въ Кафу, подъ защиту своихъ покровителей; сами же обратились къ Турецкому Султану, прося его помощи и предлагая ему владѣніе Крымомъ. Магометъ II, понимавшій весьма хорошо, что это владѣніе можетъ доставить ему значительныя выгоды, немедленно отправилъ флотъ свой къ берегамъ Тавриды. Визирь Ахметъ-Паша, принявшій начальство надъ онымъ, искусно умѣлъ въ 6 дней овла-

дѣть Кафою и принудилъ Генуэзцевъ бѣжать въ Манкупу, какъ въ самое неприступное мѣсто владѣній ихъ въ Крыму: Но это было невѣрнымъ для нихъ убѣжищемъ противу побѣдоносиаго оружія Мусульмунъ. «Пишутъ, говоритъ Карамзинъ, что начальникъ ихъ, выѣхавъ на охоту, былъ взятъ въ плѣнъ Турками и что осажденные, потерявъ бодрость, рѣшились искать спасенія въ бѣгствѣ, гонимые, утѣсняемые непріятелями. Истребивъ до основанія державу Генуэзцовъ въ Тавридѣ, болѣе 2-хъ вѣковъ существовавшую и покоривъ весь Крымъ Султану, Ахметъ-Паша возвратился въ Константинополь съ великимъ богатствомъ и съ плѣнниками, въ числѣ коихъ находился и Менглигирей съ братьями.» По отплытіи Турецкаго флота, междоусобная брань снова возгорѣлась въ Тавридѣ. Искатели Ханскаго престола, полагая его упраздненнымъ чрезъ удаленіе Менглигирея, стали мечемъ оспоривать другъ у друга владѣніе Крымомъ, — и Магометъ, склоненный просьбами Татаръ и самаго Менглигирея, рѣшился возвратить сего послѣдняго въ Тавриду и сдѣлать его Ханомъ, въ качествѣ своего присяжника. Такимъ образомъ Ханъ сей, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Константинополѣ, снова возведенъ былъ на престолъ Крымскій; но не успѣлъ еще востановить порядка въ своемъ Государствѣ, какъ былъ вторично сверженъ Ханомъ золотой орды Ахматомъ (1478), который на мѣсто его возвелъ Царевича Зенибека. Сей послѣдній не долго однако владычествовалъ въ Крыму; ибо Менглигирей, съ помощію подданныхъ своихъ и Турецкаго войска, изгналъ его, и на сей разъ утвердилъ уже власть свою на прочномъ основаніи. Зенибекъ удалился въ Россію, куда еще прежде бѣжали братья Менглигиреевы: Нордоулатъ и Гайдаръ. Іоаннъ III, предвидѣвшій, что союзъ съ Менглигиреемъ можетъ быть для него крайне полезенъ въ борьбѣ съ Польшею и съ Золотою ордою, охотно принялъ Крымскихъ Царевичей и обѣщалъ Менглигирею держать ихъ у себя, если только онъ будетъ помогать ему противу Короля Польскаго и Хана Ахмата. Менглигирей, ненавидѣвшій Ахмата, съ радостію принялъ предложеніе Великаго Князя и, вѣрный своему слову, во все продолженіе царствованія Іоанна, постоянно тревожилъ владѣнія Короля Польскаго и громилъ Золотую орду. Смерть

Ахмата, убитаго въ 1480 году Княземъ Шибанскихъ или Тюменскихъ улусовъ Ивакомъ, не прекратила взаимной ненависти Хана Крымскаго и Царей Кипчацкихъ. Сынъ Ахмата, по имени Муртаза Ханъ, при наступленіи жестокой зимы 1485 года, искалъ убѣжища отъ голода въ окрестностяхъ Тавриды. Менглигирей напалъ на него, взялъ въ плѣнъ, отослалъ въ Кафу, и не довольствуясь этимъ, разбилъ еще улусъ Князя Золотой орды Темира; но сей Князь на другое лѣто соединясь съ другимъ Ахметовымъ сыномъ Махмудомъ, напалъ на Тавриду въ то время, когда жители и воины ея занимались хлѣбопашествомъ; едва не схватилъ самаго Менглигерея; освободилъ Муртазу и съ добычею удалился въ степь. Іоаннъ, свѣдавъ о семъ, немедленно отправилъ войско на улусы Ахматовыхъ сыновей, и прислалъ къ Менглигирею многихъ Крымскихъ плѣнниковъ, выручепныхъ Россіянами. Между тѣмъ Ханъ Тавриды, какъ мы выше объяснили, вѣрный союзу съ Великимъ Княземъ, не смотря на войны свои съ Золотою ордою, дѣлалъ безпрестанные набѣги на владѣнія Польскія. Въ 1500 году пятнадцать тысячъ Крымцевъ, подъ начальствомъ сыновей Хана, выжгли Хмѣльники, Браславъ, Кременецъ, Владимиръ, Брестъ и Луцкъ и вывели оттуда множество плѣнниковъ. Александръ, Король Польскій, устрашенный столь грознымъ нападеніемъ, прибѣгнулъ къ союзу Хана Золотой орды Шигъ-Ахмета, который, собравъ двадцатитысячное войско, выступилъ противъ Менглигирея, въ полной надеждѣ уничтожить враждебнаго Хана; ибо ожидалъ, что Поляки съ своей стороны будутъ также ревностно дѣйствовать противу Крымцевъ. Походъ этотъ былъ послѣднимъ усиліемъ и гибелью Кипчацкихъ Татаръ. Помощь, обѣщанная Польшею, не подходила, и Шигъ-Ахметъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, и оставленный мало по малу Князьями и Уланами своими, сдѣлался жертвою своей самонадѣянности и вѣроломства Поляковъ. Весною 1502 года Менглигирей внезапнымъ нападеніемъ на Золотую орду сокрушилъ ее, разсыпалъ толпы, скитавшіяся съ Шигъ-Ахметомъ, а его самаго прогналъ въ степи Ногайскія и припудилъ потомъ искать убѣжища въ Литвѣ, гдѣ онъ былъ вѣроломно задержанъ, посаженъ въ тюрьму и кончилъ жизнь въ заточеніи въ Ковнѣ. Та-

кимъ образомъ Менглигирей однимъ ударомъ развѣялъ царство Батыево, въ продолженіи трехъ вѣковъ тяготѣвшее надъ отечествомъ нашимъ. Іоаннъ очень хорошо чувствовалъ услугу, оказанную Россіи союзникомъ ея и постоянно старался поддерживать связь свою съ Менглигиреемъ. Связь эта была прочна, пока Іоаннъ былъ живъ и пока лѣта не ослабили бодрости и мужества Менглигирея; но съ кончиною Великаго Князя обстоятельства измѣнились. Ханъ, уже ослабѣвшій тѣломъ и духомъ, и находившійся подъ вліяніемъ легкомысленныхъ сыновъ своихъ, мало по малу забылъ прежнюю дружбу. Тщетно Василій, преемникъ Іоанна, старался поддержать и возобновить ее. Престарѣлый Ханъ уже однимъ только именемъ царствовалъ въ Тавридѣ и наконецъ, отягченный лѣтами, умеръ въ 1515 году. «Россія, говоритъ Карамзинъ, могла бы по справедливости оплакивать его кончину, если бы онъ былъ для Василія тоже, что и для Іоанна. Сей достопамятный въ Исторіи Ханъ пережилъ самаго себя, бывъ въ послѣдніе годы только тѣнію Царя, и Великій Князь могъ ждать болѣе успѣховъ въ дѣлахъ съ его наслѣдникомъ. Къ несчастію новый Ханъ не походилъ на отца ни умомъ, ни добрыми качествами; вопреки Алкорану любилъ пить до чрезмѣрности; раболѣпствовалъ женамъ; не зналъ добродѣтелей Государственныхъ, зналъ одну прелесть корысти, былъ истиннымъ атаманомъ разбойниковъ. (См. Кар. И. Г. Р. Т. VI и VII и Siestr. Hist. de la Chers. Taur. p. 355—67.)

63.) Прежде нежели я приступлю къ объясненію происхожденія Готѳовъ и долговременнаго странствованія ихъ въ Европѣ, долгомъ поставляю изложить здѣсь причины, по которымъ у меня переводъ этого отрывка не сходенъ съ переводами Форстера и Гаммера. И тотъ, и другой передали слѣдующимъ образомъ мѣсто, въ коемъ Авторъ нашъ объясняетъ положеніе Готѳіи. «За Кафою, посреди острова, омываемаго Чернымъ моремъ, находится Готѳія, а далѣе, внѣ острова, ближе къ Монкастро, Аланія.» Мнѣ кажется, что переводъ этотъ совершенно противурѣчитъ смыслу подлинника, въ которомъ именно сказано, что Готѳія лежитъ не въ Тавридѣ. Вотъ какъ Барба-

ро начинаетъ свое описаніе: Dritto (dietro) dell'isola di Capha d'intorno, sul mar maggiore, т. е. позади *острова* Каѳы, вокругъ чернаго моря.» Тутъ ясно видно, что Авторъ говоритъ не о Крымскомъ берегѣ, который онъ уже описалъ въ подробности, но о противуположномъ берегѣ Чернаго моря. Слѣдующее за симъ выраженіе: si truova la Gothia, poi l'Alania, laqual va per l'isla fino a Moncastro, еще болѣе удостовѣряетъ, что Барбаро разумѣетъ тутъ не Тавриду; ибо ставитъ Готѳію подлѣ Аланіи, положеніе коей въ первой главѣ назначено имъ на материкѣ. Ошибка Гаммера очевидно произошла отъ опечатки въ приведенномъ имъ текстѣ; ибо вмѣсто слова intorno поставлено у него interno. Что же побудило Форстера дать превратный смыслъ описанію Барбаро, для меня совершенно непостижимо — Бекманъ не переводитъ этого мѣста, а только говоритъ, что Готѳы жили, по словамъ Барбаро, на Черномъ морѣ. Къ сему, основываясь на показаніи Профессора Гакета, онъ присовокупляетъ, что народъ, о коемъ упоминаетъ нашъ путешественникъ, не Готѳы, а Евреи, живущіе близь Чернаго моря и что Готѳы, которыхъ слышилъ Бусбекъ, говорящихъ Германскимъ языкомъ въ Константинополѣ, были не что иное какъ изгнанные Польскіе или Венгерскіе жиды. (См. Forster. Ges. der Seefahr. und Entdeck. im Nord. p. 208, Wiener Jahrb. der Lit. B. 65 и Beckman. Lit. der ält. Reisebeschr. p. 179). Объяснивъ такимъ образомъ причины несходства моего перевода съ переводами Форстера и Гаммера, двухъ мужей, извѣстныхъ своею ученостію, и коихъ творенія были для меня важнымъ пособіемъ въ настоящемъ трудѣ моемъ, я перехожу къ краткому извѣстію о Готѳахъ. Народъ сей, названный у Плинія Гуттонами, у Тацита Готонами, а у Птоломея Гитонами и весьма часто смѣшиваемый съ Гетами, — происхожденія Германскаго. Въ 3-мъ вѣкѣ по Р. Х. Готѳы, вмѣстѣ съ другими Германскими народами, покинувъ жилища свои на берегу Балтійскаго моря, между Одеромъ и Вислою, двинулись на югъ Европы и овладѣли Дакіею. Вытѣснивъ Алановъ изъ мѣстъ, ими заселенныхъ, они заняли весь сѣверный берегъ Чернаго моря до моря Азовскаго включая въ это пространство и Тавриду, (гдѣ, по сви-

дѣтельству нѣкоторыхъ Историковъ, долго существовало отдѣльное Государство, подъ именемъ Готѳіи Трапезитской, коего столица была городъ Манкупъ) переплыли въ Азію, гдѣ обратили въ пепелъ многіе города въ Виѳиніи, Галатіи и Кападокіи и губительнымъ мечемъ опустошили Грецію до самой Мореи. Раздѣлившись по причинѣ внутреннихъ междоусобій на два государства: Восточное и Западное, Готѳы въ продолженіе полувѣка были грозою для всѣхъ сосѣдственныхъ съ ними народовъ, пока въ 4-мъ столѣтіи въ свою очередь не были вытѣснены Гуннами и принуждены искать себѣ другихъ жилищъ, или покориться власти новыхъ пришельцевъ. Западные Готѳы съ Царемъ съ своимъ Атанарикомъ обратились въ земли Римской Имперіи, приняли Христіанскую вѣру и получили жилища въ Мизіи и Ѳракіи; но будучи угнѣтаемы Римлянами, подняли оружіе, разбили Императора Валента и съ трудомъ были усмирены Ѳеодосіемъ. Въ правленіе сыновей сего Государя они вторгнулись въ Италію, а оттуда перешли въ Испанію, гдѣ и основали Западное Готѳское Царство. Восточные же Готѳы, по смерти Аттилы, свергнувъ съ себя иго Гунновъ, частію удалились въ Панонію, частію же нахлынули на Македонію и Ѳессалію. Перешедъ потомъ въ Италію, они основали тамъ Остроготѳское Царство, разрушенное уже при Императорѣ Юстиніанѣ. Слѣды Готѳскаго владычества и доселѣ еще сохранились въ Европѣ. Готическій вкусъ, готическая Архитектура и даже самое названіе Готландіи (одной изъ Шведскихъ провинцій) и острова Готланда свидѣтельствуютъ и понынѣ о существованіи этого, нѣкогда могущественнаго народа. (см. Кар. И. Г. Р. Т. I. Гл. 1 и пр. 25 — 28; Брутъ Землеоп. Др. Свѣта. Т. II. стр. 488 — 9. Siestr. His. de la Chers. Taur. p. 69. Orig. des Sarm. etc. p. 58, 79, 296, 316, et 546; Штрит. Изв. Виз. Пис. Ч. II. стр. 1 — 31 и Convers. Lexic. T. IV. стр. 782).

64.) *Форли*, городъ въ Романіи, въ Италіи. Форстеръ замѣчаетъ, что о сходствѣ языка Готѳскаго съ Нѣмецкимъ упоминаютъ еще Рубриквисъ и Бусбекъ, и что О. Мондорфъ видѣлъ многихъ невольниковъ на Константинопольскихъ гале-

рахъ, которые происходили отъ Готѳовъ и говорили языкомъ, весьма близко подходившимъ къ Нѣмецкому. Бекманъ, какъ мы уже объяснили въ предидущемъ примѣчаніи, утверждаетъ, что это были не Готѳы, а Польскіе или Венгерскіе Жиды. (См. Forst. Ges. der Entd. und Seefhart. p. 209 и Beckm. Lit. der ält. Reis. p. 179).

65). Извѣстно, что нарѣчіе *Флорентійцевъ* считается самымъ чистымъ въ цѣлой Италіи, хотя въ произношеніи они уступаютъ Римлянамъ. Отъ того то и произошла поговорка: lingua Toscana in bocca Romana.

66.) О существованіи Христіанской вѣры между Черкессами упоминаетъ еще Рубриквисъ. Георгій Интеріано въ своемъ описаніи Сихіи утвердительно говоритъ, что Черкессы слѣдуютъ Христіанскому ученію и имѣютъ у себя священниковъ Греческаго исповѣданія. То же подтверждаютъ многіе памятники, находящіеся въ землѣ, обитаемой Черкессами и нѣкоторые обычаи, между сими племенами сохранившіеся. Г. Зубовъ въ 3-мъ томѣ своей картины Закавказскаго края, на стр. 36 говоритъ; что признаки прежде существовавшихъ исповѣданій, Христіанскаго и языческаго, весьма замѣтны между народамъ Адехе (Черкессами); особенно первая проявляется довольно рѣзкими чертами, не смотря на мракъ Магометанскго фанатизма, невѣжество и предразсудки: «Достойно замѣчанія, продолжаетъ онъ, что народъ Адехе, по умственному соображенію, празднуетъ въ одно время съ нами многіе Христіанскіе праздники въ честь Спасителя и Богоматери; въ началѣ весны ежегодно постится, почти въ одно время съ нашимъ Великимъ постомъ и почти столь же продолжительно. По окончаніи этого поста, въ началѣ Апрѣля, имѣетъ онъ особенный праздникъ, называемый *днемъ явленія Бога*, во время котораго женщинамъ дозволено молиться вмѣстѣ съ мужчинами. Въ сей день жители собираются послѣ молитвы вмѣстѣ, дарятъ другъ другу крашеныя яица и стрѣляютъ въ цѣль, которою всегда бываетъ крашеное яйцо. Попавшій въ оное получаетъ подарокъ отъ хозяина, которому принадлежитъ яй-

цо, служившее цѣлію. Таковые обряды ясно показываютъ, что Адехе сохранили память о постѣ и Свѣтломъ Воскресеньи. Середу и пятницу называютъ они большимъ и малымъ постомъ; а Воскресенье—Божьимъ днемъ, въ продолженіе котораго чуждаются всякихъ работъ. Уваженіе Адехе къ изображенію креста также очень замѣтно. Всякая вещь, которую необходимость заставила хозяина оставить въ полѣ безъ присмотра, если надъ нею онъ поставитъ крестъ, остается священною и неприкосновенною; и не смотря на склонность къ воровству, столь общую сему народу, никто не дерзнетъ воспользоваться вещію, оставленною подъ покровительствомъ Божіимъ, чрезъ изображеніе крестнаго знаменія. Въ тѣхъ домахъ, которые не совершенно еще приняли Магометанство, прибивается къ стѣнѣ небольшая палка, на коей лежитъ кусокъ воску и полотенцо. Въ праздникъ изъ сего воска дѣлаютъ свѣчу, зажигаютъ оную, становясь предъ ней на колѣна, молятся, скидая шапки, а на мѣсто употребленнаго воска кладутъ другой кусокъ. Всѣ сіи замѣчанія относятся въ особенности къ племенамъ, живущимъ по берегу Чернаго моря и на равнинахъ, окружающихъ Кубань.» Клапротъ въ путешествіи своемъ (Ч. I. стр. 368) говоритъ, что за 65 лѣтъ предъ симъ Черкессы жили почти безъ всякой религіи, хотя и называли себя Мусульманами, не употребляли обрѣзанія и не имѣли у себя священниковъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ Муллъ, пріѣзжавшихъ къ нимъ изъ Аксая и Эндери. Далѣе, въ противность показаніямъ всѣхъ прочихъ путешественниковъ, онъ утверждаетъ, что слѣдовъ Христіанской вѣры между ими почти вовсе незамѣтно, кромѣ нѣкоторыхъ развалинъ древнихъ церквей и надгробныхъ памятниковъ съ крестами, какъ будто бы одного этого не было уже достаточно для доказательства, что они нѣкогда исповѣдовали Христіанскую вѣру.

67.) Торговый путь въ Восточную Индію чрезъ Египетъ и Сирію былъ открытъ Венеціанами уже послѣ разрушенія Астрахани Тамерланомъ въ 1395 году.

68.) *Бакинское или Каспійское море*, у древнихъ море Гирканское, у Мавровъ Бохаръ Корсунъ, у Татаръ Акдингисъ, у

Персіянъ Кульсумъ, у Русскихъ море Хвалынское, а у нѣкоторыхъ восточныхъ писателей, Бакинское, Гилянское и Мизандеранское море, отъ прилежащихъ къ нему областей, имѣетъ до 146 нѣм. миль въ длину и отъ 24 до 60 въ ширину. Пространство, имъ занимаемое, заключаетъ въ себѣ 6862 кв. мили. Эратоѳенъ, Помпоній Мела, Страбонъ и Плиній полагали его заливомъ Индійскаго Океана, хотя Геродотъ гораздо уже прежде объяснилъ, что Каспій есть море отдѣльное и даже съ удивительною точностію опредѣлилъ его пространство. — Курцій думалъ, что оно посредствомъ Азовскаго моря сообщается съ Эвксинскимъ Понтомъ, а нѣкоторые полагали даже, что рѣка Араксъ соединяетъ его съ Сѣвернымъ океаномъ. О существованіи Аральскаго моря древніе не имѣли никакого понятія. Одинъ только Геродотъ, повѣствуетъ и то весьма темно, что рѣка Яксартъ, нынѣ Сыръ-Дерья, изливается въ болота. Западные писатели среднихъ вѣковъ также не знали настоящаго положенія Каспія и соединяли его съ моремъ Аральскимъ. Отъ того то на картѣ Фра Мауро и даже у Олеарія рѣки Сыръ-Дерья и Амуръ - Дерья представлены впадающими въ Каспійское, а не въ Аральское море. (См. Энцик. Слов. Азія, Амуръ-Дерья и Аральское море. Географ. Словарь Шекатова. Т. III, стр. 373 и Олеар. Нѣмец. издан. 1696 г. стр. 212.)

69.) Тутъ вѣроятно въ подлинникѣ должна быть опечатка; ибо трудно подумать, чтобы Барбаро, столь точный въ своихъ описаніяхъ, назначилъ тремя днями пути разстояніе отъ Астрахани до Москвы, составляющее сухимъ путемъ 1218 верстъ.

70.) *Василій Іоанновичъ, Князь Рязанскій* остался по смерти родителя своего осьми лѣтъ и былъ порученъ попеченіямъ Великаго Князя Василья Васильевича. Когда юному Князю минуло 16 лѣтъ (въ 1464 году), Іоаннъ III выдалъ за него младшую сестру свою Анну и отправилъ его господствовать въ Рязани. (См. Кар. И. Г. Р. Т. VI, стр. 7.)

71.) Гордъ *Коломна* укрѣпленъ каменною стѣною въ царствованіе Василія Іоанновича въ 1530 году.

72.) Рѣка *Москва* близъ города Коломны впадаетъ въ Оку. Отъ Коломны до города Москвы считается всего 94 версты, и почти на самой половинѣ этаго пути надлежитъ переѣзжать чрезъ рѣку Москву, въ мѣстѣ, именуемомъ Боровицкій перевозъ.

73.) Вотъ что говоритъ о *Русскихъ плодахъ* Олеарей, бывшій въ Россіи въ царствованіе Царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича: «Въ нѣкоторыхъ областяхъ, особенно въ Московской, ростутъ въ садахъ прекрасныя яблоки, груши, вишни, сливы и смородина. Это доказываетъ, сколь несправедливы показанія Герберштейна и Гваньино, утверждающихъ, будто въ Россіи, по причинѣ большой стужи, вовсе нѣтъ хорошихъ плодовъ и яблонь. Въ особенности понравился мнѣ въ Россіи одинъ сортъ яблокъ, столь бѣлыхъ и нѣжныхъ, что при разсмотрѣніи ихъ на солнцѣ видны были даже самыя сѣмена. Видомъ и вкусомъ они превосходны, но за то, по причинѣ необыкновенной сочности, не могутъ такъ долго сохраняться какъ наши Нѣмецкія яблоки.

Россія изобилуетъ также всякаго рода овощами. Спаржа бываетъ почти въ руку толщиною. Мнѣ самому случилось видѣть такую спаржу въ Москвѣ у одного Голландскаго купца, моего пріятеля. Огурцы, тыква и лукъ ростутъ во множествѣ. Латукъ и другіе сорты салада не сѣятся, а тѣмъ еще менѣе употребляются въ пищу. Сначала Русскіе смѣялись надъ Нѣмцами, у которыхъ къ столу подавали саладъ, говоря что они ѣдятъ траву; теперь же сами начинаютъ его прикушивать. Дыни сѣятся въ большомъ количествѣ; ибо разведеніемъ сихъ плодовъ многіе достаютъ себѣ пропитаніе. Онѣ очень крупны, вкусны и такъ сладки, что можно ихъ ѣсть безъ сахара. Въ разведеніи плода сего Русскіе весьма искусны; о семъ свидѣтельствуетъ Герберштейнъ на 45 страницѣ его сочиненія. Сѣмена размачиваютъ въ прѣсномъ молокѣ или въ дождевой водѣ, смѣшанной съ старымъ овечьимъ пометомъ. Потомъ вырываютъ землю на 3 аршина глубины; кладутъ туда слой конскаго навоза съ соломой, заравниваютъ хорошей землей и дѣлаютъ ямки въ поларшина глубиною. Въ сіи то ямки опуска-

ютъ семена, которыя, будучи согрѣты снизу теплотою навоза, а сверху лучами солнца, никакъ пропасть не могутъ. На ночь, для предохраненія отъ росы и мороза, покрываютъ ихъ рамами изъ слюды. Рамы сіи иногда и днемъ лежатъ на грядахъ. По всходѣ растенія, обрѣзываютъ у него усы, а не рѣдко даже и концы плетей. Изъ сего явствуетъ, что величина дынь зависитъ отъ трудовъ и ходьбы за ними.»

«Насъ увѣряли, что за Самарой, между Волгою и Дономъ, ростутъ особеннаго рода дыни, или лучше сказать тыквы. Величиною онѣ съ обыкновенную дыню; видомъ же совершенно похожи на ягнятъ; ибо имѣютъ явные признаки членовъ сего животнаго. По сей причинѣ Русскіе называютъ ихъ боранцами. По мѣрѣ длины стебля, идущаго какъ бы отъ пупа, плоды сіи, при созрѣніи, перекатываются съ мѣста на мѣсто и сушатъ подъ собою траву. Русскіе говорятъ, что они пожираютъ ее. Когда плодъ созрѣваетъ, стебель сохнетъ и кожа становится курчавою какъ у ягненка. Ее можно дубить и приготовлять для предохраненія отъ стужи. Въ Москвѣ показывали намъ нѣсколько кусковъ постельнаго одѣяла, сдѣланнаго будто бы изъ шкуры боранца. Она мягка и курчава какъ кожа ягненка, вырѣзаннаго изъ чрева матки, или только что родившагося. Скалигеръ также говоритъ, что плодъ сей до тѣхъ только поръ можетъ рости, пока вокругъ него есть зелень, какъ ягненекъ на пастбищѣ. Но когда травы не станетъ, то и онъ портится и опадаетъ. По словамъ Русскихъ это означаетъ его созрѣніе. Должно почитать истиною и то, что кромѣ волковъ, ни одинъ звѣрь, какъ увѣряетъ Скалигеръ, не употребляетъ плода сего, и что посредствомъ онаго ловятъ волковъ.»

«Хорошія растенія и цвѣты водились прежде въ Москвѣ не въ большомъ количествѣ; но покойный Великій Князь, вскорѣ послѣ нашего посѣщенія, повелѣлъ устроить хорошенько садъ свой и украсить его разными драгоцѣнными кустарниками и цвѣтами. Махровыхъ розъ также Русскіе вовсе прежде не знали, а убирали сады свои дикими розанами и шиповникомъ Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ богатый купецъ Петръ Марцеліусъ привезъ въ Россію изъ сада Герцога Голштейнъ-Готорпскаго махровыя розы, которыя принялись очень хоро-

шо. Греческіе орѣхи и виноградныя лозы совсѣмъ не ростутъ въ Россіи; вина же въ большемъ количествѣ привозятся, частію въ Архангельскъ на Голландскихъ и другихъ корабляхъ, частію же изъ Астрахани, гдѣ нынѣ стали разводить виноградъ.»

«Изъ всего вышесказаннаго можно усмотрѣть, что недостатокъ нѣкоторыхъ плодовъ и растеній въ Россіи должно приписать не климату, а небрежности и невѣжеству жителей.»

74.) Городъ *Казань* (въ древнихъ лѣтописяхъ Саиновъ юртъ) находится въ 820 верстахъ отъ Москвы, на луговой сторонѣ Волги, въ 4-хъ верстахъ отъ оной, при рѣчкѣ Казанкѣ. Построеніе сего города многіе приписываютъ нѣкоему Саину, сыну Батыеву, о которомъ впрочемъ ни Абулгазій, ни Авторъ Исторіи Монголовъ не упоминаютъ, и котораго Лызловъ называетъ Сартакомъ. Вотъ что о началѣ Казани говоритъ Рычковъ на стр. 70 своего Опыта Казанской Исторіи: «Въ Россійскихъ лѣтописцахъ прежде Батыя, и при немъ о городѣ Казани хотя и ничего не находится, однако Казанскіе Болгары за долго прежде Батыя упоминаются. Въ двухъ изъ нихъ нахожу я слѣдующее: «Во время Греческаго Царя Мануила, въ Ростовѣ же и въ Суздалѣ бывшу Андрееви, и во всей Россіи Константину, случися Андрѣеви итти изъ Ростова на Болгары, иже нарицутся Казанцы. «И ниже тутъ же объявляется: «и принаствщись Святыхъ Таинъ, нападоша на безбожныхъ Агарянъ Болгарскихъ, и взяша четыре града ихъ, и пятый Бряхимовъ на рѣцѣ на Камѣ, и благодарственная Господу Богу и пречистой его Матери воздаша, грады ихъ запалиша, протчая же осадивъ и дань на нихъ возложивъ. «Примѣчается здѣсь изъ лѣтописи, что то происходило около 1162 году; да и по Баронію Мануилъ началъ царствовать въ лѣто 1143, государствовалъ 38 лѣтъ, а скончался въ 1180 году, и такъ прежде Батыева нашествія слишкомъ за 80 лѣтъ. Изъ сего видно, что по рѣкѣ Казанкѣ, за долго прежде вышеозначеннаго, Болгары, называемые Казанцы, жительствовали и города свои по ней или близъ ея имѣли, отъ которой безъ всякаго сумнѣнія и званіе ихъ произошло; а ей придано оно можетъ быть отъ многихъ котловинъ или омутовъ, т. е. глубокихъ ямищъ, какихъ рѣкъ въ здѣшнихъ

Что подъ встрѣчающимися у Барбаро названіями: Varsonich, Lonin (Lonίri) и Mersaga должно разумѣть Варшаву, Слонимъ и Мезерицъ, въ томъ согласенъ и Форстеръ. Послѣдній городъ названъ у Контарини Messariza, а Слонимъ Jonici.

78.) Въ то время, о которомъ повѣствуетъ Барбаро, Грузіею управлялъ Царь Константинъ; *Багратъ* же (у Барб. Pancratio, а у Конт. Pangrati) былъ Царемъ Имеретинскимъ (См. Klapr. Reise in den Kauk. p. 194 u. T. I.)

79.) *Тифлисъ* находится не на Тигрѣ, а на Курѣ. А. Контарини дѣлаетъ туже ошибку, а Марко Поло принимаетъ за Тигръ рѣку Яксартъ или Сыръ-дерью. (См. Tr. of Ma. Po. by Marsden. p. 2.)

80.) *Гори,* на рѣкѣ Курѣ въ Карталиніи, находится весьма далеко отъ моря. Но разумѣетъ ли здѣсь Барбаро область Гурію, которая хотя и управлялась особеннымъ властителемъ, именовавшимся Гуріелемъ, но принадлежала къ владѣніямъ Царя Имеретинскаго?

II.

АМВРОСІЙ КОНТАРИНИ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

АМВРОСІЯ КОНТАРИНИ,

ПОСЛА

СВѢТЛѢЙШЕЙ ВЕНЕЦІАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

КЪ ЗНАМЕНИТОМУ ПЕРСИДСКОМУ ГОСУДАРЮ

УЗУНЪ-ГАССАНУ,

СОВЕРШЕННОЕ ВЪ 1473 ГОДУ.

Переводъ съ Италіанскаго

В. С.

IL VIAGGIO

DEL MAGNIFICO AMBROSIO CONTARINI,

AMBASCIADORE DELLA ILLUSTRISSIMA SIGNORIA DI VINETIA AL GRAN SIGNORE USSUNCASSAN, RE DI PERSIA, NELL'ANNO MCCCCLXXIII.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

ОТЪ

ПЕРЕВОДЧИКА.

Фамилія Контарини есть одна изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ фамилій Венеціи (а). Членамъ ея, въ знакъ особеннаго отличія, вмѣстѣ съ членами нѣкоторыхъ другихъ знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, предоставлено было наслѣдственное рыцарство и право носить золотые орари поверхъ одежды, присвоенной всему Венеціанскому Дворянству (б). Эта фамилія дала Республикѣ 8 Дожей (в), мно-

---

(а) Фамилія Контарини, по мнѣнію нѣкоторыхъ Историковъ, происходитъ отъ слова Contadino, поселянинъ.

(б) См. Daru Hist. de la Rep. de Venise. Livres XXXIV et XXXIX.

(в) Вотъ имена 8 Дожей изъ рода Контарини: *Доминикъ* Контарини (1043 — 71); *Джакопо* К. (1275 — 80), *Андрей*

жество полководцевъ, ученыхъ, Литераторовъ и Художниковъ и даже нѣсколько Дипломатовъ, изъ числа коихъ самый замѣчательнѣйшій есть безъ сомнѣнія Авторъ предлагаемаго здѣсь путешествія.

Завоеваніе Османскими Турками Константинополя и быстрые успѣхи оружія ихъ, наводившаго ужасъ на всю Европу, принудили Венеціанскую Республику, едва ли не болѣе другихъ Державъ пострадавшую отъ дикихъ побѣдителей Византіи, искать себѣ союзниковъ въ странахъ отдаленныхъ. Въ это время царствовалъ въ Персіи Узунъ-Гассанъ (г), изъ рода Турко-

---

К. (1561 — 82); *Франческо* К. (1623 — 25); *Николо* К. (1630 — 32); *Карло* К. (1655 — 56); *Доминикъ* К. (1659—74) и *Луиджи* К. 1676 — 83). Изъ числа ученыхъ самый замѣчательнѣйшій есть *Винченцо* Контарини, родившійся въ 1577 и умершій въ 1617 году. Онъ занималъ долгое время каѳедру Латинской и Греческой Словесности въ Падуанскомъ Университетѣ. Между Художниками болѣе другихъ извѣстенъ *Джіовани* Контарини, жившій въ концѣ XVI столѣтія. Онъ писалъ въ родѣ Тиціана, — и самое лучшее его произведеніе есть плафонъ церкви Св. Франческо ди Паоло въ Венеціи. Посрединѣ представлено Воскресеніе Спасителя, а по сторонамъ Рождество Христово, Благовѣщеніе, четыре Евангелиста и двѣ исторіи, касающіяся до дома Караффа, по заказу коего произведены эти работы.

(г) Иначе называемый Гассанъ-Беемъ. Контарини и Джіо-

манскихъ Князей,—Государь, славный своими завоеваніями и равно ненавидѣвшій Турокъ и Монголовъ. Къ нему то обратилась Венеція съ дружественными предложеніями, убѣждая объявить войну Туркамъ и обѣщая съ своей стороны значительныя денежныя пособія. Съ сею цѣлію отправлено было въ Персію нарочное Посольство, порученное сначала Катарину Зено (д); потомъ Іосафату Барбаро, извѣстному уже читателямъ нашимъ изъ

ванъ-Марія Анджіолелло (издавшій историческое свѣдѣніе о семъ Государѣ) называютъ его Ussuncassan, а І. Барбаро—Assambei. Узунъ-Гассанъ есть герой извѣстнаго Галлерова романа: Usong.

(д) Катаринъ Зено, по свидѣтельству Венеціанскихъ Историковъ, находился въ родствѣ съ Узунъ-Гассаномъ, ибо былъ женатъ на дочери Николо Креспо, Герцога Архипелагскаго, имѣвшаго въ супружествѣ дочь Трапезонтскаго владѣтеля Валенцу, сестру супруги Узунъ-Гассана. Зено былъ принятъ при дворѣ Персидскаго Государя весьма хорошо (1471) и описалъ свое путешествіе, которое, къ сожалѣнію, не бывъ издано, затерялось въ рукописи. Правнукъ его, по мѣрѣ возможности, замѣнилъ эту драгоцѣнную потерю, составивъ изъ писемъ и бумагъ Катарина краткое описаніе его путешествія, подъ заглавіемъ: Dei commentarii del Viaggio in Persia, di M. Catarino Zeno il K. et delle guerre fatte nell' Imperio Persiano dal tempo di Ussuncassano in qua, libri due. — Сочиненіе это вышло въ первый разъ въ 1558 году и потомъ перепечатано въ 2-мъ томѣ Рамузіева сборника на стр. 220.

предъидущаго творенія (е), и наконецъ Автору предлагаемаго здѣсь сочиненія—Амвросію Контарини. Отправившись къ мѣсту назначенія своего чрезъ Германію, Польшу, Литву, Крымъ, Мингрелію и Грузію, Контарини прибылъ 30 Октября 1474 года въ Испагань, ко двору Узунъ-Гассана, гдѣ встрѣтилъ нѣкоего Марка Россо (ж), Италіанскаго или Греческаго уроженца, присланнаго Великимъ Княземъ Іоанномъ III въ Персію, для возбужденія Узунъ-Гассана противу ненавистнаго имъ обоимъ Хана большой орды Ахмата, и Болонскаго мо-

---

(е) І. Барбаро описалъ путешествіе свое въ Персію, но въ ономъ ничего не сказано о цѣли, для которой онъ былъ отправленъ къ Узунъ-Гассану. Контарини, по прибытіи своемъ въ Испагань, засталъ еще тамъ Барбаро и даже прежде его возвратился въ отечество.

(ж) Въ изданіи 1543 года напечатано вездѣ Marco Rosso. Гейдеръ и Берженонъ приняли слово rosso въ значеніи rufus, *рыжій*, тогда какъ скорѣе можно полагать, что Контарини подъ этимъ словомъ разумѣлъ собственно Русскую націю, къ которой вѣроятно принадлежалъ Маркъ. Карамзинъ также называетъ его Маркъ Руфо и считаетъ Греческимъ или Италіанскимъ уроженцемъ. Это произошло отъ того, что почтенный Исторіографъ нашъ не имѣлъ въ рукахъ Италіанскаго подлинника путешествія Контарини, а слѣдовалъ Берженонову переводу (см. И. Г. Р. Т. VI. пр. 137), который, равно какъ и Гейдеровъ, весьма невѣренъ. См. ниже прим. (*и*).

наха Лудовика, называвшаго себя Патріархомъ Антіохійскимъ, и Посломъ Герцога Бургундскаго. Провѣдавъ, что Кафа завоевана уже Турками, и полагая, что возвращеніе въ Италію прежнимъ путемъ будетъ весьма опасно, Контарини, послѣ многихъ бѣдствій, присоединился къ свитѣ Марка Россо и Персидскаго посла, отправлявшагося тогда въ Россію по волѣ Узунъ-Гассана, и прибылъ съ ними въ Москву, гдѣ былъ представленъ Великому Князю Іоанну III, который принялъ его весьма ласково и отпустилъвъ отечество съ богатыми дарами (з).

Путешествіе Амвросія Контарини было въ первой разъ издано въ Венеціи въ 1483 году (и), потомъ вмѣстѣ съ путешествіемъ Барбаро напечатано Альдусомъ въ 1543 году, и наконецъ уже перепечатано

(з) См. Карамз. Истор. Госуд. Рос. Т. VI. Глава 2.

(и) Къ сожалѣнію это изданіе (въ листъ) весьма рѣдко и не находится ни въ одной изъ здѣшнихъ Библіотекъ. Французскій переводъ Контарини помѣщенъ въ Бержероновомъ Сборникѣ (Pierre Bergeron, Voyages, faits principalement dans les XII, XIII, XIV et XV siècles), а Латинскій, сдѣланный I. Геудеромъ фонъ Герольцбергомъ, въ Rerum Pesicarum historia. Francf. 1601.

въ Рамузіевомъ Сборникѣ, изъ котораго мы его заимствовали. Свѣденія, сообщенныя Авторомъ о Россіи, гораздо полнѣе и занимательнѣе тѣхъ, которыя І. Барбаро помѣстилъ въ своемъ путешествіи, ибо Контарини пробылъ въ Москвѣ 4 мѣсяца, и слѣдовательно могъ короче ознакомиться съ нравами народа и обычаями Двора нежели Барбаро, посѣтившій столицу Отечества нашего только заѣздомъ и неимѣвшій времени подробно разсмотрѣть то, что могло въ ней быть замѣчательнаго.

Можетъ быть многимъ изъ читателей нашихъ покажется страннымъ, какимъ образомъ Контарини, выѣхавъ изъ Венеціи 23 Февраля 1473 года и не останавливаясь нигдѣ въ пути, прибылъ въ Ниренбергъ 10 Марта 1474 года. Эта загадка разрѣшается тѣмъ, что Авторъ нашъ, какъ видно изъ самаго его путешествія, начинаетъ годъ свой не съ 1-го Января, а съ 1-го Марта.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

ОТЪ

СОЧИНИТЕЛЯ.

Бывъ назначенъ Свѣтлѣйшимъ Правительственнымъ Совѣтомъ Республики [1]) въ званіе Посла къ знаменитому Персидскому Государю Узунъ-Гассану, я, Амвросій Контарини, сынъ Бенедетто Контарини [2]), принявъ во уваженіе желаніе Свѣтлѣйшей Республики и общее благо Христіанскаго міра, рѣшился, съ помощію Господа нашего Іисуса Христа и Пресвятой Его матери, отправиться къ мѣсту назначенія моего, не смотря на всю трудность даннаго мнѣ порученія и опасность продолжительнаго пути.

Полагая, что описаніе долговременнаго моего странствія можетъ принести нѣкоторую пользу и удовольствіе потомству, я вознамѣрился разсказать (съ возможною впрочемъ краткостію) все случившееся со мною

въ пути, съ самаго дня отбытія изъ Венеціи (23 Февраля 1473 года) до возвращенія моего въ отечество (10 Апрѣля 1477). При семъ я не премину сообщить читателямъ моимъ то, что извѣстно мнѣ о странахъ, областяхъ и городахъ, чрезъ которыя я проѣзжалъ, а также о нравахъ и обычаяхъ жителей.

ПУТЕШЕСТВІЕ

Амвросія Контарини, Посла Свѣтлѣйшей Венеціанской Республики къ знаменитому Персидскому Государю Узунъ-Гассану, совершенное въ 1473 году.

ГЛАВА I.

Свѣтлѣйшій Посолъ отправляется изъ Венеціи, и миновавъ Германію, Польшу, Малороссію (Rossia bassa) и великую степь Татаріи, пріѣзжаетъ въ Кафу.

23-го Февраля 1473 года отправился я изъ Венеціи съ свитою своею, состоявшею изъ Преподобнаго Отца Стефана Тесты, находившагося при мнѣ въ званіи Духовника и Секретаря, изъ переводчика Димитрія Сетинскаго и двухъ служителей: Матвѣя Бергамскаго и Венгерскаго уроженца Іоанна (Zuanne Ungaretto). Всѣ мы пятеро были одѣты въ длинное платье Нѣмецкаго покроя, а деньги, взятыя

Отъѣздъ изъ Венеціи.

нами на дорогу, зашилъ я изъ предосторожности въ свой камзолъ и въ платье означеннаго отца Стефана, что было впрочемъ для обоихъ насъ нѣсколько безпокойно. Сѣвъ съ четырьми товарищами моими въ лодку, поплылъ я сначала къ монастырю Св. Михаила Муранскаго, гдѣ, отслушалъ обѣдню и приложившись къ Животворящему Кресту, отправился съ благословенніемъ настоятеля прямо къ Местрѣ. Тутъ было приготовлено для насъ пять лошадей. Мы сѣли на нихъ и съ именемъ Божіимъ пустились по дорогѣ къ Тревизѣ, до которой, не смотря на всѣ старанія мои, не могъ я ни за какія деньги достать проводника.

Конильяно. 24-гочисла прибыли мы въ Конильяно, гдѣ я почелъ за нужное, предъ отправленіемъ въ дальнѣйшій, опасный путь, исповѣдаться въ грѣхахъ своихъ и пріобщиться Св. Таинъ, что и исполнилъ весьма усердно.

26-го числа поутру оставили мы Конильяно и, при самомъ выѣздѣ оттуда, встрѣтили Нѣмца, по имени Себастіана, который объявилъ намъ, что ѣдетъ по одной съ нами дорогѣ, знаетъ хорошо меня и цѣль моего путешествія и охотно бы желалъ сопутствовать намъ до Ниренберга. Принявъ его за посланника Божія, мы всѣ шестеро пустились въ путь и, нигдѣ не останавливаясь, въѣхали въ

Германію, гдѣ по дорогѣ встрѣчали множество красивыхъ городовъ и замковъ, принадлежащихъ разнымъ владѣтелямъ и Епископамъ и признающихъ надъ собою верховную власть Свѣтлѣйшаго Императора (Serenissimo Imperadore). Изъ всѣхъ этихъ городовъ наиболѣе понравился мнѣ Аугсбургъ (Auspurch). Миновавъ Берцемсіурхъ (Bercemsiurch[3]), укрѣпленный городъ, принадлежащій Императору, мы, въ пяти миляхъ отъ онаго, разстались съ товарищемъ нашимъ Себастіаномъ, долженствовавшимъ свернуть на Франкфуртъ, и при прощаніи крѣпко обняли другъ друга. Аугсбургъ.

10-го Марта 1474 прибыли мы въ Ниренбергъ (Norimbergo), отмѣнно красивый городъ, съ укрѣпленнымъ замкомъ, посреди коего протекаетъ рѣка. Развѣдывая о проводникѣ для дальнѣйшаго пути, узналъ я случайно отъ хозяина моего, что въ Ниренбергѣ проживаютъ два Посла Короля Польскаго, съ которыми онъ совѣтывалъ намъ ѣхать вмѣстѣ. Это извѣстіе такъ обрадовало меня, что я тотъ же часъ отправилъ отца Стефана объявить означеннымъ посламъ, кто я таковъ, и просить о дозволеніи переговорить съ ними. Получивъ въ отвѣтъ, что могу посѣтить ихъ, когда мнѣ заблагоразсудится, я немедленно отправился къ нимъ въ домъ, и по прибытіи туда, узналъ, что одинъ изъ сихъ Пословъ, принад- Ниренбергъ.

лежавшихъ къ числу знатнѣйшихъ Сановниковъ Его Величества, былъ Архіепископъ, а другой — Дворянинъ (Cavaliere), по имени Павелъ. Послѣ первыхъ привѣтствій объявилъ я имъ, что имѣю довѣрительныя грамоты къ ихъ Королю, и они, не смотря на мое одѣяніе, обошлись со мною весьма почтительно и охотно приняли въ свое сообщество. Во ожиданіи ихъ отъѣзда пробылъ я въ Ниренбергѣ до 14 числа.

14-го Марта отправились мы далѣе, въ сопровожденіи означенныхъ пословъ, и еще Посланника Богемскаго Короля, младшаго сына Короля Польскаго [4]). Составляя вмѣстѣ отрядъ изъ шестидесяти всадниковъ, мы такимъ образомъ проѣхали чрезъ всю Германію, останавливаясь по временамъ въ прекрасныхъ селеніяхъ; большею же частію въ городахъ и замкахъ, которыхъ здѣсь весьма много и которые заслуживаютъ вниманіе по красотѣ и крѣпости своей. Но такъ какъ страна сія извѣстна уже почти каждому изъ читателей, или по собственнымъ наблюденіямъ, или по наслышкѣ, то я и не намѣренъ распространяться здѣсь болѣе о ея городахъ и замкахъ, а скажу только, что съ 14-го по 25-е число ѣхали мы постоянно чрезъ владѣнія Маркиза Бранденбургскаго, Герцога Саксонскаго, и прибыли наконецъ въ красивый и укрѣпленный городъ

Франкфуртъ, принадлежащій также означен- Франкфуртъ.
ному Маркизу, и находящійся на границѣ Германіи и Польши. Тутъ пробыли мы до 29 числа, во ожиданіи прибытія вооруженнаго отряда, отряженнаго Маркизомъ для сопровожденія Польскихъ Пословъ до владѣній ихъ Короля. Отрядъ этотъ, какъ слѣдуетъ, прибылъ въ отличномъ порядкѣ.

31-го числа прибыли мы въ Мезерицъ Мезерицъ.
(Messariza [5]), первый городъ Королевства Польскаго. Онъ не великъ, но довольно красивъ и имѣетъ небольшую крѣпостцу.

2-го Апрѣля 1474 достигли мы Познани Познань.
(Posnam), не встрѣтивъ на пути своемъ ничего особенно замѣчательнаго. Городъ сей заслуживаетъ вниманіе какъ по красотѣ улицъ и домовъ своихъ, такъ равно и по множеству живущихъ въ немъ купцевъ.

3-го числа пустились мы изъ Познани далѣе къ тому мѣсту, гдѣ надѣялись найти Короля, и по дорогѣ не видали никакихъ особенно замѣчательныхъ городовъ или замковъ. Самые даже здѣшніе постоялые дворы весьма отличны отъ Германскихъ гостинницъ.

9-го числа, въ Страстную Субботу, при- Ленчица.
были мы въ городъ, именуемый Ленчицею (Lancisia), гдѣ находился тогда Его Величество Казимиръ, Король Польскій. Онъ выслалъ къ намъ на встрѣчу двухъ своихъ дворянъ и при-

казалъ отвести для насъ приличную квартиру, которая по тамошнему мѣсту была довольно хороша. Такъ какъ слѣдующій день былъ первымъ днемъ Пасхи, то я и не посмѣлъ представиться Его Величеству.

11-го числа поутру Король прислалъ мнѣ черное камковое платье, въ которомъ я долженъ былъ явиться ко двору. Надѣвъ его, по принятому въ той странѣ обычаю, отправился я, въ сопровожденіи многихъ значительныхъ особъ къ Его Величеству и, послѣ обычныхъ привѣтствій и преклоненій, поднесъ ему грамоту Свѣтлѣйшей Республики, объяснивъ притомъ причину моего посольства. Королю угодно было оставить меня обѣдать вмѣстѣ съ собою и тутъ я удостовѣрился, что Польскій столъ почти ни въ чемъ не различествуетъ отъ нашего, изобилуя разными кушаньями, отмѣнно хорошо приготовленными. По окончаніи обѣда, откланявшись Его Величеству, возвратился я въ свое жилище.

13-го числа Король вторично прислалъ за мною и на все то, что я передалъ ему наканунѣ отъ имени Свѣтлѣйшей Республики, отвѣчалъ въ самыхъ ласковыхъ и благосклонныхъ выраженіяхъ. Это удостовѣрило меня въ справедливости общаго мнѣнія, что давно уже не было въ Польшѣ такого правосуднаго Государя. За симъ приказалъ онъ

мнѣ дать двухъ проводниковъ: одного для Польши, а другаго для Малороссіи, вплоть до самаго Кіева (Chio) или Маграмана (Magraman[6]), города, лежащаго внѣ владѣній Его Величества, въ Россіи. Отблагодаривъ надлежащимъ образомъ Короля отъ имени Свѣтлѣйшей Республики, я распростился съ нимъ.

14-го числа выѣхали мы изъ Ленчицы, въ сопровожденіи помянутыхъ проводниковъ, и продолжали путь свой по странѣ ровной и мѣстами покрытой лѣсомъ. Повсюду находили мы ночлеги, изъ коихъ иные были довольно порядочны, а другіе не совсѣмъ хороши. Вообще Польша показалась мнѣ не слишкомъ богатою землею.

19-го числа прибыли мы въ городъ Люблинъ (Lumberli). Онъ довольно красивъ и имѣетъ крѣпостцу, въ которой находились тогда четыре сына Его Величества. Старшему изъ нихъ казалось не болѣе 15 лѣтъ, а остальные были всѣ погодки. Они жили тутъ подъ наблюденіемъ весьма почтеннаго наставника. Узнавъ, что ихъ Высочествамъ было угодно (вѣроятно по приказанію ихъ родителя) видѣть меня, я поспѣшилъ исполнить ихъ желаніе, — и одинъ изъ нихъ привѣтствовалъ меня въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно доказывали уваженіе, питаемое ими къ своему настави- Люблинъ.

ку. Отвѣчавъ приличнымъ образомъ, я откланялся Ихъ Высочествамъ и простился съ ними.

20-го Марта выѣхалъ я изъ Польши и вступилъ въ Малороссію, подвластную также Польскому Королю. Вплоть до 23 числа ѣхали мы почти безпрерывно лѣсомъ, останавливаясь для отдыха то въ небольшихъ замкахъ, то въ селеніяхъ, — и наконецъ прибыли въ Луцкъ (Iusch), городъ, имѣющій довольно хорошую, хотя и деревянную крѣпость, гдѣ и оставались до 24-го числа съ нѣкоторымъ опасеніемъ; ибо всѣ жители, по случаю бывшей тамъ свадьбы, напились до пьяна и легко могли оскорбить насъ. Здѣсь вообще не пьютъ вина, но употребляютъ напитокъ, сдѣланный изъ меда и который гораздо хмѣльнѣе вина.

Луцкъ.

Житомиръ.

25-го числа выѣхали мы изъ Луцка и къ вечеру того же дня прибыли въ Житомиръ (Aitomir), укрѣпленный городъ, въ которомъ всѣ вообще строенія деревянныя. Отправившись оттуда въ дальнѣйшій путь, ѣхали мы весь день 29 числа лѣсомъ, крайнѣ опаснымъ по причинѣ всякаго рода бродягъ, его наполняющихъ, а къ ночи, не нашедъ нигдѣ мѣста для ночлега, принуждены были остановиться въ лѣсу, безъ пищи, и содержать для предосторожности караулъ.

Бѣлиграохъ.

30-го числа прибыли мы въ Бѣлиграохъ (Beligraoch [7]) бѣлый замокъ, съ Королевскимъ

дворцемъ, въ которомъ я провелъ ночь весьма безпокойно.

1-го Мая 1474 въѣхали мы въ городъ Кіевъ или Магроманъ, лежащій за предѣлами Малороссіи и управляемый Полякомъ, по имени Паномъ Мартиномъ (Pan Martin), Католическаго исповѣданія. Услышавъ отъ Королевскихъ проводниковъ о прибытіи моемъ, онъ немедленно повелѣлъ отвести мнѣ квартиру, довольно впрочемъ плохую, какъ и всѣ тамошнія жилища, и прислалъ большое количество жизненныхъ припасовъ. Городъ Кіевъ находится на границѣ Татаріи. Сюда съѣзжается множество купцевъ изъ Великой Россіи съ различными мѣхами, которые они отправляютъ въ Кафу съ караванами; но эти караваны подобно овцамъ весьма часто подвергаются въ пути нападенію Татаръ. Кіевъ изобилуетъ хлѣбомъ и всякаго рода мясомъ. Жители обыкновенно проводятъ утро, до трехъ часовъ, въ занятіяхъ, а потомъ отправляются въ шинки, гдѣ остаются вплоть до самой ночи и не рѣдко напившись до пьяна, заводятъ между собою драки. Кіевъ.

2-го Мая Панъ Мартинъ прислалъ нѣсколькихъ дворянъ своихъ для приглашенія меня къ обѣду. Я отправился на зовъ его и послѣ первыхъ привѣтствій онъ предложилъ мнѣ разныя услуги, объявивъ притомъ, что

Его Величество повелѣлъ ему чествовать и охранять меня отъ всякой опасности и сверхъ того доставить мнѣ способы для свободнаго проѣзда въ Кафу чрезъ Татарскую степь. Отблагодаривъ его за дружеское предложеніе, я спросилъ, какимъ же образомъ думаетъ онъ выполнить это приказаніе, и получилъ въ отвѣтъ, что въ Кіевѣ ожидаютъ прибытія Литовскаго Посла, отправляющагося съ дарами къ Татарскому Хану (Imperadore), который долженъ выслать 1200 всадниковъ для охраненія его въ пути. Этого то Посла Панъ Мартинъ совѣтовалъ мнѣ дождаться въ Кіевѣ, дабы вмѣстѣ съ нимъ безопасно проѣхать чрезъ всю степь. Я обѣщалъ послѣдовать его совѣту и послѣ того мы отправились къ столу, весьма изобильному и богато убранному для принятія меня. Съ нами вмѣстѣ обѣдали: Епископъ (братъ Пана Мартина) и нѣсколько дворянъ. За столомъ, въ продолженіе котораго пѣли пѣвчіе, просидѣли мы очень долго, къ крайнему моему неудовольствію, ибо отдыхъ былъ для меня всего нужнѣе. Немедленно послѣ обѣда простился я съ хозяиномъ моимъ и отправился изъ крѣпости (которая вообще вся деревянная и гдѣ находился домъ Пана Мартина) въ городъ, на свою квартиру. Кіевъ омывается рѣкою, которую жители называютъ Днѣпромъ (Danambre), а мы зовемъ Лерессою

(Leresse) и которая впадаетъ въ Черное море. Пробывъ тутъ 10 дней, въ ожиданіи означеннаго Посла, мы, немедленно по прибытіи его, собрались въ путь и въ самый день отъѣзда нашего отслушали всѣ вмѣстѣ обѣдню. По окончаніи оной, Панъ Мартинъ подвелъ меня къ Послу, который уже былъ предваренъ обо мнѣ, и соединивъ руки наши, примолвилъ съ жаромъ: «онъ для насъ то же самое, что особа нашего Короля, и посему ты обязанъ въ сохранности довести его до Кафы.» Посолъ отвѣчалъ на это, что воля Его Величества дороже для него собственной головы и потому все то, что случиться со мною, не минуетъ и самаго его. Послѣ сихъ словъ мы распростились съ Паномъ Мартиномъ, котораго я отблагодарилъ, сколько умѣлъ и могъ, за его попеченія. И дѣйствительно во время пребыванія нашего въ Кіевѣ, онъ весьма часто навѣщалъ меня и безпрестанно присылалъ разные припасы. При разставаніи я подарилъ ему Нѣмецкаго иноходца, находившагося въ числѣ тѣхъ лошадей, на которыхъ мы выѣхали изъ Местры; остальныхъ же, за негодностью, велѣлъ бросить и взять на ихъ мѣсто туземныхъ лошадей. Проводниковъ Его Королевскаго Величевтва, которые во все время пути были къ намъ очень внимательны, отблагодарилъ я также приличнымъ образомъ.

11-го числа отправились мы въ путь, вмѣстѣ съ означеннымъ посломъ. Я ѣхалъ въ той самой повозкѣ, въ которой прибылъ изъ Ленчицы въ Кіевъ; ибо, по причинѣ боли въ ногѣ, никакъ не могъ сѣсть на лошадь. Достигнувъ селенія, именуемаго Черкасы (Cercas[8]) и принадлежащаго также Его Величеству Королю, мы пробыли тутъ до 15 числа, т. е. до появленія ожидаемаго нами отряда Татаръ, и потомъ, въ сопровожденіи ихъ, пустились далѣе по степи.

Черкасы.

15-го числа достигли мы берега рѣки, выше сего мною упомянутой (Днѣпра), чрезъ которую намъ надлежало переправиться. Она служитъ съ этой стороны границею между Польшею и Татаріею и, при значительной глубинѣ своей, имѣетъ болѣе мили въ ширину. По прибытіи къ ней, Татары немедленно принялись рубить деревья, которыя связавъ вмѣстѣ, прикрыли хворостомъ, и потомъ положили на нихъ всю нашу поклажу, а сами спрыгнули въ воду, таща за узды лошадей своихъ, къ хвостамъ коихъ плоты были привязаны веревками. Мы сѣли на эти суда и, погнавъ лошадей, съ помощію Божіею переправились такимъ образомъ чрезъ рѣку. Достигнувъ противоположнаго берега, выгрузили мы поклажу свою и расположились провести тутъ весь остатокъ дня. Многіе изъ Татарскихъ

Переправа чрезъ Днѣпръ.

начальниковъ во время этого привала весьма пристально разглядывали меня и долго разсуждали между собою. Отдохнувъ надлежащимъ образомъ, отправились мы далѣе чрезъ пространную степь и во все время пути нашего терпѣли большую нужду. При переѣздѣ чрезъ одинъ лѣсокъ, Посолъ сообщилъ мнѣ посредствомъ своего переводчика, что Татары положили между собою непремѣнно отвести меня къ своему Хану, ибо, по словамъ ихъ, такой человѣкъ, какъ я (они уже провѣдали о моемъ званіи), не могъ пріѣхать въ Кафу, не бывъ предварительно представленъ Хану. Услышавъ о намѣреніи ихъ, я крайне огорчился и сталъ упрашивать переводчика, дабы онъ отклонилъ это рѣшеніе, припоминая ему все то, что Посолъ обѣщалъ на счетъ мой Пану Мартину, а чрезъ его посредство и самому Королю, — и предлагая ему саблю въ награду за его ходатайство. Онъ обѣщалъ исполнить мое желаніе и старался всѣми мѣрами успокоить меня; по возвращеніи же къ послу, сообщилъ ему весь разговоръ нашъ, а самъ, подсѣвъ къ Татарамъ и начавъ пить вмѣстѣ съ ними, увѣрилъ ихъ, что я Генуэзецъ и уладилъ это дѣло за 15 червонцевъ. Должно признаться, что все это время я находился въ крайнемъ безпокойствѣ. Съ 15 по 24-е число ѣхали мы безъ остановки по степи, пре-

Татарская степь.

терпѣвая во всемъ большую нужду (однажды цѣлыя сутки провели мы безъ воды) и наконецъ прибыли къ мѣсту, отъ котораго Посолъ долженъ былъ свернуть въ сторону, для проѣзда къ Хану, находившемуся тогда въ крѣпости Керкеръ (Chercher [9]). На прощаньи далъ онъ мнѣ въ проводники одного Татарина и такимъ образомъ мы разстались съ нимъ. Оставшись одинъ, я, не смотря на трудности, мнѣ предстоявшія, и даже на опасеніе, чтобы Татары не послали за нами погоню, былъ очень радъ, что разстался съ этими проклятыми собаками, отъ которыхъ такъ несло кобылятиной, что нельзя было даже подойти къ нимъ. По отъѣздѣ посла, мы, сопутствуемые проводникомъ нашимъ, пустились далѣе, а къ вечеру остановились ночевать на степи, посреди нѣсколькихъ Татарскихъ повозокъ, которыя у нихъ покрываются войлокомъ. Немедленно по прибытіи нашемъ, множество Татаръ собралось вокругъ насъ съ разспросами, кто мы таковы? Услышавъ же отъ переводчика, что я Генуэзецъ, они тотчасъ стали угощать меня кислымъ молокомъ.

Прибытіе въ Кафу.

26-го числа, еще до разсвѣта, пустились мы далѣе и около вечерни прибыли въ городъ Кафу, благодаря Всемогущаго Бога, избавившаго насъ отъ столькихъ опасностей. Остановившись возлѣ одной церкви, я немедленно

отправилъ моего переводчика для отысканія Консула нашего, который тотъ же часъ прислалъ ко мнѣ брата своего съ просьбою, дабы я дождался до вечера и потомъ тайкомъ прокрался въ его жилище. Въ назначенный часъ явился я къ нему въ домъ и былъ принятъ отмѣнно привѣтливо. У него нашли мы посланника отъ Свѣтлѣйшей нашей Республики, Г. Павла Оньибена, который тремя мѣсяцами прежде меня выѣхалъ изъ Венеціи.

ГЛАВА II.

Свѣтлѣйшій Посолъ отправляется изъ Кафы, переплываетъ чрезъ Черное море, пріѣзжаетъ въ Фазисъ (Fasso[10]), и потомъ чрезъ Мингрелію, Грузію и часть Арменіи достигаетъ владѣній Узунъ-Гассана.

Я не могу сообщить здѣсь ничего особеннаго о городѣ Кафѣ, ибо, во все пребываніе мое въ ономъ, никуда почти не выходилъ изъ дома, страшась быть узнаннымъ, а потому и скажу о немъ только то, что мнѣ удалось видѣть самому или слышать отъ другихъ. Городъ сей стоитъ на берегу Чернаго моря (mare maggiore), производитъ значительную торговлю, населенъ жителями всѣхъ извѣстныхъ намъ странъ и славится богатствомъ своимъ. Намѣреваясь отправиться

Пребываніе въ Кафѣ.

изъ Кафы прямо въ Фазисъ, я нанялъ для переѣзда своего корабль, принадлежавшій Антонію ди Вальдата и находившійся въ Азовскомъ морѣ, до котораго надлежало намъ ѣхать верхомъ. Лишь только успѣлъ я условиться съ хозяиномъ корабля, какъ явился ко мнѣ одинъ Армянинъ, по имени Морахъ, возвращавшійся изъ Рима, куда онъ ѣздилъ посломъ отъ Узунъ-Гассана, вмѣстѣ съ другимъ престарѣлымъ Армяниномъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ отправиться не въ Фазисъ, а въ другое мѣсто, называемое Тиною [11]) (la Tina)) и отстоящее на сто миль отъ Трапезонта, города, подвластнаго Оттоманамъ, увѣряя, что оттуда черезъ четыре часа можно достигнуть замка нѣкоего Аріама, подданнаго Узунъ-Гассана, — и что въ самой Тинѣ, состоящей изъ одной только Греческой крѣпостцы, я буду совершенно безопасенъ.

Отъѣздъ изъ Кафы.

3-го Іюня 1474 отправился я съ Консуломъ нашимъ изъ Кафы и на слѣдующій день прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ находился нашъ корабль, за который условился я сначала заплатить только 70 червонцевъ, но потомъ, по причинѣ перемѣны пути, долженъ былъ прибавить еще 30. Сверхъ сего извѣстившись, что въ томъ мѣстѣ, къ которому надлежало намъ пристать, невозможно найти лошадей, я взялъ съ собою еще девять заводныхъ,

какъ для проводниковъ своихъ, такъ равно и для перевоза припасовъ во время пути нашего чрезъ Мингрелію и Грузію.

15-го числа, по приводѣ лошадей на корабль, снялись мы съ якоря и вошедъ въ Черное море, поплыли при попутномъ вѣтрѣ прямо къ Тинѣ. Мы уже были отъ нее въ разстояніи 20 миль, хотя еще не могли ее видѣть, какъ вдругъ вѣтеръ повернулъ къ западу и изъ попутнаго сдѣлался противнымъ, что однако не препятствовало намъ держаться предположеннаго пути. Между тѣмъ замѣтивъ, что матрозы толкуютъ о чемъ то между собою и любопытствуя знать предметъ ихъ разговора, я обратился къ нимъ съ вопросомъ, на который они отвѣчали мнѣ, что хотя готовы исполнить въ точности мои приказанія, но страшатся послѣдствій; ибо мѣсто, къ которому я назначилъ имъ итти, весьма опасно. Удостовѣрившись изъ разсказа ихъ, сколь велика была ко мнѣ благость Господа Бога, не хотѣвшаго гибели моей, я рѣшился оставить прежній планъ свой и отправиться не въ Тину, а черезъ Вати (Liati [1 2]) прямо въ Фазисъ (Fasso). Чрезъ нѣсколько времени погода перемѣнилась и мы, при попутномъ вѣтрѣ, поплыли къ мѣсту назначенія своего.

Перемѣна пути.

29-го числа прибыли мы въ Вати (Varti), гдѣ, по причинѣ болѣзни лошадей моихъ, вы-

Вати.

нужденъ я былъ высадить ихъ на берегъ и отправить сухимъ путемъ въ Фазисъ, до котораго оставалось не болѣе 60 миль. Въ Вати встрѣтились мы съ однимъ Бернардинскимъ монахомъ, братомъ Антонія ди Вальдата, который, пріѣхавъ къ намъ на корабль и услышавъ о прежнемъ намѣреніи моемъ ѣхать въ Тину, объявилъ намъ, что, по прибытіи туда, всѣ мы неминуемо попались бы въ плѣнъ, ибо въ Тинѣ находился Турецкій военачальникъ (Sobassi [13]) съ значительнымъ отрядомъ конницы, присланный по обычаю Оттомановъ для осмотра тамошней области. Вати, — небольшой городокъ съ крѣпостью, — принадлежитъ одному Мингрельскому владѣтелю, по имени Горболѣ (Gorbola), который на берегу Чернаго моря владѣетъ еще другимъ, также незначительнымъ городкомъ — Кальтихеею (Caltichea [14]), производящимъ торгъ шелкомъ, грубымъ полотномъ и отчасти воскомъ. Жители Вати вообще очень бѣдны.

Р. Фазисъ. 1-го Іюля 1474 года прибыли мы къ устью Фазиса и были встрѣчены лодкою, наполненною Мингрелами съ самыми глупыми лицами и ужимками. Мы пересѣли на нее и вошли въ устье рѣки, гдѣ, при самомъ входѣ, представился нашимъ взорамъ островъ, на которомъ, по преданію, царствовалъ въ древности Оатесъ, отецъ ядосмѣсительницы Медеи [15]).

Тутъ мы провели ночь, но не могли сомкнуть глазъ, по причинѣ большаго количества мошекъ, сильно насъ безпокоившихъ.

2-го числа поутру, отправившись вверхъ по рѣкѣ, прибыли мы въ городъ, именуемый Фазисъ (Asso[16]). Онъ окруженъ рощами и стоитъ на самомъ берегу рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ въ ширину около двухъ перелетовъ стрѣлы. Вышедъ на берегъ, отыскалъ я нѣкоего Модонскаго уроженца, по имени Николо Капелло, поселившагося здѣсь и выдававшаго себя за жителя Мекки[17]) и Черкешенку Марѳу, находившуюся прежде въ невольницахъ у одного Генуэзца и вышедшую потомъ за мужъ также за Генуэзца. Я остановился въ домѣ этой женщины и совершенно былъ доволенъ ея пріемомъ. Въ Фазисѣ пробыли мы до 4-го числа. Городъ сей принадлежитъ къ Мингреліи и находится подъ управленіемъ ея Государя, называемаго Бендіаномъ, коего владѣнія не слишкомъ обширны, ибо имѣютъ въ ширину не болѣе трехъ дней пути; да и это пространство большею частію покрыто лѣсомъ и горами. Мингрелы — народъ самый грубый и невѣжественный. Они брѣютъ головы, на подобіе нашихъ монаховъ (Frati minori). Страна ихъ не слишкомъ обильна хлѣбомъ (въ особенности тамъ сѣютъ мало пшеницы) и производитъ небольшое ко- Г. Фазисъ.

личество плохаго вина. Главнѣйшая пища Мингреловъ состоитъ изъ скверной и густой похлебки, на подобіе нашей поленты (polenta [8]); женщины же у нихъ ѣдятъ еще хуже. Вообще жизнь этого народа была бы самая жалкая, если бы по временамъ не привозили въ Мингрелію соли изъ Кафы и вина и соленой рыбы изъ Трапезонта. Вся промышленность жителей Фазиса заключается въ выдѣлкѣ небольшаго количества грубаго полотна и въ добываніи воска, но при большемъ трудолюбіи они легко бы могли улучшить бытъ свой ловлею рыбы, которой въ рѣкѣ водится весьма много. Мингрелы всѣ вообще Христіане, хотя и преданы расколамъ, и исповѣдуютъ вѣру Греческую.

4-го числа выѣхали мы изъ Фазиса, въ сопровожденіи означеннаго Н. Капеллы, котораго я взялъ себѣ въ проводники, и въ тотъ же день переправились на лодкѣ чрезъ небольшую рѣчьку Мацо (Mazo).

Прибытіе къ Бендіану.

5-го числа продолжали мы путь свой по горамъ и лѣсамъ и вечеромъ того же дня прибыли въ небольшую равнину, гдѣ Бендіанъ, Государь Мингреліи, находился тогда со всѣмъ дворомъ своимъ. Я посладъ немедленно означеннаго Николо объявить Его Свѣтлости, что желаю представиться ему и, получивъ на то позволеніе, отправился въ долину, гдѣ увидѣлъ

Бендіана, сидящаго подъ деревомъ, на коврѣ, вмѣстѣ съ супругою своею и нѣсколькими дѣтьми. Онъ посадилъ меня на землю возлѣ себя и на всѣ привѣтстія мои, которыя я подкрѣпилъ приличными дарами, отвѣчалъ только: Добро пожаловать! Испросивъ у него проводника, я откланялся и возвратился къ свитѣ своей. Вслѣдъ за симъ онъ прислалъ мнѣ въ подарокъ свиную голову, нѣсколько худо свареной говядины и немного гнилаго хлѣба. Все это по необходимости должны мы были употребить въ пищу и, во ожиданіи проводника, пробыли тутъ цѣлый день. Равнина эта усѣяна деревьями, въ родѣ бука (но гораздо выше), которыя совершенно равны между собою и составляютъ родъ аллеи по обѣимъ сторонамъ дороги. Бендіану не болѣе 50 лѣтъ; онъ довольно видный мужчина, но обращеніе его и ужимки весьма странны.

7-го числа пустились мы далѣе и, продолжая путь свой по лѣсамъ и горамъ, прибыли на другой день къ рѣкѣ, составляющей границу между Мингреліею и Грузіею (Giorgiania). Тутъ мы остались ночевать на небольшемъ свѣжемъ лужкѣ и принуждены были голодать во всю ночь; ибо не имѣли при себѣ почти никакой пищи.

9-го числа достигли мы Кутаиса (Cota- Кутаисъ.

chis[19]), небольшаго городка съ каменною крѣпостію, построенною на горѣ, и въ которой находится церковь, повидимому очень древняя. Переправившись по мосту чрезъ довольно большую рѣку, остановились мы на лугу, гдѣ выстроенъ дворецъ Грузинскаго Царя Баграта (Pancrati), коему принадлежитъ городъ Кутаисъ и, по приглашенію Губернатора, остановились въ этомъ дворцѣ. Тутъ пробыли мы до 11 числа, тревожимые безпрерывно приходившими къ намъ Грузинами, которые столь же глупы какъ и Мингрелы. Бывъ приглашенъ Губернаторомъ къ обѣду, я отправился къ нему съ нѣкоторыми особами свиты моей. По прибытіи въ комнату, гдѣ находился хозяинъ съ гостями своими, мы усѣлись на полу возлѣ него и передъ нами вмѣсто скатерти разослали кожу, которая такъ была жирна, что сала, находившагося на ней, было бы достаточно для наполненія цѣлаго котла. Противъ меня положили кусокъ хлѣба, рѣпы, нѣсколько мяса, приготовленнаго на Грузинскій вкусъ, и другой подобной дряни. Между тѣмъ чаша съ виномъ безпрестанно ходила вокругъ стола и собесѣдники наши, безъ стыда напивавшіеся ею, старались всѣми силами напоить также и меня до пьяна. Отказъ мой возбудилъ въ нихъ большое негодованіе, и я съ трудомъ могъ уйти отъ Губернатора, выпросивъ у него од-

Обѣдъ у Губернатора.

нако предъ раставаніемъ нашимъ проводника до того мѣста, гдѣ находился Царь Багратъ.

12-го числа выѣхали мы изъ Кутаиса и, продолжая путь свой чрезъ лѣса и горы, уже поздно вечеромъ остановились, по приглашенію проводника, на небольшомъ лужкѣ возлѣ замка Скандера (Scander), расположеннаго на горѣ и служившаго тогда мѣстопребываніемъ Царю Баграту. Проводникъ нашъ вызвался извѣстить Государя своего о моемъ прибытіи, обѣщая возвратиться въ скоромъ времени и привести съ собою другаго проводника, который бы сопутствовалъ намъ чрезъ всю Грузію. По отбытіи его, мы остались одни среди лѣса, томимые голодомъ и жаждой и окруженные всѣми ужасами ночнаго мрака. Рано утромъ проводникъ нашъ возвратился, въ сопровожденіи двухъ Царскихъ писцовъ, которые объявили мнѣ, что Царь ихъ отправился въ Кутаисъ, а ихъ прислалъ для описи всего нашего имущества, дабы чрезъ то устранить затрудненія и препятствія, могущія встрѣтиться намъ во время дальнѣйшаго пути чрезъ его владѣнія. Въ слѣдствіе такого объясненія они потребовали, дабы я непремѣнно показалъ имъ всѣ наши пожитки и даже вздумали описывать платье, бывшее на мнѣ; по окончаніи же описи объявили, что мнѣ одному велѣно вмѣстѣ съ ними ѣхать къ Государю ихъ, и уви- Скандеръ.

дѣвъ, что я не охотно повинуюсь этому приказанію, принялись бранить меня. Послѣ продолжительныхъ споровъ дозволено мнѣ было однако взять съ собою моего переводчика, и мы оба, сѣвъ на лошадей, отправились, совершенно на тощахъ, вмѣстѣ съ означенными писцами, въ Кутаисъ, гдѣ находился тогда Царь Багратъ. По прибытіи туда, я долженъ былъ дожидаться подъ деревомъ дальнѣйшихъ приказаній и такимъ образомъ провелъ всю ночь, не имѣя для утоленія своего голода ничего, кромѣ небольшаго количества присланнаго мнѣ хлѣба и рыбы. Свита же моя осталась подъ стражею въ Скандерѣ и отведена была въ селеніе, гдѣ и помѣстили ее въ домѣ Священника. Легко представить себѣ, въ какомъ мучительномъ положеніи находились мы въ продолженіи всего этого времени. На слѣдующее утро приказано мнѣ было явиться къ Царю. Я отправился во дворецъ и засталъ его сѣдящимъ на полу, посреди своихъ вельможъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько странныхъ вопросовъ и между прочимъ спросилъ: знаешь ли ты, сколько всего Царей на свѣтѣ? Кажется двѣнадцать, отвѣчалъ я наобумъ. Точно такъ! возразилъ онъ, — и какъ я одинъ изъ числа этихъ двѣнадцати Царей, то и не постигаю, какъ ты могъ явиться въ мои владѣнія безъ писемъ отъ твоего Государя. Я отвѣчалъ ему, что единственною причиною та-

Свиданіе съ Царемъ Багратомъ.

коваго упущенія есть непредвидѣнное прибытіе мое въ Грузію, но что Папа, Государь мой, уважающій его на равнѣ со всѣми прочими Владыками, охотно бы прислалъ къ нему грамоту, еслибъ только зналъ заранѣе, что мнѣ удастся посѣтить его владѣнія. Онъ казалось остался доволенъ моимъ отвѣтомъ и сдѣлалъ мнѣ потомъ еще нѣсколько странныхъ вопросовъ, изъ коихъ я заключилъ, что плутъ проводникъ нашъ увѣрилъ его, будто при мнѣ находится много драгоцѣнныхъ вещей. Еслибы эти вещи дѣйствительно нашлись у насъ, то безъ сомнѣнія Багратъ никогда бы не согласился выпустить меня изъ своихъ рукъ, тѣмъ болѣе, что писцы, дѣлавшіе опись небольшему моему имуществу, отобравъ тѣ предметы, которые имъ понравились, требовали настоятельно, дабы я подарилъ оные ихъ Государю. При прощаніи съ Царемъ, я просилъ его дать мнѣ проводника, который бы безопасно провелъ насъ чрезъ его владѣнія, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ не только готовъ дать намъ проводника, но даже, для большей безопасности, велитъ снабдить меня охранительною грамотою. Откланявшись ему, я отправился обратно къ тому дереву, гдѣ провелъ ночь и, послѣ продолжительныхъ споровъ съ Царскимъ писцемъ, получилъ наконецъ обѣщаннаго проводника и грамоту.

14-го числа выѣхали мы изъ Кутаиса и прибыли въ то селеніе, гдѣ находились мои спутники, которые изъ разсказовъ Священника о злобныхъ свойствахъ Царя Баграта заключили, что я погибъ уже безвозвратно. — Тѣмъ сильнѣе былъ восторгъ ихъ при моемъ появленіи. Они встрѣтили меня какъ Мессію и сами не понимали, что говорили и дѣлали. Священникъ также принялъ участіе въ общей нашей радости и немедленно накормилъ меня. Ночь провели мы очень спокойно, а между тѣмъ хозяинъ приготовилъ намъ небольшой запасъ хлѣба и вина на дорогу.

15-го числа, въ третьемъ часу утра, пустились мы далѣе и, во все время странствованія нашего по этой проклятой странѣ, вынуждены были ѣхать безпрерывно чрезъ лѣса и ужасныя горы, останавливаясь для ночлега въ полѣ, возлѣ какого либо ручейка, и разводя каждый разъ огонь по причинѣ сильной ночной стужи.

Гори. 17-го числа прибыли мы въ Гори (Gorides [20]), городъ, принадлежащій также Царю Баграту и выстроенный въ небольшой равнинѣ, у подошвы горы, надъ которою возвышается деревянная крѣпость. Городъ сей орошается большею рѣкою и вообще довольно хорошъ. Немедленно по прибытіи нашемъ я по-

слалъ проводника своего съ извѣщеніемъ о моемъ пріѣздѣ къ Губернатору, который тотъ же часъ приказалъ отвести намъ квартиру. Я ожидалъ отъ него хорошаго пріема и потому крайне удивился, получивъ вскорѣ послѣ того повелѣніе выдать ему, въ слѣдствіе письма Царя Баграта, двадцать шесть червонцевъ, да проводнику нашему шесть. Напрасно доказывалъ я, что почитаю таковое требованіе неестественнымъ; ибо Государь его весьма ласково обошелся со мною и уже получилъ отъ меня въ даръ 70 червонцевъ. Всѣ мои доказательства ни къ чему не послужили и я долженъ былъ отсчитать требуемую сумму. Продержавъ насъ до 19 числа, онъ наконецъ позволилъ намъ продолжать путь свой, къ крайнему моему удовольствію; ибо я былъ въ конецъ измученъ поступками этихъ тварей, которые, казалось, никогда не видывали людей. Грузія нѣсколько лучше Мингреліи; но жители ея въ нравахъ, обычаахъ и вѣроисповѣданіи нисколько не отличаются отъ Мингреловъ. Въ бытность нашу въ Гори, разсказывали намъ о храмѣ, находящемся неподалеку оттуда, на большой горѣ, окруженной лѣсомъ, и въ которомъ, по словамъ жителей, весьма замѣчательна древняя чудотворная Инока Богоматери, порученная храненію сорока монаховъ (caloiri). Я никакъ не могъ рѣшиться заѣхать

туда, ибо горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе выбраться изъ этой проклятой страны, гдѣ вытерпѣлъ столько страха и непріятностей, что для описанія оныхъ потребовалось бы много времени, — безъ всякой впрочемъ пользы для читателей.

20-го числа оставили мы Гори и продолжали путь свой чрезъ горы и лѣса, встрѣчая изрѣдка небольшія хижины, въ которыхъ запасались жизненными потребностями; ночи же проводили въ открытомъ полѣ, избирая для ночлеговъ такія мѣста, гдѣ была вода и кормъ для лошадей. Свѣжая мурава служила намъ ложемъ, — и такимъ образомъ проѣхали мы чрезъ всю Мингрелію и Грузію.

ГЛАВА III.

Свѣтлѣйшій Посолъ пріѣзжаетъ въ Тавризъ (Tauris), столицу Персіи, и не найдя тамъ Узунъ-Гассана, является къ сыну его, а потомъ отправляется далѣе и, послѣ продолжительнаго странствованія, достигаетъ Испагани (Spaan), гдѣ и находитъ Узунъ-Гассана.

Лоро. 22-го числа начали мы подыматься на превысокую гору и къ вечеру достигли вершины ея, гдѣ и остановились для отдыха, хотя и не имѣли при себѣ ни капли воды. На другой день рано утромъ пустились мы далѣе

и, съѣхавъ съ горы, очутились во владѣніяхъ Узунъ-Гассана, т. е. въ Арменіи, а вечеромъ прибыли въ крѣпость Лори (Loreo[21]), принадлежащую тому же Узунъ-Гассану и расположенную въ небольшой долинѣ, между горою и рѣкой, замѣчательной не столько по глубинѣ водъ своихъ, сколько по крутизнѣ и высотѣ береговъ[22]). У самой этой рѣки выстроена Армянская деревня, въ которой мы и расположились для ночлега; крѣпость же охраняется Турецкою стражею. Здѣсь рѣшился я пробыть до 25-го числа, какъ для отдохновенія своего, такъ равно и для отысканія проводника и былъ принятъ жителями весьма ласково. Между тѣмъ открылось, что Армянинъ, взятый мною изъ Кафы и выдававшій себя за посла Узунъ-Гассана, былъ просто бездѣльникъ, коего сѣтей, по словамъ находившихся тутъ Армянъ, избѣгли мы однимъ только чудомъ. Вѣ слѣдствіе этого открытія, я отобралъ отъ него лошадь, данную ему мною для дороги и отослалъ немедленно прочь; въ проводники же взялъ одного Армянскаго Священника, обязавшагося сопутствовать намъ до Тавриза и служившаго мнѣ во все продолженіе пути съ отмѣннымъ усердіемъ и честностію.

26-го числа всѣ мы пятеро (включая въ то число и Священника) выѣхали изъ Лори и, перебравшись еще чрезъ одну гору, прибыли

къ вечеру въ долину, окруженную также горами и посреди коей находится Турецкая деревня, гдѣ мы были приняты весьма хорошо и спокойно провели ночь на свѣжемъ воздухѣ.

27-го числа, еще до разсвѣта, пустились мы далѣе, дабы успѣть въ потьмахъ перебраться чрезъ другую гору и миновать Турецкое селеніе, у подошвы оной находящееся, и чрезъ которое было бы весьма опасно проѣзжать днемъ. Къ счастію намъ удалось переѣхать его въ такое время, когда никто не могъ видѣть насъ, — и къ утру очутились мы уже въ прелестной долинѣ, чрезъ которую продолжали путь свой съ большею противу прежняго скоростію, почти нигдѣ не отдыхая. — Ночь провели мы на чистомъ воздухѣ и такимъ образомъ, подвигаясь все далѣе и далѣе,

Гора Араратъ.

прибыли 28 числа къ Ноевой горѣ [23]), покрытой въ теченіи всего года снѣгомъ, отъ вершины до самой подошвы. Намъ сказывали, что многіе пытались достигнуть вершины этой горы, но или совсѣмъ погибали, или возвращались съ полною увѣренностію, что исполненіе сего предпріятія рѣшительно невозможно. Продолжая такимъ образомъ путь свой по означенной долинѣ, на которой кое-гдѣ встрѣчаются небольшіе холмы, мы 30 числа достигли

Хіагри.

Хіагри (Chiagri), замка Франкскихъ Армянъ, гдѣ нашедъ довольно хлѣба, куръ и вина, рѣ-

шились пробыть весь слѣдующій день, дабы нѣсколько отдохнуть отъ дороги.

Вечеромъ 1-го Августа 1474 года выѣхали мы изъ Хіагри [24]), взявъ съ собою до Тавриза еще другаго проводника.

2-го числа прибыли мы въ довольно хорошее Армянское селеніе, выстроенное на скатѣ горы, и гдѣ надлежало намъ переправиться (въ особеннаго рода лодкѣ, въ тѣхъ краяхъ употребляемой) чрезъ ту самую рѣчьку, на берегахъ коей (гораздо впрочемъ далѣе на востокъ) происходило, по разсказамъ жителей, сраженіе между Узунъ-Гассаномъ и Египетскимъ Султаномъ Бузехомъ (Soldano Busech). Въ то время, какъ войска Персидскія были расположены на одномъ берегу рѣки, а Султановы на другомъ, въ рядахъ сихъ послѣднихъ, по недостатку жизненныхъ припасовъ, распространилась повальная болѣзнь. Узунъ-Гассанъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, напалъ на нихъ, разбилъ и, взявъ въ плѣнъ Султана Бузеха, повелѣлъ отсѣчь ему голову. На лѣвомъ берегу этой рѣки находятся, въ близкомъ одно отъ другаго разстояніи, одиннадцать селеній Армянскихъ Католиковъ. Всѣ они признаютъ власть Папы и имѣютъ своего особеннаго Епископа. Вообще въ цѣлой Персіи нѣтъ страны лучше и плодоноснѣе этой области.

былъ разбитъ на голову и съ трудомъ успѣлъ спастись въ стѣнахъ города. На вопросъ мой, почему всѣ жители не выйдутъ на встрѣчу непріятелю, хозяинъ нашъ отвѣчалъ, что они не принадлежатъ къ числу военныхъ людей, хотя и признаютъ надъ собою власть Намѣстника Тавризскаго. Я хотѣлъ было отправиться прямо къ этому Намѣстнику, но никто не согласился проводить меня; до военачальниковъ его также было невозможно добраться, и потому я принужденъ былъ во все это время скрываться, по совѣту моего хозяина, въ Каравансараѣ и лишь изрѣдка выходить для закупки припасовъ. Иногда я посылалъ за оными моего переводчика, а иногда нѣкоего Астутина (Astutino), уроженца Павіи, котораго я привезъ съ собою изъ Кафы и которому нѣсколько былъ знакомъ Персидскій языкъ. За то всякій разъ, когда онъ появлялся на улицѣ, народъ встрѣчалъ его бранью, угрожая всѣхъ насъ изрубить въ куски. Наконецъ чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ нашемъ, прибылъ въ Тавризъ другой сынъ Узунъ-Гассана, по имени Мазубей (Masubei), съ отрядомъ изъ 1000 всадниковъ, для управленія городомъ и защищенія его отъ вышепомянутаго Загарли. Я немедленно отправился къ нему и съ большимъ трудомъ добился аудіенціи. Поднеся ему въ даръ кусокъ камлота, я объявилъ, что ѣду къ его родите-

лю и просилъ дать намъ хорошій конвой. Онъ едва отвѣчалъ на всѣ мои привѣтствія и повидимому не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на нашу просьбу. Откланявшись, я возвратился въ свое жилище, а между тѣмъ дѣла часъ отъ часу становились неблогопріятнѣе. Мазу-бей требовалъ отъ жителей денегъ для набора войска, а народъ не хотѣлъ удовлетворить этого требованія, — и въ слѣдствіе того повелѣно было запереть всѣ лавки. Это заставило меня переѣхать изъ Каравансарая въ одинъ Армянскій монастырь, гдѣ намъ отвели немного мѣста для насъ и лошадей нашихъ; людямъ же своимъ я строжайше запретилъ появляться на улицахъ. Легко представить себѣ, въ какомъ положеніи находились мы въ продолженіи всего этого времени. Ежеминутно ожидалъ я новыхъ, тяжкихъ бѣдствій; но Господь Богъ, сохранившій насъ до тѣхъ поръ отъ различныхъ опасностей, — и на сей разъ былъ Спасителемъ нашимъ.

Прибытіе Хаджи Лаекера.

5-го Сентября 1474 года, въ бытность мою еще въ Тавризѣ, прибылъ туда Посланный отъ Свѣтлѣйшей Республики къ Узунъ-Гассану, Бартоломео Ліомпардо, съ которымъ я встрѣтился въ Кафѣ. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ его племянникъ, по имени Бранкаліонъ. Они отправились изъ Кафы чрезъ Трапезонтъ и потому прибыли въ Тавризъ мѣсяцемъ поз-

же насъ. Я рѣшился послать означеннаго Августина[30]) съ донесеніями къ Свѣтлѣйшей Республикѣ о всемъ, случившемся съ нами, и велѣлъ ему ѣхать чрезъ Алеппо. Онъ достигъ благополучно Венеціи, избѣгнувъ, съ помощію Божіею, всѣхъ опасностей, угрожавшихъ ему на пути. Въ Тавризѣ пробыли мы до 22 Сентября; но, не смотря на столь долговременное пребываніе, я не могу сообщить о немъ никакихъ подробныхъ свѣденій; ибо во все это время не смѣлъ никуда выйти изъ дома. Скажу только, что онъ довольно обширенъ, хотя повидимому не слишкомъ населенъ и изобилуетъ всякаго рода жизненными припасами, которые со всѣмъ тѣмъ очень дороги. Въ немъ находятся нѣсколько рынковъ, куда привозятъ весьма много шелку, отправляемаго потомъ съ караванами въ Алеппо и гдѣ сверхъ того производятъ значительный торгъ Джездскими шелковыми тканями, янтаремъ и разными другими мелкими товарами. Драгоцѣнныхъ же камней въ цѣломъ городѣ вовсе нѣтъ. Къ счастію нашему прибылъ въ Тавризъ одинъ изъ главнѣйшихъ Сановниковъ Узунъ-Гассана, по имени Хаджи Ласкеръ (Chadi Lascher), на возвратномъ пути изъ Египта, куда онъ ѣздилъ Посломъ отъ Государя своего для заключенія мира съ Египетскимъ Султаномъ, въ чемъ однако не имѣлъ желаемаго успѣха. Лишь толь-

ко узналъ я о его прибытіи, то немедленно поспѣшилъ явиться къ нему, и объяснивъ, что ѣду съ важными порученіями къ его Государю, просилъ взять меня съ собою. Онъ принялъ меня весьма ласково и въ самыхъ привѣтливыхъ словахъ объявилъ, что охотно возметъ насъ въ свои спутники и съ помощію Божіею благополучно довезетъ къ Узунъ-Гассану. Этотъ счастливый случай принялъ я за явное доказательство особенной милости Господней и отъ искренняго сердца благодарилъ Святый Промыслъ Его, тѣмъ болѣе, что въ числѣ рабовъ Хаджи Ласкера были два Славянскіе ренегата, которые, тѣсно сдружившись съ моими служителями, обѣщали дать мнѣ знать, какъ только Господинъ ихъ станетъ собираться въ путь, — и сдержали свое слово. Я отблагодарилъ ихъ подарками, послужившими намъ въ большую пользу.

22-го числа, какъ было выше сказано, выѣхали мы изъ Тавриза вмѣстѣ съ Хаджи Ласкеромъ и цѣлымъ караваномъ Азамовъ, которые, держа одинъ путь съ нами, изъ опасенія могущихъ встрѣтиться непріятностей, охотно пристали къ намъ. Страна, чрезъ которую надлежало намъ проѣзжать, представляетъ видъ безплодной равнины. Изрѣдка коегдѣ являются небольшіе холмы; деревья же встрѣчаются только въ мѣстахъ прибрежныхъ. Отъѣздъ изъ Тавриза.

Въ полдень мы останавливались для отдыха въ открытомъ полѣ; ночь также проводили на степи; а жизненными потребностями запасались отъ времени до времени въ селеніяхъ. Продолжая такимъ образомъ путь нашъ прибыли мы 28-го числа въ Султанію (Soltania [51]), городъ, съ перваго взгляда красивый и снабженный довольно большою деревянною крѣпостію, которую я очень былъ любопытенъ видѣть. Въ этой крѣпости находится мечеть, повидимому весьма древняя и особенно замѣчательная по находящимся въ ней тремъ бронзовымъ вратамъ, которыя выше воротъ церкви Св. Марка въ Венеціи и украшены на выпуклыхъ мѣстахъ серебреною насѣчкою. Врата эти весьма красивы и должны безъ сомнѣнія стоить очень дорого. Кромѣ ихъ не нашелъ я ничего заслуживающаго вниманія въ цѣломъ городѣ, выстроенномъ въ долинѣ и окруженномъ холмами, не слишкомъ впрочемъ высокими. Утверждаютъ, будто въ зимнее время стужа въ немъ такъ нестерпима, что жители должны переселяться на другія мѣста. Въ Султаніи есть рынокъ для жизненныхъ припасовъ и разныхъ мелочныхъ товаровъ. Мы пробыли тутъ до 30 числа и потомъ пустились далѣе по степи, усѣянной небольшими холмиками, — и на которой должны были проводить ночи въ открытомъ полѣ.

Султанія.

Султанія принадлежитъ уже къ самой Персіи, начинающейся отъ Тавриза.

4-го Октября 1474 прибыли мы въ городъ, именуемый Сеною (Sena). Онъ не обнесенъ стѣною, имѣетъ подобно всѣмъ прочимъ городамъ рынокъ и расположенъ въ долинѣ, на берегу рѣки, между деревьями. Тутъ провели мы довольно безпокойно ночь въ Каравансараѣ. Сена.

5-го числа пустились мы далѣе, а 6-го на степи обнаружилась у меня лихорадка съ такими сильными припадками, что я съ трудомъ могъ дотащиться до города Кома (Como[32]), Комъ. куда мы прибыли 8 числа. Остановившись для отдыха въ Каравансараѣ, почувствовалъ я, что моя болѣзнь, усиливаясь все болѣе и болѣе, начинаетъ совершенно одолѣвать меня. На слѣдующій же день занемогли и всѣ мои спутники, кромѣ отца Стефана, который одинъ ходилъ за нами. Болѣзнь наша повидимому была довольно серьезна, ибо сопровождалась бредомъ, заставлявшимъ насъ дѣлать разныя дурачества. Хаджи Ласкеръ прислалъ освѣдомиться о нашемъ положеніи и извиниться въ томъ, что не можетъ дожидаться насъ, ибо долженъ спѣшить возвращеніемъ къ своему Государю. Для успокоенія же нашего онъ обѣщалъ оставить одного изъ своихъ служителей, увѣряя, что мы находимся въ такой странѣ, гдѣ никто не рѣшится оскорбить насъ. Бо-

лѣзнь моя продержала меня до 23 числа въ Комѣ, который расположенъ на равнинѣ, довольно красивъ, хотя и не обширенъ, и обнесенъ глинянымъ валомъ. Рынокъ его изобилуетъ всякаго рода туземными произведеніями и мелкими товарами.

23-го числа пустились мы далѣе, хотя я, по причинѣ слабости, едва могъ держаться на лошади.

Кашанъ. 25-го числа прибыли мы въ городъ Кашанъ (Cassan[35]), также обнесенный глинянымъ валомъ. Въ немъ такой же рынокъ какъ и въ Комѣ; но за то самый городъ гораздо красивѣе.

26-го числа выѣхали мы изъ Кашана и прибыли въ другой небольшой городокъ, по имени Нетасъ (Nethas). Онъ выстроенъ на ровномъ мѣстѣ и производитъ болѣе вина, чѣмъ всѣ другіе города Персіи. Тутъ, по причинѣ слабости моей и возобновившихся припадковъ лихорадки, рѣшился я пробыть цѣлый день, а 28-го числа сѣлъ опять съ трудомъ на лошадь и, продолжая путь свой по степи, прибылъ

Испагань. 30 числа въ городъ Испагань (Spaan), гдѣ находился тогда Узунъ-Гассанъ. Распросивъ о мѣстѣ жительства Свѣтлѣйшаго посла Г. Іосафата Барбаро, я въѣхалъ къ нему прямо на дворъ. Встрѣча наша была самая трогательная; мы долго обнимали другъ друга и не могли нарадоваться свиданію нашему. Нужда-

ясь болѣе всего въ успокоеніи, я вскорѣ отправился на отдыхъ и уже не прежде какъ на другой день приступилъ къ совѣщанію съ Г. Іосафатомъ Барбаро о томъ, что мнѣ надлежало предпринять. Между тѣмъ Узунъ-Гасанъ, извѣстившись о моемъ прибытіи, прислалъ мнѣ въ гостинецъ разныхъ жизненныхъ припасовъ.

Свиданіе съ Узунъ-Гасаномъ.

4-го Ноября 1474 онъ чрезъ рабовъ своихъ велѣлъ позвать къ себѣ меня вмѣстѣ съ Г. Іосафатомъ Барбаро. Вступивъ въ комнату, гдѣ онъ находился, мы нашли его, окруженнаго осьмью сановниками, повидимому весьма значительными. Я поклонился ему по обычаю страны и, объяснивъ отъ имени Свѣтлѣйшей Республики цѣль моего посольства, представилъ данныя мнѣ довѣрительныя грамоты. Выслушавъ меня, онъ отвѣчалъ кратко и почти извиняясь въ томъ, что обстоятельства привели его въ эту страну, и потомъ приказалъ мнѣ сѣсть на коврѣ возлѣ помянутыхъ сановниковъ. Вслѣдъ за симъ намъ подали множество разныхъ яствъ, приготовленныхъ по тамошнему обычаю и вообще весьма вкусныхъ. Отвѣдавъ ихъ, мы простились съ Его Высочествомъ (Sua Signoria) и возвратились въ свое жилище.

6-го Ноября онъ опять прислалъ за нами и повелѣлъ показать мнѣ большую часть

покоевъ своего дворца, выстроеннаго на прекрасномъ мѣстѣ, въ долинѣ, возлѣ небольшой рѣчки. Одинъ изъ сихъ покоевъ сдѣланъ въ видѣ свода, на коемъ изображено отсѣченіе головы Султану Бузеху, влекомому на веревкѣ Гурлу-Махметомъ, — строителемъ этого дворца. За симъ, по приказанію Его Высочества, были мы угощаемы разными сластями и потомъ отпущены въ жилище наше. Въ Испагани пробыли мы съ Узунъ-Гассаномъ до 25 числа. Городъ сей довольно красивъ, выстроенъ на ровномъ мѣстѣ, обилуетъ всякаго рода жизненными припасами и, подобно всѣмъ прочимъ городамъ Персіи, обнесенъ землянымъ валомъ. Говорятъ, что овъ значительно потерпѣлъ во время послѣдней упорной защиты своей. Отъ Тавриза до Испагани считается двадцать четыре дня пути. Все это пространство принадлежитъ собственно къ Персіи и представляетъ видъ безплодной равнины, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается соленая вода и гдѣ хлѣбъ и плоды, которыми впрочемъ край этотъ довольно изобиленъ, не могутъ произрастать иначе, какъ съ помощію поливки. Плоды тамошніе весьма разнообразны и такъ вкусны, что мнѣ нигдѣ не случалось видѣть подобныхъ. Съ правой и съ лѣвой стороны тянутся горы, которыя, говорятъ, очень плодородны и снабжаютъ почти всю

Персію жизненными припасами. Припасы эти вообще весьма дороги. Квартъ (quart [34]) вина стоитъ отъ 3 до 4-хъ червонцевъ на наши деньги; хлѣбъ также въ цѣнѣ; за верблюжью ношу дровъ платятъ червонецъ; мясо дороже чѣмъ у насъ; семь куръ обходятся не менѣе червонца, и всѣ прочіе товары относительно къ нашимъ цѣнамъ также не дешевы. Персіяне вообще народъ вѣжливый и привѣтливый и повидимому любятъ Христіанъ. Нигдѣ, во все время пути нашего, не встрѣтили мы ни малѣйшей непріятности или оскорбленія. Женщины одѣваются довольно прилично и какъ въ одеждѣ, такъ равно и въ верховой ѣздѣ, искуснѣе мужчинъ. Онѣ должны быть хороши собою; ибо мужчины очень красивы и статны. Персіяне исповѣдуютъ вѣру Магометанскую.

ГЛАВА IV.

Свѣтлѣйшій Посолъ выѣзжаетъ изъ Испагани и вмѣстѣ съ Узунъ-Гассаномъ отправляется въ Тавризъ, гдѣ находитъ Пословъ Герцога Бургундскаго и Великаго Князя Московскаго. Послѣ многократныхъ аудіенцій онъ оставляетъ Дворъ Узунъ-Гассана.

Отъѣздъ изъ Испагани.

25-го Ноября, какъ выше было сказано, Узунъ-Гассанъ, со всѣми своими приближенными и семействами ихъ, выѣхалъ изъ Испа-

гани въ Комъ, гдѣ намѣревался провести зиму. Я долженъ былъ также слѣдовать за Его Высочествомъ и мы отправились чрезъ тѣ самыя мѣста, по которымъ, за нѣсколько времени до того, я ѣхалъ одинъ, — останавливаясь для ночлега въ открытомъ полѣ, подъ шатрами. На каждомъ привалѣ учреждались немедленно подвижные базары, ибо для слѣдованія за нами отряжены были особенные Депутаты, обязанные имѣть при себѣ хлѣбъ и другаго рода жизненные припасы.

Комъ. 14-го Декабря 1474 прибыли мы вмѣстѣ съ Его Высочествомъ въ Комъ, гдѣ мнѣ съ большимъ трудомъ отыскали маленькій домикъ, и то не тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ, такъ что я нѣсколько дней обязанъ былъ жить въ шатрѣ. Тутъ пробыли мы при большой стужѣ до 21 Марта 1475, и въ продолженіе этого времени, по тамошнему обычаю, неоднократно были приглашаемы къ Узунъ-Гассану. Иногда мы обѣдали вмѣстѣ съ нимъ, — и тогда насъ впускали въ шатеръ его; иногда же должны были дожидаться у дверей и весьма часто уходили, не перемолвивъ съ нимъ ни слова. Когда же были вмѣстѣ, то онъ распрашивалъ насъ объ отечествѣ нашемъ и не рѣдко дѣлалъ весьма странные вопросы. Впрочемъ самый входъ въ шатеръ Узунъ-Гассана есть уже мѣсто почетное. Ежедневно около

него толпятся особы весьма значительныя и каждый день обѣдаютъ тутъ на голой землѣ до четырехъ сотъ человѣкъ и болѣе. Имъ выносятъ въ мѣдныхъ чашахъ Сарачинское или другое какое либо пшено, смѣшанное съ небольшимъ количествомъ мяса, — и надобно посмотрѣть, съ какою жадностію пожираютъ они все это. Самому же Государю и тѣмъ лицамъ, которые обѣдаютъ за однимъ съ нимъ столомъ, подаютъ кушанья въ большемъ количествѣ и весьма хорошо приготовленныя. Узунъ-Гассанъ ѣстъ много, пьетъ вино безпрерывно и охотникъ подчивать своихъ собесѣдниковъ. При немъ всегда находится множество плясуновъ и пѣсенниковъ, которые поютъ и пляшутъ по его приказанію. Вообще онъ кажется нрава веселаго, высокъ ростомъ, худощавъ, краснолицъ и въ чертахъ своихъ имѣетъ что-то Татарское. Рука его дрожитъ, когда онъ пьетъ вино. На видъ ему должно быть около 70 лѣтъ. Онъ любитъ шутить, весьма обходителенъ, хотя ужасенъ въ порывахъ гнѣва, и вообще обращеніе его довольно пріятно. Такимъ образомъ мы пробыли въ Комѣ, какъ выше сказано, до 28-го Марта. О переговорахъ нашихъ съ Его Высочествомъ по предмету моего посольства я почитаю излишнимъ упоминать здѣсь, тѣмъ болѣе, что самыя послѣдствія достаточно объясняютъ оные.

Свойства и образъ жизни Узунъ-Гассана.

Порядокъ шествія Узунъ-Гассана.

21-го Марта 1475 выступили мы всею ордою (lordò) изъ Кома въ Тавризъ. Каждый изъ свиты Его Высочества имѣлъ при себѣ все свое семейство и имущество, навьюченное на верблюдахъ и лошакахъ, которые вмѣстѣ составляли огромный обозъ. Въ сутки дѣлали мы отъ 10 до 12, а иногда и до 20 миль, когда ближе не было хорошихъ пажитей. Впрочемъ это случалось довольно рѣдко. Шествіе Узунъ-Гассана устрояется обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ. Наканунѣ прибытія своего на какое либо мѣсто онъ посылаетъ туда разбить свой шатеръ. Въ ночь вся орда подымается и направляетъ путь свой къ избранному становищу, назначаемому большею частію въ мѣстахъ, обильныхъ пажитями и водою. Тутъ остается онъ до тѣхъ поръ, пока истребитъ весь подножный кормъ и потомъ отправляется далѣе. Жены всегда прибываютъ на привалы ранѣе мужей, дабы разбить шатры и приготовить все къ ихъ пріѣзду. Онѣ весьма хорошо одѣты и превосходно ѣздятъ верхомъ на отличныхъ своихъ лошадяхъ. Персіяне вообще любятъ пышность и навьючиваютъ верблюдовъ своихъ такъ, что любо смотрѣть на нихъ. Между ними нѣтъ ни одного бѣдняка, который бы не имѣлъ по крайней мѣрѣ семи верблюдовъ. Отъ того то издали шествіе ихъ имѣетъ видъ несмѣтной

толпы; но при приближеніи онаго — весь обманъ исчезаетъ. При въѣздѣ Узунъ-Гассана въ Тавризъ, свита его состояла по малой мѣрѣ изъ 2000 ч. пѣхоты; конницы же, какъ замѣтилъ Г. Іосафатъ Барбаро и я, находилось при немъ не болѣе 500 человѣкъ; ибо остальные шли въ разбродъ, какъ попало. Шатеръ Его Высочества необыкновенно великолѣпенъ. Спальный покой отдѣланъ въ видѣ комнаты и обитъ краснымъ войлокомъ, съ дверьми, которыя годились бы для любаго порядочнаго дома. Продолжая путь нашъ въ вышеизъясненномъ порядкѣ и слѣдуя съ своими шатрами за Узунъ-Гассаномъ, мы покупали всѣ нужные для насъ припасы на базарахъ, въ станѣ устрояемыхъ и платили за все очень дорого. Не рѣдко онъ приглашалъ насъ къ столу своему съ вышеобъясненными церемоніями; но всего чаще присылалъ намъ въ подарокъ разные жизненные припасы, что служило явнымъ доказательствомъ особеннаго его благоволенія. Вообще во все время нашего пути не сдѣлано намъ было ни малѣйшаго оскорбленія, ни отъ приближенныхъ Его Высочества, ни отъ другихъ слѣдовавшихъ за нимъ лицъ.

Прибытіе Лудовика, Посла Герцога Бургундскаго.

30-го Маія 1475, когда мы находились не болѣе какъ въ 15 миляхъ отъ Тавриза, прибылъ въ станъ нашъ Болонскій монахъ, по имени Лудовикъ. Онъ имѣлъ при себѣ 6 лошадей и

назывался Патріархомъ Антіохійскимъ и Посломъ Герцога Бургундскаго. Немедленно по его пріѣздѣ Узунъ-Гассанъ прислалъ спросить у насъ: знаемъ ли мы его, — и получилъ въ отвѣтъ самыя благопріятные объ немъ отзывы.

Аудіенція его.

31-го числа поутру Его Высочество пригласилъ означеннаго Лудовика къ себѣ, повелѣвъ и намъ находиться при этой аудіенціи. Патріархъ сначала поднесъ ему обычные дары, заключавшіеся въ трехъ кафтанахъ изъ золотой парчи, въ трехъ другихъ изъ алаго бархата и еще въ трехъ изъ фіолетоваго сукна, и потомъ, по прибытіи нашемъ въ шатеръ, изложилъ, согласно повелѣнію Узунъ-Гассана, цѣль своего посольства, состоявшую въ разныхъ предложеніяхъ со стороны Герцога Бургундскаго, которыя объяснять здѣсь считаю неумѣстнымъ, — и на которыя Его Высочество казалось не обратилъ особеннаго вниманія. По окончаніи аудіенціи всѣ мы были приглашены къ столу, въ продолженіи коего Узунъ-Гассанъ дѣлалъ Лудовику разные вопросы, на которые сей послѣдній отвѣчалъ по возможности довольно удовлетворительно. Послѣ обѣда мы откланялись Его Высочеству и возвратились въ шатры свои.

Тавризъ.

11-го Іюня 1475 въѣхали мы въ Тавризъ, гдѣ намъ немедленно отвели квартиры, а 8-го, вмѣстѣ съ Патріархомъ, были вновь призваны

къ Узунъ-Гассану. Еще прежде сего, раза четыре Его Высочество намѣкалъ мнѣ о желаніи своемъ, дабы я возвратился въ землю Франковъ (Franchia[35]), а Свѣтлѣйшій Іосафатъ Барбаро остался при немъ; но какъ я всякій разъ отклонялъ это предложеніе, то и не полагалъ, чтобы онъ вздумалъ опять возобновить его. По прибытіи нашемъ къ Узунъ-Гассану, Его Высочество сначала отнесся къ Патріарху. «Возвратись къ своему Государю, сказалъ онъ ему, и объяви, что я сдержу свое обѣщаніе касательно войны съ Отоманами, которую теперь же готовъ начать;» — потомъ присовокупилъ еще нѣсколько другихъ незначительныхъ словъ и, обратившись ко мнѣ, продолжалъ: «Ты возвратишься также съ этимъ человѣкомъ (con questro Casis) къ твоему Государю и объяснишь ему, что я готовъ итти войною на Отомановъ; пусть онъ съ своей стороны дѣлаетъ то же. Я не могъ избрать въ Послы никого лучше и достойнѣе тебя. Ты доѣзжалъ до Испагани, возвратился оттуда вмѣстѣ со мною, видѣлъ приготовленія наши и потому можешь все передать Государю своему и Государямъ Христіанскимъ.» Слова эти крайне смутили меня, — и я началъ было представлять Его Высочеству, что не могу исполнить приказаній его по весьма важнымъ причинамъ; но онъ прервалъ меня,

возразивъ съ гнѣвнымъ видомъ: «Я хочу и повелѣваю, дабы ты отправился въ путь, и объ этомъ повеленіи сообщу твоему Государю!» Видя изъ сихъ словъ твердую рѣшимость Узунъ-Гассана и принявъ во уваженіе совѣты Патріарха и Іосафата Барбаро, убѣждавшихъ меня повиноваться безпрекословно, я отвѣчалъ Его Высочеству, что сколь ни тягостно для меня такое приказаніе, но я въ точности исполню оное, ибо воля его надъ моею головою, — и повсюду буду превозносить его могущество и милость, побуждая Государей Христіанскихъ послѣдовать его примѣру. Онъ повидимому остался доволенъ моимъ отвѣтомъ, и выразивъ благоволеніе свое въ нѣсколькихъ ласковыхъ словахъ (въ духѣ тамошняго языка), повелѣлъ отвести насъ въ другой покой, гдѣ насъ облачили отъ имени его, также по принятому въ томъ краю обычаю, въ кафтаны, не слишкомъ впрочемъ дорогіе. Послѣ сего мы были снова приведены къ Его Высочеству и, отблагодаривъ его приличнымъ образомъ, возвратились въ свои жилища, куда онъ прислалъ намъ въ подарокъ нѣсколько денегъ, разныхъ незначущихъ бездѣлушекъ и по лошади для меня и Патріарха. Въ этотъ самый день онъ выѣхалъ изъ Тавриза; а мы остались тутъ еще до 10-го числа и потомъ отправились также въ станъ, находившійся

въ 25 миляхъ отъ города, въ мѣстѣ, довольно красивомъ и обилующимъ пажитями и водою.

Отъѣздъ изъ Тавриза.

10-го числа, какъ выше объяснено, отправились мы изъ Тавриза къ тому мѣсту, гдѣ находился Узунъ-Гассанъ и, разбивъ по обыкновенію шатры наши, пробыли тутъ до тѣхъ поръ, пока весь подножный кормъ былъ истребленъ, а потомъ, снявъ станъ свой, отошли еще 15 миль и снова остановились для отдыха. Тутъ прожили мы до самаго нашего отъѣзда въ обратный путь, т. е. до 27 числа, и въ продолженіи этого времени нѣсколько разъ призываемы были къ Его Высочеству, (только не для важныхъ дѣлъ), а иногда получали отъ него въ подарокъ разныя яства.

Отпускная аудіенція.

26-го числа призваны мы были въ послѣдній разъ къ Его Высочеству и до начатія аудіенціи осматривали разныя вновь приготовленныя по его приказанію шелковыя издѣлія, не слишкомъ впрочемъ отличныя, а также подарки, назначенные для Герцога Бургундскаго, для нашей Свѣтлѣйшей Республики и для нѣкоего Марка Россо, посла Великаго Князя Московскаго, Государя Бѣлой Россіи. Подарки эти состояли изъ Джездскихъ шелковыхъ тканей, двухъ шпагъ и разныхъ другихъ незначущихъ вещей. Послѣ сего насъ привели въ шатеръ Его Высочества, гдѣ находились также два Турецкіе его Посла, изъ

коихъ одинъ отправлялся къ Герцогу Бургундскому, а другой къ Великому Князю Московскому. По выслушаніи обычныхъ нашихъ привѣтствій, Узунъ-Гассанъ, обратившись къ Патріарху и ко мнѣ, сказалъ намъ: «Поѣзжайте къ Государямъ вашимъ и къ Государямъ Христіанскимъ и объявите имъ, что я готовъ былъ начать войну противу Отомановъ, но услышавъ объ удаленіи Султана ихъ въ Константинополь и о намѣреніи его не выходить оттуда въ теченіи нынѣшняго года, почелъ неприличнымъ итти самому противу его войска, и потому послалъ часть моей рати для усмиренія непокорнаго моего сына, а часть противъ означенныхъ Отомановъ: самъ же рѣшился дождаться здѣсь весны и тогда уже выступить на врага. Разскажите все это Государямъ вашимъ и Государямъ Христіанскимъ; ибо послы мои то же подтвердятъ имъ.» Слова эти, противурѣчавшія тому, что онъ прежде обѣщалъ намъ, крайне смутили меня; но дѣлать было нечего! надлежало повиноваться! За симъ онъ позволилъ намъ удалиться, приказавъ однако повременить до утра отъѣздомъ нашимъ, дабы въ теченіи ночи, какъ я узналъ послѣ, выслать всю свою пѣхоту къ подошвѣ одной близлежащей горы. На другой день насъ пригласили въ шатеръ, поставленный на высокомъ мѣстѣ и гдѣ мы нашли также одного

изъ Руискасоновъ (Ruischason), т. е. Посольскихъ приставовъ. Во время разговора, сей последній, какъ бы нечаянно обративъ глаза на поле, вскричалъ: «вотъ идетъ еще многочисленная рать Государева!» а рабы его примолвили: «тутъ только одна часть ея; остальная также не менѣе этой.» Войска нарочно проходили у самой подошвы горы, дабы легче было видѣть ихъ, и Персіяне, бывшіе съ нами, утверждали единогласно, что тутъ вѣрно было до 10 тысячъ человѣкъ. Мы не старались оспоривать ихъ, а между тѣмъ нисколько не сомнѣвались, что отрядъ этотъ былъ тотъ самый, который сопровождалъ Узунъ-Гассана и что весь этотъ маневръ былъ произведенъ съ намѣреніемъ обмануть насъ. По окончаніи смотра, намъ вручили грамоты и мы возвратились въ наши шатры. Изъ разсказовъ Свѣтлѣйшаго Г. Іосафата Барбаро и другихъ особъ заключилъ я, что число конницы, при Его Высочествѣ находившейся, простиралось и до двадцати, а съ плохими лошадьми и до двадцати пяти тысячъ. Воинскихъ орудій никакихъ я въ станѣ не замѣтилъ, кромѣ нѣсколькихъ деревянныхъ щитовъ, въ одинъ футъ длиною, съ тонкими желѣзными ножками, которыя втыкаютъ въ землю; да еще видѣлъ я въ разныя времена до 50 лошадей, покрытыхъ желѣзными полосами (lame), поверхъ коихъ разостланы были грубыя шелко-

вые ткани. Оружіе воиновъ Узунъ-Гассана состоитъ изъ лука, меча и маленькаго шелковаго или проволочнаго щита. Копій они не употребляютъ. Особы значительныя носятъ довольно порядочные шлемы и панцыри. Лошади ихъ вообще красивы и сносны.—Болѣе мнѣ ничего не остается повѣдать о семъ краѣ; ибо я уже достаточно описалъ качество почвы, нравы, обычаи и свойства народа; да къ тому же подробнѣйшимъ объясненіемъ всего, мною видѣннаго, я могу наскучить читателямъ моимъ.

ГЛАВА V.

Свѣтлѣйшій Посолъ, оставивъ дворъ Узунъ-Гассана, отправляется чрезъ Грузію и Мингрелію въ обратный путь и, послѣ многихъ опасностей, пріѣзжаетъ въ Фазисъ.

Отъѣздъ изъ стана.

28-го числа всѣ мы собрались въ шатеръ Свѣтлѣйшаго Г. Іосафата Барбаро, которому, равно какъ и мнѣ, минута разлуки была крайне тягостна. Отобѣдавъ на прощаньи вмѣстѣ, мы крѣпко обняли другъ друга и разстались, заливаясь горькими слезами. Я сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ Патріархомъ, съ Послами Узунъ-Гассана и съ Маркомъ Россо пустился, при помощи Божіей, въ обратный путь; но вѣрно

выѣхалъ не въ доброй часъ, ибо во все время странствія моего подвергался безпрестаннымъ непріятностямъ и опасностямъ. Слѣдуя по направленію къ Фазису, мы сначала поѣхали чрезъ владѣнія Узунъ-Гассана и вскорѣ достигли тѣхъ 9 Армянскихъ селеній[36]), о коихъ выше было упомянуто. Тутъ остановились мы въ домѣ Епископа, который принялъ насъ очень хорошо, доставилъ намъ случай отслушать Католическую обѣдню и продержалъ у себя трое сутокъ, дабы дать время запастись всѣмъ нужнымъ для дороги. Разставшись съ нимъ, мы пустились далѣе чрезъ пространную равнину, на которой отъ времени до времени встрѣчали небольшія горы, — и наконецъ въѣхали во владѣнія Царя Грузинскаго.

12-го Іюля 1475 прибыли мы въ городъ Тифлисъ (Tiphis), принадлежащій означенному Царю. Онъ лежитъ на небольшемъ холмѣ и защищенъ довольно хорошею крѣпостію, выстроенною на другой горѣ, — гораздо выше первой. Переправившись чрезъ рѣку Тигрисъ (Tigris [37]), отыскали мы одного Католическаго Армянина, въ домѣ коего и остановились. Городъ Тифлисъ славился прежде своею обширностію; но теперь очень раззоренъ. Впрочемъ тѣ части его, которыя уцѣлѣли отъ разрушенія, довольно населены по своему про- Тифлисъ.

странству. Въ Тифлисѣ встрѣтили мы много Католиковъ.

15-го числа пустились мы далѣе и почти безпрестанно ѣхали съ горы на гору, встрѣчая отъ времени до времени небольшія селенія и замки, выстроенные на возвышенныхъ мѣстахъ.

Обѣдъ у Царя Баграта.

18-го числа, неподалеку отъ границъ Мингреліи, въ небольшомъ лѣску, окруженномъ холмами, нашли мы Царя Баграта и немедленно отправились къ нему. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать и по тамошнему обычаю усадилъ на полу, вокругъ кожи, разостланной въ видѣ скатерти. Намъ подали жаренаго мяса, нѣсколько худо разваренной курицы и другой подобной дряни; за то вина было вдоволь; ибо въ Грузіи считается оно самымъ лучшимъ угощеніемъ. Послѣ обѣда Грузины принялись пить въ запуски изъ большихъ стакановъ, въ поллоктя вышиною. Тотъ, кто болѣе можетъ выпить, пользуется у нихъ большимъ уваженіемъ. Такъ какъ сопутствовавшіе намъ Турки вовсе не употребляли вина, то мы и отговорились ихъ присутствіемъ, дабы не участвовать въ попойкѣ, что однако крайне не понравилось нашимъ хозяевамъ.— Царю Баграту на видъ должно быть около сорока лѣтъ. Онъ высокъ ростомъ, смуглъ и имѣетъ окладъ лица Татарскій; но со всѣмъ тѣмъ красивый

мужчина. Пробывъ у него нѣсколько времени, мы распрощались съ нимъ.

20-го числа утромъ отправились мы далѣе и, продолжая путь свой почти безпрерывно по горамъ, прибыли 22 числа на границу Мингреліи, гдѣ встрѣтили Грузинскаго Капитана, съ отрядомъ пѣхоты и конницы, присланнаго по поводу какихъ то безпорядковъ, возникшихъ по смерти Бендіана, Государя Мингреліи. Этотъ Капитанъ съ ужасными угрозами остановилъ насъ; отнялъ два колчана съ стрѣлами и луками и не иначе согласился отпустить насъ, какъ по уплатѣ за выкупъ нѣкоторой суммы денегъ. Вырвавшись изъ рукъ его, мы поскакали во всю прыть и, свернувъ съ большой дороги, въѣхали въ лѣсъ, гдѣ и провели ночь въ ужасномъ страхѣ, опасаясь ежеминутно новаго нападенія.

23-го числа, неподалеку отъ Кутакса, были мы опять атакованы нѣсколькими поселянами, которые отняли у насъ трехъ лошадей, принадлежавшихъ Посламъ Узунъ-Гассана и грозили намъ смертію, если мы тронемся съ мѣста. Послѣ долгихъ переговоровъ вынуждены мы были уступить имъ этихъ лошадей и заплатить сверхъ того 20 червонцевъ на ихъ деньги и нѣсколько луковъ. Разставшись съ ними, мы отправились поспѣшно въ Кутаисъ.

крѣпость Кутаисъ, принадлежащую Царю Баграту, куда и прибыли въ тотъ же день.

24-го числа, при переправѣ чрезъ одну рѣку, были мы вновь задержаны и, къ крайнему нашему прискорбію, принуждены заплатить по два гросса (grosso [38]) съ лошади. Переѣхавъ чрезъ рѣку вступили мы въ предѣлы Мингреліи. Нужно замѣтить, что во все продолженіе пути проводили мы всякую почти ночь въ открытомъ полѣ.

Мареска, сестра Бендіана.

25-го числа, переправившись на лодкахъ чрезъ другую небольшую рѣку, прибыли мы въ селеніе, принадлежащее сестрѣ Бендіана, по имени Марескѣ (Maresca). Она приняла насъ отмѣнно хорошо, угостила хлѣбомъ и виномъ и отвела для ночлега большой садъ (prato serrato).

26-го числа поутру, положили мы между собою сдѣлать ей подарокъ въ двадцать червонцевъ. Она сначала отказывалась отъ него, а потомъ стала дѣлать намъ разныя притѣсненія и потребовала по два червонца съ лошади. Напрасно отговаривались мы бѣдностію и разными другими подобными причинами; убѣжденія наши ни къ чему не послужили. Надобно было не только отсчитать ей по два червонца съ лошади, но и выдать сверхъ того подарокъ, который прежде предлагали. Наконецъ, послѣ разныхъ прижимокъ, мы

кое какъ развязались съ нею и рады были тому, что она не совсѣмъ еще обобрала насъ, чего, судя по ея пріемамъ, мы легко ожидать могли.

27-го числа всѣ мы, кто въ лодкахъ, а кто верхомъ, отправились изъ дома Марески, крайне раздосадованные ея поступками, и прибыли въ Фазисъ, гдѣ остановились у той же самой Черкешенки Мареы, у которой стояли прежде. Тутъ, къ довершенію бѣдствій нашихъ, узнали мы, что Кафа — цѣль всѣхъ нашихъ желаній — завоевана Турками. Легко представить себѣ, какъ сильно огорчило насъ это извѣстіе. Не зная, что предпринять, мы долго стояли какъ вкопанные; наконецъ Лудовикъ Болонскій, Патріархъ Антіохійскій, объявилъ, что онъ рѣшается ѣхать чрезъ землю Черкесовъ и Татарію въ Россію, ибо путь этотъ ему нѣсколько извѣстенъ. Онъ нѣсколько разъ прежде сего проповѣдывалъ, что намъ отнюдь не должно оставлять другъ друга; а когда теперь я ему напомнилъ о наставленіяхъ его, то онъ безъ стыда отвѣчалъ мнѣ: «пора всякому заботиться о собственной головѣ!»... Этотъ отвѣтъ показался мнѣ крайне безсовѣстнымъ и жестокимъ; но не смотря на то, я снова сталъ умолять его взять насъ съ собою; однако просьбы мои ни къ чему не послужили и онъ рѣшительно объявилъ, что

Фазисъ.

поѣдетъ одинъ съ свитою своею и Посломъ Узунъ-Гассана. Услышавъ таковый отзывъ, я не сталъ болѣе настаивать и обратился къ Марку Россо, предлагая ему возвратиться какъ нибудь назадъ вмѣстѣ. Онъ сначала согласился на мою просьбу, и даже мы запечатлѣли уговоръ нашъ поцѣлуемъ; но потомъ, посовѣтовавшись съ посломъ Узунъ-Гассана, объявилъ, что поѣдетъ чрезъ владѣнія Горгоры, Государя Халцихана[59]) и Вати, (Gorgora, Signore di Calcican et delle terre Vati) — городовъ, пограничныхъ съ Оттоманами и платящихъ имъ дань. Не рѣшаясь ѣхать этимъ путемъ, я предпочелъ остаться въ Фазисѣ и положиться на милосердіе Божіе.

Отъѣздъ Лудовика и Марка Россо и болѣзнь Автора.

6-го Августа 1475 года, Патріархъ, со всею свитою своею, отправился въ назначенный имъ путь, заѣхавъ прежде извиниться передо мною, а на слѣдующій день и Маркъ Россо съ Посломъ Узунъ-Гассана выѣхалъ также изъ Фазиса въ Вати, откуда намѣревался чрезъ Шамаху (Samachi) перебраться въ Татарію. Такимъ образомъ я, со свитою моею, состоявшею всего изъ 4-хъ человѣкъ, остался совершенно одинъ, покинутый всѣми, безъ денегъ, безъ надежды на спасеніе, не зная даже, что предпринять въ горестномъ моемъ положеніи. Предоставляю читателямъ моимъ судить, каковы были мученія наши, тѣмъ бо-

лѣе, что въ самый этотъ день отъ тревоги открылась у меня сильнѣйшая лихорадка. На бѣду въ цѣломъ городѣ нельзя было ничего достать, такъ что я во все время питался одною рѣчною водою, да небольшимъ количествомъ лапши, или другой какой либо похлебки. Изрѣдко, да и то съ большимъ трудомъ, добывали мнѣ цыпленка. Болѣзнь моя была весьма серьёзна, ибо сопровождалась бредомъ, заставлявшимъ меня говорить всякія пустяки. Нѣсколько дней спустя занемогли также и спутники мои, за исключеніемъ отца Стефана, который одинъ ходилъ за всѣми нами. Постель моя состояла изъ довольно плохаго тюфяка, коимъ снабдилъ меня проживавшій въ Фазисѣ Генуэзецъ, по имени Іоаннъ де Вальканъ, и на коемъ вовсе не было простынь. Люди же мои кое какъ перебивались бывшими у нихъ одѣялами. Я пролежалъ въ этомъ положеніи до 10 Сентября и такъ изнемогъ отъ болѣзни, что спутники мои навѣрно полагали, что мнѣ должно умереть. Но къ счастію хозяйка наша Марѳа отыскала у себя ладонку, которую надѣла мнѣ на шею, и обложивъ меня травами съ деревяннымъ масломъ, тѣмъ облегчила нѣсколько мои страданія. Впрочемъ изцѣленіе свое не смѣю я приписать никому другому, какъ Всеблагому Творцу, недопустившему меня умереть

на чужбинѣ. Да будетъ въ вѣкъ прославлено Святое имя Его! Оставшись, какъ выше сказано, одни, мы долго разсуждали между собою о томъ, что надлежитъ намъ предпринять и наконецъ положили отправиться назадъ чрезъ Шамаху въ Татарію. Многіе совѣтовали мнѣ пуститься чрезъ Сирію; но я не послушался ихъ и предпочелъ дождаться въ Фазисѣ совершеннаго моего выздоровленія.

10-го Сентября сѣли мы на коней; но отъѣхавъ около двухъ миль, принуждены были остановиться; ибо слабость не дозволяла мнѣ продолжать пути. Меня сняли съ лошади и, по краткомъ отдохновеніи, отвезли опять въ Фазисъ, въ домъ вышепомянутой Мареы, гдѣ я и оставался до 17 числа. Тутъ, укрѣпившись нѣсколько въ силахъ, сѣли мы снова на коней и съ именемъ Божіемъ пустились въ предназначенный путь. Въ Фазисѣ отыскалъ я одного Грека, знавшаго Мингрельскій языкъ, и взялъ его въ проводники; но онъ дорогою надѣлалъ мнѣ столько непріятностей, что даже больно пересказывать ихъ.

ГЛАВА VI.

Свѣтлѣйшій Посолъ отправляется изъ Фазиса и, миновавъ Мингрелію, Грузію и Мидію, переплываетъ чрезъ Бакинское или Каспійское море и пріѣзжаетъ въ Татарію.

17-го числа, какъ выше сказано, сѣли мы на коней и пустились опять назадъ по Мингреліи, опасаясь ежеминутно новыхъ нападеній, а 21 прибыли въ Кутаисъ, гдѣ проводникъ нашъ завелъ со мною такую ссору, что я радъ былъ поскорѣе отпустить его отъ себя. Тутъ пробыли мы до 24 числа, какъ по причинѣ все еще продолжавшейся слабости моей, такъ равно и для того, чтобы выждать какихъ либо путешественниковъ, съ которыми бы могли ѣхать вмѣстѣ. По трехдневномъ ожиданіи, присоединилась къ намъ небольшая толпа людей, вовсе намъ неизвѣстныхъ и которыхъ мы даже не понимали; но я такъ былъ радъ ихъ сообществу, что ни мало не медля пустился въ путь. Продолжая странствіе свое по странѣ гористой и не совсѣмъ безопасной, мы 30 числа прибыли въ Тифлисъ, гдѣ я, почти полумертвый, присталъ въ домѣ одного Армянскаго Католическаго Священника, ко-

Кутаисъ.

Тифлисъ и чума.

торый принялъ насъ весьма хорошо. У этого Священника былъ внукъ, заболѣвшій на нашу бѣду чумою, сильно свирѣпствовавшею въ этомъ году въ Тифлисѣ. Отъ него заразился служитель мой Матвѣй Бергамскій, который постоянно ходилъ за мной и въ продолженіе двухъ дней изъ усердія скрывалъ болѣзнь свою; но наконецъ, обезсиливъ совершенно, принужденъ былъ слечь въ постель. Мнѣ посовѣтовали выѣхать немедленно изъ этого дома и я съ трудомъ отыскалъ для своего помѣщенія небольшой хлѣвъ, въ который на ночь ставили коровъ. Очистивъ его, какъ только можно было лучше, меня перенесли туда и положили на сѣно; ибо я находился въ крайнемъ изнеможеніи. Между тѣмъ Священникъ никакъ не хотѣлъ держать у себя долѣе Матвѣя, и, за неимѣніемъ другаго мѣста, я принужденъ былъ перевести его въ уголъ того хлѣва, гдѣ лежалъ самъ, и поручить попеченію отца Стефана. Вскорѣ Господу Богу угодно было призвать страдальца къ себѣ, а я перебрался на житье въ другой такой же хлѣвъ, который отыскали мнѣ съ большими затрудненіями. Въ этомъ горестномъ положеніи всѣ рѣшительно отступились отъ насъ, кромѣ одного старика, знавшаго нѣсколько Франкскій языкъ и ни на минуту насъ не покидавшаго. Легко представить себѣ, въ ка-

комъ мучительномъ состояніи находился я во все это время. Въ Тифлисѣ прожили мы до 21 Октября и, за день до нашего отъѣзда, прибылъ туда тотъ самый посолъ Узунъ-Гассана, который отправленъ былъ вмѣстѣ съ Лудовикомъ, Патріархомъ Антіохійскимъ. Достигнувъ благополучно Абхазіи (Avogasia), они какъ то натолкнулись на шайку разбойниковъ и были въ конецъ ограблены ими. Виною этого бѣдствія, по увѣренію посла, былъ не кто другой какъ самъ Лудовикъ, и потому онъ намѣревался, по возвращеніи въ отечество, принести Государю своему сильную жалобу на Патріарха. Я старался утѣшить его, какъ умѣлъ, и предложилъ ему хотя нѣкоторое время продолжать вмѣстѣ путь нашъ, на что онъ охотно согласился. Такимъ образомъ 21 Октября, какъ выше сказано, выѣхали мы изъ Тифлиса, принадлежащаго Грузинскому Царю Баграту и, по двухдневномъ странствіи, вступили во владѣнія Узунъ-Гассана, чрезъ которыя лежитъ дорога въ Шамаху. На пути встрѣчали мы множество прекрасныхъ мѣстъ.

Отъѣздъ изъ Тифлиса.

24-го Октября 1475, достигли мы до того пункта, гдѣ намъ должно было разстаться; ибо я намѣревался отправиться чрезъ владѣнія Сивансы (Sivansa[40]) въ городъ Шамаху, а Посолъ Узунъ-Гассана пробирался къ своему Государю. Добывъ себѣ чрезъ его посредство

въ проводники одного Турка, обѣщавшаго довести насъ до самой Шамахи, я распрощался съ спутникомъ моимъ и вступилъ въ землю означеннаго Сивансы, именуемую Мидіею (Media [41]). Страна эта представляетъ большею частію видъ самой прекрасной и плодоносной равнины и гораздо лучше и благодатнѣе нежели владѣнія Узунъ-Гассана. Проводникомъ нашимъ во все время пути я былъ отмѣнно доволенъ.

Шамаха и встрѣча съ Маркомъ Россо.

1-го Ноября 1475 прибыли мы въ городъ Шамаху [42]), принадлежащій означенному Сивансѣ, Государю Медіи. Въ этомъ городѣ приготовляютъ шелкъ, извѣстный у насъ подъ именемъ Таламанскаго, и выдѣлываютъ сверхъ того разныя шелковыя ткани, — большею частію гладкія и не слишкомъ добротныя. Шамаха не такъ обширна какъ Тавризъ, но, по мнѣнію моему, во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше его и обильнѣе всякаго рода жизненными припасами. Тутъ встрѣтили мы Марка Россо, того самаго, который сопутствовалъ намъ до Фазиса и потомъ, отдѣлившись отъ насъ, отправился чрезъ Горгору [43]) въ Шамаху, до коей добрался съ большимъ трудомъ. Онъ изъ учтивости посѣтилъ меня въ Каравансараѣ, гдѣ мы находились, и я, дружески обнявъ его, предложилъ взять насъ съ собою, на что онъ охотно согласился.

6-го числа выѣхали мы изъ Шамахи въ городъ Дербентъ (Derbent[44]), лежащій на границѣ Татаріи и принадлежащій также означенному Сивансѣ, и продолжали спокойно путь свой то по горамъ, то по равнинамъ, останавливаясь отъ времени до времени въ Турецкихъ селеніяхъ, гдѣ насъ принимали очень хорошо. На половинѣ пути находится небольшой, довольно впрочемъ красивый городокъ[45]), гдѣ родится столько прекрасныхъ плодовъ, и въ особенности яблокъ, что, глядя на нихъ, не вѣришь собственнымъ глазамъ.

12-го числа прибылъ я въ помянутый городъ Дербентъ, а какъ для достиженія Россійскихъ владѣній надлежало намъ переѣзжать чрезъ всю Татарскую степь, то мы и рѣшились, по совѣту людей опытныхъ, зимовать тутъ, дабы въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ переплыть въ Цитрахань (Citracan) чрезъ Бакинское море (mare di Bachau). Дербентъ лежитъ на самомъ берегу Бакинскаго или Каспійскаго моря, построенъ, какъ увѣряютъ, еще Александромъ Великимъ и называется желѣзными вратами; ибо изъ Татаріи нельзя проѣхать въ Мидію и Персію иначе какъ чрезъ этотъ городъ, по причинѣ глубокаго ущелія, простирающагося отъ него вплоть до самой Черкесіи. Онъ окруженъ крѣпкими, толстыми стѣнами, но такъ немноголюденъ, что едва ли шестая часть всего

пространства, находящагося подъ горою, по направленію къ цитадели, населена; со стороны же моря всѣ почти зданія разрушены. Въ Дербентѣ находится множество гробницъ (sepolture) и онъ обилуетъ всякаго рода жизненными припасами, плодами и виномъ. Бакинское море весьма пространно и не имѣетъ вовсе заливовъ. Оно, говорятъ, не менѣе Чернаго моря; но гораздо глубже его. Жители ловятъ въ немъ множество осетровъ и бѣлугъ; другой же рыбы ловить не умѣютъ. Между прочимъ водится тамъ одна рыба, совершенно похожая на собаку, съ головою, ногами и хвостомъ[46]), и еще другая, въ полтора локтя длиною, толстая и гладкая, у которой вовсе не видно головы. Изъ нее добываютъ жиръ, употребляемый вмѣсто масла для освѣщенія и для натиранія верблюдовъ. Этотъ жиръ развозятъ въ большемъ количествѣ по всѣмъ окрестныхъ землямъ. Въ Дербентѣ пробыли мы съ 12-го Ноября по день отплытія нашего, т. е. по 6 Апрѣля, — и должны отдать полную справедливость тамошнимъ жителямъ, которые показались мнѣ предобрыми людьми; ибо во все время нашего у нихъ пребыванія не причинили намъ ни малѣйшаго оскорбленія. На вопросъ, кто мы таковы? отвѣчали мы просто: Христіане, — и этого отвѣта было для нихъ достаточно. Одежда, которую я носилъ въ Дербентѣ,

ла изъ изорваннаго, подбитаго овчинами пому-кафтанья, изъ верхней шубы, также весьма поношенной, и изъ бараньей шапки. Въ этомъ одѣяніи расхаживалъ я по городу и по рынку и не рѣдко самъ носилъ домой купленную мною провизію. Иногда однако прохожіе, глядя на меня, останавливались и говорили между собою: «этотъ человѣкъ повидимому не рожденъ для того, чтобы самому таскать припасы.» Маркъ Россо передавалъ мнѣ слова ихъ, убѣждая всякой разъ не дѣлать этого впередъ и вспомнить, что мы не во Франкской землѣ; но я отвѣчалъ ему, что не могу поступать иначе и даже удивляюсь, какимъ образомъ можно открыть званіе мое подъ такою одеждою. Впрочемъ жители, какъ я уже выше сказалъ, обходились съ нами весьма хорошо. Между тѣмъ желая узнать что либо новаго объ Узунъ-Гассанѣ и Свѣтлѣйшемъ Іосафатѣ Барбаро, я рѣшился послать переводчика моего Димитрія въ Тавризъ, отстоящій отъ Дербента только на двадцать дней пути. Черезъ сорокъ дней онъ возвратился и привезъ мнѣ письмо отъ Іосафата, въ которомъ сей послѣдній увѣдомлялъ меня, что Узунъ-Гассанъ все еще находился въ Тавризѣ, но что о намѣреніяхъ его ничего новаго узнать было невозможно. Тѣмъ временемъ Маркъ условился съ однимъ хозяиномъ судовъ въ

Письмо отъ І. Барбаро.

Дербентѣ о переѣздѣ нашемъ въ Цитрахань. Нужно замѣтить, что тамошнія суда на зиму вытаскиваются на берегъ; потому что въ это время года плаваніе по морю невозможно. Они имѣютъ совершенно форму рыбы, и носятъ даже это названіе, ибо узки въ кормѣ и въ носу, а на бокахъ очень выпусклы. Ихъ сколачиваютъ деревянными гвоздями и смолятъ весьма крѣпко; для управленія же имѣютъ они двѣ мачты и большой шестъ, служащій имъ вмѣсто руля. Каспійскіе мореходцы плаваютъ на авось, безъ компаса, наблюдая теченіе звѣздъ и вообще держатся береговъ, отъ которыхъ никогда не удаляются на большее разстояніе. Въ дурную погоду они прибѣгаютъ къ парусамъ; иногда же употребляютъ и весла, которыми, равно какъ и рулемъ, управляютъ весьма дурно. Не смотря на сіе они твердо увѣрены, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ мореходцевъ лучше ихъ. Въ заключеніе неизлишнимъ почитаю объяснить, — что всѣ жители Дербента Магометане.

Отплытіе изъ Дербента.

Наскучивъ въ продолженіе осьми дней ждать, со всею поклажею, на берегу, отъѣзда нашего, Маркъ Россо возвратился въ городъ, гдѣ и пробылъ до самаго нашего отплытія, а мы оставались у моря совершенно одни — и, признаюсь, натерпѣлись довольно страха. Къ счастію 6-го Апрѣля 1476 года Господу

Богу угодно было даровать намъ попутный вѣтеръ, такъ что мы, ни мало не медля, спустили лодку нашу на воду и благополучно вышли въ море. Насъ всего было тридцать пять человѣкъ, включая въ то число хозяина и шесть матросовъ; прочіе же пассажиры состояли почти всѣ изъ купцевъ, ѣхавшихъ въ Цитрахань съ сарачинскимъ пшеномъ, шелковыми тканями и другими мелкими товарами, для промѣна оныхъ Русскимъ и Татарамъ на мѣха и иные предметы, требуемые въ Дербентѣ. И такъ вышедъ, какъ я уже сказалъ прежде, при попутномъ вѣтрѣ, въ море, мы поплыли вдоль берега, выдававшагося въ видѣ цѣпи горъ, и постоянно держались онаго, въ разстояніи не болѣе 15 миль. На третій день миновали мы эти горы и взорамъ нашимъ открылся берегъ совершенно плоскій; но вдругъ вѣтеръ перемѣнился и такъ сильно сталъ напирать на насъ, что мы въ 4 часа по полудни вынуждены были бросить якорь. Въ ночи погода усилилась и хозяинъ, страшась гибели своего судна, рѣшился поднять якорь и предоставить лодку нашу на волю Божію, въ надеждѣ, что вѣтеръ прибьетъ ее къ землѣ. Лишь только успѣлъ онъ исполнить намѣреніе свое, какъ мы сдѣлались совершеннымъ игралищемъ бурныхъ валовъ, которые, при усилившемся вѣтрѣ, гнали насъ

Буря.

все болѣе и болѣе къ берегу. Къ счастію однако самые эти валы были спасеніемъ нашимъ; ибо пронесли насъ невредимо надъ подводными камнями, о которые судно непремѣнно бы разбилось въ дребезги. Вскорѣ однако были мы прибиты къ самому берегу и въѣхали въ небольшую губу, одинакой величины съ лодкою, которая такимъ образомъ очутилась какъ бы въ гавани, не страшась болѣе валовъ, разбивавшихся о берегъ и уже безсильныхъ противу нее. Мы всѣ должны были спрыгнуть въ воду и перенесть на берегъ пожитки наши, совсѣмъ вымоченные; ибо въ суднѣ открылась небольшая течь отъ легкаго удара о подводные камни. Между тѣмъ холодъ сильно безпокоилъ насъ, потому что вѣтеръ не уменшался; да къ тому же мы всѣ были вымочены съ головы до ногъ. Поутру хозяинъ, посовѣтовавшись съ матросами своими, положилъ отнюдь не разводить огня; ибо мы находились въ мѣстѣ, подверженномъ повидимому частымъ нападеніямъ Татаръ. Это заключалъ онъ изъ замѣченныхъ имъ на пескѣ свѣжихъ лошадиныхъ слѣдовъ и обломковъ вновь разбитаго судна, доказывавшихъ, что ночью кто нибудь пріѣзжалъ къ берегу для спасенія людей, или для взятія мертвыхъ тѣлъ, на разбитой лодкѣ находившихся. Мы были сначала сильно устрашены таковымъ извѣсті-

емъ; но потомъ нѣсколько успокоились, примѣтивъ, что берегъ былъ усѣянъ болотами и что, по причинѣ оныхъ, Татарамъ невозможно будетъ подъѣхать слишкомъ близко къ морю. Въ такомъ положенiи пробыли мы до 13 числа. Тутъ погода сдѣлалась нѣсколько благопрiятнѣе и мы, оснастивъ немедленно судно наше и вытащивъ его изъ среды камней, его окружавшихъ, погрузили пожитки свои и снова вышли въ море. Это было въ страстную субботу. Отъѣхавъ около 30 миль, опять подулъ противный вѣтеръ; но къ счастiю въ виду у насъ было нѣсколько островковъ, покрытыхъ камышемъ, между коимъ мы поспѣшили укрыться и бросили якорь въ мелкомъ мѣстѣ. Вѣтеръ однако усиливался все болѣе и болѣе, такъ, что волны начали даже заливать лодку. Это заставило хозяина нашего высадить всѣхъ насъ на одинъ изъ означенныхъ островковъ и, въ слѣдствiе того, вынужденъ я былъ взвалить чемоданъ свой на плеча и, снявъ нижнее платье, итти по водѣ къ берегу, не смотря на сильный холодъ и на волны, безпрестанно меня обдававшiя. Достигнувъ берега отыскалъ я небольшой камышевый навѣсъ, оставленный вѣроятно Татарами, прiѣзжающими сюда лѣтомъ для ловли рыбы, и кое какъ укрылся подъ нимъ съ своими товарищами. Между тѣмъ матросы съ большимъ трудомъ успѣли вывести

лодку изъ подъ вѣтра и поставить ее въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она не подвергалась никакой опасности.

Праздникъ Пасхи.

14-е число (это былъ день Пасхи) пробыли мы въ означенныхъ камышахъ, терпя ужасную стужу и не имѣя для разговѣнья нашего ничего кромѣ коровьяго масла. Къ счастію одинъ изъ служителей Марка Россо, бродя между каменьями, нашелъ девять утиныхъ яицъ и принесъ своему хозяину, который, приказавъ приготввить изъ нихъ яичницу, далъ каждому изъ насъ по кусочку. Этимъ мы прекрасно разговѣлись, благодаря Создателя за Его къ намъ милости. Во время переѣзда спутники наши неоднократно спрашивали, кто я таковъ, и всякій разъ, по предварительному соглашенію съ Маркомъ, я отвѣчалъ имъ, что будучи медикомъ и сыномъ врача Деспины (Despina[47]), (дочери Деспота Ѳомы, присланной изъ Рима въ супруги Великому Князю Московскому) я нынѣ отправляюсь къ ней и къ Великому Князю поискать себѣ счастія. Разъ какъ то у одного матроса образовался нарывъ подъ мышкою и онъ прибѣгнулъ къ помощи моей. Сдѣлавъ пластырь изъ муки съ печенымъ хлѣбомъ и деревяннымъ масломъ, я приложилъ его къ больному мѣсту и къ счастію моему чрезъ три дня нарывъ прорвался и больной выздоровѣлъ. Этотъ

случай доставилъ мнѣ между пассажирами славу отличнаго врача, и они даже стали уговаривать меня остаться съ ними, но Маркъ поспѣшилъ отклонить это предложеніе, убѣдивъ ихъ въ совершенной невозможности моей принять оное; ибо при мнѣ не было ничего нужнаго для моей должности, — и увѣривъ, что по прожитіи нѣкотораго времени въ Россіи, я непремѣнно возвращусь къ нимъ.

ГЛАВА VII.

Свѣтлѣйшій Посолъ, переплывъ чрезъ Каспійское море, пріѣзжаетъ въ Цитраханъ, гдѣ претерпѣваетъ разныя притѣсненія отъ Татаръ, и потомъ отправляется съ караваномъ въ Московію.

Устье Волги.

15-го числа утромъ подулъ опять попутный вѣтеръ и мы поплыли далѣе, безпрерывно лавируя между помянутыми камышевыми островами, а 26 числа вошли въ устье Волги (Volga), величайшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ рѣкъ. Она беретъ начало свое въ Россіи, впадаетъ, какъ говорятъ, семидесятью рукавами [48]) въ Бакинское море и во многихъ мѣстахъ очень глубока. Отъ устья Волги до

Цитрахани считается не болѣе 75 миль[49]; но теченіе здѣсь такъ быстро, что мы не прежде какъ 30 числа могли достичь города, да и то съ пособіемъ бичевой, а кое гдѣ и съ помощію попутнаго вѣтра. Неподалеку отъ Цитрахани, на пути къ морю, находится соленое озеро, — столь обширное, что добываемой изъ него соли достаточно бы было для продовольствія большей части вселенной. Оно снабжаетъ превосходною солью почти всѣ Россійскія владѣнія. Татары (т. е. Государь, господствующій въ Цитрахани) сначала никакъ не позволяли намъ сойти въ тотъ же день на берегъ; но Маркъ, съ помощію нѣкоторыхъ пріятелей, бывшихъ у него въ городѣ, исходатайствовалъ для себя это позволеніе, а къ вечеру и меня съ свитою моею выпустили также изъ лодки и отвели въ маленькій домикъ, гдѣ находился уже Маркъ. Помѣстившись кое какъ въ небольшой каморкѣ, мы провели тутъ спокойно ночь. На утро же пришли къ намъ трое Татаръ, съ лицами узкими и плоскими какъ доски и, потребовавъ меня къ себѣ, объявили, что Марку опасаться нечего; ибо онъ другъ ихъ Государю; но что я, какъ Франкъ и врагъ Хана, долженъ непремѣнно сдѣлаться рабомъ его. Таковый пріемъ крайне поразилъ насъ, но Маркъ взялся отвѣчать за меня, совѣтуя мнѣ молчать и

Прибытіе въ Цитрахань.

предаться совершенно ихъ покровительству, что я и долженъ былъ исполнить.

1-го Маія 1476 года возвратился я назадъ въ свою каморку, почти полумертвый отъ страха и не зная самъ, чѣмъ все это кончится; а между тѣмъ опасность съ каждымъ днемъ увеличивалась, тѣмъ болѣе, что Ханскіе досмотрщики (Commerchieri) объявили, будто у насъ находится множество драгоцѣнныхъ вещей, тогда какъ я привезъ съ собою изъ Дербента однѣ только бездѣлушки, и то въ намѣреніи промѣнять ихъ потомъ на какую либо лошаденку, для продолженія моего пути. Всѣ эти бездѣлушки были у насъ отняты, а мнѣ объявили чрезъ посредство Марка, что я буду проданъ на рынкѣ. Не смотря однако на таковое рѣшеніе, я успѣлъ кое какъ, съ помощію Марка и нѣсколькихъ купцевъ, отправлявшихся въ Московію, уладить это дѣло за 2000 алермовъ (alermi 5 o), которые долженъ былъ заплатить за выкупъ свой Хану, не считая въ то число разныхъ подарковъ другимъ лицамъ; а какъ у меня не оставалось ни одной копѣйки, то деньги эти я принужденъ былъ занять у Русскихъ и у Татарскихъ купцевъ, отправлявшихся въ Московію, за большіе проценты и неиначе, какъ за поручительствомъ означеннаго Марка. Такимъ образомъ удовлетворили мы Хана; но этимъ дѣло еще

Притѣсненія со стороны Татаръ.

не кончилось. Повѣренный его всякій разъ, когда Маркъ выходилъ со двора, являлся къ нашему жилищу и, стуча изо всей силы въ дверь, страшнымъ голосомъ грозилъ посадить меня на колъ, если я не выдамъ ему всѣхъ моихъ драгоцѣнностей. Дѣлать было нечего. Чтобы развязаться съ нимъ, надлежало каждый разъ задобривать его какимъ либо подаркомъ. Часто также хмѣльные Татары, упившіеся напиткомъ, приготовляемымъ у нихъ изъ меда, толпою подходили къ дому нашему и громко требовали Франковъ. Невозможно было безъ страха слышать этихъ ужасныхъ криковъ и мы, чтобы избавиться отъ оныхъ, всякій разъ должны были задаривать ихъ. Въ Цитрахани пробылъ я съ 1-го Маія по день Св. Лаврентія, т. е. по 10 Августа. Городъ этотъ принадлежитъ тремъ племянникамъ нынѣшняго Татарскаго Хана (Imperadore), которые со всѣмъ народомъ своимъ кочуютъ на равнинахъ Черкессіи и около Таны, приближаясь иногда во время жаровъ, для прохлады и свѣжихъ пажитей, къ предѣламъ Россіи; а въ Цитрахани живутъ только зимою, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Самый городъ, лежащій на берегу Волги, не очень обширенъ и окруженъ низкою стѣною; домы же въ немъ почти всѣ мазанные, хотя кое гдѣ видны еще свѣжіе остатки большихъ зданій, разрушен-

Городъ Цитрахань.

ныхъ вѣроятно въ недавнемъ времени. Говорятъ, что прежде Цитрахань была значительнымъ торговымъ мѣстомъ и что сюда привозились всѣ товары, отправляемые изъ Венеціи чрезъ Тану. Въ обмѣнъ же за оные, сколько могъ я понять и развѣдать, брали разныя пряности, которые отвозили потомъ въ Тану, отстоящую, какъ говорятъ, отъ Цитрахани не далѣе 8 дней пути.

Отъѣздъ изъ Цитрахани.

10-го Августа 1476 года, въ день Св. Лаврентія, мы, какъ выше сказано, выѣхали изъ Цитрахани въ слѣдующемъ порядкѣ. Ежегодно Государь Цитраханскій, именуемый Ханомъ Казимомъ (Casimi Can), отправляетъ Посла своего въ Россію, къ Великому Князю, не столько для дѣлъ, сколько для полученія какого либо подарка. Этому Послу обыкновенно сопутствуетъ цѣлый караванъ Татарскихъ купцовъ съ Джездскими тканями, шелкомъ и другими товарами, которые они промѣниваютъ на мѣха, сѣдла, мечи и иныя необходимые для нихъ вещи; а какъ дорога отъ Цитрахани до Москвы лежитъ почти безпрерывно чрезъ степь, то всякій путешественникъ и долженъ запастисъ нужными жизненными припасами на все время пути своего. Впрочемъ сами Татары мало объ этомъ заботятся, ибо имѣютъ всегда при караванѣ множество лошадей, которыхъ убиваютъ для своего про-

кормленія. Они вообще питаются однимъ лошадинымъ мясомъ и молокомъ и даже не ѣдятъ хлѣба, коего употребленіе извѣстно только купцамъ, бывшимъ въ Россіи. По этой причинѣ для насъ крайне было затруднительно продовольствовать себя въ дорогѣ пищею. Весь запасъ нашъ состоялъ изъ небольшаго количества сарачинскаго пшена, смѣшаннаго съ кислымъ молокомъ и высушеннаго потомъ на солнцѣ. Это кушанье называется на Татарскомъ языкѣ туръ (thur). Оно твердо, нѣсколько кисловато и, по увѣренію Татаръ, очень питательно. Сверхъ означеннаго пшена имѣли мы у себя небольшой запасъ чесноку, луку и хорошей пшеничной муки, а также нѣсколько сухарей, которые я добылъ съ большимъ трудомъ; да еще въ самый день нашего отъѣзда удалось мнѣ достать баранью ногу. Прямой путь нашъ лежалъ между двумя рукавами рѣки, но какъ Казимъ Ханъ [51]) находился тогда въ войнѣ съ дядею своимъ, Ханомъ Татарскимъ; ибо объявилъ притязанія на владѣніе большою ордою, бывшею прежде подъ управленіемъ его отца, то и велено было каравану нашему переправиться на другую сторону Волги, дабы поскорѣе достигнуть узкаго прохода между Волгою и Танаисомъ, отстоящаго на 5 дней пути отъ Цитрахани, и по миновании коего намъ нечего уже было опа-

саться. Въ слѣдствіе таковаго распоряженія весь караванъ погрузилъ пожитки свои и жизненные припасы на суда, для переправы оныхъ на противуположный берегъ Волги, и такъ какъ Маркъ пожелалъ, дабы наши вещи и запасы были также отправлены вмѣстѣ съ прочими, то я и отрядилъ туда служителя своего Венгерца Іоанна и отца Стефана; самъ же остался въ городѣ дожидаться означеннаго посла, называвшагося Анхіоли (Anchioli) и обѣщавшаго въ полдень заѣхать за мною и доставить благополучно къ мѣсту, куда отправлены были барки. Мѣсто это отстоитъ отъ города не далѣе 12 миль. Въ назначенный часъ сѣлъ я на лошадь и, вмѣстѣ съ посломъ и моимъ переводчикомъ, пустился въ путь. Мы ѣхали съ большою осторожностію и въ ужасномъ страхѣ и за часъ до сумерекъ прибыли къ перевозу, въ намѣреніи, когда стемнѣетъ, переправиться на противуположный берегъ рѣки, гдѣ находились спутники наши. Вдругъ Маркъ позвалъ меня къ себѣ такимъ страшнымъ голосомъ, что я подумалъ: не насталъ ли послѣдній часъ жизни моей, — и велѣлъ мнѣ сѣсть немедленно на коня и, вмѣстѣ съ переводчикомъ моимъ и какою то Русскою женщиною, отправиться въ путь, въ сопровожденіи одного Татарина, съ самою отвратительною рожею. Болѣе не объяснилъ онъ

Новыя опасности.

мнѣ ничего, а только примолвилъ: скачи! скачи скорѣе! Не смѣя противурѣчить, я молча повиновался и тотъ же часъ поскакалъ вслѣдъ за означеннымъ Татариномъ. Мы ѣхали безъ отдыха всю ночь и остановились не ранѣе какъ на другой день, около полудня. Нѣсколько разъ спрашивалъ я проводника нашего, куда онъ везетъ меня, но никакъ не могъ добиться отвѣта. Наконецъ онъ объяснилъ мнѣ, что Ханъ приказалъ осмотрѣть всѣ лодки, для каравана приготовленныя, — и еслибъ меня нашли тамъ, то я бы навѣрно былъ задержанъ. Вотъ причина, по которой Маркъ съ такою поспѣшностію отправилъ меня.

13-го Августа, въ полдень, какъ выше сказано, прискакали мы къ берегу Волги, — и Татаринъ немедленно бросился искать лодки для перевоза насъ на небольшой островокъ, посреди рѣки находящійся, и гдѣ паслись стада означеннаго Анхіоли. Не нашедъ ее, онъ скрутилъ какъ могъ нѣсколько хворосту вмѣстѣ и, привязавъ этотъ плотъ веревкою къ хвосту коня своего, положилъ на оный сѣдла наши; а самъ сѣлъ на лошадь и, погнавъ ее въ воду, переѣхалъ такимъ образомъ на островъ, отстоящій отъ берега не далѣе двухъ перелетовъ стрѣлы. Послѣ сего онъ возвратился къ намъ и точно также перевезъ

Русскую женщину, а потомъ взялъ и меня. Видя всю опасность предстоявшей переправы, я снялъ съ себя платье и оставшись въ одной рубашкѣ, (что конечно было бы для меня ничтожнымъ пособіемъ въ случаѣ несчастія) взошелъ благословясь на плотъ и, съ помощію Божіею, благополучно переѣхалъ на островъ. Переводчикъ же мой предпочелъ пуститься вплавь, и также, не смотря на всѣ опасности, достигъ берега безъ всякихъ приключеній. Переправивъ такимъ образомъ всѣхъ насъ, Татаринъ опять возвратился на прежнее мѣсто и перегналъ нашихъ лошадей, на которыхъ мы немедленно поскакали къ его жилищу, состоявшему изъ шалаша, покрытаго войлокомъ. Такъ какъ я въ продолженіи двухъ дней совершенно ничего не ѣлъ, то, по прибытіи моемъ, хозяинъ нашъ тотъ же часъ принесъ мнѣ немного кислаго молока, которое показалось мнѣ отмѣнно вкуснымъ, — и за которое я былъ ему крайне благодаренъ. Вскорѣ подошло къ намъ еще нѣсколько Татаръ, находившихся на островѣ съ стадами своими. Они крайне удивились, увидя меня, ибо еще никогда не встрѣчали въ этомъ мѣстѣ Христіанина. Я боялся вступить съ ними въ разговоръ и притворился больнымъ. Хозяинъ мой также молчалъ, страшась, какъ я полагаю, Посла, который считается у нихъ

Пребываніе на небольшомъ островѣ посреди Волги.

весьма важнымъ человѣкомъ, — и такимъ образомъ пришедшіе ничего обо мнѣ не узнали. 14 числа, наканунѣ праздника Успенія Пресвятой Богородицы, Татаринъ нашъ для моего угощенія велѣлъ убить тучнаго барашка и часть онаго сварить, а другую зажарить, не перемывъ его однако прежде, ибо, по мнѣнію ихъ, отъ чищенія мясо теряетъ свой вкусъ. Они даже не даютъ ему вскипѣть надлежащимъ образомъ и пѣну снимаютъ въ небольшомъ количествѣ маленькимъ прутикомъ. Вмѣстѣ съ бараниной принесъ онъ мнѣ кислаго молока и не смотря на то, что это было наканунѣ праздника Успенія Пресвятой Богородицы (у которой я умиленно просилъ прощенія въ грѣхѣ моемъ; ибо не могъ терпѣть долѣе), мы всѣ съ жадностію принялись за поданное намъ кушанье. Послѣ того хозяинъ принесъ еще кобыльяго молока, составляющаго любимую пищу Татаръ, и убѣждалъ меня отвѣдать онаго, говоря, что оно очень крѣпительно; но я никакъ не могъ рѣшиться пить его, по причинѣ проклятаго его запаха. Отказъ мой повидимому крайне не понравился Татарину.

На островѣ оставались мы до 16 числа, то есть до прибытія каравана. Маркъ, немедленно по пріѣздѣ своемъ, прислалъ за мною одного изъ Русскихъ своихъ служителей, въ

сопровожденіи Татарина, приказавъ имъ перевезти меня на лодкѣ къ тому мѣсту, гдѣ присталъ караванъ. Отецъ Стефанъ и Венгерецъ Іоаннъ, почитавшіе меня уже совсѣмъ погибшимъ, крайне обрадовались, когда меня увидѣли и съ умиленнымъ сердцемъ благодарили Господа за мое спасеніе. Не довольствуясь симъ, Маркъ снабдилъ еще насъ для дороги потребнымъ количествомъ лошадей.

Пробывъ въ этомъ мѣстѣ для отдохновенія весь день 16 числа, мы на слѣдующее утро пустились въ дальнѣйшій путь, по направленію къ Московіи. Посолъ начальствовалъ всѣмъ караваномъ, состоявшимъ изъ 300 человѣкъ Русскихъ и Татаръ, имѣвшихъ при себѣ болѣе 200 заводныхъ лошадей, какъ для прокормленія своего въ пути, такъ равно и для продажи въ Россіи. Мы шли въ большемъ порядкѣ, держась все берега рѣки, и останавливались только на ночь, для отдыха, и въ полдень, для привала; черезъ 15 же дней миновали тотъ узкій проходъ, въ которомъ опасались нападенія Хана Большой орды. Не излишнимъ почитаю объяснить здѣсь, что орда эта имѣетъ своего Государя (имени его не припомню), который повелѣваетъ всѣми Татарами, въ сихъ странахъ находящимися. Татары эти, какъ я уже прежде сказалъ, кочуютъ по мѣстамъ, изобильнымъ тучными

Татарская орда.

пажитями и водою, (никогда не оставаясь долго на одномъ мѣстѣ) и живутъ мясомъ и молокомъ. У нихъ такія коровы и быки, какимъ подобныхъ, я думаю, не найдешь въ цѣломъ свѣтѣ; бараны и овцы также отличной породы; а мясо необыкновенно вкусно, по причинѣ тучныхъ пажитей, на которыхъ пасется скотъ. Впрочемъ Татары всему предпочитаютъ кобылье молоко. Я самъ не былъ въ ордѣ, а только старался узнать отъ другихъ о ея устройствѣ и могуществѣ,— и всѣ тѣ, кого я ни спрашивалъ, единогласно утверждаютъ, что хотя народа въ ней много; но большая часть онаго вовсе безполезна; ибо состоитъ изъ женщинъ и дѣтей. Въ цѣлой ордѣ не наберется болѣе 2000 человѣкъ, вооруженныхъ мечами и луками; остальные совершенно безоружны. Татары считаются народомъ храбрымъ, ибо безпрестанно грабятъ Черкессовъ и Русскихъ; лошади же ихъ по видимому очень дики и пугливы, и не привычны къ ковкѣ. Вообще полагаютъ, что между Татариномъ и животнымъ весьма мало разницы. Это племя кочуетъ постоянно, какъ выше объяснено, между Волгою и Танаисомъ; но есть, говорятъ, еще другое племя, живущее за Волгою, далѣе къ сѣверо-востоку [52]). Оно отличается длинными волосами, висящими до самаго пояса и носитъ названіе дикихъ

Татаръ. Племя это, переходя, какъ и всѣ другія, съ мѣста на мѣсто, и отыскивая свѣжихъ пажитей и воды, иногда, во время большой стужи и морозовъ, доходитъ до самой Цитрахани; но не причиняетъ жителямъ ни малѣйшаго вреда; развѣ только кое гдѣ похищаетъ скотъ.

Переправа чрезъ Волгу.

Продолжая въ теченіе 15 дней путь свой около береговъ рѣки, мы наконецъ прибыли къ небольшому лѣску, въ коемъ Русскіе и Татары принялись съ отмѣнною скоростію рубить деревья и дѣлать изъ нихъ плоты, связывая каждыя 40 бревенъ вмѣстѣ веревками, которыя привезли съ собою. Пока они заняты были этою работою, мы отыскали небольшую лодку, довольно впрочемъ вѣтхую, на коей Маркъ рѣшился переправить пожитки наши на противуположный берегъ. Исполнивъ это, лодка возвратилась назадъ, и онъ приказалъ мнѣ сѣсть въ нее, и забравъ съ собою сѣдла наши и то небольшое количество жизненныхъ припасовъ, которое у насъ находилось, переѣхать также на другой берегъ, для охраненія этихъ пожитковъ; переводчика же моего Димитрія и Венгерца Іоанна оставилъ стеречь лошадей. Сѣвъ въ лодку съ отцемъ Стефаномъ и двумя Русскими гребцами, мы, съ помощію весьма плохихъ веселъ, пустились къ противуположному берегу; но долго не могли достичь его, не столько по

причинѣ разстоянія, составлявшаго добрую милю, сколько по причинѣ сильнаго теченія, относившаго насъ стремительно внизъ и небольшой течи, въ лодкѣ оказавшейся, отъ которой она постепенно погружалась, такъ что мы съ отцемъ Стефаномъ принуждены были во все время сидѣть по колѣна въ водѣ и безпрестанно выливать ее. По выходѣ нашемъ на берегъ, Русскіе гребцы хотѣли опять отправиться на ту сторону, гдѣ находился караванъ; но исполненіе сего было рѣшительно невозможно; ибо лодка совсѣмъ развалилась, и, въ слѣдствіе того, всѣ они, числомъ шестеро, остались съ нами. Караванъ располагалъ также переправиться на слѣдующее утро; но поднявшійся вдругъ сильный сѣверный вѣтръ содѣлалъ таковую переправу въ продолженіе двухъ дней невозможною. Бѣдные служители мои, оставшіеся стеречь лошадей, въ теченіе всего этого времени должны были пробыть безъ пищи и безъ одежды; ибо всѣ пожитки наши отправлены были со мною. Легко представить себѣ, каково было ихъ положеніе. Вздумавъ на свободѣ освидѣтельствовать припасы наши, я нашелъ, что они значительно уменьшились. Это открытіе сильно встревожило меня и заставило, хотя нѣсколько и поздно, взяться самому за распоряженіе столомъ и, умѣривъ ежедневное потребленіе наше, выда-

вать чашку сарачинскаго пшена на обѣдъ и столько же на ужинъ, прибавляя къ этой порціи то лукъ, то чеснокъ, то сухари, съ небольшимъ количествомъ кислаго молока. Мы всѣ обыкновенно садились въ кружокъ около чашки, и ѣли вмѣстѣ, причемъ мнѣ, на мою часть, доставалось отнюдь не болѣе какъ и другимъ. Въ тѣ же два дни, которые мы провели порознь съ караваномъ, набравъ нѣсколько дикихъ яблоковъ, я, для сбереженія нашего запаса, велѣлъ сварить ихъ и питался ими въ продолженіе всего этого времени. По истеченіи двухъ дней, какъ выше объяснено, караванъ нашъ, со всѣми пожитками своими, переправился на означенныхъ плотахъ на нашу сторону. Къ каждому плоту привязано было веревками за хвосты отъ 6 до 7 лошадей, управляемыхъ столькими же Татарами; причемъ надлежитъ замѣтить, что всѣ лошади были прежде согнаны въ воду, дабы однимъ разомъ двинуть плоты съ мѣста. Этотъ родъ переправы представляетъ конечно весьма красивый видъ; но очень опасенъ. Отдохнувъ нѣсколько времени, мы взяли пожитки свои и отправились въ дальнѣйшій путь, оставя въ сторонѣ рѣку, коей, по мнѣнію моему нѣтъ подобной въ цѣломъ свѣтѣ. Она имѣетъ около двухъ миль въ ширину, ограждена крутыми берегами и вообще очень глубока.

ГЛАВА VIII.

Свѣтлѣйшій Посолъ переѣзжаетъ чрезъ большую степь Азіатской Сарматіи и достигнувъ Москвы, столицы Бѣлой Россіи, представляется Великому Князю.

Шествіе по степи.

Отправившись, какъ выше сказано, съ помощію Божіею, въ дальнѣйшій путь, мы сначала ѣхали все на сѣверъ, а потомъ стали понемногу сворачивать на западъ. Передъ нами разстилалась пространная степь, на которой не было даже и малѣйшихъ слѣдовъ дороги. Татары увѣряли, что Тана находится прямо на югъ отъ насъ, не далѣе какъ въ разстояніи 15 дней пути, тогда какъ, по моему расчету, намъ уже давно надлежало миновать ее. Въ продолженіе всего нашего странствованія мы останавливались только въ полдень и предъ наступленіемъ ночи, и спали въ открытомъ полѣ, подъ покровомъ небеснымъ, ограждаясь на ночь повозками, въ видѣ крѣпости. Сверхъ того для предосторожности находились у насъ постоянно на стражѣ трое часовыхъ: одинъ на правой сторонѣ, другой на лѣвой, а третій позади стана. Не рѣдко

оставались мы цѣлые сутки безъ воды, не имѣя даже чѣмъ напоить нашихъ коней. Дикихъ звѣрей ни разу намъ не попадалось; только однажды встрѣтили мы на степи двухъ верблюдовъ и до четырехъ сотъ лошадей, оставшихся, какъ увѣряли Татары, еще отъ прошлогодняго каравана. Два раза мы ожидали нападенія и уже приготовились къ оборонѣ; но въ первый разъ — страхъ нашъ былъ совершенно напрасенъ, а въ другой — поводомъ къ оному послужило появленіе двадцати повозокъ и нѣсколькихъ Татаръ, отъ которыхъ мы никакъ не могли добиться, куда они ѣдутъ. По причинѣ продолжительнаго пути и скудости запасовъ, вынужденъ я былъ уменьшить дневную порцію нашу.

12-го Сентября 1476 года вступили мы наконецъ, съ благословеніемъ Божіимъ, въ землю Русскую, и первый предметъ, представившійся нашимъ взорамъ при въѣздѣ въ оную, была небольшая деревушка, окруженная лѣсомъ. Жители этой деревушки услышавъ, что Маркъ находится въ караванѣ, вышли къ нему на встрѣчу въ большомъ страхѣ, опасаясь бывшихъ съ нами Татаръ, и принесли нѣсколько сотоваго меду, которымъ онъ подѣлился со мною. Это пособіе пришло весьма кстати; ибо всѣ мы до такой степени отощали отъ продолжительнаго пути, что едва мо

гли держаться на лошадяхъ. Отправившись далѣе, прибыли мы въ городъ Рязань (Resan), принадлежащій одному Князю, имѣющему въ супружествѣ сестру Московскаго Государя. Всѣ строенія въ этомъ городѣ, не исключая и самой крѣпости, — деревянныя; за то онъ изобилуетъ хлѣбомъ, мясомъ и напиткомъ, который Русскіе приготовляютъ изъ меду. Подкрѣпивъ тутъ нѣсколько силы свои, пустились мы далѣе, и подъ вечеръ остановились для ночлега въ Русской деревнѣ, гдѣ спокойно отдохнули, ибо, по милости Божіей, намъ уже нечего было опасаться; а потомъ пріѣхали въ другой городъ, именуемый Коломною (Colonna) и расположенный на берегу рѣки Москвы (Mosco), впадающей въ Волгу (Volga). Чрезъ эту рѣку въ самомъ городѣ построенъ мостъ. Изъ Коломны Маркъ отправилъ меня впередъ въ Москву; ибо караванъ намѣренъ былъ помедлить нѣсколько своимъ вступленіемъ.

Рязань. Коломна.

Москва. 26-го числа прибылъ я наконецъ въ городъ Москву (Moscovia), славя и благодаря Всемогущаго Бога, избавившаго меня отъ столькихъ бѣдъ и напастей. Городъ этотъ принадлежитъ Великому Князю Іоанну, Государю Великой и Бѣлой Россіи (Duca Zuanne, Signor della gran Rossia bianca). Здѣсь не излишнимъ почитаю объяснить, что большую часть пути нашего (съ 10 Августа, т. е. съ отбытія

изъ Цитрахани до 25 Сентября, т. е. до вступленія въ Москву) мы, по неимѣнію дровъ, готовили себѣ кушанье на лошадиномъ пометѣ. Немедленно по пріѣздѣ моемъ, отвели намъ, по приказанію Марка, маленькую комнатку, съ небольшимъ помѣщеніемъ для моихъ людей и лошадей. Комната эта была и тѣсна, и довольно плоха; но намъ показалась она огромнымъ дворцемъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы прежде испытали.

27-го числа Маркъ Россо также прибылъ въ городъ и въ тотъ же вечеръ навѣстилъ меня. Онъ принесъ намъ въ даръ нѣсколько жизненныхъ припасовъ, коими Москва, какъ ниже будетъ объяснено, весьма изобильна, и именемъ Государя своего убѣждалъ меня быть спокойнымъ и почитать себя какъ бы въ собственномъ домѣ. Я отблагодарилъ его при семъ случаѣ, сколько могъ и умѣлъ, за всѣ его одолженія.

Первая аудіенція у Великаго Князя.

27-го числа отправился я къ Марку и, желая поскорѣе пуститься въ обратный путь, просилъ его о доставленіи мнѣ случая представиться Государю. Онъ охотно исполнилъ просьбу мою, и въ скоромъ времени послѣ того получилъ я приказаніе явиться во дворецъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, я отблагодарилъ Великаго Князя за вниманіе, оказанное мнѣ посломъ его Маркомъ, который по

истинѣ неоднократно спасалъ меня отъ великихъ опасностей, и объявилъ ему, что вниманіе это, въ лицѣ моемъ, Свѣтлѣйшая Республика конечно отнесетъ къ себѣ. Не давъ мнѣ докончить, онъ съ тревожнымъ лицемъ сталъ жаловаться на Ивана Батиста Тревизана [53]), о которомъ я не стану подробно распространяться здѣсь, ибо почитаю это неумѣстнымъ. Послѣ долгаго разговора я рѣшился просить у Великаго Князя позволенія отправиться въ отечество и получилъ въ отвѣтъ, что онъ въ другой разъ дастъ мнѣ рѣшеніе; ибо теперь намѣревается ѣхать изъ Москвы. Онъ имѣетъ обыкновеніе ежегодно объѣзжать разныя области своихъ владѣній и въ особенности посѣщать одного Татарина, котораго, говорятъ, содержитъ на жалованьи, съ 500 всадниками, на Татарской границѣ, для защиты Русской земли отъ нападеній. Между тѣмъ горя нетерпѣніемъ, какъ выше сказано, отправиться скорѣе въ Венецію, началъ я всѣми мѣрами хлопотать объ ускореніи обѣщаннаго рѣшенія и, въ слѣдствіе моей просьбы, былъ вторично призванъ во дворецъ, предъ лице трехъ главнѣйшихъ Великокняжескихъ вельможъ, которые привѣтствовали меня отъ имени Государя своего и повторивъ все то, что онъ мнѣ говорилъ, жаловались также на Ивана Батиста Тревизана. Въ заключеніе они объявили мнѣ,

что ѣхать изъ Москвы, или оставаться въ ней совершенно въ моей волѣ. Съ сими словами я былъ отпущенъ изъ дворца, а Великій Князь, сѣвъ на коня, отправился въ предназначенный путь. Состоя должнымъ Марку Россо не только тѣ деньги съ процентами, которыя онъ заплатилъ за мой выкупъ; но еще сверхъ того небольшую сумму, взятую мною на разныя издержки, я предложилъ ему, дабы онъ дозволилъ мнѣ отправиться въ отечество, обѣщая, немедленно по пріѣздѣ туда, выслать весь долгъ мой; но онъ на отрѣзъ отказалъ въ моей просьбѣ, говоря, что Татарскіе и Русскіе купцы, коимъ онъ за меня поручился, требуютъ своихъ денегъ. Испытавъ такимъ образомъ всѣ средства для склоненія въ мою пользу Великаго Князя и Марка, я рѣшился наконецъ отправить отца Стефана въ Венецію, съ письмами къ Свѣтлѣйшей Республики, прося ее, дабы она, съ обычною своею щедростію и благоволеніемъ, выкупила меня изъ бѣды и не попустила умереть на чужбинѣ.

Отъѣздъ О. Стефана въ Венецію.

7-го ~~Сентября~~ 1476 отецъ Стефанъ отправился въ путь свой, въ сопровожденіи нѣкоего Лембергца, по имени Николая (Nicolo da Leopoli), знавшаго хорошо эту дорогу, а я остался въ Москвѣ дожидаться его возвращенія. Во время пребыванія моего въ семъ го-

родѣ, отыскалъ я одного золотыхъ дѣлъ мастера, по имени Трифона, Катарскаго уроженца, работавшаго прекрасные сосуды для Великаго Князя, и зодчаго (ingegniero) Аристотеля Болонскаго [54]), строившаго огромную церковь на площади въ Москвѣ, да еще нѣсколько Константинопольскихъ Грековъ, прибывшихъ въ Россію вмѣстѣ съ Деспиною, и свелъ со всѣми ими тѣсное знакомство. Комната, которую отвелъ мнѣ сначала Маркъ, была очень мала, некрасива и неудобна, и потому меня перевели, по его же ходатайству, въ другой домъ, гдѣ жилъ означенный Аристотель. Этотъ домъ былъ довольно хорошъ и находился неподалеку отъ дворца; но я не долго пробылъ въ немъ; ибо чрезъ нѣсколько дней по моемъ переѣздѣ, приказано мнѣ было именемъ Великаго Князя (не знаю, что было поводомъ къ таковому повеленію) очистить занимаемые мною покои, и я съ трудомъ могъ отыскать себѣ небольшую квартиру, внѣ крѣпости, въ которой и прожилъ до самаго отъѣзда моего изъ Москвы. Квартиру эту составляли двѣ комнаты, изъ коихъ въ одной помѣстился я, а другую предоставилъ моимъ служителямъ.

Г. Москва. Городъ Москва расположенъ на небольшомъ холмѣ и всѣ строенія въ немъ, не исключая и самой крѣпости, — деревянныя.

Посреди протекаетъ рѣка, называемая также Москвою и раздѣляющая его на двѣ половины, изъ коихъ въ одной находится крѣпость. Для переѣзда чрезъ эту рѣку въ городѣ построено нѣсколько мостовъ. Москва есть столица Великаго Князя. Она окружена обширными лѣсами, покрывающими почти все пространство Россіи, — и изобилуетъ всякаго рода хлѣбомъ. Жизненные припасы въ ней такъ дешевы, что, во время моего пребыванія, 10 нашихъ старъ[55]) пшеницы стоили червонецъ (въ этой пропорціи продавался и прочій хлѣбъ); 3 фунта мяса одинъ сольдъ[56]), 100 куръ или 40 утокъ также червонецъ; а самый лучшій гусь не болѣе 3 сольдовъ. Зайцевъ тамъ очень много; но другой дичины почти совсѣмъ не видно, вѣроятно потому, что Москвитяне не умѣютъ ловить ее. Птицъ всякаго рода привозятъ также во множествѣ и продаютъ по самой дешевой цѣнѣ. Москвитяне не дѣлаютъ у себя винограднаго вина, и вообще у нихъ нѣтъ никакихъ плодовъ, кромѣ огурцовъ, орѣховъ и дикихъ яблокъ. Страна ихъ весьма холодна, такъ что жители, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, должны топить въ домахъ своихъ печи. Впрочемъ этимъ временемъ года пользуются они для заготовленія запасовъ своихъ на лѣто, ибо въ морозы, на Русскихъ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, весь-

ма легко перевозить всякія тяжести, тогда какъ лѣтомъ, по причинѣ тающаго льда и большихъ лѣсовъ, дорога отъ грязи почти вовсе непроходима. Въ концѣ Октября, рѣка, протекающая посреди Москвы, покрывается крѣпкимъ льдомъ, на которомъ купцы ставятъ лавки свои съ разными товарами и, устроивъ такимъ образомъ цѣлой рынокъ, прекращаютъ почти совсѣмъ торговлю свою въ городѣ. Они полагаютъ, что это мѣсто, будучи съ обѣихъ сторонъ защищено строеніями, менѣе подвержено вліянію стужи и вѣтра. На таковый рынокъ ежедневно, въ продолженіе всей зимы, привозятъ хлѣбъ, мясо, свиней, дрова, сѣно и прочіе нужные припасы; въ концѣ же Ноября всѣ окрестные жители убиваютъ своихъ коровъ и свиней и вывозятъ ихъ въ городъ на продажу. Любо смотрѣть на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной, и стоящей на льду на заднихъ ногахъ. Такимъ образомъ Русскіе употребляютъ въ пищу свою животныхъ, убитыхъ за три мѣсяца и болѣе. То же самое дѣлаютъ они съ рыбою, птицей и всякаго рода живностію. На рѣкѣ бываютъ также конскія ристанія и другія увеселенія; но не рѣдко участвующіе въ сихъ игрищахъ ломаютъ себѣ шеи.

Свойства жителей.

Московитяне, какъ мужчины такъ и жен-

щины, вообще красивы собою, но весьма грубы и невѣжественны. Они имѣютъ своего Папу (Papa), поставляемаго по ихъобычаю Великимъ Княземъ; нашего же Первосвященника не ставятъ ни во что и всѣхъ насъ почитаютъ погибшими людьми. Главнѣйшій недостатокъ ихъ есть пьянство, которымъ они впрочемъ хвалятся и презираютъ тѣхъ, кои не слѣдуютъ ихъ примѣру. Вина у нихъ совсѣмъ нѣтъ; но вмѣсто его они употребляютъ напитокъ, сдѣланный изъ меду съ хмѣлемъ. Напитокъ этотъ очень не дуренъ, въ особенности когда онъ старъ. Впрочемъ Великій Князь не всѣмъ позволяетъ варить его; ибо въ противномъ случаѣ они бы каждый день напивались до пьяна и дрались безпрестанно между собою, какъ животные. Образъ жизни ихъ состоитъ въ слѣдующемъ: утро до полудня проводятъ они на рынкѣ, а потомъ отправляются въ харчевню ѣсть и пить, такъ что вечеромъ никакой уже услуги ожидать отъ нихъ нельзя. Въ Москву, во время зимы, съѣзжается множество купцовъ изъ Германіи и Польши, для покупки различныхъ мѣховъ, какъ то: соболей, волковъ, горностаевъ, бѣлокъ и отчасти рысей. Мѣха эти добываются не въ самой Москвѣ, а гораздо далѣе на сѣверъ и сѣверовостокъ; но привозятся обыкновенно въ Москву на продажу. Ими производитъ также значи-

тельный торгъ еще другой городъ, называемый Новгородомъ (Novogardia) и граничащій почти съ Франціею и верхнею Германіею[57]. Этотъ городъ лежитъ на западъ отъ Москвы, въ разстояніи 8 дней пути, и управляется общиною, хотя и признаетъ надъ собою власть Великаго Князя, которому платитъ ежегодную дань. Владѣнія Государя Московскаго, сколько мнѣ извѣстно, весьма обширны и онъ легко бы могъ имѣть значительное войско; но воины его большею частію никуда негодны. Россія сопредѣльна съ той частію Нѣмецкой земли, которая принадлежитъ Королю Польскому[58], а на сѣверовостокъ отъ нее живутъ, какъ увѣряли меня, разныя языческія племена, неимѣющія никакого Государя, но признающія иногда, когда имъ заблагоразсудится, власть Великаго Князя. Иныя изъ этихъ племенъ отдаютъ Божескія почести первому встрѣтившемуся имъ предмету; а другіе приносятъ въ жертву животныхъ у подошвы дерева, которому покланяются. Не стану впрочемъ повторять здѣсь всего, слышаннаго мною о сихъ народахъ, ибо я самъ не видалъ ихъ, а то, что мнѣ объ нихъ разсказывали, почитаю невѣроятнымъ. — Великому Князю на видъ около 35 лѣтъ. Онъ высокъ ростомъ и худощавъ; но со всѣмъ тѣмъ красивый мужчина. Семейство его состоитъ изъ двухъ братьевъ,

матери и сына отъ первой жены, котораго онъ не слишкомъ жалуетъ за дурныя его наклонности. Съ Деспиною же онъ имѣетъ двухъ дочерей, а третьимъ ребенкомъ она, какъ слышно, теперь беременна. Я бы могъ при семъ случаѣ разсказать еще многое кое чего объ этой странѣ; но боюсь слишкомъ продлить повѣствованіе мое.

Въ Москвѣ пробылъ я съ 25 Сентября по 21 Января и не могу пожаловаться на гостепріимство ея жителей. Великій Князь, по обозрѣніи владѣній своихъ, возвратился въ концѣ Декабря въ столицу, и хотя я отправилъ отца Стефана въ Венецію за деньгами, въ присылкѣ коихъ ни мало не сомнѣвался, однако,— горя нетерпѣніемъ скорѣе возвратиться въ отечество и чувствуя, что Московскій образъ жизни вредитъ моему здоровью, — рѣшился, чрезъ посредство нѣкоторыхъ расположенныхъ ко мнѣ вельможъ, еще разъ похлопотать о моемъ отъѣздѣ. Вельможи эти не обманули моего ожиданія; ибо чрезъ нѣсколько дней Великій Князь пригласилъ меня къ себѣ обѣдать и приказалъ объявить мнѣ, что онъ не только согласенъ на отъѣздъ мой, но даже намѣренъ оказать услугу Свѣтлѣйшей нашей Республикѣ, заплативъ за меня Русскимъ и Татарамъ весь мой долгъ. Я отправился во дворецъ на зовъ Государя и, немедленно послѣ

стола, состоявшаго изъ множества отличныхъ блюдъ, — возвратился по Русскому обычаю въ свое жилище. Чрезъ нѣсколько дней былъ я опять приглашенъ Великимъ Княземъ къ обѣду, по окончаніи коего, онъ приказалъ своему Казначею выдать мнѣ ту сумму, которую я обязанъ былъ заплатить Русскимъ и Татарамъ за мой выкупъ, и сверхъ того пожаловалъ мнѣ соболью шубу (т. е. одинъ мѣхъ) и тысячу бѣлокъ. При семъ онъ изъявилъ желаніе, дабы я представился Деспинѣ, что и было мною исполнено съ приличными привѣтствіями и поклонами. Великая Княгиня обошлась со мною весьма вѣжливо и ласково и убѣдительно просила поклониться отъ нее Свѣтлѣйшей нашей Республикѣ. Послѣ сего я распростился съ нею и возвратился въ свое жилище.

ГЛАВА IX.

Свѣтлѣйшій Посолъ отправляется изъ Москвы и проѣхавъ чрезъ Литву, Польшу и Германію, пріѣзжаетъ въ Италію.

Отпускная аудіенція.

На другой день Великій Князь опять пригласилъ меня къ столу. Прибывъ во дворецъ за нѣсколько времени до обѣда, я былъ введенъ въ особенную комнату, гдѣ находился Государь съ Маркомъ и другимъ своимъ Се-

кретаремъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ весьма ласковый пріемъ и, въ самыхъ привѣтливыхъ выраженіяхъ, поручилъ увѣрить Свѣтлѣйшую нашу Республику въ искреннемъ его дружествѣ, которое онъ и на будущее время сохранить желаетъ, и присовокупилъ къ тому, что охотно отпускаетъ меня въ отечество и готовъ сверхъ того сдѣлать въ пользу мою все то, что я почту для себя нужнымъ. Когда Великій Князь говорилъ со мною, я изъ учтивости отступалъ назадъ, но онъ всякій разъ самъ подходилъ ко мнѣ и съ особенною благосклонностію выслушивалъ отвѣты мои и изъявленія моей благодарности. Такимъ образомъ проговорилъ я съ нимъ болѣе часа и удостоился видѣть при семъ случаѣ нѣкоторые изъ его парчевыхъ кафтановъ, подбитыхъ отличнѣйшими соболями. По окончаніи аудіенціи мы пошли къ столу, который на этотъ разъ былъ длиннѣе и роскошнѣе обыкновеннаго, и нашли тутъ многихъ Великокняжескихъ вельможъ. Послѣ обѣда мнѣ приказано было встать съ своего мѣста и снова подойти къ Государю. Онъ весьма ласково простился со мною и громкимъ голосомъ, слышнымъ для всѣхъ присутствовавшихъ, возобновилъ увѣренія въ благосклонности своей къ Свѣтлѣйшей нашей Республикѣ. За симъ подали мнѣ серебренную чашу, наполненную Русскимъ напиткомъ,

приготовленнымъ изъ меда, говоря, что Великій Князь даритъ мнѣ ее и желаетъ, дабы я осушилъ ее до дна. Таковый даръ почитается при Московскомъ дворѣ знакомъ особенной милости, оказываемой однимъ только Посламъ и другимъ значительнымъ особамъ. Я никакъ не могъ опорожнить всей чаши, потому что она была довольно велика, и выпилъ только четвертую долю находившагося въ ней напитка. Государь, примѣтивъ это и зная сверхъ того изъ прежнихъ опытовъ, что я небольшой охотникъ пить, приказалъ взять у меня изъ рукъ чашу и, выливъ напитокъ, возвратить мнѣ ее пустою, — что было немедленно исполнено. Послѣ сего я поцѣловалъ у него руку и, раскланявшись, вышелъ изъ комнаты. Многіе Вельможи проводили меня до самаго крыльца, и мы на прощаніи съ нѣжностію обняли другъ друга. Возвратившись домой, я нашелъ, что все уже было готово къ моему отъѣзду; но Маркъ настоятельно требовалъ, дабы, предъ отправленіемъ въ путь, я отобѣдалъ у него.

Отъѣздъ изъ Москвы.

12-го Января 1476, отобѣдавъ вмѣстѣ съ спутниками моими у означеннаго Марка, который угостилъ насъ весьма хорошо, мы распрощались съ нимъ и, сѣвъ въ свои сани, пустились съ именемъ Божіимъ въ путь. Санями называется у Русскихъ повозка, употреб-

ляемая ими только въ зимнее время. Она съ виду похожа на домъ, можетъ помѣстить въ себѣ одного лишь человѣка и запрягается въ одну лошадь, которая везетъ ее съ необычайною скоростію. Сидя въ саняхъ, можно закутаться какъ угодно и сверхъ того положить съ собою нужное количество жизненныхъ и другихъ припасовъ. Здѣсь не излишнимъ почитаю объяснить, что Лудовикъ, Патріархъ Антіохійскій, былъ сначала задержанъ Великимъ Княземъ въ Москвѣ; а потомъ отпущенъ по просьбѣ Марка, въ слѣдствіе сильнаго моего ходатайства. Я предложилъ ему отправиться вмѣстѣ; но видя, что онъ не охотно на то соглашается, уѣхалъ одинъ съ своею свитою, тѣмъ болѣе, что Государь далъ намъ проводника, съ повелѣніемъ мѣнять его отъ мѣста до мѣста. Къ вечеру остановились мы въ небольшой плохой деревушкѣ, и хотя я зналъ напередъ, что мнѣ придется вытерпѣть въ пути множество хлопотъ и безпокойства, какъ по причинѣ стужи и льдовъ, такъ равно и потому, что дорога наша шла почти безпрерывно лѣсомъ, однако я презрѣлъ всѣми этими неудобствами и рѣшился безъ малѣйшаго страха ѣхать день и ночь, столь велико было мое нетерпѣніе выбраться поскорѣе изъ этихъ странъ.

22-го числа оставили мы означенную дере- Вязьма.

вушку и продолжая, при сильной стужѣ, безостановочно путь свой по лѣсамъ, прибыли 27 числа въ небольшой городъ, именуемый Вязьмою (Viesemo). Тутъ перемѣнили мы проводника и, отправившись съ нимъ далѣе, достигли другаго

Смоленскъ. города, называемаго Смоленскомъ (Smolencho), гдѣ также взяли новаго проводника. Вскорѣ выѣхали мы совсѣмъ изъ владѣній Великаго Князя Московскаго и, вступивъ въ Литву, принадлежащую Королю Польскому Казимиру, прибыли 12-го Февраля въ городъ Троки (Trochi), гдѣ находился тогда самъ Король.

Троки. Нужно замѣтить, что съ отъѣзда нашего изъ Москвы, т. е. съ 21 Января, по самый день прибытія въ Троки, т. е. по 12 Февраля, мы постоянно ѣхали по ровному, лѣсистому мѣсту и лишь изрѣдка встрѣчали небольшіе холмы. Иногда попадались намъ по дорогѣ маленькія деревушки, въ которыя мы заѣзжали для отдыха; чаще же проводили ночи въ лѣсу. Въ полдень останавливались мы для обѣда и почти всегда находили на снѣгу остатки разведеннаго огня, забытаго вѣроятно путниками, прежде насъ тутъ бывшими, а также проруби во льду для лошадей и разные другіе признаки недавняго ночлега. Подложивъ въ огонь нѣсколько дровъ, мы обыкновенно садились вокругъ костра и подкрѣпляли себя пищею; когда же одинъ бокъ начи-

налъ сильно зябнуть отъ стужи, то переворачивались на другой. Я почти всю дорогу спалъ въ саняхъ, предпочитая ихъ ложу на голой землѣ. Три дни сряду ѣхали мы рѣкою, покрытою льдомъ, на которой ночевали два раза, и совершили всего, какъ меня увѣряли, около трехъ сотъ миль, что составляетъ не малый путь.

Аудіенція у Польскаго Короля.

Король, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, немедленно прислалъ двухъ своихъ дворянъ поздравить меня съ благополучнымъ возвращеніемъ и пригласить на слѣдующій день къ себѣ обѣдать. Утромъ этого дня (15 Февраля) привезли мнѣ въ подарокъ отъ Его Величества кафтанъ изъ алой парчи, подбитый соболями, а, для переѣзда моего во дворецъ, присланы были придворныя сани, запряженныя шестью прекрасными лошадьми. Въ нихъ то отправился я къ Королю, въ сопровожденіи четырехъ знатныхъ вельможъ, стоявшихъ на отводахъ; внѣ саней, и другой почетной свиты. По прибытіи моемъ во дворецъ, Его Величество ввелъ меня во внутреннія свои покои, гдѣ сѣлъ на приготовленныя для него великолѣпныя кресла, посреди двухъ юныхъ сыновей своихъ, одѣтыхъ въ алое платье, и прекрасныхъ какъ Ангелы. Въ комнатѣ находилось также множество вельможъ, дворянъ и другихъ значительныхъ особъ. Для меня поставлена была скамья, напротивъ

самаго Короля, который обошелся со мною отмѣнно ласково, позволилъ мнѣ взять дѣтей его за руки и былъ ко мнѣ такъ милостивъ и привѣтливъ, какъ бы къ собственному своему сыну. Я хотѣлъ начать рѣчь свою, стоя на колѣнахъ, но Его Величество никакъ не позволилъ этого и требовалъ настоятельно, дабы я говорилъ сидя. Долго я не рѣшался исполнить таковаго приказанія; но наконецъ, по многократномъ повтореніи онаго, принужденъ былъ повиноваться. Начавъ рѣчь мою съ подробнаго описанія моего путешествія и дѣйствій моихъ при дворѣ Узунъ-Гассана, я потомъ распространился въ изображеніи могущества сего Государя и странъ, ему подвластныхъ (что повидимому было крайне занимательно для Его Величества), а послѣ того перешелъ къ описанію нравовъ и управленія Татаръ и, при семъ случаѣ, коснулся нѣсколько опасностей, претерпѣнныхъ мною въ пути. Около получаса продолжалъ я повѣствованіе свое, и Король слушалъ слова мои съ необыкновеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ и ни разу не прерывалъ меня. Въ заключеніе я отблагодарилъ Его Величество, именемъ Свѣтлѣйшей нашей Республики, за пожалованный мнѣ подарокъ и за всѣ почести, оказанныя мнѣ при дворѣ Польскомъ. Онъ отвѣчалъ чрезъ своего переводчика, что весьма радуется бла-

гополучному моему возвращенію, тѣмъ болѣе, что, при отъѣздѣ моемъ въ Персію, никто не надѣялся видѣть меня въ живыхъ, и присовокупилъ къ тому, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ разсказы мои объ Узунъ-Гассанѣ и Татарахъ, ибо они утвердили его въ той мысли, что не всегда предметы бываютъ таковы, какими ихъ намъ описываютъ. Рѣчь свою заключилъ онъ разными привѣтствіями и увѣреніемъ, что никто еще не сообщалъ ему такихъ справедливыхъ свѣдѣній, какія онъ нынѣ почерпнулъ отъ меня. По окончаніи аудіенціи, меня повели, также съ большими почестями, въ другую комнату, гдѣ уже были накрыты столы. Вскорѣ пришелъ туда и самъ Король, сопровождаемый сыновьями своими и предшествуемый трубачами, и всѣ мы заняли назначенныя намъ мѣста. По правую сторону Его Величества сидѣли сыновья его, а по лѣвую Епископъ, и рядомъ съ нимъ я, такъ что Государь находился почти возлѣ меня. Вельможи Польскіе размѣстились по другимъ столамъ, нѣсколько подалѣе. Кушанья разносили въ большомъ количествѣ, на огромныхъ блюдахъ, при звукѣ трубъ, — и у каждаго прибора, совершенно по нашему обычаю, были положены ножи. Обѣдъ продолжался около двухъ часовъ и, во время онаго, Король неоднократно обращался

ко мнѣ съ разными вопросами касательно моего путешествія, на которые я всякій разъ отвѣчалъ удовлетворительно. Когда же обѣдъ кончился, я всталъ съ своего мѣста и, прощаясь съ Его Величествомъ, спросилъ: не угодно ли будетъ ему дать мнѣ еще какихъ либо приказаній? Въ отвѣтъ на сіе, поручилъ онъ мнѣ поклониться отъ него Свѣтлѣйшей нашей Республикѣ, приказавъ и сыновьямъ своимъ дать мнѣ такое же порученіе. Послѣ сего я раскланялся съ Его Величествомъ и возвратился въ свое жилище тѣмъ же порядкомъ, какимъ былъ отвезенъ во дворецъ. Король приказалъ дать мнѣ проводника, долженствовавшаго сопутствовать намъ чрезъ всѣ Польскія владѣнія и заботиться о томъ, дабы мнѣ повсюду давали безпрепятственный и безопасный пропускъ.

16-го числа выѣхалъ я изъ Трокъ, а 25-го прибылъ въ мѣстечко, именуемое Слонимомъ

Слонимъ. (Ionici[59]). Отправившись оттуда далѣе, мы вскорѣ вступили въ Польшу и, мѣняя отъ мѣста до мѣста проводниковъ, которыхъ намъ, по приказанію Его Величества, давали безъ замедленія, достигли такимъ образомъ города Варшавы (Varsovia), управляемаго двумя братья-

Варшава. ми[60]). Они приняли меня весьма ласково и дали проводника, долженствовавшаго сопутствовать намъ чрезъ всю Польшу. Я не на-

мѣренъ распространяться здѣсь въ изображенiи этой страны, ибо прежде уже достаточно описалъ ее, а скажу только, что она богата красивыми мѣстоположенiями и, повидимому, обильна хлѣбомъ и мясомъ; за то плодовъ въ ней почти вовсе нѣтъ. По пути встрѣчали мы множество селенiй и замковъ, но не примѣтили ни одного города, достойнаго особеннаго вниманiя. Вездѣ находилъ я порядочные ночлеги, гдѣ насъ принимали хорошо. Вообще Польша показалась мнѣ страною безопасною.

1-го Марта 1476 прибылъ я въ городъ Плоцкъ (Polonia[61]). Проѣхавъ столь обширное пространство въ саняхъ, мы всѣ такъ были утомлены, и отъ продолжительнаго пути, и отъ разнаго рода безпокойствъ, что рѣшились пробыть тутъ до 5-го числа, тѣмъ болѣе, что городъ самъ по себѣ красивъ и богатъ и что мы имѣли въ немъ хорошее помѣщенiе. Въ Плоцкѣ запаслись мы всѣмъ нужнымъ въ дорогу и купили потребное количество лошадей, для продолженiя нашего пути. Плоцкъ.

Оставивъ Плоцкъ 5-го Марта, мы отправились далѣе и вскорѣ прибыли въ другой городокъ, называемый Мезерицемъ, и принадлежащiй также Королю Казимиру. Городъ этотъ находится на границѣ Польши и Германiи и Мезерицъ.

потому я не безъ страха проѣзжалъ чрезъ оный, опасаясь какихъ либо неудовольствій.

Франкфуртъ.

9-го числа прибыли мы въ городъ Франкфуртъ, принадлежащій Маркизу Бранденбургскому, и остановились въ томъ самомъ домѣ, гдѣ стояли въ прежній нашъ проѣздъ. Хозяинъ, узнавъ меня, крайне удивился благополучному моему возвращенію, и осыпалъ насъ ласками и привѣтствіями.

10-го числа выѣхали мы изъ Франкфурта и, подвигаясь все далѣе и далѣе по Германіи, съ каждымъ днемъ встрѣчали болѣе красивыхъ селеній, замковъ и городовъ.

Іена.

15-го числа, подъѣзжая къ городу Іенѣ (Ian[6] ?), встрѣтилъ я отца Стефана, возвращавшагося въ Москву отъ Свѣтлѣйшей нашей Республики, съ деньгами для моего выкупа. Предоставляю самимъ читателямъ судить, какъ усладительна была наша встрѣча. Мы крѣпко обняли другъ друга, поблагодарили Господа Бога за сей новый знакъ его милости и, разсказавъ вкратцѣ похожденія наши, отправились вмѣстѣ въ Іену, гдѣ и остановились для отдыха.

Ниренбергъ.

17-го числа пустились мы далѣе, а 22-го прибыли въ прекрасный городъ Ниренбергъ, о которомъ я уже упомянулъ въ началѣ моего путешествія. Тутъ рѣшились мы пробыть нѣсколько дней, какъ по причинѣ крайней усталости нашей (это было главнымъ пово-

домъ къ таковому распоряженію) такъ равно и по случаю приближавшагося праздника Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (Incarnatione del nostro Signor Jesu Christo), который я намѣренъ былъ отпраздновать надлежащимъ образомъ.

26-го числа выѣхали мы изъ Ниренберга. Городъ этотъ управляется общиною, но признаетъ власть Императора. Каждую ночь проводили мы въ прекрасныхъ городахъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ Аугсбургъ и нѣкоторые другіе.

Утромъ 4-го Апрѣля, въ самую страстную Пятницу, прибылъ я въ Трентъ, гдѣ услышалъ о чудесахъ Св. Симона. Почитая для себя обязанностію поклониться честнымъ мощамъ этого угодника и, желая сверхъ того исповѣдаться въ грѣхахъ своихъ и пріобщиться Св. Таинъ, я рѣшился провести тутъ праздникъ Пасхи. — 6-го числа, согласно желанію моему, удостоился я со всѣми моими спутниками принятія Св. Причащенія и пробылъ весь остатокъ этого дня въ Трентѣ. Трентъ.

7-го Апрѣля, горя нетерпѣніемъ (какъ всякій легко понять можетъ), увидѣть скорѣе святую землю нашу, въ удаленіи отъ коей всякій часъ казался мнѣ годомъ, я принялъ благословеніе отъ Преосвященнаго Епископа Трентскаго и, выѣхавъ изъ города, въ тотъ же день прибылъ въ Скалу, первое мѣсто Вене

ціанскихъ владѣній. Давъ обѣщаніе посѣтить обитель Св. Маріи Артонской (S. Maria di monte Arthon) отправился я туда и 9-го числа около полудня достигъ стѣнъ монастырскихъ. Помолившись образу Пресвятыя Дѣвы и принеся ей, съ разрѣшенія Пріора Отца Симона, обѣщанные дары, пустился я по дорогѣ къ Падуѣ, куда и прибылъ въ тотъ же день, славя и благодаря Всемогущаго Бога и Пресвятую Матерь Его, избавившихъ меня отъ столькихъ явныхъ опасностей и приведшихъ благополучно на родину, которую я не надѣялся видѣть болѣе. Хотя тѣломъ я находился уже въ Падуѣ; но душа моя все еще не могла постичь своего блаженства, такъ несбыточно казалось мнѣ возвращеніе мое въ отечество послѣ всѣхъ напастей, мною претерпѣнныхъ. Я еще прежде увѣдомилъ брата моего и мое семейство, что 10-го числа, т. е. въ четвергъ, около вечерни, буду въ Венеціи; но сильное нетерпѣніе не допустило меня послѣдовать предначертанному плану, и рано утромъ, сѣвъ въ лодку, я уже въ два часа по полудни былъ въ Зафузинѣ (le Zaffusine). Желая, прежде возвращенія въ свой домъ, исполнить еще другое данное мною обѣщаніе, я отправился прямо къ Св. Маріи ди Грація, и въ Джіудекскомъ каналѣ встрѣтилъ брата моего Августина и двухъ другихъ родственниковъ, которые, увидя меня,

Падуа.

Возвращеніе въ Венецію.

не вѣрили собственнымъ глазамъ своимъ: ибо навѣрное полагали меня умершимъ. Мы съ восторгомъ обняли другъ друга и вмѣстѣ пошли въ церковь. Такъ какъ это было въ четвергъ, т. е. въ день засѣданія Правительственнаго Совѣта, то прежде чѣмъ итти домой, я обязанностію почелъ представиться ему и отдать отчетъ въ возложенномъ на меня порученіи. По прибытіи въ залу Совѣта, мнѣ повелѣно было взойти на каѳедру и повѣдать все, совершенное мною, что я и исполнилъ надлежащимъ образомъ. Тутъ узналъ я, что Свѣтлѣйшій нашъ Дожъ[63]), по причинѣ болѣзни, не могъ въ тотъ день присутствовать въ засѣданіи, а потому отправился немедленно къ нему и былъ встрѣченъ съ особенною радостію. Отдавъ вкратцѣ Его Высокомочію (Sua Sublimità) отчетъ въ дѣйствіяхъ моихъ, я поспѣшилъ въ свой домъ и, по прибытіи туда, снова принесъ благодареніе Всемилосердому Богу, избавившему меня отъ столькихъ опасностей и допустившему обнять семейство мое, съ которымъ я уже отчаявался свидѣться въ этой жизни.

Симъ оканчиваю я описаніе моего путешествія, которое конечно могъ бы разсказать слогомъ болѣе изящнымъ, но предпочелъ лучше представить нагую истину, чѣмъ испестрить ее красивыми вымыслами. Да не

удивятся читатели мои, если встрѣтятъ у меня мало свѣдeній о Германіи. Я не почелъ нужнымъ подробнѣе распространяться о сей странѣ; ибо она близка къ намъ и по положенію своему и по своимъ обычаямъ.

Краткое свѣденіе о владѣніяхъ Узунъ-Гассана.

Страна, подвластная Узунъ-Гассану, весьма обширна и граничитъ съ Оттоманами и съ Караманіею[64]). Коренное владѣніе сего Государя есть Туркоманія[65]), сопредѣльная съ землями Султана Египетскаго, т. е. съ Алеппомъ. Персію же завоевалъ онъ болѣе счастіемъ нежели силою у Абусаида (Iausa[66]), котораго повелѣлъ умертвить. Тавризъ есть столица и резиденція Узунъ-Гассана. Въ 24-хъ дняхъ пути отъ нее, на юговостокъ, у самой границы Персидскихъ владѣній находится Ширасъ. Далѣе страна, подвластная Узунъ-Гассану, граничитъ съ Джагатайскими Татарами, (управляемыми сыновьями Султана Бузеха, съ которыми Узунъ-Гассанъ ведетъ частыя войны); съ Мидіею, принадлежащею Сивансѣ, Государю Шамахи, который платитъ Персіи ежегодную дань; съ землями Грузинскаго Царя Баграта и наконецъ съ владѣніями Горгоры, отдѣленными отъ Персіи Арсиганскою до-

линою. Сверхъ того Узунъ-Гассанъ владѣетъ еще многими землями за Ефратомъ, близъ границъ Оттоманскихъ. Все это пространство, вплоть до самой Испагани, гдѣ я былъ самъ, и которая находится только въ 6 дняхъ пути отъ Шираса, главнаго города Персіи, представляетъ видъ безплодной равнины, на которой нѣтъ ни деревьевъ, ни даже хорошей воды. Со всѣмъ тѣмъ Персидское Государство обильно всякаго рода жизненными припасами и плодами, произрастающими впрочемъ не иначе, какъ съ помощію искуственной поливки. Узунъ-Гассану на видъ 70 лѣтъ. Онъ худощавъ и довольно красивый мужчина; но кажется не долговѣченъ. Старшій сынъ его Гурлу-Махметъ, прижитый съ Курдкою, пользуется большою славою и, какъ мы уже объяснили прежде, находится въ войнѣ съ своимъ родителемъ. Отъ другой жены Узунъ-Гассанъ имѣетъ трехъ сыновей: Султана Хали, 35 лѣтъ, которому какъ выше сказано, данъ былъ въ управленіе городъ Ширасъ; Лукубея, 15 лѣтъ, и еще третьяго 7 лѣтъ (имени его я не припомню). Сверхъ того отъ третей жены у него есть также сынъ, по имени Мазубей. Въ бытность мою въ Персіи, онъ находился въ оковахъ, въ станѣ Узунъ-Гассана (гдѣ я самъ видѣлъ его нѣсколько разъ), за тайныя сношенія его съ Гурлу-Махметомъ,

возставшимъ противу своего отца. Въ послѣдствіи онъ былъ умерщвленъ. Я старался узнать отъ многихъ достовѣрныхъ особъ, сколь велика воинская сила Узунъ-Гассана, и удостовѣрился, что она простирается до 50,000 всадниковъ, изъ коихъ не всѣ однако годны для войны. На вопросъ же мой, какъ велика была рать его въ битвѣ съ Оттоманами, получилъ я въ отвѣтъ отъ людей, участвовавшихъ въ семъ дѣлѣ, что все войско Узунъ-Гассана состояло тогда изъ 40,000 человѣкъ. Впрочемъ войско это не было назначено первоначально противу Турокъ, а только послано для возведенія на престолъ Пирамета, Государя Караманіи, коего владѣнія были захвачены Оттоманами. Вотъ причина войны Узунъ-Гассана, и всякій тотъ, кто предполагаетъ другой поводъ къ враждѣ его съ Турціею, крайне ошибается. Дѣло это мнѣ хорошо извѣстно; ибо я самъ былъ на мѣстѣ и разсказываю только то, что видѣлъ и слышалъ отъ людей, заслуживающихъ вѣроятіе. Этимъ окончу я повѣствованіе свое; ибо подробнымъ объясненіемъ обстоятельствъ я только бы продлилъ мое описаніе, тогда какъ эти обстоятельства въ сущности своей не заключаютъ ничего особенно важнаго.

Конецъ.

IL VIAGGIO DEL MAGNIFICO

M. AMBROSIO CONTARINI

AMBASCIADORE DELLA ILLUSTRISSIMA SIGNORIA DI VENETIA AL GRAN SIGNORE USSUNCASSAN RE DI PERSIA NELL'ANNO MCCCCLXXIII.

PROEMIO DELL' AUTORE.

Essendo stato eletto per la nostra Illustrissima Signoria nel consiglio di Pregadi io Ambrosio Contarini fu di messer Benedetto, ambasciadore all' Illustrissimo Signor Ussuncassan Re di Persía, bènche tal legatione à me paresse ardua, et per il lungo cammino pericolosa: nondimeno considerando il gran desiderio della mia Illustrissima signoria, et il bene universale di tutta la christianità, col nome del nostro Signor messer Giesu Christo, et della gloriosa sua madre, postposto ogni pericolo, deliberai andar con bonissimo animo, et volentieri à servir quella, et la christianità. Et parendomi, che'l dar notitia di un tanto et si lungo viaggio possa esser dilettevole, et utile a'nostri discendenti: però con quella maggior brevità, che mi sarà possibile, farò mentione et del mio partir da Venetia, che fu alli 23 di Febraro 1473, il primo di quaresima, insino al giorno della mia tornata, che fu alli 10 d'Aprile 1477, et racconterò tutte le terre, luoghi, et provincie, dove io sono stato, et anco i lor modi, et costumi.

CAPITOLO I.

Il Clarissimo Ambasciador si parte da Venetia, et passa per l'Alemagna, Polonia, Rossia bassa, et il gran deserto della Tartaria d'Europa, et arriva alla città di Cafà.

Io partì da Venetia a di 23 Febraro 1473 et in mia compagnia hebbi il Venerabile prete Stephano Testa in luogo di mio capellano, et cancelliere, Dimitri da Setinis mio Turciman, Mapheo da Bergamo, et Zuanne Ungaretto per miei servitori: tutti cinque vestiti di grossi panni alla todesca. Li danari, li quali portai con me, erano cusciti nei giupponi del detto prete Stephano, et mio, ilche non era senza affanno. montai in barca con li sopradetti quattro, et andai à San Michiel da Murano, dove udita la messa, feci che'l Priore ne segnò tutti col legno della Croce, et con la sua benedittione andassimo à drittura à Mestre, dove erano quivi apparecchiati cinque cavalli, sopra li quali montassimo, et col nome di Dio me ne andai à Treviso, havendo usata ogni diligenza di trovare una guida, la qual per danari non potei trovare.

A di 24 mi partì per Conegliano, nel qual luogo considerando esser mio debito in un si lungo et pericoloso viaggio non andar senza confessarmi et communicarmi, lo feci divotamente insieme con la detta mia famiglia.

A di 26 la mattina mi partì, et uscito di Coneglian, trovai un Sebastian Todesco, il qual diceva andare al cammin nostro, et mostrò conoscermi, et saper dove io andava, et offersesi farne compagnia fin appresso Norimbergo, che certo mi parve un messo mandato da Dio. et essendoci messi in viaggio tutti sei, camminando ogni giorno, entrammo in Alemagna, dove trovai di molti bei castelli, et terre di diversi signori et Vescovi pur all'ubbidienza del Serenissimo Imperadore: fra i quali viddi Auspurch terra bellissima. Et essendo stati in Bercemsiurch, terra murata dell' Imperadore, usciti della detta circa miglia cinque, il detto Sebastiano tolse il cammino verso Frankfort, et abbracciandoci strettamente, tolse commiato da noi.

A DI X. MARZO 1474 con una guida giungessimo in Norimbergo terra bellissima, la quale ha il suo castello, et li passa un fiume per mezo, et cercando io guida per voler seguire il mio viaggio, l'hoste mi disse, che quivi si trovavano due ambasciadori della Maestà del Re di Polonia, et confortommi ad accompagnarmi con essi. la qual cosa intesa mi fu di grandissimo contento, et per prete Stephano feci saper alle Magnificenze loro, chi io era, et che volentieri parleria con esso loro. Intesa che hebbero l'ambasciata, mi mandorno a dire, che l'andare era ad ogni mio piacere. Cosi me n'andai, et trovai esser due de primi di sua Maestà, uno Arcivescovo, l'altro messer Paolo cavalliero: et fatte le debite salutationi, li certificai, come io andavo alla maestà del loro Re con lettera di credenza: i quali, non ostante il mio habito, certamente assai mi honorarono, accettandomi di buona voglia in lor compagnia, con larghissime offerte. nel qual luogo per aspettarli stetti fin alli 14 del detto, che di lì partimmo.

A di 14 come s'è detto, partimmo del detto luogo di Norimbergo in compagnia con li sopradetti Ambasciadori. Vi era anche un' Ambasciadore del Re di Boemia primogenito del Re di Polonia, et potevano essere con cavalli 60. cavalcando per l'Alemagna alloggiavamo alcune volte in bonissime ville, ma la piu parte in terre, et castelli: che certo ve ne sono molti di belli, et forti, et degni di memoria. Ma per esser paese, che à ciascuno quasi, o per veduta, o per udita è noto, non farò mentione delle sue terre, et castelli. Dal sopradetto giorno fino alli 25 come s'è detto, di continovo cavalcammo per l'Alemagna paese del Marchese di Brandimburg Duca di Sassonia. entrando ancora nel paese del detto Marchese di Brandimburg, giugnemmo in una terra chiamata Francfort, murata et bella del detto Marchese, ove stemmo insino alli 29 et questo per esser confin dell' Alemagna, et Polonia: dove il detto Marchese mandò molti huomini d'arme per accompagnar li detti Ambasciadori, fin che entrassero nel paese del lor Re: li quali certo erano benissimo in ordine.

A di 31 entrammo in Messariza prima terra del detto Re di Polonia picciola, et assai bella con uno castelletto.

A DI II. APRILE 1474 giugnemmo in Posnama, non havendo trovato luogo niun da conto: la qual terra è certo degna d'esser

commemorata, si per le belle strade, come case: et è terra, dove capitano assai mercanti.

A di 3 ci partimmo di lì per andare a trovar la maestà del Re, cavalcando per la detta Polonia, non trovammo terre, ne castelli da farne gran mentione: et d'alloggiamenti, et d'ogni altra cosa è molto differente dall' Alemagna.

A di 9 entrammo in una terra, che si chiama Lancisia, et fu il sabbato santo, dove trovai la maestà del Re Casimir Re di Polonia: et per due cavallieri sua maestà mandò a ricevermi, havendomi dato alloggiamento assai convenevole, secondo il luogo: et per quel giorno, che era il dì di Pasqua, come era ragionevole, non andai da sua maestà.

A di 11 da mattina mandò a presentarmi una veste di damaschin negro, chiamandomi da sua maestà: et per esser cosi lor costume, con la detta vesta indosso me n'andai accompagnato da molti huomini da conto: et fatte le debite riverenze et salutationi, gli presentai il presente mandatogli dalla nostra Illustrissima Signoria, et dissi quanto m'accadeva. volse che io desinassi con sua maestà. Usano mangiar quasi a nostro modo, benissimo apparecchiando, et abbondantemente. Finito il desinare, tolsi commiato da sua maestà: et tornai al mio alloggiamento.

A di 13 mandò a chiamarmi un'altra fiata, et fecemi risposta a quanto io havea detto, et esposto per nome della mia Illustrsssima Signoria, con tante humane, et cortesi parole, che conferma quello, che per noi si dice: che già assaissimi anni, non si è trovato mai piu giusto Re di lui. Comandò che mi fussero date due guide, una per la Polonia, l'altra per la Rossia bassa, fino a un luogo, che si chiama Chio, over Magraman, che è oltra le terre di sua maestà nella Rossia. Feci li debiti ringratiamenti a quanto accadeva per nome della mia Illustrissima Signoria, et da sua maestà tolsi commiato.

A di 14 partì da Lancisia con le dette guide, cavalcando per la Polonia, che è paese tutto piano, ma pur ha delli boschi: et ogni giorno et notte trovavamo alloggiamenti hora assai buoni, hora altramente, et mostra d'esser povero paese.

A di 19 arrivai in una terra, che si chiama Lumberli, terra assai buona co'l suo castello, ove il Re haveva 4 suoi figliuoli: il

maggiore poteva haver da anni 15, uno sotto l'altro, et stavano in castello con un valentissimo maestro che insegnava loro. Volsero (et credo fusse per comandamento del padre) che io gli andassi visitare, et cosi feci. Per un d'essi mi furono usate alcune parole tanto degne, quanto dir si possa, mostrando portar gran riverenza al suo maestro. feci la debita risposta, et ringratiando assai lor signorie, tolsi da essi commiato.

A di 20 uscimmo di Polonia, et entrammo nella Rossia bassa, che pur è del detto Re, cavalcando fin'à di 25 quasi tuttavia per boschi: trovando alloggiamenti hora in qualche castelletto, hora in quelche casale: et venimmo di soprascritto in una terra chiamata Iusch, che ha assai buon castello, ma di legname: nel qual luogo stemmo fin a di 24 non senza pericolo, per rispetto di un par di nozze, perche quasi tutti erano ubriachi, et sono molto pericolosi: non hanno vino, ma fanno di mele certa bevanda, che imbriaca molto piu che'l vino.

A di 25 partimmo di lì, et la sera venimmo a una villa chiamata Aitomir, tutta fabricata di legnami col suo castello, et partiti di lì, tutto il di 29 cavalcammo per boschi molto pericolosi per esservi d'ogni conditione d'huomini tristi, et non trovando la sera alloggiamento, dormimmo nei detti boschi senza cosa alcuna da mangiare: et mi convenne tutta la notte far la guardia.

A di 30 venimmo in Beligraoch, castello bianco, ove era la stantia della maestà del Re, et li alloggiammo con gran disagio.

A DI PRIMO MAGGIO 1474 fummo in una terra chiamata Chio, over Magraman, che è fuori della detta Rossia, la quale era governata per uno chiamato Pammartin Pollacco catolico: egli intesa la mia venuta per le guide del Re, mi fece dare un'alloggiamento assai cattivo, secondo il paese, et mandommi della vittuaglia assai convenientemente. La detta terra è a confini della Tartaria, dove capitano pur delli mercanti con pellatarie portate della Rossia alta, et con caravane passano in Caphà, ma a modo di castroni spesse volte sono presi da Tartari. è terra abbondante di pane et di carne. La lor usanza è la mattina fino a terza far le lor facende, et poi ridursi nelle caverne, et star fino alla notte, et spesso fanno di molte brighe come gli ubriachi.

A di 2 il detto Pammartin mandò molti de suoi gentil' huo-

mini a convitarmi, et volse ch'io andassi a desinar con lui. Fatte le debite salutationi mi fece molto grandi offerte, facendomi sapere, che per la maestà del suo Re gli era stato comandato, che mi dovesse honorare, et guardarmi da ogni pericolo, et che mi dovesse dar il modo, ch'io passassi la campagna di Tartaria fino a Caphà. Io ringratiai assai sua signoria, pregandola cosi volesse fare: et dissemi, che aspettava un' Ambasciadore di Lituania, il qual doveva andare con presenti all' Imperador de Tartari, il quale Imperadore, gli manda ducento cavalli de Tartari per accompagnarlo sicuro, et confortandomi, volse che io aspettassi il detto Ambasciadore, col quale mi accompagneria, et fariami passar sicuro: et cosi deliberai di fare. ce n'andammo a disinare in vero honorevolmente apparecchiato, et abbondantemente di tutto facendomi honore assai. Era vi un suo fratello Vescovo, et molti altri gentil' huomini: et havevano alcuni cantori, i quali mentre desinammo cantarono. Fecemi star molto longamente a tavola con mio grande affanno: percioche piu tosto mi bisognava riposo, che altro. Desinato che havemmo, tolsi commiato da sua signoria, et andai al mio alloggiamento, che era nella terra, et esso rimase nel castello dove era la sua stantia: il quale è tutto di legname. Ha una fiumana, che si chiama Danambre in lor lingua, et nella nostra Leresse, la qual passa appresso la terra, che mette fino in mar maggiore. Stemmo nel detto luogo fino à dieci dì. dove giunse il detto Ambasciadore, et la mattina che fummo per partire, volse che udissimo la messa: et benche per avanti gli havevo parlato del mio essere li, nondimeno udita la messa, et abbracciati insieme, l'antidetto Pammartin mi fece pigliar la mano del detto Ambasciadore, et dissegli, questi è come la persona del nostro Re, et però fa che tu lo conduca a salvamento in Caphà, et ciò fece con parole tanto calde, quanto dir si potesse. l'Ambasciadore rispose, che'l comandamento della maestà del Re era sopra la sua testa, et quel che sarebbe di lui, saria etiandio di me. Et con questo tolsi commiato da sua signoria ringratiandola, quanto seppi, et potei, et come egli meritava, di tanto honore, che mi fece. In quei giorni che stetti lì, spesse volte mi visitava di vittuaglia. Io gli presentai un cavallo portante tedesco, il qual fu uno di quelli, con li quali mi partì da Mestre, et gli altri, perche erano integri,

volsero che gli lasciassi tutti li, et pigliassi cavalli del paese. Dalle guide della maestà del Re hebbi buona et ottima compagnia, alla quali usai cortesia.

A di 11 partimmo di lì col detto Ambasciadore, essendo io sopra una caretta, con la quale era venuto dal partir mio dal Re fino in quel luogo, per haver male a una gamba, di maniera, ch'io non potevo cavalcare, et camminando fino a di 9 arrivammo a un casale chiamato Cercas, pur del detto Re: ove stemmo fino a di 15 che seppe il detto Ambasciadore, che li Tartari erano venuti apresso Cercas: donde partimmo accompagnati con li detti Tartari, et entrammo in una campagna deserta.

A di 15 giugnemmo alla fiumana sopradetta, la qual ci convenne passare. Questa fiumana parte la Tartaria dalla Rossia verso Caphà, et per esser larga piu di 1 miglio, et molto profonda, i Tartari si missero a tagliar legnami, legandogli insieme, et mettendovi sopra delle frasche: poi furono poste sopra tutte le nostre robbe, et li Tartari entrorono nella fiumana, tenendosi al collo delli lor cavalli, alla coda de quali noi legammo le corde, ch'erano appiccate a quei legnami, sopra i quali montati tutti noi, cacciammo li cavalli per la fiumana, la quale passammo salvi con l'aiuto di Dio. il pericolo quanto fusse grande, lascierò considerare a chi leggerà, ma al parer mio non so come potesse esser maggiore. Passati dall' altra banda, et dismontati in terra, ciascuno rassettato le sue robbe, stemmo tutto quel giorno co' Tartari, et alcuni lor Capi molto mi guardavano, et fra loro fecero di molti pensieri. Et levati dalla detta fiumana ci mettemmo in cammino per la campagna deserta con grandissimi disagi d'ogni sorte. Et messici a passar una selva, l'ambasciador sopradetto mi mandò a dire per il suo Turcimano, che li detti Tartari havevano deliberato di menarmi al loro Imperadore, ne altramente potevano fare: dicendo, che simile huomo, qual io era (che ben lo havevano inteso) non poteva passar Caphà, se prima non era presentato al loro Imperadore. Sentita tal cosa mi fu di grandissimo affanno: onde molto mi raccomandai al detto Turcimano, pregandolo si ricordasse della promessa, che fece a Pammartin, per la maestà del Re di Polonia, et gli promissi una spada: disse di volermi servire, et confortatomi, tornò al suo Ambasciadore, et referendoli

quanto io gli haveva detto, si misse a sedere, et bere con li detti Tartari, et con molte parole accertandoli, ch'io era Genovese, l'acconciò in ducati 15. ma prima ch'io sentissi tal nuova, stetti con grandissimi affanni. La mattina cavalcammo, et camminando fin a di 24 con molti disagi, stando un giorno et una notte senza acqua, ci trovammo ad un passo, dove il detto Ambasciadore con li Tartari convenne pigliar la via verso il loro Imperadore: il quale era ivi ad un castello chiamato Chercher: et dettemi un Tartaro in compagnia, che m'accompagnasse in Caphà, et tolto commiato dal detto Ambasciadore ci separammo. Et benche per esser rimasi soli, et in gran pericoli di continovo, dubitando che quei Tartari non ne mandassero dietro, hebbi piacere d'essermi separato da quelli maladetti cani, che puzzavano di carne di cavallo in modo, che non si poteva star apresso loro. Camminando con la detta guida, la sera alloggiammo in campagna, in mezo d'alcuni carri de Tartari con le lor coperte di feltre: et subito ne furono molti attorno, cercando di voler intendere chi noi eravamo: et essendo detto loro per la nostra guida, ch'io era Genovese, mi presentarono latte agro.

A di 26 la mattina avanti giorno partimmo di li, et circa hora di vespero entrammo nel borgo di Capha, ringratiando il nostro Signore Dio, che ne haveva campati da tanti affanni. Et essendoci ridotti secretamente appresso una chiesa, mandai il mio Turcimanno per ritrovare il nostro Consolo, il quale subito mandò suo fratello, et mi disse ch'io indugiassi fino sul tardi, per entrar secretamente in una sua casa nel detto borgo, et cosi feci. All'hora debita entrammo in casa del detto Consolo, dove fummo honorevolmente accettati, et trovai li ser Polo Ogniben, il qual era stato mandato per la nostra illustrissima Signoria, et si era partito già tre mesi avanti di me.

CAPITOLO II.

Il Clarissimo Ambasciador si parte di Caphà, et navigando il mar maggiore, arriva al Fasso: et passando il paese di Mengrelia, et di Giorgiania, et parte dell' Armenia, perviene al paese d'Ussuncassan.

Io non posso ben dire particolarmente le conditioni della detta terra di Caphà, percio che stetti quasi di continuo in casa per non esser visto, ma dirò bene quel poco che ne potei vedere, et intendere. La detta terra è posta sul mar maggiore, et è molto mercantile, et ben habitata di ogni generatione, et ha fama d'esser molto ricca. Mentre ch'io stetti nella detta terra, havendo in animo d'andare al Fasso, noliggiai una nave, la qual' era nel mar delle Zabacche, patron Antonio di Valdata, et mi convenne andare a cavallo per trovar la detta nave per far tal nolo. Ma fatto questo, mi fu porto un partito per uno Armeno chiamato Morach, il quale era stato à Roma, et si faceva Ambasciadore di Ussuncassan, insieme con un'altro Armeno vecchio. che dove io voleva andare a dismontare al Fasso, mi faria dismontare in un'altro luogo chiamato la Tina, circa miglia cento lontano da Trebisonda, che era dell' Ottomano, et che subito smontati in terra, montaremmo a cavallo, promettendomi, che in 4 hore mi metteria in un castello d'uno Ariam, sottoposto ad Ussuncassan: dandomi anche ad intendere, che in quel luogo della Tina, non v'era altro che un castello de Greci, et che senza dubio alcuno, mi metteria sicuro nel detto castello. A me per conto alcuno non piaceva tal partito, ma essortandomi molto il Consolo, et suo fratello, anchor che mal volentieri, ne fui contento.

A DI III. GIUGNO 1474 partimmo di Caphà, et venne in mia compagnia il detto Consolo: et il giorno sequente fummo ove era la nave, la quale havevo noliggiata per ducati settanta, ma per mutar viaggio me le convenne dare ducati cento. Et perche dove andavamo a smontare, io era informato, che non si trovavano cavalli, ne caricai nove sopra la detta nave, per ris-

petto delle guide, et ancho per poterci condur dietro delle vettovaglie per li paesi della Mengrelia, et Giorgiania.

A di 15 caricati li detti cavalli, facemmo vela, et entrammo nel mar maggiore, tenendo alla volta del detto luogo della Tina, et navigando con prospero vento. Et essendo circo venti miglia lontani, et non havendo anchor vista del detto luogo, il vento saltò à levante, nostro contrario, tenendo pur alla detta volta: ma sentendo io che li marinari parlavano tra loro, et volendo intendere quello dicevano, mi dissero, che erando per fare quanto io volevo, ma che mi accertavano, che il detto luogo era molto pericoloso. Udendo io tal cosa, et vedendo, che quasi pareva che nostro signore Iddio non voleva, ch'io capitassi male, deliberai andare alla volta di Liati, et Fasso: et fatta questa deliberatione di li a poco fece tempo prospero, et navigammo con venti piacevoli.

A di 29 giunsi al Varti, et per esser li cavalli mal conditionati, deliberai metterli in terra, et farli andar al Fasso, dove diceano esser miglia 60. nel detto luogo si trovava un Bernardino fratello del nostro patrone, il qual venne a nave: et inteso come noi volevamo andare alla Tina, affermonne, che se vi andavamo, tutti eravamo presi per schiavi, et che sapeva certo, che nel detto luogo si trovava un Sobassi con molti cavalli, per visitar quei luoghi secondo la loro usanza. ringratiai Iddio, et partimmi di li. Il detto Varti ha un castello con un poco di borgo d'un signore, che si chiama Gorbola, pur paese de Mengreli: et ha un'altra, che si chiama Caltichea. posta sul mar maggiore di poca conditione, pur vi capitano delle sete, et traggonsene canavaccie, et qualche cera, ma non da conto, per esser genti misere d'ogni conditione.

A DI PRIMO LUGLIO. 1474 sorgemmo alla bocca del Fasso, et venneci una barca de Mengreli a lato con modi, et costumi da matti: dismontammo di nave, et con la barca entrammo nella bocca della fiumana, dove è una Isola, nella qual si dice, che'l Re Oetes padre di Medea venefica regnò. La notte dormimmo lì, ma con tanti moscioni, che credemmo non poter campar da loro.

A di 2 la mattina, andammo con le lor barche su per la

fiumana, et trovammo una terra chiamata Asso, posta su la detta fiumana in mezo de boschi. Et la detta fiumana è larga due tratti di balestra. Dismontati in terre, trovai un Nicolò Capello da Modone, ch'era capitato lì, et havevasi fatto, da Mecho, et una donna Marta Circassa, che fu schiava di un Genovese, et un Genovese maritato lì. Alloggiai con la detta donna Marta, là qual certo mi fece buona compagnia. Stetti in detto luogo per fiino a dì 4 che mi partì. Il detto Fasso è de Mengreli, et il lor signore si chiama Bendian, il quale ha poco paese: perciò-che a traverso può esser tre giornate, et per il piu sono boschi et montagne: sono huomini bestiali, portano le chieriche a modo di frati minori. Fanno qualche pier, pur poco frumento, et vino, ma non da conto. Vivono di panizzo fatto duro a modo di polenta miserissimamente, et le lor femine anchora molto piu: et se non fusse, che qualche volta da Trebisonda vien portato del vino, et pesci salati, et sale da Caphà, fariano del tutto male: cavansi delle canevaccie, et cere, ma di tutto poco. Se fussero huomini industriosi, pigliariano nel fiume quanto pesce volessero. sono christiani, ma hanno di molte heresie, et celebrano alla greca.

A dì 4. partimmo dal Fasso, tolto per mia guida il sopradetto Nicolò Capello, et passammo con un Zoppolo una fiumana chiamata Mazo.

A dì 5 camminando per la detta Mengrelia per boschi et montagne, la sera fummo, ov'era la persona di Bendian signore di Mengrelia: il quale era con la sua corte in uno poco di pianura, et alloggiati sotto un'arbore, gli fece sapere per il detto Nicolò, che io volevo parlare a sua signoria, mi fece chiamare. sedeva in terra sopra un tapeto, con la moglie appresso, et con alcuni suoi figliuoli. mi fece sedere in terra avanti lui. dove usai le parole, che accadevano. Et havendolo presentato, non mi disse altro, salvo che io fussi il ben venuto. gli domandai una guida. me la promisse, et con questo tornai al mio alloggiamento. Mandommi a presentare una testa di porco con un poco di carne di manzo mal cotta, et alcuni pochi pani et tristi, et per necessità mi fu forza mangiarli, et per aspettar la guida vi stetti tutto il dì. Erano nella detta pianura molti arbori in modo di bussi, ma

molto maggiori, li quali non haveano pure un ramo piu alto dell'altro con la strada in mezo. Detto Bendian poteva haver da cinquanta anni assai bello huomo, ma modi, et costumi matteschi.

A di 7 partimmo camminando di continuo per boschi, et montagne: et a dì otto passammo un fiume, che divide la Mengrelia dalla Giorgiania, dove dormimmo sopra un prato su l'herba fresca senza troppo vivande.

A di 9 venimmo in una terricciuola chiamata Cotachis, che ha un castello fatto tutto di pietra, sopra un monticello, et ha una chiesa dentro, che mostra esser molto antiqua. passammo poi un ponto, per il quale si passa un fiume assai grande, et alloggiammo sopra un prato, dove erano le case del Re Pangrati di Giorgiania: percioche il detto castello è suo. Et quel governatore ne lasciò alloggiare nelle dette case: dove stemmo per tutto dì 11 con gran fastidii di quelli Giorgiani, che sono matti, come li Mengrelli. Volse quel governatore, che io desinassi con lui, et ridotti in una sua casa si misse à sedere in terra, et io appresso di lui con alcuni delli suoi, et ancho dei miei. Ne fu disteso avanti un cuoio a modo di mantile. credo certo, ch'l grasso, che vi era suso, haverebbe condito un gran calderone di verze. mi misse davanti pan da bisogno, ravanelli, et un poco di carne acconcia a lor modo, et alcuni altri imbratti, che certamente io non saperia ridirli. La tazza andava attorno et facevano tutto il possibile ch'io m'imbriagassi, percioche cosi fecero essi: et perch'io non lo feci, mi disprezzavano molto, et con gran fatica mi partì da loro. il governatore mi dette una guida, che mi menasse dove era il suo Re.

A di 12 mi partì camminando per montagne et per boschi, et al tardi per la detta guida fui fatto dismontare sopra un poco di prato appresso il castello, che era sopra un monte, chiamato Scander, dove era il Re Pangrati. Et per la detta guida mi fu detto, che voleva andare a farlo sapere al suo Re, et che tornaria subito, et mi meneria una guida, che m'accompagneria per tutto il suo paese. si partì, et lassonne in mezo dei boschi non senza nostra paura, aspettando tutta la notte con gran fame et sete. La mattina a bon'hora se ne venne, et con lui due

scrivani del Re, et dissero che'l Re era cavalcato a Cotachis, et haveva mandato loro per intender le robbe, che io havea, per farne una lettera, acciò ch'io potessi passar per tutto il suo paese senza pagar cosa alcuna. Volsero vedere il tutto, et notare ancho li drappi che io haveva in dosso il che mi parve molto strano. dapoi scritto, mi dissero ch'io montassi a cavallo solo, et volevano ch'io andassi al lor Re. Et facendo io ogni prova che mi lasciassero, cominciarono ad ingiuriarmi, et con fatica mi lasciarono menare il mio Turcimano. montai a cavallo senza mangiare, et bevere, et camminando con loro mi condussero al detto castello di Cotachis, dove era il Re, il qual mi fece ridur sotto un'arbore, dove stetti tutta la notte, et mandommi un poco di pane, et un poco di pesce, non però troppo. la mia famiglia rimase in guardia di alcuni altri, et furono menati ad un casale, et messi in casa d'un prete. come dovessero stare gli animi nostri, ciascuno facilmente lo può considerare. La mattina il Re mi mandò chiamare. egli era in una sua casa sedendo in terra con molti de suoi baroni: ove mi fece di molte domande, et fra l'altre se io sapeva quanti Re erano al mondo. Io dissi a ventura, credo che siano dodici. Mi rispose tu dici il vero: et io sono uno di quelli, et tu sei venuto nel mio paese senza portarmi lettere del tuo signore? Io gli risposi, che la cagione, che non gli haveva portato lettere, era, perche non credeva venire nel suo paese, ma che l'accertavo, che'l mio Signore il Papa l'apprezzava, et mettevalo in conto di tutti gli altri Re, et se egli havesse creduto ch'io fussi passato pe'l suo paese, che gli haveria scritto volentieri. Mostrò haver picere. Mi fece dapoi di molte strane dimande: per le quali compresi, che quel ghiotton della guida, che mi haveva condotto, gli haveva dato ad intendere, ch'io haveva gran cose. Et in vero se cosi havesse trovato, non usciva mai di quel luogo. Li detti scrivani di quelle mie poche cose che scrissero, tolsero quello che piacque loro: et per forza volsero ch'io le danassi al lor Re. Nel prender commiato, lo pregai, che mi dovesse dare una guida, che mi accompagnasse sicuro fuor del suo paese. Et cosi mi promise, dicendomi che mi faria far ancho una lettera, ch'io andaria sicuro per tutto il suo paese. Con questo mi partì, et venni sotto il detto arbore,

facendo instantia con quello scrivano di haver la lettera et la guida, la qual finalmente hebbi, ma con grandissima fatica.

A di 14 mi partì dal detto Re, et ritornai al casale, dove era la mia brigata, la qual teneva per certo, che io non dovessi piu ritornare per le male relationi, che pur il detto prete le haveva dato del Re. Et quando mi viddero, parve loro di vedere il Messia, et d'allegrezza non sapevano quello che facessero. il povero prete mostrò haver piacere, et apparecchiommi da mangiare. La notte dormimmo il meglio che si potè: et ne fece un poco di pane per portar con noi, et dettene un poco di vino.

A di 15 circa terza partimmo de lì con la guida, camminando per boschi, et per montagne terribili, paese maladetto, dormendo la notte in terra appresso qualche acqua et herba. Et per li freddi facevamo fuoco.

A di 17 giungemmo io una terra del detto Re, chiamata Gorides, posta in una pianura con un castello di legname sopra un colle, passale una gran fiumara d'appresso, et è luogo assai convenevole. Per la guida fu fatto saper à quel governatore il giugner mio, e subito mi fece intrar in una casa, dove aspettando di haver qualche buona accoglienza, di lì ad un poco mi mandò a dire, che'l Re gli scriveva che io gli dovessi dare vinti sei ducati, et alla guida sei. Et io maravigliandomi dissi, questo non poter essere, perche il suo Re mi haveva fatto buona accoglienza, et che io lo haveva presentato di ducati settanta co molte altre parole, che nulla mi valsero. Et anchora che io non volessi, mi convenne dargliela. mi tenne fino a di 19 che mi licentiò. io stavo con gran fastidii, percioche pareva che quelle bestie non havesser mai visti huomini. Questo paese della Giorgiania è pur un poco migliore della Mengrelia, ma nei costumi et nel vivere tengono un medesimo modo: et cosi nel credere, et nel celebrare. ne fu detto quando fussimo giu di una gran montagna, che in un bosho vi era una gran chiesa, dove era una nostra donna antiqua, et vi stantiano piu di quaranta coloiri. Et dicavano ch'ella faceva molti miracoli. Non volsi andarvi per il desiderio grande, ch'io havevo d'uscir di quel maladetto paese, che certo lo passai con grande affanno, et pericolo: che à dir tutto saria longo, et al lettor fastidioso.

A di 20 partimmo del detto luogo di Gorides pur per montagne, et per boschi, trovando alle volte qualche casa, dove prendevamo qualche vettovaglia, et andavamo a riposare in qualche luogo, dove fusse acqua et herba per i cavalli. il nostro letto era su l'herba fresca, et cosi facemmo di continuo per li paesi della Mengrelia, et della Giorgiania.

CAPITOLO III.

Il Clarissimo ambasciador arriva a Tauris città regia della Persia, et non havendo trovato Ussuncassan, si appresenta al figliuolo, et partitosi, et havendo camminato molte giornate per la Persia se ne va a trovarlo nella città di Spaan, dove in quel tempo si ritrovava.

A di 22 cominciammo a salir una montagna molto grande, et la sera ci trovammo quasi in cima, dove ci fu forza riposare, et fu senza acqua. la mattina a buon'hora cavalcammo, et quando havemmo discesa la detta montagna, fussimo nel paese di Ussuncassan, cioè nel principio dell' Armenia, et la sera arivammo ad un castello del detto signor Ussuncassan, chiamato Loreo, il qual è posto in un luogo, che mostra pianura, ma gli passa di sotto una fiumara molto profonda, non di acqua, ma di cava: et dall'altra banda vi è una montagna, et all'incontro della fiumara è uno casal d'Armeni, nel quale alloggiamento, et nel castello vi sono Turchi del detto signore, dove stessimo per fino a di 25, si per riposare, come per trovar guida. Et certo fussimo ben visti nel detto luogo. L'Armeno che menai con me da Cafà, che diceva esser huomo del signor Ussuncassan, fù discoperto per un gran ribaldo, et per li detti Armeni mi fù detto, ch'io havevo havuto gran ventura ad uscir delle sue mani. per la qual cosa li tolsi un cavallo, che gli havevo dato, et lo licentiai. Et tolsi per mia guida un prete Armeno per fino in Tauris, il qual trovai fidatissimo.

A di 26 noi cinque col prete insieme partimmo dal detto luogo di Loreo, et passammo una montagna. la sera ci trovammo in una campagna in mezo di montagne, et arrivammo ad un casale di Turchi, et lì dormimmo pur alla campagna: et fossimo assai ben veduti.

A di 27 cavalcammo avanti giorno per passare un'altra montagna, perche ne fu detto, che alla discesa v'era un casal di Turchi, che passando di giorno, lo passeremmo con gran pericolo. ma la ventura nostra volse, che passammo a hora, che credo non fussimo veduti. Et entrammo in una campagna molto bella, facendo ogni sforzo nel camminar piu dell'usato, con poco riposo fin alla notte, et dormimmo alla campagna, et cosi per la detta campagna fin a di 28 che ci trovammo per mezo il monte di Noe, il quale è altissimo, et tutto pien di neve dalla cima fin al basso, et cosi sta tutto il tempo dell'anno. Dicesi che molti hanno cercato di andarvi in cima. et che alcuni non ritornano, che quelli che ritornano, dicono, che non par loro di poter mai trovar via alcuna. Camminando fino a di 30 di continuo per campagna, pur trovando qualche monticello, ma non d'importanza, arrivammo ad uno castello di Armeni franchi, che si chiamano Chiagri, dove stemmo fino a di 31, che ci riposammo alquanto, perche havemmo pane, galline, et vino.

A DI I. AGOSTO 1474 a vespero ci partimmo, et ne convenne torre un'altra guida per Tauris.

A di 2 arrivammo ad un casale pur di Armeni, assai buono, accosto ad una montagna, dove convien passare una fiumara con una barca d'una strana foggia, che essi usano, et dicono che la detta fiumara è quella, dove il Soldan Busech venne per esser alle mani con Ussuncassan, ma molto piu verso Levante, et che essendo Ussuncassan da una banda, il Tartaro dall'altra per disagio del vivere, entrò il morbo in detti Tartari con tanta furia, che fu cagione, che Ussuncassan li ruppe, et prese il detto Soldan Busech, et fecegli tagliar la testa. passammo la detta fiumara: et da banda sinistra vi sono 11 casali di Armeni, uno appresso l'altro, tutti catholici, et hanno il lor Vescovo, et sono sotto il Papa. Et per tanto paese la Persia non ha il piu bello, ne il piu abondante d'ogni cosa.

A di 3. venimmo in una terricciuola chiamata Marerichi, appresso la quale riposammo quella notte.

A di 4. a buon'hora cavalcammo per campagne, et con tanto caldo, che non ci potevamo metter la mano adosso, non trovando acqua buona in alcun luogo.

Nota che dal partir di Loreo, camminando per li luochi, come è detto, trovammo molti Turcomani con le loro famiglie, che cambiavano alloggiamento, et andavano alle herbe fresche, perche cosi usano star con li suoi padiglioni in luogo abondante di herba fin ch'ella è consumata, poi vanno a trovar dell'altra. Et trovavamo di quelli che stavano alloggiati, che sono huomini molto maladetti, et gran ladri, che certo ne facevano paura: ma facevo dir, ch'io andavo dal lor Signore, et con questo passammo, et con l'aiuto del nostro Signor Dio.

Nel detto giorno circa hora di vespero entrammo nella città di Tauris, la quale è posta in piano con muri di terra, et tristi, et ivi appresso sono alcuni monti rossi. dicono che si chiamano li monti Tauri. Entrati nella detta terra la ritrovammo in gran combustione, et con gran fatica andai ad uno caversera, dove alloggiai. Et camminando avanti che vi arrivassi fra quelli Turchi, sentiva dir, questi sono di quelli cani, che vengono a metter scisma nella fede macomettana. noi doveremmo tagliarli a pezzi. Dismontati nel detto caversera, per uno Azamo, che lo governava, ne furono date due camere per nostro alloggiamento. et certo mostrò esser buona persona. et le prime parole che mi dicesse, si maravigliò come eravamo venuti a salvamento, mostrando non poter credere, et fecene a sapere come tutte le strade della terra erano sbarrate, che cosi io le viddi. volsi intender la cagione. mi disse, come Gurlamameth il valente figliuol di Ussuncassan haveva rotto guerra a suo padre, et havevagli tolto una terra capo della Persia chiamata Siras, la quale haveva data a godere a Sultan chali, et alla madregna del detto Gurlumameth. Per la detta cagione Ussuncassan haveva fatto gente, et cavalcava alla volta di Siras per cacciar il detto Gurlumameth, et come un signorotto chiamato Zagarli huomo di montagna, haveva piu di tremila cavalli, et per la intelligentia che esso haveva col detto Gurlumameth danneggiava, et correva fino appresso Tauris, et

per dubio del detto havemmo sbarrate le strade. dissemi anchora come il suo Subassi era uscito fuori per esser all'incontro di detto Zagarli, il qual subito fu rotto, et toltogli il tutto, et hebbe di gratia di tornare in Tauris. Il domandai, perche tutti quelli della terra non uscivano fuori: mi rispose, che essi non erano huomini da guerra, ma che a quel signore che haveva la terra loro davano obedientia. Volsi far ogni esperientia di partirmi per andar dietro al signore. non trovai mai huomo, che mi volesse accompagnar, ne da quelli subbassi, potei haver alcun favore. onde mi fu forza star nel detto Caversera, et di continuo nascoso, perche cosi mi ricordava il patron di quello. pur qualche fiata mi era forza andare a comprarmi da vivere, over mandare il mio Turciman, et qualche volta anche uno Astustin da Pavia, il qual menai con me da Cafà, che pur sapeva alquanto la lingua. a quali venivano dette molte ingiurie, et che dovremmo esser tutti tagliati a pezzi. Dopo alcuni giorni venne un figliuol di Ussuncassan chiamato Masubei con cavalli mille per stare al governo di Tauris per dubio di quel Zagarli, al quale andai, et con fatica hebbi da lui audientia. Convennemi donargli una pezza di ciambellotto, et dapoi salutatolo gli dissi, ch'io andava dal signore suo padre, et lo pregai che mi volesse dar qualche buona compagnia. appena mi rispose, et mostrò di non si curare. tornai al mio alloggiamento, et le cose cominciarono a peggiorare, percioche il detto Masubei volse tor danari dal popolo per far gente, il qual non li volse dare, et serrarono tutte le botteghe. onde mi fu forza per la detta cagione partirmi dal Caversera, et ridurmi in una chiesa d'Armeni, dove mi fu dato un poco d'alloggiamento per noi, et per i cavalli, et non lasciare uscir fuora alcun dei miei. Con che animo dovevo stare con la mia famiglia, si può considerare, che in vero di continuo stavamo ad aspettare di esser mal menati, ma il nostro signor Dio, che per sua misericordia ne haveva campati da tanti pericoli fino li, ne volse anche salvare.

A DI V. SETTEMBRE 1474 stando pur in Tauris, giunse Bartholomeo Liompardo mandato dalla nostra Illustrissima Signoria al detto signor Ussuncassan, il qual mi trovò in Cafà, et era con lui uno Brancalion suo nipote. costui volse andare per via di Tra-

bisonda, et venne un mese dopo me. onde deliberai mandare il detto Agostino a Venetia con mie lettere alla nostra Illustrissima Signoria, et dar aviso del tutto, et lo mandai per via di Aleppo, il quale andò a salvamento, ma con gran pericolo. stetti in Tauris fino a di 22. di Settembre. Non posso dir bene della sua conditione, perche di continuo stetti ascosto, egli è grande, et ha molte carabe dentro, non credo habbia gran popolo. è abondante di ogni sorte di vettovagglia, ma tutto è caro. ha di molti bazarri. vi capitano molte sete per transito per Aleppo con caravane. hanno di molti lavori di seta leggieri fatti in Jesdi. usano molti boccassini, et quasi d'ogni sorte mercantia. di gioie non udì far mentione per alcuno. Volse la fortuna mia, che'l Chadi Lascher, uno de primi appresso il signor Ussuncassan, ch'era stato ambasciadore al Soldano per far pace, la qual non pote far, rittornava al suo Signore, et subito ch'io lo seppi, tenni pur modo di parlargli, et fecigli un presente, pregandolo che mi volesse accettare in sua compagnia, dicendo ch'io andava dal suo signore per facende importanti: il qual mi accettò tanto benignamente, quanto dir si potesse con parole humane et cortesi, dicendomi che mi accettava di buona voglia, et sperava in Dio condurmi a salvamento dal suo signore. Parvemi una gratia da Dio, et molto lo ringratiai. costui haveva con lui duo suoi schiavi schiavoni rinegati, i quali fecero stretta amicitia con li miei servitori con molte offerte, et mi promissero, che quando il lor padron saria per partirsi, subito me lo fariano sapere, et cosi fecero. et io feci loro un presente, il qual mi valse.

A di. 22, come è detto, partimmo da Tauris col detto Cadi Lascher, et eravi anchora una caravana di molti Azami, che andavano al nostro cammino, et per paura si accompagnarono con noi, et camminando trovavamo il paese tutto piano con qualche poche colline, et molto arido, non si trovando un arbore d'alcuna conditione, salvo appresso qualche fiumana. Trovavamo pur qualche casale, ma non da conto. Avanti mezo giorno riposavamo alla campagna, et cosi la notte, et di casale in casale ci fornivamo di vettovaglia secondo li nostri bisogni, et camminando al detto modo, arivammo a di 28 in una terra chiamata Soltania, cher per quel che mostra, credo fosse bona terra, ha un castello di muro assai grande, il qual volsi vedere. eravi una mos-

chea, che mostrava esser molto antica. haveva tre porte di bronzo piu alte di quelle di San Marco in Venetia, lavorate con pomoli tutti fatti alla damaschina intervenendovi argento, et certo è cosa bellissima. credo costassero assai danari. altro da conto non viddi. la detta terra è posta in pianura, ma appresso alcune montagne non troppo grandi. dicono che'l verno vi fa tanto freddo, che conviene andar ad habitare in altro luogo. ha uno bazzarro di vettovaglie, et di qualche boccassini, mà non da conto. stemmo nel detto luogo fin alli 30, et la mattina ci partimmo camminando pur per campagne con colline, come è detto, et è della Persia, la qual comincia da Tauris, et dormendo ogni notte alla campagna.

A DI IV. OTTOBRE, 1474, giungemmo in una terra chiamata Sena, non murata, con bazzarro all' usato, posta in campagna appresso una fiumana, la qual ha pur degli arbori intorno, dove dormimmo in un caversera assai incommodo.

A di 5 ne partimmo di lì, et alli 6, essendo alloggiati in campagna, fui assalito dalla febre con varii accidenti, che con gran facità alli 8 la mattina cavalcammo, et à buon' hora arivammo ad una terra chiamata Como, et entrati in nn caversera in un poco di alberghetto, la febre crescendo cominciò gravemente a molestarmi, et il giorno sequente tutti li miei si ammalarono, eccetto Pre Stephano, il qual era quello, che ci attendeva a tutti, et fu malattia di sorte, che per quanto mi fu detto, noi farneticavamo dicendo molto pazzie. Il detto Cadi Lascher mi mandò a visitare, et scusarsi che lui non poteva star piu quivi, perche gli conveniva esser presto da suo signore. ma, che mi lascieria un servitore, confortandomi, che io era in paese, che niuno mi faria dispiacere. La detta malattia mi tenne nel detto loco fin alli 23. La detta terra di Como è posta in piano, et è picciola, ma assai bella, et circondata di mura fatte di fango, et è assai abbondante d'ogni cosa con buoni bazzarri di quei loro lavori, et boccassini.

Alli 23. come s'è detto, ci partimmo di lì, et in vero, che par la malattia io cavalcavo con grande affanno.

Alli 25. arrivammo in un altra terra chiamata Cassan, murata come Como, et con bazzarri, come s'è detto, ma è piu bella terricciuola di Como.

Alli 26. la mattina ci partimmo di lì, et entrammo in un' altra terra picciola chiamata Nethas, posta in piano, dove si fa piu vin, che in altro luogo, et per la debolezza, et perche mi era pur ritornato un poco di febre, stetti lì quel giorno, et alli 28. il meglio, che potei, montai à cavallo, et camminando pur per pianura giungemmo in una terra chiamata Spaan alli 30. dove trovammo il signore USSUNCASSAN, et inteso dove alloggiava il Mag. Messer Josaphà Barbaro ambasciadore, andai a dismontare al suo allogiamento. et vistone l'un l'altro, pieni d'allegrezza n'abbracciammo strettamente. di quanta consolatione mi fusse si puo considerare: ma bisognandomi piu presto riposo, che altro, mi posi a riposare. Il giorno poi sequente conferì con sua Magnificentia quanto mi accedeva. Il signore inteso, c'hebbe della mia venuta, mandò suoi schiavi a ricevermi con presenti di vettovaglie.

A DI IV. NOVEMBRE. 1474. La mattina per suoi schiavi fussimo chiamati dal signore nella stanza, dove stava, et entrati in una camera col Magnifico Messer Josapha, dove era sua signoria con otto dei suoi baroni, li quali mostravano d'esser huomini di auttorità, et fatta la debita riverenza secondo il lor costume, esposi l'ambasciata per nome della mia Illustrissima signoria, et gli appresentai la lettera di credenza. compiuto quanto io haveva da dire, mi rispose con brevità, quasi scusandosi, che la forza l'havea fatto andar in quelle parti. Dapoi mi fece sedere appresso quelli suoi baroni, dove fu portato da mangiare in vero abondantemente delle vivande secondo la loro usanza, ma ben apparechiato sedendo sui tapeti, come usano. Mangiato, che havemmo, salutammo sua signoria, et ritornammo alli nostri alloggiamenti.

Alli 6. fossimo chiamati, et fecemi mostrar gran parte de suoi alloggiamenti, dove stava, che erano in mezo d'un campo, dove correva una fiumana, luogo molto dilettevole. Era una parte fatta in modo d'una cuba, dove era dipinto il modo, ch'egli mandò a tagliar la testa a Soltan Busech, mostrando che Gurlumameth lo menava con una corda, il qual fu quello, che fece far le dette stanze. ne fece poi far collatione di buoni confettioni. Tornammo alle nostre stanze senza dìr altro. Stemmo in questo luo-

go di Spaan con sua signoria fino alli 25. del detto. et nelli detti giorni molte volte fussimo chiamati da sua signoria, dove mangiavammo senza dirne altro. La detta terra di Spaan mostra d'essere assai convenevol terra, posta in piano, abondante d'ogni vettovaglia. dicono, che non volendosi ella rendere poi, che fu presa, fu molto distrutta. et è mùrata di mura di terra, come l'altre. Nota, che da Tauris fin a questo luogo di Spaan sono giornate 24. paese tutto della Persia, piano aridissimo, et molti luoghi hanno acque salse. le biade, et i frutti, che pur ve ne sono assai abondantemente son fatti quasi per forza d'acque. hanno frutti d'ogni sorte, li migliori, che io habbia visto, et gustato in luogo alcuno. à banda destra, et sinistra vi sono montagne, le quali dicono esser molto fertili, et che da quelle vien la maggior parte delle vettovaglie. Tutte le cose sono care. Il vino costa da tre in quattro ducati la quarta à nostro modo. di pane è conveniente mercato. le legne costano un ducato la soma da camelo. la carne è piu cara che da noi. le galline si vendono sette al ducato. le altre cose tutte per ragione. Li Persiani sono huomini molto costumati, et gentili, nelle cose loro mostrano d'amar li christiani. Nella detta Persia à noi non fu mai fatto oltraggio alcuno. Le lor donne vanno vestite assai honorevolmente, si nel vestire, come nel cavalcare molto meglio che gli huomini, mostrano d'esser belle donne, perche gli huomini sono belli, ben fatti. tengono la fede macomettana.

CAPITOLO IV.

Il Clarissimo Ambasciador si parte da Spaan, et insieme con Ussuncassan torna à Tauris, dove trova l'ambasciador del Duca di Borgogna, et del Duca di Moscovia, et dopo molte udienze è licentiato da Ussuncassan.

A di 25. di Novembre, come s'è detto, sua signoria si partì del detto luogo di Spaan con la sua corte, et tutti con le lor

famiglie ritornando ad invernar in Como, et io con sua signoria, camminando quasi per li luoghi che eravamo andati alloggiando alla campagna sotto padiglioni, et in ogni luogo, dove alloggiavamo, si facevano bazarri d'ogni cosa, perche sono deputati alcuni che seguitano il campo, à portar vettovaglie, et biade d'ogni sorte.

A DI XIV. DECEMBRE, mille quattrocento settantaquattro entrammo nella detta terra di Como con sua signoria, dove con fatica ne fu data una casetta per nostro allogiamento, ma ci convenne star due giorni sotto i padiglioni avanti che la potessimo havere. stemmo con gran freddi nel detto luogo di Como con sua signoria fino alli 21 di Marzo, 1475, et secondo l'usanza molte volte ne faceva chiamare. Quando mangiavamo con sua signoria, ci faceva entrar nella sua camera de' padiglioni, et anche alle volte stavamo di fuori, et senza dirne altro ci partivamo. et quando desinavamo con sua signoria ella haveva piacere di dimandar delli nostri luoghi, et facevane di strane dimande. La sua porta certo è honorevole, et di continuo vi sono molti huomini da conto. et ogni giorno vi mangiano da 400 persone, et alle volto molto piu, le quali seggono in terra. Vien portato loro in alcuni Tapsi di rame, hora risi, hora vivande di formento con un poco di carne dentro, che è un piacere a vederli mangiar con furia. Al signore, et a quei che mangiano con sua signoria vien portato honorevolmente et abondante et bene apparecchiato. di continovo beve vino a pasto. mostra d'esser bel mangiatore, et di quanto mangiava, haveva gran piacere di presentarci di quello che gli era davanti. erano di continuo alla sua presenza molti sonatori, et cantori, alli quali comandava quello che gli piaceva che cantassino ò sonassino. Era signor, che mostrava esser di natura molto allegro, è grande di persona, scarmo, ha il viso un poco Tartaresco, et la faccia di continovo colorita. gli tremava la mano, quando beveva. secondo che mostràva, era di età d'anni settanta, molte volte faceva tanfaruzzo et molto alla domestica. quando passava il segno, era pur pericoloso, ma computato il tutto, era assai piacevole signore. Stemmo in questo luogo di Como, come s'è detto, fino alli 22 di Marzo. Lascierò di dir le volte, che parlammo con sua signoria circa l'ambasciata nostra,

per non esser a proposito. ma solo per quanto fu l'effetto, tutto si potette comprendere.

A DI XXI. MARZO 1475. partimmo da Como per venir verso Tauris con tutto il lordò, cioè con ciascuno di quelli che seguivano il signore, quale haveva tutta la sua famiglia, et roba caricata sopra cameli, et mule, che erano in grandissima quantità. Facevamo da 10 in 12 miglia il giorno: et per andare a trovar buona herba, alle volte 20. ma ciò rare volte aveniva. Il costume del suo cammino è, che un giorno avanti mandi a mettere il suo padiglione dove egli vuole alloggiare. poi la notte il lordò si leva, et tutti vanno dove egli è posto, et dove è qualche buona herba, et acqua, vi stà fin che l'herba vien consumata, et poi si parte, cosi seguitando di continovo. Le loro femine sono sempre le prime agli alloggiamenti a drizzare li padiglioni, et apparecchiare per li mariti, le quali son ben vestite, et cavalcano benissimo suli migliori cavalli che habbiano. sono gente molto pomposa. hanno quei lor cameli tanto ben guarniti, che gli è un piacere a vedergli, che non è si tristo, che non habbia almeno sette cameli, di modo che a vederli da lontano paiono gran numero di gente, ma con effetto non è cosi. al giunger suo in Tauris poteva havere in sua compagnia da duomila pedoni. Al Magnifico Messer Josapha, et a me non parve mai di veder piu di cavalli cinquecento appresso il signore, perche gli altri andavano come piaceva loro. Li padiglioni del signore veramente erano belli quanto dir si possa. Dove egli dorme, è a modo d'una camera coperta di feltro rosso con porte che basteriano ad ogni buona camera. Camminando, come s'è detto, di continuo si facevano bazarri nel lordò, et trovavasi d'ogni cosa, ma tutto era caro. Noi con li nostri padiglioni, cioè uno per uno, seguitavamo sua signoria. et molte volte ne facea chiamar a mangiar seco, usando li sopradetti modi, ma spesse volte ci visitava di qualche presente, cioè delle loro vivande, mostrando certo grande amorevolezza: ne per niun, ne de suoi, ne d'altri ne fu fatto mai torto alcuno.

A DI XXX. MAGGIO 1475, essendo circa miglia 15 lontano da Tauris, giunse al signore un frate Lodovico da Bologna con sei cavalli, diceva chiamarsi Patriarca d'Antiochia, il quale disse,

che era stato mandato per ambasciador del Duca di Borgogna. subito il signor ci mandò à dire se noi lo conoscevamo, facemmo buona relatione di lui a sua signoria.

A di 31 la mattina mandò a chiamarlo, et noi di compagnia per udirlo. haveva portato con lui un presente di tre veste di panno d'oro, tre di veluto cremesino, et tre di panno pavonazzo. et andato da sua signoria, l'appresentò. ci fece entrar nel suo padiglione, et volse che'l detto Ambasciadore dicesse quanto haveva da dire. egli disse ch'era stato mandato per Ambasciador dal Duca di Borgogna à sua signoria, et per nome d'esso Duca le fece grandissime offerte con molte parole, le quali non accade recitare in questo luogo. Il signor mostrò di non ne far conto: desinassimo poi con sua signoria, dove gli fece molte dimande, a tutte rispose al bisogno. dapoi ce ne ritornassimo alli nostri padiglioni.

A DI II. GIUGNO 1475. entrammo in Tauris, et funne dato uno alloggiamento. et a dì 8. fu mandato a chiamare il detto Patriarca, et noi. Et benche per avanti quattro volte il signor m'havesse detto, che voleva che io tornassi in Franchia, et che'l Magnifico Messer Josapha rimanesse appresso di lui, io sempre recusai, ne credevo, che piu di tal cosa se ne dovesse parlare. Fummo chiamati davanti sua signoria, dove al detto Patriarcha disse, tu tornerai al tuo signore a fargli sapere come io voglio star sopra le promesse a far guerra ad Otthomano, et che gia io son in punto, con qualche altra parola leggiera in tal proposito: dapoi si voltò verso di me, et dissemi. Anchora tu anderai con questo Casis dal tuo signore, et dirai, come sono in punto à far guerra ad Otthoman, et che anchora essi vogliano fare il medesimo. Io non posso mandar migliore, ne piu sufficiente messo di te. Tu sei stato fin in Spaan, et ritornato con me, et hai visto il tutto, lo potrai riferire al tuo signore; et à tutti li signori Christiani. Udito che l'hebbi, sentì grandissimo dispiacere, et risposi, che tal cosa io non poteva far per le ragioni che accadevano. Mi disse con turbato volto, io voglio, et cosi ti comando, che tu vada, et di questo mio comandamento ne scriverò al tuo signore. Volsi il parer del detto Patriarca, et del Magnifico Messer Josapha, i quali mi dissero, che non si poteva far altramente, che far il suo comandamento. Vista la volontà del signore, et il lor parere, rispo-

si, Signore, anchor che questa cosa mi sia grave, poi che tua signoria comanda così, il tuo comandamento sarà sopra la mia testa, et farò quanto mi comandi, et in ogni luogo, dove mi troverò, dirò la possanza grande, et il buon voler di tua signoria, confortando tutti li signori Christiani che voglino far il simile, dal conto loro. mostrò che la mia risposta gli fusse grata, et usommi qualche buona parola secondo il lor costume. Vsciti fuori fossimo fatti ridurre in un'altro luogo, dove mandò a vestire il detto Patriarcha et me di due robe a lor modo assai leggieri, per esser così il lor costume. Di nuovo tornammo a sua signoria, et fattale riverenza venimmo alla nostra stanza, dove ci mandò a presentare alcuni pochi denari, et un cavallo per uno, cioè al Patriarcha, et a me con alcune frascherie di poco momento. In quel giorno egli uscitte di Tauris, et noi rimanemmo fin a di 10. del detto, nel qual giorno noi ci partimmo, et insieme andammo a trovar sua signoria, il qual poteva esser circa 25 miglia nostre lontano da Tauris con li suoi padiglioni, in un luogo d'acque et di herba assai bello.

A di 10. come s'è detto, partimmo da Tauris, et andammo a trovar sua signoria, et messi li nostri padiglioni al luogo usato, stemmo molti giorni fin che l'herbe furono consumate. Levossi di quivi, et fece circa miglia 15 delle nostre, dove stemmo fin a dì 27. che ne licentiò, et nei detti giorni pur qualche volta fussimo chiamati, ma non per cosa di momento, et qualche volta presentati dei loro cibi.

A di 26. fussimo chiamati da sua signoria et avanti che entrassimo, ci fece mostrare alcuni lavori di seta assai leggieri, mostrando che nuovamente li faceva fare. Poi ci fece mostrar tre presenti, de quali mandava uno al Duca di Borgogna per il Patriarcha, l'altro alla nostra Signoria, il terzo per un Marco Rosso, che era venuto per Ambasciador del Duca di Moscovia Signor della Rossia Bianca, che erano alcuni lavori di Gesdi, due spade et tulumbanti, tutte cose assai leggieri. Fussimo poi chiamati da sua Signoria, dove erano due suoi Turchi, che mandava per Ambasciadori, uno al Duca di Borgogna, l'altro al Duca di Moscovia, et havendo noi fatte le debite salutationi, disse al Patriarcha et a me, voi anderete dalli vostri Signori, et dalli Signori Christiani,

et direte loro come io ero in punto per andar contra l'Otthoman, ma havendo poi inteso, che egli è in Constantinopoli, et che non è per uscir quest'anno fuori, però non mi par cosa conveniente che io vada in persona contra le sue genti, ma mando parte delle mie contra quel disubidiente di mio figliuolo et parte alli danni dell' Otthoman, et io son venuto in questo luogo per esser in punto a tempo nuovo contra il detto Otthoman, et cosi haverete a dire alli vostri Signori, et alli Signori Christiani, et cosi comandò che dovesse dire il suo Ambasciadore. Cotal parlare con quel che a noi havea detto prima mi fu molto dispiacevole, ne dir altro si potè, salvo che far quanto egli comandava. Con questo ne licentiò, et essendo noi per partire, ci fece soprastare insino alla mattina per usare un'arte si come fece la notte, per quel che noi sentimmo, fece che tutti li suoi pedoni andorno accosto d'una montagna, et la mattina fussimo fatti ridur sotto un padiglione in luogo alto, dove era uno del Ruischason, che era quello, che haveva la cura degli Ambasciadori, et monstrando di parlar con noi di varie cose, ne disse, ecco che vengono di molti pedoni, voi harete tanfaruzzo cioè piacere, a vedergli. li suoi schiavi dicevano, questi che vengono sono gran summa, ma quelli che resteranno, sono anchora assai, passavano per costa d'una montagna, accioche li potessimo ben vedere. Passati, che furono, dicevano fra loro, che potevano esser da diecimila. volemmo intendere il tutto, et fussimo accertati esser quei medesimi pedoni che vennero con sua signoria, et fecelo solo a fin che cosi havessimo da riferire. Fatto questo ne diede le lettere, et tornammo ne'nostri padiglioni. Io parlando con diverse persone, et ancho insieme col Magnifico Messer Josapha Barbaro, per intendere quanti cavalli potevano esser con sua signoria cioè da fatti, intesi che erano da ventimila, ma fra buoni et cattivi da 25 mila. di altri apparecchi non viddi altro, salvo che haveano alcuni pezzi di tavola un passo lunghi con due pironi di ferro da ficcare in terra, assai deboli. In piu volte potemmo veder da cavalli cinquanta coperti d'alcune lame di ferro sopra certi lavori di seta grossi. Le arme, che usano, sono archi et spade, et alcuni brocchieri lavorati di seta, over di filato. non hanno lancie. la maggior parte degli huomini da conto hanno celate assai belle, et qualche panciera. hanno buoni

et bei cavalli. di niuna altra lor cosa ho da dire, per haver detto della condition del paese, et dei loro costumi, et d'ogni altra cosa a sufficienza, benche piu diffusamente haveria potuto dire, che non ho detto, ma l'ho fatto per non esser tedioso.

CAPITOLO V.

Il Clarissimo Ambasciador si parte da Tauris, et cavalcando per la Giorgiania, et Mengrelia è assaltato in molti luoghi, et finalmente arriva al Fasso.

A di 28. ridotti sotto il padiglione del Magnifico Messer Josapha Barbaro desinassimo insieme, et a sua Magnificentia et a me pareva dura la partita, che certo fu con effetto, et abbracciandone insieme con molte lagrime pigliammo licentia l'uno dall'altro. Montai a cavallo insieme col detto Patriarcha, et gli Ambasciatori Turchi, et il sopradetto Marco Rosso, col nome di Dio ci partimmo, che credo fosse in strana hora per gli affanni che io hebbi et i pericoli grandissimi. Camminando per il paese d'Ussuncassan per venire al Fasso arrivammo alli 9 casali d'Armeni catholici, come habbiamo detto per avanti, et alloggiammo in casa del Vescovo, dove fossimo ben visti, et udimmo messa catolica, dimorammo quivi tre giorni per fornirci: donde essendo partiti, et camminando per pianura, et anche per qualche monte entrammo nel paese del Re di Giorgiania.

A DI XII. LVGLIO 1475. arrivammo in una terra del detto Re chiamata Tiphis, posta sopra un poco di monticello col suo castello sopra il monte piu alto, assai forte, dove anche trovammo un' Armeno catholico, et con esso lui alloggiammo, havendo passato un fiume ivi appresso, il qual si chiama Tigris. per fama la detta terra fu assai grande, ma è molto distrutta: et per quel poco che hora è, è assai ben habitata, et vi sono anche di molti huomini catholici.

A di 15. cavalcando per la detta Giorgiania, et la maggior

parte per montagne, trovavamo pur qualche casale, et anche sopra qualche montagna vedevamo qualche castello.

A dì 18. circa li confini della Mengrelia in un bosco in mezo di montagne trovammo il Re Pangrati, et fummo a visitarlo tutti noi, dove volse mangiassimo con lui, sedendo in terra, con li mantili di cuoio secondo la lor usanza per tovaglia. Il nostro mangiar fu carne arrostita, con qualche gallina, et tutto mal cotto, con qualche altra cosuccia: ma ben vi era del vino abbondantemente, perche tengono quello esser il piu bell'honore, che possano fare. Mangiato che s'hebbe, si missero a far sdraviza con alcuni bicchieri groppolosi mezo braccio lunghi: et quelli che bevevano piu vino, erano piu stimati fra loro. I Turchi, che non beveano vino, furno cagione, che ci levammo da tal impresa: ma fummo molto disprezzati, perche non facevamo a modo loro. Il detto Re poteva esser d'anni 40. huomo grande, bruno, di viso Tartaresco, nondimeno bell'huomo: dal quale togliemmo finalmente commiato.

A di 20. la mattina partimmo di lì, et cavalcando per la detta Giorgiania sempre quasi per montagne venimmo a'confini della Mengrelia, dove trovammo (et fu a di 22) un Capitano d'alcune genti a piedi et cavallo del detto Re, per certa differenza, ch'era nel paese della Mengrelia, per la morte di Bendian suo signore: le quali ne fecero fermar con molte minaccie, et ci tolsero due Turcassi con gli archi, et con le freccie, et pagammo alcuni danari: lasciaronne poi andare, et noi piu presto che potemmo cavalcando, uscimmo fuori di strada, et ridotti in un bosco, stemmo quella notte con gran paura, dubitando non esser assaltati.

A di 23. la mattina, cavalcando verso Cotatis, nel passare un passo stretto, fummo assaltati da alcuni del casale, che ci tolsero il passo con minaccie di morte: et dopo le molte parole tolsero tre cavalli di quelli Ambasciadori Turchi, che portavano il presente: et con gran fatica pagando circa ducati venti di lor monete, et i cavalli, et alcuni archi fummo lasciati, et venimmo a Cotatis castello del detto Re.

A di 24. la mattina, convenendoci passare un ponte sopra una fiumana, fummo assaliti, et ci bisognò pagare un grosso per

cavallo. essendo menati: che certo ne fu di grande affano. Passati che fummo, entrammo nella Mengrelia, dormendo sempre alla foresta.

A di 25. fummo menati a passare una fiumana con alcuni zoppoli, et ridotti in un casale d'una donna chiamata Maresca, che fu sorella di Bendian, la qual mostrò farne buonissimo accetto: presentonne del pane, et del vino, et missene dentro un suo prato serrato.

A di 26. la mattina deliberammo farle un presente, che poteva valere da venti ducati: ne ringratiò, et non volse accettarlo: ma poi cominciò a farne molti stratii, dicendo voler due ducati per cavallo: et benche noi ci scusassimo per povertà, come per altro, non però ne valse, et ne convenne darle due ducati per cavallo, et anche volse il presente, che le havevamo mandato, con qualche altra mangiaria appresso, et con fatica ne licentiò: che certo alli modi, ch'ella tenne, credetti che ne dovesse spogliar del tutto: nondimeno fummo licentiati.

A di 27. montammo parte di noi in alcuni suoi zopoli, et parte a cavallo venimmo al Fasso molto dissipati: et allogiati in casa dell' antedetta donna Marta Circassa, per conforti degli affanni che havevamo havuti, sentimmo Caphà esser stata presa da Turchi, dov' era la speranza nostra di passare. di quanto affano tal nuova ci fusse, lascio considerar'a voi. Non sapevamo, che partito dovessimo prendere, et stavamo come persone perdute: ma frate Ludovico da Bologna Patriarca d'Antiochia sopradetto, deliberò di voler andare alla via di Circassia, per passar la Tartaria, et venir in Rossia, mostrando haver qualche notitia del detto cammino, piu volte havea detto di non s'abbandonare l'un l'altro, et cosi gli dissi, et lo pregai, che dovessimo di compagnia far' il detto cammino, et questo fu piu volte: ma mi rispose, ch'era tempo, che ciascuno salvasse la sua testa. Mi parve un' iniqua et strana risposta, et ancora lo pregai non volesse usar tanta crudeltà, ma niente mi valse. Volse ad ogni modo partire con la sua compagnia, et famiglia, et con l'ambasciador turco datogli per Ussuncassan. Visto cosi, cercai accordarmi con Marco Rosso, et con l'ambasciador turco, c'haveva con lui, et pigliar qualche partito di ritornare a dietro. Mostrorno di volerlo fare,

et per segnal di fede ci baciammo la bocca, et io teneva tal promessa per certa: ma si consigliorno poi fra loro, et deliberorno andar per il paese di Gorgora Signore di Calcican, et delle terre Vati, che confinano con alcuni luoghi d'Ottomano, et davanli tributo. Intesa io tal cosa, non mi parve di pigliar tal cammino: ma piu tosto rimanere ivi al Fasso alla misericordia di Dio.

A DI VI. AGOSTO, 1475, il detto Patriarca montò à cavallo, com'è detto, con li suoi, facendo qualche scusa meco. et il giorno seguente si partì il detto Marco Rosso col Turco, et con alcuni Rossi, che erano con lui, parte in una delle lor barche, et parte a cavallo per il Vati, con pensier d'andare alla volta di Samachi, et poi passar la Tartaria. Cosi rimasi io solo in quel loco con la mia famiglia, che in tutto eravamo cinque abbandonati da tutti, senza danari, et senza speranza d'alcuna salute, per non saper che via, ne che modo havessimo da tenere. qual cuore fusse il nostro, lascio considerar a chi ha intelletto. A me in quel giorno da fastidio saltò la febre terribile, et grande, ne mi poteva medicar con altro, che con l'acqua della fiumana, et con qualche panetto piu presto di semolelli, che d'altro: pur alle volte con fatica hebbi qualche polastrello. il male fu grande, et con alcune frenesie, che per quello che mi fu detto dopo, io diceva molto strane cose. Ivi ad alcuni dì s'ammalarono tre della mia famiglia, et restò solo prete Stephano, il qual' attendeva a tutti. il mio letto era una coltre assai trista, la qual mi prestò un Zuan di Valcan Genovese, che stava in quel luogo, et questa era lenzuoli, et letto. la famiglia se ne stette con quelli pochi drappi c'haveva. la detta malattia mi tenne fino a dì 10. Settembre, che certo mi ridusse a tanta estremità, che li miei tenevano per certo, ch'io dovessi morire: ma la ventura mia volse, che la detta donna Marta haveva una borsetta, et un poco d'olio, et qualche herba, la qual mi fu posta, et parve ch'io megliorassi: ma questo conosco veramente che fu per misericordia del nostro Signor Dio, al qual piacque non mi lasciar morire in quei paesi, di che sempre sia ringratiato. Rimasti adunque tutti sinceri, ragionammo fra noi qual partito dovevamo pigliare, et deliberammo per opinion mia di ritornare adietro alla volta di Samachi par passar la Tartaria. Eranvi di quelli, che volevano ch'io andassi per la

Soria, ma non volsi in modo alcuno, et mi ristorai alquanto nel detto luogo del Fasso.

A DI X. SETTEMBRE. 1475. montammo a cavallo, et fatto circa due miglia de' nostri per la gran debolezza non era possibile cavalcare: onde fui posto in terra da cavallo et riposato alquanto, tornammo in casa della detta donna Marta, dove stemmo fin a dì 17. et fortificati alquanto, col nome del nostro signor Dio montammo a cavallo per seguir il viaggio deliberato per noi. Nel detto luogo del Fasso si trovava un greco, che sapeva la lingua Mengrelia, il quale tolsi per mia guida, et mi fece mille assassinamenti, che a narrargli saria cosa pietosa.

CAPITOLO VI.

Il Clarissimo Ambasciador si parte dal Fasso, et tornando per la Mengrelia et Giorgiania và nella Media, et passa il mar de Bachau, cioè Càspio, e perviene in Tartaria.

A di 17. montammo a cavallo, com'è detto, ritornando per la Mengrelia con qualche travaglio. A di 21. fummo in Cotatis, et la detta guida movendomi garbugli, mi fu forza dargli comiato col miglior modo ch'io potei. Stemmo nel detto loco fino a di 24. si per non mi sentir bene, come per aspettar qualche compagnia: et finalmente ci accompagnammo con alcuni pochi, li quali non conoscevamo, ne intendevamo, per certe montagne, ma non senza paura, fino a' 30. che giungemmo in Tiflis, et dismontai piu morto che vivo in una chiesa di un' Armeno catholico, dal qual certo con molti altri havemmo buona compagnia. Il detto prete haveva un figliuolo, al qual per nostra sorte, venne la peste, perche quell' anno era stata grande nel detto luogo: et essendosi li miei mescolati con lui, l'appiccò a un Mapheo da Bergamo mio servitore, il qual mi attendeva: et per due giorni havendola, di continuo mi stette a torno: si buttò poi giuso, dov'

esso dormiva, et discoperto questo male, fui consigliato che mi levassi di lì. onde fatto netto il meglio si potè, un luogo, ove la notte stavan le vacche, mi fu acconcio con un poco di fieno, dove fui messo a riposare per la gran debolezza c'havevo. Il prete non volse piu che'l detto Mapheo stesse in casa sua, et per non haver altro luogo ci fu forza metterlo in un cantone, dove ero anch'io, servendolo prete Stephano: et piacque al nostro signor Dio chiamarlo a se. Hebbi pur il modo con preghiere assai d'haver un'altro luogo da vacche simile a quello, ove mi ridussi al modo sopradetto. Eravamo abbandonati da tutti, salvo che da un vecchio, che sapeva un poco franco, che di continuo ci servì: ma come noi stessimo, si puo facilmente giudicare. Stemmo nel detto luogo di Tiflis fino a' 21. Ottobre, et il giorno avanti per mia ventura capitò ivi quell' Ambasciador Turco che andava con frate Ludovico Patriarca d'Antiochia, il qual mi disse, ch'essendo andati fin nell' Avogasia, furon rubati, et spogliati del tutto: et diceva, che'l detto Patriarca n'era stato cagione, che gli fusse stato rubato, et che lo lasciò andare, et egli se ne ritornava nel suo paese, dicendo che di questo faria lamenti assai al suo signor Ussuncassan. Io il meglio che poteva, lo confortava, et ci accompagnammo insieme, et partimmo di lì, come è detto, a di 21. d'Ottobre. Il detto Tiflis è del Re Pangrati di Giorgiania. et cavalcando per due giorni, entrammo nel paese d'Ussuncassan, perche era nostra via per andar in Samachi, et trovammo belli paesi.

A DI XXVI. D'OTTOBRE. 1475. fummo in un luogo, dove ne convenne separar l'uno dall' altro, perch'io volevo entrar nel paese di Sivansa per andar in Samachi sua terra, et l'ambasciador andar nel suo paese. Per mezo suo hebbi per guida un turco, dei lor preti per fino in Samachi. Tolto comiato ci partimmo, et entrati nel detto paese, che si chiama la Media, il qual è bello et fruttifero paese, et è per la maggior parte pianura, molto piu fruttifero et bello di quello d'Ussuncassan, noi con la detta guida havemmo buona compagnia.

A DI I. NOVEMBRE. 1475. arrivamo in Sammachi, terra del detto signor Sivansa, signore della Media, et è quel luogo, dove si fa la seta Talamana, et ancora molti altri lavori di seta, nondimeno sono leggieri, et per lo piu fanno rasi. La detta terra

non è grande come Tauris, ma secondo il mio giudicio molto migliore in ogni conditione, et abbondante d'ogni vettovaglia. Stando nel detto loco trovammo Marco Rosso ambasciador del Duca di Moscovia: quello col quale andammo fino al Fasso, che fece la via di Gorgora, et capitò ivi, dopo molti travagli. Venne per sua cortesia a trovarmi nel caversera, dove io era, et abbracciatolo strettamente, lo pregai mi volesse accettare in sua compagnia, et mi s'offerse con buone et cortesi parole.

A di 6. partimmo di lì col detto Marco per andare in Derbent terra del detto Sivansa, al confin della campagna de Tartari: et cavalcando hora per montagne, hora per pianure, alloggiando qualche volta in qualche casale de turchi, da' quali havevamo assai buona compagnia, trovammo a mezo cammino una terriciuola assai convenevole, ove nascono tanti frutti, et massimamente pomi, ch'è cosa incredibile: et tutti bonissimi.

A di 12. giungemmo al detto luogo di Derbent: et perche a voler andare in Rossia, n'era forza passar la campagna de Tartari, fummo consigliati invernare in detto luogo, et all' Aprile passare per il mar di Bachau, et andar in Citracan. La detta terra di Derbent è posta sopra'l mare di Bachau, cioè mare Caspio: et dicesi che fu edificata per Alessandro magno, et chiamasi Porta di ferro: perche a entrar della Tartaria in Media et Persia, non si puo entrare salvo che per la detta terra, per haver una valle profonda, che tiene fino in Circassia. ha bellissime muraglie, molto larghe, et ben fatte: ma sotto il monte alla via del castello, non è habitata la sesta parte, et verso il mare tutta è disfatta. ha una grandissima quantità di sepolture. è convenevolmente abbondante d'ogni vettovaglia, et fa vini assai, et similmente frutti d'ogni sorte. Il detto mare è largo per non haver bocca alcuna: et dicesi che volge tanto, quanto il mar maggiore, et è molto perfondo. vi si pigliano sturioni, et morone in grandissima quantità. altri pesci non sanno pigliare. V'è una grandissima copia di pescicani con la testa, piedi, et coda, propria, come cani. Pigliano ancora una sorte di pesci lunga circa un braccio et mezo, grosso et quasi tondo, che non mostra ne testa ne altro: dei quali fanno certo liquore, che bruciano a far lume, et anche ungono li cameli, et portasene per tutto il paese.

Stemmo nella detta terra da 12 Novembre fino a' 6 Aprile, che montammo in barca, et certo havemmo buona compagnia. Mostravano essere bellissime genti, ne mai ci fu fatto ingiuria alcuna. Dimandavano chi eravamo, et dicendo che eravamo Christiani, non cercavano altro. Io portava in dosso una casacca tutta squarciata, foderata di pelli agnelline, et di sopra una pelliccia assai trista, con una berretta di pelli agnelline in capo, et andavo per la terra, et per il bazzarro, et molte volte portavo la carne a casa: ma sentivo pur qualcuno, che diceva. costui non par huomo da portar carne, et il detto Marco me lo diceva, et riprendevami. dicendo che io andavo con una presentia, che pareva ch'io fussi in Franchisa: ma io dicevo non poter far altro, maravigliandomi, ch'essendo cosi straccioso facessino tal giudicio di me: ma com'è detto, havemmo buona compagnia. Stando nel detto luogo per esser desideroso d'intender qualche nuova delle cose del signor Ussuncassan, et del Mag. M. Josapha Barbaro, deliberai mandar Dimitri mio turcimano fino in Tauris, che è cammino di venti giornate, et cosi andò, et ritornò in giorni cinquanta, et portommi lettere d'esso Josapha, il quale mi scrisse, che'l Signor' era lì, ma che non si poteva saper cosa alcuna di lui: et per lo detto Marco fu fatto accordo con un patrone delle lor barche, per condurci in Citracan: le quali lor barche stanno tutto'l verno in terra per non poter navigare: et sono fatte a modo di pesci (che cosi le chiamano) strette da poppa et da proda, con pancia in mezo, fitte con pironi di legno, et calcate di pezze. Vanno alla quara, et hanno due zanche con uno spaolo lungo, che con bonaccia governa, et quando è qualcha mal tempo, con le zanche. Non hanno bussoli, ma navigano con la stella sempre per la vista di terra, et sono navili molto pericolosi. Vogano qualche remo, et governansi tutto alla bestiale, et dicono non esser altri marinari ch'essi. et per dire il tutto, queste genti sono tutte macomettane.

A DI VI. APRILE. 1476. l'esserne bisognato star circa otto giorni a marina in barca con le nostre robe per aspettar tempo, fe che'l detto Marco di continovo stette nella terra, et noi per esser soli, non eravamo senza qualche paura: piacque al nostro Signor Dio far tempo per il nostro viaggio, onde ridotti

tutti alla marina, fu buttata la barca in acqua, poi tutti noi entrammo dentro: et facemmo vela: eravamo persone 35 computando il patrone con sei marinari, il resto erano alcuni mercanti, che portavano qualche poco di risi, et qualche lavoro di seta, et di boccassini per Citracan per vender a Rossi, et anco qualche Tartaro per pigliar altre cose: cioè pellettarie, che fanno per il detto luogo di Derbent. Come è detto facemmo vela il dì soprascritto, con vento prospero, sempre larghi da terra circa miglia 15. a costa di montagne. Il terzo giorno passate le dette montagne, trovammo spiaggia: et fece vento contrario, et ci fu forza a sorger con un ferricciuolo il capo del resto, et poteva esser circa hore quattro avanti sera. la notte il vento rinfrescò con mare assai, et ci vedevamo del tutto perduti. deliberarono far levare il ferro, et lasciarci venir in terra alla ventura su la spiaggia. Levato che fu il ferro, c'intraversammo al mare, et per esser grosso con vento assai, ne buttava in terra: ma volse il nostro signor Dio, col detto mar grosso, che ne levava da scagni, che ci salvassimo, et buttonne appresso terra: ove la barca entrò in una fossa tanto lungo, quanto ella era, che ne parve esser entrati in porto, perche il mar rompeva tante volte avanti che venisse lì, che non ne poteva nuocere. A tutti ne fu forza saltar in acqua, et portar ciascuno le sue cosette in terra molto bagnate: et anco la barca faceva acqua per il toccar ch'ella fece su gli scagni. havevamo gran freddo si per esser bagnati, come per il vento. La mattina fecero deliberatione fra loro, che alcuno non facesse fuoco, perche eravamo in luogo tanto pericoloso de Tartari, quanto dir si potesse. Su per la marina erano molte pedate di cavalli: et perche vi era un zopolo, che mostrava esser rotto da fresco, giudicavamo, che li detti cavalli fussero venuti per pigliar li lor huomini, ò vivi, ò morti, dal detto zopolo: di modo che stavamo con grandissima paura, et in aspettatione continova d'esser assaltati: ma ci rassicurammo, vedendo che dietro la spiaggia erano molte paludi, si che di ragione li Tartari doveano esser lontani dalla marina. Stemmo nel detto luogo fino a di 13. che bonacciò, et mostrò far tempo per il nostro viaggio, onde messe le cose delli marinari in barca, et menata la barca fuor delli scagnoni, furno caricate l'altre robbe, et fatto vela, et fu il sab-

bato santo. Facemmo circa miglia 30. et un' altra fiata n'assal tò il vento contrario: ma havendo alcune isolotte di canne sotto vento, ne fu forza d'entrare in esse, et venimmo a sorger in un luogo, dove era poca acqua. Il vento rinfrescò, et per il marisino la barca toccava alquanto: però il patron volse, che tutti dismontassimo sopra un poco di canneto, à modò d'uno isolotto, et così facemmo: et mi convenne pigliar le mie bisaccie in spalla, et discalzato andarmene il meglio che potei in terra con gran freddo, et gran pericolo per rispetto del marisino, che mi bagnò tutto. Giunto in terra, trovai un poco di coperto di canne, che per quanto dicevano, li Tartari a venivano a pescar l'estate in quei luoghi: messimi lì dentro per asciugarmi il meglio ch'io poteva insieme con la mia famiglia: et i marinari con gran fatica ridussero la barca à paravezo del vento, ove era senza pericolo.

A di 14. la mattina, che fu il giorno di Pasqua, stando su'l detto canneto con qualche poco di canne, ma con gran freddo, non havevamo con che far Pasqua, salvo che con butiro: ma uno de famigli del detto Marco, camminando per lo scoglio trovò 9. uova di anetra, et appresentolle al suo padrone, che fece far una frittata con butiro, et appresentonne un pezzetto per uno: et con quello facemmo Pasqua, che fu molto bella, ringratiando sempre Iddio. Fra lor molte volte dimandavano, chi io era, et havevamo deliberato col detto Marco farmi da medico servidor della Despina, che fu figlia del Dispote Thomà, mandata da Roma per moglie del Duca di Moscovia: et come povero et servidor della detta, andavo a trovare il detto Duca, et la Despina per cercar la ventura: et essendo a uno de marinari venuto un brusco, over fumirolo sotto il scaio, mi dimandò consiglio: onde io ritrovato un poco d'olio, pane, et farina, ch'era in barca, feci uno impiastro et glie lo missi sopra il brusco, et volse la fortuna, che in tre giorni si ruppe, et fu guarito. Per la qual cosa dicevano, che io era un perfetto medico, confortandomi a voler rimaner con loro: ma Marco mi scusò per non haver io cosa alcuna, ne questo poter esser, ma che giunto in Rossia, stato che vi fussi qualche poco di tempo, ritorneria lì.

CAPITOLO VII.

Il clarissimo Ambasciadore navigando il mar Caspio arriva a Citracan Città de Tartari: et da Tartari gli vengon fatte molte paure, et finalmente si parte con la caravana per andar in Moscovia.

A di 15. la mattina fece vento: et facemmo vela, et di continovo velizando appresso terra: cioè di quelle isole di canneti, qualche volta sorgendo, finò à di 26. ch'entrammo nella bocca della Volga, fiumara grandissima, la qual viene dalle parti di Rossia: et dicono che ha bocche 72. che buttano nel mar di Bacau, et è in molti luoghi molto profonda. Dalla detta bocca fino in Citracan sono miglia 75 et per la correnthia grande, hor col tirar l'alzana, hor con qualche poco di vento arrivammo a dì 30. al luogo di Citracan, ma di qua da Citracan verso la marina è una salina grandissima, che si dice far tanto sale, che saria bastante a gran parte del mondo, et d'esso li serve la maggior parte della Rossia, et è bellissimo. li Tartari, cioè quel signor di Citracan, non volse che per quel giorno dismontassimo in terra: ma Marco dismontò, et hebbe pur il modo, perche havea lí qualche amicitia, et la prima sera fui menato in una casetta con la mia brigata, dove stava il detto Marco, messo in un poco di busetto, ove dormimmo. La mattina vennero tre Tartari con visacci, che parevano tavolazzi, et fecermi andare alla lor presenza, et dissero verso Marco, che fusse il ben venuto, percioch'esso era amico del lor Signore, ma che io era schiavo di quello, perche li franchi erano lor nimici. Mi parve strana accoglienza: ma Marco rispose per me, ne volse ch'io dicessi cosa alcuna, salvo ch'io mi ricomandava a loro. Et questo fu.

IL PRIMO DI MAGGIO 1476. ritornai nella detta cameretta con tanta paura, ch'io non sapeva dove mi era, et ogni giorno li pericoli crescevano, si per li Comerchieri, li quali dicevano, che io al tutto havevo gioie, si perche haveamo qualche fraschetta delle cose di Derbent, per barattar à qualche cavallo per nostro cavalcare, et tutto ne fu tolto. Poi per il detto Marco mi

fu detto, che ne voleano vendere in bazarro, ma per suo mezo con alcuni mercanti, che doveano venir in Moscovia, dopo li molti affanni, et pericoli, che fummo assai giorni, fu ridutta la cosa in due mila alermi, d'esser pagati al Signore: senza l'altre mangiarie date ad altri: et bench'io non havessi un soldo, furno pur trovati li detti danari da Rossi, et da Tartari mercanti, che venivano in Moscovia, con grandissima usura, et con la sicurtà fattami dal detto Marco. La cosa del signore per l'accordo fatto pur era alquanto cessata: ma il Can Comerchier, quando Marco nostro non era in casa, veniva et buttava giù la porta del luogo, dove stava, con voce maladetta. minacciando di farmi impalare, dicendomi ch'io havea gioie assai: onde mi fu forza strangolarlo il meglio si pote. Molte et molte volte venivano ancho alcuni Tartari la notte ubriachi d'una vivanda, che fanno di mele, gridando che voleano li franchi, che non è cuor d'huomo, che non si fusse spaventato, et con qualche cosa di nuovo ci conveniva farli tacere. Stemmo nel detto luogo dal primo di Maggio fino a di 10 d'Agosto che fu il dì di S. Lorenzo. Il detto luogo di Citracan, è di tre fratelli, che sono figliuoli d'un fratello del presente Imperadore de Tartari, che sono quelli che stanno per le campagne della Circassia, et verso la Tana. la state vanno per li caldi alli confini della Rossia, cercando li freschi, et l'herba, et questi tre fratelli stanno in questo luogo di Citracan qualche mese del verno, ma la state fanno come gli altri. Il detto luogo è picciolo, et è sopra la fiumara della Volga, et le lor poche case sono di terra, et è murato d'un muro basso, ma mostra bene, che vi sia stato qualche edificio, et che non fusse gran tempo. E fama, che anticamente il detto Citracan fusse luogo di facende assai: et le specie che venivano à Venetia per via della Tana, venivano per il detto luogo di Citracan: perche secondo quello che potei intendere, et comprendere, doveano capitare le specie lì et di lì alla Tana, essendo per quanto dicono, non piu di giornate otto di cammino.

A DI X. AGOSTO 1476. partimmo, come è detto, da Citracan, il dì di San Lorenzo, nel modo, che qui di sotto narrerò. Quel Signore di Citracan chiamato per nome Casimi can, ogni anno manda un suo Ambasciadore in Rossia al Signor Duca di Moscovia, piu presto per haver qualche presente, che per altro, et con

esso vanno molti mercanti Tartari, et fanno una caravana, et portano con loro alcuni lavori di seta fatti in Gesdi, et boccassini, per barattar in pelletarie, selle, spade, briglie, et altre cose à loro necessarie: et perche bisogna camminar dal detto luogo di Citracan fino alla Moscovia di continovo per deserti, è forza che ciascuno si porti qualche vettovaglia: ma li Tartari poco si curano, percioche menano con la detta caravana gran quantità di cavalli, et ogni giorno n'ammazzano per lor vivere, perche la lor vita è sempre di carne, et di latte, ne niun altro alimento hanno: ne sanno che cosa sia pane, salvo qualche mercante che sia stato in Rossia: ma à noi fu forza fornirci la mensa il meglio che si potè. havemmo pur il modo d'haver un poco di risi, de quali fanno una mistura di latte seccato al sole, et la chiamano thur, che vien molto dura, et tiene un poco dell'agro, et dicono esser cosa di gran sostantia. havemmo anche cipolle, et aglio, et con fatica hebbi circa una quarta di biscottelli, di farina di frumento assai buona, et questa fu la nostra mensa: ma hebbi poi una coda di castrone salata, che fu all'hora della nostra partita. Il cammin nostro dritto fu tra due fiumare della Volga, ma perche il detto Imperadore havea guerra con Cassimi Can suo nepote, il qual Cassimi teneva dover esser egli vero Imperadore, percioche suo padre era Imperadore del Lordò, et teneva la signoria, et per questo haveano guerra grande insieme: però tutti deliberorno, che tutta la caravana passasse dall'altra banda della fiumara per camminar tanto, ch'ella venisse à passar in certo passo stretto del Tanais alla Volga, ch'è circa giornate cinque: percioche passato'l detto stretto, la caravana non dubitava piu, et cosi tutti missero le lor robbe, et vettovaglie in alcuni lor zoppoli ch'usano, per passar di là dalla fiumara: Marco volse anch'egli mettervi le sue robbe, et ch'io vi mettessi quelle poche vettovaglie, c'havevo apparecchiate, et vi mandassi prete Stephano, et Zuanne Ungharetto mio famiglio, et ch'io rimanessi con lui, percioche haveva messo ordine con l'Ambasciadore chiamato per nome Anchioli, di trarmi di casa circa mezo giorno, et andare al passo, dov'erano andate le barche, che potevano esser da miglia 12 su per la fiumara: et quando fu hora, mi fece montar à cavallo col detto Ambasciadore, et col mio turcimano, et con gran paura camminando piu bas-

samente potevo, arrivammo al passo, che potea esser un'hora avanti sera: et essendo per passar la fiumara, et andar dov'eran li nostri, circa l'imbrunir della notte, Marco mi chiamò con una tal furia, che certo io credetti fussi l'ultima mia hora. Fecemi montar à cavallo col mio turcimano, et una femina Rossa, in compagnia con un Tartaro d'un'aspetto tanto dispiacevole, quanto dir si potesse: ne altro mi disse salvo che, cavalca, cavalca presto. Et io ubbidiente, perche non potevo far altro, seguiva il detto Tartaro, et tutta quella notte mi fece camminar infino a mezo giorno, che mai non volse, che pur un poco dismontassi: piu volte gli feci dimandare al mio turcimano dove mi menasse, pur ultimamente mi rispose, che la cagione, che Marco m'havea fatto partire, si era perche il signore volea mandar à far cercare alle barche, et dubitava, che se m'havessero trovato lì, m'hariano ritenuto. Questo fu à di 13 d'Agosto, et circa mezo giorno. Ridutti su la fiumara, quel Tartaro cercava qualche zoppolo da passarne sopr'un polesene, ch'è a mezo la fiumara, dov'era il bestiame di quello Anchioli Ambasciadore: et non trovando zoppolo, il detto Tartaro ragunò alcune frasche, et ligolle il meglio potè insieme, et prima messe le selle de cavalli suso, et ligò le dette frasche con una corda alla coda d'un cavallo, et esso governando il cavallo passò di là su'l detto polesene, che tengo era due grossi tratti d'arco. Ritornò poi, et misse suso la femina Rossa, et passolla nel detto modo. Il mio turcimano volse passar notando, et passò, ma con pericolo. Tornò anche per me, et perche vedevo il pericolo grande, mi spogliai in camicia, et discalzo, benche ad ogni modo poco mi saria valuto, et con l'aiuto di messer Domenedio, ma con gran pericolo, fui passato di là. Tornò poi ancho il detto Tartaro, et fece passar li cavalli, et montati à cavallo andammo al suo albergo, ch'era un coperto di feltre, et missemi li sotto. Era il terzo giorno che non havevo mangiato cosa alcuna, et mi dette un poco di latte agro, et lo ricevetti in somma gratia, et mi parve molto buono. Di lì à un poco vennero molti Tartari, ch'erano su'l detto polesene per loro bestiame, et guardavanmi mostrando fra loro molto maravigliarsi à che modo io fussi capitato lì, non v'essendo mai stato christiano alcuno. Io non diceva cosa alcuna, ma mi facevo ammalato piu ch'io potevo.

Quel Tartaro mostrava molto favorirmi: et credo che niuno osava parlare per rispetto dell' Ambasciadore, che era grande huomo. A di 14 che fu la vigilia di nostra Donna, per honorami fece ammazzare un buon agnelletto, et fecelo arrostire, et lessare, non pigliando fatica alcuna di lavar la carne: percioche dicono, che lavandola perde tutto il suo sapore: non fanno anche caso di spumarla, salvo che con qualche frascha: et cosi mi fece portare di detta carne, et latte agro avanti, et benche fusse la vigilia di nostra Donna (la quale pregai che volesse perdonarmi, perche non potevo piu) ci mettemmo à mangiar tutti insieme. Fecero anche portar del latte di cavalla, del qual ne fanno grande stima, et voleano ch'io ne bevesse, perche dicono che genera gran forza all' huomo: ma perche egli haveva una maladetta puzza, non ne volsi bere, et l'hebbero quasi à male: et a questo modo stetti fino à di 16 à mezo giorno: che essendo venuto Marco con la caravana per mezo il detto polesene, over isolotto, mandò un Tartaro con un Rosso delli suoi à chiamarmi, et subito mi fece montare in un zoppolo, et passar dov'era la caravana. Prete Stephano, et Zuanne Ungaretto, che tenevano per certo di non mi veder mai piu, fecero gran festa, quando mi viddero, sempre ringratiando il nostro signor Dio. Il detto Marco m'havea fornito di cavalli per quanto mi bisognava. Stemmo per tutto il dì 17. che con tutta la caravana ci mettemmo in cammino per passar il deserto, et andar in Moscovia. l'Ambasciadore era quello, che comandava à tutti, che potevamo esser circa persone trecento fra Rossi et Tartari, ma piu di cavalli ducento menati per lor vivere, et anche per vendere in Rossia. Certamente camminavamo con buon ordine sempre appresso la fiumara, dove dormivamo la notte, et posavamo à mezo il giorno: et questo fu per giorni 15 che parve loro d'esser sicuri dell'antedetto passo stretto, per paura che havevano dell'Imperador del Lordò. Et per dichiarare questo Lordò, dico, che essi hanno uno Imperadore, il nome del quale non mi ricordo, ma è quello che governa tutti li Tartari, che sono in quelle parti: li quali com'è detto, vanno camminando, cercando herbe fresche, et l'acque, ne mai stanno fermi, ne d'altro vivono, che di latte, come s'è detto, et di carne: hanno manzi et vacche le piu belle, credo che siano nel mondo, et similmente castroni,

et pecore: et sono carni molto saporite per rispetto delli buoni pascoli c'hanno, ma fanno grande stima del latte di cavalla. hanno belissime et grandi campagne, ne si vede montagna alcuna. Io non sono stato nel detto Lordò, ma ho voluto haverne informatione, et della possanza loro. Tutti concludono essere gran numero di gente, ma disutile: et cosi mostra per rispetto delle molte femine, et putti che hanno nel detto Lordò, et che non si troverà in tutto quel Lordò due mila huomini, con spade et arco, perche tutto'l resto sono discalzi, senz'arma alcuna: questi hanno fama di valenti, perche rubbano alla giornata Circassi, et Rossi, ma tengono che i lor cavalli siano come salvatichi, percioche mostrano essere molto paurosi, et non sono usi à esser ferrati. Cosi concludono che da loro à bestie non sia differenza alcuna. Questi Tartari com'è detto, di continovo stanno tra queste due fiumare, cioè il Tanai, et la Volga: ma dicono essere un'altra sorte di Tartari, che stanno di là dalla Volga camminando al grego, over greco et levante, et dicesi esser gran numero, et portano li capelli lunghi fino alla cintura, et chiamansi li Tartari salvatichi. Dicono che questi il verno, quando fanno gran freddi et ghiacci, vengono fino appresso Citracan, et camminano sempre cercando herbe, et acque, come fanno gli altri: ne al detto luogo di Citracan fanno danno alcuno, salvo che di qualche latrocinio di carne. Camminato c'havemmo quindici giorni sempre apresso la fiumara, trovammo un boschetto dove li Tartari, et i Rossi cominciorno à tagliar legnami, che sono molto presti, et fecero alquante zattare, che tengo erano da quaranta legate con corde c'haveano portate per tale effetto: ma noi, mentre ch'essi le preparavano, trovammo lì un zoppolo assai tristo, col qual Marco deliberò mandar le sue robbe di là dalla fiumara, et mandate che l'hebbe, fece ritornor il zoppolo adietro, et comandommi che montassi in detto zoppolo con le nostre selle, et con quel poco di vettovaglia, che havevamo, et andassi di là della fiumara à guardar le sue robbe, et che Dimitri turcimano, et l'Ungheretto restasse alla guardia de cavalli: cosi montai su'l detto zoppolo io, et prete Stephano, et due Rossi, che con certi legni governavano il zoppolo per passar dall'altra banda del fiume, ch'era, tengo certo, piu d'un grosso miglio d'una banda all'altra: ma fu molto

piu per rispetto della gran correnthia dell'acqua, che di contino-vo menava giuso, et per il zoppolo, che faceva acqua: ma noi due il meglio che potevamo, lo seccavamo, stando a sedere in acqua, con gran fatica, et estremo pericolo: et cosi con l'aiuto del nostro signor Dio passammo à salvamento dall'altra banda. Discaricato che fu il zoppolo, li Rossi volevano ritornare, ma non fu possibile. perche era tutto fracassato, onde fu forza che restassero, et erano in tutto sei. La mattina tutta la caravana dovea passare, ma levatosi il vento da tramontana, che durò due giorni, non fu possibile. Li miei, che guardavano li cavalli, non haveano punto da vivere, ne anche in dosso, perche tutto havevo portato meco, onde si pò considerare, che animo doveva essere il nostro. Stando cosi, volsi pur intendere come era stata governata la mensa, et trovai che l'era stato dato un gran fracasso, onde molto mi spaventai, però tolsi io à governala, benche fussi tardo, con deliberation di metter al foco per ogni desinar solamente una scodella di risi, et cosi la sera: dando per rata, hora cipolle, hora aglio, con un poco di latte agro, secco, et per qualche giorno ne toccò qualch'un di quelli biscotelli per uno, stando à sedere à torno i risi, dove ciascuno mangiava la sua parte, et io in ciò mi mandavo equale à loro: ma nei detti due giorni che stemmo lì, perche trovammo de pomi salvatichi, per risparmiar la mensa, ne lessavamo, et mangiavamo: passati poi li due giorni, tutta la caravana passò con le dette zattare, sopra le quali erano tutte le lor robbe, et in alcuna d'esse erano sei, in alcuna sette cavalli con altre tanti Tartari, che gli guidavano, havendo legate le corde alle code di detti cavalli: ma facemmo entrare tutti li cavalli nudi nella fiumara, accioche tutti, à un tratto passassino, come fecero, che certo fu bella, et presta provisione, ma pericolosa. Passati che furno tutti, et riposati alquanto, caricorno le robbe, et ci mettemmo à cammino, lasciando la fiumara: della qual secondo il mio giudicio, tengo non sia un'altra maggiore in molti luoghi, perche mostra esser larga piu di due miglia con le rive alte, et molto profonda.

CAPITOLO VIII.

Il clarissimo Ambasciadore passa il gran deserto dell' Asiatica Sarmatia, et arriva in Moscovia, città della Rossia bianca, et appresentasi al Duca.

Col nome di Dio, com'è detto, ci mettemmo à cammino: et si come da prima camminavamo per tramontana, cosi poi molte volte per ponente, non si mostrando segno di via alcuna, ma tutto era campagna deserta: li Tartari diceano, che noi eravamo per tramontana piu di quindici giorni sopra della Tana, la qual secondo me haveamo passata, camminando sempre all'usato, et riposando à mezo giorno, et nell'imbrunir della sera. il nostro riposo era sopra la terra, et per coperta havevamo l'aere col cielo, mettendoci la notte quasi sempre in fortezza, per dubbio c'haveamo di non esser assaltati et di continovo haveamo tre guardie, una à man destra, l'altra a sinistra, et la terza avanti: et alcune volte non trovavamo aeque, ne per noi, ne per li cavalli il giorno, ne meno la sera, dove riposavamo. Nel detto viaggio non trovammo quasi salvaticina alcuna, ma trovammo ben due cameli, et quattrocento cavalli, che pascolavano, i quali dicevano essere stati della caravana dell'anno passato. Due volte tememmo non esser assaltati: l'una non fu cosa alcuna: l'altra trovammo circa 20 carri con alcuni pochi Tartari, da quali noi non potemmo intender dove andassero: et perche il cammino era lungo, et la mensa poca, mi convenne restrignerla.

A DI XXII. SETTEMBRE 1476. quando piacque à Dio, entrammo nel paese della Rossia, dove erano alcuni pochi casaletti de Rossi in mezzo de boschi: et inteso c'hebbero, che Marco era nella detta caravana, vennero con gran paura per dubio de Tartari, et gli portorno un poco di mele con la cera: del quale me ne dette un poco, che certo mi bisognava, perche tutti eravamo venuti almeno, et eramo ridutti in termine, ch'a pena potevamo montare à cavallo. Partimmo di lì, et arrivammo in una terra chiamata Resan, la qual'è d'un signoretto, c'ha una sorella del Duca di Moscovia per mogliera. Le case tutte sono di legname,

et così il castelletto, dove trovammo pane et carne abbondantemente, et anche della lor bevanda di mele, onde molto ci ristorammo. partimmo di lì, camminando di continovo per boschi grandissimi, et la sera pur trovammo casali de Rossi, dove alloggiammo tutti, et così pur alquanto riposavamo: perche con l'aiùto di Dio ne pareva essere in luogo sicuro. Trovammo poi un'altra terra chiamata Colonna, la qual è appresso del fiume chiamato Mosco, et ha un gran ponte, dove si passa la detta fiumara, la qual butta nella Volga. partimmo di lì, et io fui mandato avanti per Marco, perche la caravana non voleva venir così tosto.

A di 26. lodando, et ringratiando Iddio, che n'havea campati di tanti estremi disagi et pericoli, entrammo nella terra di Moscovia, ch'è del Duca Zuanne signor della gran Rossia bianca. Ma dovete sapere che quasi la maggior parte delli giorni che stemmo nel passar il detto deserto, che fu da dì 10 d'Agosto, che partimmo da Citracan, fino al giugner nel detto luogo di Moscovia, che fu a dì 25 Settembre, per non haver legne, cucinavamo con sterco di bestiame. Giunti adunque à salvamento nel detto luogo, dal detto Marco mi fu dato una stusetta con un poco d'altra stanza per noi, et per li cavalli, la quale benche fusse piccola, et trista, nondimeno mi parve esser in un grandissimo, et buon palazzo, rispetto alle cose passate.

A di 27. il detto Marco entrò nella terra, et la sera venne à trovarmi, et presentarmi qualche vettovaglia per esser abbbondantissima la terra, come qui appresso dirò, confortandomi a star di buon cuore, ch'io potevo riputar d'esser in casa mia: et così mi disse per nome del suo signore, di che lo ringratiai quanto seppi, et potei.

A di 28. andai à trovar il detto Marco, et per esser volonteroso di ripartire, gli richiesi che volesse esser contento di adoperarsi à farmi parlare al signor Duca, et mi servi: perche di lì à poco il signore mi mandò a chiamare. dove giunto et fatte le debite riverenze, ringratiai sua signoria della buona compagnia, che mi havea fatto Marco suo Ambasciadore, che certo potea dire con verità esser per lui campato di assaissimi pericoli: et benche tali servitii stano stati nella persona mia, sua signoria poteva riputare di haverli fatti alla mia Illustrissima Signoria, della qua-

le io ero Ambasciadore: ma non mi lasciò compitamente parlare, che con volto quasi turbato si lamentò di Zuan Battista Trivisano. Non dirò altro circa ciò, per non esser à proposito: ma dopo le molte parole, si di sua signoria, come mie, alla richiesta ch'havevo fatto à sua signoria circa il voler partirmi di lì, mi disse, che mi faria un'altra volta risposta, et con questo mi licentiò sua signoria, la quale era per cavalcare: percioche haveva per costume, ogn'anno andare à visitar i luoghi del suo paese, et massimamente un Tartaro, che tiene al suo soldo con cavalli cinquecento, per quanto dicevano, alli confini de Tartari per guardia, accioche da essi non sia danneggiato il suo paese. Io come è detto, essendo volonteroso di partirmi di lì, cercavo d'haver risposta di quanto havevo detto à sua signoria, cosi fui chiamato al suo palazzo davanti tre suoi principali baroni, i quali mi risposero per nome del signor Duca, ch'io fussi il ben venuto, et mi replicarono tutte le parole dettemi per esso signore, lamentandosi del detto Zuan Battista, et che in conclusione, l'andare, et lo stare era ad ogni mio piacere, et con questo mi licentiò, et il signore montò à cavallo, et cavalcò alla detta volta. Et perche io ero debitore al detto Marco di tutti li dinari del mio riscatto con la usura, et anche di qualche altra spesa fatta per me, lo pregai fusse contento di lasciarmi andare, che subito gionto à Venetia gli manderia tutto quello ch'io gli ero debitore, ma non volse acconsentirmi à tal cosa, dicendo che li Tartari, et i Rossi, che dovevano haver per la promessa fatta per mi, volevano esser pagati: onde havendo io fatta ogni sperienza, si col signore, come con Marco, mi deliberai mandar prete Stephano à Vinetia dall' Illustrissima Signoria nostra, et di tutto darle aviso, accioche con la sua consueta clementia, et benignità mi provedesse, accioche in quei paesi non fusse la mia fine.

A DI VII. OTTOBRE 1476. feci cavalcare il detto prete Stephano, et in sua compagnia, un Nicolo da Leopoli pratichissimo di tal cammino: cosi partirono, et io rimasi lì nel detto luogo, nel qual si ritrovò un maestro Trifon orefice da Catharo, il qual haveva fatto, et faceva di molti belli vasi, et lavori al signor Duca. vi si ritrovava anche un maestro Aristotele da Bologna

ingegniero, che facea una chiesa su la piazza, et anche molti greci da Constantinopoli: ch'erano andati lì con la Despina. con li quali tutti feci molta amicitia. La stanza che mi havea dato il detto Marco, era piccola, et spiacevole, et mal vi si potea alloggiare, ma per mezo d'esso Marco fui messo ad alloggiare in casa, dove stava il detto maestro Aristotele, che era quasi appresso il palazzo del signore, et era assai conveniente casa. Da lì à pochi giorni (onde procedesse, non intesi) mi fu fatto comandamento per nome del signore, ch'io uscissi della detta casa, et con fatica me ne fu trovata una fuor del castello con due stufette, in una delle quali stavo io, et nell' altra la famiglia, dov'io stetti fino al mio partire. Questa terra di Moscovia è posta sopra un picciol colle, et è fatto tutto di legnami, così il castello, come il resto della detta terra. ha una fiumana, la quale si chiama Mosco, che le passa per mezo, et da una parte è il castello con parte della terra, dall' altra parte è il resto della terra, et ha molti ponti, sopra i quali si passa la detta fiumara: et è la terra principale, cioè la sedia d'esso signor Duca. E circondata di molti boschi. per esser tale la maggior parte del paese, il qual è abbondantissimo d'ogni sorte biade, et al tempo ch'io era lì, si havevano piu di dieci stara delle nostre di frumento al ducato, et cosi per rata l'altre biade. Usano per il piu carne di vacche et di porci, che credo se n'habbia piu di tre libbre al soldo. Si danno poi cento galline al ducato, et similmente quaranta anatre, et poco piu di tre soldi l'una le oche. Di lepori ne è grandissimo mercato, ma d'altre salvaticine ne hanno poche, et credo sia per non le saper pigliare. hanno uccelletti d'ogni sorte, et a grandissimo mercato. Non fanno vino in luogo veruno, ne hanno frutte d'alcuna conditione, salvo qualche poco di cocomeri, di nocelle, et di pomi salvatichi. E paese frigidissimo, in modo che dell'anno stanno nove mesi continovi nelle stufe, et conviene fornirsi il verno per la state, et questo, perche per li gran ghiacci fanno alcuni lor Sani, che un cavallo gli strascina facilmente, et con quelli conducono il tutto: ma la state è tanto fango per li ghiacci che si disfanno, et delli boschi grandi, che non lasciano mai far buone vie, talche con gran fatica si cammina: però è forza loro far cosi. Alla fin d'Ottobre la fiumana: che passa per mezo

la terra, tutta si agghiaccia, sopra la qual fanno le lor botteghe d'ogni sorte cosa, et lì fanno tutti li lor bazarri, et nella terra non si vende piu quasi cosa alcuna: et questo fanno, perche tengono, che quel luogo, per esser circondato dalla terra d'una banda all'altra, et riguardato da venti, sia manco freddo, ch'altro luogo et sopra la detta fiumara agghiacciata, ogni giorno si ritrova grandissima quantità di biade, vacche, porci, legni, fieni, et ogn'altra cosa necessaria, et tutto'l verno cosi non manca. Alla fin di Novembre tutti quelli c'hanno vacche et porci, gli ammazzano per portarli alla terra à vendere, et cosi integri à tempo per tempo li portano al mercato alla terra à vendere, che è un piacere à veder tante vacche scorticate messe in piedi sopra la fiumara agghiacciate, in modo che si mangia carne morta di mesi tre et piu: et similmente fanno de pesci, et delle galline, et d'ogni altra sorte cosa da vivere. Sopra la detta fiumara agghiacciata corrono li cavalli, et fanno molt'altre cose di piacere: et qualche volta ancho alcuni d'essi si scavezano il collo. Sono humini assai belli, et similmente le donne, ma è bestial gente. Hanno un Papa fatto per il lor signor al lor modo, et del nostro fanno poca stima, et dicono che noi siamo perduti del tutto. Sono grandissimi ubriachi, et di questo se ne danno grandissima laude, et dispregiano quelli che nol fanno. Non hanno vino di sorte alcuna, ma usano la bevanda del mele, la qual fanno con le foglie di bruscandolo, che certo non è cattiva bevanda: et massimamente quando è vecchia. ma il signore non lassa, che ogn'uno sia in libertà di farne, perche se havessero tal libertà, ogni giorno sariano ubriachi, et si amazzeriano come bestie. La lor vita è star la mattina nelli bazarri fino circa mezo giorno, poi ridursi nelle taverne à mangiare, et bere: et passata la detta hora, non si può haver da lor servitio alcuno. In detta terra capitano asssai mercatanti tutto'l verno si di Alemagna, come di Polonia, solo per comprar pelletarie, come zebellini, volpi, armellini, dossi, et qualche lupo cerviero: et benche le dette pelletarie si piglino molte giornate lontano dal detto luogo di Moscovia, piu verso greco tramontana, et forse maestro, nondimeno tutte capitano in detto luogo, dove li mercanti le comprano. Ve ne capita anche gran quantità in una terra chiamata Novogardia, la qual

confina quasi con la Francia, et con l'Alemagna alta, et è giornate otto lontana da Moscovia, piu al Ponente: la qual terra si governa à communità, ma è sottoposta però al detto signor Duca, et dagli un tanto l'anno. Il detto signor, per quanto ho inteso, tien gran paese, et faria gente assai, ma sono per piu huomini disutili: confina con l'Alemagna, ch'è del Re di Polonia. Dalla banda di maestro tramontana, dicono esser una certa nation d'Idolatri senza signore alcuno, ma quando piace loro, danno ubidienza al detto Duca. Dicono che vi sono di quelli ch'adorano la prima cosa che vedono, et alcuni, che fanno sacrificio di qualche animale a pie d'un' arbore, et quello adorano: et molt'altre cose dicono, le quali io tacerò per non l'haver viste, ne mi paiono credibili. Il detto signore può esser d'anni 35. grande, ma scarmo, et è bell'huomo. ha due altri fratelli, et la madre viva, et ha un figliuolo d'un' altra donna, il qual non gli è troppo in gratia, per non usar buoni costumi: con la Despina ha due figliuole, et dicevasi ch'era grossa: potria dir piu avanti, ma saria troppo lungo. Io stetti nel detto luogo di Moscovia da 25 Settembre, che giunsi lì, fino a 21 di Gennaio, che mi parti. et certo hebbi da tutti buona compagnia. Il signor Duca fatto c'hebbe la visitation del suo paese, ritornò in Moscovia, circa la fin di Decembre: et bench'io havessi mandato il detto prete Stephano per il mio riscatto, et ch'io fussi certo mi saria stato mandato, pur essendo volonteroso di ripartir, et non si confacendo quelli costumi alla mia natura, havevo praticato con qualch'uno di quelli gentilhuomini, che mi dovessino esser favorevoli à farmi partir di lì, onde passati alcuni giorni sua signoria mi fece invitare à mangiar seco, et mi fu detto ch'era contenta ch'io mi partissi, contentando ancho di servir la nostra Illustrissima Signoria, et pagar li Tartari, et i Rossi del mio riscatto, per quanto io ero debitore. Andai al convito fattomi per sua signoria, et certo honorevolmente fatto, si di molte vivande, come d'ogn'altra cosa. Desinato che si hebbe, per esser cosi lor usanza, subito mi partì ritornando alla mia stanza. Da lì à pochi giorni, volse ch'io mangiassi un'altra volta con sua signoria al modo usato: poi comandò al suo Tesoriero che mi desse li danari che mi bisognavano per pagar li Tartari, et i Rossi, et fecemi andare al suo palazzo, dove

mi fece vestir d'una vesta di zebellini (cioè la pelle sola) et havevami anche mandato mille dossi con la detta vesta: con la quale mi ritornai à casa. Volse medesimamente ch'io visitassi la Despina, et cosi feci, usando le debite riverenze et parole, che accadevano, con ragionamenti assai: dalla quale hebbi tanto buone, et cortesi parole, quanto dir si potesse, pregandomi strettamente, ch'io la dovessi raccomandare alla mia Illustrissima Signoria, et da sua signoria tolsi commiato.

CAPITOLO IX.

Il Clarissimo Ambasciadore si parte di Moscovia, et passa per la Lituania, Polonia, et Alemagna, et giugne in Italia.

Il giorno seguente fui chiamato à palazzo à desinare col Signore, ma prima ch'andassimo à tavola, entrati in una camera, dov'era sua signoria, et il detto Marco, et un'altro suo secretario, con bonissima ciera mi usò tanto cortesi parole, quanto dir si potesse, astringendomi ch'io dovessi significare alla mia Illustris. Signoria lui esser suo buono amico, et che cosi lo volesse conservare, et che volentieri mi lasciava andare, offerendosi, se altro mi bisognava di fare il tutto. Quando il signore mi parlava, io mi lontanava, alquanto: ma sua signoria mi si accostava sempre, usando grandissima humanità, et cosi feci risposta à tutto quello che mi disse sua signoria, ringratiandola come si conveniva, talche stemmo in ragionamento piu d'una grossa hora. Mi mostrò con gran domestichezza alcune sue veste di panno d'oro foderate di zebellini bellissime, poi uscimmo fuori di camera, et di lì à poco andammo à tavola, et fu un pasto lungo piu dell'usato et con piu vivande, et eranvi molti suoi baroni. Compito il desinare, fui fatto levar da tavola, et andar in piè avanti sua signoria, dove mi dette buona licentia con parole alte, che ogn'uno l'intendeva, et con dimostratione di gran benivolentia verso la nostra Illustrissima Signoria, et io ringratiai sua signoria di quan bisognavato.

Mi fù poi presentata una tazza grande d'argento piena di quella lor bevanda di mele, dicendomi, che'l signore comandava, ch'io la bevessi tutta, et mi donava la tazza. Questo usano quando vogliono far grandissimo honore, ò à Ambasciadori, ò ad altri: ma mi parve gran cosa à bever tanto, perche certo era assai, pur credo ch'io ne bevessi un quarto d'essa: et perche sua signoria si accorse, che io non poteva piu bere, et perche ancho per lo passato sapeva il mio costume, mi fece tor la tazza, et fu vota, et datami vota. Basciai la mano à sua signoria, et con buona licentia mi partì, et fui accompagnato da molti suoi baroni fino alla scala, dai quali fui abbracciato, in vero con gran dimostratione di amorevolezza. Cosi me n'andai à casa, dove havea apparecchiato tutto per la mia partita, ma Marco volse ch'io desinassi prima con lui.

A DI XXI. GENNAIO. 1476. desinato ch'io hebbi col detto Marco, et con li miei, certo honorevolmente, tolsi commiato da lui, et entrati nelli nostri Sani, col nome di Dio ci partimmo. Li detti Sani sono quasi à modo di una casa, et con un cavallo davanti si strascinano, et sono solo per i tempi del ghiaccio, et à ciascuno conviene haver il suo. In questi Sani vi si siede dentro, con quanti panni si vuole, et si governa il cavallo, et fanno grandissimo cammino, et portansi anche dentro tutte le vettovaglie, et ogn'altra cosa necessaria. Circa il Patriarcha d'Antiochia, cioè frate Ludovico, il qual era stato ritenuto per il signore, per conto di esso Marco, io mi adoprai tanto, che fu lasciato, et dovevamo venir di compagnia: ma visto che non mostrava haverne voglia, mi partì solo con la mia compagnia, et mi fu dato un' huomo del signore, che mi accompagnasse, con comandamento, che me ne fusse cosi dato uno di luogo in luogo per tutt'il suo paese. La sera alloggiammo tutti à un casale molto strano: et anchor ch'io conoscessi che conveniva patir di molti altri discommodi et disagi, per gran freddi, et ghiacci ch'erano in quelli paesi, et per haver à camminar di continovo per boschi, mi pareva però ogni discommodo commodo, ne temevo di cosa alcuna, tanto era il gran desiderio, ch'io havevo d'uscire di quei paesi et costumi: onde io non pensavo ad altro, che camminar giorno et notte.

A di 22 partimmo dal detto casale, et camminando di con-

tinovo per boschi con grandissimi freddi, dal dì detto fino a dì 27. che arrivammo à una terricciuola chiamata Viesemo, et di lì partimmo, pigliando di continovo guide di luogo in luogo. Poi trovammo un'altra terricciuola chiamata Smolencho, et di lì partimmo con un'altra guida, et uscimmo fuora del paese del Duca di Moscovia, et entrammo nella Lituania, ch'è di Casimir Re di Polonia, poi andammo in una terricciuola chiamata Trochi, dove trovammo la maestà del detto Re.

Ma nota che da dì 21 Gennaio, che partimmo da Moscovia, fino A DI XII. FEBR. che giugnemmo in detto luogo di Trochi, caminammo sempre per boschi, ma tutto pianura con qualche collina, pur qualche volta trovavamo qualche casale, dove riposavamo, ma il piu delle volte dormivamo nei boschi: et così à mezo giorno mangiavamo in alcuni luoghi, dove trovavamo i fuochi fatti per persone state poco avanti lì a mezo giorno, over la sera, trovavamo il ghiaccio rotto per abeverar li cavalli, et altri assai bisogni. Noi adunque giugnevamo legne al fuoco, et tutti li attorno mangiavamo di quel poco, che noi havevamo: et certamente patimmo sinistro assai nel nostro venire, èt quando eravamo scaldati d'una banda, ci voltavamo dall'altra, et io dormiva nel mio Sano per non dormire in terra. Camminammo sopra una fiumara, ch'era agghiacciata, giornate tre, sopra la qual dormimmo due notti, et dissero c'havevamo fatto trecento miglia, che fu grandismo cammino. La maesta del Re inteso che hebbe la mia venuta, mandò due suoi gentil'huomini cavalieri ad allegrarsi meco del mio esser gionto salvo, et convitarmi per il giorno seguente à desinar con sua maestà, et il detto giorno, che fu a dì 15 mi mandò à presentar una vesta di damaschin cremesin foderata di zebellini, et chiamommi da sua maestà, et volse ch'io entrassi in uno delli suoi Sani, menato da sei corsieri bellissimi con quattro suoi baroni, che stavano à piedi di fuori del Sano, et accompagnato da altri molto honorevolmente. Cosi andammo al palazzo di sua maestà, dove entrato, mi menò nella sua camera, et sua maestà si pose à sedere in un luogo molto honorevolmente acconcio, con due suoi figliuoli à canto, vestiti di raso cremisino, giovani et belli, che parevano due angeli: nella qual camera erano poi molti suoi baroni, et cavalieri di conto, et altri signori, et

quivi fu posta una banca per me dirimpetto à sua maestà, la quale mi raccolse con tanto amore, quanto dir si potesse, et volse ch'io toccassi la mano alli figliuoli, di maniera che fu tale la cortesia, et humanità verso me, che se io le fussi stato figliuolo: non poteva usar la maggiore. Volsi cominciar à parlare stando in ginocchioni, facendone ogni sforzo, ma non volse che mai principiassi, se prima non mi levassi su, et voleva ad ogni modo, ch'io sedessi, la qual cosa non volsi fare: ma pur qualche volta per molti suoi comandamenti mi conveniva sedere. Et cosi esposi avanti sua Maestà con ogni diligenza il mio viaggio, et dissegli del mio essere stato al signore Vssuncassan, et quanto havevo operato, et anche della sua possanza, et costumi, et paese: le quai cose mostrava molto desiderar d'intendere: gli dichiarai anche li modi, et la possanza de Tartari, et gli dissi qualche cosa anche delli pericoli ch'io haveva passati nel detto viaggio: et fui per meza hora ascoltato da sua maestà con tanta attentione, che d'alcuno mai fu aperta la bocca, tanto mostrava haver piacere di udirmi: poi ringratiai la sua maestà del presente, et honore, che mi havea fatto, per nome della mia Illustrissima Signoria: et sua maestà mi fece rispondere, per il suo interprete, che molto s'allegrava della mia venuta, perche giudicorno, quando andai al detto viaggio, non dovessi ritornar piu: poi mi disse, che con gran suo piacere havea inteso delle cose di Ussuncassan, et de Tartari, et ch'era certificato di quello, che sempre haveva tenuto, perche mai non credette fussero tante cose, come si dicevano: et soggiunsemi, che anchora non haveva trovato alcuno, che gli havesse detto la verità, se non io: et disse molte altre parole. Ma la conclusione del tutto fu, che mi fece entrar in un'altra sala, dove erano apparecchiate le tavole, et sempre bene accompagnato, et di lì à poco venne sua maestà con li figliuoli con trombe, et molto honorevolmente, et si misse à sedere à tavola: et dalla man destra erano li detti suoi figliuoli, et dalla sinistra era il primo Vescovo, che habbia, et io appresso di lui, non troppo distante da sua maestà: li baroni poich'erano molti, erano alle tavole, ma distanti alquanto, et tengo che fussero da quaranta persone. Le vivande erano portate in tavola sempre con le trombe avanti, con li piatti grandi, et molto abbondantemente, et erano serviti di cortelli avanti

à modo nostro, et cosi stemmo à tavola forse due hore: et di continovo mi dimandava sua maestà del mio viaggio molte cose, alle quali io al tutto satisfeci. Poi finito il convito, et levato le tavole, stando in piedi, et richiedendo commiato da sua maestà per volermi partire, et dimandandole se le piaceva comandare piu cosa alcuna, mi disse, ch'io dovessi assai offerir sua maestà alla mia Illustrissima Signoria, con molte humanissime parole, et comandò alli figliuoli mi usassero simili parole: et cosi con le debite riverenze tolsi commiato da sua maestà, et dalli figliuoli che mi fece accompagnare honorevolmente alla mia stanza, dove io ero albergato, et comandò che mi fusse data una guida, la quale mi dovesse accompagnare, et comandare, che per tutto il suo paese io fussi guidato, et accompagnato, si che sicuro andassi per tutto.

A di 16. mi parti dal detto luogo di Trochi, et camminando fino a di 25. arrivammo in un luogo chiamato Ionici, et di lì partimmo, et eravamo entrati nella Polonia: et di luogo in luogo ne erano date le guide per comandamento della maestà del Re, et fummo in una terra chiamata Varsonia, della quale sono signori due fratelli, dove mi fu fatto honore assai et datomi guida, che mi accompagnò fino in Polonia, della quale non farò altra mentione havendone parlato per adietro: ne mi estenderò dirne troppe particolarità, perche in vero il paese è bello, et mostra esser assai abbondante di vettovaglia, et di carne, ma poche frutte d'ogni conditione. trovavamo pur castelli, et casali, ma niuna terra da farne mentione, et ogni sera trovavamo alloggiamento, et eravamo per tutto ben visti, et è paese sicuro.

A DI PRIMO MARZO 1477. giugnemmo nella detta terra di Polonia, havendo camminato di continovo nelli antedetti Sani, et per esser io non poco affaticato, et similmente la mia famiglia, si per i gran freddi, come per li molti disagi, che havevamo havuti, stetti infino a di 5. per esser ben alloggiati, et in una buona, et bella terra, et abbondante di tutto. Quivi assai bene ci ritrovammo del tutto ben forniti, et anche di cavalli per il nostro cavalcare, et di ogni altra cosa al bisogno nostro, et con tutta la famiglia.

A di 5. partimmo del detto luogo di Polonia, et venimmo in

un'altra terricciuola, chiamata Messariza pur del detto Re, et di lì partimmo: ma per esser il confine della Polonia all' Alemagna passammo non senza paura, et pericolo.

A di 9 giugnemmo à Francfort terra del Marchese di Brandimburg, et alloggiai in casa dell'hoste, dove alloggiai anche nel mio andare: il qual conosciuto che m'hebbe, molto si maravigliò, et dissemi, che in detti confini, eravamo venuti con grandissimi pericoli, et in vero egli mi fece honore, et carezze assai.

A di 10 partimmo di lì, et camminando per l'Alemagna trovavamo di continovo miglioramento si di ville et castelli, come di terre, et buoni alloggiamenti: et essendo a dì 15 appresso una terra chiamata Ian, scontrai prete Stephano, il qual era stato spedito per la nostra Illustrissima Signoria, col mio riscatto, et veniva per trovarmi in Moscovia. di quanta allegrezza fusse all'una parte et all'altra il ritrovarsi, ogn'uno lo può facilmente pensare, che certo fu gratia di Dio, come è stato in tutte le altre cose: abbracciatolo, et inteso in brevità il tutto, venimmo nella detta terra di Ian, dove riposammo.

A dì 17 partimmo di lì, et à dì 22 giugnemmo in Norimbergo, terra bellissima, come per adietro havemo detto, onde deliberai, si per esser molto stracco, come ancho (et fu la principal cagione) per honorar la festa della santissima Incarnatione del nostro Signor Jesu Christo, stare nel detto luogo di Norimbergo, à far la santissima festa, dove riposammo commodamente, che certo ne bisognava.

A di 26 partì del detto luogo di Norimbergo, il qual si governa à communità, ma dà obedienza all' Imperadore, et ogni sera alloggiammo in bonissime et degne terre, et fra le altre Auspurch, degna et bellissima terra: et cosi trovammo di molte altre belle terre.

A DI IV. APRILE 1477, da mattina, che fu il dì del venere Santo, gionsi à Trento, dove intesi il miracolo del beato Simone, et parsemi mio debito voler honorar quel santissimo corpo, et il giorno di Pasqua, et far anche il debito di confessarmi, et communicarmi. Et cosi à dì 6. che fu il dì della santa Pasqua, io con la famiglia ci comunicammo, et per honorar la santissima festastemmo quel giorno nel detto luogo di Trento.

A di 7 la mattina col desiderio, che ogn'un'può pensare, ch'io haveva di giugner nella nostra terra santa, ch'ogni giorno mi pareva un'anno, essendo stato nel detto luogo di Trento, et da quel reverendo Vescovo honorato et ben visto, tolto commiato da sua signoria, mi parti et venni alla Scala, primo luogo della nostra Illustrissima Signoria: et perche cosi era'l mio voto, me n'andai à S. Maria di monte Arthon, dove gionsi à dì 9 à mezo giorno: et satisfatto il debito del voto, con la licentia di frate Simone ch'era Priore del detto luogo, fatta l'offerta promessa, mi partì, et venni à Padova al portello, ringratiando sempre il nostro Signor Dio, et la sua madre dolcissima, che mi haveva campato da tanti evidenti pericoli, et affanni, et condotto à salvamento, et dov'era il desiderio mio, perche mai non credetti tal cosa dovesse essere. et benche corporalmente io fussi nel detto luogo, quasi l'animo mio dubitava, parendomi cosa impossibile, quand'io pensavo al tutto. Io havea scritto, et fatto sapere à mio fratello, et alli miei che saria dì 10 che fu di giovedi circa hora di vespero a Vinetia: ma la volontà grande non mi lasciò seguire tal ordine, perche avanti giorno montai in barca, et fui alle Zaffusine circa due hore di giorno, et venni di lungo per andare à adimpir un' altro voto, avanti ch'io andassi à casa, che fu a S. Maria di gratia: ma andandovi trovai nel canal della Zudecca mio fratello messer Agustin, et due miei cognati, et abbracciati strettamente, parendo loro cosa miracolosa, perche tenevano per certo, ch'io fussi morto, ce n'andammo à S. Maria di gratia: et perche il detto giorno di giovedi era il consiglio di Pregadi, mi parve anche mio debito, avanti ch'io andassi à casa, andar' alla presentia dell'Illustrissima Signoria nostra à farle la riverenza debita, et anche referir quanto haveva eseguito per le commissioni mie: et cosi come mi ritrovavo, me n'andai nel consiglio di Pregadi, et fatte le debite salutationi, mi fu commandato, ch'io dovessi montare in regga, et esponer quanto io haveva à dire, et cosi feci. Et perche la Serenità del Prencipe nostro era alquanto aggravata, et non era nel consiglio, spedito che fui, et tolto licentia dalla Signoria, me n'andai da sua Serenità, et fatte le debite riverenze, mi vidde con allegro animo, et con brevità le dissi in parte quanto haveva esseguito, et da sua Sublimità mi partì, et me n'andai

a casa, dove gionto ch'io fui ringratiai grandemente nostro signore Iddio, che mi havesse donata questa gratia, et campato da tanti pericoli, et ridotto à rivedere li miei, perche molte volte credetti certo non gli riveder mai. Cosi faccio fine del presente viaggio, il quale, anchor che si havesse potuto narrar con piu elegante maniera, nondimeno ho piu tosto voluto esporre la verità a questo modo, che ornar la bugia con belle et eleganti parole: et se fusse stato pretèrmesso qualche cosa dell' Alemagna, non se ne maravigli alcuno, perche non mi è parso necessario stendermi in tal narratione, per essere paese a noi propinquo et quasi famigliare.

Breve narratione delle conditioni del paese di Ussuncassan.

Il paese di Ussancassan è grande et confina con Ottomano, poi col paese che fu di Caramano, et è il suo primo paese di Turcomania, che confina col Soldano, cioè verso le parti di Aleppo. Il suo paese di Persia, il qual tolse da Jausa, et fecelo morir, fu piu presto per ventura, che per possanza, et Tauris è il suo primo luogo, dov'è la sua sedia: dal qual luogo caminando quasi per levante et scirocco fino in Siras, ch'è l'ultima terra della Persia, sono da giornate 24. et confina con Zagatai, che furno figliuoli di Sultan Busech di nation Tartaro, col qual molte volte hanno guerra, et non sta senza dubio di loro. Poi confina col signor Sivansi signor di Samachì, cioè della Media, il qual dà pur al signor Ussuncassan un certo dono ogn'anno, et confina col Re Pancrati di Giorgiania, et col Gorgora passando la campagna d'Arsigan: et per quello dicono tiene ancho qualche cosa di là dall' Euphrate verso il paese d'Ottomano. Tutto il detto paese della Persia fino in Spama, dov'io son stato, ch'è giornate sei lontano da Siras, capo della Persia, è paese aridissimo, ne quasi si trova un arbore, et per lo piu sono cattive acque, pur è convenientemente copioso d'ogni sorte di vettovaglia, et di frutte, ma fatte per forza di acque. Il detto signore al giudicio mio era d'anni 70. lungo, magro, ma bell'huomo, ma non mostrava esser prosperoso: il suo primo figliuolo era chiamato Gurlumameth, et fu fig-

liuolo della Curda, ch'è quello, con cui fece guerra, il qual era in grandissima fama. Con un'altra moglie havea tre altri figliuoli, il maggior si chiama Sultan Chali, et dicesi di anni 35 et è quello, a cui haveva donato Siras. Il secondo poteva esser di anni 15. per nome chiamato Lacubei. Il terzo di circa anni 7. il nome del qual non mi ricordo. Con un'altra moglie n'hebbe un'altro, che si chiama Masubei, il qual egli menava in catena, et ogni giorno io lo vedeva. Et questo faceva per l'intelligenza c'haveva havuta con Gurlumameth, che faceva guerra al detto suo padre, et nel fine lo fece morire. Volsi intendere per molte vie, et da piu persone la possanza del detto signore, tutti quelli, che dicono il piu, dicono che faria cinquanta mila cavalli, non però tutti da conto. Volsi anche intendere, quando furono alle mani con quelli dell'Ottomano quanti furono, mi fu detto che potevano essere da quaranta mila, et questo intesi da persone, che la maggior parte erano state in detta battaglia: ma concludevano, che'l detto essercito non fu fatto per andar à combattere con l'Ottomano, ma solo per andar a mettere Pirameth, che fu signor di Caramano, in signoria, cioè a restituirgli il suo paese tenuto per l'Ottomano, ne ad altro fine si mosse esso signore Ussancassan, et chi tiene altra opinione, per detto di tutti, non l'ha buona. Io sono stato in fatto, et ho voluto intendere, et udire il tutto, et però ne dico quello ch'io ho inteso et visto. Lascierò di dire molte altre cose, che potria dire, per non esser io piu lungo, et per non esser quelle troppo importanti.

ВАРІАНТЫ.

Въ изданіи 1543 года, путешествіе Амвросія Контарини напечатано подъ заглавіемъ: Viaggio del Clarissimo Ambrogio Contareno nella Persia, mandato per Ambasciatore dalla Illustrissima Signoria di Vinetia allo illustre Signore Ussuncassan Re di Persia. Оно еще менѣе путешествія Барбаро различествуетъ отъ изданія Рамузіева и, подобно сему послѣднему, раздѣлено также на 10 главъ. Только вездѣ, гдѣ у Рамузіо встрѣчается слово Ambasciadore (говоря объ авторѣ), замѣнено оно у Альдуса словомъ Orator.

Въ нашемъ изданіи сказано:	*Въ изданіи 1543 года:*
Стр. 132, *ст.* 5: Li danari, li quali portai con me, erano cusciti nei giupponi del detto prete Stephano, et mio, il che non era senza affanno.	et li danari portai con mi, cusiti in li giubboni del detto prete Stephano: et io, che non era senza affanno etc.
Стр. 132, *ст.* 4 *снизу:* Bercemsiurch	Barcemsiurch
Стр. 133, *ст.* 25: alli 25	a di XXVI
Стр. 133, *ст.* 26: paese del Marchese di Brandimburg Duca di Sassonia	paese del Marchese di Brandimurth Duca di Sansonia.
Стр. 134, *ст.* 8: Casimir	Gasimir
Стр. 135, *ст.* 27: Pammartin	Pammartim.
Стр. 136, *ст.* 28: questi è come la persona del nostro Re	questa è la persona del nostro Re
Стр. 137, *ст.* 2: alle quali usai cortesia.	li quali feci il dovere.
Стр. 137, *ст.* 8: nel mar delle Zabacche,	nel mar delle abach
Стр. 139, *ст.* 10: per uno Armeno	per uno Armin

Cmp. 139, *cm.* 17: Ariam,	Aridan,
Cmp. 140, *cm.* 2: per li paesi della Mengrelia et Giorgiania	per li paesi di Mengrali et Giorgiania
Cmp. 140. *cm.* 22: un Sobassi	uno sobassa,
Cmp. 141, *cm.* 4: ch'era capitato lì,	che era capitano di lì,
Cmp. 141, *cm.* 28: mi fece chiamare.	mi fece chiamare avanti à lui, et vi andai, et feceli riverenza.
Cmp. 142, *cm.* 13: Re Pangrati.	Re Pangian
Cmp. 144, *cm.* 5 *снизу:* quaranta caloiri	XL caloieri
Cmp. 145, *cm.* 14 *снизу:* Loreo	il Reo
Cmp. 147, *cm.* 6: Loreo,	Loredo
Cmp. 147, *cm.* 6 *снизу:* Gurlumameth.	Gurlumamech.
Cmp. 148, *cm.* 13: Astutin	Augustin
Cmp. 148, *cm.* 24: Masubei	Masubech
Cmp. 149, *cm.* 10: Jesdi	Zesdi
Cmp. 149, *cm.* 12: ChadiLascher,	Cadilascari,
Cmp. 150, *cm.* 19: alli 8	a dì VII
Cmp. 150, *cm.* 21: la febre crescendo cominciò gravemente à molestarmi,	la febre mi multiplicò
Cmp. 150, *cm.* 5 *снизу:* alli 23	a dì XXIV
Cmp. 151, *cm.* 6: Spaan	Spaam
Cmp. 152, *cm.* 20: Nella detta Persia à noi non fù mai fatto oltraggio alcuno.	In detta Persia à noi non fù mai detto peggio del nostro nome
Cmp. 153, *cm.* 22: che è un piacere a vederli mangiar con furia	che è un piacere à vederli tirare à terra
Cmp. 153, *cm.* 7 *снизу:* et la faccia di continovo colorita	al continovo con doi colori alla fazza
Cmp. 153, *cm.* 2 *снизу:* alli 22	a dì XXI
Cmp. 155, *cm.* 6: pavonazzo.	pagonazzo
Cmp. 155, *cm.* 11: le quali non accade recitare in questo luogo. Il signor mostrò di non ne far conto.	lequali parmi più honore tacere, che dirle; et il Signore mostrò quasi sbeffare.
Cmp. 162, *cm.* 11 *снизу:* a dì 24	a dì XXIII
Cmp. 162, *cm.* 8 *снизу:* Tiflis	Tiphis
Cmp. 163, *cm.* 16: nell' Avogasia	in Lavogasia
Cmu. 164, *cm.* 9: Derbent	Derbenth
Cmp. 164, *cm.* 19: mar di Bachau	mar di Bachan
Cmp. 164, *cm.* 29: Il detto mare è largo, per non haver bocca alcuna	il detto mare è lago per non haver bocca alcuna.

Стр. 165, *ст.* 22: in Citracan	in Cureram
Стр. 165, *ст.* 5 *снизу:* A dì 6 Aprile	a dì V Aprile
Стр. 166, *ст.* 7: per Citracan	per Citnitam
Стр. 167, *ст.* 18: trovò 9 uova di anetra	trovò IX ovi di arena.
Стр. 169, *ст.* 3 *снизу:* Casimi Can	Casimaca
Стр. 175, *ст.* 4: I Tartari diceano, che noi eravamo per tramontana piu di quindici giorni sopra della Tana	Tartari diceano, eramo nella Soria piu di giornate XV, per tramontana
Стр. 176, *ст.* 7: Colonna	Colona
Стр. 175, *ст.* 8: Mosco	Mostro
Стр. 178, *ст.* 23: più di tre libbre al soldo.	piu di tre libbre al marchetto
Стр. 178, *ст.* 25: et poco più di tre soldi l'una le oche.	et poco più di tre marchetti l'uno le oche.
Стр. 178, *ст.* 6 *снизу:* fanno alcuni lor Sani.	fanno alcune suo sanili
Стр. 179, *ст.* 7 *снизу:* di Alemagna	dalla Magna
Стр. 179, *ст.* 1 *снизу:* Novogardia, la qual confina quasi con la Francia et con l'Alemagna alta,	Novegrath, la qual confina quasi con la Franza, et con la Magna alta;
Стр. 180, *ст.* 15: et ha un figliuolo d'un' altra donna, il qual non gli è troppo in gratia, per non usar buoni costumi: con la Despina etc.	et ha un figliuolo di un' altra donna; il qual no li è troppo in gratia, per non usar buoni costumi con la Despina:
Стр. 193, *ст.* 4: Smolencho	Smolenzecho
Стр. 186, *ст.* 1: Messariza	Messariga
Стр. 197, *ст.* 19: alle Zaffusine	a Lizafusina
Стр. 188, *ст.* 15: Jausa.	Lansa
Стр. 179, *ст.* 1: della Curda	della Gorde

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.) *Правительственный Совтъ* (Consiglio di pregadi) существовалъ въ Венеціи въ то время, когда власть Дожа была еще довольно обширна. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ лицъ, избранныхъ или приглашенныхъ Дожемъ, для раздѣленія съ нимъ тягости Государственнаго управленія,— и былъ верховнымъ правительственнымъ мѣстомъ Республики. Въ послѣдствіи его замѣнили Сенатомъ, который значительно ограничивалъ власть Дожа. Желающіе почерпнуть подробнѣйшія свѣдѣнія о составѣ Венеціанскаго Правительства могутъ найти оныя въ сочиненіи Дарю, подъ заглавіемъ: Histoire de la Republique de Venise (L. XXXIX).

2.) Въ подлинникѣ сказано: fu di Messer Benedetto. Нѣкоторые полагаютъ, что Авторъ подъ этимъ выраженіемъ разумѣлъ Бенедектинскаго монаха. Предположеніе это совершенно ошибочно. Слово fu есть не что иное, какъ сокращеніе слова figlio, и хотя иногда употребляется для означенія монашескаго званія; но въ настоящемъ случаѣ должно быть переведено словомъ *сынъ;* ибо въ подлинникѣ сказано: fu di Messer Benedetto а не fu di San Benedetto, что конечно бы написалъ Контарини, если бы говорилъ о Бенедектинскомъ орденѣ. Къ томуже ни самъ онъ, въ продолженіе всего своего сочиненія, ни Коментаторы его Бекманъ и Цурла ни разу не упоминаютъ, чтобы Авторъ нашъ принадлежалъ къ духовному сословію.

3.) Трудно отгадать, какой Германскій городъ Контарини разумѣетъ подъ именемъ *Берцемсіурха* (въ изданіи 1543 года Барцемсіурхъ). По Географическому положенію можно думать, что онъ говоритъ о Вейсенбургѣ.

4.) *Владиславъ*, сынъ Казимира, Короля Польскаго, былъ избранъ Королемъ Венгерскимъ въ 1471 году.

5.) Это тотъ самый пограничный городъ, который у Барбаро названъ *Мерсагого* (см. пр. 77 къ I. Барбаро.)

6.) Еще въ первый разъ встрѣчаемъ мы названіе *Маграмана*, и трудно отгадать этимологію этого слова. Сестренцевичь въ своихъ изысканіяхъ о происхожденіи Сарматовъ (Rech. sur l'orig. des Sarm. etc. T. III Ch. 54) изчислилъ подробно различныя наименованія Кіева; но у него не сказано ни слова о томъ, чтобы этотъ городъ когда либо назывался Маграманомъ. По мнѣнію его Кіевъ находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по свидѣтельству Птоломея, существовалъ древній Амадотъ. Литовцы владѣли имъ постоянно болѣе 300 лѣтъ, именно съ 1320 по 1554 годъ.

7.) *Бѣлиграохъ*, безъ сомнѣнія нынѣшнее мѣстечко Бѣлгородка, въ 23½ верстахъ отъ Кіева, по дорогѣ къ Житомиру.

8.) *Черкасы*, нынѣ уѣздный городъ Кіевской Губерніи, отстоящій отъ самаго Кіева въ 290 верстахъ.

9.) См. Прим. 59 къ I. Барбаро.

10.) Городъ *Фазисъ*, — нынѣ крѣпость Поти (по Турецки Фашъ). Крѣпость эта находится на лѣвомъ берегу рѣки Ріона, у самаго его устья, — и уступлена Россіи по Адріанопольскому трактату. Фазисъ въ другомъ мѣстѣ названъ у Контарини Asso; но это видимая опечатка.

11.) *Тина* — вѣроятно нынѣшняя Атене или Ортупа, небольшой городокъ на южномъ берегу Чернаго моря, между Гуріею и Трапезундомъ.

12.) Liati есть видимая опечатка; ибо ниже городъ сей названъ Varti. Безъ сомнѣнія Контарини подъ этими двумя

названіями разумѣлъ Вати, нынѣшній Батумъ, о которомъ подробно сказано въ 54-мъ примѣчаніи къ І. Барбаро.

13.) Въ изданіи 1543 года напечатано не Sobassi, а Sobassa.

15.) *Медея*, знаменитая Греческая чародѣйка, была дочь Этеса, Царя Колхиды. Во время похода Аргонавтовъ, для отысканія золотаго руна, предводитель ихъ, *Язонъ*, плѣненный красотою Медеи, взялъ ее къ себѣ въ супруги и прижилъ съ нею двухъ дѣтей; но потомъ, прельщенный Креузою, дочерью Царя Креона, или устыдясь, какъ повѣствуютъ другіе, имѣть женою волшебницу, расторгнулъ узы, соединявшіе его съ Медеею. Пылая ревностію и мщеніемъ, чародѣйка умѣла на время скрыть злобу свою, дабы въ послѣдствіи излить ее съ большею яростію. Пославъ въ даръ соперницѣ своей вѣнчальное платье, напоенное столь сильнымъ ядомъ, что несчастная Креуза, немедленно по облаченіи его, объята была пламенемъ, Медея не удовольствовалась этою жертвою. Умертвивъ собственными руками дѣтей, прижитыхъ ею съ Язономъ, она превратила въ пепелъ дворецъ Креона и, насытивъ такимъ образомъ месть свою, удалилась на колесницѣ, запряженной драконами, къ Аѳинскому Царю Эгею, который женился на ней и прижилъ съ нею сына, по имени Медоса. Этого Медоса полагаютъ нѣкоторые древніе писатели основателемъ Царства Мидійскаго.

16.) См. выше, прим. 10.

17.) Въ подлинникѣ сказано: Un Nicolo Capello da Modone, ch'era capitato li, et havevasi fatto, da Mecho, а въ изданіи 1643 года вмѣсто capitato напечатано capitano. Выраженіе это очень темно, и я не могъ придумать ему лучшаго объясненія какъ то, которое помѣстилъ въ своемъ переводѣ. Бержеронъ передалъ его слѣдующимъ образомъ: Nicolas Capelle Modenois, qui commandoit en cet endroit là.

18.) *Полентою* называется у Италіанцевъ кисель или похлебка, приготовленная изъ каштановой муки съ водою.

19.) *Кутаисъ,* главный городъ Имеретіи, построенъ, по мнѣнію Данвиля, еще за XII вѣковъ до Р. Х. Пелазгами, и былъ, какъ полагаетъ сей Географъ, родиною Медеи, о которой упомянуто въ примѣчаніи 15-мъ. Въ немъ доселѣ еще находятся остатки древнихъ зданій, истребляемые мало по малу временемъ и невѣжествомъ жителей. Старый городъ выстроенъ на правомъ берегу Ріона, а новый на лѣвомъ, вѣроятно въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по свидѣтельству Контарини, находился дворецъ Царя Баграта. Оба города соединены между собою мостомъ. Видъ изъ стараго Кутаиса необыкновенно обширенъ и величественъ. Церковь, о коей упоминаетъ Контарини, существуетъ еще доселѣ. Построеніе ея относятъ ко времени Императора Юстиніана.

20.) *Гори,* второй городъ въ Грузіи послѣ Тифлиса, находится при впаденіи рѣки Ліахви въ рѣку Куръ. Многіе полагаютъ, что это Страбонова Горсоина.

21.) *Лори,* главный городъ области Сомхети или Армянской Грузіи, лежитъ на рѣкѣ Джаларъ-Огли. Въ изданіи Рамузіо названъ онъ *Лорео,* а въ изданіи 1543 года il Reo. На картѣ Олеарія *Лори* и *Рео* показаны двумя отдѣльными мѣстами. Послѣднее изъ нихъ есть вѣроятно селеніе *Реха* въ Грузинской области Тріалети.

22.) Въ подлинникѣ сказано: «gli passa sotto una fiumara molto profonda, non di acqua ma di cava.» Въ переводѣ я принужденъ былъ измѣнить нѣсколько оборотъ этого выраженія, для лучшаго уразумѣнія читателей. У Бержерона просто сказано: sur le bord d'un fleuve très profond.»

23.) Гора *Араратъ,* называемая у Армянъ Масисеусаръ, (горою Ковчега), а у Персіянъ Куги-нухъ (Ноевой горою) и безъ сомнѣнія извѣстная всякому читателю изъ Библейскаго преданія, находится подъ 39° 30′ Сѣвер. шир. и подъ 40° 15′ вост. долг. Она состоитъ изъ двухъ холмовъ, подъ именемъ Большаго и Малаго Арарата. Первый возвышается надъ поверхностію моря на 17,284 фута, а надъ окрестною долиною на 10,930 футовъ. Многіе пыталисъ достигнуть вершины этой

горы, недоступной, по мнѣнію Армянъ, для смертныхъ, но всѣ усилія ихъ были безуспѣшны. Честь этого подвига предоставлена была судьбой знаменитому нашему Г. Парроту, который 28 Сентября 1829 года первый сталъ смѣлою пятою на вѣковые снѣга, вѣнчающіе вершину Арарата и въ память успѣшнаго своего предпріятія водрузилъ тамъ два креста. Послѣ того служащій въ Арменіи молодой чиновникъ, Г. Автономовъ, также взобрался, по слѣдамъ Паррота, на самый верхъ горы (1834) и нашелъ только одинъ изъ крестовъ, поставленныхъ знаменитымъ путешественникомъ, до половины засыпанный снѣгомъ.

24.) С. *Хіагри* у Барбаро названо Cagri. По свѣдѣтельству его оно отстоитъ въ двухъ дняхъ пути отъ горы Арарата. «Due giornate lontano è un castello nominato Cagri: et questo è habitato dagli Armeni d'ogn'intorno, i quali fanno alla Catholica, et monasterii: il principal dei quali si chiama Alengia: ha da cinquanta monachi osservanti della regola di San Benedetto.» (См. Viaggio di J. Barbaro nella Persia въ 2-мъ томѣ Рамузіева Сборника стр. 110) Вѣроятно названіе Хіагри произошло отъ самой горы Арарата, которая у Турокъ именуется Агри- или Эгри-дагомъ.

25.) Смотри ниже прим. 65.

26.) *Тавризъ* или Тебризъ, главный городъ Адербиджанской провинціи, былъ прежде весьма обширенъ и многолюденъ; но войны и землетрясенія уменьшили его значительность. Вмѣсто 500,000 жителей, находившихся, по свидѣтельству Географовъ, въ прежнія времена въ Тавризѣ, нынѣ считается ихъ не болѣе 100,000. Въ послѣднюю Персидскую войну онъ былъ взятъ Русскими безъ боя. Тавризъ производитъ значительную торговлю; ибо туда съѣзжаются купцы изъ всей Персіи, Россіи, Турціи и Индіи.

27.) *Азамъ* или Азямъ не есть имя собственное, ибо ниже, при описаніи выѣзда своего изъ Тавриза, Контарини гово-

ритъ о цѣломъ караванѣ Азамовъ. Это испорченное слово *Аджемъ*, которымъ древніе Аравитяне называли Персіянъ, и которое доселѣ еще сохранилось въ имени провинціи Иракъ Аджеми, т. е. Иракъ Персидской. Названіе Аджемъ у Аравитянъ придавалось не однимъ только Персіянамъ, но и всѣмъ народамъ иноплеменнымъ, какъ у Евреевъ названіе язычниковъ, а у Грековъ — варваровъ. (См. Энциклоп. Слов. Т. I. стр. 191.)

28.) *Гурлу-Махметъ* (въ изданіи 1543 года Gurlumamech) названъ у Барбаро Gorlumahumeth, у Зено Unghermaumet, а у Анджіолелло Ugurlimehemet. По свидѣтельству послѣдняго этотъ мятежный сынъ Узунъ-Гассана, услышавъ, что родитель его идетъ противъ него съ войскомъ, бѣжалъ въ Константинополь, гдѣ былъ принятъ Султаномъ съ отмѣнными почестями. Узунъ-Гассанъ, провѣдавъ о его бѣгствѣ, повелѣлъ распустить ложный слухъ о кончинѣ своей и эта хитрость совершенно удалась ему. Гурлу-Махметъ, обманутый дошедшею до него вѣстію, поспѣшилъ отправиться въ Тавризъ, гдѣ былъ схваченъ и умерщвленъ по приказанію родителя своего (См. Ramusio T. II p. 70, 104 и 225).

29.) *Ширасъ*, главный городъ провинціи Фарсистанъ или собственной Персіи, былъ прежде цвѣтущимъ, богатымъ и многолюднымъ городомъ; но нынѣ значительно упалъ отъ продолжительныхъ междоусобій, колебавшихъ Персію. Онъ построенъ въ прелестной и плодоносной долинѣ и находится въ семи часахъ пути отъ древняго Персеполиса, разрушеннаго, какъ извѣстно, Александромъ Великимъ. Въ Ширасѣ дѣлаютъ лучшее Персидское вино. Тамъ же находятся гробницы двухъ первыхъ поэтовъ Персіи: Саади и Гафиза.

30.) Получивъ изданіе Альдуса въ то время, когда переводъ Контарини былъ уже отпечатанъ, я прежде не зналъ, чѣмъ объяснить въ изданіи Рамузіевомъ то обстоятельство, что въ одномъ мѣстѣ напечатано *Астутинъ*, а въ другомъ *Августинъ*. По сличеніи обоихъ изданій оказалось, что у Рамузіо вкралась

ошибка, и что въ обоихъ случаяхъ должно читать Августинъ. (См. выше Варіанты на Конт.)

31.) О мечети и вратахъ въ Султаніи, опысываемыхъ нашимъ путешественникомъ, упоминаетъ и Олеарій, съ присовокупленіемъ, что послѣднія сдѣланы не изъ бронзы, а изъ полированной стали и украшены насѣчкою. «По увѣренію Персіянъ, продолжаетъ онъ, самыя большія изъ этихъ вратъ, обращенныя къ Мейдану, никакою силою не могутъ быть отперты, если не произнесены будутъ слѣдующія слова: Беаскъ Али букша, т. е. исполни сіе изъ любви къ Алію. По произнесеніи этихъ словъ, волшебство изчезаетъ, и каждый ребенокъ легко можетъ отворить ихъ.» (Олеар. Нѣмец. издан. 1696 года стр. 251).

32.) *Комъ* считался прежде однимъ изъ значительнѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Персіи, но въ 1787 году много потерпѣлъ отъ землетрясенія. — Въ немъ замѣчательны гробницы Софіевъ, потомковъ Алія. Неподалеку отъ Кома находится г. Гамаданъ, построенный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была древняя Экбатана, столица Мидійскаго Государства.

33.) *Кашанъ* считается и доселѣ однимъ изъ самыхъ торговыхъ городовъ Персіи.

34.) *Квартъ,* мѣра жидкости, составляла 16-ю часть амфоры и равнялась $2\frac{1}{2}$ ведрамъ.

35.) *Землею Франковъ* или *Френгистаномъ* называютъ на востокѣ вообще всю западную Европу.

36.) Авторъ повидимому ссылается на Главу III своего путешествія (стр. 45), гдѣ упоминаетъ онъ объ 11-ти, а не о 9-ти Армянскихъ селеніяхъ. Или здѣсь, или тамъ находится опечатка. Это тѣмъ легче могло случиться, что въ изданіи 1543 года всѣ числа выставлены Римскими цифрами.

37.) *Тифлисъ* находится не на Тигрѣ, а на Курѣ. (См. пр. 79 къ I. Барбаро.

38.) *Гроссъ* составлялъ 20-ю часть червонца (См. Daru. Histoire de la Rep. de Venise. Tome VII. p. 169).

39.) Повидимому Контарини сбился здѣсь въ именахъ и принялъ названіе страны за имя владѣтеля; ибо ниже въ главѣ 6-й говоритъ онъ, что Маркъ Россо ѣхалъ чрезъ *Горгору,* (fece la via di Gorgora). Должно полагать, что подъ названіемъ Горгоры разумѣлъ онъ Гурію; Халцыханъ же безъ сомнѣнія не иное что какъ Ахалцихъ, завоеванный Турками отъ Грузинскихъ Царей въ началѣ XVII Столѣтія. Доказательствомъ сему служитъ то, что Авторъ нашъ вмѣстѣ съ Халцыханомъ поставляетъ и Вати въ зависимости отъ Горгоры, а выше, во 2-й главѣ, говоритъ, что Вати принадлежитъ Горболѣ (Гуріелю). Въ послѣдней главѣ своего путешествія Контарини объясняетъ, что владѣнія Горгоры отдѣлялись отъ владѣній Узунъ-Гассана Арсинганскою долиною (Великою Арменіею), получившею названіе свое отъ Арсингана (у Абульфеды Ардженгана), нѣкогда цвѣтущаго и многолюднаго Армянскаго города на рѣкѣ Евфратѣ. Барбаро также упоминаетъ о Горгорѣ въ путешествіи своемъ въ Персію, присовокупляя, что земли его сопредѣльны съ владѣніями Царя Грузинскаго. (См. Рам. Т. II. стр. 110 на оборотѣ.)

40.) Названіе *Сиванcъ* есть безъ сомнѣнія искаженное имя Ширванской области, въ которой, какъ извѣстно, находится Шамаха. У Барбаро названъ онъ Сирвансою; «Sammacchi, città nella Media, nel paese di Thezichia, il signor della quale si chiama Sirvansa.» (См. Ram. T. II. p. 109.)

41.) *Мидіею* называлось въ древности обширное Государство, заключавшее въ себѣ нынѣшнюю область Ширванскую, Иракъ-Аджеми, Гиланъ, Адербиджанъ и Мазандаранъ, и имѣвшее столицею своею городъ Экбатану, что нынѣ Гамаданъ, не-

подалеку отъ города Кома. Мидія была завоевана Персами при Кирѣ, за 560 лѣтъ до Р. Х.

42.) Здѣсь Контарини говоритъ о Старой *Шамахть;* ибо новая, отстоящая отъ нее въ 25 верстахъ, построена уже въ 1734 году Шахомъ Надиромъ. Старая Шамаха, представляющая нынѣ почти однѣ развалины, была нѣкогда цвѣтущимъ и значительнымъ торговымъ городомъ. Построеніе ея относятъ къ самой отдаленнѣйшей древности. Вольтеръ, въ Исторіи Петра Великаго, утверждаетъ, что она одно время была столицею Царства Мидійскаго, а Данвиль считаетъ ее Птоломеевою Мамахіею. Таламанскій шелкъ, о коемъ упоминаетъ здѣсь Контарини, и по сію пору извѣстенъ у насъ подъ именемъ Шамаханскаго.

43.) Смотри выше пр. 39.

44.) Мы не станемъ распространяться здѣсь о времени построенія города *Дербента*, ибо обстоятельство это доселѣ еще составляетъ предметъ споровъ между учеными, а также умолчимъ о статистическомъ его положеніи, которое достаточно описано разными путешественниками. Скажемъ только, что не одинъ Контарини, но и другіе позднѣйшіе писатели упоминаютъ о множествѣ находящихся въ Дербентѣ надгробныхъ памятниковъ. Вотъ что между прочимъ говоритъ о семъ знаменитый Олеарій: «Въ давнишнія времена, однако послѣ Магомета, жилъ Царь Мидійскій, по имени Кассанъ, изъ племени Окусъ, обитавшаго за Эльбурсомъ въ Табассаранѣ, гдѣ нынѣ множество жидовъ. Царь этотъ имѣлъ при Дербентѣ битву съ Дагестанскими Татарами (именующимися Лезгинами), въ которой побѣдилъ означенныхъ Татаръ и нѣсколько тысячь ихъ положилъ на мѣстѣ. Надъ ихъ то могилами поставлены эти памятники.» (См. Олеар. Нѣм. изд. 1696 года стр. 378.)

45.) Трудно отгадать, о какомъ городкѣ говоритъ здѣсь Контарини. Не есть ли это селеніе Бахель (Сурратъ), коего плодородіе выхваляетъ Олеарій? (См. Нѣм. изд. 1696 г. стр. 376)

46.) Вѣроятно Авторъ разумѣетъ тутъ тюленей. Касательно же другой рыбы, описываемой имъ, Олеарій (Нѣм. изд. 1696 г. стр. 215) справедливо замѣчаетъ, что въ жирѣ ея жители Дербента не могли имѣть особенной надобности; ибо, неподалеку отъ сего города, въ окрестностяхъ Баку, находится множество нефтяныхъ ключей. Барбаро въ путешествіи своемъ въ Персію также говоритъ о большомъ количествѣ нефти, добываемой въ Бакинской области и употребляемой для освѣщенія и для натиранія верблюдовъ. (См. Ramusio T. II. стр. 109).

47.) *Деспина* по Гречески значитъ Госпожа, повѣлительница, Княжна. Такъ Контарини называетъ супругу Іоанна Васильевича III, Великую Княгиню Софію, дочь Морейскаго Деспота Ѳомы Палеолога. О проѣздѣ ее изъ Рима, переговорахъ по сему предмету и бракѣ Великаго Князя смотри Кар. Ист. Г. Р. Т. VI. стр. 57 — 68.

48.) *Волга* дѣйствительно впадаетъ въ Каспійское море 72-мя рукавами.

49.) Нынѣшняя *Астрахань* находится въ 80 верстахъ отъ устья Волги и въ 7 верстахъ отъ прежней Астрахани.

50.) О цѣнности *алерма* не могъ я отыскать никакихъ свѣденій во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ писателяхъ, говорившихъ о Венеціанской монетѣ. Выраженіе Контарини: fu ridutta la cosa in due mila alermi d'esser pagati al Signore переведено у Бержерона слѣдующимъ образомъ: il fut marqué un endroit pour déliberer de cette affaire; ce fut dans un bourg, nommé Alermi, d'où le Seigneur n'étoit qu'à deux milles.

51.) Его называли не *Казимомъ*, а *Касидою*. Въ послѣдствіи онъ примирился съ дядею своимъ, Ханомъ Золотой орды Ахматомъ, и уже въ 1480 году вмѣстѣ съ нимъ ходилъ войною на Москву (см. Кар. И. Г. Р. Т. VI. стр. 114 и 145).

52.) Вѣроятно Авторъ разумѣетъ тутъ Шибанскихъ или Тюменскихъ Татаръ.

53.) *Иванъ Батистъ Тревизанъ*, посолъ Венеціанской Республики къ Хану Золотой орды, былъ въ 1472 году задержанъ

въ Москвѣ, гдѣ его посадили подъ стражу, въ домъ Никиты Беклемишева, и выпустили уже не ранѣе какъ въ слѣдующемъ году. Вотъ что было поводомъ къ таковой строгой мѣрѣ въ отношеніи къ нему. Когда Русскій Посолъ Иванъ Фрязинъ, находившійся въ службѣ Іоанна въ качествѣ монетчика или денежника, былъ въ первый разъ отправленъ въ Римъ для переговоровъ о бракосочетаніи Великаго Князя съ Софіею, то на возвратномъ пути въ Россію, посѣтилъ родину свою Венецію, гдѣ выдавалъ себя за Великаго Боярина Московскаго, и былъ обласканъ Дожемъ Николаемъ Тропо. «Сей послѣдній, говоритъ Карамзинъ, узнавъ отъ него о тѣсныхъ связяхъ Россіянъ съ Моголами Золотой орды, вздумалъ отправить туда Посла чрезъ Москву, чтобы склонить Хана къ нападенію на Турцію. Сей Посолъ, именемъ Иванъ Батистъ Тревизанъ, дѣйствительно пріѣхалъ въ нашу столицу съ грамотою отъ Дожа къ Великому Князю и съ просьбою, чтобы онъ велѣлъ проводить его къ Хану Ахмату; но Иванъ Фрязинъ уговорилъ Тревизана не отдавать Государю ни письма, ни обыкновенныхъ даровъ; обѣщалъ и безъ того доставить ему все нужное для путешествія въ орду, и пришедши съ нимъ къ Великому Князю, назвалъ сего Посла купцемъ Венеціанскимъ, своимъ племянникомъ. Ложь ихъ открылась прибытіемъ Софіи. Легатъ Папскій (Антоній) и другіе изъ ея спутниковъ, зная лично Тревизана, зная также, съ чѣмъ онъ посланъ въ Москву — сказали о томъ Государю. Іоаннъ, взыскательный, строгій до суровости, въ гнѣвѣ своемъ за дерзкій обманъ, велѣлъ Фрязина оковать цѣпями, сослать въ Коломну, домъ разорить, жену и дѣтей взять подъ стражу, а Тревизана казнить смертію. Едва Легатъ Папскій и Греки (прибывшіе съ Софіею) могли спасти жизнь сего послѣдняго усерднымъ за него ходатайствомъ, умоливъ Государя, чтобы онъ прежде обослался съ Сенатомъ и Дожемъ Венеціанскимъ. Въ слѣдствіе сего Іоаннъ отправилъ въ Венецію Антона Фрязина (племянника Ивана) съ жалобою на Тревизана, велѣвъ сказать Дожу: кто шлетъ посла чрезъ мою землю тайно, обманомъ, не испросивъ дозволенія, тотъ нарушаетъ уставы чести. Дожъ и Сенатъ, услышавъ, что бѣдный Тревизанъ сидитъ подъ стражею, окованный цѣпями, при-

бѣгнули къ ласковымъ убѣжденіямъ, прося, чтобы Великій Князь освободилъ его для общаго блага Христіанъ, и отправилъ къ Хану, снабдивъ всѣмъ нужнымъ для сего путешествія изъ дружбы къ Республикѣ, которая съ благодарностію заплатитъ сей долгъ. Іоаннъ умилостивился, освободилъ Тревизана, далъ ему семьдесятъ рублей, и вмѣстѣ съ нимъ пославъ въ орду Дьяка своего возбуждать Хана противъ Магомета II, увѣдомилъ о томъ Венеціанскаго Дожа.» (См. Кар. Ист. Г. Р. Т. VI. стр. 68 и 72).

54.) *Аристотель Болонскій*, извѣстный въ Италіи подъ именемъ Alberti Aristotile и Ridolfo Fioraventi, прибылъ въ Москву въ 1475 году, по приглашенію Русскаго посла въ Венеціи Семена Толбузина. Еще прежде того онъ извѣстенъ былъ какъ отличный Зодчій и Механикъ; ибо раздвинулъ посредствомъ особенной механической хитрости колокольню Св. Маріи дель Темпіо въ Болоньи, выправилъ колокольню Св. Власія въ Чинто, не вынувъ изъ нее ни одного камня и построилъ необыкновенный мостъ въ Венгріи. Въ Москвѣ соорудилъ онъ знаменитый храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы къ Кремлѣ (тотъ самый, о которомъ говоритъ здѣсь Контарини). Въ 1479 году храмъ этотъ былъ уже освященъ. Сверхъ того Аристотель лилъ у насъ колокола и пушки и чеканилъ монету, на которой ему дозволено было изображать свое имя. Монета его, дошедшая до насъ, имѣетъ на одной сторонѣ всадника, подъ ногами коего выбитъ цвѣтокъ, а на другой имя Аристотеля.

55.) *Старо*, древняя Венеціанская мѣра для сыпучихъ тѣлъ, равнявшаяся нашимъ тремъ четверикамъ.

56.) Сольдъ составлялъ 124 часть червонца или 20-ю часть ливра.

57.) Въ подлинникѣ сказано: la qual confina quasi con la Francia et con l'Alemagna alta, а въ изданіи 1543 года: laqual confina quasi con la Franza et con la Magna alta. Что Новго-

родъ не граничилъ никогда ни съ Франціею, ни съ Германіею не требуетъ опроверженія.

58.) Неизвѣстно о какой части Германіи, принадлежащей Королю Польскому, говоритъ здѣсь Контарини. Трудно думать, чтобы онъ разумѣлъ Ливонію, которая отошла подъ власть Польши уже въ 1569 году. Въ самой же Германіи Казимиръ не имѣлъ никакихъ владѣній.

59.) Ionici Автора есть безъ сомнѣнія не что иное, какъ Lonin или Lonigi Барбаро, т. е. городъ *Слонимъ.*

60.) Здѣсь вѣроятно Авторъ говоритъ о Воеводѣ Мазовецкомъ.

61.) Что подъ именемъ города Polonia Авторъ разумѣетъ Плоцкъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, ибо это самый значительный городъ на пути изъ Варшавы во Франкфуртъ. Барбаро въ путешествіи своемъ не упоминаетъ о немъ, хотя, сколько видно, онъ ѣхалъ изъ Москвы въ Германію тѣмъ же путемъ какъ и Контарини.

62.) Городъ Ian перевелъ я Іеною, какъ по сходству произношенія, такъ равно и потому, что это былъ одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ на пути между Франкфуртомъ и Ниренбергомъ. Іенской Университетъ основанъ, какъ извѣстно, въ 1547 году Саксонскимъ Курфирстомъ Іоанномъ Фридрихомъ Великодушнымъ.

63.) Въ 1477 году Дожемъ Венеціи былъ Андрей Вендрамино, избранный по смерти Петра Мончениго 5-го Марта 1476 года.

64.) Караманія есть юговосточная часть Малой Азіи, заключающая въ себѣ древнюю Памфилію и нѣкоторую часть Киликіи, Писидіи и Кападокіи. Она долго управлялась собственными Государями и покорена Турками уже въ концѣ XV столѣтія. Не надобно смѣшивать ее съ Карманіею, Персидскою провинціею, извѣстную нынѣ подъ именемъ Кермана. Вотъ

какъ опредѣляетъ Караманію неизвѣстный Авторъ одного разсужденія о Туркахъ, напечатаннаго Альдусомъ вмѣстѣ съ путешествіями Барбаро и Контарини въ 1543 года: Caramania, che è la Cilicia per mezo Cypro et la Pamphilia (стр. 145).

65.) Подъ именемъ Туркоманіи или Турецкой Арменіи существуетъ еще доселѣ Турецкая область, состоящая изъ Пашалыковъ: Эрзрумскаго, Карскаго и Ванскаго. Названіе Туркоманіи получила она отъ населяющихъ ее Туркменцевъ или Туркомановъ, народа Монгольскаго происхожденія, прибывшаго въ XI вѣкѣ изъ Средней Азіи (Туркестана) и завладѣвшаго страною около Евфрата. Народъ этотъ долго былъ страшенъ для сосѣдей своихъ, въ продолженіи цѣлаго вѣка владѣлъ Персіею, и съ трудомъ былъ усмиренъ Шахомъ Измаиломъ Софи. Туркменцы и доселѣ еще ведутъ жизнь кочевую, подобно соплеменникамъ своимъ, живущимъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря въ независимой Татаріи и отъ имени коихъ часть сей послѣдней названа землею Туркменцевъ или Трухменцевъ.

66.) Абу-Саидъ, правнукъ знаменитаго Тамерлана, царствовалъ въ Персіи съ 1456 по 1468 годъ. По плѣненіи его Узунъ-Гассаномъ, онъ былъ умерщвленъ, въ слѣдствіе приговора военнаго совѣта, какъ утверждаютъ Восточные писатели.

III.

АЛЬБЕРТЪ КАМПЕНЗЕ.

ПИСЬМО
АЛБЕРТА КАМПЕНЗЕ
КЪ
ПАПѢ КЛИМЕНТУ VII
О ДѢЛАХЪ МОСКОВІИ.

Переводъ съ Италіанскаго

В. С.

LETTERA D'ALBERTE CAMPENSE

INTORNO LE COSE DI MOSCOVIA.

AL BEATISSIMO PADRE CLEMENTE VII, PONTEFICE MASSIMO.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

ОТЪ

ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемое здѣсь въ переводѣ письмо Алберта Кампензе къ Папѣ Клименту VII о дѣлахъ Московіи заимствовано нами, вмѣстѣ съ сочиненіями Барбаро и Контарини, изъ знаменитаго собранія Рамузіо. Повидимому оно писано было Авторомъ въ 1523 или 1524 году, т. е. немедленно по вступленіи Климента на Папскій престолъ и до поѣздки Генуэзца Павла въ качествѣ Римскаго посла въ Москву; ибо въ продолженіи всего сочиненія ни разу не упомянуто ни о Павлѣ, ни о Русскомъ послѣ Димитріѣ Герасимовѣ, прибывшемъ въ 1525 году въ Римъ (*) и по разсказамъ коего знаменитый Историкъ того времени П. Іовій написалъ извѣстное свое твореніе о Московіи.

(*) Смотри Карамз. Истор. Госуд. Росс. Томъ VII. Глав. 3 и Пав. Іовія о Посол. Москов. и пр.

Албертъ Кампензе не былъ самъ въ Россіи, но составилъ свое повѣствованіе объ ней изъ свѣдѣній, сообщенныхъ ему отцемъ его и братомъ, которые проживали долгое время въ Москвѣ и, по увѣренію Автора, хорошо ознакомились съ нравами, обычаями, языкомъ и письменами Московитянъ. Повѣствованіе это, какъ и всѣ почти сочиненія того времени объ отечествѣ нашемъ, неполно, сбивчиво и часто совсѣмъ невѣрно; а имена областей, городовъ и народовъ такъ искажены, что весьма трудно, или даже иногда совершенно невозможно догадаться, о чемъ говоритъ Авторъ. Такъ на пр: *Печоране* названы *Печерусранами*, *Вогуличи Вагульсранами*, Княжество *Тверское Тувердскимъ*, *Юрьевъ Польскій Шуверцоніей* и т. д. Рамузіо старался по возможности объяснять на поляхъ тѣ изъ названій, которыя казались ему особенно невѣрными; но эти объясненія нерѣдко болѣе затрудняютъ, нежели облегчаютъ читателя въ его розысканіяхъ.

Покойный Н. М. Карамзинъ въ 287 примѣчаніи къ VII тому Исторіи Государства Россійскаго, упоминая о Кампензе, говоритъ, что всѣ Географическія свѣдѣнія, въ твореніи его заключающіяся, заимствованы изъ Матвѣя Мѣховскаго. Не смѣя оспоривать мнѣнія почтеннаго Исторіографа, я

не менѣе того твердо убѣжденъ, что сочиненіе Кампензе заслуживаетъ вполнѣ вниманіе любителей Отечественной Исторіи, какъ по отличному отъ другихъ взгляду Автора на нравы и обычаи предковъ нашихъ, такъ равно и потому, что оно, вмѣстѣ съ твореніемъ П. Іовія, служитъ явнымъ доказательствомъ постояннаго и сильнаго желанія тогдашняго Римскаго Двора сблизиться съ Царемъ Русскимъ и присоединить къ паствѣ своей Державу его, уже въ то время мощную и самостоятельную. Желаніе это весьма естественно объясняется быстрымъ распространеніемъ въ началѣ XVI столѣтія ученія Лютерова и необходимостію, въ которую былъ поставленъ Римскій престолъ, искать на востокѣ Европы опоры колебавшемуся своему могуществу. Распространяя повсюду слухъ, будто Царь Московскій самъ домогается соединенія церквей и титла Королевскаго, Папская политика надѣялась симъ средствомъ удержать въ повиновеніи тѣхъ, которые оставались еще вѣрными ученію западной церкви и внушить врагамъ своимъ страхъ и уваженіе къ власти Римскаго Первосвященника. Не смотря однако на всѣ причины, побудившія сего Первосвященника искать союза съ Царемъ Московскимъ, старанія его о присоединеніи Россіи къ духовной

паствѣ своей остались тщетными. Ни многократныя посольства, ни велерѣчивыя грамоты, ни лестныя обѣщанія, ни даже посредничество Императора, Королей Датскаго и Польскаго и Магистра Прусскаго не могли склонить мудраго Василія къ оставленію вѣры предковъ. Онъ отвѣчалъ, «что съ Папою хочетъ въ дружбѣ и въ со«гласіи быти о дѣлѣхъ о которыхъ; а какъ «напередъ того съ Божіею волею отъ пра«родителей своихъ Законъ Греческій дер«жалъ крѣпко, такъ и нынѣ съ Божіею «волею Законъ свой держати крѣпко хо«четъ (*).»

Читатели наши безъ сомнѣнія замѣтятъ, что Кампензе, вопреки другимъ современнымъ и позднѣйшимъ писателямъ о Россіи, вездѣ съ особенною похвалою отзывается о народѣ Русскомъ и выставляетъ въ самомъ блестящемъ видѣ могущество и богатство Царя Московскаго. Этими похвалами онъ вѣроятно хотѣлъ еще болѣе склонить Климента къ союзу съ Василіемъ, союзу, котораго, какъ мы выше сего объяснили, требовала въ то время политика Римскаго престола, сильно потрясеннаго быстрыми успѣхами новаго ученія.

(*) См. Карам. Истор. Госуд. Рос. Т. VII. Замѣч. 191.

ПИСЬМО

Алберта Кампензе къ Его Святѣйшеству Папѣ Клименту VII [1]) о дѣлахъ Московіи.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Если Евангельскій Пастырь, или, лучше сказать, Великій Первосвященникъ, коего вы служите намѣстникомъ на землѣ, съ такимъ тщаніемъ искалъ одну изъ ста заблудшихъ овецъ своихъ и, нашедъ ее, съ такимъ восторгомъ и торжествомъ для всего неба принесъ на собственныхъ раменахъ обратно къ стаду, то какъ велики должны быть заботы и попеченія Пастыря церкви, когда не одна, а цѣлыя сотни заблудшихъ овецъ жаждутъ присоединиться къ стаду Христову. Основываясь на семъ мнѣніи, я не могу довольно надивиться равнодушію, съ которымъ

предшественники Вашего Святѣйшества оставляли доселѣ безъ всякаго вниманія Московію, страну многолюдную, различествующую съ нами въ самыхъ маловажныхъ догматахъ и безусловно преданную проклятію за отложеніе отъ церкви, и нисколько не заботились о приведеніи ее обратно въ лоно истинной вѣры, тѣмъ болѣе, что исполненіе сего требовало самыхъ незначущихъ усилій.

Благочестивѣйшій отецъ Адріанъ VI [2]), предмѣстникъ Вашего Святѣйшества имѣлъ въ виду эту благую мысль, въ которой я всѣми силами старался утвердить его, поставляя непрестанно на видъ все то, что могъ только придумать въ ея пользу; но преждевременная кончина его предоставила Вашему Святѣйшеству, вмѣстѣ съ многими другими предначертаніями, и этотъ благочестивый, великій и святый подвигъ. Посреди многоразличныхъ и важныхъ дѣлъ, до сего времени васъ обременявшихъ, вы должны смотрѣть на предстоящій трудъ, какъ на внушеніе Божественной воли, ниспосылающей вамъ въ трудѣ семъ отдохновеніе отъ заботъ и средство съ малыми усиліями совершить дѣло великое, которое покроетъ васъ безсмертною славою.

И дѣйствительно чѣмъ можетъ болѣе обезсмертиться имя Ваше въ позднемъ потомствѣ, какъ не воспоминаніемъ о томъ, что въ упра-

вленіе Ваше, по Вашей дѣятельности и Пастырскому попеченію, всѣ Московитяне возвратились въ лоно истинной церкви и народы отдаленной Скиѳіи прибѣгли подъ покровительство Римскаго Первосвященника. Отъ одной мысли о семъ Лютеране, эти неистовые безумцы, дерзнувшіе возстать противу чести и могущества престола Вашего, горестно застонутъ и покроются вѣчнымъ стыдомъ.

Изслѣдуя съ другой стороны пользу, могущую произойти отъ приведенія въ дѣйство предпріятія столь высокаго, мы увидимъ, что эта польза яснѣе самаго солнца представляется взору. Она гораздо важнѣе и гораздо достойнѣе имени Христіанскаго, нежели всѣ выгоды, которыя доставило бы намъ покореніе оружіемъ Азіи и Африки; ибо всякая побѣда покупается неимовѣрною цѣною — потоками крови Христіанской, гибелью и смертію множества людей — и, даже въ случаѣ самаго блистательнаго успѣха, менѣе пріобрѣтаетъ чѣмъ губитъ душъ для вѣры Христовой. Турки, побѣжденные и покоренные оружію нашему, будутъ по прежнему коснѣть въ невѣріи своемъ, — и изъ многихъ сотенъ тысячъ душъ, едва ли одна, или двѣ обратятся на путь истинный; тогда какъ Московитянъ можно, не обнажая меча, безъ пролитія крови и безъ

малѣйшихъ усилій, пріобщить всѣхъ до одного къ спасительному стаду Христову. (Не говорю уже здѣсь о томъ, что пособіе ихъ будетъ для насъ весьма важно противу ярости Мусульманъ, ибо въ послѣдствіи я намѣренъ подробнѣе объяснить это).

Въ слѣдствіе всего вышесказаннаго я почелъ дѣломъ полезнымъ для Вашего Святѣйшества представить, вмѣстѣ съ описаніемъ пространства, предѣловъ, нравовъ и обычаевъ Московіи (вовсе неизвѣстной Исторіографамъ и Космографамъ нашимъ), нѣсколько замѣчательныхъ свѣдѣній, которыя, по любознанію своему, собралъ я отъ нѣкоторыхъ нашихъ купцовъ, а также отъ отца и брата моего, проживавшихъ долгое время въ Московіи и коротко ознакомившихся съ языкомъ, письменами и обычаями Московитянъ. Расположивъ всѣ эти свѣдѣнія по правиламъ Космографіи, я присовокупилъ къ нимъ то, что по мнѣнію моему должно убѣдить всякаго въ возможности, безъ большихъ усилій, привести въ исполненіе важное предпріятіе, мною выше объясненное, а также и нѣкоторыя средства, съ помощію коихъ удобнѣе будетъ достигнуть этой цѣли.

Смѣю надѣяться, что Ваше Святѣйшество примите трудъ мой столь же благосклонно, какъ Тотъ, чью власть Вы представляете на земли, принялъ, по свидѣтельству Еван-

гельскому, двѣ лепты, вдовицею принесенныя. Вамъ предстоитъ великій подвигъ присоединенія новыхъ племенъ къ стаду Христову, и потому не желая вступленія своего содѣлать продолжительнѣе самаго разсказа, теперь же приступаю къ обѣщанному мною описанію.

ГЛАВА I.

О положеніи Московіи и ея пространствѣ; о Татарскомъ Императорѣ Тамерланѣ и о народахъ, сопредѣльныхъ Московитянамъ.

Положеніе и пространство Московіи.

Московія, лежащая въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, по направленію къ востоку, занимаетъ въ длину и ширину огромное пространство. Протяженіе ея отъ запада на востокъ составляетъ болѣе шестисотъ миль Нѣмецкихъ, или трехъ тысячъ миль Италіанскихъ [3]), а именно: отъ Новгорода (Novogardia) до Москвы пятьсотъ Италіанскихъ, или сто Нѣмецкихъ миль (слѣдовательно Лапландія, лежащая гораздо выше Новгорода, отстоитъ отъ Москвы еще далѣе); отъ Москвы до Вологды (Volochda) сто Италіанскихъ миль; отъ Вологды до Устюга (Uszhuga) столько же; отъ Устюга до Вятки (Viathka) столько же; отъ Вятки до Печоры (Perusrani [4]) тридцать Нѣмецкихъ миль и столько же отсюда до Вогуличей (Vahulzrani [5]). Сему послѣднему народу сопредѣльны многія Скифскія племена, живущія далѣе къ Сѣверовостоку въ Азіатской Сарматіи и также подвластныя Московитянамъ.

Въ ширину, т. е. съ юга на сѣверъ Московія простирается отъ земли Руссовъ [6]) и Литвы вплоть до Океановъ Скиѳскаго [7]) и Сѣвернаго. Съ запада она граничитъ съ Ливоніею, Балтійскимъ моремъ и съ Лапландіею, а съ востока не замыкается общими предѣлами Европы; но простирается далеко за Танаисъ, составляющій границу Европы и Азіи и даже за Ра [8]), величайшую изъ рѣкъ Азіатской Сарматіи [9]), вплоть до Гиперборейской Скиѳіи [10]), лежащей на сѣверовосточномъ краю Азіи.

Народы, обитающіе въ Московіи.

На семъ пространствѣ обитаютъ многіе народы; а именно: Югры (Iugri), Карелы (Corelli), Печоране (Perusrani), Вогуличи (Vahulzrani), Башкиры (Baschirdi) и Черемисы (Czeremissi [11]). Въ недавнемъ времени всѣ они покорены Московіи Великимъ Княземъ Іоанномъ (Ivan), предшественникомъ нынѣ царствующаго Великаго Князя Василія. Нѣсколько пониже ихъ къ сѣверовостоку, также по ту сторону Ра, сопредѣльно съ Княжествомъ Суздальскимъ, живутъ Ногаи (Nogai) или западные Татары [12]), составляющіе самое сѣверное племя изъ всего Татарскаго народа. Еще пониже ихъ, по направленію къ рѣкѣ Ра, въ царствѣ Казанскомъ (Ducato di Cazan), отстоящемъ отъ Москвы на двадцать семь дней пути, находится другое Татарское племя, под-

властное Московитянамъ и называемое по мѣсту жительства своего Казанскою ордою. Наконецъ ниже сей орды, на пространствѣ между рѣками Танаисомъ и Ра, и какъ бы къ юговостоку, Татары занимаютъ обширнѣйшія равнины, простирающіяся вплоть до морей Чернаго и Каспійскаго. Равнины сіи уже болѣе трехъ сотъ лѣтъ не были посѣщаемы нашими путешественниками; ибо около 1210 года, Татары, прибывъ отъ подошвы Сѣверо-индійскаго хребта, заняли всѣ земли, выше Меотійскихъ болотъ [13]) и Танаиса лежащія, вытѣснивъ изъ нихъ и почти совершенно истребивъ прежнихъ обитателей: Гетовъ или Готѳовъ. Нынѣ раздѣлены они на 5 ордъ или племенъ (moltitudini) (въ родѣ пяти отдѣльныхъ Государствъ), изъ коихъ главнѣйшая, породившая такъ сказать всѣ прочія и выславшая ихъ въ видѣ колоній, есть Джагатайская или Заволжская (Savolensi [14]). Государь сей орды, называвшійся Темиръ-Кутлу [15]) и извѣстный

Тамерланъ. въ Исторіи подъ именемъ Тамерлана, еще на нашей памяти, подобно молніи (съ 1,200,000 воиновъ, какъ повѣствуютъ историки наши), опустошая и раззоряя все встрѣчавшееся ему на пути, проникъ чрезъ Азію въ Египетъ и побѣдилъ Турецкаго Султана Баязета [16]), который самъ въ то время, захвативъ Македонію, Ѳессалію, Фокиду, Беотію и Аттику,

и ослабивъ частыми набѣгами Иллирію и Булгарію, съ жестокостію, въ продолженіи долгаго времени держалъ въ осадѣ Константинополь, главу Христіанской Имперіи. Императоръ Константинопольскій принужденъ былъ, оставивъ столицу свою, бѣжать во Францію и въ Италію, дабы просить помощи противу Баязета. Между тѣмъ Тамерланъ принудилъ сего послѣдняго снять осаду Константинополя и, выступивъ противу него съ огромною ратію, разбилъ его, побѣдилъ, взялъ въ плѣнъ живаго, заковалъ въ золотыя цѣпи и долгое время всюду возилъ за собою [17]). Отецъ этого Тамерлана извѣстенъ у насъ въ Исторіи подъ именемъ Батыя [18]); на Татарскомъ же языкѣ называется Занка (Zanca). Во время Инокентія IV вошелъ онъ сѣвернымъ берегомъ Меотійскихъ болотъ съ огромнымъ войскомъ въ Европу и, завоевавъ сперва Россію, (гдѣ разрушилъ богатѣйшій городъ Кіевъ (Chiovia), разбилъ Поляковъ, Силезцовъ (Sletii) и Моравовъ и наконецъ устремился на Венгрію, которую раззорилъ въ конецъ и привелъ чрезъ то въ ужасъ и трепетъ весь Христіанскій міръ. До него всѣ Татары были идолопоклонники [19]). Онъ первый, по убѣжденію Сарациновъ, принялъ Магометанскую вѣру, — и потомки его доселѣ пребываютъ упорными послѣдователями сего ученія. Можетъ быть, они были бы

Батый.

Христіанами, если бы Христосъ имѣлъ такихъ ревностныхъ Священниковъ и Епископовъ, какихъ имѣетъ вѣроломный Магометъ.

Отъ Татарскаго племени, весьма впрочемъ благороднаго, получила начало свое Турецкая Имперія, коей основателемъ былъ нѣкто Оттоманъ [20]), незначущій Татарскій воинъ, отдѣлившійся отъ своихъ соотечественниковъ. Преемники его расширили и въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ такъ возвеличили Имперію, имъ основанную, что нынѣ вся вселенная съ ужасомъ взираетъ на нее. Но довольно о Татарахъ, на счетъ которыхъ понудило меня распространиться сосѣдство ихъ съ Московитянами, съ коими они граничатъ съ востока, юговостока и отчасти съ запада.

Народы, сопредѣльные Московитянамъ.

На западъ отъ нихъ, по направленію къ Прусскому морю [21]) живутъ, также сопредѣльно съ Московитянами, Россы, Литовцы и Самогеты [22]). Пространство между страною, занимаемою Татарами и Прусскимъ моремъ, составляетъ около тысячи Италіанскихъ миль, а именно, отъ Кіева, бывшей столицы Русской до Вильны, столицы Литовской, пять сотъ миль, а отъ Вильны до Прусскаго моря около трехъ сотъ пятнадцати миль; остальное же пространство, недостающее до означенныхъ нами 1000 миль, лежитъ за Кіевомъ, по направленію къ востоку. Со временъ Ягеллона,

перваго Великаго Князя Литовскаго [23]), Самогеты и Литовцы находятся подъ властію Польши. Государь сей, принявъ Христіанскую вѣру и содѣлавшись Королемъ Польскимъ, подъ именемъ Владислава, обратилъ въ Христіанство своихъ Литовцевъ и Самогетовъ. Это случилось еще на памяти отцевъ нашихъ, не болѣе какъ за сто тридцать семь лѣтъ предъ симъ. Великій Князь Московскій Іоаннъ (Ivan overo Giovanni), о которомъ выше сего было упомянуто, а также и преемникъ его, нынѣ царствующій Князь Василій, неоднократно, какъ при теперешнемъ Польскомъ Королѣ Сигизмундѣ, такъ равно и при его предшественникахъ Александрѣ и Казимирѣ, домогались владѣнія большей части Литвы, т. е. странъ, лежащихъ между Борисѳеномъ, Меотійскими болотами и Танаисомъ и составлявшихъ прежде Царство Россовъ. Кіевъ, столица сего Царства, при рѣкѣ Борисѳенѣ, есть одинъ изъ красивѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ, не смотря на то, что былъ разграбленъ и раззоренъ въ конецъ жестокостію и неистовствомъ Татаръ, которые и теперь еще, по сосѣдству своему съ Литвою, дѣлаютъ частые набѣги на земли Россовъ, отъ чего земли сіи въ настоящее время весьма мало населены.

Притязанія свои Князья Московскіе осно-

вываютъ на томъ, что Россія, находящаяся нынѣ во власти Короля Польскаго, равно какъ Лембергъ (città Leopolina) и вся часть Польши, простирающаяся на сѣверъ и сѣверовостокъ отъ горъ Сарматскихъ, слѣдуетъ съ непоколебимостію Греческому закону и признаетъ надъ собою власть Константинопольскаго Патріарха[24]). По сей самой причинѣ весьма многіе до сихъ поръ еще считаютъ за одно Московитянъ и Россовъ или Рутеновъ, опираясь на то, что они говорятъ однимъ языкомъ и исповѣдуютъ одну вѣру.

Но довольно о племенахъ, сопредѣльныхъ Московитянамъ. Обратимся теперь къ тѣмъ, которые находятся подъ властію Московскаго Государя.

ГЛАВА II.

О Княжествахъ и областяхъ, подвластныхъ Московіи.

Государство Московское, объемлющее значительное пространство въ длину и ширину, заключаетъ въ себѣ множество обширныхъ областей и Княжествъ, изъ коихъ главнѣйшія будутъ ниже сего исчислены мною. Для соблюденія же принятаго порядка, начну я съ тѣхъ, которыя болѣе намъ извѣстны, а именно съ ближайшихъ къ Польшѣ и Литвѣ.

Кн. Псковское.

На сѣверъ отъ Литвы прежде всего встрѣчается Княжество Псковское (Ducato di Plescovia), имѣющее до трехъ сотъ тридцати Италіанскихъ миль въ длину и цѣлою третью болѣе въ ширину. Столица сего Княжества есть Псковъ (Plescov overo Plescovia), обширный и укрѣпленный городъ на рѣкѣ Двинѣ (Zuiva [25]). За нѣсколько лѣтъ предъ симъ Василій, нынѣшній Государь Московскій, завоевалъ это Княжество со всѣми принадлежащими къ нему землями, при чемъ взялъ болѣе тридцати крѣпостей, хорошо снабженныхъ и укрѣпленныхъ, которыми Псковъ владѣлъ въ Литвѣ и въ остальной части Московіи. Коренныхъ жителей перевелъ онъ въ свои владѣнія, а Псковъ населилъ Московитянами [26]). Княжество это, лежащее выше Ливоніи, принадлежало прежде Польшѣ и Литвѣ. На востокъ отъ онаго находится Княжество Смоленское (Ducato Smolenchino), которое по пространству своему гораздо обширнѣе нежели Псковское. Главный городъ его есть Смоленскъ (Smolencho) при рѣкѣ Борисѳенѣ. Василій недавно отнялъ это Княжество у Короля Польскаго и у Литовцевъ и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ [27]). Съ сѣвера и сѣверовостока Смоленское Княжество граничитъ съ Княжествомъ Можайскимъ (Ducato di Mosaisco), имѣющимъ триста пятьдесятъ Италіанскихъ миль въ длину и

Кн. Смоленское.

Кн. Можайское.

столько же въ ширину. Предшественникъ Василія, Іоаннъ, отнялъ его силою оружія у Александра, предмѣстника нынѣ царствующаго Короля Польскаго Сигизмунда [28]). Къ сѣверозападу отъ Можайскаго Княжества лежитъ Княжество Новгородское (Ducato di Novogardia), въ которомъ находится знаменитѣйшій и богатѣйшій изъ всѣхъ сѣверныхъ городовъ — Новгородъ (Novogrod overo Novagardia), отстоящій отъ Балтійскаго моря на двѣсти двѣ мили. Онъ обширностію своею болѣе Рима; за то строенія въ немъ почти всѣ деревянныя. Въ Новгородѣ встрѣчается столько богатыхъ и великолѣпныхъ монастырей и столько храмовъ, изящно и пышно разукрашенныхъ, что для описанія одной церкви Св. Николая, весьма уважаемаго Московитянами, потребуется не менѣе цѣлаго года [29]). Этотъ знаменитый городъ, находившійся прежде подъ властію Литвы [30]) былъ взятъ со всѣми принадлежащими къ нему землями у Казимира, одного изъ предшественниковъ Сигизмунда, Великимъ Княземъ Іоанномъ, въ лѣто спасенія нашего 1479 [31]) и присоединенъ къ Московскимъ владѣніямъ. Сокровища Новгорода по свидѣтельству очевидцевъ вывезены въ Москву на 307 повозкахъ [32]), наполненныхъ золотомъ, серебромъ и разными драгоцѣнностями.

Вотъ четыре обширныя Княжества, которыми въ послѣднія сорокъ лѣтъ значительно увеличилось Государство Московское.

ГЛАВА III.

Владѣнія, составляющія собственно Государство Московское.

Собственно такъ называемая Московія, снабжающая Великаго Князя, по требованію его, нужнымъ количествомъ воиновъ, и гдѣ, сверхъ того, добровольно вписываются въ воинскую службу многіе благородные всадники, именуемые Боярами и всегда готовые на брань, по первому призыву Государя своего, имѣетъ, какъ я уже выше сказалъ, до шести сотъ Нѣмецкихъ миль въ длину и раздѣлена также на множество обширныхъ Княжествъ и областей. Первое изъ сихъ Княжествъ есть Московское, лежащее на сѣверо-востокъ отъ Новгорода [33]. Москва, столица Княжества и всего Государства, замѣчательна по своей обширности; но строенія въ ней всѣ деревянныя, кромѣ одной крѣпости, которая находится посрединѣ, въ видѣ отдѣльнаго, довольно большаго городка и окружена твердыми стѣнами и башнями. Въ Московскомъ Княжествѣ считается до тридцати ты-

Кн. Московское.

сячъ Бояръ или дворянъ, вписанныхъ всадниками въ воинскую службу и всегда готовыхъ къ бою, по волѣ Великаго Князя. Сверхъ того Государь можетъ всякой разъ, когда только пожелаетъ, собрать шестьдесятъ или семьдесятъ тысячъ пѣхоты изъ молодыхъ людей мужественныхъ и уже совсѣмъ вооруженныхъ. Къ востоку отъ Княжества Московскаго лежитъ Княжество Рязанское (Ducato di Rezan), въ которомъ находятся источники знаменитаго Танаиса, отдѣляющаго Европу отъ Азіи[34]. Въ этомъ Княжествѣ считается до пятнадцати тысячъ всадниковъ, также изъ рода Бояръ, а изъ простолюдиновъ можно безъ труда набрать во всякое время вдвое или втрое болѣе сего числа. Къ сѣверу и сѣверовостоку съ Княжествомъ Московскимъ сопредѣльно Тверское Княжество (Principato di Tuverda), превосходящее первое своею обширностію. Главный городъ Тверь (Tuverd), при знаменитой рѣкѣ Волгѣ (Volga) или Ра, весьма обширенъ и гораздо пространнѣе и великолѣпнѣе самой Москвы[35]. Въ Тверскомъ Княжествѣ считается сорокъ тысячъ всадниковъ изъ Бояръ, а изъ простолюдиновъ можно въ случаѣ нужды набрать вдвое или втрое болѣе.

Кн. Рязанское.

Кн. Тверское.

Кн. Ярославское и проч.

Сверхъ сего въ Москвѣ есть еще много другихъ владѣній и Княжествъ, какъ то: Княжество Ярославское (Iaroslavia), Шухерцонское

(Schuberzonia), Шаховеское (Szachovenia), Рубенское (Rubenia), Хельмское (Chelmschi), Цубецувожское (Zubezuvoschi) и Климское (Climischi [36]). Каждая изъ сихъ областей занимаетъ въ пространствѣ отъ ста до ста пятнадцати миль и выставляетъ Государю своему, по его назначенію, опредѣленное число всадниковъ — изъ дворянъ, и пѣшихъ воиновъ—изъ простаго народа. Нужно однако же замѣтить, что Княжества, въ началѣ сей главы нами описанныя, населены болѣе другихъ и потому считаются главнѣйшими. Далѣе къ востоку, по ту сторону рѣки Ра, лежитъ Княжество Суздальское (Ducato di Susdali) и многія другія области, жители коихъ единоплеменны съ Московитянами, и признаютъ надъ собою ихъ власть. Впрочемъ всѣ онѣ почти въ конецъ раззорены отъ постоянныхъ набѣговъ Ногайцевъ (Nahaivi) и другихъ Татаръ, обитающихъ далѣе прочихъ ордъ къ сѣверу и прилегающихъ къ Суздалю съ восточной его стороны [37]). Кн Суздальское.

Государству Московскому подвластна также одна Татарская орда, находящаяся при Казани (городѣ, принадлежащемъ Московитянамъ и лежащемъ близъ рѣки Ра, въ двадцати семи дняхъ пути отъ Москвы, по направленію къ востоку [38]). Орда сія, называемая Казанскою, кочуетъ по степямъ и можетъ выставить Князю Московскому, по первому его требованію, Казанская орда.

до тридцати тысячъ всадниковъ. Впрочемъ она соблюдаетъ всѣ обычаи древнихъ Татаръ и исповѣдуетъ Магометанскую вѣру.

Скиѳскія племена, подвластныя Московіи.

Къ сѣверовостоку отъ Московіи, за Вяткою и Устюгомъ, въ разстояніи пяти сотъ Нѣмецкихъ миль, живутъ Печоране и Вогуличи, народы племени Скиѳскаго. Не за долго предъ симъ Великій Князь Іоаннъ, предшественникъ нынѣ царствующаго Князя Василія, покоривъ ихъ своему владычеству, принудилъ креститься и исповѣдывать Христа, и далъ имъ въ духовные наставники Греческаго Епископа или Владыку (Vladico). Говорятъ, что по отбытіи Великаго Князя, варвары схватили этого Епископа, содрали съ него кожу и потомъ умертвили въ жесточайшихъ мученіяхъ. Князь, узнавъ о семъ, поспѣшно возвратился назадъ, казнилъ зачинщиковъ бунта, и давъ имъ другаго Епископа, снова обратилъ ихъ къ вѣрѣ Христіанской [39]). За Печоранами и Вогуличами, по берегу Сѣвернаго Океана, живутъ другія Скиѳскія племена, какъ то: Югры, Карелы, Башкиры и Черемисы. Всѣ они находятся подъ властію Московитянъ, но доселѣ еще коснѣютъ въ идолопоклонствѣ.

ГЛАВА IV.

О рѣкахъ Московіи и качествахъ ея почвы.

Московія представляетъ видъ совершенной равнины, усѣянной множестомъ лѣсовъ и пересѣкаемой по всѣмъ направленіямъ пространными рѣками, наполненными рыбою. Главнѣйшія изъ сихъ рѣкъ суть слѣдующія: Борисѳенъ, называемый у Московитянъ Днѣпромъ (Dnieper), Днѣпръ. беретъ начало свое въ Княжествѣ Смоленскомъ близъ знаменитой крѣпости Вязьмы (Versura [40]), завоеванной нынѣшнимъ Великимъ Княземъ Василіемъ у Сигизмунда, Короля Польскаго и течетъ прямо на югъ, сначала мимо Смоленска, а потомъ мимо Кіева, бывшей столицы Россіи. Пробѣжавъ около трехъ сотъ Нѣмецкихъ миль, онъ впадаетъ, не далѣе какъ въ десяти миляхъ отъ полуострова Таврическаго, въ Черное море. — Неподалеку отъ источниковъ Борисѳена беретъ начало свое другая рѣка, называемая Двиною (Duvina). Она стре- Двина. мится прямо на западъ, протекаетъ чрезъ Княжество Псковское, касается стѣнъ самаго Пскова и при Ригѣ, городѣ Ливонскомъ, изливается въ Балтійское море [41]). Источникъ Танаиса находится въ Московіи, въ Княже-

ствѣ Рязанскомъ, въ семи дняхъ пути отъ
Донъ. города Москвы. Рѣка сія течетъ сначала къ сѣверу, повыше источниковъ Борисѳена, потомъ бѣжитъ попеременно то къ югу, то къ востоку, далѣе поворачиваетъ нѣсколько на западъ и орошаетъ плодоносныя равнины Татаръ, и наконецъ, пробѣжавъ около семисотъ Италіанскихъ миль, впадаетъ тремя рукавами въ Меотійское озеро и какъ бы наполняетъ его водами своими [42]). Московитяне называютъ Танаисъ Дономъ (Don), т. е. святымъ, потому что рѣка сія изобилуетъ рыбою и обтекаетъ земли самыя тучныя и плодоносныя. Величайшая же изъ рѣкъ Московіи есть такъ
Волга. называемая Волга, протекающая въ Азіатской Сарматіи и превосходящая величиною своею третью часть всѣхъ Европейскихъ рѣкъ [43]). Источники ея находятся на сѣверозападѣ отъ источниковъ Танаиса. Она беретъ начало свое въ обширномъ озерѣ, называемомъ Бѣлымъ [44]) и пробѣжавъ довольно большое пространство, по направленію къ сѣверовостоку, орошаетъ стѣны Твери, главнаго города Княжества Тверскаго, принадлежащаго Московіи; потомъ изгибаясь на юговостокъ, протекаетъ мимо Московскаго города Казани, и оттуда, разлившись безчисленными рукавами по обширнымъ Татарскимъ степямъ, впадаетъ въ Каспійское море [45]), въ разстояніи двадцати дней пути

отъ Казани. Всѣ эти рѣки берутъ начало свое въ мѣстахъ низменныхъ, болотистыхъ и лѣсистыхъ, а не въ тѣхъ баснословныхъ Риѳейскихъ и Гиперборейскихъ горахъ, которыя произвело воображеніе Грековъ, и которыхъ никто еще не видалъ въ природѣ; ибо во всей Московіи не встрѣтишь ни одного пригорка, развѣ только на берегахъ Сѣвернаго и Скиѳскаго Океановъ, гдѣ обитаютъ Югры, Карелы, Башкиры и Черемисы [46]). При семъ случаѣ не могу довольно надивиться дерзости нашихъ Географовъ, которые безъ стыда и совѣсти разсказываютъ невѣроятныя вещи о Рифейскихъ и Гиперборейскихъ горахъ, въ коихъ, по увѣренію ихъ, берутъ начало свое означенныя рѣки. Все это столько же справедливо, какъ и то, что повѣствуютъ они объ обѣихъ Сарматіяхъ и вообще о странахъ сѣверныхъ. Стоитъ только подобно мнѣ сличить показанія ихъ съ разсказами новѣйшихъ путешественниковъ, чтобы вполнѣ удостовѣриться въ ихъ безстыдствѣ.

ГЛАВА V.

О Герцинскомъ лѣсѣ и деревьяхъ, растущихъ въономъ; о большомъ количествѣ меду, собираемаго въ Московіи и о свойствахъ ея жителей.

Герцинскій лѣсъ.

Герцинскій лѣсъ, разсѣянный частыми и густыми рощами[47]) на всемъ пространствѣ Московіи, снабжаетъ жителей всякаго рода деревьями, нужными для ихъ употребленія. Вообще у нихъ гораздо болѣе лѣсу нежели у насъ. Сосны — величины невѣроятной, такъ что одного дерева достаточно на мачту самаго большаго корабля, а дубъ и кленъ (кoveri) гораздо лучше, чѣмъ въ нашихъ краяхъ. Эти два дерева, будучи распилены, представляютъ въ разрѣзѣ своемъ удивительную и прелестную смѣсь цвѣтовъ, на подобіе волнистаго камлота. Купцы наши вывозятъ ихъ въ большомъ количествѣ въ числѣ прочихъ товаровъ изъ Московіи и продаютъ по весьма дорогой цѣнѣ, не смотря на то, что у насъ самихъ нѣтъ недостатка въ лѣсѣ. Московія очень богата медомъ, который пчелы кладутъ на деревьяхъ, безъ всякаго присмотра. Не рѣдко въ лѣсахъ попадаются цѣлые рои сихъ полез-

Большое обиліе пчелъ и меду.

ныхъ насѣкомыхъ, сражающихся между собою и преслѣдующихъ другъ друга на большомъ пространствѣ. Поселяне, которые держатъ домашнихъ пчелъ близъ своихъ жилищъ и передаютъ въ видѣ наслѣдства изъ рода въ родъ, съ трудомъ могутъ защищать ихъ отъ нападенія дикихъ пчелъ [48]). Сообразивъ это обиліе меду и лѣсовъ, не удивительно, что все то количество воска и жидкой и твердой смолы, которое потребляется въ Европѣ, равно какъ и драгоцѣнные мѣха привозятся къ намъ чрезъ Ливонію изъ Московскихъ владѣній. На берегахъ Дона и Волги (Ра) растетъ сверхъ того во множествѣ ревень (Reupontcio) и аиръ (calamo aromatico).

Народонаселеніе.

Московія, не смотря на обширность свою, весьма хорошо населена и такъ тщательно защищена на границахъ, что не только никто изъ служителей или рабовъ, но даже поселяне и вольные люди не могутъ выйти за предѣлы Государства, или войти въ оныя, безъ особенной Великокняжеской грамоты. Сему весьма много способствуютъ обширные лѣса и болота, которые, заграждая повсюду сообщенія, вынуждаютъ каждаго держаться большихъ дорогъ, весьма бдительно охраняемыхъ Княжескою стражею. Если жъ кто нибудь вздумаетъ уклониться отъ сего общаго пути и избрать окольную дорогу, то неминуемо по-

Богатство. гибнетъ въ непроходимыхъ болотахъ. Московія весьма богата монетою (добываемою болѣе чрезъ попечительность Государей, нежели чрезъ посредство рудниковъ, въ которыхъ впрочемъ нѣтъ недостатка[49]); ибо ежедневно привозится туда изъ всѣхъ концевъ Европы множество денегъ за товары, неимѣющія для Московитянъ почти никакой цѣнности, но стоющія весьма дорого въ нашихъ краяхъ. Къ тому же вывозъ золота и серебра за предѣлы Государства строжайше запрещенъ, исключая тѣхъ только случаевъ, когда самъ Великій Князь посылаетъ оныя на продовольствіе войска; ибо онъ ведетъ безпрерывныя войны съ сосѣдями своими, какъ для внушенія имъ должнаго страха, такъ равно и для распространенія своихъ владѣній. Впрочемъ онъ никогда не употребляетъ воиновъ чужеземныхъ, а набираетъ рать свою изъ собственныхъ подданныхъ, которыми повелѣваетъ съ неограниченною властію, имѣя полное право располагать жизнью ихъ и имуществомъ. Никто изъ Московитянъ не смѣетъ въ чемъ либо противорѣчить волѣ Государя, и сей послѣдній властенъ даже переводить ихъ съ мѣста на мѣсто и назначать имъ жительство по своему усмотрѣнію. Свойства Московитянъ. Мужчины вообще рослы, сильны и привычны ко всѣмъ трудамъ и перемѣнамъ воздушнымъ; но очень склон-

ны къ пьянству. Эта народная слабость принудила Государя ихъ запретить навсегда, подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія, употребленіе вина, пива и другаго рода хмѣльныхъ напитковъ, исключая однихъ только праздничныхъ дней. Повелѣніе сіе, не смотря на всю тягость онаго, исполняется Московитянами, какъ и всѣ прочія, съ необычайною покорностію.

ГЛАВА VI.

О религіи и нравахъ Московитянъ.

Религія Московитянъ.

Всѣ многочисленныя племена, подвластныя Московитянамъ (за исключеніемъ Казанскихъ Татаръ, исповѣдующихъ, наравнѣ съ прочими Татарами, Магометанскую вѣру и нѣкоторыхъ Скиѳскихъ народовъ, поклоняющихся идоламъ) вѣруютъ въ единаго Бога, признаютъ Христа Спасителя и отличаются отъ насъ только тѣмъ, что отвергаютъ единство церкви. Существенная же разница между ихъ вѣроисповѣданіемъ и нашимъ состоитъ въ немногихъ догматахъ, которые впрочемъ сами по себѣ не слишкомъ важны для душевнаго спасенія и могутъ, по собственнымъ словамъ Апостола, скорѣе быть терпимы, чѣмъ искореняемы жестокостію или поставляемы

въ грѣхъ людямъ, не совсѣмъ еще утвердившимся въ вѣрѣ. Во всемъ прочемъ они, кажется, лучше насъ слѣдуютъ ученію Евангельскому. Обмануть другъ друга почитается у нихъ ужаснымъ, гнуснымъ преступленіемъ; прелюбодѣяніе, насиліе и публичное распутство также весьма рѣдки; противуестественные пороки совершенно неизвѣстны, а о клятвопреступленіи и богохульствѣ вовсе не слышно. Вообще они глубоко почитаютъ Бога и Святыхъ Его, и вездѣ, гдѣ только встрѣтятъ образъ Распятаго, немедленно падаютъ ницъ съ сердечнымъ благоговѣніемъ [50]).

Богослуженіе.

Московитяне причащаются весьма часто (почти всякій разъ, когда собираются въ церковь) и употребляютъ для сего хлѣбъ кислый, принимая святые дары подъ двумя видами. Службъ у нихъ немного и не по нѣскольку вдругъ; но одинъ священникъ, отправляющій служеніе, пріобщившись самъ Таинъ Христовыхъ, выноситъ къ народу, въ церкви находящемуся, сосудъ, наполненный по ихъ обыкновенію хлѣбомъ и виномъ; каждый беретъ изъ сосуда часть освященнаго хлѣба, напоеннаго виномъ и причащается изъ своихъ рукъ [51]). Въ церквахъ не замѣтно ничего неблагопристойнаго или безчиннаго; напротивъ того всѣ, преклонивъ колѣна или простершись ницъ, молятся съ искреннымъ усердіемъ. Отецъ мой

и многія другія почтенныя особы, проживавшія нѣкоторое время въ Московіи, увѣряли меня, что Московитяне были бы гораздо праведнѣе насъ, если бы не препятствовалъ тому постыдный расколъ ихъ, уничтоженіе коего было весьма легко для предшественниковъ Вашихъ и еще удобнѣе для Вашего Святѣйшества, какъ Вы изволите усмотрѣть изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА VII.

О легчайшемъ способѣ привести Московитянъ къ единству Римской церкви.

Мнѣнія Великаго Князя въ дѣлахъ вѣры.

Если бы о семъ предметѣ надлежало состязаться съ цѣлымъ народомъ, то мы безъ сомнѣнія встрѣтили бы множество препятствій и затрудненій (ибо не легко склонить кого либо къ оставленію или измѣненію вѣры предковъ), хотя впрочемъ эти затрудненія нисколько не должны ослаблять усердія ревностнаго пастыря церкви въ великомъ подвигѣ присоединенія къ стаду Христову милліоновъ душъ, совратившихся хотя нѣсколько съ пути истиннаго. Но здѣсь встрѣчается совсѣмъ противное. Вся власть сосредоточена въ лицѣ одного Великаго Князя, неоднократно желавшаго единства въ дѣлахъ вѣры, и потому непростительно и даже преступно рав-

нодушіе, съ которымъ пастыри наши, оставляя доселѣ безъ вниманія выгоды церкви, не только сами не искали, но даже отвергали Государя, спѣшившаго на встрѣчу имъ со всѣмъ своимъ народомъ и умолявшаго о присоединеніи его къ вѣрной паствѣ Христовой [52]). Мнѣ стыдно и даже больно напоминать здѣсь объ этомъ равнодушіи; но къ несчастію дѣло сіе уже слишкомъ извѣстно. Враги наши знаютъ о немъ и, къ стыду нашему, ежедневно, съ новою гордостію, выступаютъ противу насъ и противу защитниковъ Апостольскаго престола.

Соборъ Флорентійскій

Еще за 50, или 55 лѣтъ предъ симъ, когда отецъ мой проживалъ въ Московіи, я часто и съ душевнымъ сокрушеніемъ слышалъ отъ него, что одинъ изъ Великихъ Князей (можетъ быть тотъ самый Іоаннъ, о которомъ было упомянуто выше сего, или его предмѣстникъ) прислалъ Пословъ своихъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ свѣта [53]) къ Римскому Первосвященнику, съ просьбою о соединеніи церквей; но тотъ, въ чьей власти находился тогда престолъ Св. Петра, помышляя болѣе о своихъ выгодахъ, нежели о пользахъ Іисуса Христа, потребовалъ отъ Московитянъ ежегодной значительной дани, въ знакъ ихъ покорности, и сверхъ того обложилъ ихъ десятиною и еще другими какими то поборами.

Послы, возвратившись въ отечество, къ немалому соблазну сосѣдственныхъ народовъ, убѣдили Князя своего остаться въ прежней ереси [54]), утверждая, что законъ ихъ гораздо лучше нашего. Не знаю навѣрно, были ли съ тѣхъ поръ другія какія либо подобныя предложенія со стороны Московитянъ; но враги наши увѣряютъ, что въ недавнемъ времени Великій Князь опять возобновилъ ихъ. Изъ сего очевидно, съ какимъ малымъ трудомъ Московитяне могутъ быть возвращены въ лоно истинной вѣры (честь этого подвига очевидно предоставлена Вашему Святѣйшеству), тѣмъ болѣе, что нынѣшній Великій Князь Василій не только не отвергаетъ соединенія церквей, но всѣми мѣрами ищетъ онаго. Явнымъ сему доказательствомъ служитъ то, что во время возвѣщенія блаженной памяти Папою Юліемъ II буллы о сеймѣ Латеранскомъ [55]), Василій, чрезъ посредство Датскаго Короля Іоанна, съ которымъ находился въ самыхъ тѣсныхъ и дружественныхъ связяхъ, просилъ о дозволеніи, въ лицѣ своихъ пословъ, присутствовать при означенномъ сеймѣ. Истину сего событія засвидѣтельствовалъ предмѣстнику Вашего Святѣйшества, Папѣ Адріану VI, мнѣ самому и многимъ другимъ лицамъ, нынѣ въ Римѣ находящимся, Нидрозіенскій Архіепископъ Эней [56]), мужъ добле-

Сеймъ Латеранской и сношенія Великаго Князя съ Королемъ Датскимъ.

стный, бывшій въ то время канцлеромъ при Датскомъ Королѣ и умершій прошедшею зимою въ Апостольскомъ дворцѣ. Къ несчастію смерть Юлія II, случившаяся въ одно почти время съ кончиною Датскаго Короля Іоанна, воспрепятствовала исполненію желаній Великаго Князя. Спустя нѣкоторое время послѣ того, при блаженной памяти Верховномъ Первосвященникѣ Львѣ X [57]), Василій настоятельно домогался у Императора Максимиліана титла Королевскаго [58]) и конечно бы согласился присоединиться къ Римской церкви, если бы тайныя козни и хитрость Польскаго Короля не разрушили сего дѣла. Объ этомъ происшествіи подробно разсказывалъ предмѣстнику Вашего Святѣйшества, мнѣ и многимъ другимъ Преосвященный Іеронимъ Бальбо, Епископъ Гургскій, пріѣзжавшій недавно Посломъ къ Папскому Двору отъ Фердинанда, Эрцгерцога Австрійскаго, и бывшій свидѣтелемъ переговоровъ между Императоромъ и Василіемъ. Но къ чему искать намъ случаевъ отдаленныхъ? Не самый ли этотъ Василій, еще въ нынѣшнемъ году, ясно доказалъ преданность свою и желаніе соединиться съ нами, во-первыхъ тѣмъ, что заключилъ на 5 лѣтъ перемиріе съ старинными врагомъ своимъ Королемъ Польскимъ (въ то именно время, когда по взаимной враждѣ Государей, весь Хри-

Сношенія Великаго Князя съ Максимиліаномъ.

Перемиріе Василія съ Сигизмундомъ.

стіанскій міръ едва не подпалъ подъ власть Турокъ и когда онъ легко могъ воспользоваться этими обстоятельствами для совершеннаго раззоренія нашего [59]); а во-вторыхъ тѣмъ, что прислалъ Пословъ къ тому же самому Польскому Королю, съ 600 всадниковъ и 200 повозокъ, прося его, какъ ближайшаго и болѣе другихъ извѣстнаго ему сосѣда, склонить прочихъ Государей, дабы они забывъ, подобно ему, взаимныя свои распри и обиды, занялись наконецъ благомъ Христіанскаго міра и соединили помыслы свои и оружіе противъ общаго врага имени Христова. Вмѣстѣ съ симъ онъ предлагалъ самаго себя и весь народъ свой въ поборники этому священному дѣлу. О семъ писалъ предмѣстнику Вашего Святѣйшества, Папѣ Адріану VI, Преосвященный Ѳома Негро, Епископъ Скардонскій, находившійся тогда Нунціемъ Апостольскаго престола при дворѣ Короля Польскаго и бывшій свидѣтелемъ переговоровъ, по сему предмету происходившихъ. Нынѣ этотъ Епископъ проживаетъ въ Римѣ и можетъ во всякое время подтвердить истину того, что я объяснилъ здѣсь Вашему Святѣйшеству.

Нужно ли послѣ сего искать новыхъ доказательствъ Христіанскаго и братскаго къ намъ расположенія Государя, почитаемаго нами еретикомъ и почти язычникомъ и про-

тивъ коего мы не разъ подымали духовное оружіе наше. Въ дѣлѣ нашего спасенія и для блага Христіанскаго міра онъ являетъ себя болѣе истиннымъ Христіаниномъ, чѣмъ многіе изъ нашихъ Государей, именующихся Каѳолическими, Христіаннѣйшими и ревностными защитниками вѣры, и которыхъ со всѣмъ тѣмъ благочестивый Адріанъ VI, предмѣстникъ Вашего Святѣйшества, ни просьбами, ни мольбами, ни пастырскими наставленіями не могъ склонить къ тому, чтобы они въ эту годину общественнаго бѣдствія прекратили войны свои, болѣе нежели междоусобныя. Въ этихъ войнахъ не обращаютъ они ни малѣйшаго вниманія на кровь Христіанскую, какъ воду ими проливаемую, на бѣдствія подданныхъ, предаваемыхъ конечному разграбленію даже на самый гнѣвъ Господень, какъ будто для нихъ не существуетъ Бога, которому они нѣкогда отдадутъ отчетъ въ своемъ необузданномъ желаніи властвовать, въ своихъ частныхъ союзахъ и распряхъ и въ губительныхъ войнахъ, безпрерывно между ими возникающихъ. Кто бы повѣрилъ, что въ то самое время, когда ни Апостольская власть, ни строгость церкви не могутъ убѣдить западныхъ Государей принести въ жертву Христу Спасителю взаимныя обиды свои, или отложить на время свое мщеніе, или по крайней мѣрѣ заклю-

чить между собою перемиріе на три года, для пользы Христіанскаго міра, придвинутаго враждою ихъ на край пропасти, — Государь еретическій, для блага того же самаго Христіанскаго міра (который вѣрно бы погибъ безъ помощи его), заключилъ съ Королемъ Польскимъ перемиріе не на 3 года, а на 5 лѣтъ, и въ ту именно эпоху, когда ему представлялся удобнѣйшій случай одолѣть и въ конецъ истребить стариннаго врага своего?— Кто бы повѣрилъ, что въ то самое время, когда наши Государи Православнѣйшіе и Христіаннѣйшіе, наши ревностные защитники вѣры истребляютъ другъ друга и проливаютъ потоки крови Христіанской, не заботясь ни о взятіи Родоса[60]), который легко бы защитить могли, ни о покореніи Бѣлграда[61]), ни даже о томъ, что Турки стоятъ, такъ сказать, надъ ихъ головами,—одинъ только еретикъ радѣетъ о спасеніи нашемъ, умоляя всѣхъ пробудиться отъ глубокаго усыпленія, взвѣсить собственныя пользы и обратить хотя нѣкоторое вниманіе на горестное положеніе наше, готовящее намъ явную погибель? Кто бы повѣрилъ, что тотъ, кого мы бы должны были страшиться какъ врага лютѣйшаго, предлагаетъ въ защиту нашу себя и весь народъ свой тогда, какъ Государи православные не хотятъ и помыслить о помощи Христіанско-

му міру, который сами, если не совсѣмъ уже предали въ руки враговъ, то по крайней мѣрѣ раззорили въ конецъ; ибо положеніе владѣній ихъ таково, что врядъ ли можно содѣлать его болѣе бѣдственнымъ? Изъ всего этого явствуетъ, что Московскій Государь (если только судить о людяхъ по дѣламъ ихъ, а не по тщетнымъ и пустымъ титуламъ) вполнѣ заслуживаетъ имя Монарха Христіанскаго; наши же Государи, со всѣми ихъ пышными титулами, недостойны даже названія еретиковъ и язычниковъ.

Сношенія Василія съ Карломъ V.

Теперь остается намъ упомянуть еще о посольствѣ Князя Василія къ Императору Карлу V, посольствѣ, прибывшемъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года въ Испанію, послѣ осьмимѣсячнаго пути и какъ бы совершенно изъ другой части свѣта. Князь чрезъ пословъ своихъ искалъ дружбы Императорской, предлагая въ замѣнъ ея все то, что можетъ только предложить могущественнѣйшій Государь своему союзнику и убѣждалъ Карла (какъ то извѣстно изъ многихъ писемъ, нами отъ Мадридскаго двора полученныхъ) возстать войною противъ Турокъ, обѣщая ему съ своей стороны значительную помощь деньгами и войскомъ [62]). Все это ясно доказываетъ, сколь легко и удобно склонить Московскаго Князя, а съ нимъ вмѣстѣ и весь народъ его къ един-

ству Римской церкви, а потому преступно бы было не заняться этимъ дѣломъ и не отправить въ Москву искусныхъ пословъ даже и тогда, если бы единственною цѣлію нашею было только спасеніе множества заблудшихъ душъ. — Но нынѣ, когда гибельное положеніе Христіанскаго міра требуетъ помощи Государя могущественнаго (которую онъ предлагаетъ самъ, не взирая на то, что намъ слѣдовало бы искать ее), нынѣ, говорю я, не только преступно, но даже безумно коснѣть долѣе въ обычной безпечности, отвергать союзъ для насъ спасительный и, посмѣваясь надъ великодушіемъ Московскаго Князя, содѣлать его врагомъ своимъ. Послѣднее безъ сомнѣнія случится, если мы не примемъ вызова его и, возблагодаривъ за оный, не предложимъ въ свою очередь всего, что можетъ быть ему полезно и что мы только предложить въ силахъ. Не должно отнюдь вѣрить тѣмъ, которые утверждаютъ, будто намъ нужны одни деньги Московитянъ, славящихся своимъ богатствомъ, а помощь ихъ, по причинѣ отдаленія Московіи отъ Турокъ, вовсе безполезна. Изъ Смоленскаго Княжества, принадлежащаго къ владѣніямъ Василія, дорога идетъ чрезъ землю Руссовъ (народа сопредѣльнаго и дружественнаго съ Московитянами, съ коими онъ слѣдуетъ однимъ обычаямъ) прямо въ

Путь изъ Московіи въ Турцію.

Валахію и Булгарію, а оттуда чрезъ Ѳракію въ Константинополь. Этотъ путь весьма удобенъ для слѣдованія войскъ, какъ бы многочисленны они ни были, а также и для атаки; ибо изъ всѣхъ границъ Турціи, самая слабая, какъ мнѣ извѣстно, есть та, которая находится со стороны Московіи. Къ тому же Валахія и Булгарія населены исключительно племенами Христіанскими, которыя, находясь подъ властію Турокъ, для нихъ давно уже тягостною, охотно отложатся отъ нихъ и соединятся съ нашими воинами, если только явятся къ нимъ защитники ихъ свободы. Изъ Валахіи же и Булгаріи дорога вплоть до самало Константинополя совершенно открыта. Въ противуположность съ симъ путемъ, границы Турецкія, какъ морскія такъ и сухопутныя, обращенныя къ нашей сторонѣ, весьма крѣпки, хорошо защищены и не могутъ представить намъ такой удобности для нападенія, какую Валахія и Булгарія представляютъ Московскому Князю. Мысль, будто Государь сей сочтетъ предпріятіе это слишкомъ для себя отдаленнымъ, совершенно несправедлива; ибо еще недавно онъ съ воинствомъ своимъ проникнулъ чрезъ мѣста, гораздо болѣе дикія, къ самымъ дальнѣйшимъ предѣламъ востока и покорилъ многія Скиѳскія племена, а нѣкоторыя изъ нихъ принудилъ даже къ принятію вѣры Христіанской.

ГЛАВА VIII.

О причинахъ, по которымъ Верховный Первосвященникъ обязанъ принять Московитянъ въ число паствы своей.

Затруднительное положеніе Христіанскаго міра.

И такъ, Милостивый и Святый Отецъ! Хотя въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ Вы со всѣхъ сторонъ обременены тяжкими заботами, возложенными на Васъ благомъ Христіанскаго міра и даже самимъ Христомъ Спасителемъ, не менѣе того Вашему Святѣйшеству, по мнѣнію моему, слѣдуетъ обратить исключительное и дѣятельное вниманіе на союзъ съ Московитянами, какъ на дѣло особенной важности и не требующее долгаго размышленія; ибо оно не сопряжено ни съ издержками, ни съ заботами, ни съ опасностями и въ исполненіи своемъ не представляетъ никакихъ почти затрудненій. Конечно мнѣ извѣстно, что враги наши извнѣ угрожаютъ Храминѣ Давидовой, порученной Іисусомъ управленію и покровительству вашему; извѣстно также и то, что цѣлыя племена бѣдствующихъ Христіанъ съ давнихъ уже поръ томятся подъ тягостнымъ и унизи-

тельнымъ ярмомъ лютаго врага имени Христова и къ Вамъ, какъ къ истинному пастырю церкви, обращаютъ взоры свои, прося и умоляя о защитѣ; знаю, что прежде, нежели Вы приступите къ какому либо подвигу, полезному внутри Христіанскихъ предѣловъ и славному внѣ оныхъ, Вамъ предстоитъ еще важная обязанность примирить православныхъ Государей, раздѣленныхъ между собою гибельными раздорами; знаю и то, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разливается въ нѣдрахъ нашихъ тотъ адскій и тлетворный ядъ, который мы зовемъ чумою Лютеранскою [65]) и который безпрерывно губитъ тысячи душъ, зараженныхъ ересью и расколомъ. Всѣ эти обстоятельства конечно важны по существу своему и требуютъ дѣятельности, благоразумія, заботъ и даже издержекъ; но врядъ ли устройство ихъ можетъ когда либо доставить значительныя выгоды, тогда какъ дѣло Московитянъ, о коемъ я нынѣ ходатайствую у Вашего Святѣйшества, не представляя и малѣйшей части этихъ затрудненій, по всей справедливости не менѣе прочихъ достойно Вашего вниманія; ибо заключаетъ въ себѣ спасеніе нѣсколькихъ милліоновъ душъ, въ которыхъ Вы нѣкогда отдадите отчетъ Господу Богу, если онѣ погибнутъ по нерадѣнію Вашему. Къ тому же союзъ съ такимъ мо-

гуществённымъ), Великимъ и богатымъ Государемъ, каковъ Государь Московскій, самъ по себѣ уже необходимъ для насъ въ дѣлѣ противу Турокъ; ибо Василію, по смѣжности владѣній, удобнѣе и легче, чѣмъ кому либо, напасть на земли невѣрныхъ. Если же напротивъ того онъ вздумаетъ соединить силы свои съ ихъ силами, то погибель наша неизбѣжна. Далѣе, въ дѣлѣ примиренія Христіанскихъ Государей, я не знаю ничего спасительнѣе этого союза; ибо примѣръ Московскаго Князя заставитъ ихъ устыдиться тѣхъ пышныхъ титуловъ, которые они безъ пользы и стыда себѣ присвоиваютъ и краснѣть отъ одной мысли, что еретикъ не только напоминаетъ имъ о священныхъ обязанностяхъ Христіанскихъ, но даже вразумляетъ, какъ должно поступать въ духѣ этихъ обязанностей. Наконецъ, въ дѣлѣ ученія Лютеранскаго, какого блистательнѣйшаго торжества можно желать и ожидать намъ, какъ не торжественнаго сознанія враговъ нашихъ въ томъ, что престолъ Апостольскій, который они всѣми мѣрами стараются унизить въ глазахъ вселенной, сохраняетъ власть и достоинство свое не только между своими приверженцами, но даже между племенами новыми, притекшими какъ бы изъ другой части свѣта съ просьбою о принятіи ихъ въ лоно Римской церкви. Этихъ счастливыхъ результа-

товъ можно достичь безъ всякой опасности, съ малыми усиліями и съ самыми незначительными издержками. Стоитъ только Вашему Святѣйшеству отправить въ Московію мужа, способнаго къ сношеніямъ этого рода и поспѣшить окончаніемъ дѣла сего; ибо ускоренія его требуютъ обстоятельства важныя. Трудность и опасность пути чрезъ всю Германію, Пруссію и Ливонію (ниже сего подробно будутъ объяснены причины, по которымъ надлежитъ миновать Польшу); частыя задержки; мѣры предосторожности отъ разбойниковъ, бродящихъ цѣлыми шайками въ этихъ странахъ; — все это замедлитъ путешествіе посланника Вашего такъ, что онъ не можетъ ранѣе пяти мѣсяцевъ прибыть ко Двору Московскому. Явнымъ доказательствомъ трудности и продолжительности этого пути служитъ то, что послы, отправленные Василіемъ къ Карлу V, только въ восемь мѣсяцевъ могли достигнуть столицы Испаніи. Въ случаѣ же замедленія съ Вашей стороны, враги наши не будутъ дремать въ бездѣйствіи; да и самыя мысли Московскаго Князя легко могутъ измѣниться, если великодушное предложеніе его будетъ презрѣно и оставлено безъ вниманія и если мы на посольство его къ Императору Карлу V, къ Королю Польскому Сигизмунду, а чрезъ посредство его и ко всѣмъ Христіан-

Необходимость Посольства въ Московію.

скимъ Государямъ не отвѣтимъ такимъ же посольствомъ. Императоръ еще молодъ и, будучи занятъ исключительно войною противу соперника своего Короля Французскаго, не имѣетъ времени позаботиться объ общемъ благѣ Христіанскаго міра; отъ Короля Польскаго, не смотря на благоразуміе его и набожность, нельзя ожидать ничего хорошаго по многимъ причинамъ, которыя ниже сего будутъ объяснены подробнѣе; слѣдовательно весь успѣхъ дѣла зависитъ единственно отъ Вашего Святѣйшества. Если Вы не обратите вниманія на этотъ важный предметъ, то Государи наши отвергнутъ рѣшительно союзъ съ Княземъ Московскимъ; но за то наши враги не отвергнутъ его. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Турки постараются привлечь на свою сторону этого могущественнаго Монарха въ томъ предположеніи, что онъ не можетъ быть намъ искреннимъ другомъ; ибо неоднократно былъ преслѣдуемъ нами, какъ язычникъ и еретикъ. Потому-то и необходимо съ нашей стороны прибѣгнуть немедленно къ мѣрамъ благоразумія и стараться о сохраненіи союзника, внезапно и сверхъ всякаго чаянія намъ представляющагося. Для сего нужно только, какъ я выше сего объяснилъ Вашему Святѣйшеству, послать къ нему людей опытныхъ и искусныхъ. Издержки, съ этимъ посольствомъ

сопряженныя, нисколько не должны устрашать Васъ; ибо мы нерѣдко кидаемъ деньги на пустыя и вовсе ненужныя пиршества; да и то, что въ другихъ посольствахъ увеличиваетъ издержки (а именно трудность пути, и опасности), здѣсь совсѣмъ напротивъ уменьшитъ оныя.

Кого надлежитъ назначить Посломъ въ Московію.

Не слѣдуетъ отнюдь назначить для сего дѣла какого нибудь старца съ почетною свитою, но людей молодыхъ, способныхъ къ перенесенію тягости пути и суровости Московскаго климата и свѣдущихъ въ законѣ Божіемъ, дабы они могли каждому объяснить вѣру, надежду и любовь Христіанскую и показать, что противно нашему закону и что съ онымъ согласно; а также умѣли постичь, въ чемъ именно надлежитъ, по словамъ Апостольскимъ, снисходить людямъ, не утвердившимся еще въ законѣ, и не принуждали ихъ къ вѣрованію упорными преніями, ибо таковыми мѣрами весьма легко совратить съ пути истиннаго тѣхъ, которые еще не совсѣмъ или очень мало отдалились отъ онаго. Однимъ словомъ нужно избрать для сего такихъ людей, которые, забывая собственныя выгоды, имѣли бы въ виду одну славу Іисуса Христа, и не только не презирали обычаевъ народа, съ которымъ придется имъ жить, но по возможности старались принаравливаться къ онымъ. При семъ

избраніи надлежитъ обратить особенное вниманіе на важность посольства, равно какъ и на достоинство Апостольскаго престола и позаботиться болѣе объ условіяхъ опредѣленныхъ, чѣмъ о пустомъ, торжественномъ обрядѣ, для коего обыкновенно отправляются послы. Если бы даже, по какому либо случаю, посольство это и было лишено той пышности, каковой требуетъ достоинство Римскаго двора, богатство Князя Московскаго и самая важность переговоровъ, то сему достаточнымъ извиненіемъ могутъ послужить трудность и опасность продолжительнаго пути.

Отнюдь также не слѣдуетъ давать этого порученія Готѳу, Ливонцу или Поляку; ибо Московитяне, по закоренѣлой ненависти своей къ этимъ народамъ, съ которыми ведутъ безпрерывныя войны, легко могутъ подумать, что тутъ кроются какія либо личные виды. Лучше всего, по мнѣнію моему, послать для сего не болѣе 4-хъ или 5-ти человѣкъ. Путешествуя въ сообществѣ купцевъ, они скорѣе, легче и съ меньшими издержками могутъ прибыть въ Ливонію и, что всего важнѣе при настоящихъ обстоятельствахъ, совершить путь свой, не бывъ нигдѣ узнанными; ибо если слухъ объ этомъ посольствѣ распространится въ свѣтѣ, враги наши потщатся всѣми средствами предупредить насъ. Вотъ причина, по

которой все это дѣло должно производиться втайнѣ и чрезъ посредство весьма немногихъ лицъ.

ГЛАВА IX.

О томъ, по какой причинѣ не должно прибѣгать къ посредничеству Короля Польскаго для приведенія Московитянъ къ единству Римской церкви.

Ненависть Польскаго Короля противъ Московскаго Государя.

Мнѣ кажется, что, не смотря на Христіанскія чувствованія Короля Польскаго, въ этомъ именно дѣлѣ отнюдь не должно полагаться ни на него, ни на его подданныхъ; ибо привыкши видѣть въ Московскомъ Князѣ опаснаго для себя сосѣда и помня, что Василій и предмѣстникъ его Іоаннъ отняли отъ Польши четыре значительныя области, онъ весьма естественнно долженъ страшиться, дабы врагъ его, умноживъ силы свои чрезъ союзъ съ нами, тѣмъ самымъ не лишилъ его большихъ выгодъ въ войнахъ, которыя эти Государи безпрерывно ведутъ между собою за границы своихъ владѣній. Вотъ причины, по которымъ Поляки всегда старались

различными хитростями разстроить этотъ союзъ. Ратуя противъ народа еретическаго, они увѣрены были въ помощи другихъ Государей и въ нашемъ пособіи, которое мы не разъ оказывали имъ обнародованіемъ разныхъ индульгенцій и денежными ссудами изъ общей казны Христіанской, — и потому нынѣ заключаютъ, что если Московскій Государь сотретъ съ себя пятно ереси, Польша лишится всѣхъ этихъ пособій, между тѣмъ какъ врагъ ея, и безъ того уже сильный, приобрѣтетъ еще болѣе вѣса и могущества. Перемиріе на пять лѣтъ, заключенное Василіемъ съ Королемъ Польскимъ и возвращеніе перваго изъ сихъ Государей въ лоно церкви Христовой нисколько не могутъ успокоить Поляковъ на будущее время; ибо нѣтъ такихъ Христіанскихъ Государей, которые, по какимъ бы то ни было причинамъ, не вели частыхъ войнъ съ своими сосѣдями.

Отвращеніе Польскаго Короля отъ соединенія церквей.

Впрочемъ отвращеніе Короля Польскаго отъ принятія нами Московскаго Князя въ число Христіанскихъ Государей ясно уже доказывается тѣмъ, что объ изъясненномъ выше сего, святомъ и полезномъ для насъ, предложеніи Василія онъ ни разу не упомянулъ въ письмахъ своихъ къ предмѣстнику Вашего Святѣйшества Папѣ Адріану VI, между тѣмъ

какъ ничѣмъ не могъ такъ утѣшить и обрадовать пастыря благочестивѣйшаго, какъ пріятнымъ извѣстіемъ объ истинно Христіанскомъ расположеніи къ намъ людей, которыхъ мы почитали еретиками и врагами опаснѣйшими и о желаніи ихъ защищать насъ и помогать намъ въ дѣлахъ нашихъ. Этимъ обстоятельствомъ достаточно объясняются всѣ прежнія дѣйствія Польши, постоянно препятствовавшей соединенію церквей. Она не разъ уже удерживала Пословъ, отправлявшихся на сей конецъ въ Московію отъ Апостольскаго престола, устрашая ихъ мнимыми опасностями и затрудненіями въ исполненіи данныхъ имъ порученій и тѣмъ самымъ убѣждая возвратиться назадъ безъ всякаго успѣха. По сей-то причинѣ Преосвященный Іеронимъ Бальбо, Епископъ Гургскій (онъ былъ прежде Совѣтникомъ Императора Максимиліана, а нынѣ находится при Римскомъ дворѣ въ званіи посланника Фердинанда, Эрцгерцога Австрійскаго) бывшій свидѣтелемъ того, какъ Василій домогался у Максимиліана титула Королевскаго и свѣдавшій многое о хитростяхъ Поляковъ, неоднократно убѣждалъ Папу Адріана VI, предмѣстника Вашего Святѣйшества, дабы онъ въ дѣлѣ соединенія церквей избѣгалъ участія Короля Польскаго или лицъ, ему преданныхъ.

Я бы могъ привести еще много другихъ обстоятельствъ, подающихъ надежду на успѣшное окончаніе этого важнаго предпріятія; но не желая продлить письма моего, предоставляю себѣ честь объяснить ихъ тѣмъ, кому Ваше Святѣйшество поручите это дѣло.

LETTERA D'ALBERTO CAMPENSE

INTORNO LE COSE DI MOSCOVIA.

AL BEATISSIMO PADRE CLEMENTE VII. PONTEFICE MASSIMO.

ESSORDIO.

Se quel Pastor evangelico, ò Pontefice veramente massimo, del quale voi sete Vicario in terra cercò la smarrita pecorella delle cento con tanta diligenza, et trovatala con tanta allegrezza, anzi con grandissima festa di tutto'l cielo riportò alla sua greggia sopra le proprie spalle, chi non sa quanta cura et sollecitudine debbe havere il sommo pastor della Chiesa, quando non una delle cento, ma molte centenaia d'anime, ch'erano smarrite, desiderano di ridursi alla greggia di Christo? Onde non posso à bastanza maravigliarmi di quel che si pensassero i predecessori della Santità vostra, i quali quella popolosissima natione de Moscoviti in pochissime cose da noi differente, et che tutta è dannata per esser ella separata dall' unione della Chiesa, hanno insino al dì d'hoggi spregiata piu tosto, che per via alcuna cercato di ridurla alla unità della Chiesa: massimamente potendosi, come apresso si dimostrerà con poca fatica ridurre. Fu mosso da questo pensiero il religiosissimo padre Adriano VI. antecessore della Santità vostra: il quale quasi con gli sproni à fianchi in tutt'i modi a me possibili io sollecitai, mettendogli innanzi tutte le cose, le quali mi parevano, che dessero non picciola speranza di potersi tal cosa mandare ad effetto: ma per la subita sua morte, come molte altre cose, le quali egli apparecchiava di fare, cosi questa impresa tanto pia, tanto necessaria, et cosi gloriosa lasciò alla vostra Bea-

titudine: la quale tra le molte, et difficilissime cose, che hora d'ogni canto la premono, debbe riputar che la sia per divina volontà stata offerta, et per questo meritamente pigliarla come un certo refrigerio, nel quale ella possa respirare, et anche come occasione di eseguir con poca fatica una bellissima et illustrissima impresa, et di acquistarsi un gloriosissimo nome. Percioche qual memoria potrà mai essere piu gloriosa: qual piu durabile: qual piu grata a tutt'i secoli futuri, che l'essere al tempo di Clemente VII. Pontefice massimo, anzi per la sua vigilanza et pastoral sollecitudine tutt'i Moscoviti ritornati all'unione Ecclesiastica: gli ultimi popoli della Scithia quasi da un' altro mondo venuti all' ubbidienza della Chiesa Romana: intanto i Lutherani scoppino di dolore, et confondansi come pazzi infuriati correndo contra l'honore, et auttorità della detta Chiesa. ma se noi guardiamo all'utilità, quanta per questa cosa ce ne sia messa innanzi, chi non la vede piu chiara che'l Sole? et se drittamente vorremo considerare, noi vi trovaremo utilità piu certa, et gloria piu vera, et piu christiana, che se noi con l'armi vincessimo tutt'i Turchi, tutta l'Asia, et tutta l'Africa: percioche tal vittoria bisognarebbe che fusse con gran prezzo comprata, cioè col sangue di molti christiani, et acquistata necessariamente con grave danno et morte di molti. et benche felicissimamente ci succedessero tutte le cose, et anchora che noi vincessimo, piu anime forse si perderebbono, che non se n'acquisteriano alla fede di Christo, impero che i Turchi, benche fussero vinti et soggiogati, con tutto ciò rimarrebbono nella lor infedeltà. et di molte centinaia di migliaia appena ci saria speranza, che uno, o due si convertissero a Christo. ma per questa unione de Moscoviti molte centinaia di migliaia d'anime senza ferro, et senza sangue con poca spesa, et senza molta fatica alla greggia di Christo si ridurrebbono, lascio molte cose, che sono di grandissima importanza in darci aiuto contra la rabbia Turchesca, delle quali piu opportunamente parleremo di sotto. Mi pareva adunque di dover far cosa utile et grata alla Santità vostra, se ragionando prima del dominio de Moscoviti, quasi da tutti i Cosmographi, et Historiographi nostri non conosciuto della grandezza dell' Imperio loro, et verso che termini del mondo sia posto, et dei costumi di quella gente, io brevemente scrivessi alcune cose,

le quai già per curiosità di haver cognitione del mondo, intesi d'alcuni mercatanti de nostri, anzi da mio padre et fratelli, i quali appresso i Moscoviti gran tempo hanno vivuto, et son pratichi della lor lingua, della loro scrittura, dei lor costumi, et paesi: et esaminandole con la regola della cosmographia le riducessi insieme: et oltra di ciò io toccassi brevemente quelle ragioni, per le quali apparisse speranza non vana di poter far questa cosi gran cosa facilissimamente, aggiugnendo alcune cosette, le quali non mi son parse inutili circa il modo di mandarle ad esecutione. La qual mia operetta la Santità vostra stimerà con quell'animo, col quale colui, di cui ella esercita in terra il potente Vicariato, stimò quei due danari della povera donna, che si legge nell'evangelio. et molto spero, che col mezo della Santità vostra Christo ridurrà molti popoli al suo gregge: ma accioche il proemio non sia piu longo della historia, hora cominceremo la cosa.

CAPITOLO I.

Del sito della Moscovia, della grandezza del suo Imperio, di Tamerlano Imperator de Tartari, et delle nationi che sono intorno alla Moscovia.

Il paese de Moscoviti fra greco, levante, et tramontana per grande spatio scostandosi da noi, è molto lungo et largo: si stende da ponente a levante piu di seicento miglia Tedesche: overo tremila Italiane: percioche camminando da Novogardia verso levante alla città di Moscovia si fanno cinquecento miglia Italiane, overo cento Tedesche, di maniera, che da Laponi, che sono sopra Novogardia infino alla medesima Moscovia è molto maggior distanza, della qual Moscovia insino a Volochda si numerano altre cento miglia Italiane. da Volochda a Usczuga similmente sono cento miglia Italiane. da Usczuga a Viathcha altretante. da Viatcha a*) Perusrani son trenta miglia Tedesche. da costoro ai **)

*) Pezorani.

**) Ussarani.

Vahulzrani è altretanto. Sono vicini a costoro molte nationi de li Scithi verso greco levante nella Sarmatia Asiatica, le quali rendono ubbidienza ai Moscoviti. Da ostro, andando verso tramontana, non è men largo: percioche cominciando dai Rossi, et dai Lituani si stende per lungo spatio insino all' Oceano Scithico et Settentrionale. E serrato verso ponente dalla Livonia, dal mar Baltico, et da Laponi: verso levante non è dentro dei termini della nostra Europa, ma per grande spatio di là dal Tanai, il quale è termino comune dell' Asia, et dell' Europa, anzi di là dal Rha grandissimo fiume della Sarmatia Asiatica insino a gli Scithi hyperborei nel fin dell' Asia, che è fra greco, et greco levante, et tra questi popoli gli Iubri, li Corelli, li *) Perusrani, li **) Vahulzrani, li Baschirdi, et i Czeremissi. Non sono molti anni, che da Ivan Duca de Moscoviti predecessore del presente nominato Basilio furono sottoposti all' Imperio de Moscoviti. Partendosi dalli sopradetti, et venendo a basso verso'l levante equinottiale, et molto di là dal fiume Rhà nell' Asiatica Sarmatia appresso a Susdali popoli Moscovitici ha per confinanti gli Nogai, overo li Tartari ***) Occidentali, che sono piu Settentrionali di tutti gli altri Tartari. Scendendo poi piu basso a scirocco levante, verso il medesimo fiume Rha, comanda a una Horda de Tartari nel Ducato di Cazan lontano dalla città di Moscovia ventisette giornate: la quale al presente dal luogo si chiama la Horda Cazanea. Dopo questi cosi dal mezo dì fra il fiume Rha, et li Tanai, come verso scirocho levante tutti gli altri Tartari habitano campagne grandissime, che arrivano insino al mar maggiore, et al mar Caspio, et gia trecento anni non erano conosciuti dai nostri passati, imperoche circa il mille ducento et dieci vennero di sotto i monti dell' India Settentrionale, et occuparon il paese, che è di sopra della †) palude Meotide, et del Tanai, havendo scacciati li primi habitatori dei Gethi, overo Gothi, et quasi annullatigli. i quali benche al presente siano divisi in cinque Horde, overo in cinque mol-

*) Pezorani.

**) Ussarani.

***) Orgasii.

†) Il mar delle Zabacche.

titudini, a guisa di cinque imperii, nondimeno la principale, et quella che ha prodotte tutte l'altre, et mandate fuori come colonie, è la Hordà dei Zagathai, overo Savolensi: l'Imperador dei quali nominato Themircuthlu, nelle nostre historie è chiamato Tamerlano, di ricordo anchora de nostri tempi, a guisa d'un folgore con dodici centinaia di migliaia d'huomini (come dicono le nostre historie) saccheggiando, et rovinando trascorse tutta l'Asia, et passò in Egitto, et isforzò Bajazete quarto Imperadore de Turchi, il quale havea già presa la Macedonia, la Thessaglia, la Phocide, la Beotia, et l'Attica, et d'un canto gl'Illirici, et dall'altro i Bulgari con continove correrie havea dèbilitati, et con si grave, et lungo assedio travagliato Constantinopoli capo dell' Imperio de Christiani, che l'Imperador di Constantinopoli fu costretto, lasciando la sua città, a fuggire in Francia, et in Italia a dimandare aiuto. questo Tamerlano dico al suo venire sforzò Bajazete a lasciar l'assedio di Constantinopoli: et essendoglisi esso fatto in contra con un'essercito grandissimo, lo ruppe, lo vinse, lo pigliò vivo, et legò con catene d'oro, et per alquanto tempo lo menò legato dovunque andava. Il padre di questo Tamerlano fu colui, che li nostri historici chiamano Bathi, essi nella lor lingua lo chiamano Zanca: il quale al tempo d'Innocentio quarto entrando nella nostra Europa sopra la palude Meotide con un' essercito innumerabile, primamente prese la Rossia, et in quella distrusse una città ricchissima nominata Chiovia, dapoi li Poloni, gli Sletii, et i Moravi, et appresso ruppe li Ungheri, gli vinse, et con una grandissima strage gli rovinò, et messe una grandissima paura a tutta la Christianità. Insino al dì d'hoggi tutti li Tartari son' idolatri, et costui fu'l primo, che persuaso da Saracini diventò Macomettano, et nella legge Macomettana insino al presente tutti li Tartari durano pertinacissimamente, i quai tutti hoggidi forse gli haressimo Christiani, se Christo havesse cosi fedeli sacerdoti, et Vescovi, come ha il perfido Macometto. Dalla stirpe anche non ignobile di questi Tartari vien lo Imperio de Turchi, il quale da Ottomano soldato non molto nobile tra i Tartari, partendosi da suoi, essendo con gran felicità fondato, et poi accresciuto da successori, è pervenuto in ducento anni a tal grandezza, che a tutto il mondo mette spavento. Ma de Tartari habbiamo detto qui pur assai

cose, et a dirle mi ha tirato la vicinità de Moscoviti: a quali sono vicini i Tartari parte verso levante, et scirocco levante, et parte verso Ostro. Partendoci da Tartari, et andando verso ponente al mar Prutenico primamente i Rossi, dapoi i Lituani, et i Samogeti serrano il dominio de Moscoviti, et il restante dal lato di mezo dì i Tartari, et insino al detto mar Prutenico contiene circa mille miglia Italiane. percioche da Chiovia, che già fu città principale de Rossi, infino a Vilna città principale de Lituani si fanno cinquecento miglia Italiane, da Vilna infino a liti vicini del mar Prutenico circa trecento cinquanta, quel che manca a questo computo, et alle mille miglia, avanza abbondantemente sopra Chiovia verso levante. Cosi li Rossi, come i Lituani, et i Samogeti rendono ubbidienza al Re di Polonia insino dal tempo di Jagellone, che fu primo gran Duca di Lituani: il quale essendosi battezzato, et fatto Re di Polonia, et mutatosi il nome, nominandosi Vladislao, convertì alla fede di Christo i suoi Lituani, et i Samogeti, di ricordo ancho della età de' nostri passati, cioè avanti quasi cento trentasette anni. Benche et quel Ivvan, overo Giovanni principe de Moscoviti, del quale habbiamo fatto mentione di sopra, et Basilio, che regna al presente, tanto sotto questo Re di Polonia detto Gismondo, quanto sotto gli altri suoi predecessori, Alessandro, et Casimiro, la miglior parte del dominio Lituano, cioè quella ch'è fra il fiume *) Boristhene, la palude Meotide, et il Tanai, che già propriamente s'apparteneva allo stato de Rossi, nella quale è Chiovia principal città già ricchissima et magnificentissima, posta appresso'l fiume Boristhene, et dapoi anche la rabbia et crudeltà de Tartari, l'habbiano guasta et distrutta del tutto. et avenga che i Re di Polonia anchora la posseggano, nondimeno per la vicinità de sopradetti, et per le continove correrie è desolata, et quasi del tutto abbandonata, percioche quella Rossia, ch'hora è sotto'l dominio del Re di Polonia, è la metropoli, et la città Leopolina, et tutta la parte di Polonia verso levante, che cominciando sotto i monti della Sarmatia li stende tra greco levante, et tramontana, con grandissima pertinacia seguitano nelle cose sacre il costume Greco, et lo schisma de Patriarchi Constan-

*) Dnioper over Neper.

tinopolitani, et a loro rendono honore, et ubbidienza. Per la qual cosa errano molto coloro, che stimano, et chiamano i Moscoviti Russi, overo Rutheni, benche osservino i medesimi riti, et usino quasi la medema lingua: ma sia detto a bastanza delle nationi, che confinano d'ogni lato con la Moscovia: hora andiamone avicinando a quelle, che sono sotto'l dominio de Moscoviti.

CAPITOLO II.

De Principati, et Ducati che sono sotto la Moscovia.

L'Imperio de Moscoviti molto lungamente et largamente si stende, et contiene in se assaissimi et grandissimi Principati, et Ducati, de quali i piu nobili son questi: ma per proceder con qualche ordine, bisogna cominciar da quei, che son piu conosciuti da noi, cioè dai piu vicini ai Poloni, et ai Lituani. Dopo la Lituania andando verso tramontana il primo è il Ducato di Plescovia, che in longhezza si stende circa trecento trenta miglia Italiane, et è quasi la terza parte piu longo che largo: la cui metropoli è Plescou, overo Plescovia, città grande et potente posta sopra'l fiume Zviva: la quale Basilio, che al presente è signore, pochi anni a dietro prese con tutto il dominio, che le è d'intorno, con piu di trenta castella delle piu fornite et piu forti, ch'egli habbia nella Lituania, et quasi in tutto'l resto della Moscovia, et la ridusse sotto'l suo dominio, et condusse li Plescoviti antichissimi habitatori di quella terra in Moscovia, et vi mandò nuovi habitatori de suoi Moscoviti. ella era già del dominio della Lituania, et della Polonia, et è posta sopra la Livonia, ch'è verso levante: et verso levante appresso la Plescovia è posto il Ducato Smolenchino, alquanto maggior di quel di Plescovia. la principal città del quale detta Smolencho posta sopra'l fiume Boristene, il sopradetto Basilio a questi anni la tolse al Re di Polonia, et a Lituani, et l'aggiunse all'imperio della Moscovia. Al Ducato di Smolencho verso tramontana, et greco levante è vicino il Ducato di Mosaisco, il quale è di lunghezza intorno a trecento cinquanta miglia Italiane, et altretanto è di larghezza: il qual

Ducato Giovanni antecessor di questo Basilio tolse per forza d'arme ad Alessandro predecessor di questo Gismondo Re di Polonia. Al Ducato di Mosaisco verso Ponente maestro, è il Ducato di Novogardia: nel quale è quella nobilissima et richissima città quasi sopra tutte quante ne sono nelle parti Settentrionali, nominata Novogrod, overo Novogardia, lontana dal mar Baltico circa ducento et due miglia, di grandezza maggior di Roma: ma gli edificii per la maggior parte sono di legname. vi sono tanti monasterii di religiosi magnificamente fabricati et dotati, tante chiese di Santi con bellissimo et magnifico ornamento edificate, che di San Nicolò solo, il quale appresso quelle gente è in somma veneratione, si dice esservi tante chiese, quanti giorni ha l'anno. Questa nobilissima città con tutto il suo dominio, ch'era sotto i Lituani fu presa per forza dal sopradetto Duca Giovauni al tempo di Casimiro, innanzi questo Gismondo terzo Principe di Lituani, et l'aggiunse al suo Imperio l'anno della nostra salute*) 1479 et portonne via grandissimi thesori, di sorte che coloro i quali a quel tempo erano in quei paesi dicono per cosa vera essere stati portati di Novogardia a Moseovia piu di**) 307 carri carichi d'oro et d'argento, et d'altre cose pretiosissime. Con questi quattro grandissimi principati quaranta anni fà, è stato accresciuto l'Imperio de Moscoviti.

CAPITOLO III.

Li Principati proprii di Moscovia.

Ma lo stato, ch'è proprio della Moscovia, nel quale il Duca fa scelta di quanti soldati gli piace, et dove anchora senza scelta son molti cavalieri scritti al mestier della guerra, sempre apparecchiati al comandamento del Principe, i quali son nobili secondo il costume di quella gente, et da loro sono chiamati Boiari, è anche partito in assaissimi et grandissimi Principati, essendo di

*) 1477. Sigismond. Lib.

**) 300. Sigismond. Lib.

lunghezza, come ho detto a dietro, piu di seicento miglia Tedesche. Il primo fra questi è Moscovia Ducato posto verso greco levante, et è del dominio di Novogrod: del cui Ducato, et anche di tutto l'imperio de Moscoviti è Metropoli Moscovia città grande, mà gli edificii sono fatti di legname, eccetto il castello, il quale è nel mezo di quella a guisa di una terra non picciola, fornito di fortissime mura et di torri. In questo Ducato sono trenta mila Bojari, overo nobili, che essercitano il mestier della guerra a cavallo, apparecchiati in ogni occasione al comandamento del Principe: il quale ogni volta che vuol far la scelta de soldati, senza difficultà alcuna cava sessanta, o settanta mila fanti à piè armati et valarosi. Al Ducato di Moscovia verso levante è vicino il Ducato di Rezan, nel qual sono i nobilissimi fonti del fiume Tanai, che in quella parte divide l'Asia dall' Europa. Questo Ducato ha quindici mila Bojari, ma facendosi la scelta de soldati, senza alcuna difficultà fa piu di due, o tre volte tanto numero di valorosi fanti a piè. Oltra di questo verso tramontana, et greco levante è posto presso al Ducato di Moscovia il Principato di Tuverda per grandezza di stato molto maggiore: la cui metropoli è Tuverda, posta appresso alla Volga, over Rha fiume grandissimo, è grandissima città, et molto maggior della Moscovia, et et piu magnifica. Questo principato ha quaranta mila cavalieri Bojari et facendosi scelta della plebe, ha quanto numero di soldati vuole, et senza difficultà alcuna due, o tre volte tanto. Sono molti altri Ducati et principati nel dominio della Moscovia, come il Ducato di Jaroslavia, il Ducato di *) Szuherzonia, di Szachovenia, di**) Rubenia, di Chelmschi, di***) Zubezuvoschi, di Climischi: ciascuno de quali è grande almeno cento miglia Italiane, o cente cinquanta, et ha un numero determinato de Cavalieri nobili, et degli altri, facendosi la scelta secondo il comandamento del Principe, un numero sufficiente per la fanteria: ma li sopradetti sono piu popolosi, et li principali. Oltra li sopradetti molto di là dal fiume Rha verso levante è il Ducato di Susdali, et

---

*) Juriovia.

**) Strub.

***) Subaschi.

alcuni altri pur di natione, et giurisditione Moscovitica: ma questi sono quasi distrutti per le continue correrie de*) Nahavei, et d'altri Tartari, i quali essendo piu degli altri Tartari verso tramontana, habitano vicini ai Susdali verso levante. Ubidisce anche all'Imperio de Moscoviti una Horda de Tartari: la quale sotto un castel detto Cazan del dominio di Moscovia, appresso'l fiume Rha, circa ventisette giornate lontano da Moscovia verso greco levante fa la sua vita nelle campagne, et la chiamano horda Cazanea: questa ha trentamila cavalli apparecchiati al comandamento del Duca di Moscovia: nondimeno ella vive secondo il costume degli altri Tartari, cioè nella perfida legge Macomettana: Da Moscovia verso greco levante passando per Usczuga et Viathca camminando circa cinquecento miglia tedesche, vi stanno li **) Perusrani, et li ***) Vahulzrani popoli della Scithia: li quali quel Giovanni di Moscovia predecessore di questo Basilio, ch'al presente regna, pochi anni adietro sottopose al suo dominio, et constrinsegli a battezzarsi et a confessar Christo, havendo dato loro uncerto Vescovo Greco, overo Vladico, che gli amaetrasse: il quale dicono che quei Barbari dopo la partita del Principe scorticarono vivo, et con varii tormenti crudelissimamente uccisero. onde il Principe essendovi poi tornato castigò li capi della seditione, et dette loro un Vescovo, sotto'l governo del quale hora vivono nuovamente venuti alla fede. Dopo questi, li Iuhri, i Coreli, i Baschirdi, et li Czeremissi popoli della Scithia, c'habitano i liti dell' oceano settentrionale, vivendo sotto l'Imperio de Moscoviti, sono insin'hora idolatri.

CAPITOLO IV.

De fiumi del paese, et della natura di quello.

Tutto'l paese della Moscovia è molto piano, et pien di boschi, irrigato in ogni parte da molti et grandissimi fiumi pieni di pes-

*) Nogai.

**) Pezorani.

***) Ussarani.

ci, et fra molti altri vi nascono tre nobili, et celebratissimi fiumi: cioè il fiume Boristhene, il quale essi nella lor lingua chiamano Dnieper. nasce egli sopra'l Ducato Smolencho sotto un nobil castello detto *) Versura: il quale il presente Duca di Moscovia nominato Basilio l'ha tolto nuovamente a Gismondo Re di Polonia. Da quel castello scorre il detto fiume verso mezò giorno, passando prima appresso la città di Smolencó, dapoi a Chiovia già principal città de Rossi: all' ultimo, poi che ha trascorso, cominciando dal suo fonte, circa trecento miglia Tedesche, poco lontano dalla penisola **) Taurica, appressò il cui stretto egli passa, non piu che dieci miglia Tedesche entra nel mar maggiore. Nasce non molto longi dal suo fonte un'altro grande et nominato fiume, il quale essi chiamano Duvina, che corre a dritto verso ponente, si come quello va verso mezo dì; passa per mezo il ducato di Plescovia passando sotto le mura della metropoli del detto Ducato, et finalmente sotto la città di Riga della Livonia entra nel mar Baltico. Il Tanai ha il suo fonte nel ducato di Rezan del dominio di Moscovia città principale, dalla quale è discosto sette giornate. et ascendendo di sopra dal principio del fiume Boristhene verso tramontana, circa settecento miglia Italiane, corre un pezzo verso mezo giorno, et poi verso scirocco: poscia tornando alquanto verso ponente per le fertilissime campagne de Tartari, finalmente con tre bocche entra nelle paludi Meotidi, le quali par ch'egli faccia con le sue acque: et nella lor lingua lo chiamano Don, che tanto è, come dir Santo: percioche si com' esso è abbondantissimo et pieno di pesci, cosi fa tutta la terra ch'egli bagna, abbondantissima et fertilissima. Ma quel gran fiume dell' Asiatica Sarmatia, il quale essi lo chiamano Vuolga, è maggior piu del terzo dei fiumi della nostra Europa, ha li fonti suoi piu verso tramontana, et verso ponente, che li fonti del Tanai. Egli nasce d'un grandissimo lago, il quale essi chiamano il lago bianco, che d'indi corre per un grande spatio verso greco levante, et passa a Tuverda citta grande et principale del ducato Tuverdenio della giurisditione di Moscovia. indi da mezo giorno piegandosi a

*) Viesma.

**) Tartaria precopense overo penisola di Caphà.

scirocco levante con lungo corso arriva a Cazan castello del dominio di Moscovia, dal quale quasi con simil corso spargendosi per i larghissimi campi de Tartari, et dividendosi in molti rami, in ispatio di venti giornate entra nel mar Caspio. Tutti questi fiumi nascono in luoghi piani, paludosi, et pieni di boschi, et non da quei favolosi monti Riphei, et hyperborei, i quali la Grecia bugiarda ne gli ha partoriti, non la natura, che non gli ha visti mai in luogo alcuno: percioche nel dominio di Moscovia non si truova pure un monticello, se non nei liti dell' oceano settentrionale, et Scythico, nella qual parte habitano li Iuhri, li Coreli, li Baschirdi, et li Czeremissi. Per la qual cosa non posso a bastanza maravigliarmi de nostri Geographi, che sono tanto sfacciati, che senz' alcuna vergogna narrano cose incredibili dei monti Riphei et hyperborei, dai quali vogliono che naschino i sopradetti fiumi, ne anche troveremo esser piu vero quasi tutto quello, che i piu riputati di loro hanno detto dell' una et dell' altra Sarmatia, et di tutta quella region settentrionale, se le loro descrittioni fussero poste in comparatione co viaggi, che hanno fatto gli huomini de nostri tempi, la qual cosa io mi sono sforzato di fare.

CAPITOLO V.

Della selva Hercinia, degli arbori ch'ella produce, della gran copia del mele, et della natura di quegli huomini.

La selva Hercinia sparsa per tutti quei paesi in assaissimi luoghi fa boschi spessissimi, et per tutto dà del legname abbondantissimamente per uso dell' huomo, et gran commodità à gli habitatori, appresso di loro molto piu grande, et piu selvaggia, ch'apresso di noi. ella è abbondante di pini d'incredibile altezza: de'quali uno saria a bastanza per far l'arboro a una delle grandissime nostre navi da carico. produce querce, et roveri molto piu belli di tutti li nostri, et piu atti a far ogni lavoro di legname: i quali segati et pianati rappresentano una certa vaga gratia

et varietà di colore a guisa del nostro ciambellotto. di questi fra l'altre mercantie li nostri mercanti ne portano gran copia: i quali appresso di noi si comprano cari, anchora c'habbiamo grande abbondanza dei nostri legnami. Ivi si raccoglie gran copia di mele, facendone l'api per tutto negli arbori senz' alcuno studio humano. Ivi si veggono grandissimi sciami d'api volar per li boschi, et combattere insieme, et scacciarsi l'un l'altro dai lor luoghi, di modo che i villani, i quali appresso le lor ville serbano l'api proprie, et come hereditarie, difficilmente le difendono dalle forestiere. Onde quasi tutto quello che di cera, et dell' una et dell' altra pece, cioè dura et liquida, et di ragia di pino si consuma in tutta la nostra Europa, et anche tutte le pelli pretiose sono di lì per la via della Livonia portate dalli nostri mercanti. Appresso le rive del Don, et della Volga cioè del Rha, et del Tanai nasce il Reupontico, et il calamo aromatico in grandissima quantità. Tutto questo paese, benche sia grande, et oltra modo pieno d'habitatori, nondimeno è dalle guardie di maniera serrato d'ogni banda, che non solamente niuno de servitori, o de schiavi, ma ne anche alcuno de paesani, et che sia libero, può uscire, o entrare senza lettera del Principe, dandogli questa commodità la moltitudine de boschi, et delle selve, et le molte paludi, le quali fanno, che non vi si può entrare, se non per certe strade comuni, ma l'entrate d'esse sono diligentissimamente custodite dalle guardie del Principe: per le quali coloro, che si schifano di passare, o vanno per qualche altra strada, s'incontrano spesse volte in paludi inestricabili. E paese molto ricco di danari, et questo piu per l'industria de Principi, che per le proprie minere, benche anchor di quelle non ne manchino. conciosia che per le mercantie, le quali a loro niente costano, et appresso gli altri son tenute in gran pregio, assaissimi danari son portati loro alla giornata quasi da tutta la nostra Europa: nondimeno non è lecito ad alcuno cavar fuora del paese moneta d'oro, ne d'argento, ma ne anche il Principe ne manda punto fuori per occasion delle guerre ch'egli fa di continovo, come quello che mette spavento a tutti li vicini d'intorno intorno, movendo guerra per allargare i confini del suo imperio: et quel ch'è maggior cosa, mai non si serve de soldati forrestieri, ma de proprii et sudditi solamente: a

quali tutti como a servi comanda, et ha libera podestà della vita, et della morte, et della robba loro: et niuno ha ardimento in alcuna cosa d'aprir la bocca contra il comandamento del Principe: et anche gli va mutando, secondo che gli pare, d'un luogo in un' altro, conducendovi poi nuovi habitatori, overo mutandoli l'un l'altri come a lui piace. Gli huomini sono grandi, et gagliardi nelle fatiche, et avezzi a sopportare ogni molestia et gravezza dell' aria: et a quelli che sono piu inchinati all' imbriacarsi, il Principe sotto gravissime pene vieta la cervosa, et l'acqua melata, et ogn' altra bevanda, che possa imbriacare, se non in certe principal solennità dell' anno: et in questa cosa, benche a loro sia molto difficile, et in ogni altra ubidiscono patientemente.

CAPITOLO VI.

De costumi et religione de Moscoviti.

Tutti quetsi popoli quasi innumerabili soggetti all' imperio Moscovitico, fuor che li Tartari di Cazan, i quali con gli altri Tartari seguitano il lor Macometto, et alcuni popoli della Scithia, che son idolatri, credono un Dio, adorano un sol Christo, et par che non manchi loro cosa alcuna, se non che vivono fuori della unione ecclesiastica: imperoche fuor che in poche cose, nelle quali discordano da noi, et quelle di poca importanza alla salute, et tali, che secondo il comandamento dell' apostolo, a coloro che non sono anchora ben fermi nella fede, sarebbono d'esser comportate, non sono d'essere astretti con dispute, ma permettere, ch'abondino nel lor senso, nell' altre cose par che vivino meglio di noi secondo l'evangelio di Christo. Et veramente appresso di loro è grande et abominevole sceleratezza l'ingannarsi l'un l'altro, il commetter gli adulterii, et gli stupri, et le publiche meretrici di raro si veggono fra loro: li vitii contra natura sono a essi del tutto incogniti: gli spergiuri, et le bestemmie non si odono appresso di loro: ma portano a Iddio, et ai Santi si grande ho-

nore et riverenza, che dovunque trovano la imagine del Crocifisso riverentemente si distendono in terra. si comunicano spesso, et quasi ogni volta, che si ragunano in chiesa, lo fanno secondo l'usanza loro, cioè col pane levato, et sotto l'una et l'altra specie. Appresso loro non è moltitudine di messe, o spesso uso di quelle, ma un sacerdote, che ha il carico di celebrare, dopo l'haver egli presa la communione, porta intorno a tutto'l popolo, che è nella chiesa, un vaso secondo il lor costume, pieno di pane, et di vino consacrato. del quale ciascuno piglia una fetta di pane bagnato nel vino, et si comunica con le proprie mani. Nelle lor chiese non si vede alcuna dishonesta, ne indegna: ma tutti distesi con la faccia verso la terra, overo inginocchioni adorano divotamente, di maniera che spesse volte ho udito mio padre, et molti altri huomini da bene, i quali hanno habitato con loro alquanti giorni, che stimano loro assai piu giusti di noi, se fusse tolto lo scandolo dello scisma, il quale con poca fatica si saria potuto levar via dai vostri predecessori, et che molto piu facilmente possa far dalla Santità vostra, hora comincio a dimostrarlo.

CAPITOLO VII.

Il modo, col quale facilmente si possano ridurre i Mosconiti all' union della Chiesa Romana.

Se questa cosa fusse da esser trattata con la moltitudine de popoli, senza dubbio ella saria per haver maggior fatica, et difficultà, percioche non saria cosi facil cosa il persuader loro, che lasciassero, o mutassero le religiose usanze dei lor antichi padri: nondimeno ancora che cosi fusse, non saria da esser sprezzata da un vigilante pastore, anzi con maggiore studio et diligenza bisogneria affaticarsi, che tante milioni d'anime, che si poco son lontane dalla via della salute, si riducessero al gregge di Christo: ma essendo hora tutta la cosa posta nel Principe solo, et tale, che di sua volontà spessissime volte ha mostrato desiderar quest'unione, quale scusa haveranno i nostri pastori, se disprezzando la salute

di tanti non solamente non sollecitino, o ricerchino quel principe ma venendo esso a noi spontaneamente con infinito numero di popoli, di libera sua volontà chiedendo d'esser ricevuto insieme con noi nella unione del gregge ecclesiastico, non lo ricevano, anzi lo rifiutano et lo scaccino per colpa et avaritia loro: Mi vergogno et mi rincresce dire, et non lo dico senza dolore, quel che avenne altre volte: ma la cosa si è nóta, che non si può celare, et si grave, che non può essere scusata, ne dissimulata. gli aversarii nostri la sanno, et ogni giorno con nostra vergogna con parole superbe gridano contra noi, et contra i difensori di questa sedia. Gia circa 50 o 55 anni, quando mio padre era in quei paesi, il che spesso, et con dolore gli udì raccontare, colui che allhora era Principe de Moscoviti, non so se fusse il sopradetto Giovanni, overo il suo predecessore, haveva mandato li suoi ambasciadori da quell' ultima parte del mondo a questa sedia apostolica per ottenere quest'unione, ma colui, che allhora sedeva sopra la cathedra di San Pietro, cercando piu tosto le cose proprie, che quelle di Giesu Christo, domandava loro un grandissimo tributo ogni anno per segno, et ricognitione, come diceva, d'ubbidienza, et non so che per le decime et annate. Gli ambasciadori essendosene ritornati a dietro, con non poco scandalo de vicini popoli christiani, persuasero al lor principe, che insieme co suoi dovesse perseverare nello scisma, mostrando la lor fede esser migliore di questa nostra Romana. tra questo mezo tempo io non so se sia avenuto alcuna cosa simile, avenga che li nostri aversarii gridino esser accaduto il medesimo non molti anni sono. Hor con quanto poca facita anco a questo tempo possano esser richiamati al gregge di Christo (il che s'appartiene assai piu alla Santità Vostra) et quanto anco a questo tempo facilmente possono esser ridotti, da questo si vede esser chiaramente manifesto, che il presente principe di Moscovia Basilio non pur non abhorrisce quest' unione, ma si è veduto, che spontaneamente esso l'ha con ogni diligenza ricertata. percioche quando per il mondo si sparse la fama del concilio Laterano fatto publicar per tutto della felice memoria di Papa Julio II. costui col mezo di Giovanni Re di Dacia, col quale haveva strettissima amicitia, domandava, che s'ottenesse da Papa Julio, che mediante gli ambasciadori, ch'essohaveria mandati, gli fusse lecito esser co-

me presente al detto Concilio. La qual cosa *) Enea Arcivescovo Nidrosiense huomo di somma bontà, allhora cancelliere di quel Re, et che'l verno passato morì nel palazzo apostolico, confermò a Adriano VI. predecessore di V. Santità, et anche a me, et a molti altri, che hora si ritrovano in Roma. ma la morte di Julio, che seguitò poco dopo, et anco la morte di Giovanni Re di Dacia, le quali avennero quasi in un medesimo tempo, impedirono, che le dette cose non furono mandate ad effetto. Similmente al tempo della felice memoria di Leone X. pontefice massimo, questo istesso Basilio con grandissima instantia ricercava havere il titolo di Re da Massimiliano Imperadore, per la quale occasione anche allhora saria venuto a unirsi con la chiesa Romana, se per astutia et opera del Re di Polonia la cosa non fusse stata disturbata. Il che al predecessore di V. Santità, et a me, et a molti altri fu confermato dal Rever. Mons. Girolamo Balbo Vescovo Gurgense, che novamente in nome dell' Ill. Ferdinando Archiduca d'Austria, è venuto a questa sedia apostolica ambasciadore, il quale a queste cose si ritrovò presente. Ma che bisogna piu lontano andar cercando ragioni di questa cosa? percioche quest'anno istesso il medesimo Basilio quanto sia affettionato alle cose nostre, et quanto desideri di unirsi con esso noi, evidentemente l'ha dimostrato primamente facendo triegua per 5 anni col Re di Polonia antico suo nimico, mentre per la discordia de nostri principi le cose Christiane pareva che andassero a pericolo di cadere in man de Turchi: che in vero se egli havesse voluto usar tal occasione contra di noi, ci poteva mettere in gran rovina, et dapoi mandando al medesimo un'ambascieria con 600 cavalli, et 200 carrette: per la qual non dimandava altro, se non mediante esso come principe vicino, et da lui conosciuto, persuadere a tutti gli altri Principi Christiani, che col suo istesso esempio acquietati fra loro gli odii particolari, et le discordie, finalmente pensassero alla publica salute della Rep. Christiana, et uniti gli animi et l'armi facessero l'impresa contra il comun nimico del nome di Christo, offerendo a noi se stesso con tutti li suoi per compagno in cotal guerra: si come il R. M. Thomaso Negro Vescovo di Scardona

*) Ericio Vescovo Modrosiense huomo di età giovane.

all'hora appresso'l Re di Polonia nuntio apostolico, il quale fu presente alla detta ambascieria, ne scrisse a Papa Adriano sesto predeccssore di V. Santità, et hora essendo qui in Roma, potrà esser buon testimonio di cotal cosa. Possiamo adunque noi ricercare alcun'altro maggiore argumento dell'animo veramente Christiano et fraterno d'un tanto principe verso noi? il quale avenga che da noi sia tenuto scismatico, et come pagano, et molte volte sia stato combattuto dalle nostre armi, nondimeno per la salute nostra, et della Chiesa christiana si è portato più da principe Christiano, che i nostri, i quali si gloriano dei titoli di Christiani, di Catholici, et di difensori della fede: percioche il pietoso padre Adriano predecessore di V. Santità non potè mai impetrare da sopradetti principi infinite volte pregandogli, supplicandogli, scongiurandogli, et ammonendogli paternamente, che in questa publica miseria cessassero da queste guerre piu che civili, nelle quali non havendo rispetto alcuno al sangue Christiano, che lo spargono come acqua, ne alcuno ai miseri sudditi, i quali mandano del tutto in rovina, et senza mettersi inanzi alcun timor d'Iddio, anzi quasi non havessero Iddio alcuno, al quale siano per render conto, per i loro odii particolari, et affetti, per lo sfrenato desiderio di signoreggiare, tra loro crudelmente combattono: ne con auttorità apostolica, ne con severità potè mai da loro ottenere, che donassero a Christo redentor nostro le ingiurie l'un dell'altro, overamente almeno le differissero in altro tempo, overo concedessero la triegua almeno per tre anni al bisogno dello stato Christiano, il quale quasi con le lor discordie havevano mandato in rovina: et questo Principe scismatico non solamente la triegua di tre anni, ma di 5, anzi una vittoria quasi certa de suoi nimici ha spontaneamente conceduto alla Rep. christiana, la quale altrimenti di certo pericolava, facendo egli hora la triegua con quel nimico, il quale a niun tempo mai piu commodo haveria potuto distruggere. Quei nostri Christianissimi, Catholici, et difensori della fede sono di maniera occupati a distruggersi l'un l'altro, et a spargere il sangue christiano, che nulla gli muove la presa di Rodi, alla quale con poca fatica haveriano potuto dar soccorso: nulla gli muove, che Belgrado sia stato espugnato: nulla gli muove, che'l Turco già ne stia sopra la testa: et questo scismatico ha tanta cura

della salute nostra, chi mandò che ci destasse come oppressi da sonnifero Letargo, et ci confortasse che noi volessimo qualche voltra ricordarci della propria salute, et finalmente provedere alle cose nostre, che manifestamente vanno in rovina. Oltra di ciò un tanto Principe s'offerisce con tutti i suoi a nostra difesa, il quale dovevamo temer come nimico mortalissimo: et i nostri Principi Christiani di maniera núlla pensano a dar sostegno alcuno alla Repub. Christiana, la quale essi medesimi non pur hanno tradita, ma distrutta, percioche li lor proprii stati manifestamente roviano, che anchora non restano di tutta via piu dittruggerla. Siche se noi considereremo piu tosto la cosa, che i vani titoli, egli parrà che sia principe veramente Christiano, et i nostri, co'loro gloriosissimi titoli saranno conosciuti esser piu che pagani, et scismatici. Oltra di ciò, che accade raccontare un'altra ambascieria del medesimo Basilio? la qual quest'anno, del mese d'Aprile prossimamente passato, quasi da un'altro mondo dopo otto mesi finalmente arrivò in Hispagna all' Imperadore Carlo Quinto, per mezo della quale lo ricercava d'amicitia, offerendogli all'incontro tutte quelle cose che si fussero potute desiderare da un'amicissimo et potentissimo Principe? anzi (il che all'hora da molti ci fu scritto dalla Corte dell' Imperadore) lo confortava a far l'impresa contra'l Turco, per quella offerendo gran quantità di danari, et di soldati. Per queste cose mi par che si veda assai apertamente, che non sia leggiera speranza poter indurre, et con poca fatica, questo Basilio principe de Moscoviti, et mediante lui tutti quei popoli all' union catholica insieme con noi: et mi parebbe cosa empia a non tentar di farlo, mandandogli ambasciadori atti a simil negotio, ancora che non aspettatissimo altro, che la salute di tante anime: ma hora non solamente mi parebbe cosa empia, ma una pazzia quasi estrema in questo gran bisogno della christianità, l'aiuto d'un tanto Principe, il quale, se non fussimo pigri et negligenti, in tutti li modi era da esser ricercato da noi, hora di sua volontà offertoci disprezzarlo, farsene beffe, anzi volgerlo contra noi. Il che faremo senza dubio, se niuno ritorna a lui in nome del sommo Pontifice, de principi christiani, et di tutta la christianità ringratiandolo, et facendogli testimonianza, che la sua tanto liberale offerta ci è stata gratissima, accettandola, et ricercandola, et

oltra di ciò in nome nostro gli offerisca tutte quelle cose, che gli siano grate, et che da noi si possano offerire. Nè sono da esser' ascoltati coloro, che si pensano l'aiuto de Moscoviti esser poco utile, et opportuno alla impresa contra'l Turco, per esser dal Turco essi troppo lontani, ma il danaro solo, del quale egli è abbondantissimo, potere aiutar la parte nostra: Percioche il Ducato di Smolenco, il quale è del stato di Moscovia, per la via dei Rossi popoli a quello vicini et quasi amici, et che vivono secondo le medesime usanze, soprastà alla Vallachia, alla Bulgaria dipoi alla Thracia, et per tanto a Constantinopoli istesso: et è assai commodo quel paese per condur esercito, volendolo menar quanto grande potesse, egli solo daria molto da fare al Turco: anzi ho per certo che lo stato del Turco in niuna altra parte sia piu debole, ne da altro luogo piu commodo, et piu opportuno possa essere assalito, che da quella parte della Vallachia, et della Bulgaria: dove i popoli sono ancora tutti christiani, ma vivono sotto l'imperio et tributo del Turco, il quale essendo già molto tempo venuto loro a noia, senza dubio lo lascieriano da parte, et si congiongeriano co nostri soldati, se in alcun luogo apparisse qualche vendicatore della lor libertà, dai quali popoli insino a Constantinopoli a tutti è aperta l'entrata libera: ma i luoghi del stato del Turco, che si estendono insino alle nostre parti cosi in mare, come in terra, sono molto ben forti. onde si come da niuna parte piu commodamente il Turco può esser assalito da noi, che dalla parte della Valacchia, et della Bulgaria, dal Duca di Moscovia, cosi non è da pensare, che questa impresa gli sia troppo lontana, havendo egli quasi nell' ultimo oriente per luoghi molto piu aspri condotti i suoi esserciti vincitori, et domati molti popoli della Scithia, et alcuni anco costretti a confessar Christo.

CAPITOLO VIII.

Le ragioni, per le quali il sommo Pontefice si debbe muovere a ricever li Moscoviti.

Adunque, clementissimo padre santo, benche siano piu cose

et di grandissima importanza, le quali in questi gravissimi disturbi il mondo, anzi Christo istesso, ricerca da V. Santità, nondimeno parmi, che si debba haver cura di questo negotio della Moscovia piu che di tutte l'altre cose, come quello che è di grande importanza, anzi si doveria far con tanto maggior diligenza, quanto è di maggior momento per tutte le sopradette cose, et promelter più certa speranza di poter esser condotto a fine con poca spesa et fatica, et con niun pericolo, ma con certissimo commodo, et da non esser dispregiato. Io so che di fuori è combattuta quella torre di David, al governo et guardia della quale Christo vi ha messo. io veggio li già gran tempo stanchi et miseri Christiani, alla testa de quali soprasta il crudel nimico del nome di Christo, overche già con grave et vituperosa servitu tiene oppressi, guardare in voi, che siete lor pastore, et da voi aspettare et chiedere aiuto. Io conosco quanto acerbamente li principi christiani siano tra loro discordi: i quali bisogna richiamare alla concordia christiana, prima che noi possiamo fare cosa alcuna utile di dentro, ne gloriosa di fuori. Sento poi quanto s'incrudelisca nelle nostre interiora quello spaventoso, et piu che infernal veleno, dico la peste, et la perfidia luterana, per la cui contagione periscono tante migliaia d'anime heretiche et scismatiche, et veramente qual si voglia di queste cose apporta grandissimo travaglio, et non solamente ricercano fatica, industria, et provedimento, ma anco gravissime spese: nondimeno benche noi per ciò facessimo ogni cosa, appena appare alcuna speranza certa, che siamo per far profitto alcuno: ma nella cosa de Moscoviti, la qual hora cerchiamo di persuadere, se vorremo per se stessa giudicarla, non conosco perche la salute di tante migliaia d'anime non debba muovere grandemente la Santità V. accioche se elle periscano per vosta negligenza, non possono esser da Iddio ragionevolmente dalle man vostre riaddimandate. Di quanta importanza anco a tutte le sudette cose sia l'unirsi con esso noi un si gran Principe, si ricco, si possente, et per la vicinità si atto ad assalir la Turchia, che non lo vede? specialmente se considera quanto certo potrebbe esser la nostra ruina, et confusione delle nostre cose, quando egli opportunissimamente volesse adoperar le sue forze contra di noi. A pacificare insieme li principi Christia-

mi non conosco che si possa trovar cosa piu potente, che rinfacciar loro l'essempio di questo principe scismatico: et non dubito che si vergogneranno dei titoli, i quali vergognosissimamente s'attribuiscono, quando intenderanno, che sono amoniti da un principe scismatico à ricordarsi d'esser christiani, et ch'ancho il medesimo con gli effetti insegna loro, quali doveriano essere. De Luterani finalmente qual piu gloriosa, qual piu facil vittoria potremmo noi havere, che fàr ch'essi vegghino quest'apostolica sedia, la qual per tutto'l mondo si sforzano d'infamare, ritenere ancora la sua dignità non solamente appresso li suoi, ma anche nuovi popoli unitamente esser venuti quasi da un' altro mondo supplichevoli alla sua ubbidienza. Tutte queste cose v'è speranza et non punto vana, che noi le possiamo conseguire senza pericolo alcuno, con picciola fatica, et con poca spesa: percioche altro non fa bisogno, se non che la Santità V. voglia, et comandi, che vada in Moscovia qualcuno, che sia atto a simil negotio, et ciò facciasi piu tosto che si può, conciosia che molte cose occorrano, che desiderano prestezza: La via pericolosa, et lunghissima, specialmente havendosi per le ragioni che diremo, da schifare il passar per la Polonia, havendosi da camminar da un capo all'altro dell'Alemagna, da passar per la Prusia, et per la Livonia, d'aspettare spesse volte nel viaggio la compagnia, et menarla anco spesso per il pericolo degli assasini, dei quali sono quei paesi grandemente molestati: di maniera che chiunque vi fusse mandato ancora che andasse con ogni diligenza, appena in 5 mesi potria giunger alla corte di quel Principe: imperoche li suoi amcasciadori mandati da lui a Carlo V. Imperadore, per quel medesimo viaggio, appena dopo 8 mesi finalmente arrivarono in Hispagna. In questo mezo li nostri nimici non dormiranno, et molte cose potrebbon occorrere, che mutarian l'animo di quel Principe, massime parendogli insieme con la sua tanto liberale offerta essere sprezzato et ischernito da Principi christiani: la qual cosa come può esser che non gli paia, se doppo l'haver esso mandati due ambasciadori, uno a Carlo Imperadore, l'altro a Gismondo Re di Polonia, et col suo mezo a tutti li Principi Christiani, niun da noi ne sia a lui rimandato? L'Imperadore è ancor giovane, et al presente è tanto occupato in abbattere et rovinare il Re di Francia, che non

può attendere a pensare a quelle cose, che s'appartengono al ben comune della christianità. Dal Re di Polonia, benche altrimenti egli sia prudente et Christiano principe, nondimeno in questo negotio di Moscoviti non si ha da sperarne cosa alcuna buona, il che poco di sotto faremo piu manifesto. Si che se la Santità V. non farà provedimento, il principe di Moscovia sarà da tutti il nostri principi dispregiato, ma non sarà spregiato da nostri nimici: percioche non è dubbio alcuno, che'l Turcho tenterà ogni cosa per tirar dalla sua parte, o in compagnia della guerra contra di noi un si gran principe, massime comprendendo, ch'egli sia di poco buon' animo verso di noi, per esser stato da noi tante volte come pagano, o come scismatico publicamente oppugnato. Siche ne anco dal lato nostro, se saremo savii, non è da indugiare: anzi è da far ogni cosa diligentemente per conservarci con la nostra diligenza un tanto aiuto offertoci spontaneamente fuor di speranza, et senza nostra fatica: benche, si come ho detto, a ciò non fa bisogno d'altra diligenza, se non che la Santità V. comandi, et là vadano alcune persone atte et sufficienti. Nè a far questo la dee ritardar la spesa a ciò necessaria, conciosia ch'ella non sia per esser tanta quanta spesse volte noi gittiam via in alcune non necessarie pompe: percioche quelle cose, che nell' altre ambasciarie accrescono la spesa, come è la lunghezza, et i pericoli del vaggio, in questo la scemeranno, dovendosi mandar nella Moscovia non alcuni vecchi di gravità con compagnia honorata, ma piu tosto alcuni huomini spediti, che possino sostenere tante et tali fatiche, et le difficultà delle strade, et sopportar la gravezza dell' aria di quel paese, et siano anco dotti nella S. legge d'Iddio, et che possino a chiunque gli domanda render ragione della fede, et speranza, et charità, che è in loro, et giudicar secondo la regola della fede quel che a lei repugna, quel che si concorda, et quel che le è differente: accioche possino ben discernere, qual siano quelle cose, nelle quali l'Apostolo commanda, che doviamo comportar li deboli nella fede, et non astringerli con dispute, a fin che coloro, che al presente sono poco lontani dalla via della salute, non facciamo si con la nostra indiscretione che molto piu si dicostino da noi. Et per dir brevemente, si hanno da eleggere a ciò huomini tali, che non attendino all' utilità

propria, ma in ogni cosa cerchino l'honor di Giesu Christo: et non molto anco habbiano a schifo li costumi di quella gente, accio più facilmente si possino con esso loro conformare. Et vorrei che in elegger quei tali, che si havessero da mandare a questa impresa, tanto maggior pensiero vi si mettesse, quanto piu importa alla reputatione di questa sedia, et vadano a questi novi popoli piu tosto con conditioni determinate, che con quali si sogliono mandar per pompa solenne solamente: percioche se qualche cosa per aventura mancherà alla pompa dell' ambascieria, secondo richiede la dignità di questa sedia, la magnificenza di quel Principe, et la importanza di tal negotio, iscuserà il tutto la lunghezza, la difficultà, et i pericoli del viaggio. Non è da mandare uno che sia della Gotthia, ne della Livonia, ne della Polonia, per l'antico odio de Moscoviti contra queste nationi, conceputo per le continue guerre, che sogliono far contra d'esse per la vicinanza, et per il quale potria parer, ch'elle in un certo modo facessero il proprio negotio. Sopra ogn'altra cosa mi par, che sia molto piu espediente con pochissima compagnia, cioè non piu che con quattro, o cinque in tutto, andarsene di qui in Livonia: percioche cosi piu facilmente passeranno, et piu spediamente, et con minore spesa, et quel che specialmente a questi tempi è da considerare, mettendosi in compagnia di mercanti n'anderanno sconosciuti, et senza sospetto alcuno di coloro, per il paese de quali haveranno da passare, conciosia che se la fama di questa cosa si spargesse, gli avversarii nostri fariano ogni sforzo per andar prima di noi, et impedirci, onde mi pare, che questa facenda si debba maneggiar secretissimamente, et col mezo di pochissime persone.

CAPITOLO IX.

Per qual cagione non si debba mandar ambasciadore di Polonia al Duca di Moscovia per ridurlo all'union ecclesiastica.

Che in questo negotio, avenga che'l Re di Polonia, sia in ogn' altra cosa christianissimo principe, io l'habbia del tutto per sospetto, et conseguentemente anche la Polonia, aviene, perche havendo esso provato il Duca di Moscovia troppo acerbo vicino: conciosia che Basilio, che al presente signoreggia, et Giovanni suo antecessore gli habbiano tolto 4 nobilissimi Principati: et vedendo che per questa unione al medesimo s'aggiungeranno anche maggior forze, et a lui, nel far guerra contra di quello per i confini de suo regno mancherà un gran favore, ha sempre con ogni via, et astutia disturbato questa unione. percioche col nome di far guerra contra scismatici, et come nimici della nostra religione, ha havuto dagli altri Principi christiani grandissimo favor, et grande aiuto dai nostri, di maniera che molte volte, publicandosi a questo effetto indulgentie per tutto, e stato aiutato con publica spesa della christianità, di che s'avede restar privo, quando sia levato via la scusa dello scisma, et al suo nimico, che da se stesso è forte, doversi aggiugner nelle cose della guerra maggior forze per la nostra compagnia et benche tra loro sia hora la triegua di 5 anni, et anchora che'l Duca di Moscovia diventi christiano, nondimeno il Re di Polonia ragionevolmente sta in paura del stato suo per l'avenire. percioche non si trovano principi così christiani, tra i quali, essendo vicini, spesse volte non si faccia guerra per molte occasioni. Che al Re di Polonia dispiaccia, che'l Duca di Moscovia diventi, o sia da noi tenuto veramente christiano, chi è, che chiaramente da questo non lo comprenda? che dopo quella ambascieria mandatagli dal detto Duca cosi santa, et cosi utile alle cose nostre, della quale di sopra facemmo mentione, egli nelle sue lettere scritte a Papa Adriano VI. predecessore di V. Santità non n'ha pur detto una parola: et nondimeno di niuna cosa ragionevolmente ne piu grata, ne piu opportuna alle

cose nostre haveria potuto dar notitia a un Papa religiosissimo, che farlo certo dell'animo veramente christiano verso di noi di quei scismatici, et del desiderio loro tanto inclinato ad aiutare, et difendere le cose nostre: i quai scismatici come nimici meritamente acerbissimi dovevamo temere. Chi non vede da questo medesimo consiglio esser proceduto, che spesse volte per lo passato a posta ha impedito questa unione? et sempre tutti quelli, che da questa sedia apostolica sono stati mandati per questo effetto al Duca di Moscovia, egli spaventandogli con vane paure, et con la difficultà del mandar la cosa ad esecutione, gli ha fatti tornar'a dietro. al presente niuna cosa tanto gli saria molesta, quanto se li Romani Pontefici intendessero, che il Duca di Moscovia sia d'animo tanto christiano, et che con si poca fatica si possa indurre all'unione ecclesiastica. Onde il R. Mons. Hieronimo Balbo Vescovo Gurgense, il quale all'hora essendo consigliero dell' Imperador Massimiliano, et hora ambasciadore appresso la sedia apostolica per l'Illustris. Ferdinando Archiduca d'Austria si trovò presente quando questo Basilio Duca di Moscovia ricercava con grande instantia il titolo di Re, havendo egli inteso gl'inganni del Re di Polonia in cotal maneggio, consigliò ad ogni modo Papa Adriano VI. perdecessore di V. Santità, che se desiderava questa unione, per niuna via non ne comunicasse cosa alcuna ne col Re di Polonia, ne con alcuno, che gli fusse favorevole. Sono anche altre cose, che mi paiono utilissime a compir questa impresa felicemente: ma per non esser piu lungo, et essendo piu espediente il communicar queste cose con coloro, a quali la Santità V. commetterà questa impresa, io farò fine.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.) *Климентъ VII*, изъ знаменитаго рода Медичи, былъ возведенъ на Папскій престолъ въ 1523 году. Почти все одиннадцатилѣтнее управленіе его протекло въ борьбѣ съ Лютеранами и въ войнахъ съ могущественнымъ Карломъ V, ненавидѣвшимъ Климента за дружбу его къ Франциску I. Въ 1527 году Императоръ завладѣлъ Римомъ, плѣнилъ Климента, заточилъ его въ замокъ Св. Ангела и принудилъ уступить Имперіи всѣ крѣпости, въ Папскихъ владѣніяхъ находившіяся, и сверхъ того заплатить 40,000 дукатовъ выкупа. Хотя въ послѣдствіи Папа и примирился съ врагомъ своимъ, но до конца жизни питалъ къ нему тайную злобу и умеръ 25 Сентября 1534 года, замышляя противу него новые планы. Исторія сохранила намъ не слишкомъ выгодныя понятія о характерѣ Климента. Онъ былъ робокъ, нерѣшителенъ, неблагоразуменъ, коваренъ, несчастливъ въ своихъ предпріятіяхъ и вообще болѣе заботился о возвышеніи своего рода нежели о пользахъ церкви. Не надобно смѣшивать сего Первосвященника съ Антипапою Климентомъ VII (изъ рода Графовъ Женевскихъ), избраннымъ Французскими Кардиналами въ 1378 году и умершимъ въ Авиньонѣ въ 1394 году.

2.) *Адріанъ VI*, предшественникъ Климента VII, занималъ Папскій престолъ съ 9 Января 1522 по 14 Сентября 1523 года. Онъ родился въ Утрехтѣ отъ весьма незначительнаго ремесленнаго семейства и обучался въ Лувенскомъ Университетѣ, гдѣ былъ послѣ Профессоромъ, а потомъ и Вице-Канцлеромъ. Императоръ Максимиліанъ, провѣдавъ о строгой нравственности и обширныхъ свѣдѣніяхъ Адріана избралъ его въ наставники внуку своему, занимавшему въ послѣдствіи пре-

столъ Имперіи подъ именемъ Карла V; и это обстоятельство было главною причиною его возвышенія. Возведенный потомъ въ санъ Епископа Тортозскаго, онъ былъ посланъ въ Испанію для управленія симъ государствомъ, съ титломъ Намѣстника, а въ 1517 году сдѣланъ Кардиналомъ. Адріанъ VI умеръ на 65 году отъ роду. По свидѣтельству современныхъ историковъ онъ былъ строгъ, остороженъ и даже медлителенъ въ своихъ поступкахъ; ненавидѣлъ пышность и старался всѣми средствами искоренить развратъ, усилившійся въ Римѣ въ правленіе его предмѣстника, знаменитаго Льва X. Надгробная надпись его свидѣтельствуетъ еще доселѣ, что самымъ большимъ для себя несчастіемъ почиталъ онъ власть свою: Hadrianus VI hic situs est, qui nihil sibi infelicius in vita, quam quod imperaret, duxit. Адріанъ VI извѣстенъ сверхъ того какъ писатель. Онъ оставилъ нѣсколько сочиненій Богословскаго содержанія, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія суть: Questiones quodlibeticae, Disputationes in Lib IV Magistri Sententiarum, Epistolae и пр.

3.) Авторъ считаетъ ошибочно *Новгородъ* самымъ Западнымъ пунктомъ владѣній Россійскихъ при Великомъ Князѣ Василіѣ Іоанновичѣ. Псковъ лежитъ гораздо болѣе на западъ. Разстояніе отъ Новгорода до Верхотурья, около котораго живутъ Вогуличи, составляетъ ближайшимъ трактомъ чрезъ Ярославль, Вятку и Пермь болѣе 2500 верстъ, а до Тобольска 2770 верстъ, что въ первомъ случаѣ равняется 360, а во второмъ 400 Нѣмецкимъ милямъ.

4.) См. ниже пр. 11.

5.) См. ниже пр. 11.

6.) Подъ *землею Руссовъ* Авторъ разумѣетъ Украйну, находившуюся тогда во власти Поляковъ.

7.) *Скиѳскимъ Океаномъ* называлось въ древности Ледовитое море.

8.) Въ древности *границею Европы* на востокъ полагали линію, проходящую отъ Егейскаго моря чрезъ три погранич-

ныя съ Азіею моря, до устья рѣки Танаиса или Дона, а потомъ, по теченію сей рѣки, до 48° Сѣв. широты. Далѣе же не находится никакихъ вѣрныхъ свѣденій о предѣлахъ Европы съ Азіею (см. Брут. Землеоп. Древн. Свѣта Т. II. стр. 2).

9.) Подъ именемъ *Азіатской Сарматіи* древніе разумѣли всю сѣверозападную часть Великой Азіи, лежащую по ту сторону Дона и Азовскаго моря. Южную границу Азіатской Сарматіи составлялъ хребетъ Кавказскій (см. Бр. Земл. Древ. Свѣта Т. I. стр. 143).

10.) *Гиперборейскою Скиѳіею* назывались нынѣшнія области Россіи, прилежащія къ Ледовитому морю.

11.) *Югрія*, по мнѣнію Лерберга, простиралась между 56° и 67° сѣвер. широты, отъ самаго сѣвернаго конца Урала на востокъ чрезъ Нижнюю Обь до рѣки Надыма, впадающей въ Обскую губу и до рѣки Агана, которая выше Сургута изливается въ Обь. Къ ней принадлежали еще мѣста, лежащія по нижнему Иртышу, Тавдѣ, Турѣ и Чусовой. Съ южной стороны граничила она съ Татарскими владѣніями, а съ Сѣверной съ землею прежде бывшихъ Самоедовъ; — слѣдовательно занимала немалую часть Сѣверозападной Азіи и состояла преимущественно изъ мѣстъ, принадлежащихъ нынѣ къ губерніямъ Тобольской и Пермской. Югрія вѣроятно еще съ половины XIII вѣка платила дань Новгородцамъ; въ составъ же Россійскихъ владѣній вошла она окончательно въ 1499 году. Покореніемъ ея Іоаннъ обязанъ былъ воеводамъ Князю Симеону Курбскому, Петру Ушатову и Заболоцкому-Бражнику. Коренными обитателями Югріи, по всему вѣроятію, были Обскіе Остяки и соплеменные имъ Вогуличи, о которыхъ будетъ сказано ниже. *Карелы*, народъ Финскаго происхожденія, населяли все пространство земли, составляющее нынѣ Выборгскую и Олонецкую губерніи, даже до границъ Лапландіи и до Бѣлаго моря. Карелія издревле принадлежала Новгородцамъ; потомъ отнята была у Россіи Швеціею во времена Лжедмитріевъ и наконецъ по Нейштадтскому договору снова уступлена Россіи. *Печоринс*,

народъ также Финскаго происхожденія, имѣли жительство около береговъ рѣки Печоры и, вмѣстѣ съ Пермью, пріобщены къ Россійскимъ владѣніямъ въ 1472 году. Въ Печорской землѣ открыты были первые серебряные рудники въ 1491 году, при Великомъ Князѣ Іоаннѣ III. *Вогуличи*, называемые иногда въ лѣтописяхъ нашихъ Гогуличи, по свидѣтельству Лерберга, занимали не только часть Сѣвернаго Уральскаго хребта, лежащую между Чусовою на Югѣ и Усою на Сѣверѣ; но и съ восточной стороны горъ большую полосу земли, а съ Обскими Остяками вмѣстѣ именно тѣ страны, кои въ древности извѣстны были подъ именемъ Югріи. Явнымъ доказательствомъ сего служитъ объясненіе, которое ученый Рамузіо даетъ тексту А. Кампензе; ибо испорченное названіе Vahulzrani, встрѣчающееся въ подлинникѣ, объясняетъ онъ названіемъ Ussarani, что напоминаетъ имя Юсеріи, которое иногда давали Югорской землѣ. Вогуличи или Вогулы, — происхожденія Финскаго и суть ближайшіе родственники Обскихъ Остяковъ. Они считаютъ себя однимъ съ ними народомъ, а посему какъ самихъ себя такъ и сихъ Остяковъ называютъ Манси. Названіе же Вогуловъ получили они отъ Русскихъ чрезъ Зырянъ, которые называютъ ихъ Воголъ, вѣроятно по нѣкоторымъ племенамъ сего народа, обитавшимъ частію на Вогульѣ, впадающей въ Сыгву; частію же на Вогулкѣ, впадающей въ Обь. Въ Березовѣ, гдѣ имя Вогуличей вовсе неизвѣстно, всѣ племена, населяющія пространство, составлявшее въ древности Югрію, называются Остяками. *Башкиры*, именующіе сами себя Башкуртъ и извѣстные у Киргизовъ подъ названіемъ Истаки, обитаютъ по рѣкѣ Бѣлой, между Камою, Волгою и Ураломъ, т. е. въ нынѣшней Оренбургской Губерніи. Они считаютъ себя потомками Ногайскихъ Татаръ; нѣкоторые же ученые полагаютъ ихъ остатками древнихъ Болгаръ, что отчасти правдоподобно, какъ потому, что страны, населенныя ими, составляли нѣкогда часть Болгаріи, такъ равно и по чертамъ лицъ ихъ, нѣсколько отличнымъ отъ физіономіи Татаръ. *Черемисы*, народъ также Финскаго происхожденія, называютъ сами себя Мари, а соплеменныхъ имъ Чувашей Куркмари, т. е. нагорными. Это названіе сохранилось намъ отъ того, что въ

древности они раздѣлялись на нагорныхъ и луговыхъ. Такъ по крайней мѣрѣ дѣлитъ ихъ Олеарій, причисляющій Черемисовъ безъ всякаго основанія къ народамъ Татарскаго происхожденія. Черемисы вмѣстѣ съ Вотяками покорены въ 1489 году, въ Княженіе Іоанна III. Нынѣ обитаютъ они по лѣвому берегу Волги, въ Нижегородской и Казанской Губерніяхъ, вплоть до Губерніи Пермской. — Павелъ Іовій (стр. 30) также упоминаетъ о Юграхъ, Вогуличахъ и Печорѣ, какъ о народахъ, платившихъ дань Государямъ Московскимъ, и присоединяетъ къ нимъ еще Пермяковъ, т. е. обитателей Перми или древней Біарміи, и Пеняжанъ, получившихъ названіе свое отъ рѣки Пеняги, впадающей противу города Холмогоръ въ Сѣверную Двину. (См. Лерб. Изслѣд. Рус. Ист. стр. 4, 7 и 18; Georgi, Russland etc. стр 28, 65 и 167; Карамз. И. Г. Р. Т. VI стр. 50, 192, 226 и 285 и Олеарія Нѣм. Изд. 1696 года, стр. 179).

12.) Въ ту эпоху, которую описываетъ Кампензе, *Ногайскіе Татары* раздѣлены уже были на малую и большую орды. Первая кочевала въ нынѣшней Кавказской области, къ сѣверу отъ Кубани и Кумы, а послѣдняя, по свидѣтельству Гваньино, тянулась на востокъ отъ Казанскаго Царства, по бебрегамъ Каспійскаго моря и рѣки Яика и Урала. (См. Ramusio delle Navig. et Viag. T. II. p. 70). Она извѣстна также подъ именемъ Синей орды. Ближе къ Суздалю находились не Ногайскіе а Казанскіе Татары.

13.) См. прим. 19 къ І. Барбаро.

14.) Авторъ ошибочно смѣшиваетъ здѣсь Татаръ *Джагатайскихъ* съ Татарами Золотой или Заволжской орды, разрушенной Менгли-Гиреемъ въ 1502 году. О Джагатаяхъ см. пр. 75 къ І. Барбаро.

15.) *Тамерланъ* извѣстенъ въ Русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Темиръ-Аксака, у Абулгазія подъ именемъ Амиръ-Тимура, а у восточныхъ писателей подъ именемъ Сахибъ-Карана, т. е. обладателя великаго соединенія планетъ. Настоящее же названіе его есть Тимуръ-Ленгъ (отъ словъ: тимуръ—желѣзо

и ленгъ—хромый), изъ котораго Европейцы сдѣлали: Тамерланъ. А. Кампензе, П. Іовій, Бержеронъ и многіе другіе, а у насъ Лызловъ и Рычковъ, ошибочно смѣшиваютъ сего знаменитаго завоевателя съ внукомъ его Темиръ-Кутлуемъ или Кутлукомъ, царствовавшимъ въ золотой ордѣ въ 1399 году (см. прим. 26 къ І. Барбаро). Тамерланъ родился въ 1336 году. Самъ онъ называлъ себя потомкомъ Чингисъ-Хана: по свидѣтельству же Абулгазія былъ сынъ незначительнаго Князька отъ поколѣнія Бурлассовъ. По паденіи династіи Хановъ Джагатайскихъ, Тамерланъ овладѣлъ столицею ихъ Самаркандомъ, объявилъ себя Ханомъ и вскорѣ блестящими побѣдами оправдалъ хищеніе свое. Покоривъ Персію и почти всю Среднюю Азію, онъ въ 1395 году устремился на неблагодарнаго ему Хана Золотой орды Токтамыша, принудилъ сего послѣдняго искать спасенія въ бѣгствѣ и опустошивъ потомъ Россію, вплоть до самой Москвы, возвратился съ богатою добычею въ свои владѣнія, разоривъ на пути Азовъ и Астрахань. Въ 1398 году завоевалъ онъ Индію до самаго устья Ганга, а въ 1402 году вторгнулся въ предѣлы Оттоманскіе и, разбивъ на голову Султана Баязета, захватилъ самаго его въ плѣнъ. Въ 1405 году замыслилъ онъ походъ противу Китая; но умеръ на пути, въ городѣ Отрарѣ, послѣ 36лѣтняго царствованія. Тамерланъ есть безъ сомнѣнія одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нравственныхъ феноменовъ въ Исторіи человѣчества. Съ необыкновеннымъ мужествомъ и кровожадностію соединялъ онъ любовь къ наукамъ, что весьма остроумно доказалъ Лангле изъ самыхъ постановленій сего завоевателя, (см. Абулг. Ист. Род. о Тат. Ч. V. Г. 3 и 4. Ист. Монг. пер. съ Перс. стр. 38 и прим. 65; П. Іовій стр. 26. Berger. Traité des Tart. Ch. XIV. Лызл. Скиѳ. Ист. стр. 46 и Рыч. Оп. Каз. Истор. стр. 46).

16.) Сраженіе между Тамерланомъ и *Баязетомъ*, рѣшившее судьбу сего послѣдняго, происходило 20 Іюля 1402 года на поляхъ Анцирскихъ, въ нынѣшней Натоліи.

17.) Сказка о томъ, что Баязетъ былъ посаженъ Тамерланомъ въ *золотую клѣтку*, не имѣетъ историческаго осно-

ванія, хотя и повторяется всѣми западными современными писателями. Абулгазій упоминаетъ только о плѣненіи Баязета и умерщвленіи его. Другіе писатели утверждаютъ, что несчастный плѣнникъ самъ разбилъ себѣ голову; наконецъ есть и такіе, по свидѣтельству коихъ онъ былъ весьма великодушно содержалъ побѣдителемъ своимъ и умеръ въ станѣ его, въ Карамаціи, въ 1403 году.

18.) *Батый* (у Абулгазія Бату-Сагинъ-Ханъ), извѣстный въ лѣтописяхъ нашихъ гибельнымъ опустошеніемъ своимъ, повергшимъ Россію въ трехвѣковое рабство, отнюдь не былъ отцемъ Тамерлана, ибо жилъ ровно за сто лѣтъ прежде его. Онъ былъ сынъ Чучи или Джуджи-Хана, сына Чингисъ-Ханова. Въ 1326 году, выступивъ изъ предѣловъ Монголіи, Батый въ два похода завоевалъ Волжскую Булгарію, Россію, часть Польши, Венгрію, Кроацію, Сербію, Дунайскую Булгарію, Молдавію и Валахію, навелъ ужасъ на всю Европу и положилъ основаніе Золотой или Кипчацкой ордѣ. По свидѣтельству Персидскаго Автора Исторіи Монголовъ, переведенной Г. Григорьевымъ, Батый отличался чрезвычайною щедростію, не исповѣдывалъ никакой Религіи, не принадлежалъ ни къ какой сектѣ и поклонялся токмо единому Богу. Вѣроятно названіе *Занка*, которое Кампензе придаетъ ему, есть не что иное какъ испорченное слово Сагинъ, составлявшее, по свидѣтельству Татищева, родъ титула у знатныхъ Татаръ. Память объ ужасномъ опустошеніи Батыевымъ и доселѣ еще сохранилась въ Россіи. Въ Тамбовской, Тульской и другихъ Губерніяхъ простой наробъ называетъ Батыевой дорогою млечной путь, полагая, что это созвѣздіе служило Татарамъ дорогою въ Россію. (См. Абулгаз. Ч. VII. Гл. 1; Ист. Монг. пер. съ Персид стр. 40 и Энцикл. Лекс. Т. V. стр. 93).

19.) О распространеніи Магометанской вѣры между Татарами см. прим. 25 къ I. Барбаро.

20.) Основатель Отоманской Имперіи былъ Эмиръ *Османъ*, изъ рода Огузійскихъ Туркменцовъ. Овладѣвъ сначала,

съ помощію небольшой орды своей, Олимпійскими дефилеями, онъ проникнулъ потомъ въ равнины Виөиніи, гдѣ и основалъ свое жилище подъ покровительствомъ Иконійскаго Султана, изъ племени Сельджуковъ. Умноживъ силы свои плѣнниками и разнаго рода бродягами, онъ вскорѣ покусился на предпріятія болѣе важныя; овладѣлъ нѣкоторыми областями, принадлежавшими Восточной Имперіи въ Малой Азіи и, по смерти покровителя своего, объявилъ себя независимымъ и принялъ названіе Султана. Онъ умеръ въ 1326 году. Сынъ и преемникъ его Орканъ, наслѣдовавшій вмѣстѣ съ титломъ своего родителя и воинскія его доблести, расширивъ владѣнія свои, наименовалъ себя Падишахомъ. Такимъ образомъ горсть бродягъ, предводительствуемая смѣлымъ варваромъ, основала государство могущественное, не потерявшее даже и донынѣ политической важности своей и бывшее въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій ужасомъ всей Европы.

21.) *Прусскимъ моремъ* называлась въ средніе вѣка та часть Балтійскаго моря, которая омываетъ берега Пруссіи.

23.) *Самогеты* — нынѣшняя Жмудь — обитали въ Сѣверной части Виленской губерніи, близъ границъ Курляндіи.

23.) *Ягеллонъ* или Ягайло наслѣдовалъ Княжество Литовское въ 1377 году, послѣ родителя своего Ольгерда, а въ 1386 году, съ согласія вельможъ Польскихъ, женился на Ядвигѣ, единственной дочери и наслѣдницѣ умершаго Короля Лудовика, и принявъ Латинскую вѣру, вмѣстѣ съ вѣнцемъ Королей Польскихъ, крестилъ въ оную и всѣхъ своихъ подданныхъ. (См. Кар. И. Г. Р. Т. V. стр. 52 и 97).

24.) Кампензе вѣроятно не зналъ, что Украйна издревле принадлежала Россіи и что Кіевъ былъ столицею Великихъ Князей Русскихъ и колыбелью Христіанской вѣры въ отечествѣ нашемъ.

25.) *Псковъ* лежитъ не па Двинѣ а на рѣкѣ Великой.

26.) Окончательный ударъ *Псковской вольности* былъ нанесенъ 13 Января 1510 года. Великій Князь Василій Іоанно-

вичь повелѣлъ триста значительнѣйшихъ семействъ Псковскихъ гражданъ перевести въ Москву, а на мѣсто ихъ поселить въ Псковѣ столько же купеческихъ семей изъ низовыхъ городовъ (см. Кар. И. Г. Р. Т. VII. стр. 42 и 43).

27.) *Смоленскъ* былъ взятъ у Поляковъ Московскою ратію, подъ личнымъ предводительствомъ Василія, 29 Іюля 1514 года (см. Кар. И. Г. Р. Т. VII. стр. 63).

28.) *Княжество Можайское* никогда не зависѣло отъ Литвы. Прежде оно составляло часть Княжества Черниговскаго, потомъ принадлежало къ Княжеству Смоленскому; въ 1456 году, за измѣну Князя Ивана Андреевича, присоединено Василіемъ Темнымъ къ Княженію Московскому; въ 1462 году, по духовному завѣщанію, отдано имъ было сыну его Юрію Васильевичу, а наконецъ по смерти сего Князя въ 1472 году пріобщено Іоанномъ III къ его владѣніямъ. (См. Кар. И. Г. Р. Т. V. стр. 344 и 354 и Т. VI. стр. 56).

29.) Не о храмѣ ли Св. Софіи говоритъ здѣсь Авторъ?

30.) *Новгородъ* никогда не признавалъ надъ собою власти Литовцевъ и хотя назывался вотчиною Великихъ Князей Московскихъ, но въ теченіе болѣе чѣмъ шести вѣковъ былъ вольною землею. Временное же подданство его Казимиру въ 1471 году было вынужденное и неединодушное.

31.) Новгородское вѣче было уничтожено не въ 1479, а въ 1477 году.

32.) По свидѣтельству Герберштейна и Длугоша, *богатства Новгородскія* отправлены были въ Москву на 300 возахъ. Другіе цѣнятъ сокровища, захваченныя Іоанномъ въ Новгородѣ, въ 14000,000 флориновъ; но это безъ сомнѣнія преувеличено.

33.) Невѣрность въ показаніи Географическаго положенія Княжества Московскаго слишкомъ очевидна и не требуетъ опровërженія.

34.) См. выше прим. 8.

35.) Городъ *Тверь* никогда не былъ обширнѣе и красивѣе Москвы, хотя издревле славился красотою своею. Доказательствомъ сему служитъ старинная пословица, безъ сомнѣнія извѣстная каждому изъ читателей нашихъ: Тверь городокъ — Москвы уголокъ.

36.) Рамузіо въ примѣчаніи своемъ объясняетъ, что Княжество *Шухерцонское* есть Юрьевъ Польскій, а Княжество *Рубенское* — Стародубъ (Strub); но что такое Княжество *Шаховенское, Цубенцувожское* (Рамузіо въ примѣчаніи называетъ его Subaschi) и *Климское*, — отгадать весьма трудно; ибо Авторъ не означаетъ Географическаго положенія сихъ Княжествъ, по которому можно бы было догадаться: о какихъ именно областяхъ Московскаго Государства говоритъ онъ.

37.) Къ *Суздалю*, какъ мы выше объяснили, прилегала ближе Казанская нежели Ногайская орда. Княжество Суздальское, вмѣстѣ съ Нижнимъ-Новгородомъ, присоединено къ владѣніямъ Великаго Князя Московскаго при Василіѣ Дмитріевичѣ, отцѣ Василія Темнаго, въ 1392 году (см. Кар. И. Г. Р. Т. V. стр. 131).

38.) *Казанская орда* не была еще подвластна Россіи въ Княженіе Василія Іоанновича. Честь покоренія сего Царства предоставлена была сыну его Іоанну Грозному. (см. пр. 74 къ І. Барбаро).

39.) Здѣсь очевидно Авторъ говоритъ о *крещеніи Перми*, событіи важномъ въ нашей церковной Исторіи и случившемся въ Княженіе Димитрія Іоанновича Донскаго, въ 1389 году. Юный монахъ, по имени Стефанъ, сынъ Устюжскаго Церковника, пылая благороднымъ желаніемъ присоединить новыя племена къ паствѣ Христовой, обратилъ взоръ свой на дикихъ жителей отдаленной Перми. Съ этою цѣлію выучился онъ языку Пермскому; изобрѣлъ для него новыя, особенныя письмена; перевелъ главныя наши церковныя книги и испро-

сивъ благословеніе Герасима, Епископа Коломенскаго, отправился къ Пермякамъ съ теплою вѣрою и съ полною надеждою озарить этихъ дикихъ сыновъ сѣвера свѣтомъ истиннаго ученія. Счастливый и почти неожиданный успѣхъ увѣнчалъ святый подвигъ Стефана. Онъ вскорѣ снискалъ любовь и уваженіе Пермяковъ, сокрушилъ языческіе кумиры, составлявшіе предметъ богопочитанія для сихъ народовъ, построилъ Христіанскія церкви, училъ, благодѣтельствовалъ новую паству свою, ходатайствовалъ за нее у Правительства и, возвратившись въ Москву, преставился въ 1396 году съ названіемъ Святаго и былъ погребенъ въ Церкви Преображенія. Преемниками его въ Пермскомъ Епископствѣ были Исакій и Питиримъ. Послѣдній изъ нихъ содѣлался жертвою ревности своей къ вѣрѣ Господней. Дикіе народы, сосѣдственные съ Пермяками, ненавидя новыхъ Христіанъ, тревожили ихъ частыми набѣгами, а въ 1455 году Асыкъ, Князь Вогуличей, напавъ на берега Вычегды, вмѣстѣ съ другими плѣнниками захватилъ Питирима и злодѣйски умертвилъ его. Пермь была окончательно покорена Россіи въ Княженіе Іоанна Васильевича III, въ 1472 году (см. Царств. Лѣтоп. стр. 350 и Кар. И. Г. Р. Т. V стр. 115 и 358 и Т. VI стр. 50).

40.) Объясненіемъ названія Versura обязаны мы Рамузіо. Источники *Днѣпра* находятся Смоленской губерніи, Бѣльскаго уѣзда, въ дачахъ села Городки, неподалеку отъ истоковъ Двины и Волги.

41.) *Двина*, какъ мы уже выше объяснили, не касается стѣнъ Пскова и впадаетъ въ Балтійское море въ 15 верстахъ отъ Риги, при Динаминдѣ.

42.) Нѣкоторые изъ древнихъ писателей полагали, что Танаисъ или *Донъ* изливается въ Черное море и почитали море Азовское только нижними частями сей рѣки (см. Брут. Земл. Древ. Свѣта. Т. II. стр. 508). О значеніи слова Донъ смотри прим. 24 къ І. Барбаро.

43.) Въ подлинникѣ сказано: è maggior più del terzo dei fiumi della nostra Europa.

44.) Источники *Волги*, равно какъ и источники Двины, находятся въ Тверской Губерніи.

45.) Волга, какъ уже было объяснено въ прим. 48 къ А. Контарини, впадаетъ въ Каспійское море 70 рукавами.

46.) П. Іовій также утверждаетъ, что во всей Россіи нѣтъ горъ и почитаетъ Рифейскій (Уральскій) хребетъ существовавшимъ только въ воображеніи древнихъ космографовъ.

47.) Герцинскій лѣсъ (отъ Нѣмецкаго слова Harz или Hartwald) простирался въ древности, по свидѣтельству Юлія Цезаря, отъ границъ земли Гельветовъ, Неметовъ и Равраковъ, по теченію Дуная, до предѣловъ Дакіи, откуда поворачивалъ влѣво въ страны, отдаленныя отъ сей рѣки, и по своей обширности касался предѣловъ разныхъ народовъ. Плиній, Страбонъ, Помпоній Мела, Тацитъ и другіе Римскіе Писатели также упоминаютъ объ немъ.

48.) См. П. Іовія стр. 39.

49.) Первые серебряные рудники открыты были въ землѣ Печорской въ Княженіе Іоанна III, въ 1491 году, и съ той поры предки наши начали уже чеканить монету изъ своего серебра. (См. Кар. И. Г. Р. Т. VI. стр. 226.)

50.) Мы уже замѣтили въ предувѣдомленіи нашемъ, что повѣствованіе А. Кампензе о нравахъ Московитянъ весьма различествуетъ отъ показаній современныхъ ему и даже позднѣйшихъ западныхъ писателей. — Изображеніемъ богобоязливости и добродѣтелей предковъ нашихъ Авторъ видимо желалъ еще болѣе преклонить Климента VII къ союзу политическому и религіозному съ Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ.

51.) Причащеніе изъ собственныхъ рукъ дозволяется у насъ только Священнослужителямъ. Вѣроятно тѣ путешественники, со словъ которыхъ Кампензе написалъ свое сочиненіе, приняли раздаваніе освященный просфоры и теплоты послѣ причастія за самое таинство причащенія.

52.) Великій Князь Василій Іоанновичъ, какъ мы уже замѣтили въ предувѣдомленіи, не только не искалъ присоединенія къ Латинской церкви, но даже постоянно отклонялъ всѣ предложенія, дѣлаемыя ему по сему предмету Римскимъ Дворомъ. Доказательствомъ сего служитъ самый отвѣтъ его, приведенный нами въ концѣ означеннаго предувѣдомленнія.

53.) Авторъ очевидно говоритъ здѣсь о *соборѣ Флорентійскомъ*, событіи, важномъ въ Исторіи церковной и тщательно сохраненномъ лѣтописцами нашими. Карамзинъ въ своей Исторіи Государства Россійскаго (Т. V. стр. 275 — 98) превосходно изобразилъ причины, слѣдствія и самый ходъ этого событія, — и потому мы почли за лучшее привести здѣсь самое описаніе почтеннаго Исторіографа.

«Митрополитъ Фотій, говоритъ онъ, преставился въ 1431 году. Шесть лѣтъ послѣ смерти его Церковь наша сиротствовала безъ главы отъ внутреннихъ смятеній Государства Московскаго. Сими обстоятельствами думалъ воспользоваться Митрополитъ Литовскій, Герасимъ, и старался подчинить себѣ Епископовъ Россіи, но безъ успѣха; онъ посвятилъ въ Смоленскѣ только Новгородскаго Архіепископа, Евфимія; другіе не хотѣли имѣть съ нимъ никакого дѣла. Наконецъ Василій (Темный) созвалъ Святителей и велѣлъ имъ назначить Митрополита: всѣ единодушно выбрали знаменитаго Іону, Архіерея Рязанскаго. Но выборъ этотъ не имѣлъ желанныхъ слѣдствій; ибо Константинопольскій Патріархъ, еще до прибытія Іоны въ Царьградъ, посвятилъ намъ въ Митрополиты Грека Исидора, родомъ изъ Ѳессалоники, славнѣйшаго Богослова, равно искуснаго въ языкѣ Греческомъ и Латинскомъ, хитраго, гибкаго, краснорѣчиваго. Исидоръ не за долго до сего времени былъ въ Италіи и снискалъ любовь Папы: вѣроятно даже, что онъ по согласію съ нимъ домогался власти надъ

Россійскою Церковію, дабы тѣмъ лучше способствовать важнымъ намѣреніямъ Рима, о коихъ теперь говорить будемъ.»

«Супругъ Княжны Московской, Анны, Іоаннъ Палеологъ, царствовалъ въ Константинополѣ, непрестанно угрожаемомъ силою Турецкою; лишенный едва не всѣхъ областей славной Державы своихъ предковъ — стѣсненный въ столицѣ, и на берегахъ самаго Воспора видя знамена Амуратовы — сей Государь искалъ покровителя въ Римскомъ Первосвященникѣ, коего воля хотя уже не была закономъ для Государей Европы, однакожь могла еще дѣйствовать на ихъ Совѣты. Старецъ умный и честолюбивый, Евгеній IV, сидѣлъ тогда на Апостольскомъ престолѣ: онъ именемъ Св. Петра обѣщалъ Императору Іоанну воздвигнуть всю Европу на Турковъ, если Греки мирно, безпристрастно разсмотрѣвъ Догматы обѣихъ Церквей, согласятся во мнѣніяхъ съ Латинскою, чтобы навѣки успокоить совѣсть Христіанъ и быть единымъ стадомъ подъ началомъ единаго Пастыря. Евгеній требовалъ не безмолвной покорности, но торжественнаго прѣнія: истина, объясненная противорѣчіями, долженствовала быть общимъ уставомъ Христіанства. Императоръ совѣтовался съ Патріархами. Еще древнія предубѣжденія сильно отвращали ихъ отъ духовнаго союза съ надменнымъ Римомъ; но Амуратъ II уже измѣрялъ окомъ Царьградъ какъ свою добычу: предубѣжденія умолкли. Положили, да будетъ *осьмый* Соборъ Вселенскій въ Италіи. Тамъ, кромѣ Царя и знатнѣйшаго Духовенства обѣихъ Церквей, надлежало собраться всѣмъ Государямъ Европы въ духѣ любви Христіанской; тамъ Іоаннъ Палеологъ, вступивъ съ ними въ братскій союзъ единовѣрія, долженствовалъ убѣдительно представить имъ опасности своей Державы и Церкви православной, гремя въ ихъ слухъ именемъ Христа и Константина Великаго; успѣхъ могъ ли казаться сомнительнымъ? Евгеній ручался за оный, и сдѣлалъ еще болѣе: взялъ на себя всѣ расходы, коихъ требовало путешествіе Императора и Духовенства Греческаго въ Италію: ибо Византія, нѣкогда гордая и богатая, уже не стыдилась тогда жить милостынею иноплеменниковъ. Вооруженныя суда Евгеніевы явились въ пристани Царяграда: Императоръ съ братомъ своимъ, Димитріемъ Деспотомъ, съ

Константинопольскимъ Патріархомъ Іосифомъ и съ семью стами первѣйшихъ сановниковъ Греческой Церкви, славныхъ ученостію или разумомъ, сѣли на оныя (24 Ноября 1437 года) въ присутствіи безчисленнаго множества людей, которые громогласно желали имъ, чтобы они возвратились съ миромъ церковнымъ и съ воинствомъ Крестоносцевъ для отраженія невѣрныхъ.»

«Между тѣмъ Іона возвратился въ свою Рязанскую Епархію, хотя безполезно съѣздивъ въ Грецію, но обласканный Царемъ и Патріархомъ, которые, отпуская его съ честію, сказали ему: «жалѣемъ, что мы ускорили поставить Исидора, «и торжественно обѣщаемъ тебѣ Россійскую Митрополію, ко«гда она вновь упразднится.» За нимъ прибылъ въ Москву и новый Митрополитъ, не только именемъ, но и дѣломъ Іерархъ *всей Россіи:* ибо Герасима Смоленскаго уже не было. Задобренный ласковыми письмами Царя и Патріарха, Василій встрѣтилъ Исидора со всѣми знаками любви, дарилъ, угощалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ; но изумился, свѣдавъ, что Митрополитъ намѣренъ ѣхать въ Италію. Сладкорѣчивый Исидоръ доказывалъ важность будущаго осьмаго Собора и необходимость для Россіи участвовать въ ономъ. Пышныя выраженія не ослѣпили Василія. Напрасно ученый Грекъ описывалъ ему величіе сонма, гдѣ Востокъ и Западъ, устами своихъ Царей и Первосвятителей, изрекутъ неизмѣняемыя правила Вѣры. Василій отвѣтствовалъ: «Отцы и дѣды наши не хотѣли слышать «о соединеніи Законовъ Греческаго и Римскаго; я самъ не «желаю сего. Но если мыслишь иначе, то иди; не запрещаю «тебѣ. Помни только чистоту Вѣры нашей и принеси оную съ «собою!» Исидоръ клялся не измѣнять Православію, и въ 1437 году, Сентября 8, выѣхалъ изъ Москвы съ Епископомъ Суздальскимъ Авраміемъ, со многими духовными и свѣтскими особами, коихъ число простиралось до ста. Сіе *первое* путешествіе Россіянъ въ Италію описано однимъ изъ нихъ съ великою подробностію (см. Древ. Россій. Вивліѳ. Т. VI. стр. 27): сообщимъ здѣсь нѣкоторыя обстоятельства онаго.»

«Новгородскій Архіепископъ Евѳимій, бывъ тогда въ Москвѣ, проводилъ Исидора до своей Епархіи; а Князь Тверскій, Борисъ, послалъ съ нимъ въ Италію Вельможу Ѳому. Митро-

политъ отъ Вышняго Волочка плылъ рѣкою Мстою до Новагорода, гдѣ, равно какъ и во Псковѣ, Духовенство и гражданство изъявило усердную къ нему любовь дарами и пиршествами. Доселѣ онъ казался ревностнымъ наблюдателемъ всѣхъ обрядовъ Православія; но выѣхавъ изъ Россіи, немедленно обнаружилъ соблазнительную наклонность къ Латинству. Встрѣченный въ Ливоніи Дерптскимъ Епископомъ и нашими Священниками (ибо въ семъ городѣ находились двѣ Русскія церкви), Исидоръ съ благоговѣніемъ приложился къ крестамъ Духовенства Католическаго, и потомъ уже къ образамъ Греческимъ: сопутники его ужаснулись, и съ того времени не имѣли къ нему довѣренности. Архіепископъ, чиновники Рижскіе также осыпали Митрополита ласками: веселили музыкою и пирами. Тамъ онъ получилъ письмо отъ Великаго Магистра Нѣмецкаго, учтивое, ласковое: сей знаменитый Властитель предлагалъ ему свои услуги и совѣты для безопаснаго путешествія чрезъ Орденскія владѣнія. Но Исидоръ сѣлъ въ Ригѣ на корабль, отправивъ болѣе двухъ сотъ лошадей сухимъ путемъ, и (19 Мая 1438 года) присталъ къ берегу въ Любекѣ, откуда чрезъ Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Эрфуртъ, Бамбергъ, Нюренбергъ Аугсбургъ и Тироль проѣхалъ въ Италію, вездѣ находя гостепріимство, дружелюбіе, почести, и вездѣ осматривая съ любопытствомъ не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбія, Искусствъ, ума гражданскаго. — Августа 18 прибылъ онъ въ Феррару.»

«Въ семъ городѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ ожидали его Императоръ и Папа, какъ Главу Россійской знаменитой Церкви, мужа ученѣйшаго и друга Евгеніева. Кромѣ духовныхъ сановниковъ, Кардиналовъ, Митрополитовъ, Епископовъ, тамъ находились Послы Трапезундскіе, Иверскіе, Арменскіе, Волошскіе; но, къ удивленію Іоанна Палеолога, не было ни Императора Нѣмецкаго, ни другихъ Вѣнценосцевъ Западныхъ. Латинская Церковь представляла тогда жалостное зрѣлище раздора; уже семь лѣтъ славный въ Исторіи *Соборъ Базельскій*, дѣйствуя независимо и въ противность Евгенію, смѣялся надъ его Буллами, давалъ Законы въ дѣлахъ Вѣры, обѣщалъ искоренить злоупотребленія духовной власти, и преклонилъ къ се-

бѣ почти всѣхъ Государей Европейскихъ, которые для того отказались участвовать въ Италіанскомъ Соборѣ. Однакожь засѣданія начались съ великою торжественностію въ Феррарѣ, въ церкви Св. Георгія, послѣ долговременнаго спора между Императоромъ Іоанномъ и Папою о мѣстахъ: Евгеній желалъ сидѣть среди храма, какъ Глава Вѣры, Іоаннъ же хотѣлъ самъ предсѣдательствовать, подобно Царю Константину во время Собора Никейскаго. Рѣшили тѣмъ, чтобы въ срединѣ церкви, противъ олтаря, лежало Евангеліе; чтобы на правой сторонѣ Папа занималъ первое, возвышенное мѣсто между Католиками, а ниже его стоялъ тронъ для отсутствующаго Императора Нѣмецкаго; чтобы Іоаннъ сидѣлъ на лѣвой, также на тронѣ, но далѣе Папы отъ олтаря. Надлежало согласиться въ четырехъ мнѣніяхъ: 1) объ исхожденіи Св. Духа, 2) о чистилищѣ, 3) о квасныхъ просфорахъ, 4) о первенствѣ Папы. Съ обѣихъ сторонъ выбрали Ораторовъ: Римляне Кардиналовъ Альбергати, Іуліана, Епископа Родосскаго и другихъ; Греки трехъ Святителей, Марка Ефесскаго (мужа ревностнаго, велерѣчиваго), Исидора Россійскаго и юнаго Виссаріона Никейскаго, славнаго ученостію и разумомъ, но излишно уклоннаго въ разсужденіи Догматовъ Вѣры. Пятнадцать разъ сходились для прѣнія о Св. Духѣ; наши единовѣрцы утверждали, что Онъ исходитъ единственно отъ Отца; а Римляне прибавляли и *Сына*, ставя въ доказательство нѣкоторыя древнія рукописи Святыхъ Отцевъ, отвергаемыя Греками какъ подложныя. Умствовали, истощали всѣ хитрости богословской Діалектики и не могли согласиться въ сей части Символа: выраженіе Filioque оставалось камнемъ претыканія. Уже Марко Ефесскій гремѣлъ противъ Латинской ереси, и вмѣсто духовнаго братства ежедневно усиливался духъ раздора. Греки скучали въ отдаленіи отъ домовъ своихъ и жаловались на худое содержаніе: Евгеній также, не видя успѣха, скучалъ безполезными издержками, и въ концѣ зимы уговорилъ Императора переѣхать во Флоренцію, будто бы опасаясь язвы въ Феррарѣ, но въ самомъ дѣлѣ для того, что Флорентійцы дали ему не малую сумму денегъ за честь видѣть Соборъ въ ихъ городѣ.

« Не льзя безъ умиленія читать въ Исторіи о послѣднихъ

тайныхъ бесѣдахъ Іоанна Палеолога, въ коихъ сей несчастный Государь изливалъ всю душу свою предъ Святителями Греческими и Вельможами, изображая съ одной стороны любовь къ Правовѣрію, а съ другой бѣдствія Имперіи и надежду спасти ее посредствомъ соединенія Церквей. «Думаю только о «благѣ отечества и Христіанства,» говорилъ онъ: «послѣ дол«говременнаго отсутствія возвратимся ли безъ успѣха, съ еди«нымъ стыдомъ и горестію? Не мышлю о своихъ личныхъ «выгодахъ: жизнь кратковременна, а дѣтей не имѣю; но безо«пасность Государства и миръ Церкви для меня любезны.» Митрополитъ Россійскій осуждалъ упрямство Марка Ефесскаго и другихъ Святителей, говоря: «лучше соединиться съ «Римлянами душею и сердцемъ, нежели безъ всякой поль«зы уѣхать отсюда: и куда поѣдемъ?» Виссаріанъ еще убѣдительнѣе представлялъ жалостное состояніе Имперіи. Наконецъ, по многихъ прѣніяхъ, Греки уступили, и согласились 1) что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына; 2) что опрѣснокъ и квасный хлѣбъ могутъ быть равно употребляемы въ священнодѣйствіи; 3) что души праведныя блаженствуютъ на небесахъ, грѣшныя страдаютъ, а среднія между тѣми и другими очищаются, *или* палимыя огнемъ, *или* угнетаемыя густымъ мракомъ, *или* волнуемыя бурею, *или* терзаемыя инымъ способомъ; что всѣ люди тѣлесно воскреснутъ въ день суда и явятся предъ судилищемъ Христовымъ, дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ; 4) что Папа есть Намѣстникъ Іисуса Христа и Глава Церкви; что Патріархъ Константинопольскій занимаетъ вторую степень, и такъ далѣе. 6 Іюля (1439 года) было послѣднее засѣданіе Собора въ Каѳедральномъ храмѣ Флорентійскомъ, гдѣ обѣ Церкви совокупили торжественность и великолѣпіе своихъ обрядовъ, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на сердца людей. Въ присутствіи безчисленнаго народа, между двумя рядами Папскихъ тѣлохранителей, вооруженныхъ палицами, одѣтыхъ въ латы серебряныя и держащихъ въ одной рукѣ пылающія свѣчи, Евгеній служилъ Обѣдню; гремѣла музыка Императорская; пѣли славу Вседержителя на языкѣ Греческомъ и Латинскомъ. Папа, воздѣвъ руки на небо, проливалъ слезы радости, и величественно благословивъ Царя, Князей, Епи-

скоповъ, чиновниковъ Республики Флорентійской, велѣлъ Кардиналу Іуліану и Архіепископу Виссаріону читать съ амвона *хартію соединенія*, написанную слѣдующимъ образомъ: «Да веселятся небеса и земля! Разрушилось сре»достѣніе между Восточною и Западною Церковію; миръ «возвратился на краеугольный камень Христа; два народа со«ставляютъ уже единый; мрачное облако скорби и раздора «исчезло; тихій свѣтъ вожделеннаго согласія сіяетъ паки. Да «ликуетъ мать наша, Церковь, видя чадъ своихъ, послѣ дол«говременнаго разлученія, вновь совокупленныхъ любовію; «да благодаритъ Всемогущаго, Который осушилъ ея горькія «объ нихъ слезы. А вы, вѣрные сыны міра Христіанскаго, бла«годарите мать вашу, Церковь Каѳолическую, за то, что От«цы Востока и Запада не устрашились опасностей пути даль«няго, и великодушно сносили труды, дабы присутствовать на «семъ святомъ Соборѣ и воскресить любовь, коея уже не бы«ло между Христіанами.» Слѣдуютъ упомянутыя статьи примиренія и согласія въ Догматахъ Вѣры, подписанныя Евгеніемъ, осмью Кардиналами, двумя Патріархами Латинскими (Іерусалимскимъ и Градскимъ), осмью Архіепископами, пятидесятью Епископами и другими сановниками; а отъ имени Грековъ Императоромъ, тремя Мѣстоблюстителями престоловъ Патріаршихъ (ибо Іосифъ, Патріархъ Константинопольскій, скончался за нѣсколько до того во Флоренціи), семнадцатью Митрополитами, Архіепископами и всѣми бывшими тамъ Святителями, кромѣ одного Марка Ефесскаго, неумолимаго старца, презрителя угрозъ и корысти. Свѣдавъ, что сей твердый мужъ не подписалъ хартіи, Папа гнѣвно воскликнулъ: «и такъ «мы ничего не сдѣлали!» и требовалъ, чтобы Императоръ или принудилъ его къ согласію, или наказалъ какъ ослушника; но Марко тайнымъ отъѣздомъ спасся отъ гоненія.»

«Выгоды, пріобрѣтенныя уступчивостію Грековъ, состояли для нихъ въ томъ, что Евгеній далъ имъ нѣсколько тысячъ флориновъ, обязался прислать въ Константинополь 300 воиновъ съ двумя галерами для охраненія сей столицы, и въ случаѣ нужды обѣщалъ Іоанну именемъ Государей Европейскихъ гораздо сильнѣйшее вспоможеніе. Греки хотѣли еще, чтобы

толпы богомольцевъ, ежегодно отправляясь изъ Европы моремъ въ Палестину, всегда приставали въ Царѣградѣ для выгоды тамошнихъ жителей: Папа включилъ и сію статью въ договоръ; наконецъ съ великою честію отпустилъ Императора, который, бывъ два года въ отсутствіи, возвратился въ Грецію оплакать безвременную кончину своей юной супруги, и видѣть общій мятежъ Духовенства. Узнавъ происшедшее на Флорентійскомъ Соборѣ, оно раздѣлилось во мнѣніяхъ: нѣкоторые хотѣли держаться его постановленій; другіе, и большая часть, вопили, что истинная Церковь гибнетъ, и что не Пастыри вѣрные, но измѣнники, ослѣпленные златомъ Римскимъ, заключили столь беззаконный, столь унизительный для Грековъ союзъ съ Папою; что одинъ Марко Ефесскій явилъ себя достойнымъ служителемъ Христовымъ и проч. Сіи послѣдніе одержали верхъ. Вопреки Императору и новому Патріарху Митрофану, ревностному защитнику Соединенія, народъ бѣжалъ изъ храмовъ, гдѣ священнодѣйствовали ихъ единомышленники, оглашенные еретиками, отступниками, такъ, что не смотря на усилія Папы Евгенія и преемника его, не смотря на явную, неминуемую погибель своего отечества, Греки захотѣли лучше умереть, нежели согласиться на исхожденіе Св. Духа отъ Сына, на опрѣсноки и чистилище. Достопамятный примѣръ твердости въ богословскихъ мнѣніяхъ! Впрочемъ сомнительно, чтобы Папа могъ тогда спасти Имперію, если бы Восточная Церковь и покорилась его духовной власти. Вѣки Крестовыхъ ополченій миновали; ревностный духъ Христіанскаго братства уступилъ мѣсто малодушной Политикѣ въ Европѣ: каждый изъ Вѣнценосцевъ имѣлъ свою особенную государственную систему, искалъ пользы во вредѣ другихъ и недовѣрялъ имъ. Нѣмецкая земля, бывъ ѳеатромъ жестокой войны, произведенной расколомъ Іоанна Гусса, болѣе и болѣе слабѣла въ долговременное, ничтожное царствованіе Фридерика III. Англія и Франція съ величайшимъ усиліемъ боролись между собою. Испанія, еще раздѣленная, не простирала мыслей своихъ далѣе собственныхъ ея предѣловъ. Португаллія занималась единственно мореплаваніемъ и новыми открытіями въ Африкѣ: Италія церковными дѣлами, торговлею и внутренними распрями.

Данія и Швеція, бѣдныя людьми и деньгами, соединялись на краткое время ко вреду обоюдно, и непрестанно опасаясь другъ друга, не мѣшались въ дѣла иныхъ Державъ Европейскихъ. Только Венгрія и Польша нѣсколько времени бодрствовали на берегахъ Дуная, изъявляя ревность противиться успѣхамъ Амуратова оружія; но Варнская битва, столь несчастная для Короля Владислава, на долго отвратила ихъ отъ войны съ мужественными Турками. Еще духовная власть сильно дѣйствовала надъ умами и въ Совѣтахъ государственныхъ; но уже не имѣла прежняго единства. Мнимая божественность Папъ исчезла; Соборы, Костницкій и Базельскій, судили и низвергали ихъ. Сіи шумные сонмы Церковной Аристократіи издали готовили паденіе духовной и совершенную независимость мірской власти. Іерархи разныхъ земель уже разнствовали и въ мысляхъ, во многихъ отношеніяхъ предпочитая особенныя выгоды своихъ Государствъ Папинымъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Европы могъ ли Евгеній ручаться за единодушіе Вѣнценосцевъ ея, чтобы сокрушить Оттоманскую Державу, или погибнуть на берегахъ Воспора для спасенія Византіи? Устрашенные побѣдами Амурата и Магомета II, Государи Западные трепетали въ бездѣйствіи. Тщетно Герой Албаніи, знаменитый Скандербергъ, давалъ имъ примѣръ великодушія, одинъ съ горстію людей отражая многочисленное воинство Султанское: ни мало не способные подражать ему, они не стыдились вовлекать его въ ихъ собственныя междоусобія, къ удовольствію невѣрныхъ. — Однимъ словомъ, Іоаннъ Палеологъ не только не успѣлъ, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, и не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи, чтобы соединеніемъ двухъ Церквей отвратить конечную гибель Имперіи Греческой.»

«Главныя орудія сего мнимаго соединенія, Архіепископъ Виссаріонъ и Митрополитъ Исидоръ, были награждены отъ Папы Кардинальскими шапками: первый остался въ Италіи; вторый съ именемъ Легата Апостольскаго для всѣхъ земель сѣверныхъ отправился изъ Флоренціи 6 Сентября; сѣлъ на корабль въ Венеціи, переѣхалъ Адріатическое море и чрезъ Далмацію и Кроатскую землю прибылъ въ столицу Венгріи, въ Budинъ, откуда написалъ грамоты во всѣ подвѣдомыя ему Епар-

подвигъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Думѣ Кардиналовъ, еще именуясь *Россійскимъ;* а Великій Князь, съ согласія всѣхъ Епископовъ, вторично избравъ Іону въ Митрополиты, (въ 1443 году) отправилъ Боярина Полуехта въ Константинополь съ грамотою къ Царю и Патріарху, въ коей описываетъ всю исторію нашего Христіанства со временъ Владиміра, и говоритъ далѣе: «По кончинѣ блаженнаго Фотія земля Русская «нѣсколько лѣтъ оставалась безъ духовнаго Пастыря, волнуе-«мая нашествіемъ варваровъ и внутреннимъ междоусобіемъ: на-«конецъ мы послали къ вамъ Епископа Рязанскаго, Іону, му-«жа отъ юныхъ лѣтъ благочестиваго и добродѣтельнаго, желая, «да поставите его въ Митрополиты; но вы, или отъ замедленія «нашего, или слѣдуя единственно прихоти самовластія, дали «намъ Исидора. Богу извѣстно, что я долго колебался и мы-«слилъ отвергнуть его; но ласковая грамота Патріархова, мо-«леніе Посла вашего и сладкорѣчивое смиреніе Исидорово «тронули мое сердце . . . Когда же онъ, вопреки своей клят-«вѣ, измѣнилъ Православію: тогда мы созвали боголюбивыхъ «Святителей нашей земли, да изберутъ новаго достойнѣйшаго «Митрополита, какъ и прежде въ чрезвычайныхъ случаяхъ у «насъ бывало. Но хотимъ соблюсти обрядъ древній: требуемъ «твоего Царскаго согласія и Патріаршаго благословенія, увѣ-«ряя васъ, что никогда произвольно не отлучимся отъ Церкви «Греческой доколѣ стоитъ Держава Русская. И такъ ожида-«емъ, что вы исполните мое прошеніе и не замедлите увѣдо-«мить насъ о вашемъ здравіи, да возвеселимся духомъ нынѣ и «присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.» Сей Посолъ не доѣхалъ до Константинополя: ибо Василій велѣлъ ему возвратиться, свѣдавъ тогда, какъ говоритъ Лѣтописецъ, совершенное отступленіе Императора Греческаго отъ истинной Вѣры. Съ того времени Іона первенствовалъ, кажется, въ дѣлахъ нашей Церкви, хотя еще и не былъ торжественно признанъ ея Главою; а Епископы южной Россіи снова имѣли особеннаго Митрополита, посвященнаго въ Римѣ, именемъ Григорія Болгарина, ученика Исидорова, вмѣстѣ съ нимъ ушедшаго изъ Москвы. Они держались Флорентійскаго Соединенія, которое въ Литвѣ и въ Польшѣ доставило имъ всѣ выгоды и преимущества Ду-

ховенства Латинскаго, подтвержденныя въ 1443 году указомъ Владислава III. Преемникъ Владиславовъ, Казимиръ, даже уговаривалъ Великаго Князя признать Кіевскаго Іерарха Главою и Московскихъ Епископовъ, представляя, какъ вѣроятно, что духовное единоначаліе утвердитъ благословенный союзъ между сѣверною и южною Россіею; но Святители наши предали Григорія анаѳемѣ. Московская Митрополія осталась независимою, а Кіевская подвластною Риму, будучи составлена изъ Епархій Брянской, Смоленской, Перемышльской, Туровской, Луцкой, Владимірской, Полоцкой, Хельмской и Галицкой.

«Такія слѣдствія имѣлъ славный Соборъ Флорентійскій. Еще нѣсколько лѣтъ защитники и противники его писали, спорили, опровергали другъ друга; наконецъ бѣдствіе, постигшее Константинополь, пресѣкло и споры и долговременныя усилія властолюбиваго Рима для подчиненія себѣ Византійской Церкви. Духовенство же Московское, отвергнувъ соблазнъ, тѣмъ болѣе укрѣпилось въ Догматахъ Православія.»

54.) Евгеній IV не требовалъ отъ Русскихъ никакой дани, а просилъ только оставить Духовенству прежній оброкъ. — Несправедливо также и то, будто бы Великій Князь Василій Васильевичь по чьему либо убѣжденію остался вѣрнымъ Закону предковъ своихъ. Изъ предидущаго замѣчанія мы видѣли, что онъ дѣйствовалъ въ семъ дѣлѣ по собственному чувству.

55.) Изъ собственныхъ писемъ Короля Датскаго Іоанна къ Императору и Королю Французскому явствуетъ, что не Василій просилъ его о дозволеніи въ лицѣ своихъ Пословъ присутствовать при *Сеймѣ Латеранскомъ*, но что самъ Іоаннъ предлагалъ таковую мѣру Великому Князю (см. Кар. И. Г. Р. Т. VII. стр. 80 и пр. 152). Названіе Латеранскаго Сейма произошло отъ Латеранскаго дворца, въ которомъ онъ собирался.

56.) Рамузіо въ примѣчаніи своемъ называетъ его Эрикомъ или Эриціемъ, Епископомъ Модросіенскимъ (Ericio, Vescovo Modrosiense, huomo di età giovane).

57.) Папа *Левъ X*, сынъ знаменитаго Лаврентія Медичи, родился во Флоренціи въ 1475 году. На 8-мъ году отъ роду вступилъ онъ въ монашеское званіе, а на 14-мъ возведенъ уже былъ, по ходатайству родителя своего, въ Кардинальское досто-

ниство; но такъ какъ первымъ условіемъ сего возведенія было обязательство продолжать еще въ теченіе трехъ лѣтъ въ Пизѣ курсъ богословскихъ наукъ, то Лаврентій поручилъ воспитаніе юнаго Кардинала двумъ ученѣйшимъ мужамъ того времени: Греку Халкондиласу и знаменитому Анджело Полиціано. Въ 1492 году Левъ X занялъ уже свое мѣсто въ Конклавѣ, но вскорѣ долженъ былъ покинуть Римъ, ибо не могъ долѣе оставаться при дворѣ Папы Александра VI, коего выбору онъ противился. Удалившись во Флоренцію, онъ жилъ тамъ въ великой чести до тѣхъ поръ, пока изгнаніе изъ Тосканскихъ владѣній фамиліи Медичи не принудило и его искать убѣжища въ Болоньи. Въ 1499 году предпринялъ онъ путешествіе по Италіи и Франціи и возвратившись въ Римъ съ запасомъ новыхъ познаній, посвятилъ себя исключительно наукамъ и обществу Литтераторовъ и Художниковъ. Въ 1505 году началась политическая жизнь Льва X. Папа Юлій II назначилъ его Намѣстникомъ въ Перуджію, а въ 1511 году перевелъ съ титломъ Легата въ Болонью и поручилъ ему начальство надъ ратіею своею въ войнѣ Священнаго Союза противу Франціи. Это новое поприще было неудачно для Льва X. Въ битвѣ при Равеннѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ; но вскорѣ потомъ получилъ свободу. Возвратившись въ Болонью, вступилъ онъ въ управленіе симъ городомъ, въ качествѣ Папскаго Легата; потомъ переѣхалъ во Флоренцію, для ходатайства о возвращеніи фамиліи Медичи изъ изгнанія, и жилъ тамъ до самой кончины Папы Юлія X, случившейся въ 1513 году. Никакъ не ожидая, чтобы при выборѣ преемника умершему Первосвященнику, жребій палъ на него, онъ былъ крайне удивленъ, когда на 39 году отъ роду увидѣлъ на главѣ своей Папскую тіару. Первымъ попеченіемъ его, по вступленіи на престолъ Св. Петра, было уничтоженіе вліянія чужеземцевъ въ Италіи и прекращеніе распрей, въ Церкви Римской происходившихъ. Достигнувъ цѣли намѣреній своихъ, онъ посвятилъ себя преимущественно наукамъ и художествамъ, которыхъ былъ истиннымъ, верховнымъ покровителемъ. Ему обязанъ Римъ построеніемъ Церкви Св. Петра. Ему обязанъ ученый свѣтъ изданіемъ Тацитовыхъ Аналовъ и многихъ Греческихъ классиковъ. Наконецъ ему обязана Италія тѣми бле-

стящими успѣхами художествъ, которые поставили Римъ столицею всего художественнаго міра. Впрочемъ это постоянное покровительство, которое Левъ X оказывалъ Наукамъ и Искусствамъ, содѣлавъ имя его славнымъ въ Исторіи просвѣщенія, съ тѣмъ вмѣстѣ послужило для него источникомъ горькихъ политическихъ бѣдствій. Щедрость, съ каковою онъ награждалъ заслуги ученыя съ одной стороны, а съ другой безпрестанныя издержки, употребляемыя имъ на возвышеніе фамиліи Медичи, до такой степени истощили казну его, что для пополненія ея вынужденъ онъ былъ прибѣгнуть къ мѣрѣ ужасной: къ продажѣ Индулгенцій, возбудившей справедливое негодованіе всего Христіанскаго міра и бывшей главнѣйшимъ поводомъ къ Реформаціи. Исторія сего политическаго и религіознаго переворота извѣстна всякому, и потому мы не станемъ распространяться здѣсь о немъ. Замѣтимъ только, что Левъ X не могъ отклонить грозы, собиравшейся надъ Римскимъ престоломъ и умеръ въ 1521 году, занятый войною съ Франціею и готовя новое, но безполезное оружіе противу послѣдователей ученія Лютерова. Желающіе почерпнуть подробнѣйшія свѣденія о семъ Первосвященникѣ, замѣчательномъ и по характеру своему и по эпохѣ, въ которой онъ жилъ, могутъ найти оныя въ любопытномъ сочиненіи Роское, подъ заглавіемъ: Life and Pontificate of Leo the tenth. London 1806.

58.) Павелъ Іовій утверждаетъ то же самое, но Герберштейнъ полагаетъ противное: «Нѣкоторые пишутъ, говоритъ онъ, будто Московскій Князь домогался у Папы и у Императора Максимиліана достоинства и титула Королевскаго. Мнѣ кажется это невѣроятнымъ; ибо нѣтъ человѣка, къ коему бы онъ питалъ болѣе вражды, нежели къ Папѣ, котораго называетъ не иначе, какъ учителемъ (Doctor). Императора Римскаго онъ также ни сколько не ставитъ выше себя и даже въ грамотахъ велитъ писать свое имя прежде Императорскаго.» Доказательствомъ справедливости мнѣнія Герберштейна служитъ то, что въ Нѣмецкомъ переводѣ договорной грамоты, заключенной въ 1514 году въ Москвѣ между Максимиліаномъ и Василіемъ, вмѣсто слова Царь поставлено: Kayser, каковый титулъ конечно выше Королевскаго. «Этотъ переводъ, говоритъ

Карамзинъ, уцѣлѣвъ въ нашемъ Архивѣ, служилъ Петру Великому законнымъ свидѣтельствомъ, что самые предки его назывались Императорами, и что Австрійскій дворъ признавалъ ихъ въ семъ достоинствѣ. (См. Кар. И. Г. Р. Т. VII. стр. 57).

59.) *Перемиріе* на пять лѣтъ между Василіемъ и Сигизмундомъ заключено было въ Москвѣ 25 Декабря 1522 года, а въ Краковѣ Послы Русскіе ѣздили только съ перемирною грамотою, безъ всякихъ предложеній со стороны Великаго Князя. Даже во время пребыванія своего въ Краковѣ, они вели себя весьма надменно и, и какъ пишетъ Карамзинъ, два раза выходили изъ дворца отъ Королевскаго обѣда, дабы не сидѣть за столомъ вмѣстѣ съ Папскими, Цесарскими и Венгерскими Повѣренными въ дѣлахъ, почитая это несовмѣстнымъ съ достоинствомъ Великокняжескаго Посольства. Въ послѣдствіи, чрезъ посредничество Папы и Императора, означенное перемиріе было продолжено до 1533 года (см. Кар. И. Г. Р. Т. VII стр. 117 и 143).

60.) Съ 1309 года островъ *Родосъ* находился во власти рыцарей ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго; но въ 1522 году Гросмейстеръ сего ордена Вильеръ вынужденъ былъ уступить его знаменитому Солиману II и переѣхать со всѣми своими рыцарями на островъ Мальту.

61.) *Бѣлградъ* былъ завоеванъ Турками въ 1521 году.

62.) Первое Посольство Василія къ Императору Карлу V было отправлено въ 1522 году и поручено Подьячему Якову Полушкину, а второе въ 1524 году. Съ симъ послѣднимъ посланъ былъ Князь Иванъ Ярославскій-Засѣкинъ. Цѣлію обоихъ Посольствъ было не столько благо Христіанскаго міра, сколько желаніе Василія Іоанновича возбудить Императора противу Польскаго Короля Сигизмунда (см. Кар. И. Г. Р. Т. VII стр. 142 и прим. 290).

63.) Это настоящій смыслъ выраженія подлинника, извинительный впрочемъ ревностному Католику, писавшему именно въ ту эпоху, когда Реформація грозила Папскому престолу совершеннымъ паденіемъ.

IV.

ПАВЕЛЪ ІОВІЙ.

ПАВЛА ІОВІЯ

НОВОКОМСКАГО

Книга о Посольствѣ, отправленномъ Василіемъ Іоанновичемъ, Великимъ Княземъ Московскимъ, къ Папѣ Клименту VII, въ которой съ достовѣрностію описано положеніе страны, неизвѣстной древнимъ, религія и обычаи народа, равно какъ и цѣль посольства; между тѣмъ показаны заблужденія Страбона, Птоломея и другихъ Географовъ, упоминавшихъ о Рифейскихъ горахъ, существованіе коихъ въ наше время отвергнуто ясными доводами.

Переводъ съ Латинскаго.

М. Михайловскаго.

PAULI JOVII

NOVOCOMENSIS,

de Legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificem Max. Liber: in quo situs regionis antiquis incognitus, religio gentis, mores, et causae legationis fidelissime referuntur. Caeterum ostenditur error Strabonis, Ptolomaei, aliorumque Geographiae scriptorum, ubi de Riphaeis montibus meminere, quos hac aetate nusquam esse, plane compertum est.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

ОТЪ

ПЕРЕВОДЧИКА.

Павелъ Іовій Новокомскій, Епископъ Ноцерскій, знаменитый Историкъ XVI вѣка, родился въ Ломбардіи, въ городѣ Колѣ. Въ молодости занимался онъ Медициною, а потомъ Богословскими науками, и, поступивъ въ духовное званіе, возведенъ въ санъ Епископа при Климентѣ VII. Онъ умеръ во Флоренціи въ 1552 году и погребенъ въ церкви Св. Лаврентія. П. Іовій написалъ много историческихъ сочиненій, изъ коихъ замѣчательнѣйшія суть: Современная Исторія, Похвалы знаменитымъ мужамъ, Разсужденіе о надписяхъ и проч. Предлагаемое здѣсь твореніе его о посольствѣ Василія Іоанновича къ Папѣ Клименту VII заслужило ему уваженіе современниковъ, и Герберштейнъ, бывшій

лично знакомъ съ сочинителемъ, имѣлъ оное въ виду при составленіи своей книги. Сношенія Папы Климента VII съ Василіемъ Іоанновичемъ, заключавшія въ себѣ важную политическую цѣль, послужили поводомъ къ сему творенію и потому заслуживаютъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія.

Климентъ VII съ ужасомъ видѣлъ быстрые успѣхи послѣдователей Лютера. Только въ Испанію, Португалію и Ирландію не проникли еще въ то время сѣмена новаго ученія; все же прочее казалось навсегда потеряннымъ для Римскаго престола. Изыскивая всевозможныя средства къ поддержанію своего могущества и вліянія на Европу, и полагая, что соединеніе Восточной и Западной церквей могло имѣть (особенно въ эту эпоху) важныя послѣдствія, Климентъ обратилъ взоры свои на Россію.

Въ семъ предположеніи отправленъ былъ, какъ извѣстно, въ Москву, для переговоровъ, Капитанъ Павелъ, который однако возвратился въ Италію въ 1526 году безъ всякаго успѣха; равнымъ образомъ и по-

сольство нашего гонца Димитрія Герасимова, вмѣстѣ съ Павломъ отправившагося въ Римъ, не имѣло ожидаемыхъ Климентомъ послѣдствій; ибо ему дано было отъ Василія Іоанновича порученіе утвердить дружескія связи нашего Двора съ Папскимъ, но не болѣе; — о вѣрѣ не было ни слова (смотри Карамзина Истор. Госуд. Россійск. Т. VII. Глава III). И въ самомъ дѣлѣ что могло бы заставить умнаго и сильнаго Русскаго Государя отважиться на такое предпріятіе, которое не согласовалось ни съ правилами политики, ни съ собственнымъ его религіознымъ убѣжденіемъ, которое неминуемо нашло бы сопротивленіе въ твердомъ духѣ народа Русскаго, преданнаго вѣрѣ отцевъ, и слѣдовательно было бы гибельно при самомъ начинаніи своемъ и невозможно въ исполненіи? Папа обѣщалъ Василію титулъ Короля; но Цари наши считали себя выше Королей. Герберштейнъ говоритъ, что въ грамотахъ Василій ставилъ имя свое выше имени Императора.

Между тѣмъ Авторъ въ посвятитель-

номъ письмѣ своемъ къ Архіепископу Консентійскому прямо утверждаетъ, что Россія имѣла намѣреніе подчинить себя Папѣ, то есть, что она хотѣла добровольно нести то бремя, которое силилась тогда сбросить съ себя большая часть другихъ Европейскихъ Государствъ. Можно съ вѣроятностію полагать, что желаніе Архіепископа Руфа, въ угодность коему Іовій написалъ свое сочиненіе, было согласно съ желаніями Римской политики, или — лучше съ желаніями самаго Папы, который хотя видѣлъ несбыточность своихъ намѣреній касательно Россіи, но тѣмъ не менѣе хотѣлъ подѣйствовать на своихъ непріятелей ложнымъ слухомъ о прочномъ религіозномъ союзѣ съ могущественною Сѣверною Державою. Къ тому же Іовій любилъ писать по заказу и угодилъ перомъ своимъ не одному Европейскому Двору. Не смотря однако на сіе, сочиненіе его весьма важно для Исторіи; ибо съ одной стороны является какъ свидѣтельство критическаго положенія Римскаго Двора, перестававшаго уже въ то время

быть въ общественномъ мнѣніи властителемъ судьбы царствъ и народовъ, а съ другой показываетъ, какое важное мѣсто занимала Россія въ составѣ Европейскихъ Государствъ въ эту эпоху преобразованій, великихъ открытій и рожденія новой Исторіи. Что же касается до самаго содержанія творенія Павла Іовія, то въ немъ не встрѣчается ни лести, ни предубѣжденія, ничего подобнаго, тѣмъ болѣе, что въ разсказахъ остроумнаго Историка не рѣдко очень ясно просвѣчиваетъ духъ Русскаго повѣствователя. Правда что объ нашемъ вѣроисповѣданіи, обрядахъ, и духовенствѣ Іовій говоритъ какъ ревностный защитникъ Папскихъ мнѣній; но это обстоятельство вовсе не мѣшатеъ намъ достойно оцѣнить его тамъ, гдѣ онъ бываетъ вѣренъ исторической истинѣ.

Говоря о географическомъ положеніи Россіи и народахъ, ее населяющихъ, онъ иногда не столько заботится объ удовлетвореніи любознательности читателей своихъ на счетъ Государства, еще мало извѣстнаго Европѣ, (за что вдвое поблагода-

рили бы его современники и потомки) сколько увлекается желаніемъ, конечно свойственнымъ Историку (и особенно Историку того времени), повѣрять понятія древнихъ о народахъ, занимающихъ пространство, имъ описываемое. Отъ того то онъ заговаривается о Скиѳахъ, Готѳахъ, Гипербореяхъ, Сарматахъ и даже о баснословныхъ Пигмеяхъ, вмѣшиваетъ вовсе ненужную Исторію Баязета и наконецъ, въ слѣдствіе господствующей мысли своей, старается вездѣ, гдѣ только можно, удерживать древнія названія. —

М. М.

ІОАННУ РУФУ,

АРХІЕПИСКОПУ КОНСЕНТІЙСКОМУ.

Ваше Высокопреосвященство!

Вы изъявили желаніе имѣть на Латинскомъ языкѣ описаніе нравовъ Московитянъ, заимствованное мною изъ ежедневныхъ бесѣдъ съ Димитріемъ, прибывшимъ недавно къ Папѣ Клименту VII-му въ качествѣ Московскаго посла. По мнѣнію Вашему, основанному на благочестіи и добродѣтели, отличавшими Васъ съ юныхъ лѣтъ, могущество Римскаго Первосвященника должно еще болѣе возрасти въ глазахъ народовъ, если они узнаютъ, что не какой нибудь вымышленный или неизвѣстный Царь, но повелитель многочисленныхъ племенъ, обитающихъ на Сѣверовостокѣ, въ самое благопріятное для него время, обнаружилъ желаніе принять догматы нашей вѣры и вступить съ нами въ вѣчный союзъ, тогда какъ нѣкоторые Германскіе народы, превосходившіе, какъ казалось, благочестіемъ всѣ другія племена, увлекшись пагубнымъ заблужденіемъ, въ нечестіи и безуміи отпали не только отъ нашего вѣроисповѣданія, но даже и отъ самаго Бога. — Не смотря на множество и

важность другихъ моихъ занятій, могущихъ служить мнѣ достаточнымъ извиненіемъ, я охотно и притомъ съ возможною скоростію поспѣшилъ исполнить желаніе ваше, опасаясь, чтобы отъ продолжительнаго медленія и слишкомъ тщательной отработки самый предметъ мой не лишился новости и занимательности. Да послужитъ рвеніе мое знакомъ глубочайшаго моего къ Вамъ уваженія и всегдашней готовности исполнять волю Вашу. Я охотнѣе соглашусь понести безславіе, если таковый удѣлъ готовитъ мнѣ несовершенство труда моего, нежели обмануть лестное для меня ожиданіе Ваше.

Павелъ Іовій Новокомскій.

ПОСОЛЬСТВО

ОТЪ

ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МОСКОВСКАГО, КЪ ПАПѢ КЛИМЕНТУ VII-му.

Планъ сего сочиненія.

Прежде всего намѣрены мы описать вкратцѣ положеніе страны, повидимому весьма мало извѣстной Плинію, Страбону и Птоломею, и представить оное на чертежѣ [1]), а потомъ уже приступимъ къ краткому изображенію нравовъ жителей, ихъ богатства, религіи и военныхъ постановленій, подражая въ семъ случаѣ Тациту, представившему нравы Германцевъ отдѣльно отъ общей Исторіи; причемъ мы постараемся удержать ту же простоту, съ каковою разсказывалъ намъ все здѣсь предлагаемое въ свободное время самъ Дими-

трій, вынужденный къ тому нашими докучливыми и ласковыми распросами. Димитрій хорошо владѣетъ Латинскимъ языкомъ; ибо еще въ юныхъ лѣтахъ получилъ первое образованіе свое въ Ливоніи и отправлялъ нѣсколько разъ важную должность посланника во многихъ Христіанскихъ Государствахъ. Показавъ на опытѣ ревность свою къ пользамъ отечества и особенную дѣятельность при дворахъ Королей Шведскаго и Датскаго и у Великаго Магистра Прусскаго, онъ въ недавнемъ времени былъ отправленъ Посломъ ко двору Императора Максимиліана, гдѣ, окруженный людьми всякаго рода и обращаясь безпрестанно въ кругу общества образованнаго, удобно могъ очистить правильный и гибкій умъ свой отъ всего, что еще оставалось въ немъ грубаго.

Причина посольства.

Первоначальнымъ поводомъ къ сему посольству былъ Генуэзскій Капитанъ Павелъ, который прибывъ въ Москву, по торговымъ дѣламъ, съ Грамотою отъ Папы Льва X, вступилъ самъ собою съ приближенными Князя Василія въ переговоры о соединеніи обѣихъ церквей. Будучи отъ природы характера смѣлаго и предпріимчиваго, Павелъ задумалъ искать какого то новаго и невѣроятнаго пути для провоза изъ Индіи благовонныхъ и пряныхъ товаровъ. Занимаясь торговыми дѣлами въ Сиріи, Египтѣ и Понтѣ, услышалъ онъ, что товары сіи мо-

жно провозить изъ Восточно-Индійскаго полуострова сначала вверхъ по рѣкѣ Инду, а потомъ сухимъ путемъ чрезъ хребетъ Паропамизъ въ рѣку Оксъ, протекающую въ Бактріанѣ. Рѣка сія выходитъ изъ однихъ почти горъ съ Индомъ и, взявъ противоположное ему направленіе, принимаетъ на себя многія другія рѣки и впадаетъ въ Гирканское море [2]) при портѣ Стравѣ [3]). Отъ Стравы, по мнѣнію Павла, лежитъ безопасный и удобный путь моремъ къ торговому городу Цитрахъ [4]) и къ устьямъ Волги; потомъ вверхъ по рѣкамъ Волгѣ, Окѣ и Москвѣ до города Москвы; далѣе отъ сего города сухимъ путемъ до Риги и наконецъ изъ Риги въ Сарматское Море, откуда можно свободно пройти во всѣ западныя Государства.

Павелъ негодовалъ на Португальцевъ за то, что они покоривъ оружіемъ большую часть Индіи и занявъ всѣ торговые рынки, одни скупали благовонія Востока и отправляли ихъ въ Испанію, гдѣ по непомѣрнымъ цѣнамъ продавали Европейцамъ; флотъ ихъ безпрестанно сторожилъ берега Индійскаго моря, отъ чего производившаяся доселѣ во всей Азіи и Европѣ съ большими выгодами торговля чрезъ Персидскій заливъ, Евфратъ, Аравійское море, Нилъ и наше море почти вовсе прекратилась. Кромѣ того товары, привозимые Португальцами, были гораздо хуже преж-

нихъ. Продолжительное плаваніе и сырость въ корабляхъ вредили благовоніямъ, такъ что они, оставаясь долгое время за недостаткомъ покупателей въ Лиссабонскихъ кладовыхъ, теряли свою силу, вкусъ и запахъ и почти совершенно выдыхались. Португальцы сверхъ того старались сбывать только старый товаръ, уже заплеснѣвшій, оставляя свѣжій въ своихъ кладовыхъ.

Хотя Павелъ, желая возбудить общую ненависть противъ Португальцевъ, въ ожесточеніи своемъ утверждалъ, что, по открытіи новаго пути, пошлины, съ товаровъ взимаемыя, значительно увеличатъ казну Царскую, и пряности, употребляемыя во множествѣ Московитянами во всѣхъ ихъ яствахъ, сдѣлаются гораздо дешевле; однако предложеніе его не было принято. Василій почелъ неприличнымъ открыть человѣку неизвѣстному, и притомъ иноземцу, области, служащія путемъ къ морю Каспійскому и въ Персію, и потому Павелъ, не достигнувъ цѣли намѣреній своихъ и изъ купца сдѣлавшись Посломъ, возвратился въ Италію уже по смерти Льва X и вручилъ преемнику его Папѣ Адріану грамату Василія, въ которой сей послѣдній въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ изъявлялъ Римскому Первосвященнику искреннѣйшее свое расположеніе. Нужно объяснить, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ

во время войны Московитянъ съ Поляками, Василій просилъ сеймъ Латеранскій [5]), чрезъ Короля Датскаго Іоанна (коего сынъ Христіернъ въ недавнемъ времени лишенъ престола), доставить посламъ Московскимъ безопасный проѣздъ въ Римъ; но такъ какъ Король Іоаннъ и Папа Юлій умерли едва ли не въ одинъ и тотъ же день, то Василій, лишившись въ первомъ изъ нихъ дѣятельнаго посредника, отложилъ предначѣренное имъ посольство. Тѣмъ временемъ война между Василіемъ и Королемъ Польскимъ Сигизмундомъ все болѣе и болѣе разгоралась, и когда она окончилась побѣдою, одержанною Поляками при Борисѳенѣ, то въ Римѣ повелѣно было отправлять благодарственныя молебствія, какъ будто бы побѣда надъ Московитянами была побѣдою надъ врагами Христіанства. Поступокъ этотъ весьма много отдалилъ Царя Василія и его народъ отъ Папы.

Вторичное путешествіе Павла въ Москву.

Между тѣмъ вскорѣ послѣ сего Папа Адріанъ VI умеръ и на мѣсто его вступилъ на престолъ Климентъ VII. Узнавъ, что Павелъ, все еще не престававшій питать безразсудной надежды на открытіе новаго пути на Востокъ, готовится ко второму путешествію въ Москву, Климентъ снабдилъ его грамотою къ Василію, въ коей убѣждалъ сего послѣдняго признать надъ собою владычество Западной Церкви и, по обычаю единовѣрцевъ, за-

ключить съ Римскимъ дворомъ вѣчный союзъ, долженствавовшій, по его мнѣнію, доставить счастіе и славу Царю Московскому; сверхъ того Папа обѣщалъ святѣйшею властію своею даровать ему титулъ Короля, вмѣстѣ съ Королевскими регаліями, ежели онъ, отвергнувъ догматы Греческой вѣры, прибѣгнетъ къ покровительству Римской церкви. Извѣстно, что Василій давно уже домогался у Папы таковаго титула [6]), зная, что Его Святѣйшество имѣетъ право даровать оный и что самые Императоры изстари получаютъ отъ Папъ золотую корону и скиптръ—знаки ихъ достоинства. Сказываютъ даже, будто онъ просилъ о семъ Императора Максимиліана и неоднократно отправлялъ къ нему для того пословъ.

Снабженный Папскою грамотою, Павелъ (съ самыхъ юныхъ лѣтъ привыкшій странствовать по свѣту съ бо́льшимъ счастіемъ нежели выгодою), не смотря на то, что былъ уже дряхлъ и страдалъ застарѣлою каменною болѣзнію, скоро и благополучно прибылъ въ Моску, гдѣ очень благосклонно принятъ былъ Василіемъ. Пробывъ при дворѣ его два мѣсяца и не находя силы свои достаточными для перенесенія трудностей предполагаемаго имъ пути, онъ бросилъ всѣ виды свои на Индійскую торговлю и мечтательные свои планы и возвратился, въ сопровожденіи Московскаго

посла Димитрія, въ Римъ, гдѣ всѣ полагали, что онъ не успѣлъ еще добраться до Москвы.

Пріемъ, сдѣланный Московскому Послу въ Римѣ.

Папа приказалъ отвести Димитрію покои въ великолѣпнѣйшей части Ватиканскаго дворца, гдѣ раззолоченые потолки, изящной работы обои и постели, покрытыя шелковыми тканями, долженствовали удивить взоры Московскаго Посла, облеченнаго по приказанію Его Святѣйшества также въ шелковыя одежды. Франциск Херегатъ, Епископъ Апрушинскій, нѣсколько уже разъ отправлявшій важную должность посланника въ отдаленныхъ странахъ и заочно извѣстный Димитрію по разсказамъ Павла, долженъ былъ, по повелѣнію Папы, вездѣ сопутствовать Московскому послу и показывать ему церковныя драгоцѣнности и рѣдкости Рима. — Отдохнувъ нѣсколько дней и смывъ съ себя грязь, накопившуюся отъ продолжительнаго и труднаго пути, Димитрій въ великолѣпной національной одеждѣ представленъ былъ Папѣ и, преклонивъ предъ нимъ по обыкновенію колѣна[7]), поднесъ отъ своего имени и отъ имени Царя дары, состоящіе изъ собольихъ мѣховъ, и вручилъ Его Святѣйшеству отъ Василія слѣдующую грамоту, предварительно переведенную на Латинскій языкъ самымъ Димитріемъ, а потомъ толмачемъ Иллирійцемъ Николаемъ Сикценскимъ.

Грамота Великаго Князя Василія къ Папѣ Римскому.

«Папѣ Клименту, Пастырю и учителю Римской церкви, Великій Государь Василій, Божіею Милостію Царь и обладатель всея Русіи, Великій Князь Володимерскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и проч. Государь и Великій Князь Новгорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ржевскій, Бельскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и проч. Прислали вы къ Намъ Капитана Павла, Гражданина Генуэзскаго, съ грамотою, въ которой убѣждаете Насъ, въ соединеніи съ вами и другими Государями Христіанскими, дѣйствовать совѣтомъ и силою противъ враговъ Христіанства; чинить обоюдно, какъ вашимъ такъ и Нашимъ посламъ, свободный и безпрепятственный пропускъ и по взаимной пріязни извѣщать другъ друга о здравіи Нашемъ и состояніи дѣлъ Государственныхъ. Мы же, при всеблагой помощи Божіей, доселѣ ратовавъ нелѣностно и постоянно противъ нечестивыхъ враговъ Христовой вѣры, готовы и впредь воевать съ ними. Равномѣрно готовы Мы жить въ добромъ согласіи съ другими Государями Христіанскими и давать свободный пропускъ ихъ подданнымъ въ Нашемъ Царствѣ. Чего ради и посылаемъ къ вамъ Димитрія Герасимова, Нашего человѣка,

съ сею Нашею грамотою; Павла же Капитана отсылаемъ обратно. Но вы въ скоромъ времени отпустите Димитрія и повелите проводить его здравымъ и невредимымъ до Нашихъ границъ. Мы же съ своей стороны обѣщаемъ поступить такимъ же образомъ, если вы пришлете къ намъ съ Димитріемъ посла Вашего, желая словесно и письменно извѣстить Насъ о дѣлахъ Государственныхъ, дабы, сообразивъ желанія всѣхъ Христіанъ, Мы могли дѣйствовать съ Нашей стороны приличнѣйшимъ образомъ. Дано въ царствованіе Наше, въ городѣ Москвѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра, семь тысячь тридцать третіе (7033 или 1525), Апрѣля третьяго дня.»

Пребываніе Димитрія въ Римѣ.

Полагали что Димитрій, какъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ Государственныхъ и особенно свѣдущій въ Св. Писаніи, имѣетъ какія либо тайныя и важныя порученія, которыя объявитъ Папѣ на аудіенціи словесно. Онъ въ недавнемъ времени выздоровѣлъ отъ лихорадки, которою долго былъ одержимъ отъ перемѣны климата и совершенно возстановилъ силы свои и прежній цвѣтъ лица, такъ, что не смотря на шестидесятилѣтнюю старость, съ охотою ходилъ слушать торжественное служеніе Папы, совершавшееся со всею пышностію, при гармоническихъ звукахъ музыки, въ день Св. Космы и Даміана;

былъ въ Сенатѣ въ то самое время, когда Папа и всѣ придворные чины принимали Кардинала Кампеджіо, только что возвратившагося изъ посольства въ Венгрію, осматривалъ святые храмы и съ изумленіемъ любовался остатками древняго величія Рима и жалкими остовами прежнихъ зданій. Надлежитъ полагать, что, по обозрѣніи всего этого, онъ въ скоромъ времени объявитъ Папѣ желанія Государя своего и, принявъ отъ Его Святѣйшества достойные дары, возвратится въ Москву съ Папскимъ Легатомъ Епископомъ Скаренскимъ.

Имя Московитянъ и описаніе страны, ими занимаемой.

Имя Москвитянъ недавно только стало извѣстно, хотя впрочемъ Луканъ и упоминаетъ о Мосхахъ, какъ о народѣ сосѣдственномъ съ Сарматами, а Плиній говоритъ, что они жили при источникѣ Фазиса, повыше Чернаго моря, къ востоку.

Страна ихъ весьма обширна. Она простирается отъ жертвенниковъ Александра Великаго (около источниковъ Танаиса), до отдаленнѣйшаго края земли, къ Ледовитому Океану, подъ самый сѣверъ. Поверхность ея — большею частію плоская и изобилуетъ лугами, хотя лѣтомъ во многихъ мѣстахъ болотиста. Это происходитъ отъ того, что вся Московія пересѣкается большими рѣками, которыя, поднимаясь отъ тающихъ весною снѣговъ и разрѣшающагося льда, во многихъ мѣстахъ поля

превращаютъ въ болота, а дороги покрываютъ стоячею водою и глубокою грязью, непросыхащею до тѣхъ поръ, пока рѣки сіи, при наступленіи новой зимы, не покроются опять льдомъ и болота не окрѣпнутъ отъ сильныхъ морозовъ такъ, чтобы можно было безопасно ѣздить по онымъ. Большую часть Московіи занимаютъ Герцинскіе лѣса, которые будучи уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заселены и въ продолженіе времени расчищены трудолюбіемъ жителей, не представляютъ болѣе тѣхъ страшныхъ и непроходимыхъ дебрей, какъ прежде. Сказываютъ, что они наполнены множествомъ дикихъ звѣрей и тянутся не перерываясь по всей Московіи въ направленіи къ Сѣверовостоку до самаго Скиѳскаго океана, такъ что при всѣхъ стараніяхъ никому еще доселѣ не удалось открыть конца ихъ. Въ той части, которая принадлежитъ Пруссіи, водятся огромные и свирѣпые буйволы, видомъ похожіе на быковъ и называемые Визонтами [8]), а также Альцесы (Alces), родъ звѣрей, сходный съ оленями и отличающійся мясистою мордою, высокими ногами и несгибающеюся щеткою. Москвитяне называютъ ихъ лосями, а Нѣмцы еленями. Животныя сіи извѣстны были еще К. Цезарю. Въ Герцинскихъ лѣсахъ водятся также необыкновенной величины медвѣди и страшные, большіе черные волки.

Сосѣдственные народы. Татары.

На востокѣ отъ Московитянъ живутъ Скиѳы, нынѣ называемые Татарами, народъ кочевой и съ давнихъ временъ славящійся своимъ воинственнымъ характеромъ. Телѣги, покрытыя войлоками и кожами, служатъ имъ вмѣсто домовъ, — и этотъ образъ жизни еще въ древности пріобрѣлъ имъ названіе Амаксовіевъ [9]) (Hamaxovios). Вмѣсто городовъ имѣютъ они обширныя становища, необведенныя ни рвами, ни насыпями, но защищаемыя безчисленнымъ множествомъ всадниковъ, вооруженныхъ стрѣлами. Татары раздѣляются на орды [10]); это слово на ихъ языкѣ значитъ собраніе народа въ одно цѣлое, на подобіе Государства. Каждою ордою управляетъ особенный вождь, избираемый по знатности рода или по воинскимъ доблестямъ. Побуждаемые честолюбіемъ они часто ведутъ жестокія войны съ своими сосѣдями. Татарскихъ ордъ, какъ извѣстно, находится безчисленное множество, ибо Татары владѣютъ обширными степями, простирающимися до самаго Китая (Cathayum), знаменитой страны на берегахъ Восточнаго океана. Тѣ изъ Татарскихъ племенъ, которые ближе къ Московитянамъ, извѣстны по торговымъ сношеніямъ своимъ и по частымъ набѣгамъ. Въ Европейской Татаріи при Ахиллесовомъ поприщѣ [11]) (Dromos Achillis), что въ Таврическомъ Херсонисѣ, живутъ Перекопскіе Татары. Дочь Хана ихъ находится нынѣ въ

замужествѣ за Турецкимъ Императоромъ Селимомъ. Питая непримиримую вражду къ Полякамъ, Перекопскіе Татары безпрерывно опустошаютъ земли, лежащія между Борисѳеномъ и Танаисомъ. Какъ въ религіи, такъ и во всемъ другомъ, они весьма сходны съ Турками, которые въ Тавридѣ владѣютъ Лигурійскою колоніею, называвшеюся въ древности Ѳеодосіею. Татары, обитающіе въ Азіи, на обширныхъ равнинахъ между Танаисомъ и Волгою, подвластны Московскому Царю Василію и отъ воли его нерѣдко зависитъ даже самое избраніе ихъ Государей. Между ими въ особенности замѣчательны Кремскіе Татары[12] (Cremii), народъ славившійся прежде богатствомъ и воинскими доблестями, но лишившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ внутренныхъ междоусобій всей своей силы и знаменитости. За Волгою обитаютъ Казанскіе Татары, которые весьма дорожатъ дружбою Московитянъ и признаютъ ихъ своими покровителями. Далѣе на Сѣверъ отъ Казани живутъ Шибанскіе Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширнымъ стадамъ; а за ними Ногайскіе Татары, славящіеся въ настоящее время богатствомъ своимъ и воинскою доблестію. Сія обширнѣйшая орда не имѣетъ Государя, но управляется, подобно Венеціанской Республикѣ, благоразумными старцами и храбрыми мужами. Къ югу отъ Но-

гаевъ, близъ Гирканскаго моря, живетъ племя Загатайское (Zagathai), знатнѣйшее изъ всѣхъ Татарскихъ племенъ. Загатаи имѣютъ города, построенные изъ камня. Самаркандъ, столица ихъ, замѣчательна по своей обширности и великолѣпію. Чрезъ нее протекаетъ величайшая въ Согдіанѣ[13]) рѣка Яксартъ, впадающая сто миль далѣе въ Каспійское море[14]). Въ наше время Персидскій Царь Измаилъ Софи[15]) воевалъ съ сими народами, но весьма неудачно. Вынужденный въ одно и тоже время бороться съ ними и съ Султаномъ Селимомъ, онъ былъ на голову разбитъ симъ послѣднимъ въ одномъ сраженіи и долженъ былъ уступить ему Арменію и Таврисъ, столицу своего Государства. Въ Самаркандѣ родился Тамбурланъ или Темиркутлу (Themircuthlu)[16]), какъ утверждаетъ Димитрій, который, побѣдивъ Селимова прадѣда Баязета Оттоманскаго въ битвѣ при городѣ Анцирѣ въ Галатіи[17]), взялъ его въ плѣнъ и торжественно возилъ въ желѣзной клѣткѣ по всей Азіи, завоеванной силою страшнаго его оружія.

Загатаи снабжаютъ Московитянъ множествомъ шелковыхъ тканей; Татары же, обитающіе внутри земель, не доставляютъ имъ ничего, кромѣ быстрыхъ лошадей и превосходныхъ бѣлыхъ матерій, не тканныхъ, а сваленныхъ изъ шерсти. Изъ нихъ дѣлаются

Фельтрійскія епанчи, столь красивыя и столь хорошо защищающія отъ дождя. У Московитянъ они берутъ въ обмѣнъ только шерстяное платье и серебренную монету, пренебрегая прочимъ убранствомъ и излишнею домашнею рухлядью. Имъ достаточно однихъ плащей для защиты отъ суровой погоды и однѣхъ стрѣлъ для отраженія непріятеля. Впрочемъ, въ случаѣ набѣга на Европейскія страны, предводители ихъ покупаютъ у Персовъ желѣзные шлемы, брони и сабли.

Съ полуденной стороны сопредѣльно Московитянамъ другое племя Татаръ, живущее въ Азіи около Азовскаго моря (Palus Meotides), а въ Европѣ при рѣкахъ Борисѳенѣ и Танаисѣ, т. е. на равнинахъ, примыкающихъ къ Герциніи. Въ древнія времена пространство сіе занимали Роксоланы[18]), Геты и Бастарны, откуда по моему мнѣнію произошло и самое названіе Россіи; ибо часть Литвы именуется и понынѣ Нижнею Россіею, а самая Московія Бѣлою Россіею. Къ Сѣверозападу отъ Московіи лежитъ Литва; съ Запада же Пруссія и Ливонія средними частями входятъ въ самые предѣлы Московіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сарматское море, проходя сквозь тѣсный проливъ Кимврійскаго Херсониса[19]), склоняется лунообразнымъ заливомъ къ Сѣверу.

На самомъ отдаленномъ берегу Океана, гдѣ Лапландцы.

обширнѣйшія Государства Норвегія и Швеція какъ бы перешейкомъ соединяются съ материкомъ, живутъ Лапландцы, народъ чрезвычайно дикій, подозрительный и до такой степени боязливый, что одинъ слѣдъ иноземца или даже одинъ видъ корабля обращаетъ ихъ въ бѣгство. Лапландцы не знаютъ ни произрастеній, ни плодовъ и вообще никакихъ даровъ природы. Стрѣльба изъ лука доставляетъ имъ всю пищу ихъ, а звѣриныя кожи — всю ихъ одежду. Жилища ихъ составляютъ небольшія пещеры, наполненныя сухими листьями и древесные пни, выдупленные огнемъ или временемъ. Нѣкоторые живутъ на берегу моря, въ мѣстахъ, болѣе удобныхъ для ловли рыбы, которую добываютъ во множествѣ, не смотря на несовершенство своихъ орудій. Они коптятъ ее и такимъ образомъ сберегаютъ въ прокъ. Лапландцы очень малы ростомъ, имѣютъ блѣдныя и какъ бы разбитыя лица, но за то одарены величайшею быстротою ногъ. О свойствахъ сего народа даже ближайшіе его сосѣди, Московитяне, ничего не знаютъ; ибо, по словамъ ихъ, напасть на Лапландцевъ съ небольшимъ отрядомъ было бы безразсудно и гибельно; итти же съ большею ратію противу племени бѣднаго — и безполезно и безславно. Лапландцы промѣниваютъ Московитянамъ на разные товары бѣлые мѣха, извѣстные у насъ

подъ именемъ горностаевъ (armelinae); причемъ не только не ведутъ разговора съ купцами, но даже избѣгаютъ ихъ взоровъ. По обоюдномъ сличеніи продаваемыхъ товаровъ, они оставляютъ на мѣстѣ мѣха свои, и такимъ образомъ заочно между неизвѣстными другъ другу людьми производится самая искренняя и справедливая мѣна.

Къ С. С. З. отъ Лапландцевъ, въ странѣ вѣчнаго мрака, по свидѣтельству нѣкоторыхъ достовѣрныхъ лицъ, живутъ Пигмеи[20]), которые въ полномъ возрастѣ своемъ едва превышаютъ нашего десятилѣтняго ребенка; они боязливы, щебечутъ какъ птицы и по строенію тѣла, равно какъ и по свойствамъ своимъ, болѣе похожи на обезьянъ, нежели на обыкновенныхъ людей. Пигмеи.

Къ Сѣверу отъ Московіи обитаютъ безчисленныя племена, подвластныя Московитянамъ и занимающія все пространство до Скиоскаго Океана, на разстояніи трехъ мѣсяцовъ пути.

Страна, ближайшая къ Московіи, — есть Холмогоры. Она изобилуетъ всякаго рода земными произрастеніями и орошается величайшею изъ всѣхъ Сѣверныхъ рѣкъ, Двиною, которая сообщила имя свое другой меньшей рѣкѣ, впадающей въ Балтійское море. Двина постоянно въ извѣстныя времена года разливается подобно Нилу. Наводняя прилежащія поля, она

утучняетъ ихъ плодоноснымъ иломъ и тѣмъ самымъ умѣряетъ суровость климата и противоборствуетъ вліянію Сѣверныхъ вѣтровъ. Во время ея разлива, происходящаго обыкновенно отъ таянія снѣговъ и отъ сильныхъ дождей, устье ея, при впаденіи въ Океанъ, уподобляется пространному морю, такъ что на гребномъ суднѣ нельзя переѣхать его въ одинъ день; но лишь только вода начнетъ сбывать, на всемъ пространствѣ образуются обширные и плодороднѣйшіе острова. Посѣянный на нихъ хлѣбъ родится безъ воздѣлыванія и почти въ одно и тоже время всходитъ, вырастаетъ и колосится, съ удивительною скоростію, какъ бы опасаясь новаго разлитія. —

Пермь, Печера, Югры, Вогуличи и Пеняжане.

Въ 60 миляхъ отъ Москвы, тамъ, гдѣ рѣка Югъ впадаетъ въ Двину[21]), лежитъ торговый городъ Устюгъ. Туда пріѣзжаютъ Пермь (Permii), Печера (Pecerri), Югры (Inugri), Вогуличи (Ugulici), Пеняжане (Pinnagi) и другіе отдаленнѣйшіе народы и привозятъ съ собою дорогіе мѣха (какъ то куницъ, соболей, волковъ, оленей, и черныхъ и бѣлыхъ лисицъ), которые промѣниваютъ на различные товары. Лучшіе собольи мѣха съ просѣдью доставляются изъ Перми и Печеры и употребляются для Царской одежды и для украшенія нѣжныхъ плечь знатныхъ боярынь, которыя умѣютъ придать сему наряду видъ живыхъ со-

болей. Впрочемъ эти народы не сами добываютъ ихъ, а получаютъ отъ другихъ отдаленнѣйшихъ племенъ, живущихъ близъ Океана. Еще въ минувшемъ вѣкѣ Пермь и Печера были язычниками и приносили жертвы идоламъ; нынѣ же исповѣдуютъ Христіанскую вѣру. Въ страну Югровъ и Вуголичей лежитъ путь чрезъ непроходимыя горы, вѣроятно тѣ самыя, которыя въ древности именовались Гиперборейскими. На вершинахъ ихъ ловятъ превосходныхъ соколовъ, между коими особенно замѣчателенъ родъ бѣлыхъ соколовъ съ пестрыми перьями, извѣстный подъ названіемъ Herodium. Тамъ же водятся іерофалки, непріятели цаплей и разныя породы священныхъ перелетныхъ соколовъ, неизвѣстныя даже самымъ роскошнѣйшимъ Государямъ древности, занимавшимся птицеловствомъ.

Кромѣ народовъ, упомянутыхъ мною и платящихъ дань Московскимъ Царямъ, есть еще племена, по отдалѣнности своей неизвѣстныя даже самымъ Московитянамъ, ибо никто еще не доходилъ до Океана. Объ нихъ знаютъ только по слуху и по разсказамъ купцевъ, большею частію баснословнымъ. Достовѣрно только то, что Двина, принимающая въ себя безчисленныя рѣки, съ большимъ стремленіемъ течетъ къ сѣверу, и что море, въ которое впадаетъ она, имѣетъ столь огромное протя-

женіе, что придерживаясь праваго его берега, можно доплыть до самаго Китая, — ежели не встрѣтится на пути какой либо новой земли.

Китай.

Китайцы населяютъ самыя отдаленнѣйшія страны Востока, почти паралельныя съ Ѳракіею. Португальцы видали ихъ въ Индіи, куда они пріѣзжали для покупки благовонныхъ товаровъ. Въ путешествіяхъ своихъ они доходили даже до Золотаго Херсониса[22]) и привозили съ собою собольи мѣха. Это послѣднее обстоятельство явно показываетъ, что Китай лежитъ недалеко отъ Скифскихъ береговъ. —

Преданіе объ участіи Московитянъ въ Готоскомъ походѣ.

Я спросилъ Димитрія, не осталось ли у нихъ какаго преданія или письменнаго памятника о Готѳахъ, которые за тысячу лѣтъ предъ симъ разрушили Имперію Цезаря и опустошили городъ Римъ. Названіе Готѳскаго народа, отвѣчалъ онъ, равно какъ и имя Царя Тотилы[23]) у насъ весьма хорошо извѣстно; въ походѣ же противъ Римской Имперіи принимали участіе многіе народы, — и болѣе другихъ Москвитяне. Присоединившіеся къ нимъ Ливонцы и Приволжскіе Татары еще болѣе увеличили ихъ силы; названы же всѣ они вообще Готѳами потому, что Готѳы, населявшіе островъ Исландію или Скандинавію[24]), были главными виновниками сего похода.

Мы уже видѣли какіе народы окружаютъ Московское Государство. Думаю, что Птоло-

мей подъ своими Модоками [25]) разумѣлъ Московитянъ, коихъ названіе заимствовано отъ рѣки Москвы, протекающей чрезъ столичный городъ того же имени.

Городъ Москва по своему положенію въ самой срединѣ страны, по удобству водяныхъ сообщеній, по своему многолюдству и наконецъ по крѣпости стѣнъ своихъ, есть лучшій и знатнѣйшій городъ въ цѣломъ Государствѣ. Онъ выстроенъ по берегу рѣки Москвы на протяженіи пяти миль, и домы въ немъ вообще деревянные, не очень огромны, но и не слишкомъ низки, и внутри довольно просторны; каждый изъ нихъ обыкновенно дѣлится на три комнаты: гостинную, спальную и кухню. Бревна привозятся изъ Герцинскаго лѣса; ихъ отесываютъ по шнуру, кладутъ одно на другое, скрѣпляютъ на концахъ, — и такимъ образомъ стѣны строятся чрезвычайно крѣпко, дешево и скоро. При каждомъ почти домѣ есть свой садъ, служащій для удовольствія хозяевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляющій имъ нужное количество овощей; отъ сего городъ кажется необыкновенно обширнымъ. Въ каждомъ почти кварталѣ есть своя церковь; на самомъ же возвышенномъ мѣстѣ стоитъ храмъ Богоматери, славный по своей Архитектурѣ и величинѣ; его построилъ шестьдесятъ лѣтъ то- Городъ Москва.

му назадъ Аристотель Болонскій, знаменитый Художникъ и Механикъ[26]). Въ самомъ городѣ впадаетъ въ р. Москву рѣчка Неглинная, приводящая въ движеніе множество мельницъ. При впаденіи своемъ она образуетъ полуостровъ, на концѣ коего стоитъ весьма красивый замокъ съ башнями и бойницами, построенный Италіанскими Архитекторами. Въ поляхъ, принадлежащихъ городу, водится необычайное множество дикихъ козъ и зайцевъ, которыхъ однако никто не имѣетъ права ни ловить тенетами, ни травить собаками; только своимъ приближеннымъ и посламъ иностраннымъ Государь позволяетъ иногда имѣть это удовольствіе. Почти три части города омываются рѣками Москвою и Неглинною; остальная же часть окопана широкимъ рвомъ, наполненнымъ водою, проведенною изъ тѣхъ же самыхъ рѣкъ. Съ другой стороны городъ защищенъ рѣкою Яузою, также впадающею въ Москву нѣсколько ниже города. Самая же Москва, протекая на югъ, изливается подъ городомъ Коломною въ большую рѣку Оку, которая, въ пространномъ теченіи своемъ, принявъ въ себя еще нѣсколько другихъ рѣкъ, широкимъ устьемъ втекаетъ въ Волгу. При впаденіи ея стоитъ городъ Новгородъ Нижній, получившій названіе свое отъ Великаго Новгорода, почитающагося его Метрополіею.

Источники Волги и другихъ рѣкъ.

Волга, въ древности Ра, вытекаетъ изъ большихъ и глубокихъ болотъ, именуемыхъ Бѣлыми озерами. Они лежатъ на Сѣверозападъ отъ Москвы и подобно Альпамъ, съ вершинъ которыхъ стремятся Рейнъ, По, Рона и другія менѣе значительныя рѣки, даютъ начало всѣмъ почти рѣкамъ, протекающимъ по Московіи. Болота сіи заключаютъ въ себѣ неизсякаемые источники и тѣмъ самымъ замѣняютъ горы, которыхъ, по увѣренію путешественниковъ, вовсе нѣтъ въ цѣлой странѣ; отъ сего занимающіеся Космографіею почитаютъ сказкою прославленныя древними Рифейскія и Гиперборейскія горы. Изъ сихъ то болотъ вытекаютъ Двина, Ока, Москва, Волга, Танаисъ и Борисѳенъ. Волгу Татары называютъ Эдилемъ, Танаисъ Дономъ, а Борисѳенъ нынѣ именуется Днѣпромъ. Онъ впадаетъ ниже Тавриды въ Эвксинскій Понтъ; Танаисъ изливается при торговомъ городѣ Азовѣ въ Меотійское море, а Волга, взявъ начало свое на Сѣверъ отъ Москвы, стремится большими излучинами сперва на Востокъ, потомъ на Западъ и наконецъ на Югъ, и втекаетъ обильными рукавами въ Гирканское море. Близъ устья ея стоитъ Татарскій городъ Цитраханъ, куда съѣзжаются на славную ярмарку Мидійскіе, Армянскіе и Персидскіе купцы. / На лѣвомъ берегу Волги находится Казань, также

Цитраханъ.

Казань. Татарскій городъ, отъ котораго получила названіе свое Казанская орда. Онъ отстоитъ отъ устья Волги и Каспійскаго моря на пять сотъ миль. Выше сего города на сто пятьдесятъ Италіанскихъ миль, при впаденіи въ Волгу рѣки Суры, нынѣшній Государь построилъ городъ Сурцикумъ[27]) съ тѣмъ, чтобы въ сей безлюдной странѣ доставить безопасныя жилища и ночлеги людямъ торговымъ и гонцамъ, отправляемымъ къ пограничнымъ воеводамъ, для извѣщенія ихъ о дѣлахъ Татаръ и движеніяхъ сего безпокойнаго народа.

Сурцикумъ.

Московскіе Государи, сообразуясь съ обстоятельствами, или желая присудствіемъ своимъ возвысить новыя и мало извѣстныя страны, въ различныя времена имѣли столицу и дворъ свой въ разныхъ городахъ. Такимъ образомъ Новгородъ, лежащій на Сѣверозападъ отъ Москвы, ближе къ Ливонскому морю, былъ прежде столицею Государства и всегда славился безчисленнымъ множествомъ строеній своихъ, выгоднымъ своимъ положеніемъ при обширномъ и богатомъ рыбою озерѣ, и наконецъ древнѣйшимъ и весьма уважаемымъ Москвитянами храмомъ, сооруженнымъ за 400 лѣтъ предъ симъ, въ соревнованіе съ Византійскими Императорами, во имя Св. Софіи Іисуса Христа сына Божія[28]). Въ Новгородѣ царствуетъ вѣчная зима и мрачная продолжительная ночь, потому что Арктиче-

Новгородъ.

скій полюсъ возвышается тамъ надъ горизонтомъ на шестьдесятъ четыре градуса; Москва же, находясь шестью градусами ближе къ экватору, во время солнцестоянія, по причинѣ короткихъ ночей, подвержена чрезвычайному зною. Городъ Владиміръ, отстоящій отъ Москвы въ двухъ стахъ миляхъ на Востокъ, именуется также престольнымъ градомъ; ибо мужественные Государи Московскіе перенесли туда столицу свою въ то время, когда ведя безпрестанныя войны съ сосѣдственными народами, они вынуждены были находиться ближе къ театру военныхъ дѣйствій и быть всегда готовыми къ отраженію Скиѳскихъ племенъ. Онъ лежитъ по сю сторону Волги, при рѣкѣ Клязьмѣ, которая впадаетъ въ Волгу. Впрочемъ Москва, по выгодному положенію своему, преимущественно предъ всѣми другими городами, заслуживаетъ быть столицею; ибо мудрымъ основателемъ своимъ построена въ самой населенной странѣ, въ срединѣ Государства, ограждена рѣками, укрѣплена замкомъ и по мнѣнію многихъ никогда не потеряетъ первенства своего. Она отстоитъ отъ Новагорода на пять сотъ тысячъ шаговъ. На срединѣ пути сего построенъ городъ Тверь, при рѣкѣ Волгѣ, которая въ семъ мѣстѣ, будучи близка къ своему источнику и не умноживъ еще водъ своихъ другими значительны-

Владиміръ.

ми рѣками, весьма не широка и течетъ спокойно; отъ Твери чрезъ лѣса и дикія пустыни лежитъ путь въ Новгородъ, а отъ туда до Риги, ближайшей гавани на берегу Сарматскаго моря, считается менѣе пяти сотъ Италіанскихъ миль. Это послѣднее разстояніе имѣетъ много преимуществъ предъ прочими потому, что заселено частыми деревнями, и на самомъ пути находится городъ Псковъ, орошаемый двумя рѣками. Отъ Риги, подвластной Магистру Нѣмецкаго ордена, до Любека, гавани въ заливѣ Кимврійскаго Херсониса, полагается моремъ менѣе тысячи Италіанскихъ миль, но переѣздъ сей сопряженъ съ большими опасностями. Отъ Рима до Москвы считается кратчайшимъ путемъ до двухъ тысячъ шести сотъ Италіанскихъ миль. Путь сей, лежащій чрезъ Равенну, Тревизу, Каринтскія Альпы, Виллакъ Норическій, Вѣну Панноническую и Ольмицъ Моравійскій, что за Дунаемъ, составляетъ до Кракова, столицы Польскаго Царства, не болѣе тысячи ста Италіанскихъ миль; отъ Кракова до Вильны, столицы Литовской, пять сотъ миль; столько же до города Смоленска на Днѣпрѣ; и наконецъ отъ Смоленска до Москвы около шести сотъ Италіанскихъ миль. Путь отъ Вильны чрезъ Смоленскъ до Москвы, въ зимнее время, по крѣпкому снѣгу, превращающемуся отъ

Разстояніе отъ Рима до Москвы.

морозовъ и частой ѣзды въ твердый ледъ, совершается съ неимовѣрною скоростію; за то въ лѣтнее время не иначе можно проѣхать здѣсь какъ съ большимъ трудомъ и съ чрезвычайными усиліями, потому что тающій отъ солнца снѣгъ образуетъ болота и грязныя, непроходимыя топи, на которыя для проѣзда настилаютъ съ величайшимъ трудомъ деревянныя гати.

Произведенія Московіи.

Въ Московіи нѣтъ ни винограда, ни маслинъ, ни даже вкусныхъ яблокъ, потому что всѣ нѣжныя растенія, кромѣ дынь и вишень, истребляются холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ[29]). Не смотря на сіе, поля покрыты пшеницею, просомъ и другими хлѣбными произрастеніями, а также всякаго рода зеленью. Самое же важное произведеніе Московской земли есть воскъ и медъ. Вся страна изобилуетъ плодовитыми пчелами, которыя кладутъ отличный медъ не въ искуственныхъ крестьянскихъ ульяхъ, но въ древесныхъ дуплахъ. Въ дремучихъ лѣсахъ и рощахъ вѣтви деревъ часто бываютъ усѣяны роями пчелъ, которыхъ вовсе не нужно собирать звуками рожка. Въ дуплахъ нерѣдко находятъ множество большихъ сотовъ стараго меду, оставленнаго пчелами, и такъ какъ поселяне не успѣваютъ осмотрѣть каждаго дерева, то весьма часто встрѣчаются пни чрезвычайной толщины, на-

полненные медомъ. Веселый и остроумный посолъ Димитрій разсказывалъ намъ для смѣху, какъ одинъ крестьянинъ изъ сосѣдственнаго съ нимъ селенія, опустившись въ дупло огромнаго дерева, увязъ въ меду по самое горло. Тщетно ожидая помощи въ уединенномъ лѣсу, онъ въ продолженіи двухъ дней питался однимъ медомъ и наконецъ удивительнымъ образомъ выведенъ былъ изъ сего отчаяннаго положенія медвѣдемъ, который, подобно людямъ, будучи лакомъ до меду, спустился задними лапами въ тоже дупло. Поселянинъ схватилъ его руками за яйца и закричалъ такъ громко, что испуганный медвѣдь поспѣшно выскочилъ изъ дупла и вытащилъ его вмѣстѣ съ собою.

Товары, отпускаемые Московитянами въ Европу.

Московитяне отпускаютъ въ Европу лучшій ленъ, коноплю для канатовъ, воловью кожу и множество воску. У нихъ нѣтъ ни золотыхъ ни серебряныхъ рудниковъ, а также во всей странѣ не замѣчено драгоцѣнныхъ камней; но природа, лишивъ ихъ сихъ сокровищъ, щедро вознаградила за то богатыми и рѣдкими мѣхами, которые въ наше время, по значительному на нихъ требованію и по непомѣрной роскоши, до такой степени возвысились въ цѣнѣ, что мѣхъ для шубы стоитъ не менѣе тысячи золотыхъ монетъ. Прежде продавали ихъ гораздо дешевле, ибо жители отдаленнаго сѣвера,

незнакомые еще тогда съ нашею утонченною образованностію и безмѣрною роскошію, по простотѣ своей не рѣдко мѣняли ихъ на самыя дешевыя и маловажныя вещи. Такъ, на примѣръ, жители Перми и Печеры платили за желѣзный топоръ столько соболей, сколько Московскіе купцы, связавъ вмѣстѣ, могли продѣть въ отверстіе топора, куда влагается топорище.

Религія Московитянъ.

За пять сотъ лѣтъ предъ симъ Москвитяне поклонялись языческимъ богамъ, какъ то: Юпитеру, Марсу, Сатурну и многимъ другимъ[30]), которыхъ древніе въ безумномъ заблужденіи изъ могущественныхъ Царей или мудрецовъ возвели въ достоинство боговъ. Христіанскую вѣру приняли они въ то время, когда Греческое духовенство, не слишкомъ постоянное въ мнѣніяхъ своихъ, начало отдѣляться отъ Латинской церкви; отъ сего они съ непоколебимою твердостію сохраняютъ и понынѣ ученіе и обряды, принятые ими отъ Греческихъ наставниковъ. Они вѣрятъ, что Духъ, третье лице Св. Троицы, исходитъ только отъ Бога-Отца, между тѣмъ какъ по всей справедливости должно признавать происхожденіе Его отъ Отца и Сына[31]). На Флорентійскомъ соборѣ, созванномъ Евгеніемъ IV, послѣ жаркихъ споровъ, оказалось, что упорство Грековъ основывалось на исправленіи однихъ только словъ, а не мыслей, тѣмъ болѣе, что Греческіе Еписко-

пы, убѣжденные ясными доводами, тогдаже признали, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына. Таинство причащенія совершаютъ Московитяне не на опреснокахъ, какъ слѣдовало бы по всей справедливости[32]), но на квасномъ хлѣбѣ и причащаются въ двухъ видахъ, какъ причащаются у насъ одни только священники; т. е. пресвитеры ихъ раздаютъ всему народу для причащенія тѣло и кровь Христову. Въ новѣйшее время (еще на памяти у отцевъ нашихъ) Богемцы, увлеченные симъ пагубнымъ заблужденіемъ, отстали отъ Латинской церкви. Далѣе, Московитяне, совершенно въ противность ученію Христіанской вѣры, полагаютъ, что ни ходатайство церкви, ни молитвы ближнихъ и друзей за души усопшихъ недѣйствительны[33]) и почитаютъ выдумкою мѣсто чистилища, въ коемъ души праведныхъ, очищаясь долговременнымъ мученіемъ въ огнѣ, многими поминовеніями и индульгенціями Святѣйшихъ Папъ, наслѣдуютъ потомъ блаженство въ Царствѣ Небесномъ. Во всемъ прочемъ Московитяне соблюдаютъ тѣ же обряды, какимъ слѣдуютъ Греки, причемъ съ дерзостію и упорствомъ отвергаютъ первенство Римской церкви. Больше же всего ненавидятъ они Іудеевъ, такъ что содрагаются при одномъ ихъ имени, и не впускаютъ ихъ въ свои предѣлы, какъ людей презрѣнныхъ, вредныхъ,

и въ недавнемъ еще времени научившихъ Турокъ лить мѣдныя пушки. Во время священнодѣйствія читаютъ у нихъ громогласно съ амвона жизнь Іисуса Христа и исторію всѣхъ его чудесъ, описанную четырмя Евангелистами, а также посланія Св. Апостола Павла или поученія Отцевъ церкви. Въ семъ послѣднемъ чтеніи упражняются они даже и внѣ литургіи; но сіе относится преимущественно къ священникамъ, извѣстнымъ своимъ благочестіемъ. Московитяне не позволяютъ монахамъ своимъ говорить проповѣди въ церквахъ и собирать, какъ у насъ, народъ для тщеславныхъ состязаній и разсужденій о дѣлахъ божественныхъ. Мужи, утвердившіеся въ вѣрѣ думаютъ, что сердцамъ грубымъ и неопытнымъ приноситъ болѣе пользы ученіе простое, нежели глубокомысленное изъясненіе таинствъ Религіи. Московитяне имѣютъ въ переводѣ на ихъ Иллирійскомъ языкѣ и сохраняютъ съ особеннымъ уваженіемъ Священное писаніе, Исторію ветхаго и новаго завѣта и творенія Святыхъ Отцевъ: Амвросія, Августина, Іеронима и Григорія.

Епископы и другія высшія духовныя лица живутъ въ назначенныхъ имъ городахъ и селеніяхъ, отправляютъ богослуженіе, разрѣшаютъ религіозные споры и имѣютъ власть со всею строгостію наказывать распутство. Духовенство.

Глава Духовенства, называемый у нихъ Митрополитомъ, испрашивается отъ Константинопольскаго Патріарха; Архимандриты же и Епископы выбираются по жребію изъ достойнѣйшихъ кандидатовъ.

Люди, отказавшіеся добровольно отъ житейскихъ удовольствій и посвятившіе себя исключительно божественному созерцанію и богослуженію, раздѣляются въ Московіи на два класса; тѣ и другіе живутъ въ монастыряхъ; но одни могутъ по своимъ дѣламъ выходить изъ оныхъ и вообще ведутъ жизнь болѣе свободную, какъ у насъ братья Орденовъ Св. Франциска и Св. Доминика; другіе же составляютъ классъ монаховъ святѣйшей жизни и строго слѣдуютъ уставу, данному имъ Св. Василіемъ. Имъ не позволено переступать за порогъ жилищъ своихъ даже въ крайней опасности. Погребенные въ темныхъ келіяхъ, вдали отъ свѣта, они ведутъ самую суровую жизнь и считаются людьми, совершенно уже усмирившими плоть свою и утвердившимися въ благочестіи.

Посты. Весь народъ постится четыре раза въ годъ (и кромѣ того еще въ нѣкоторые дни недѣли) и въ это время воздерживается отъ мяса, яицъ и молока. Первый постъ бываетъ также какъ и у Латинянъ въ началѣ весны, послѣ нашего праздника Пепла; другой лѣтомъ

въ честь Св. Апостоловъ Петра и Павла; третій предъ осенью, когда мы празднуемъ память Вознесенія Дѣвы Маріи на небо, и наконецъ послѣдній предъ праздникомъ Рождества Христова. По середамъ Московитяне не ѣдятъ мяса, а по пятницамъ яицъ и молока[34]); за то въ субботу столъ ихъ наполняется явствами всякаго рода и весь день проходитъ въ веселіи. Вигилій предъ праздниками они не наблюдаютъ[35]).

Храмы у Московитянъ въ величайшемъ почтеніи, такъ что ни мужчины, ни женщины, вкусивъ пріятности любви, не могутъ входить въ церковь, не омывшись прежде въ домашнихъ баняхъ. Отъ сего часто случается, что множество лицъ обоего пола, во время Божественной службы, стоятъ за церковными дверьми и, тѣмъ обнаруживая недавное свое невоздержаніе, принуждены бываютъ подвергаться дерзкимъ и колкимъ насмѣшкамъ со стороны молодыхъ людей. Храмы.

Въ день Рождества Іоанна Крестителя и праздника трехъ Волхвовъ[36]) Священники раздаютъ народу небольшіе благословенные хлѣбцы, которые по ихъ мнѣнію изцѣляютъ отъ лихорадки; въ извѣстное же время года совершаютъ они богослуженіе на рѣкахъ, покрытыхъ льдомъ. Для сего на берегу ставятъ палатку, къ которой отправляется Духовенство, Праздники.

въ сопровожденіи знатнѣйшихъ особъ, поющихъ священныя пѣсни; прибывъ на мѣсто окропляютъ его святою водою и, обошедъ нѣсколько разъ кругомъ, совершаютъ торжественно водоосвященіе, для чего прорубаютъ во льду отверстіе. По окончаніи церемоніи недужные и больные бросаются въ рѣку, бывъ увѣрены, что освященная вода омоетъ нечистоту болѣзни.

Погребеніе умершихъ.

Умершему обвиваютъ голову полотномъ и потомъ, въ сопровожденіи священниковъ, выносятъ безъ большой пышности и хоронятъ не въ церквахъ, какъ дѣлаемъ мы, слѣдуя такъ сказать нечестивому и постыдному обыкновенію, но на церковныхъ погостахъ или подъ папертію.

По усопшимъ, какъ и у насъ, совершаются въ продолженіи сорока дней поминки, что конечно весьма удивительно, ибо Московитяне не вѣрятъ, что души умершихъ пребываютъ въ чистилищѣ и что наказаніе за грѣхи можетъ смягчиться молитвою и богоугодными дѣлами друзей. Во всѣхъ прочихъ догматахъ вѣры держатся они съ величайшею твердостію всего того, что признаемъ и мы по нашему исповѣданію.

Языкъ и просвѣщеніе Московитянъ.

Московитяне говорятъ языкомъ Иллирійскимъ и подобно Славянамъ, Далматамъ, Богемцамъ, Полякамъ и Литовцамъ употребляютъ

также Иллирійскія письмена. Ни одинъ языкъ, какъ увѣряютъ, не имѣетъ такого обширнаго и повсемѣстнаго употребленія, какъ Иллирійскій. Имъ говорятъ при дворѣ Оттоманскомъ и еще недавно былъ онъ въ большой чести въ Египтѣ, между Мамелюками, при дворѣ Мемфисскаго Султана. На сей языкъ переведены многія книги, преимущественно трудами Св. Іеронима и Кирилла. Книги сіи находятся почти у каждаго Московскаго боярина и кромѣ ихъ они имѣютъ еще у себя отечественныя лѣтописи и Исторію Александра Македонскаго, Римскихъ Кесарей и Антонія и Клеопатры, писанныя также на отечественномъ ихъ языкѣ. Философіею, Астрономіею и другими науками, равно какъ и раціональною Медициною, Московнтяне никогда не занимаются; должность врача исправляетъ у нихъ всякій, кто только имѣлъ случай испытать дѣйствіе какихъ нибудь неизвѣстныхъ травъ.

Лѣтосчисленіе свое ведутъ Московитяне не отъ Рождества Христова, но отъ сотворенія міра и годъ свой начинаютъ не съ Января, а съ Сентября мѣсяца. Лѣтосчисленіе.

Вся Московія управляется самыми простыми законами, основанными на правосудіи Государя и безпристрастіи его сановниковъ, и слѣдовательно весьма благодѣтельными, ибо смыслъ оныхъ не можетъ быть искаженъ и Законы и судопроизводство.

перетолкованъ хитростію и корыстолюбіемъ судей. Воры, убійцы и разбойники наказываются смертію. При изслѣдованіи преступленія обвиняемому льютъ на голову холодную воду; говорятъ, что этотъ родъ пытки нестерпимъ. Иногда, для вынужденія признанія, твердыми и заостренными гвоздями отдираютъ у него ногти отъ пальцевъ.

Тѣлесныя упражненія.

Юноши упражняются въ различныхъ играхъ и преимущественно въ тѣхъ, которыя имѣютъ ближайшее соотношеніе съ воинскимъ ремесломъ, какъ то: въ бѣганьи въ запуски, въ борьбѣ, въ конскомъ ристаніи и пр. Для всѣхъ сихъ игръ, въ особенности же для стрѣльбы въ цѣль, назначены извѣстныя награды.

Московитяне вообще — роста средняго и тѣлосложенія здороваго и весьма крѣпкаго; имѣютъ голубые глаза, длинную бороду, короткія ноги и огромное туловище. Они ѣздятъ верхомъ съ поджатыми ногами и стрѣляютъ весьма искусно, такъ что будучи даже обращены въ бѣгство, мѣтко бросаютъ чрезъ себя назадъ стрѣлы.

Пища.

Домашняя жизнь ихъ представляетъ болѣе изобилія нежели утонченности. Столы свои уставляютъ они всякаго рода яствами, какія только роскошь можетъ пожелать; со всѣмъ тѣмъ жизненные припасы у нихъ весьма де-

шевы; курицу или утку можно купить за самую малую серебряную монету; крупнаго и мелкаго скота вездѣ неимовѣрное множество, а мясо животныхъ, убитыхъ зимою, можетъ сохраняться на холодѣ почти въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ.

Лучшимъ кушаньемъ почитается у нихъ какъ и у насъ, дичь, которую они ловятъ во множествѣ охотничьими собаками и сѣтями. Ихъ ястреба и соколы (изъ коихъ лучшіе получаются изъ страны Печерской) берутъ не только фазановъ и утокъ, но даже лебедей и журавлей. Ястреба суть низшій родъ орловъ или коршуновъ; благороднѣйшую же породу ихъ составляютъ соколы, которые были извѣстны еще древнимъ. Въ Московіи ловятъ одну черноватую птицу, величиною съ гуся, съ алыми бровями, коей мясо вкуснѣе самаго фазана. На ихъ языкѣ она именуется тетеревомъ; Плиній же называетъ ее Erythratao. Птица сія извѣстна жителямъ Альповъ, особенно Ретійцамъ, обитающимъ близъ источниковъ Адды. Въ рѣкѣ Волгѣ ловятъ множество рыбы огромной величины и отличнаго вкуса, въ особенности же сомовъ, извѣстныхъ древнимъ подъ названіемъ Силуровъ. Зимою рыбу сію обкладываютъ льдомъ и такимъ образомъ сохраняютъ свѣжею въ продолженіи долгаго времени. Прочіе сорты рыбъ ловятся

въ большомъ количествѣ въ упомянутыхъ уже мною Бѣлыхъ озерахъ.

Не имѣя своего собственнаго винодѣлія Московитяне пользуются виномъ привознымъ и употребляютъ его только на большихъ пиршествахъ и въ богослуженіи. Въ особенности цѣнится у нихъ сладкое Критское вино (Мальвазія), которое пьютъ они только вмѣсто лекарства или подаютъ въ случаѣ, когда желаютъ выказать особенную пышность. Весьма удивительно, что вино сіе, привозимое съ острова Крита чрезъ Кадикскій проливъ, не смотря на качку въ Средиземномъ морѣ и Атлантическомъ Океанѣ, не теряетъ вкуса и запаха своего и доставляется внутрь Скиѳскихъ лѣсовъ совершенно неиспорченнымъ. Московитяне пьютъ еще напитокъ, приготовляемый изъ меда и хмѣля, и сохраняющійся въ продолженіе долгаго времени въ засмоленныхъ бочкахъ, отъ чего онъ дѣлается крѣпче и лучше. Напитокъ сей называется медомъ. Сверхъ сего употребляютъ они также, подобно Нѣмцамъ и Полякамъ, пиво и водку, которыя выгоняютъ изъ пшеницы, ржи и ячменя. Эти два напитка подаются непремѣнно на каждомъ пиру. Послѣдній имѣетъ силу вина и приводитъ въ опьяненіе того, кто пьетъ его въ большомъ количествѣ. Чтобъ сообщить меду и пиву болѣе вкуса, прохлаждаютъ его,

опуская въ стаканъ кусокъ льду, коего цѣлыя глыбы въ продолженіи всего лѣта тщательно сохраняются у Бояръ въ подземныхъ погребахъ. Нѣкоторые любятъ также сокъ, выжатый изъ спѣлыхъ вишень; онъ имѣетъ свѣтлобагровый цвѣтъ и очень пріятенъ вкусомъ.

Неуваженіе къ женскому полу.

Жены и вообще женскій полъ не пользуются у Московитянъ такимъ уваженіемъ, какъ у другихъ народовъ; съ ними обходятся не лучше какъ съ рабами. Люди высшаго круга весьма тщательно наблюдаютъ за поведеніемъ и скромностію своихъ женъ. Онѣ не могутъ являться на пиршествахъ, ни ходить въ отдаленную церковь, ни даже безъ важнаго дѣла отлучаться изъ дома. За то простонародныхъ женщинъ всякому иностранцу весьма удобно склонить къ тайному свиданію небольшими подарками; изъ сего должно заключить, что знатные люди мало дорожатъ ихъ любовію.

Семейство Василія.

Великій Князь Василій еще прежде двадцатилѣтняго возраста[37]) лишился отца своего Іоанна, имѣвшаго въ супружествѣ Софію, дочь Өомы Палеолога (брата Константинопольскаго Императора), владѣвшаго многими землями въ Пелопонисѣ. Софія, по изгнаніи отца ея Турками изъ Греціи, жила нѣкоторое время въ Римѣ. Іоаннъ имѣлъ отъ нее пять сыновъ: Великаго Князя Василія, Геор-

гія, Андрея, Димитрія и Симеона, изъ коихъ два послѣдніе похищены смертію. Василій имѣетъ въ супружествѣ Соломонію, (дочь Георгія Сабурова, вѣрнаго и умнаго царскаго совѣтника), украшенную всѣми женскими добродѣтелями, но къ сожалѣнію неплодную.

Бракъ Царей.

Московскіе Государи, желая вступить въ бракъ, повелѣваютъ избрать изъ всего Царства дѣвицъ, отличающихся красотою и добродѣтелію и представить ихъ ко двору. Здѣсь поручаютъ ихъ освидѣтельствовать надежнымъ сановникамъ и вѣрнымъ боярынямъ, такъ что самыя сокровенныя части тѣла не остаются безъ подробнаго разсмотрѣнія. Наконецъ, послѣ долгаго и мучительнаго ожиданія родителей, та, которая понравится Царю, объявляется достойною брачнаго съ нимъ соединенія. Прочія же соперницы ея по красотѣ, стыдливости и скромности не рѣдко въ тотъ же самый день, по милости Царя, обручаются съ боярами и военными сановниками[38]). Такимъ образомъ Московскіе Государи, презирая знаменитые Царскіе роды, подобно Оттоманскимъ Султанамъ возводятъ на брачное ложе дѣвицъ большею частію низкаго и незнатнаго происхожденія, но отличающихся тѣлесною красотою.

Характеръ Василія и его дѣянія.

Василій находится теперь въ сорокъ седьмомъ году жизни своей и красотою тѣла, вели-

чіемъ души, воинскою славою, любовію и благосклонностію къ подданнымъ превосходитъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Въ шестилѣтней войнѣ своей съ Ливонцами[39]), которые возбудили противъ него семьдесятъ два города, онъ остался побѣдителемъ и скорѣе предписалъ нежели принялъ мирныя условія. При самомъ началѣ царствованія своего разбилъ онъ Поляковъ, и взявъ въ плѣнъ полководца ихъ Константина, родомъ Русса, привезъ его въ оковахъ въ Москву; но въ послѣдствіи при Борисѳенѣ, близъ города Орши, самъ проигралъ важное сраженіе тому же самому Константину, освобожденному изъ плѣна. Не смотря однако на сіе пораженіе городъ Смоленскъ, древнее достояніе Московіи, по прежнему остался во власти Василія. Противъ Татаръ и особенно противъ Перекопцевъ, живущихъ въ Европѣ, Московитяне нѣсколько разъ вели войну съ успѣхомъ, мстя за ихъ опустошительные набѣги.

Василій можетъ выставить въ поле до 150,000 всадниковъ, которые раздѣляются на полки; каждый полкъ имѣетъ свое знамя и своего воеводу. На знамени Царскаго полка изображенъ Іисусъ Навинъ, испросившій у Бога, какъ повѣствуетъ Священное Писаніе, власть продлить день и остановить теченіе солнца. Пѣхота въ обширныхъ Татарскихъ пустыняхъ почти безполезна, какъ по неудобности длин- Войско.

ной, простирающейся до самыхъ пять одежды воиновъ, такъ и потому, что Татары болѣе выигрываютъ внезапнымъ нападеніемъ и быстротою своихъ коней, нежели фронтовою битвою или схваткою. Лошади Московскія ниже средняго роста, но крѣпки и весьма быстры. Всадники вооружены саблями, пиками, желѣзными булавами, стрѣлами, а нѣкоторые и мечами; оборонительное же оружіе ихъ состоитъ изъ щитовъ, частію большихъ, какъ у Азіатскихъ Турокъ, частію же малыхъ, угловатыхъ, съ выпуклою поверхностію, какъ у Грековъ; кромѣ того они защищаются панцырями и покрываютъ голову пирамидальными шлемами. Нынѣшній Государь устроилъ также у себя конную Артиллерію и въ Московской крѣпости лежитъ на колесахъ множество мѣдныхъ пушекъ, литыхъ Италіанскими мастерами.

Василій часто съ особенною пышностію и необыкновеннымъ радушіемъ, ни сколько впрочемъ неунижающимъ сана его, пируетъ посреди своихъ бояръ и иностранныхъ пословъ. Въ самой залѣ пиршества, на двухъ столахъ, разставлено множество серебряныхъ позолоченыхъ сосудовъ. Ни во дворцѣ, ни въ другихъ мѣстахъ Государь не содержитъ на жаловань и воинской стражи, кромѣ однихъ только лицъ, составляющихъ дворъ его; сторожевые же посты охраняются вѣрною городскою дружиною.

Всѣ городскія улицы запираются воротами или рогатками, и ходить ночью позволено только по самой крайней необходимости, и то не иначе какъ съ фонаремъ.

Дворъ составляютъ Князья и главнѣйшіе военные Сановники, которые чрезъ опредѣленное число мѣсяцевъ поочередно вызываются изъ областей для поддержанія придворнаго блеска, для составленія царской свиты и для отправленія разныхъ должностей. При наступленіи войны войско набирается изъ ветерановъ и рекрутъ, для чего въ каждомъ городѣ воевода обязанъ вести счетъ молодымъ людямъ и способныхъ къ оружію вносить въ списокъ. Во время мира изъ областной казны выдается имъ извѣстное, весьма впрочемъ незначительное жалованье. За то военные люди свободны отъ податей, имѣютъ всегда преимущество предъ крестьянами и во всѣхъ дѣлахъ своихъ пользуются Царскимъ покровительствомъ. Во время войны для истинной доблести открывается благородное поприще и вообще по всѣмъ частямъ Государственнаго управленія находятся полезныя и прекрасныя учрежденія, такъ что всякой по заслугамъ своимъ получаетъ или вѣчную награду или вѣчный стыдъ. Дворъ.

PAULI JOVII
NOVOCOMENSIS,

de Legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII. Pontificem Max. Liber: in quo situs regionis antiquis incognitus, religio gentis, mores, et causae legationis fidelissime referuntur. Caeterum ostenditur error Strabonis, Ptolomaei, aliorumque Geographiae scriptorum, ubi de Riphaeis montibus meminere: quos hac aetate nusquam esse, plane compertum est.

PAULUS JOVIUS Novocomensis Joanni Rufo Archiepiscopo Consentino S.

Efelagitasti amplissime antistes Rufe, ut ea quae de Moscovitarum moribus a Demetrio ejus gentis legato, qui ad Clementem VII. Pontificem nuper venit, quotidianis prope sermonibus didicissem, Latinarum literarum memoriae commendarem: quum pro vetere tua pietate atque virtute, ad amplificandam Romani Pontificis dignitatem, pertinere arbitrareris, si homines intelligerent, non fabulosi, aut omnino obscuri nominis Regem, sed qui numerosissimis extremi aquilonis populis imperet, in causa religionis, omnibus nobiscum sensibus conjungi, foedereque perpetuo colligari, opportunissimo tempore cupivisse: quando nuper aliquae Germaniae gentes, quae pietate caeteris omnibus praestare videri volebant, insana atque scelesta defectione non modo a nobis, sed ab ipsis etiam superis exitiali errore descivérint. Caeterum id munus impositum, quod certe gravioribus studiis occupatus jure optimo poteram recusare, egregia voluntate, celeritateque perfeci, ne nimia mora vel accuratiori castigatione

gratiam novitatis exueret: qua vel una re, meae erga te veteris observantiae studium, praestandique officii voluntas manifeste declaratur: quum honoris jacturam facere, si quis ex hac ingenii tenuitate sperandus est, quam desiderium tuum longe honestissimum diutius frustrari maluerim. Vale.

Regionis primo situs, quem Plinio, Straboni que et Ptolemaeo parum notum fuisse perspicimus, pressa brevitate describetur, et in tabula typis excusa figurabitur: inde gentis mores, opes, religionem, militiaeque instituta, Tacitum imitati, qui a perpetuis historiis libellum de Germanorum moribus seiunxit, perstrictiore stylo narrabimus, eádem fere sermonis simplicitate utentes, qua nobis ab ipso Demetrio, curiosa ac leni vestigatione lacessito, per ocium exposita fuere. Demetrius enim haud inepte Latina utitur lingua, utpote qui in Livonia a teneris annis in ludo prima literarum rudimenta didicerit, et insigni variarum legationum munere functus, plures provincias Christianorum adierit. Nam quum antea obspectatam fidem ac industriam, apud Suetiae Daciaeque Reges, et magnum Prussiae magistrum, Oratorem egisset, novissime apud Maximilianum Caesarem, dum in ejus aula omnis generis hominum refertissima versaretur, si quid barbaru quieto docilique ingenio inerat, elegantium morum observatione detersit. Causam vero hujusce suscipiendae legationis praebuit Paulus Centurio Genuensis, qui cum acceptis a Leone X. Pontifice commendatitiis literis, mercaturae causa in Moscoviam pervenisset, cum Basilii Principis familiaribus ultro de consociandis utriusque Ecclesiae ritibus agitavit. Quaerebat enim Paulus insano, vastoque animo, novum et incredibile iter petendis ab India aromatibus. Fama namque cognoverat, cum in Syria, Aegyptoque et Ponto negotiaretur, aromata ex ulteriore India adverso amne Indo subvehi posse, atque inde modico terrestri itinere superatis Paropanisidis montium jugis, traduci in Oxum Bactrianarum amnem: qui iisdem fere montibus, quibus Indus, oritur, adverso fonte in Hyrcanum mare, raptis secum multis amnibus, ad Stravam portum effunditur. Porro ab ipsa Strava tutam facilemque navigationem videri, usque

ad emporium Citracham, ostiumque Volgae amnis: inde vero adversis semper amnibus, Volga scilicet et Occha, et Moscho, in urbem Moscham: ab Moscha autem, terrestri itinere Rigam, et in ipsum mare Sarmaticum, omnesque occiduas regiones facile pervenire posse, contendebat. Vehementer enim et supra equum, Lusitanorum injuriis erat accensus, qui India magna ex parte armis domita, occupatisque omnibus emporiis, cuncta aromata coemerent, et in Hispaniam averterent, atque ea graviore quam antea pretio ac impotenti quaestu omnibus Europae populis venditare consuevissent: quin et diligenti adeo cura Indici maris littora perpetuis classibus custodirent, ut ea negotiationes penitus intermissae atque desertae videantur, quibus per sinum Persicum, ac adversum Euphratem, et per Arabici maris angustias, secundoque demum Nilo per mare nostrum Asia omnis atque Europa abunde et viliore quidem pretio complebantur: deteriore etiam Lusitanorum mercimonio, quum remotissimae navigationis incommodo, sentinaeque vitiis aromata corrumpi, eorumque vis et sapor, odoratusque ille spiritus, multa demum mora in Olysipponensibus conditoriis promercalibus evanescere atque exspirare videatur, cum asservatis semper recentioribus, vetera tantum, et multo quidem situ mucida venundari quereretur. Caeterum Paulus quanquam de iis rebus acerbissime apud omnes disserendo, et Lusitanis ingentem conflando invidiam, multo auctiora fore vectigalia regia, si id iter aperiretur, et aromata ab ipsis Moschovitis, qui tantam eorum vim omnibus ferculis absumerent, vilius emi posse perdoceret: nihil tamen quod ad eam negotiationem pertineret, impetrare potuit. quoniam Basilius homini externo ac ignoto, eas regiones quae ad Caspium mare et Persarum regna aditum praeberent, minime aperiendas esse existimabat. Itaque Paulus omnibus exclusus votis, ex mercatore legatus factus, Basilii literas Leone jam vita functo, ad Hadrianum Pontificem retulit, quibus ille cum multo verborum honore egregiam voluntatem erga Romanum Pontificem ostendebat. Paucis enim ante annis Basilius ardente cum Polonis bello, quum Lateranensis conventus haberetur, per Joannem Daciae Regem, hujus Christierni, qui nuper regno expulsus est, patrem postularat, ut iter tutum legatis Moschovitis ad urbem Romam praeberetur. Verum quum eodem forte die

et Johannes Rex, et Julius Pontifex ab humanis excessissent, sublato ad id sequestro, consilium mittendae legationis omisit. Exarsit subinde bellum inter ipsum et Sigismundum Poloniae Regem: quod quum insigni ad Borysthenem parta victoria a Polono feliciter confectum esset, Romae supplicationes sunt decretae, veluti devictis caesisque Christiani nominis hostibus: quae res et Regem ipsum Basilium, et universam gentem ab Romano Pontifice haud mediocriter alienavit.» At cum haec Hadrianus Sextus fato extinctus, Paulum jam secundo itineri accinctum destituisset, suffectus ei Clemens VII. illum etiam tum Orientis iter insano animo volutantem, cum literis in Moschoviam transmisit, quibus Basilium propensissimis adhortationibus invitabat, ad agnoscendam Romanae Ecclesiae majestatem, feriendumque communibus in religione sensibus perpetuum foedus, quod illi maxime salutare atque honorificum fore testabatur: ita ut Pontifex polliceri videretur, se ex sacrosancta autoritate pontificia eum Regem collatis Regalibus ornamentis appellaturum, si rejectis Graecorum dogmatibus, ad autoritatem Romanae Ecclesiae se conferret. Cupiebat enim Basilius regii nominis titulum concessione pontificia promereri, quum id dare sacrosancti juris esse et pontificiae majestatis judicaret: quando et ipsos quoque Caesares a Pontificibus maximis diadema aureum et sceptrum, Romani imperii insignia, accipere inveterata consuetudine cognovisset. quanquam et id pluribus a Caesare Maximiliano legationibus postulasse ferebatur. Igitur Paulus, qui feliciore aliquanto cursu, quam multo cum quaestu percurrere terrarum orbem ab ineunte aetate didicerat, quanquam senex et antiqua stranguria tentatus, prospero celerique itinere Moscham pervenit, ubi a Basilio humaniter est susceptus. Fuit interea in ejus aula menses duos, diffisusque viribus, et ejus immensi itineris difficultate deterritus, quum Indicae negotiationis spes omnes ac inexplicabiles cogitationes penitus abiecisset, cum Demetrio legato, priusquam eum in Moschoviam pervenisse putaremus, Romam rediit. At Pontifex magnificentissima Vaticanarum aedium parte, ubi laquearia aurata, lecti serici, aulaeque eximii operis visebantur, Demetrium suscipi, et togis sericis vestiri jussit: attribuitque ei comitem, ac rerum divinarum pariter et urbanarum monstratorem, Franciscum Cheregatum, Episcopum Aprutinum,

longinquis saepe ac dignissimis legationibus functum, qui ipsi Demetrio vel in Moschovia, Pauli sermonibus erat notissimus. Porro Demetrius ubi aliquot dierum quiete recreatus est, detersis elotisque sordibus, quas longo ac laborioso itinere contraxerat, assumptoque insigni patrio habitu, ad Pontificem deductus, eum de more supplex adoravit, munusque Zebellinarum pellium suo, regioque nomine obtulit. tum vero Basilii literae datae, quas ipsi antea, et demum Illyricus interpres Nicolaus Siccensis in hanc sententiam Latinis verbis transtulerunt. Clementi Papae, pastori ac doctori Romanaé Ecclesiae, Magnus Dominus Basilius Dei gratia Imperator ac dominator totius Russiae, nec non magnus Dux Volodimariae, Moschoviae, Novogrodiae, Pleschoviae, Smoleniae, Ifferiae, Jugoriae, Peremniae, Vetchae, Bolgariae etc. Dominator et magnus Princeps Novogrodiae inferioris terrae, Cernigoviae, Razaniae, Volotchiae, Rezeviae, Belchiae, Rostoviae, Jaroslaviae, Belozeriae, Udoriae, Obdoriae, Condiniaeque etc. Misistis ad nos Paulum centurionem civem Genuensem, cum literis, quibus nos adhortati estis, ut vobiscum, caeterisque Christianorum Principibus consilio ac viribus conjuncti esse vellemus, adversus Christiani nominis hostes, ac nostris vestrisque legatis ultro citroque commeandi tutum ac expeditum iter pateret, ut mutuo amicitiae officio, de amborum salute, et statu rerum cognosci possit. Nos autem, Deo bene atque feliciter adjuvante, sicuti hactenus, adversus impios Christianae religionis hostes impigre constanterque stetimus, ita et in posterum stare decrevimus. Itemque cum caeteris Christianis Principibus consentire, et pacata itinera praestare, parati sumus. Quas ob res mittimus ad vos Demetrium Erasmium, nostrum hominem, cum hac nostra epistola, Paulumque centurionem remittimus. Demetrium autem celeriter remittetis, eumque incolumem et inviolatum usque ad fines nostros esse jubebitis. Idem nos quoque praestabimus, si cum Demetrio legatum vestrum mittetis, ut sermone ac literis certiores de rebus administrandis reddamur, sic ut perspectis Christianorum omnium voluntatibus, nos etiam optima consilia capere valeamus. Datum in Domino nostro, in civitate nostra Moschovia, anno ab initio mundi septimo millesimo tricesimo, tertio Aprilis. Caeterum Demetrius, uti est humanarum rerum et sacrarum praesertim literarum

valde peritus, occultiora de magnis negotiis mandata habere videtur, quae mox eum privatis congressibus expositurum speramus: nam a febre, in quam ex coeli mutatione inciderat, pristinas vires et nativum vultus ruborem recuperavit, ita ut pontificiis sacris, quae in honorem divorum Cosmae et Damiani, solenni apparatu, musicisque concentibus confecta sunt, sexagenarius senex, et cum voluptate quidem astiterit, et in senatum venerit, cum Campegius Cardinalis a Pannonica legatione tum primum rediens, a Pontifice omnibusque aulae ordinibus exciperetur, quin et sacrosancta urbis templa et Romanae magnitudinis ruinas, priscorumque operum deploranda cadavera mirabundus inviserit, ita ut credamus eum propediem explicatis mandatis, cum legato pontificio, Episcopo Scarense, dignisque acceptis a Pontifice muneribus in Moschoviam esse rediturum. Moschoviarum nomen recens est: quanquam de Moschis Sarmatarum affinibus Lucanus meminerit, et Plinius Moschos ad Phasidis fontes supra Euxinum ad orientem constituat. Eorum regio latissimos habet fines, et ab aris Alexandri Magni circa Tanais fontes ad extrema terrarum, Borealemque Oceanum, sub ipsis fere Septentrionibus extenditur: campestris magna ex parte, et pabuli quidem ferax, sed aestate pluribus in locis admodum palustris. nam ea omnis terra magnis frequentibusque amnibus irrigatur, qui ubi nivibus hybernis multo solis vapore colliquatis, et resoluta ubique glacie contumescunt, campi passim in paludes abeunt, cunctaque itinera continentibus aquis et coenosa illuvie defoedantur, donec novae hyemis beneficio restagnantia flumina, ipsaeque paludes iterum cogantur, et vias solidissimo constratas gelu, vel transituris curribus praebeant. Hercynia sylva quotam Moschoviae partem occupat, ipsaque passim positis ubique aedificiis incolitur. jamque longo labore hominum rarior facta, non eam, sicuti plerique existimant, horridam densissimorum nemorum impenetrabiliumque saltuum faciem ostendit. Caeterum ea immanibus feris plenissima, per Moschoviam perpetuo tractu inter ortum solis, et Boream, ad Scythicum Oceanum excurrere traditur: ita ut spes hominum ejus finem curiose scrutantium infinita magnitudine sua semper eluserit. ea in parte, quae vergit ad Prussiam, uri ingentes et ferocissimi taurorum specie reperiuntur, quos Bisontes vocant: item-

que Alces cervina effigie, et cum carnea proboscide, altisque cruribus, et nullo suffraginum flexu: Lozzi a Moschovitis, a Germanis vero Helenes appellati, quae animalia C. Caesari nota fuisse videmus. Praeterea ursi inusitatae magnitudinis, et praegrandes lupi, atro colore formidabiles. Ab ortu Moschovia finitimos habet Scythas, qui Tartari hodie nuncupantur, gentem vagam, et bello omnibus seculis illustrem. Tartaris pro domibus sunt carri, centonibus coriisque contecti: ab quo vitae genere Hamaxovios autiquitas eos appellavit. Pro urbibus vero, ac oppidis immensa castra, non fossis, aut materiae claustris, sed infinita sagittariorum equitum multitudine vallata. Dividuntur Tartari per Hordas: ea est eorum lingua, consentientis in unum populi congregatio, ad effigiem civitatis. Hordis singuli praesunt Imperatores, quos genus, aut bellica virtus dedit. Saepe enim cum finitimis bella gerunt, ac ambitiose admodum et atrociter de imperio decertant. Hordarum infinitum prope numerum esse constat: quippe Tartari ad Cathayum usque celeberrimam in extremo ad Orientem Oceano civitatem, latissimas solitudines tenent. Porro qui proximi sunt Moschovitis, mercaturae commercio et frequentibus eorum irruptionibus sunt noti. In Europa ad Dromon Achillis Taurica in Chersoneso sunt Praecopitae, quorum Principis filiam Selymus Turcarum Imperator uxorem duxit. Ii Polonis maxime sunt infesti, lateque inter Borysthenem et Tanaim cuncta populantur: et cum Turcis sicuti religione, ita et caeteris in rebus mirifice consentiunt: qui in eadem Taurica Caffam Ligurum coloniam obtinent, Theodosiam antiquitus appellatam. Ii vero Tartari, qui inter Tanaim et Volgam amnem in Asia latos campos inhabitant, Basilio Moschovitarum Regi parent, et Imperatorem aliquando ejus judicio deligunt. Inter eos Cremii, intestinis seditionibus laborantes, cum antea opibus et belli gloria maxime valuissent, paucis ante annis vires simul ac omnem dignitatem amiserunt. Trans Volgam, Casanii Moschovitarum amicitiam religiose colunt, ac eorum se clientes esse profitentur. Ultra Casanios ad Boream sunt Sciabani, multitudine armentorum ac hominum potentes. Post eos sunt Nogai, qui summam hodie opum et bellicae laudis obtinent autoritatem. Eorum Horda quam amplissima nullum habent Imperatorem, sed Reip. Venetae more multa seniorum prudentia,

strenuorumque virtute gubernatur. Ultra Nogaios, haud magno ad meridiem deflexu, versus Hyrcanum mare, Zagathai Tartorum nobilissimi, oppida lapide constructa incolunt, regiamque habent Samarcandam urbem, eximiae magnitudinis et claritatis: quam Jaxartes, maximus Sogdianae amnis interfluit, atque inde ad centum miliaria in mare Caspium effunditur. Cum iis populis aetate nostra Hismael Sophus, Rex Persarum, dubio saepe eventu bella gessit: timoreque eorum adductus, dum vires omnes imminentibus opponuntur, Selymo una acie victori Armeniam, Taurisiumque regni caput praedae reliquit. Samarcanda urbe ortus est Tamburlanes, sive ut Demetrius dicendum monet, Themircuthlu, qui Bajazetem Ottomanum, hujus Solimani tritavum, apud Ancyram Galatiae urbem ingenti praelio superatum cepit, et per omnem Asiam ab se terribili, maximi exercitus impetu devictam, ferrea inclusum cavea, in triumphi pompa circumduxit. Ab hac regione ad Moschovitas plurima vestis serica adducitur. Caeterum mediterranei Tartari nihil praeter equorum pernicium greges, et nobiles nulla filorum textura, sed coactis ex lanis, candidos centones praebent: e quibus Feltriae vestes penulae, ad perferendum omnem imbrium injuriam idoneae, atque pulcherrimae conficiuntur. a Moschovitis autem laneas tunicas et argenteam monetam petunt, cum ab iis omnis corporis cultus, superfluaeque supellectilis apparatus contemnatur: solo etenim centone ad irati coeli contumeliam fortiter sustinendam contenti sunt, et solis confisi sagittis hostem arcent: quanquam dum in Europam excurrendum esse decrevissent, Principes eorum ferreas galeas et loricas, gladiosque falcatos, a Persis nostra tempestate coemerint. A meridie Moschovitarum fines iisdem ab Tartaris clauduntur, qui supra Maeotim paludem in Asia, et circa fluvios Borysthenem et Tanaim in parte Europae, planiciem ad Hercyniam vergentem tenent. Roxolani, Getae, et Bastarnae, antiquitus eam plagam incolvere, unde Russiae nomen effluxisse crediderim. nam Lithuaniae partem, Russiam appellat inferiorem: cum ipsa Moschovia, Russia alba nuncupetur. Lithuania itaque ab Cori venti flatibus Moschoviam spectat: ab occasu vero, mediterranea Prussiae atque Livoniae ipsis Moschoviae finibus inseruntur, ubi mare Sarmaticum ab Cymbricae Chersonesi angustiis irrumpens, lunato sinu ad Aquilonem inflectitur. In ex-

tremo vero ejus Oceani littore, ubi Norbegia atque Suetia, amplissima regna, Isthmo veluti quodam continenti adhaerent, Lapones existunt, gens supraquam credibile sit, agrestis, suspiciosa. et ad omne externi hominis vestigium, navigiique conspectum, maxime fugax. Ea neque fruges, neque poma, neque ullam omnino vel terrae, vel coeli benignitatem novit: sola sagittandi peritia cibum parat, variisque ferarum tergoribus vestitur. Gentis cubilia, cavernulae siccatis repletae foliis, cavique arborum stipites, quos vel intromissa flamma, vel ipsa vetustas, inducta carie fabricarit. Aliqui ad mare, ubi ingens est captura piscium, ineptis, sed felicibus artificibus piscantur, duratosque fumo pisces tanquam suas fruges recondunt. Laponibus exigua corporum statura, luridi contusique vultus, pedes vero velocissimi. Ingentia eorum ne ipsi quidem proximi Moschovitae noverunt, cum eos parva manu aggredi, exitialis insaniae esse dicant: magnis vero copiis in opem rerum omnium vitam ducentes lacessisse, neque utile, neque omnino gloriosum unquam existimarint. Ii candidissimas pelles, quas armelinas vocamus, cum varii generis mercimoniis permutant: sic tamen ut omne mercatorum colloquium conspectumque defugiant, adeo ut mutua rerum venalium collatione facta, et relictis medio in loco pellibus, cum absentibus et ignotis, sincerissima fide permutationes transigantur. Ultra Lapones in regione inter Corum et Aquilonem, perpetua oppressa caligine, Pygmeos reperiri, aliqui eximiae fidei testes retulerunt: qui postquam ad summum adoleverint, nostratis pueri denum annoum mensuram vix excedant: meticulosum genus hominum, et garritu sermonem exprimens, adeo ut tam simiae propinqui, quam statura ac sensibus ab justae proceritatis homine remoti videantur. Ab Aquilone vero innumerabiles populi Moschovitarum imperio patent, qui ad Oceanum Scythicum itinere trium fere mensium extenduntur. Proxima Moschoviae regio est Colmogora frugibus abundans, quam interluit Dividna, fluviorum totius Septentrionis longe amplissimus, qui alteri fluvio minori in mare Baltheum erumpenti, nomen dedit. Is statis et Niloticis similibus incrementis, nec in certis anni temporibus circunjectos inundat campos, pinguique alluvie, algentis coeli injuriis, saevisque Aquilonis flatibus mirifice resistit: cum nivibus imbribusque auctus inflatur, adeo lato alveo in Oceanum per

incognitas gentes in speciem ingentis pelagi defertur, ut expedito navigio unius diei remigatione transire nequeat: udi vero aquae mox resederunt, vastae passim insulae fertilitate nobiles relinquuntur. Frumentum namque terrae traditum, nullo aratri beneficio provenit, admirabilique celeritate naturae festinantis, ac novam superbi amnis injuriam timentis, oritur simul, et adolescit, atque in aristas educitur. In Dividnam influit Juga amnis: in ipsoque confluentium angulo celebre est emporium, nomine Ustjuga, a Moscha regia urbe sexcentis miliaribus distans. In Ustjugam a Permiis, Pecerris, Inugris, Ugulicis, Pinnagisque ulterioribus populis, pretiosae pelles martarum, zebellinorumque, luporum cervariorum, et nigrarum albarumque vulpium comportantur, et ab iis vario mercimonii generi permutantur. Zebellinos vero, levium pilorum tenui canicie probatissimos, quibus nunc Principum vestis fulcitur, et delicata matronarum colla, expressa vivae animantis effigie, conteguntur, Permii et Pecerri praebent: sed quos ipsi ab remotioribus etiam gentibus, quae ad Oceanum pertinent, per manus traditos accipiant. Permii et Pecerri paulo ante aetatem nostram more gentilium idolis sacrificabant: nunc vero Deum Christum colunt. Ad Inugros, Ugolicosque per asperos montes pervenitur, qui fortasse Hyperborei antiquitus fuerunt. In eorum jugis nobilissimi falcones capiuntur, ex iis genus unum est candidum, guttatis pennis, quod Herodium dicunt. Sunt et Hierofalchi, ardearum hostes, et sacri, et peregrini, quos antiquorum Principum luxus in aucupiis non agnovit. Ultra eos, quos modo nominavi, populos, Moschovitis Regibus tributa pendentes, aliae sunt nationae extremae hominum, nulla certa Moschovitarum peregrinatione cognitae: quando nemo ad Oceanum pervenerit: sed fama tantum, ac ipsis plerumque fabulosis mercatorum narrationibus auditae. Satis tamen constat, Dividnam innumerabiles trahentem amnes, ingenti cursu ad Aquilonem deferri, mareque ibi esse longe vastissimum, ita ut illinc ad Cathayum legendo oram dextri littoris, nisi terra intersit, navibus perveniri posse, certissima conjectura credendum sit. Pertinent enim Cathayni ad extremam Orientis plagam, ad Thraciae ferme parallelum, Lusitanis in India cogniti, cum proximi ad coemenda aromata per regionem Sinarum, Melacham usque ad auream Chersonesum navigarint, vestesque ex zebellinis

pellibus attulerint: quo vel uno argumento, non longe ab Scythicis littoribus Cathayum urbem abesse putamus. Caeterum cum a Demetrio quaereremus, an apud ipsos ulla de Gotthis populis vel fama per manus a majoribus tradita, vel ex ipsis literarum monumentis memoria superesset, qui ante mille annos et Caesarum imperium, et urbem Romam omnibus injuriis deformatam evertissent: respondebat, et Gotthicae gentis, et Totilae Regis nomen clarum esse atque illustre, in eamque expeditionem coivisse plures populos, et ante alios, Moschovitas: crevisseque eum exercitum ex colluvie Livoniorum et Circumvolganorum Tartarorum, sed propterea omnes Gotthos fuisse appellatos, quoniam Gotthi, qui insulam Islandiam sive Scandaviam incolerent, autores ejus expeditionis extitissent. Iis maxime finibus Moschovitae ex omni parte clauduntur, quos Modocas Ptolemaeo fuisse credimus: hodie autem a Moscho amne haud dubie sic dicti, qui et regiae urbi, quam interfluit, suum quoque nomen indiderit. Ea est omnium Moschoviae urbium longe clarissima, tum situ ipso, qui regionis medius esse existimatur, tum insigni fluminum opportunitate, domorumque frequentia, et munitissimae arcis celebritate. Oblongo etenim aedificiorum tractu, secundum Mosci fluminis ripam ad spacium 5 miliarium extenditur. domus in universum sunt ligneae distinctae in triclinia, coquinas, et cubilia, capacitate amplae, nec structuris enormes, aut nimium depressae: trabes enim ingentis magnitudinis ab Hercynia sylva supportantur, quibus ad rubricae lineam delibratis, et contrario ordine inter se ad rectos angulos conjunctis et confibulatis, exteriora domorum septa singulari firmitate, nec multa impensa, et summa celeritate constituuntur. Domus ferme omnes, et ad usum olerum, et ad voluptatem privatos habent hortos, unde rarae urbis circuitus longe maximus apparet. Singulae regiones singula habent sacella: sed conspicuo in loco templum est Deiparae Virgini dicatum, celebri structura atque amplitudine, quod Aristoteles Boloniensis mirabilium rerum artifex, et machinator insignis, ante 60 annos extruxit. ad ipsum urbis caput, Neglina fluviolus, qui frumentarias agit molas, Moschum amnem ingreditur, peninsulamque efficit: in cujus extremitate arx ipsa cum turridus ac propugnaculis, admirabili pulchritudine Italorum architectorum ingenio constructa est. In subjec-

tis urbi campis capreolorum et leporum incredibilis multitudo reperitur: quos nemini plagis et canibus sectari licet, nisi Princeps id ad voluptatem intimis familiaribus, vel peregrinis legatis indulserit. Tres ferme urbis partes duobus aluuntur fluminibus: reliqua vero, latissima fossa, atque ea multa aqua ex ipsis amnibus corrivata praecingitur. Urbs etiam ab adverso latere alio flumine quod Jausa dicitur, munita est: id pariter in Moschum paulo infra urbem evolvitur. Porro Moschus ad meridiem excurrens, in Ocham amnem multo majorem apud oppidum Columnam sese effundit: nec magno inde itineris spacio Ocha ipse, et suis et alienis undis magnus et tumens, exoneratur in Volgam, ubi ad confluentes situm est oppidum Novogrodia minor, de nomine majoris urbis, ex qua deducta est ea colonia, nuncupatum. Oritur Volga qui antiquitus Rha fuit, e magnis vastisque paludibus, qui Candidi lacus appellantur. Sunt eae supra Moscham inter Aquilonem et Corum, emittuntque cunctos ferme amnes, qui diversas in regiones diffunduntur, uti de Alpibus videmus: e quorum jugis ac fontibus Rhenum, Padum ac Rhodanum, innumerabilesque minores fluvios manare compertum est. Siquidem eae paludes pro montibus perenni scaturigine, humorem affatim praebent, cum nulli omnino montes in ea regione, multa etiam hominum peregrinatione reperiantur: ita ut Ryphaeos montes et Hyperboraeos toties ab antiquis celebratos, plerique Cosmographiae veteris studiosi penitus fabulosos esse arbitrentur. Ex iis itaque paludibus Dividna, Ocha, Moschus, Volga, Tanais atque Borysthenes oriuntur. Volgam Tartari Edilum, Tanaim vero Don appellant: ipse Borysthenes Neper hodie nuncupatur, hic paulo infra Tauricam in pontum Euxinum decurrit. Tanais autem a Maeoti palude, ubi Azoum est, nobile emporium, excipitur. Volga vero ad meridiem Moscham urbem relinquens, vasto circuitu ingentibusque maeandris primo ad Orientem, mox in Occasum, ac demum ad Austrum magna aquarum mole praecipitatus, in Hyrcanum mare devolvitur. Supra ejus ostium urbs est Tartarorum, nomine Cytracham, ubi a Medis, Armeniisque et Persis mercatoribus nundinae celebrantur. In ulteriore Volgae ripa Tartarorum oppidum est Casanum, a quo Casaniorum Horda nomen ducit: distat a Volgae ostio, Caspioque mari quingentis millibus passuum. Supra Casa-

num autem centesimo et quinquagesimo miliari ad ingressum amnis Surae, Basilius, qui nnnc regnat, Surcicum oppidum condidit, ut in ea solitudine mercatoribus ac viatoribus, qui de rebus Tartaricis, ac ejus inquietae gentis motibus proximos finium praefectos certiores reddunt, certa et tuta mansio cum tabernis hospitalibus statueretur. Moschovitarum Imperatores variis temporibus, uti ex usu praesentium rerum fuit, vel libido, nova ac obscura loca nobilitandi longius pertraxit, apud diversas urbes imperii atque aulae sedem habuere. Siquidem Novogardia, quae Caurum et solem fere occidentem spectat, versus Livonium mare non multis ante annis totius Moschoviae caput fuit, summamque semper obtinuit dignitatem, propter incredibilem aedificiorum numerum, latissimique et piscosi lacus opportunitatam, et vetustissimi ac venerabilis templi famam: quod ante quadringentos annos Byzantiorum Caesarum aemulatione, sanctae Sophiae Dei filio Christo dicatum fuit. Novogardia perpetua quasi hyeme et tenebris longissimarum noctium premitur. Nam polum Arcticum ab Orizonte sexaginta quatuor gradus elevatum videt: sex fere gradibus ipsa Moscha ab aequatore remotior, qua coeli ratione solstitii tempore propter exiguas noctes continuatis fere solis ardoribus aestuare perhibetur. Urbs quoque Volodemaria regiae nomen adepta est, quae ad ortum solis ducentis amplius miliaribus a Moscha distat: eoque sedem Imperii ab strenuis Imperatoribus necessaria ratione translatam ferunt, ut ex propinquo, quum tum bella continenter cum finitimis gererentur, paratiora praesidia adversus Scytharum irruptiones opponerent. Est enim citra Volgam in ripis Clesmae amnis sita, qui in Volgam evolvitur. Caeterum Moscha, vel ob eas, quas diximus, dotes, regiae nomine dignissima judicatur: quoniam medio quodam totius frequentioris regionis ac Imperii loco sapientissime constituta, munitaque arce et fluminibus, consensu omnium, praecelentiae meritam laudem, honoremque nulla aetate defuturum sibi vindicasse caeterarum urbium collatione videatur. Distat Moscha ab urbe Novogrodia quingentis millibus passuum, medioque ferme itinere Ottoferia Volgae amni imposita occurit. Is amnis, uti fonti proximus, nondum receptis tot amnibus, exiguus lenisque permeat, inde per nemora et campestres solitudines Novogrodiam pervenitur. Porro a Novogrodia ad Rigam proxi-

mum Sarmatici littoris portum, paulo minus quingentorum miliarium iter est. Isque tractus superiore commodior putatur, quum frequentes habeat vicos, urbemque Pleschoviam viae impositam, quam duo amnes complectuntur. Ab Riga autem, quae magni magistri militiae Livoniorum ditionis est, ad Lubeccam Germaniae portum in sinu Cymbricae Chersonesi miliaria paulo plus mille periculosae navigationis numerantur. Ab urbe Roma vero Moscham duobus millibus et sexcentis miliaribus distare compertum est, brevissimo scilicet itinere euntibus per Rhavennam, Tarvisium, Carnicas alpes, Villacumque Noricum, et Viennam Pannonicam, atque inde superato Danubio, per Olmutium Moravorum usque ad Cracoviam Poloniae regiam, mille et centum miliaria existunt. Ab ipsa vero Cracovia ad Vilnam Lithwaniae caput, quingenta: et totidem ab ea urbe ad Smolenchum ultra Borysthenem situm et a Smolencho ad Moscham sexcenta computantur, verum id iter, quod est a Vilna per Smolenchum ad Moscham, hyeme per nives longo concretas, gelu, lubricamque, sed multo attritu soliditatem glaciem expeditis in curribus incredibili celeritate conficitur: aestate vero nisi difficili laboriosoque itinere campestria superare nequeunt. nam ubi nives perpetuis solibus dissolvi eliquarique coeperint, in paludes coenosasque voragines abeunt, viris pariter et equis inextricabiles, nisi ligneis pontibus infinito prope labore consternantur. Terra Moschovia in universum neque vitem, neque oleam, neque paulo suavioris pomi frugiferam arborem, praeter melopepones et cerasa producit: cum teneriora quaeque gelidissimis Boreae flatibus exurantur, campi tamen tritici, siliginis, milii, paniciique et omnis generis leguminum segetes ferunt. sed certissima messis in cera et melle consistit. Regio enim tota foecundissimis apibus plena est, quae non in manufactis agrestium alvearibus: sed in ipsis arborum cavis probatissima mella conficiunt. hinc per sylvas, et opacissimos saltus, frequentia ac nobilia apum examina ramis arborum pendentia videre est, quae nullo aeris crepitu colligere sit necesse. Reperiuntur saepe favorum ingentes massae arboribus conditae, veteraque mella deserta ab apibus, quum singulas arbores, in vastis nemoribus rari agrestes minime perscrutentur: ita ut in admirandae crassitudinis arborum stipitibus permagnos mellis lacus aliquando reperiant.

Retulit et cum multo omnium risu Demetrius legatus, ut est ingenio comi et faceto, proximis annis viciniae suae agricolam, quaerendi mellis causa in praegrandem cavam arborem superne desiliisse, eumque profundo mellis gurgite pectore tenus fuisse haustum, ac biduo vitam solo melle sustinuisse, quum vox opem implorantis in ea sylvarum solitudine, ad viatorum aures penetrare nequivisset: ad extremum vero desperata salute, mirabili casu, ingentis ursae beneficio inde extractum evasisse, quum forte ejus beluae ad edenda mella more humano se demittentis, aversos renes manibus comprehendisset, et eam subito timore exterritam ad exiliendum tum tractatu ipso, tum multo clamore concitasset. Nobile quoque linum, et cannabum in restes, multaque item boum tergora, et massas cerae ingentes, Moschovitae in omnem Europae partem mittunt. Nulla auri, argentive, vel ignobilioris metalli, ferro excepto, apud eos vena, secturave reperitur nullumque est tota regione, vel gemmarum vel pretiosi lapilli vestigium. ea omnia ab externis populis petunt. naturae tamen injuria, quae tot bona prorsus inviderit, uno pellium nobilissimarum mercimonio resarcitur, quarum pretium incredibili hominum cupiditate et luxu adeo crevit, ut in singulas vestes suffulturae millenis aureis nummis veneant. Fuit autem tempus, quo haec vilius emebantur: cum remotissimae Septentrionis nationes politioris cultus, nostraeque adeo anhelantis luxuriae penitus ignarae, summa simplicitate, eas vilibus ac ridiculis saepe rebus permutarent: ita ut vulgo Permii, atque Pecerri, tantum pellium Zebellinarum pro ferrea securi rependerent, quantum earum simul connexarum ipso securis foramine, quo manubrium induitur, Moschovitae mercatores extrahere poterant. Ante quingentos annos Moschovitae gentilium deos coluere, Jovem scilicet, Martem et Saturnum, et plerosque alios, quos sibi insano errore hominibus ex industriis, aut regibus antiquitas finxit. Tunc vero primum Christianis sacrisinitiati, cum Graeci antistites haud satis constantibus ingeniis a Latinorum Ecclesia dissentire coeperunt: factumque est, ut Moschovitae eos religionis ritus, quos a Graecis doctoribus accepissent, iisdem sensibus, et sincerissima quidem fide sequerentur. Spiritum enim sanctum, tertiam in divina Trinitate personam, a patre Deo solum produci persuasum habent: cum rectis-

sima veritate a patre simul Christoque filio proficisci credendum sit, verum ea controversia apud conventum Florentinum, praesidente Eugenio IV. Pontifice, magna partium contentione agitata, eum exitum habuit, ut pertinacia Graecorum in sermone potius quam in sensu castiganda videretur: cum Graeci antistites evidentissimis convicti rationibus Spiritum S. a patre per filium produci faterentur. Sacramentum quoque non ex azymo, uti jure debemus, sed ex fermentato pane conficiunt: sub utraque specie, sicuti soli apud nos sacerdotes, panis scilicet, divinique sanguinis, ab eorum presbyteris universo populo communicatur: quo maximo errore imbuti Bohemi, paulo ante patrum nostrorum memoriam a Latinorum Ecclesia desciverunt. Caeterum quod valde alienum a Christiana religione esse videmus, nullis sacerdotum suffragiis, nullaque propinquorum, aut amicorum pietate juvari mortuorum manes arbitrantur: fabulosumque esse purgatorii locum putant, e quo tandem piorum animae, cum diuturna ignis poena, tum multis parentationibus, indulgentiaque summorum Pontificum expiatae, immortalium foelicitatem beata in coeli sede consequantur. Caeteris in rebus easdem fere ceremonias tenent: quae a Graecis usurpatae sunt, Romanamque ecclesiam caeterarum omnium principatum obtinere, superbe et pervicaciter negant. sed ante alia Judaeorum genus, vel memoria quidem horrent, nec eos intra fines admittunt, veluti pessimos atque maleficos homines: qui etiam novissime Turcas aenea tormenta conflare docuerint. Christi vitae miraculorumque omnium historia ab Evangelistis quatuor conscripta, itemque Pauli epistolae, dum sacra fiunt, e suggestu clariore voce recitantur, probataeque vitae sacerdotes homelias Ecclesiae doctorum publice legunt, etiam iis horis, quibus sacra minime conficiuntur. non enim Oratores cucullatos, qui advocato populo concionari, et ambitiose nimis atque subtiliter de divinis disserere soliti sunt, admittere fas putant: quoniam rudes imperitorum animos simplici potius doctrina, quam altissimis arcanorum interpretationibus ad sanctiorem morum frugem evadere, viri solidae religionis arbitrantur. Hos, quos modo diximus, sacros libros, itemque novi ac veteris instrumenti enarratores, praeterea Ambrosium, Augustinum, Hieronymum atque Gregorium, in linguam Illyricam traductos habent, religioseque custodiunt. Antistites, Principesque

minorum sacerdotum singulis urbibus, pagisque praefecti sacra curant, controversias dirimunt, et moribus depravatos summa quadam vindicandi potestate persequuntur. Regem sacrorum, quem ipsi Metropolitam vocant, a Constantinopolitano Patriarcha petunt: Archimandritae autem et Episcopi, conjectis in urnam meliorum nominibus, sorte ducuntur. Eorum vero hominum qui humanis cupiditatibus ultro renunciarunt, divinarumque rerum contemplationi et sacrorum ministerio sese dedicarunt, duplex est genus. utrunque coenobia incolit: sed alterum est vagum, et paulo solutioris vitae, sicuti apud nos divorum Francisci atque Dominici sectam profitentes: alterum constat ex sanctioribus monachis, quorum ordinem divus Basilius instituit. iis ne limine quidem vel in suprema vitae necessitate, pedem efferre fas est. Procul. n. ab oculis profanorum singulari duritie vitam in occultioribus adytis degunt, summamque subactae carnis et confirmati in religione animi opinionem praebent. Universus populus quater in anno, et pluribus semper diebus jejunare consuevit, abstinetque ab esu carnium, ovorum, et lactis. In vere primum, more Latino, post diem Cinerum: mox adulta aestate, in honorem divorum Petri et Pauli: et initio autumni demum, cum assumptae in coelum Mariae virginis memoriam celebramus: postremo sub. ipsam hyemem, cum adventus Domini pronunciatur. Per hebdomadam. vero, diem Mercurii sine carnibus, diem autum Veneris sine ovis lacteque traducunt. sed Saturni dies mensa omnibus obsoniis opipare referta, hilariter excolitur. Caeterum secus ac nos solemus, nullas festorum dierum vigilias observant. Religiosissime templa venerantur, adeo ut ea neque viros neque foeminas venereis pollutos complexibus intrare fas sit, nisi prius privatis balneis abluantur. Saepeque accidit, ut complures utriusque sexus sacra audientes, extra limen consistant, et propterea a petulcis juvenibus recentis incontinentiae notati, facietis aliquando nutibus salutentur. In ipso natali die Joannis Baptistae, et in Paschate trium Magorum, presbyteri sacratos panes parvos toti populo largiuntur, quorum esu febribus conflictatos allevari existimant. Alia quoque sacra, certo anni tempore apud flumina gelu concreta celebrantur. In ripa tabernaculum constituunt, et advocata nobilitate hymnos numeroso concentu pronunciant, sacraeque lymphae multa aspergine pro-

fluentem purificant, et solenni ceremonia stratum et consecratum circumcisa et revulsa glacie protinus aperiunt. Iis rebus rite confectis, si qui adsunt languentes vel morbosi, in flumen desiliunt, et sacris aquis abluuntur, cum ob id elui morborum sordes persuasum habeant. Defuncti, uti apud nos, mediocri funeris pompa comitantibus presbyteris efferuntur, capite mappa velato: caeterum non in templis, uti apud nos impia prope, vel abominabili certe corruptela usurpatum est, sed in septis ac exterioribus templorum vestibulis sepulturae traduntur, iisque more nostro quadragenis diebus parentant: quod certe mirum videtur, quum in purgatorio loco expiari animas, et criminum poenam ullis amicorum suppliciis, ulloque pietatis officio mitigari penitus negent. In caeteris, eadem quae a nobis de religione sentiuntur, constantissime credunt. Moschowitae Illyrica lingua, Illyricisque literis utuntur, sicuti et Sclavi, Dalmatae, Bohemi, Poloni et Lituani. Ea lingua omnium longe latissima esse perhibetur. nam Constantinopoli Ottomanorum in aula familiaris est, et nuper in Aegypto apud Memphiticum Sulthanum et equites Mamaluchos haud ingratis auribus audiebatur. In hanc linguam ingens multitudo sacrorum librorum, industria maxime divi Hieronymi et Cyrilli, translata est. Praetor quoque patrios annales, Alexandri etiam magni, Romanorumque Caesarum, itemque M. Antonii et Cleopatrae memoriam iisdem literis commendatam tenent. Philosophiam vero, et sideralem scientiam, caeterasque disciplinas et rationalem medicinam nunquam attigere. neque pro medicis se gerunt, qui alicujus paulo ignotioris herbae vires, se pluries observasse profitentur. Anni apud eos non a natali Christi, sed ab ipso mundi initio numerantur, qui non a mense Januario, sed a Septembri incipiunt. Leges toto regno habent simplices, summa Principum et justissimorum hominum aequitate conditas: et propterea populis valde salutares, quoniam eas ullis causidicorum cavillationibus interpretari atque pervertere non licet. De furibus, sicariis et latronibus supplicium sumunt. Quum de maleficiis quaestionem habent, reos multa gelida aqua superne demissa perfundunt, quod intolerandum tormenti genus esse perhibent. Nonnunquam obduratis et contumacibus, ut confessio criminis exprimatur, ligneis cuneolis digitorum ungues convelluntur. Juventus omnis variis ludis, sed militiae proximis sese

exercet: in stadio cursu contendit, in palaestra colluctatur, pernicitati equorum studet: omnibusque praemia, et praesertim sagittariorum peritissimorum proponuntur. In universum Moscovvitae statura sunt mediocri, sed quadrata, et valde torosa: caesii omnibus oculi, prolixae barbae, crura brevia, et ventres extenti. equitant contractis admodum cruribus: et peritissime, vel aversi et fugientes, sagittas emittunt. Domi opipare potius quam laute vivunt, nanque omnium fere cibariorum quae vel a luxoriosissimis desiderari possunt, mensae eorum, et parvo quidem precio passim instruuntur. Gallinae siquidem, et anates, singulis saepe argenteolis tenuibus nummis veneunt. majoris minorisque pecoris incredibilis est copia: et occisae media hieme juvencae, concretis gelu carnibus duorum fere mensium spacio non putrescunt. Venatione et aucupio, uti apud nos, nobiliora obsonia parantur. nam venaticis canibus et plagis omnis generis feras capiunt: et asturibus, atque falconibus, quos mirificos regio Pecerra praebet, non modo phasianos, et anates, sed cycnos et grues consectantur. Astures ex genere infimo aquilarum, vel milvorum: falcones vero accipitrum nobile genus antiquis fuisse putamus. Capitur quoque avis subnigra, puniceis superciliis, magnitudine anseris, quae pulparum sapore phasianarum superat dignitatem. Moscovvitica lingua Tethter nuncupata, quae Plinio Erythratao vocatur. Alpinis populis cognita, et maxime Rhetis, qui saltus ad Abduae amnis fontes incolunt. Ingentes etiam sapidissimosque pisces, et ante alios Sturiones, quos Siluros antiquitus fuisse putamus, Volga praebet: et ii quidem hyeme multa inclusi glacie, recentes pluribus diebus asseruantur. Aliorum vero piscium multitudinem ferme incredibilem, ex candidis, quos diximus, lacibus expiscantur. Vino nativo quum penitus careant, advecticio uti solent: sed in festis conviviis tantum, et sacrificiis. Ante alia Creticum subdulce maximo in honore habetur, sed in usum medicinae tantum, vel principalis luxuriae ostentationem: quum miraculi loco sit, eductum Creta per Gaditanas fauces, et tantis conclusi maris Oceanique fluctibus agitatum, incorrupta suavitatis ac odoris dignitate, inter Scythicas nives, ebibisse. Populus vero medonem bibit, ex melle lupulisque decoctum, quod picatis in cadis veterascit, et ex antiquitate nobilitatem adsequitur. In usu quoque sunt birra atque cervisia,

sicuti apud Germanos Polonosque videmus, quae ex tritico, zeaque vel ordeo decoctis, omni convivio circumferuntur. Hanc quadam cognata cum vino potestate, largius compotantibus ebrietatem inducere adfirmant. Medonem ac birram per aestatem infrigidare, infusa poculis glacie, voluptatis gratia solent. nam ingentia glaciei frusta nobilium in cellis subterraneis singulari studio recondunt. Sunt et, qui in deliciis habeant, succum ex subausteris cerasis expressum, qui perspicui et purpurissantis vini calorem et saporem jucundissimum refert. Uxores et foeminae, non in eo honore sunt apud eos, ut apud caeteras gentes. nam prope ancillarum loco habentur. Viri insignes earum vestigia mirum in modum observant, et pudicitiae diligentissime cavent. non. n. adhibentur conviviis neque sacrorum causa remotiora templa petere, aut temere in publicum egredi permittuntur. Caeterum vel ad externis hominibus, et exiguo quidem precio, ad Venerem omne vulgus foeminarum facile pellicitur, adeo ut parum earum amoribus studere viri nobilis existimentur. Basilius ante viginti annos Joannem patrem amisit. Is Sophiam, Thomae Palaeologi, qui late in Peloponneso imperabat, Constinopolitanique Imperatoris erat frater, uxorem duxit. ea tum Romae erat, Thoma patre Turcarum armis Graecia pulso. ex hac quinque liberi felici foecunditate suscepti, ipse Basilius, Georgius, Demetrius, Simeon et Andreas. Demetrio et Simeone jam pridem morbo absumptis, Basilius Salomoniam Georgii Soborovii, eximiae fidei atque prudentiae consiliarii, filiam, in matrimonium sibi collocavit: cujus foeminae singulares virtutes una sterilitas obscurat. Solent autem Maschovitae, cum de uxore ducenda deliberant, omnium toto regno puellarum virginum delectum habere, ac forma virtuteque animi praestantiores ad se perduci jubere: quas demum per idoneos hominis, fidelesque matronas inspiciunt, ita diligenter, ut secretiora quoque ab iis contrectari explorarique fas sit. Ex iis vero magna atque solicita parentum expectatione, quae ad Principis animum responderit, regiis nuptiis digna pronunciatur. caeterae vero, quae de formae, pudicitiaeque et morum dignitate contenderant, saepe eadem die in gratiam Principum, proceribus atque militibus nubunt: sic ut mediocri loco natae plerumqne, dum Principes, regiae stirpis clara stemmata contemnunt, ad summum regalis thori fastigium,

uti et Turcas Ottomanos solitos esse videmus, pulchritudinis auspiciis evehantur. Basilius quardragesimum septimum aetatis annum non attingit, specię corporis eximia, animi virtute singulari, suorumque studio ac benevolentia, et rebus gestis, progenitoribus suis anteferendus. Nam, cum per sex annos cum Livoniis, qui septuaginta duas urbes foederatas in eius belli causam trahebant, armis contendisset, paucis legibus datis potius quam acceptis victor discessit. Polonos quoque initio statim ipsius Imperii, acie profligavit: Constantinumque Ruthenum copiarum ducem, captum, et cathenis vinctum, Moscham perduxit. Sed ipse aliquando post ad Borysthenem, supra Orsam urbem, ab eodem Constantino, quem dimiserat, magno praelio est superatus: ita tamen ut Smolenchum oppidum, quod antea Mosehovitae occuparant, post tantam etiam victoriam a Polonis partam, in ditione Basilii relinqueretur. Sed adversus Tartaros, et maxime Europeos Praecopitas, saepius secundo praelio a Moschovitis est dimicatum, ulciscendis fortiter injuriis, quas illi repentinis incursionibus intulissent. Supra enim centum et quinquaginta milia equitum Basilius ad bellum ducere consuevit, distinctis per vexilla turmis, quae suos duces sequuntur. Regiae aleae vexillo inscripta est Josuae Hebraei imago, illius qui, ut sacrae referunt historiae, a Deo maximo longissimum diem, retardato solis cursu, piis precibus impetravit. Pedestres copiae nullo prope usui sunt in illis vastis solitudinibus, tum ex ipsa vesta quae fluxa talarisque est: tum ex hostium consuetudine, qui cursu potius et equitandi celeritate, quam vi statariae pugnae, vel ipso congressu militiam exercent. Equi eorum statura infra mediam existunt, sed robusti et velocissimi habentur. Equites praepilatis hastis, clavisque ferreis et sagittis rem gerunt. paucis falcati sunt gladii. Corpora vero clypeis rotundis, ut Asiatici Turcae: vel inflexis et angularibus parmis, more Graecorum, itemque lorica et galea pyramidali proteguntur. Basilius etiam Scloppettariorum equitum manum instituit: multaque aenea tormenta Italorum fabrorum artificio conflata, suisque imposita curribus in arce Moschae visuntur. Ipse insigni apparatu et singulari comitate, pua tamen Regia majestas ulla ex parte corrumpitur, publice cum proceribus atque legatis epulari solet, maguumque inaurati argenti pondus duobus

abacis expositum, eodem triclinio conspicitur. Nullam praetoriani militis cohortem, praeter ipsam familiam, corporis custodiae causa, circum se habere, vel alibi alere consuevit. Ab urbana. n. fideli multitudine stationes habentur. nam una quaeque urbis regio foribus, cancellisque sepitur: nec temere per noctem, aut sine lumine, in urbe vagari licet. Aula omnis constat ex regulis, et ex ipso militum delectu, qui per statos mensium circuitus, frequentandae, nobilitandaeque regiae causa per vices ad implenda comitatus officia e singulis regionibus accersuntur. Porro exercitus omnis, quum bellum ingruit, vel hostibus indicitur, ex evocatis veteranis, novisque provinciarum delectibus cogitur: nam cunctis in urbibus praefecti militiae juventutem inspiciunt, idoneosque in ordines militum transcribunt: quibus ex aerario provinciarum, certa, pacis tempore, sed ea quidem exigua, stipendia persolvuntur. Verum qui militant, immunitate vectigalium gaudent, et caeteris paganis praestant, regiaque gratia omnibus in rebus potentes existunt. Pacescit namque verae virtuti nobilis locus, quum bellum geritur: siquidem egregio et in omni rerum administratione salutari instituto, ad suum quisque spectatum facinus, vel perpetui praemii, vel ignominiae sempiternae fortunam assequitur.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.) Къ сожалѣнію этого *чертежа* не находится ни въ одномъ изданіи сочиненій Павла Іовія.

2.) Изъ сего описанія видно, что Павелъ Іовій или не зналъ, что рѣка Оксъ (Гигонъ, Джейгонъ, нынѣ Амуръ-дерья) впадаетъ въ Аральское, а не въ Каспійское море, или полагалъ до сихъ еще поръ существующимъ то устье, которымъ, по свидѣтельству древнихъ, рѣка сія нѣкогда изливалась въ Каспійское море, пустивъ нѣсколько рукавовъ въ болота, составляющія нынѣ море Аральское. Устье это, какъ извѣстно, давно уже засыпано. О *Гирканскомъ морѣ* см. пр. 68 къ І. Барбаро.

3.) См. прим. 23 къ І. Барбаро.

4.) См. прим. 30 къ І. Барбаро.

5.) Латеранскій Сеймъ, какъ мы уже объяснили въ примѣчаніи 55-мъ къ Ал. Кампензе, получилъ названіе свое отъ Латеранскаго Дворца, въ которомъ онъ собирался и отъ находящейся приономъ соборной церкви во имя Св. Іоанна Латеранскаго (Sacrosancta Ecclesia Lateranensis, omnium Ecclesiarum mater et caput). Дворецъ Латеранскій, по свидѣтельству Баронія, принадлежалъ въ древности тому самому Латерацу, который былъ умерщвленъ Нерономъ, и поступилъ во власть Римскихъ Первосвященниковъ въ началѣ IV столѣтія, при Папѣ Мельхіадѣ, получившемъ его въ даръ отъ Императора Константина. Въ Латеранскомъ дворцѣ было всего 5 главныхъ соборовъ (въ 1123, въ 1139, въ 1179, въ 1215 и въ 1512 годахъ) и нѣсколько частныхъ. Послѣдній изъ пяти глав-

ныхъ соборовъ есть тотъ самый, о которомъ упоминаетъ П. Іовій. Онъ созванъ былъ при Юліѣ II. и распущенъ въ 1517 году, при Львѣ X. Главнѣйшею цѣлію сего собора было желаніе Римскаго Двора подвигнуть Христіанскихъ Государей къ союзу противу Турокъ.

6.) См. прим. 58 къ А. Кампензе.

7.) Въ Италіанскомъ переводѣ П. Іовія, напечатанномъ въ Рамузіевомъ сборникѣ, сказано, что Димитрій, преклонивъ колѣна, цѣловалъ по обычаю у Папы ноги (humilmente inginocchiato secondo l'usanza gli baciò li piedi), а въ Латинскомъ подлинникѣ напечатано просто: eum de more supplex adoravit.

8.) П. Іовій смѣшиваетъ Латинское слово urus — буйволъ — съ названіемъ bisons — дикій быкъ. Герберштейнъ дѣлаетъ различіе между этими животными. «Дикихъ быковъ (bisontes), говоритъ онъ, Литовцы на своемъ языкѣ называютъ Зубрами, а Нѣмцы Aorof или Urox, каковое названіе собственно принадлежитъ буйволу (urus), имѣющему совершенно видъ воловій, между тѣмъ какъ дикіе быки (bisontes) вовсе на нихъ не похожи. Они имѣютъ гриву, шею и плечи мохнатыя; шерсть ихъ издаетъ запахъ мускуса и пр.»

9.) *Амасковіи* въ Италіанскомъ переводѣ П. Іовія, напечатанномъ во 2-мъ томѣ Рамузіева сборника, названы Амазонами, т. е. живущими въ повозкахъ (Hamazonii, cioè viventi nelli carri). Народъ этотъ, по свидѣтельству Сестренцевича, принадлежалъ къ племени Сарматскому и обиталъ на правомъ берегу рѣки Дуная, тамъ, гдѣ нынѣ находится городъ Видинъ. (См. Siestr. de l'orig. des Sarmates etc. T. I. p. 74).

10.) См. прим. 29 къ І. Барбаро.

11.) *Ахиллесово поприще*, нынѣ Кинбурнская коса, есть узкая полоса земли, простирающаяся на Сѣверозападъ отъ перешейка, соединяющаго Таврической полуостровъ съ материкомъ.

12.) Названіе *Кремскихъ Татаръ* не встрѣчается ни въ одномъ изъ писателей, говорившихъ о сихъ народахъ. Трудно думать, чтобы П. Іовій разумѣлъ тутъ Крымцевъ, ибо онъ уже прежде упомянулъ объ нихъ, подъ названіемъ Татаръ Перекопскихъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ говоритъ объ ордѣ Кипчакской, которая, какъ извѣстно, была разрушена Менгли-Гиреемъ въ 1502 году. *Шибанскіе* или Тюменскіе Татары получили названіе свое отъ Шейбани-Хана, брата Батыева, господствовавшаго въ землѣ Туранъ или Сибири. О Татарахъ Джагатайскихъ см. пр. 75 къ І. Барбаро, а о Ногайскихъ Прим. 12 къ Ал. Кампензе.

13.) *Согдіана,* древняя Персидская область, находившаяся между рѣками Оксомъ и Яксартомъ и состоявшая изъ нынѣшней Большей Бухаріи или земли Усбековъ, южнаго Белюра и малаго Тибета. Имя Согдіаны получила она отъ искривленнаго своего положенія.

14.) *Яксартъ,* нынѣ Сыръ—дерья. О впаденіи ея въ Аральское, а не въ Каспійское море см. Прим. 68 къ І. Барбаро.

15.) *Измаилъ - Софи,* потомокъ Шеика Софи, изъ рода Алія, и внукъ Узунъ-Гассана по матери, овладѣлъ въ 1505 году, съ помощію религіознаго фанатизма, Персидскою монархіею, находившеюся въ продолженіе цѣлаго столѣтія во власти Князей Туркоманскихъ. Завоевавъ Діарбекиръ, Грузію, Туркистанъ и Мауренерскую землю, назвалъ онъ себя Шахомъ Персіи, ввелъ между подданными своими секту Алія и былъ основателемъ династіи Софи, царствовавшей въ Персіи до 1722 года.

16.) См. прим. 15 къ А. Кампензе.

17.) *Галатія,* сѣверовосточная область Фригіи, въ Малой Азіи, получила это названіе отъ поселившихся въ ней Галатовъ, народа, составившагося изъ смѣшенія Грековъ и Кельтовъ.

18.) *Росколане* и *Язиги*, два главнѣйшіе народа Сарматскаго племени, вытѣснивъ при Митридатѣ Скиѳовъ изъ жилищъ

ихъ между Дунаемъ и Азовскимъ моремъ, заняли сами все это пространство. Утвердившись въ Дакіи, которую составляли Молдавія, Валахія, Трансильванія, часть Венгріи и Баннатъ Темесварскій, они первые, какъ говоритъ Карамзинъ, дерзнули тревожить Римскія владѣнія съ этой стороны и начали ту ужасную и долговременную войну дикаго варварства съ гражданскимъ просвѣщеніемъ, которая заключилась наконецъ гибелью послѣдняго. *Геты*, народъ Ѳракійскій, побѣжденный Александромъ Великимъ на Дунаѣ, но страшный для Рима во время Царя своего Беребиста храбраго, обитали также въ странахъ, составлявшихъ Дакію. Со времени Траяна, обратившаго землю сію въ область Римскую, имя Дакіанъ взяло перевѣсь надъ именемъ Гетовъ, о коихъ послѣ сего уже нигдѣ не упоминается. Нѣкоторые писатели по ошибкѣ смѣшиваютъ Гетовъ съ Готѳами, народомъ Германскаго происхожденія, подробно описанномъ нами въ примѣчаніи 63 къ I. Барбаро. *Бастарны*, народъ Германскій, обитали отъ истоковъ Вислы, вдоль Карпатскаго хребта, до устья Дуная. Часть этого хребта отъ имени ихъ получила названіе Бастарнскихъ Альповъ.

19.) *Кимврійскій Херсонисъ*, — нынѣ Ютландскій полуостровъ, названный у Плинія Картрисомъ.

20.) Объ этомъ баснословномъ народѣ упоминаетъ еще Гомеръ, говоря что ему угрожали гибелью журавли. По свидѣтельству Плинія города и домы ихъ выстроены были изъ яичной скорлупы, а Филостратъ разсказываетъ, что они хлѣбъ свой съ полей срубливали топорами. Огромная рать Пигмеевъ, по увѣренію тогоже писателя, напала на Геркулеса послѣ битвы его съ Антеемъ и стала осаждать спящаго Героя, какъ бы нѣкій укрѣпленный городъ. Геркулесъ проснулся, разсмѣялся надъ усиліями маленькихъ враговъ своихъ и, завернувъ всѣхъ ихъ въ львиную свою кожу, отнесъ къ Эвристею.

21.) *Сѣверная* Двина происходитъ изъ соединенія рѣкъ *Юга* и *Сухоны*. Впрочемъ уже во время Герберштейна городъ Устюгъ Великій находился на Сухонѣ, въ растояніи полумили

отъ устья Юга. Вотъ что о положеніи его сказано въ Древной Россійской Идрографіи, на стр. 211: „ниже града Устюга Великаго рѣка Сухона да рѣка Югъ сошлись вмѣстѣ и тѣ обѣ рѣки текли съ тѣхъ мѣстъ и до моря потекла Двина рѣка“ и на стр. 220: „а ниже Устюга Великаго версты съ три пала въ Сухону рѣка Югъ, и пр.“

22.) *Золотымъ Херсонисомъ* называли древніе нынѣшній Малакскій полуостровъ въ Восточной Индіи.

23.) *Тотила,* Царь Остроготескій, взошелъ на престолъ въ 544 году по Р. Х. Покоривъ въ короткое время мужествомъ, великодушіемъ и кротостію почти всю Италію, онъ въ 546 году овладѣлъ и самимъ Римомъ, находившимся тогда подъ защитою Византійскихъ наемниковъ, и конечно бы въ конецъ раззорилъ его, еслибы знаменитый Велисарій не подоспѣлъ къ нему на помощь. Склоненный просьбами и убѣжденіями Римскаго вождя, Тотила вышелъ изъ города, взявъ съ собою всѣхъ Сенаторовъ: но въ отсутствіе его Велисарій успѣлъ снова привести стѣны городскія въ оборонительное положеніе и сдѣлать нужныя приготовленія къ своей защитѣ. Тотила, узнавъ о семъ, поспѣшилъ къ Риму въ надеждѣ опять взять его; но усилія его остались тщетными. Отступивъ съ значительнымъ урономъ въ Апулію, онъ разбилъ тамъ отрядъ Римскаго войска и съ новыми силами явился подъ стѣнами Всемірной столицы. На сей разъ удалось ему овладѣть городомъ чрезъ измѣну стражи, и вступивъ въ него побѣдителемъ, онъ сталъ требовать отъ Юстиніана уступки всей Италіи. Императоръ не принялъ пословъ Остроготескихъ, и раздраженный Тотила, снарядивъ огромный флотъ, овладѣлъ Регіумомъ и Тарентомъ и, переплывъ въ Сицилію, покорилъ ее своему оружію, равно какъ Сардинію и Корсику. Торжество его не было однако продолжительно. Подоспѣвшій на помощь къ Италіанскимъ берегамъ флотъ Римскій разсѣялъ Готескія суда и отнялъ у нихъ Сицилію, а между тѣмъ съ сухаго пути приближалась къ Риму многочисленная рать Юстиніанова, предводительствуемая храбрымъ Нарсесомъ, преемникомъ Велисарія (552 г.). Тоти-

ла поспѣшилъ на встрѣчу врагамъ, напалъ на нихъ въ мѣстѣ, называемомъ Busta Gallorum; но былъ разбитъ на голову и принужденъ искать спасенія въ бѣгствѣ. — Настигнутый въ пути военачальникомъ Гепидовъ, по имени Асбадомъ, который не узналъ его, онъ былъ пораженъ ударомъ копья и кончилъ жизнь съ мечемъ въ рукахъ. Съ нимъ вмѣстѣ пала слава Готѳскаго Царства, окончательно разрушеннаго при его преемникѣ. Исторія сохранила намъ самыя выгодныя понятія о характерѣ Тотилы. Онъ былъ столько же мужественъ, какъ великодушенъ и кротокъ.

24.) *Скандинавія*, нынѣшная Швеція и Норвегія, по мнѣнію древнихъ не принадлежала къ матернку, но составляла отдѣльный, плодоносный островъ. Первый упоминаетъ объ ней Помпоній Мела въ 3-й книгѣ сочиненія своего de situ orbis, а Плиній говоритъ, что на сѣверозападѣ Скандинавіи проходили Севскія, нынѣ Кіэленскія горы, отдѣлявшія землю Неригонъ (Норвегію) отъ остальной части Скандинавіи.

Объ участіи Славянскихъ племенъ въ походахъ Готѳовъ и Гунновъ противу Римской Имперіи впервые упоминаетъ извѣстный Готѳскій историкъ Іорнандъ. Когда Готѳы, въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х. двинулись изъ жилищъ своихъ на Балтійскомъ морѣ къ берегамъ Дуная, Славяне должны были покориться побѣдоносному оружію Сѣверныхъ пришельцовъ и вмѣстѣ съ ними дѣлить опасности и славу ихъ воинскихъ подвиговъ. Въ послѣдствіи они, подобно всѣмъ прочимъ народамъ, подпали подъ иго Гунновъ и въ полчищахъ Аттилы явились на западѣ Европы для опустошенія владѣній Римскихъ. Испытавъ, какъ говоритъ Карамзинъ, подъ начальствомъ сихъ завоевателей, храбрость свою и пріятность добычи въ богатыхъ областяхъ Имперіи, Славяне охотно послѣдовали за мужественнымъ Ѳеодорикомъ въ Италію и до самаго паденія Царства Остроготѳовъ не преставали сражаться въ рядахъ сихъ храбрыхъ враговъ Всемірной Имперіи. — Трудно понять, откуда Димитрій почерпнулъ свѣдѣнія свои объ участіи нашихъ предковъ въ походахъ противу Рима, ибо ни одинъ изъ лѣтописцевъ Русскихъ не упоминаетъ о семъ.

25.) Въ этомъ трудно согласиться съ Авторомъ. Имя Московитянъ дано было Русскимъ Западными писателями уже въ то время, когда городъ Москва составляла столицу Московскаго Княжества. Прежде же сего она была небольшимъ городкомъ Княжества Владимірскаго.

26.) Объ *Аристотелѣ Болонскомъ* смотри пр. 54 къ А. Контарини.

27.) *Сурцикулъ*—безъ сомнѣнія Васильгородъ или Василевъ, о положеніи коего въ древней Россійской Идрографіи, на стр. 150, сказано: „а ниже Новаграда Нижняго на Волгѣ, на нагорной сторонѣ, сто тридцать верстъ *Васильградъ*, а подъ градомъ подъ Василемъ съ вышнія стороны пала въ Волгу рѣка Сура.“ Въ Степенной же книгѣ (ч. II. стр. 202) о построеніи его сказано слѣдующее: „И убо слышавъ Великій Князь Василій, яко Казанскій Царь Саипъ Гирѣй много крови Христіанскія проливаетъ и посланника его Василія Юрьевича Поджегина уби, и сжали си о сихъ, самъ поиде съ братіею своею въ Нижній Новградъ, оттуду же Царя Шигъ-Алея къ Казани посла, съ нимъ же посла Воеводъ своихъ по суху. Они же шедше на усть рѣки Суры, поставиша градъ Василь, и улусы Казанскія повоеваша, и со многимъ плѣномъ здрави пріидоша къ Великому Князю».

28.) *Софійскій соборъ* въ Новгородѣ построенъ въ Княженіе Ярославово. Вотъ что сказано о семъ въ 1-мъ томѣ Софійскаго временника, на стр. 155: „Въ лѣто ЅФНГ (1045) заложи Володимиръ Ярославичъ Церковь Святую Софію въ Новѣгородѣ,» и ниже: «Въ лѣто ЅФНИ (1050) священена бысть святая Софія въ Новѣгородѣ, на Въздвиженіе честнаго креста, повелѣніемъ Великаго Князя Ярослава».

29.) См. Прим. 73. къ I. Барбаро.

30.) Россіяне, до крещенія ихъ въ 989 году Великимъ Княземъ Владиміромъ, дѣйствительно поклонялись языческимъ богамъ, но не Юпитеру, Марсу и Сатурну, какъ утверждаетъ Авторъ. Они имѣли свою особенную Миѳологію.

31.) Въ древней Апостольской Церкви, равно какъ и на Никейскомъ соборѣ, не было вопроса объ исхожденіи третьяго лица Св. Троицы. Вопросъ этотъ возникъ въ первый разъ въ 381 году, на Константинопольскомъ соборѣ, который признавъ правильнымъ Сvмволъ вѣры, составленный на основаніи Евангельскаго ученія соборомъ Никейскимъ, присовокупилъ къ нему и ученіе о Св. Духѣ, для опроверженія ложнаго мнѣнія Константинопольскаго Патріарха Македонія, не признававшаго божественности Св. Духа. Ученіе это, выраженное словами: «и въ Духа Святаго Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго» основано на слѣдующемъ изрѣченіи Евангельскомъ: «Егда же пріидетъ утѣшитель, его же азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о мнѣ.» (Іоаннъ XV. 26) Не смотря на ясность этого выраженія, Западное Духовенство, чрезъ 18 лѣтъ послѣ перваго Константинопольскаго собора, и имянно въ 399 году, на соборѣ Толедскомъ, созванномъ противу Прискиліанъ и состоявшемъ изъ 19 Епископовъ, неизвѣстно почему къ ученію Сvмвола объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца прибавило: *и Сына.* Объ этомъ нововведеніи Восточное Духовенство узнало не ранѣе, какъ въ правленіе Карла Великаго, который, по свидѣтельству дѣеписателей, самъ былъ ревностнымъ поборникомъ таковаго измѣненія и даже для утвержденія онаго созвалъ особенный соборъ въ Аквисгранѣ (Ado. Arch. Vien. Chron, ad an. 809). Соборъ этотъ не могъ однако рѣшить предложеннаго ему вопроса и, послѣ продолжительныхъ преній, положилъ отправить Посольство къ Папѣ Льву III, для испрошенія согласія его на включеніе въ Сvмволъ вѣры вышеозначеннаго прибавленія. Посольство это, состоявшее изъ двухъ Епископовъ: Берегарда и Іессея и духовнаго Сановника Аввы Адельгарда, не имѣло однако желаннаго успѣха; ибо Левъ III не только не согласился на измѣненіе Сvмвола, но даже, для предостереженія потомства, повелѣлъ вырѣзать его въ первоначальномъ видѣ на двухъ серебряныхъ доскахъ и поставить въ храмѣ Св. Петра, съ слѣдующею надписью: Haec Leo posui amore et cautela orthodoxae Religionis, т. е. Я, Левъ, поставилъ сіе изъ любви къ Православной вѣрѣ и для ея охраненія. Впрочемъ не одинъ онъ по-

казалъ себя въ это время на Западѣ противникомъ нововведенія. Православіе нашло еще и другихъ, стольже ревностныхъ защитниковъ въ знаменитомъ Алкуинѣ, другѣ и совѣтникѣ Карла Великаго и въ Аквилейскомъ Патріархѣ Павлинѣ. Вотъ какъ первый изъ нихъ объясняется о измѣненіи Сумвола вѣры въ посланіи своемъ къ Ліонскимъ братіямъ: «Любезнѣйшіе братія! Всѣми силами вашими блюдитесь новаго ученія Испанскаго; въ вѣрованіи слѣдуйте по стопамъ Св. Отцевъ и пребывайте въ святѣйшемъ соединеніи съ Церковію; ибо написано: не преступай преданій Отцевъ и къ Сумволу Каѳолической Церкви не прибавляй ничего новаго; не слѣдуй преданіямъ, доселѣ неслыханнымъ, а шествуй по гладкой стезѣ ученія Апостольскаго, дабы чрезъ изгибы какой либо новизны не совратиться съ пути истиннаго» (Op. Alc. Paris. 1617. num. 69). Этого краткаго Историческаго извѣстія достаточно кажется для доказательства, что Церковь Греческая неизмѣнно содержитъ тотъ Сумволъ вѣры, который постановленъ былъ Святыми Отцами на Никейскомъ соборѣ и подтвержденъ на Константинопольскомъ, и что Западная Церковь произвольнымъ измѣненіемъ его отступила отъ догматовъ, предписанныхъ ей первыми ея учредителями.

32.) Таинство Евхаристіи, какъ въ Греческой такъ и въ Россійской Церкви, совершается въ томъ самомъ видѣ, какъ совершено оно было Спасителемъ на Тайной Вечери. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ свидѣтельства Евангелистовъ Матѳея (Гл. XXVI), Марка (Гл. XIV) и Луки (Гл. XXII) и Святаго Апостола Павла (1 Корин. XI), которые, говоря о Тайной Вечери, выражаются просто: *Пріимъ хлѣбъ* и пр.; безъ прибавленія, что этотъ хлѣбъ былъ прѣсный, чтобы они конечно не преминули объяснить; ибо во всѣхъ мѣстахъ Св. Писанія, гдѣ только говорится о хлѣбѣ опрѣсночномъ, слѣдуетъ таковое поясненіе. «Да возмеши же тельца единаго отъ говядъ, и овна два непорочна, и хлѣбы прѣсны.» (Исх. XXIX. 1: 2). «И простре Ангелъ Господенъ конецъ жезла, иже въ руцѣ его, и прикоснеся мясомъ и хлѣбомъ прѣснымъ.» (Кн. Суд. VI, 21). «Не вхождаху жерцы высокихъ ко олтарю Господню въ

Іерусалимѣ, но токмо ядяху опрѣснокы посредѣ братіи своея» (4. Кн. Царствъ XXIII. 9). На замѣчаніе тѣхъ, которые стали бы утверждать, что на Вечери Господней не могло быть инаго хлѣба, кромѣ опрѣсночнаго, ибо закономъ Моисеевымъ возбранялось въ теченіе всѣхъ семи дней Пасхи употребленіе кваснаго хлѣба (Да не снѣси въ ню кваснаго: седьмъ дней да яси въ ню опрѣснокы, хлѣбъ озлобленія, яко тщаніемъ изыдосте изъ Египта, да поминаете день исхода вашего отъ земли Египетскія вся дни житія вашего. Да не явится тебѣ квасно во всѣхъ предѣлехъ твоихъ седьмъ дней и пр. Второзак. XVI. 3, 4), достаточно возразить, что Пасха Новозавѣтная совершена была Спасителемъ цѣлыми сутками ранѣе Пасхи Іудейской и потому весьма легко могъ Онъ совершить ее на хлѣбѣ квасномъ. Если же намъ замѣтятъ, что день, въ который совершена была Новозавѣтная Пасха, названъ у Евангелистовъ Матѳея и Марка первымъ днемъ опрѣсночнымъ, то на таковое замѣчаніе отвѣтимъ мы слѣдующими словами Іоанна Златоуста: «Въ первый опрѣсноковъ, бывшій прежде опрѣсноковъ, день, рече. Обыкоша бо отъ вечера всегда числити день, и поминаетъ день той, его же въ вечеръ Пасха имѣяше жретися. Въ пятый бо Субботы приступиша. И день сей прежде опрѣсноковъ, нарицаетъ Матѳей время, въ неже приступиша; Лука же тако глаголетъ: пріиде же день опрѣсноковъ, въ оньже подобно бѣ время жрети Пасху. Симъ рѣченіемъ, пріиде, сіе назнаменуя, близъ бѣ, при дверехъ бѣ оный, сіесть помина вечеръ. (Бесѣда на Еванг. Матѳ. Москва. 1781. листъ 537 на оборотѣ).» Впрочемъ и самые послѣдователи западной Церкви не всегда употребляли опрѣсноки при Священнодѣйствіи. Болѣе осьми вѣковъ совершали они Таинство Евхаристіи на хлѣбѣ квасномъ. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ свидѣтельство Кардинала Боны, который въ I-й Книгѣ своей о Литургіи (Гл. XXIII) пишетъ слѣдующее: «Больше осьмисотъ лѣтъ въ Западной Церкви употребляемъ былъ хлѣбъ квасный; но въ концѣ девятаго вѣка введены опрѣсноки. Такъ какъ въ непраздничные дни причащался одинъ Священникъ, и народъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ или не приносилъ хлѣба, или приносилъ неспособный къ Священнодѣйствію, то пріуготовленіе хлѣба и

предоставлено было Священнику и клиру. Поелику же опрѣсноки дѣлать удобнѣе, то и начали употреблять ихъ вмѣсто кваснаго хлѣба, что и принято было въ послѣдствіи всѣми Римскими Церквами.» Платина въ жизнеописаніи Папъ (Historia B. Platinae de vitis Pontificum Romanorum. Colon. Agrip. M. DCXI. p. 17) приписываетъ введеніе опрѣсноковъ Папѣ Александру I-му, преемнику Папы Евариста; но показаніе его не подтверждено никакими достовѣрными свидѣтельствами.

33.) *Для* опроверженія мнѣнія П. Іовія стоитъ только раскрыть извѣстную книгу: *Православное исповѣданіе вѣры*, составленную Кіевскимъ Митрополитомъ Петромъ Могилою, исправленную на соборѣ, бывшемъ въ Молдавіи и одобренную всѣми четырьмя Восточными Патріархами. Вотъ что сказано въ I-й части ея на 65-й вопросъ: что надобно думать о милостыняхъ и благотвореніяхъ, которыя дѣлаются въ пользу умершихъ? «Умирающіе грѣшники непремѣнно ввергаются въ геенну, но сіе состоитъ во власти Божіей, такъ что Богъ можетъ и простить ихъ, т. е. за приношенія и подаянія, дѣлаемыя въ пользу умершихъ. Они не мало полезны и въ тяжкихъ грѣхахъ умершимъ . . . . Посему не престанемъ стараться милостынями и молитвами нашими умилостивлять Того, который имѣетъ власть ввергнуть; но не премѣняемо употребляетъ власть свою, а можетъ даровать и прощеніе.» Въ той же части на вопросъ 66-й: что мы должны думать объ огнѣ чистилищномъ? сказано въ отвѣтъ: «Нигдѣ въ писаніи не упоминается о немъ, т. е., чтобы было временное какое наказаніе, очищающее души по смерти. За сіе особенно мнѣніе Церковь и осудила Оригена на второмъ Константинопольскомъ соборѣ. Притомъ очевидно, что по смерти душа не можетъ принять ни одного Таинства Церковнаго. Если бы она могла что нибудь сдѣлать въ удовлетвореніе за грѣхи свои, то могла бы имѣть часть и въ Таинствѣ покаянія. Но поелику сіе противно православному ученію, то Церковь правильно поступаетъ, что приноситъ за умершихъ безкровную жертву и возсылаетъ къ Богу молитвы объ отпущеніи грѣховъ ихъ. Сами же они не терпятъ никакого наказанія, посредствомъ котораго бы очищались. Что ка-

сается до басенъ тѣхъ людей, которые говорятъ, что души, отшедшія отъ міра безъ раскаянія, наказываются на рожнахъ, въ болотахъ и озерахъ, — Церковь никогда не принимала оныхъ.» Послѣ этого свидѣтельства намъ остается только замѣтить, что и сама Западная Церковь до времени Тридентскаго Собора (1547—1563) не признавала ученія о чистилищѣ въ числѣ догматовъ своей вѣры.

34.) Тутъ должна быть ошибка; ибо по уставу Греческой Церкви, мясоядение равно воспрещается какъ по Средамъ такъ и по Пятницамъ.

35.) Вигиліями называются въ Западной Церкви кануны большихъ праздниковъ.

36.) Праздникъ Трехъ волхвовъ торжествуется Западною Церковію въ день Богоявленія Господня, т. е. 6-го Января.

37.) Великій Князь Василій Іоанновичь родился 25-го Марта 1478 года, а вступилъ на престолъ 27-го Октября 1505 года, слѣдовательно ему было тогда 27 лѣтъ, а не 19, какъ утверждаетъ Авторъ.

38.) Въ подлинникѣ сказано: «Coeterae vero, quae de formae pudicitiaeque et morum dignitate contenderant, saepe eodem die in gratiam Principum, proceribus atque militibus nubunt.

39.) Въ Княженіе Василія Россіяне вовсе не вели войны съ Ливонскимъ орденомъ. Война эта началась и кончилась при отцѣ Василія, Іоаннѣ III. Вотъ что было поводомъ къ оной. Въ 1494 году въ Ревелѣ сожгли всенародно одного Русскаго подданнаго, уличеннаго якобы въ гнусномъ преступленіи; при чемъ нѣкоторые легкомысленные Граждане объявили, что они охотно бы сожгли и Великаго Князя, если бы онъ сдѣлалъ у нихъ то же. Слова эти, доведенныя до свѣденія Іоанна и частыя притѣсненія, чинимыя купцамъ Новгородскимъ отъ жителей Ревеля, до такой епени раздражили Великаго Кня-

зя, что онъ немедленно потребовалъ, дабы Ливонское Правительство выдало ему Магистратъ Ревельскій. Получивъ отказъ, онъ повелѣлъ схватить всѣхъ Ганзейскихъ купцевъ, бывшихъ тогда въ Новѣгородѣ, отнять у нихъ товары и имущество и заключить ихъ самихъ въ оковы. Тщетно Послы Великаго Магистра, семидесяти Ганзейскихъ городовъ и Короля Польскаго молили Іоанна объ освобожденіи несчастныхъ узниковъ. Болѣе года томились они въ темницѣ (гдѣ многіе изъ нихъ умерли) и хотя были наконецъ выпущены, но товаровъ имъ не возвратили. Этотъ поступокъ Іоанна, внушенный ему столько же местію сколько и политикою, потому что онъ видѣлъ въ Ганзейскихъ купцахъ проповѣдниковъ духа мятежа и неповиновенія, возбудилъ противу Великаго Князя Ливонскій орденъ. Магистръ этого ордана, Вальтеръ фонъ Платтенбергъ, мужъ храбрый и благоразумный, воспользовался предложеніями Князя Литовскаго и, заключивъ съ нимъ въ 1501 году тѣсный союзъ, открылъ враждебныя дѣйствія противу Россіи тѣмъ, что захватилъ, ограбилъ и заточилъ въ темницу болѣе 200 нашихъ купцевъ, торговавшихъ въ Дерптѣ. Возгорѣлась жестокая война. Въ первой битвѣ на Сирицѣ Русскіе потерпѣли пораженіе; но потомъ близъ Гельмета разбили воинство Ливонское, ослабленное жестокою повальною болѣзнію. Этимъ однако не кончилась кровопролитіе. Оно продолжалось весь слѣдующій годъ съ равнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ и уже не прежде, какъ въ 1503 году, заключено было между Магистромъ и Іоанномъ перемиріе на шесть лѣтъ. По прошествіи сего срока, въ 1509 году, Василій, преемникъ Іоанна, въ слѣдствіе особенной просьбы Императора Максимиліана, согласился заключить съ Ливоніею мирный договоръ на 14 лѣтъ и освободить Ливонскихъ плѣнниковъ, а въ 1512 году этотъ договоръ былъ возобновленъ еще на 10 лѣтъ (см. Кар. И. Г. Р. Т. VI. стр. 262, 303 и 322 и Т. VII. стр. 25 и 119).

УКАЗАТЕЛЬ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ I-мъ ТОМѢ БИБЛІОТЕКИ ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РОССІИ.

Въ 1-й томъ Библіотеки Иностранныхъ Писателей о Россіи вкралось нѣсколько опечатокъ. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей преимущественно на слѣдующія:

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Читай:*
		I. Барбаро	
59	24	свой (74).	свой.
60	7	(70)	(74)
		А. Контарини	
22	11	1200 всадниковъ	200 всадниковъ
		II. Іовій	
30	17	Въ 60 миляхъ	Въ 600 миляхъ